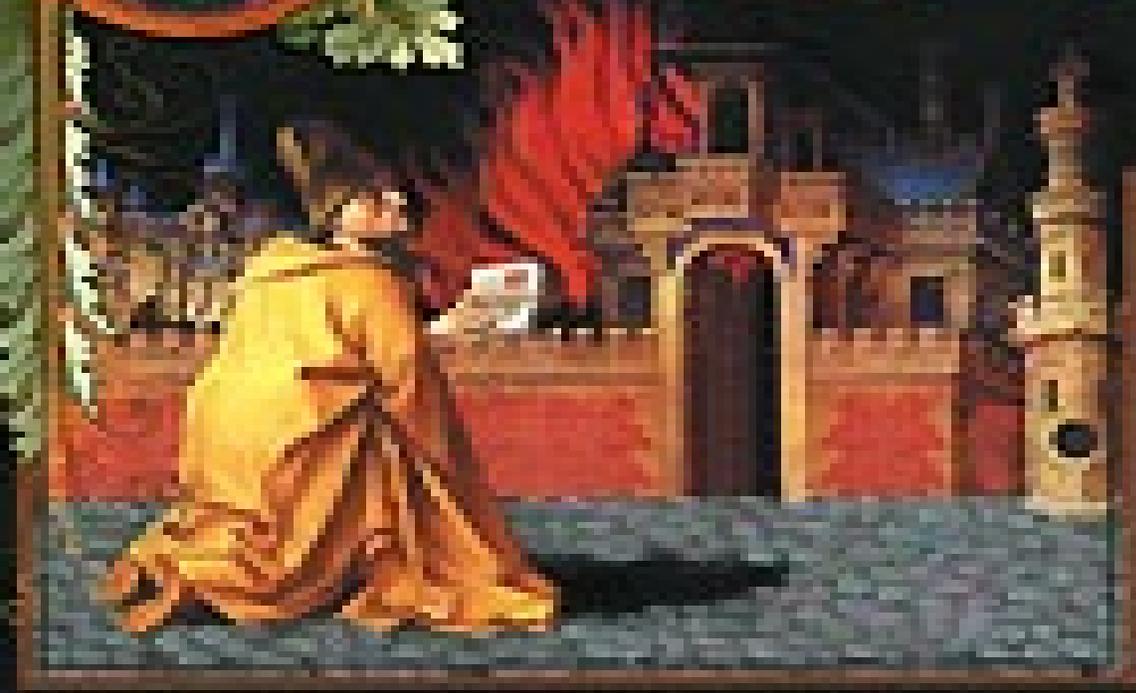

К. Д. Ж. Сэнсон

«Раскрывает Борун, герцога Эрмбурга»

Темный Огонь

«ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ»

К. Дж. Сэнсом

Темный огонь

К. Дж. Сэнсом

1540 год, Англия. Самое страшное оружие на этот момент истории – греческий огонь, обладание которым может решить исход любой военной кампании. Искусство его изготовления хранится в глубокой тайне, и могущественные противоборствующие группировки при дворе короля Генриха VIII пускаются во все тяжкие, чтобы завладеть этим секретом. Одно за другим следует череда преступлений, и горбун лорда Кромвеля Мэтью Щардлейк, вместе со своим помощником Бараком занимающийся их расследованием, постоянно рискует жизнью, невольно становясь на пути у сильных мира сего.

СЕМЕЙСТВО УЭНТВОРТА УОЛБРУКСКОГО В ЛОНДОНЕ

ГЛАВА 1

Выехав поутру из дома на Канцлер-лейн, я направился в Гилдхолл, чтобы обсудить некоторые обстоятельства дела, в котором я был задействован по поручению Городского совета. Несмотря на то что днем мне предстояла встреча с одним человеком и это обстоятельство не оставляло меня ни на минуту в покое, прогулка по Флит-стрит в тот ранний час доставила мне немалое удовольствие. На ясном голубом небосклоне уже показалось пылающее огнем дневное светило, обещая очередной жаркий день. Должен заметить, что столь теплая погода в конце мая нашим краям вовсе не свойственна. Однако, предвкушая ее с самого утра, я под мантию надел лишь легкий дублет. Пока мой старый конь Канцлер трусил по зеленым аллеям с недавно распустившейся листвой, я в очередной раз предался размышлениям, последнее время все чаще занимавшим мой ум. А не оставить ли мне судебную практику и не удалиться ли от городской суеты Лондона на заслуженный отдых? Через два года мне должно стукнуть сорок – весьма солидный возраст для мужчины. Возраст, с которого начинается свой отсчет зрелость. Впрочем, если дела будут идти успешно, оставлять их не будет никакой нужды, и тогда жизнь моя не претерпит особых перемен. За подобными рассуждениями я не заметил, как мы с Канцлером миновали Адмиральский мост со статуями королей Гога и Магога, а впереди замаячила городская стена. Смахнув с себя некоторую расслабленность, я внутренне собрался, готовясь к очередной встрече со свойственными Лондону дурным запахом и шумной суматохой.

В Городском совете у меня состоялся разговор с мэром Холлисом и барристером из муниципалитета. Городской совет проводил судебное разбирательство дела, касающегося одного из особо отличившихся своей алчностью скупщиков земельных угодий, которые в прошлом принадлежали монастырям. Замечу, что в ходе церковных реформ эти божьи обители были закрыты и подверглись повсеместному разрушению. Причем последняя из них была стерта с лица земли совсем недавно, а именно весной 1540 года. Тем редким спекулянтом, о котором ныне шла речь, к моему стыду, оказался представитель школы барристеров, редкий негодяй и мошенник по имени Билкнэп. Завладев небольшим лондонским монастырем, он не спешил подвергнуть его уничтожению, а превратил в своего рода доходный дом, пользовавшийся дурной славой во всей округе. Кроме всего прочего, для своих жильцов он вырыл большую выгребную

яму. Однако сделал это из рук вон плохо, поэтому все близлежащие дома, находившиеся в собственности Городского совета, стали страдать от проникающих в их подвалы зловонных отходов.

В ходе разбирательства данного дела Билкнэп был призван к исполнению предписанных ему законом обязательств. Однако негодяй направил протест в Высокий суд Англии, упирая на неправомерность выдвинутых в его адрес обвинений. Незаконными он считал их лишь на том основании, что, согласно первоначальному церковному уставу, монастырь к ведомству Городского совета не принадлежал. Слушание дела в суде было назначено через неделю. В разговоре с Холлисом я взял на себя смелость предположить, что ответчик, вероятней всего, будет признан виновным. Но также не упустил случая заметить, что этот тип принадлежал к тем ненормальным мошенникам, которые весьма редко попадают на пути защитников закона. Такие, как он, скорее согласятся получить сомнительное удовольствие от пустой траты времени и средств на всякого рода уловки, нежели признать собственное поражение и принять надлежащие меры, как подобает поступить всякому цивилизованному человеку.

Я намеревался вернуться домой той же дорогой через Чипсайд. Однако когда добрался до перекрестка с Лэд-лейн, то обнаружил посреди Вуд-стрит перевернутую телегу, перегородившую всю улицу. Часть груза, который представлял собой медный лом и замшелую черепицу, снятую с крыш монастыря Святого Варфоломея, просыпалась на дорогу, образовав весьма внушительных размеров кучу. Телега была довольно крупная и запряжена парой больших тяжеловозов. И хотя кучер успел одного из них освободить от хомута, второй беспомощно лежал на боку меж оглоблей. Отчаянно колотя огромными копытами по черепице, он превращал ее в столь мелкие осколки, что в воздух вздымались тучи пыли. Охваченный ужасом, конь ржал, блуждая обезумевшим взором по окружавшей его толпе зевак. Я услышал, как кто-то обмолвился, что подобными телегами, но движущимися в обратном направлении, была запряжена дорога вплоть до самого Крипплгейта.

Надо сказать, что подобными сценами в Лондоне уже никого не удивить. Грохот камня при разрушении старых зданий в последнее время стал привычным. Однако пустующей земли в перенаселенном городе образовалось настолько много, что ни придворные, ни прочие падкие до легкой добычи люди, на плечи которых свалилось все это добро, не представляли, как с ним управиться.

Развернув Канцлера, я решил проехать другим путем и направил коня в

сторону ведущего в Чипсайд хитросплетения узких улочек, которые подчас были столь тесными, что по ним с трудом мог проехать всадник, рискуя при этом задеть головой выступающие карнизы домов. Несмотря на ранний час, мастерские уже были открыты, а на улицах толпились люди – ремесленники, уличные торговцы и разносчики воды с оплетенными соломой кувшинами. Надо сказать, данное обстоятельство существенно замедляло мое продвижение вперед. Поскольку на протяжении целого месяца погода стояла засушливая, дождевые бочки опустели, что в свою очередь повысило спрос на привозную воду, а следовательно, и прибыли тех, кто ее доставлял в дома. Я снова вспомнил о предстоявшей мне встрече, мысль о которой терзала меня с самого утра и на которую при данном стечении обстоятельств я, скорее всего, мог опоздать.

Вследствие жаркой погоды сточные воды в канаве издавали столь густое зловоние, что, когда оно ударило мне в нос, я невольно сморщился. Потом откуда ни возьмись появилась свинья, перепачкавшая свое рыло в каком-то непонятном мусоре. Она неожиданно бросилась наперерез моему коню, так что я едва успел отдернуть его в сторону, невольно помянув при этом нечистого. Сорвавшиеся с моих уст проклятия не ускользнули от слуха идущих впереди меня двух молодых подмастерьев в голубых дублетах. Судя по покрасневшимся и несколько припухшим лицам, они возвращались домой с затянувшейся дружеской пирушки. Один из них, коренастый парень с грубыми чертами лица, услышав мои ругательства, обернулся. Его преисполненный презрительной усмешки взгляд заставил меня тотчас прикусить язык и пришпорить коня. Я словно увидел себя его глазами: бледнолицый горбатый служитель закона в черной мантии и с футляром на поясе, в котором хранилось перо вместо меча.

Оказаться на широкой мостовой Чипсайда было воистину большим облегчением. Возле лавок рынка сновали толпы людей. Ютящиеся под яркими навесами торговцы зазывали покупателей, беспрестанно выкрикивая: «Что желаете купить, господа?» Иные спорили с почтенными домохозяйками, которых легко было отличить по белым чепцам. Среди прочих прогуливалась по рынку в сопровождении вооруженной охраны некая знатная дама, белоснежное лицо которой прикрывал от солнечных лучей тряпочный козырек на шляпке.

Проезжая мимо собора Святого Петра, я услышал громкий крик продавца газетных листовок. Тощий парнишка в черном, заляпанном грязью дублете громогласно вещал толпе: «В Уолбруке пойман и доставлен в Ньюгейт детоубийца!» Приблизившись к нему, я остановил коня и протянул юнцу фартинг. Послюнявив палец, тот вытащил очередной листок

и передал мне. Потом поспешно развернулся и, обращаясь к толпе, продолжил на еще более высокой ноте: «Самое страшное преступление года!»

Чтобы прочесть написанное на газетном листе сообщение, я остановился в тенистом местечке возле собора. В его окрестностях по обыкновению собралось множество нищих – как взрослых, так и детей. Прислонившись к стенам храма, тощие оборванцы не стеснялись обнажать свои раны и увечья, взывая к жалости прохожих. Поспешно отворотив взор от их молящих взглядов, я вернулся к чтению газеты. Подгравюрой, изображавшей совершенно безликое, окаймленное беспорядочной гривой волос женское лицо, я прочел:

«В Уолбруке совершено ужасное преступление. Ревнивой кузиной убит ребенок. В прошедший воскресный вечер 16 мая сего года в прекрасном доме сэра Эдвина Уэнтворта Уолбрукского, члена гильдии торговцев шелком и бархатом, на дне глубокого садового колодца со сломанной шеей был найден его сын, мальчик двенадцати лет. По показаниям дочерей сэра Эдвина пятнадцати и шестнадцати лет от роду, его столкнула туда кузина, Элизабет Уэнтворт, сирота, которую сэр Эдвард после смерти ее отца призрел в своем доме из милосердия. Девушка доставлена в Ньюгейт, где должна будет предстать перед судом, назначенным на 29 мая сего года. Она отказывается отвечать на вопросы обвинения, поэтому, вероятней всего, будет подвержена пытке. В случае же признания состава преступления ей предстоит отправиться в Тайборн в ближайший день казни».

Наскоро напечатанная на дешевой бумаге листовка оставила чернильные пятна у меня на пальцах. Засунув ее в карман, я развернулся и направил коня по Патерностер-роу. Происшествие, о котором я узнал из первых рук совсем недавно, ныне стало предметом дешевой шумихи. Виновна девушка или нет, навряд ли можно рассчитывать на беспристрастное отношение к ней со стороны лондонских законников. Нельзя не признать, что повсеместное распространение книгопечатания имело положительные стороны. К примеру, оно позволило нам обрести Библию на английском языке, которая ныне стала достоянием каждой церкви. Между тем у этого новшества была и обратная сторона. На нас посыпались подобные газетные листовки, сулившие немалые доходы их подпольным создателям, равно как и корм палачам. Воистину правы были наши предки, утверждая, что нет ничего прекрасного в подлунном мире, чему бы человек не придал своего извращенного назначения.

Когда мы с Канцлером добрались до дома, солнце стояло уже в зените. Развязав ленту головного убора, я почувствовал, что под ней выступила

испарина. Едва я спешил, как дверь отворилась и на пороге появилась Джоан, моя прислуга, на пухленьком лице которой запечатлелось явно беспокойное выражение.

– Он здесь, – озираясь, шепнула она преисполненным волнения голосом. – Дядя той девушки...

– Знаю.

Не исключено, что, проезжая по улицам Лондона, Джозеф тоже видел листовку, извещавшую об убийстве своего племянника.

– В каком он расположении духа? – осведомился я.

– Весьма мрачном, сэр. Я проводила его в гостиную. И принесла ему бокал пива.

– Спасибо.

Я передал поводья светловолосому худощавому мальчугану, который резво выскочил мне навстречу. Его недавно наняла ко мне на службу Джоан, чтобы он помогал ей в работе по дому. Канцлер к нему еще не привык и потому упрямо топтался на месте, так что однажды едва не наступил парню на босую ногу. Саймон, так звали юнца, отвесил мне поспешный поклон и, ласково разговаривая с конем, повел его в стойло.

– Нельзя ему позволять ходить босиком, – сказал я. – Надо бы приобрести для него башмаки.

– Но он не желает их надевать, сэр, – покачала головой Джоан. – Твердит, что они натирают ему ноги. Я не раз ему говорила, что в порядочном доме положено носить обувь. – Скажите ему, что он получит шесть пенсов, если неделю проходит в башмаках, – произнес я и, вздохнув, добавил: – Ну да ладно. Пора идти. Джозеф, верно, меня заждался.

Джозеф Уэнтворт для своих пятидесяти с небольшим лет был человеком краснощеким и весьма упитанным. На нем был великолепного покроя дублет из шерстяной ткани приятного коричневого оттенка, хотя и слишком теплый для стоявшей на дворе погоды, поэтому неудивительно, что его обладатель чувствовал себя в нем крайне неуютно. Вид Джозефа соответствовал роду его занятий: работяга фермер, владелец небольшого участка неплодородных земель где-то в Эссексе. Двое его младших братьев в свое время отправились искать удачу в Лондон. Он же предпочел остаться в отцовской деревне. Два года назад мне довелось вести дело по защите его фермы от притязаний одного крупного землевладельца, вознамерившегося превратить ее в пастбища для своих овец. Джозеф пришелся мне весьма по душе, поэтому, когда несколько дней назад я получил от него письмо, сердце мое сжалось от боли. Меня подмывало сказать ему честно, что вряд ли мне удастся помочь в интересующем его вопросе. Однако тон послания

был крайне отчаянным, поэтому отказать сразу я просто не решился.

Когда он увидел меня, его лицо тотчас прояснилось. Он поспешно подошел ко мне и горячо пожал руку.

– Добрый день, сэр Шардлейк! Рад вас видеть! Надеюсь, вы получили мое письмо?

– Да, получил. Скажите, вы остановились в Лондоне?

– Да, в небольшой гостинице в Куинхите. Мой брат отказал мне в ночлеге, потому что я встал на защиту племянницы. – Его карие глаза горели отчаянием. – Вы должны мне помочь, сэр. Очень вас об этом прошу. Вы должны помочь Элизабет.

Я решил, что не стоит ходить вокруг да около, и сразу достал из кармана листовку, купленную у мальчишки-газетчика в Лондоне.

– Читали это, Джозеф? – протянув ее своему гостю, осведомился я.

– Да, – ответил он, проведя пятерней по черным кудрявым волосам. – И как только совесть позволяет им говорить подобные вещи? Разве она не считается невиновной, пока не доказана ее вина?

– По закону считается. Но на практике зачастую происходит совсем иначе.

Он достал из кармана искусно вышитый носовой платок и вытер им лоб.

– Я навещал Элизабет в Ньюгейте сегодня утром. О господи, до чего же жуткое место! Она по-прежнему отказывается говорить. – Он провел рукой по круглой, плохо выбритой щеке. – Но почему? Почему она отказывается говорить? Ведь это ее единственная возможность спасти себе жизнь! – Он бросил на меня умоляющий взор, будто я знал правильный ответ.

– Погодите, Джозеф, – предупредительно подняв руку, остановил его я. – Давайте-ка лучше присядем. И начнем с самого начала. Я знаю только то, что вы написали мне в письме. А значит, не намного больше того, что изложено в этой листовке.

Он с виноватым видом потянулся к стулу.

– Прошу прощения, сэр. Я не слишком хорошо владею пером.

– Итак, насколько я понимаю, один из ваших братьев является отцом погибшего при странных обстоятельствах мальчика. Правильно я говорю? А второй, добрая ему память, был отцом Элизабет?

Джозеф молча кивнул, делая усилие, чтобы взять себя в руки. – Да, мой брат Питер был отцом Элизабет. Еще мальчишкой он уехал в Лондон, где работал подмастерьем в красильной мастерской. В общем, дела у него шли не так уж плохо, пока Франция не наложила запрет на вывоз своего товара. Словом, за последнее время торговля буквально сошла на нет.

Я кивнул. В самом деле, с тех пор как Англия разорвала отношения с Римом, Франция наложила запрет на торговлю квасцами, которые играли существенную роль в красильном деле. Не зря у нас в стране ходили слухи, будто даже сам король был принужден носить черные чулки.

– Жена Питера умерла два года назад, – продолжал Джозеф. – Когда прошлой осенью на Питера напала кровавая чума, денег хватило только на то, чтобы оплатить похороны. И ничего не осталось для Элизабет.

– У них в семье она была единственным ребенком?

– Да. Она хотела жить со мной, но я думал, что ей будет лучше с Эдвином. Я привык к холостяцкой жизни. Вы же знаете, что у меня никогда не было жены. К тому же у Эдвина были деньги и дворянский титул. – В его голос закралась крупица горечи.

– И ко всему прочему, как следует из этого газетного сообщения, он торгует шелком и бархатом.

Джозеф кивнул:

– У Эдвина умная голова. Будто специально созданная для такого дела. Когда он еще мальчишкой вслед за Питером отправился в Лондон, то напрямик направился в мануфактуру. Он нутром чуял, где можно было получить наибольшую прибыль. Теперь у него великолепный дом неподалеку от Уолбрука. Честно говоря, Эдвин сам предложил взять к себе Элизабет. К тому времени он уже дал пристанище нашей матери. Она уехала с фермы десять лет назад. Вскоре после того, как перенесла оспу и потеряла зрение. Эдвин всегда был ее любимцем. – Его лицо чуть тронула кривая улыбка. – Три года назад у него умерла жена, и делами в доме начала заправлять наша мать. Надо сказать, что, несмотря на свои семьдесят четыре года и полную слепоту, она тем не менее умудряется держать всех в ежовых рукавицах.

Я заметил, что он вертит в руке носовой платок с таким усилием, что вышивка на его концах стала рваться.

– Выходит, Эдвин вдовец?

– Да. И отец троих детей. Сабины, Эйвис и Ральфа.

– Как следует из газетного листка, обе девочки уже достигли подросткового возраста. Значит, они были старше своего брата.

– Да, обе светловолосые, хорошенькие. Кожа у них такая нежная. Словом, они целиком пошли в свою мать. Только и делают, что болтают о моде, о кавалерах, о танцах и всяких прочих девичьих пустяках. По крайней мере, до последней недели все было именно так.

– А как выглядел Ральф? На кого он был похож? Джозеф снова стал терзать в руках носовой платок.

– Он был целиком и полностью порождением своего отца. Эдвин всегда хотел видеть в нем продолжателя своего дела. До Сабина жена родила ему трех сыновей, но ни один из них не дожил до годовалого возраста. Потом на свет появились две дочери, и лишь за ними – сын. Бедняга Эдвин был без ума от счастья. Может, поэтому он так его избаловал.

Джозеф запнулся.

– Почему вы так считаете?

– Ральф был сущим чертенком. Вечно придумывал какие-нибудь хитрости. Бедная мать была не в силах с ним справиться. – Он закусил губу. – Тем не менее смех у него был жизнерадостный. Помнится, в прошлом году я привез ему шахматы, и они ему так пришлись по вкусу, что он быстро выучился в них играть. И даже вскоре победил меня.

В тоне его голоса я ощутил, что Джозеф глубоко переживает одиночество, в которое поверг его разрыв с родственниками. Должно быть, нелегко ему дался этот шаг.

– Как вы узнали о смерти Ральфа? – тихо осведомился я.

– Я получил письмо от Эдвина. Он послал его скорым гонцом на следующий день после трагического происшествия. Просил меня приехать в Лондон. Ему нужно было опознать тело Ральфа, но в одиночку он этого сделать не мог.

– И вы поехали в Лондон? Это было неделю назад?

– Да. Мы совершили опознание тела. Это было ужасно. Бедный Ральф лежал на грязном столе в своем маленьком дублете. В лице не было ни кровинки. Бедный Эдвин не выдержал и заплакал. Я никогда не видел, чтобы он прежде себе это позволял. Он рыдал у меня на плече, приговаривая: «Мой мальчик, мой маленький мальчик. Чертова ведьма!»

– Очевидно, имея в виду Элизабет? Джозеф кивнул:

– Потом мы предстали перед лицом закона, чтобы дать свидетельские показания. Слушание дела было недолгим. Я даже был удивлен, что все так быстро закончилось.

– Да, – кивнул ему в ответ я. – Гринуэй не любит долго церемониться. Кто именно давал свидетельские показания?

– Прежде всего, Сабина и Эйвис. До чего же странно было видеть их там. До сих пор не пойму, как им удавалось сохранять спокойствие и самообладание. Мне казалось, что обе бедняжки будут трепетать от постигшего их семью ужаса. Они поведали суду о том, что в роковое утро занимались рукоделием в доме. А Элизабет сидела под деревом у садового колодца и что-то читала. Они видели ее через окно в гостиной. Равно как видели то, что к ней подошел Ральф и о чем-то с ней заговорил. Потом они

услышали крик. Страшный, удаляющийся крик. Они оторвались от работы и обнаружили, что Ральф куда-то исчез.

– Исчез?

– Да, исчез. Они сразу выбежали в сад. Элизабет стояла на краю колодца. Лицо ее было искажено таким гневом, что девочки поначалу боялись к ней приблизиться. Меж тем Сабина все же осмелилась спросить, что произошло. Но Элизабет ей ничего не ответила. И вообще с тех пор больше не вымолвила ни слова. Сабина рассказала, что они взглянули на дно колодца, но ничего не смогли разглядеть, ибо он был слишком глубоким.

– Это был действующий колодец?

– Нет. Из-за поступающих на протяжении многих лет нечистот грунтовые воды в Уолбруке стали грязными и непригодными к употреблению. К тому же Эдвин вскоре после того, как купил этот дом, провел к нему под землей трубу для подачи воды. Это было как раз в тот год, когда король женился на Анне Болейн.

– Должно быть, данное новшество вылилось ему в весьма кругленькую сумму.

– Эдвин – человек состоятельный. Однако ему все же следовало чем-нибудь заколотить колодец сверху. – Он потряс головой. – Давно надобно было это сделать.

Я живо представил картину падения в темный колодец, дикий крик ребенка, отзывающийся эхом от его сырых каменных стенок. И несмотря на жаркий день, меня бросило в дрожь.

– Что девочки рассказывали еще? – Эйвис побежала в дом дворецкого, Нидлера. Он принес веревку и спустился на дно колодца. Ральф лежал со сломанной шеей. Его бедное тельце было еще теплым. Нидлер его вытащил наружу.

– А сам управляющий давал свидетельские показания?

– О да. Дэвид Нидлер тоже предстал перед судьями. – Джозеф почему-то нахмурился.

– Этот человек вам несимпатичен? – мельком взглянув на него, спросил я.

– Весьма наглый тип. Вечно глумливо на меня смотрит. Косится всякий раз, когда я навещаю свою родню.

– Выходит, согласно показаниям девочек, ни одна из них не видела, что на самом деле произошло?

– Нет. Они оторвались от своего занятия лишь после того, как услышали крик. Элизабет часто сидела в саду одна. Ее отношения с

остальными членами семейства не сложились с самого начала. Особую неприязнь она питала к Ральфу.

– Ясно. – Я прищурил один глаз. – А что из себя представляет Элизабет?

Откинувшись на спинку стула, он положил смятый носовой платок себе на колени.

– В некотором роде она похожа на Ральфа. Такие же темные волосы и глаза, как у прочих представителей нашей ветви семейства. Помимо этого, она унаследовала у нас еще одну характерную черту – делать все по-своему. Родители потворствовали ее прихотям, ибо она у них была единственным ребенком в семье. Она могла быть дерзкой. Могла выдвигать свои требования тоном, который не подобает иметь молодой девушке. И вместо того чтобы разделять заботы своих сверстниц, предпочитала изучать книги. Кроме того, она неплохо играла на спинете и обожала вышивать. Она еще молода, сэр, очень молода. И, уверяю вас, у нее доброе сердце. Она всегда выручала всех уличных котов и собак.

– Понятно.

– Однако нужно признать, что после смерти Питера она изменилась. И неудивительно. Сначала у нее умерла мать, потом отец. Затем продали их дом. Она замкнулась в себе, сэр. Перестала быть приветливой и разговорчивой девушкой, которую я некогда знал. Когда после похорон Питера я сказал ей, что для нее будет лучше, если она переедет к Эдвину, а не ко мне, сначала она метнула в меня исполненный невыразимого гнева взгляд. А потом отвернулась и больше не обронила ни слова.

Воспоминания, очевидно, растрогали моего гостя, ибо в уголках его глаз я заметил навернувшиеся слезы, которые он попытался подавить.

– И когда она переехала к Эдвину, отношения с членами его семьи, насколько я понимаю, сложились не лучшим образом?

– Да. После смерти ее отца я навещал их несколько раз. Поверьте, сэр, я проявлял искреннюю заботу об Элизабет. И всякий раз, когда я там появлялся, Эдвин с моей матерью заявляли мне, что общаться с ней становится все труднее и труднее. Говорили, что подчас она бывает просто невыносимой.

– В каком смысле?

– Отказывается со всеми разговаривать. Часами не покидает своей комнаты. Отказывается от еды. Даже не заботится о том, чтобы поддерживать в чистоте и порядке свою одежду. Если кто-нибудь пытается ей сказать слово в упрек, она либо молчит, либо впадает в истерику, требуя оставить ее в покое.

– Значит, со своими двоюродными сестрами и братом она тоже не слишком ладила?

– Думаю, что Сабина и Эйвис в ее присутствии чувствовали себя несколько неловко. Они говорили следователю, что пытались заинтересовать ее своими девичьими увлечениями, но Элизабет всякий раз указывала им на дверь. Ей уже восемнадцать, сэр. Она несколько старше, чем они. Тем не менее все они еще девчонки. Дети Эдвина вхожи в высокие круги общества. И могли бы многому научить Элизабет. – Он снова закусил губу. – Я так надеялся, что она сумеет устроить свое будущее. И вот к чему это привело.

– А почему вы считаете, что более других она невзлюбила Ральфа?

– Как раз это мне и непонятно. Эдвин как-то обмолвился, что стоило Ральфу приблизиться к ней, как она метала на него такой взгляд, что любого на его месте мог бы пробрать тихий ужас. Я имел возможность убедиться в том собственными глазами, когда гостевал у них в нынешнем феврале. Это случилось за столом во время обеда, на котором присутствовали все домочадцы. Неприятный выдался тогда вечер, сэр. Мы ели жареное мясо, брату оно весьма пришлось по вкусу, а вот Элизабет, по всей видимости, нет. Во всяком случае, сидя за столом, она играла со своим куском на тарелке. Моя мать сделала ей строгое замечание, но та не приняла его к сведению. Потом к ней довольно мирно обратился Ральф, спросив, нравится ли ей красное мясо. Она внезапно побледнела и, положив нож, смерила его таким злобным взглядом, что я даже заподозрил...

– Да.

– Я заподозрил, что у нее не все в порядке с головой.

– Не знаете ли вы какой-нибудь причины, из-за которой Элизабет могла бы питать ненависть к этой семье?

– Нет. Эдвин сам был озадачен. Не мог понять, что с ней происходит с тех самых пор, как она перебралась в их дом.

Меня интересовало, не было ли в доме сэра Эдвина какой-нибудь тайны. Каких-нибудь известных Джозефу обстоятельств, о которых он знал, но не говорил, – тех, которые зачастую являются обычным делом в семье. Хотя мне казалось, что он был со мной вполне откровенным.

– После того как нашли тело, – продолжал он, – Дэвид Нидлер запер Элизабет в ее комнате и послал письмо Эдвину. Брат примчался домой на лошади и бросился к комнате Элизабет. Но она наотрез отказалась отвечать на его вопросы. Тогда он вызвал констебля. – Джозеф развел руками. – Что еще ему оставалось делать? Он беспокоился за безопасность дочерей и

своей престарелой матери.

– А как проходил допрос? Неужели Элизабет так ничего и не сказала? Ни единого слова?

– Нет. Следователь предупредил, что ее показания являются единственной возможностью себя защитить, тем не менее она продолжала сидеть, тупо взирая на него своим холодным пустым взглядом. Это привело его в сущее бешенство. И судей тоже. – Джозеф вздохнул. – Суд признал, что Ральфа убила Элизабет Уэнтворт, и ее приказали отправить в Ньюгейт. Там ей предстоит выслушать свой смертный приговор. За проявленную по отношению к судьям дерзость он распорядился поместить ее в Яму. А потом...

– Да?

– Потом Элизабет обернулась и посмотрела на меня. Всего на секунду. Сколько горечи и отчаяния было в этом взгляде, сэр. Ни капли гнева, одна лишь горечь. – Джозеф снова закусил губу. – В старые добрые времена она меня любила. Обожала гостить у меня на ферме. Братья считали меня деревенщиной, а Элизабет любила нашу ферму. Как только приезжала к нам, сразу бросалась навещать животных. – Он грустно улыбнулся. – Совсем маленькой она пыталась заигрывать с овцами и свиньями, как это делала со своими котятами и щенками. И очень удивлялась, когда они не отвечали ей взаимностью. – Он начал расправлять свой носовой платок. – Вот это она вышила для меня. Два года назад. Во что я только сейчас его превратил! Когда я навещал ее в этом ужасном месте, где она находится ныне, то пришел в ужас. Вся в грязи, она лежит, не вставая. Как будто смирилась с судьбой и ждет смерти. Я умолял ее со мной поговорить, но она смотрит сквозь меня, будто никого перед собой не видит. А суд назначен на эту субботу. Осталось всего пять дней. – Голос его оборвался и перешел в шепот. – Подчас я думаю, что она ненормальная.

– Погодите, Джозеф. Пока нет никаких оснований так думать.

Он поднял на меня умоляющий взор.

– Вы сможете ей помочь, сэр Шардлейк? Сможете ее спасти? Вы моя последняя надежда.

С минуту я молчал, тщательно подбирая в уме слова.

– Против нее выдвинуты слишком серьезные обвинения. Их достаточно, чтобы признать ее виновной. Если Элизабет ничего не скажет в свою защиту... – Я запнулся, после чего добавил: – А вы уверены, что она невиновна?

– Да, – не задумываясь ответил он, стукнув кулаком себя в грудь. – Я чувствую это сердцем. Она всегда была доброй душой. Единственной из

всех представителей нашей семьи, у которой я встретил истинную доброту. Даже если предположить, что она не вполне здорова рассудком. Господь свидетель, это вполне может быть. Тем не менее я не могу поверить, что она способна убить двенадцатилетнего мальчика.

Я сделал глубокий вдох.

– Когда она предстанет перед судом, ее спросят, признает ли она себя виновной или нет. Если она ответит отрицательно, то по закону пытки к ней будет применяться нельзя. Однако будет гораздо хуже, если она вовсе откажется говорить.

– Знаю, – кивнул Джозеф.

– В таком случае ее подвергнут так называемому *reine forte et dure*^[1]. При этой пытке люди испытывают сильные и острые боли. Сначала ее, закованную в цепи, бросают в темницу Ньюгейта. Потом под спину подставляют острый камень, а на грудь водружают доску, поверх которой будут класть груз.

– Если б она только заговорила... – Исторгнув стон, Джозеф закрыл лицо руками.

Но несмотря на его отчаяние, я продолжал. Он должен был знать, что предстоит вынести его племяннице.

– Еды и воды ей будут давать очень мало. А груз класть поверх доски с каждым днем все больший. И так будет до тех пор, пока она не заговорит или не умрет от удушья под действием давящего на нее пресса. В конце концов наступит миг, когда ее позвоночник сломается. – Я остановился. – Некоторые смелые личности отказываются отвечать на выдвинутые в их адрес обвинения и позволяют замучить себя до смерти. Дело в том, что, пока их вина не доказана, государство не имеет права присвоить себе их собственность. Есть ли у Элизабет какая-нибудь собственность?

– Никакой. Вырученных за продажу дома средств хватило лишь на то, чтобы покрыть долги Питера. После этого остались гроши, и те все пошли на его похороны.

– Послушайте, Джозеф. А что, если она и впрямь совершила это ужасное злодеяние, к примеру, в приступе беспамятства. А ныне чувствует себя такой виноватой, что хочет умереть среди мрака темницы. Об этом вы никогда не думали?

Он покачал головой.

– Нет. Я не могу в это поверить. Просто не могу поверить.

– Вы знаете, что при разбирательстве дел осужденных преступников не дозволено проводить коллегиальное судейство?

Он мрачно кивнул:

– Причина заключается в том, что улики, необходимые для вынесения обвинительного приговора, являются столь непроверяемыми, что никакого совета не требуется. Боюсь, это сущая чепуха, ибо дела обыкновенно рассматриваются чрезвычайно поспешно. А решение судей являет собой не более чем обыкновенное предпочтение того или иного мнения. Зачастую они милуют осужденных лишь на том основании, что большинство служителей закона предпочитают лишний раз не отправлять людей на виселицу. Но в данном случае, – я бросил взгляд на лежавший на столе злосчастный газетный лист, – речь идет о детоубийце. Поэтому их симпатии будут на другой стороне. Ее единственная надежда – согласиться на защиту и рассказать мне все, что произошло. И если она в самом деле действовала в приступе помешательства, я мог бы сослаться на ее невменяемость и просить суд о помиловании. Это спасло бы ей жизнь. Ее отправили бы в сумасшедший дом. А у нас появилась бы возможность ходатайствовать за нее у короля.

Я понимал, что это потребует значительной суммы денег, гораздо больше той, которой располагал Джозеф.

Он поднял на меня глаза, и впервые за время нашего разговора я заметил искру надежды в его взгляде. Я понял, что слова «просить суд о помиловании» сказал, не подумав, и тем самым невольно выразил свое согласие взяться за это дело.

– Но если она будет молчать, – продолжил я, – ей никто не сможет помочь.

Он подался вперед и горячо сжал мою руку своими влажными ладонями.

– О, благодарю вас, сэръ Шардлейк. От всей души благодарю. Уверен, вы спасете ее.

– Однако у меня такой уверенности отнюдь нет, – резко произнес я, после чего добавил: – Но я попытаюсь.

– Я вам за все заплачу. У меня не так много средств, но я вам заплачу за труды.

– Я должен поехать в Ньюгейт и встретиться с ней. Осталось всего пять дней. Нужно увидеть ее как можно скорее. Но меня держит одно дело в Линкольнс-Инне. Боюсь, я смогу завтра освободиться только к вечеру. Давайте для начала встретимся с вами в таверне «Метла». Той, что находится по соседству с Ньюгейтом. В девять часов вас устроит?

– Да, да. – Он встал и, засунув носовой платок в карман, пожал мне руку. – Вы хороший человек, сэръ. Божий человек.

«Скорее, ненормальный и бесхребетный», – заметил я про себя.

Тем не менее лестные слова Джозефа меня глубоко тронули. Я знал, что все члены его семейства были убежденными реформаторами, и услышать подобные заверения из их уст можно было крайне редко.

– Моя мать и брат убеждены в ее виновности. Они пришли в ярость, когда я сказал, что хочу ей помочь. Но я должен узнать правду. Во время дознания я обратил внимание на одно весьма странное обстоятельство. Нас с Эдвином оно просто поразило...

– Что именно?

– Мы увидели тело мальчика спустя всего два дня с того времени, как он умер. Хотя весна в этом году выдалась теплой, трупы хранятся в глубоком подвале, где достаточно холодно. Бедняжка Ральф находился там в своей одежде. Тем не менее от него невообразимо разило воню. Смердело так, как от отрубленной коровьей головы на скотобойне в жаркое лето. От этого запаха мне даже стало дурно. И следовательно тоже. Я думал, что Эдвин лишится чувств. Что это может значить, сэр? До сих пор не могу решить эту загадку. Что бы это могло означать?

– Друг мой, мы не можем понять сути половины окружающих нас вещей. Хотя подчас они ровным счетом ничего не значат.

Джозеф покачал головой.

– Однако Господь желает, чтобы мы искали истину. Он дает нам ключи. К тому же, сэр, если это дело не будет решено и Элизабет умрет, истинный убийца, кто бы он ни был, останется на свободе.

ГЛАВА 2

На следующее утро я снова направился в Сити. День, как и прежде, выдался жарким, и отражавшиеся от ромбоидальных окон домов яркие солнечные блики слепили мне глаза.

У позорного столба возле Королевского штандарта стоял мужчина средних лет в хлопковом колпаке на голове и буханкой хлеба на шее. Как явствовало из надписи, он был булочником, который продал с недовеском хлеб. Его одежда носила на себе следы гнилых фруктов, однако большинство прохожих не обращали на него никакого внимания. Самым ужасным в этом наказании, пожалуй, было уничижение. Однако так я думал, пока не бросил на мужчину взгляд и не обнаружил, что каждое его движение вызывало гримасу боли на лице несчастного. Долго находиться со связанными руками и ногами и склоненной вперед головой было весьма нелегко. Представив себя на его месте, я содрогнулся, едва ли не физически ощутив ту боль, которая могла бы при этом пронзить мою спину. Кстати говоря, благодаря Гаю в последнее время она беспокоила меня гораздо меньше. У Гая была небольшая аптекарская лавка в узком переулке сразу за Олд-Бардж. Лавка находилась в огромном старинном здании, некогда весьма величественном. Ныне оно выглядело весьма обветшавшим и являло собой не более чем сдающееся в аренду дешевое жилье. По полуразрушенной зубчатой стене буйствовал плющ, а на ее гребне свили себе гнезда грачи. Я направился в сторону переулка, предвкушая встречу со спасительной тенью.

Когда я остановил коня напротив лавки Гая, у меня появилось неприятное чувство, что за мной кто-то наблюдает. Улица пребывала в тишине, большинство лавок из-за раннего часа были закрыты. Спешившись, я привязал коня к перилам, пытаюсь ничем не выдать своего беспокойства. Все органы чувств у меня были напряжены, я пытался прислушаться к тому, что делалось у меня за спиной. Внезапно я резко обернулся и быстро окинул взглядом переулок.

Однако успел лишь выхватить взглядом некое движение на верхнем этаже Олд-Бардж, прежде чем закрывшиеся ставни поглотили собой того, кто питал ко мне некий нездоровый интерес. На какой-то миг мне стало не по себе. Потрясенный неожиданным поворотом событий, я на мгновение замешкался, но вскоре ко мне вернулось присутствие духа, и я направился в лавку.

На вывеске над дверью значилось одно имя: «Гай Малтон». Окна были уставлены лишь стеклянными флаконами с аккуратными наклейками, в отличие от прочих аптекарей, питавших пристрастие выставлять на витринах своих заведений чучела аллигаторов и прочих устрашающих диких животных. Постучав в дверь, я вошел. Как обычно, внутри царил образцовый порядок и чистота, различные снадобья и травы хранились в банках, ровными рядами выстроившихся на полках. Ударивший мне в нос мускусный запах тотчас возродил в памяти вид рабочей комнаты брата Гая в монастыре в Скарнси. А длинная аптекарская одежда темно-зеленого цвета при мрачном освещении казалась почти черной, так что во мраке комнаты ее можно было принять за сутану. Брат Гай сидел за столом. Насупленное лицо выдавало глубокое сосредоточение. Особенно, когда он доставал из банки примочку, чтобы наложить ее на обожженную руку сидевшего перед ним коренастого, с угловатым лицом молодого человека. Я почувствовал аромат лаванды. Подняв на меня глаза, Гай улыбнулся, внезапно обнажив свои белоснежные зубы.

– Одну минуту, Мэтью, – произнес он со свойственным ему шепелявым акцентом.

– Прошу меня простить, что я явился несколько раньше, чем обещал.

– Ничего страшного. Я уже почти закончил.

Кивнув, я опустил на стул и взглянул на висевший на стене схематический рисунок. Посреди концентрических кругов был изображен обнаженный человек. Он олицетворял собой связь людей с Творцом посредством различных природных стихий. И напоминал некую жертву, приколотую к арочной мишени. Внизу для каждого из четырех природных элементов значился соответствующий тип человеческого характера: земля – меланхолики, вода – флегматики, воздух – сангвиники, огонь – холерики.

Наконец молодой человек издал вздох облегчения и поднял взор на Гая.

– Клянусь именем Иисуса, мне уже стало легче.

– Вот и хорошо. Лаванда обладает охлаждающим и смягчающим свойством. Она оттянет жар из руки. Я дам вам с собой флакон этого средства. Вы будете прикладывать его четыре раза в день.

Юноша с любопытством глядел на темное лицо Гая.

– Прежде я никогда не слышал о таком целительном зелье, сэр. Уж не в тех ли краях оно произрастает, из которых вы к нам приехали? Не иначе как там все только и делают, что сгорают на солнце.

– О да, господин Петтит, – серьезным тоном ответил Гай. – Если бы мы не носили на себе лавандовые примочки, мы бы все сгорали и сморщивались. Нам даже приходится укутывать ими пальмовые деревья.

Юный пациент бросил на него острый взгляд, очевидно заподозрив в словах Гая насмешку. Я заметил, что большие угловатые руки молодого человека испещрены бледными рубцами. Гай встал и с улыбкой протянул флакон.

– Помните, – предупредительно подняв палец вверх, произнес он, – четыре раза в день. И еще прикладывайте его к ране на ноге, которой вы обязаны вашему худо-лекарю.

– Да, сэр. – Молодой человек встал. – Я чувствую, что жар уже уходит. Последнюю неделю рана адски горела даже от прикосновения ткани рукава. Весьма вам благодарен, сэр.

Достав из-за пояса кошелек, молодой человек протянул аптекарю четыре пенса серебром, после чего вышел из лавки. Когда он скрылся за дверью, Гай обернулся ко мне и, слегка усмехнувшись, произнес:

– Прежде, когда люди отпускали в разговоре со мной подобные замечания, я обычно говорил им, что мы в Гранаде производим собственный снег. Теперь же я с ними соглашаюсь. Надо сказать, что они до конца никогда не уверены, шучу я или нет. Так или иначе, но это помогает им обо мне помнить. По крайней мере, этот парень расскажет обо мне своим друзьям в Лотбери.

– Он литейщик?

– Да, сэр Петтит только что прошел курс обучения. Весьма серьезный молодой человек. Он пролил раскаленный свинец на руку. Но будем надеяться, что это старое доброе средство поможет ему.

– Вам приходится постигать азы предпринимательства, – с улыбкой заметил я, – превращать особенности своей внешности в преимущества.

Аптекарь Гай Малтон, в прошлом брат Гай Малтон, после падения Гранады вместе со своими родителями, людьми мавританского происхождения, бежал из Испании. Врачебное образование он получил в Лувейне. Мы с ним подружились в монастыре в Скарнси во время моей миссии, имевшей место три года назад. В те трудные времена он оказал мне неоценимую поддержку и помощь. Поэтому после того, как монастырь был уничтожен, я со своей стороны приложил все старания, чтобы помочь брату Гаю обрести лекарскую практику в Лондоне. Ввиду темного цвета его кожи и папистского прошлого коллегия докторов отказалась принять его в свои члены. Зато с помощью небольшой взятки мне удалось определить его в гильдию аптекарей, и за небольшое время Гай сумел неплохо развернуться на этом поприще.

– Сэр Петтит прежде обратился к профессиональному лекарю, – покачал головой Гай. – Тот наложил ему на ногу шов, чтобы оттянуть боль

из руки. А когда рана на ноге начала воспаляться, убедил парня в том, что это хороший признак. Дескать, его задумка начала работать.

Гай снял с себя аптекарский колпак, выпустив на волю густую гриву кудрявых волос, которые некогда были черными, а теперь почти полностью побелели. Было несколько странно видеть его в таком виде. Он внимательно оглядел меня своим острым взглядом, потом спросил:

– Как вы себя чувствовали в этот последний месяц, Мэтью?

– Лучше. Делаю упражнения два раза в день, как прилежный ученик. Спина беспокоит меня гораздо меньше. При условии, что я не поднимаю тяжестей. Как, например, случилось в гостинице Линкольна, когда мне пришлось ворошить кипы различных бумаг, которые скопились в моей комнате.

– Надо было поручить эту работу своему клерку. – Джон Скелли имеет свойство производить такой беспорядок, что после него ничего невозможно найти. Уникальный экземпляр в своем роде, прямо вам скажу.

– Вы мне позволите взглянуть на вашу спину? – улыбнувшись, спросил Гай.

Он встал, зажег свечу, от которой по комнате растекся сладостный аромат, и закрыл ставни на окнах. Тем временем я снял рубашку и дублет. Гай был единственным человеком, которому я позволял смотреть на свою изуродованную спину. Он велел мне встать, распрямил плечи и предплечья, затем сам зашел сзади и начал аккуратно обследовать рукой мышцы.

– Хорошо, – наконец заключил он. – Неподвижная область значительно уменьшилась, стала совсем небольшой. Можете одеваться. Продолжайте делать упражнения. Как приятно иметь дело с добросовестным пациентом.

– Мне бы очень не хотелось возвращаться к своему прошлому. К тем дням, когда боль с каждым днем все более усиливалась.

Он окинул меня свойственным только ему пронизательным взглядом.

– Вас по-прежнему одолевает меланхолия? По крайней мере, я вижу ее признаки у вас на лице.

– Ничего не поделаешь, Гай. Я меланхолик по природе. – Взглядом я указал на схематическое изображение на стене. – Все сущее на земле являет собой соединение четырех основных элементов. Мне же кажется, что у меня наличествует слишком много каждого из них. Я стал средоточием той области, где все они вышли из равновесия.

Гай склонил набок свою темную голову.

– Нет ничего в этом подлунном мире, сэр, что невозможно было бы изменить.

Я покачал головой.

– Теперь я проявляю все меньший и меньший интерес к вопросам политики и законопорядка. Несмотря на то, что некогда они занимали основное место в моей жизни. Но после Скарнси все переменялось.

– Ужасное было время. Вы не тоскуете по тем временам, когда были приближены к власти? – Он слегка поколебался, прежде чем добавить: – К лорду Кромвеллю?

Я отрицательно замотал головой.

– Нет, я мечтаю о тихой жизни. Где-нибудь вдали от городской суеты. Скажем, вблизи фермы моего отца. Кто знает, может, я смогу снова вернуться к живописи.

– Вопрос в том, придется ли вам такая жизнь по душе, мой друг. Не наскучит ли она вскоре? И не станет ли тосковать ваш острый ум по нераскрытым преступлениям и нерешенным загадкам?

– В былые времена, возможно, так и было бы. Но теперь Лондон, – я вновь покачал головой, – кишит фанатиками и плутами. Я сыт по горло и теми и другими.

– Ну да, – понимающе кивнул он. – Судебные дела на религиозной почве с каждым годом обретают все больший размах и ожесточенность. Как вы, должно быть, понимаете, я никому не рассказываю о своем прошлом. Веду себя как мышка: тихо и скромно. Дабы не бросаться никому в глаза. Как говорится, хочешь остаться цел – не высовывайся.

– От некоторых из этих дел я просто теряю всяческое терпение. Подчас мне кажется, что, кроме веры в Христа, все остальное не имеет никакого значения. И являет собой не более чем хитросплетения пустых и ничего не значащих слов.

Он криво ухмыльнулся.

– Когда-то вы совсем не так рассуждали.

– Верно. Подчас случалось, что меня даже покидала истинная вера и я считал человека грешным и падшим созданием. – Я слегка усмехнулся. – И это убеждение было тем единственным, во что я мог искренне верить.

Я достал из кармана мятую пасквильную листовку и положил ее на стол.

– Взгляните. Дядя этой девушки был некогда моим подзащитным. Теперь он хочет, чтобы я помог его племяннице. Суд состоится в субботу. Вот почему мне пришлось прийти к вам раньше. В девять у меня назначена с ним встреча в Ньюгейте.

Я рассказал о состоявшемся накануне разговоре с Джозефом. Строго говоря, мне полагалось хранить его в тайне, но я знал, что на Гая можно положиться: он не расскажет о нем ни одной живой душе.

– Она совсем ничего не говорит? – почесывая подбородок, переспросил он, когда я закончил свою речь.

– Ни единого слова, – подтвердил я. – Думаете, она сильно испугалась, когда узнала, что ее подвергнут пыткам? Не тут-то было. Это заставляет меня подозревать, что у нее не все в порядке с рассудком. – Я бросил на Гая серьезный взгляд. – Ее дядюшка опасается одержимости.

Гай склонил набок голову.

– Слишком просто приписать человеку одержимость. Подчас меня одолевают сомнения, был ли человек, из которого наш Господь изгнал беса, на самом деле одержимым. Или всего лишь беднягой-лунатиком.

Я вновь посмотрел на собеседника долгим взглядом.

– Но в Библии довольно ясно сказано, что он был одержим.

– Да, сегодня мы должны безоговорочно верить во все, что написано в Библии, и только в ней. Более того, в ее переводной версии, которую нам предоставил сэр Ковердейл.

Гай усмехнулся. Потом его лицо внезапно стало серьезным, и он начал ходить по комнате взад-вперед, подметая подолом чисто вымытый пол.

– Нельзя считать ее сумасшедшей, – наконец произнес он. – По крайней мере, пока. У человека может быть много причин хранить молчание. Прежде всего, из-за стыда или страха быть разоблаченным. Или ради защиты кого-то еще.

– Или потому, что никто не заботится узнать, что на самом деле с ним произошло.

– Да. Это ужасно. В таком состоянии человек способен на самоубийство.

– Каковы бы ни были у нее причины молчать, мне придется убедить ее в необходимости дать показания. Раз уж я взялся спасти ее жизнь. Пытка прессом влечет за собой жуткую смерть. – Я встал, собираясь уходить. – О, дорогой друг. Как только меня угораздило впутаться в эту ужасную историю? Большинство моих коллег вообще не связываются с подобными преступлениями. Даже близко к ним не подходят. И даже не разрешают осужденным подавать протест. Помнится, однажды я посоветовал сделать это одному из них. Но мне, поверьте, этот поступок не доставил ни малейшего удовлетворения. Терпеть не могу, когда среди присяжных витает дух смерти. Когда знаешь, что через несколько дней кони покатают тележки в Тайборн.

– Так или иначе, но тележки все равно покатаются в Тайборн. И если в вашей власти сделать так, чтобы в одной из них место пустовало...

Я кисло улыбнулся.

– Вы по-прежнему верите в спасение праведностью.

– Разве мы все не верим в праведность милосердия?

– Да, но только тогда, когда на него хватает сил. Мне пора в Ньюгейт. – У меня есть для вас одно зелье, – сказал Гай. – Оно хорошо поднимает настроение. Уменьшает количество черной желчи в животе.

– Нет, спасибо, Гай. – Я поднял руку. – Настроение у меня отнюдь не унылое, поэтому я лучше останусь в том состоянии, которое мне даровал Господь.

– Дело ваше. – Он протянул руку. – Я буду за вас молиться.

– Под вашим большим испанским крестом? Вы по-прежнему держите его в спальне?

– Это наш старый семейный крест.

– Берегитесь констебля. Хотя ныне участились аресты евангелистов, это не значит, что правительство стало смотреть сквозь пальцы на католиков.

– Констебль с некоторых пор стал со мной весьма дружен. В прошлом месяце он купил воды у разносчика, а через час еле доплелся до моей лавки с дикими болями в животе.

– Он пил эту воду? Некипяченую? Каждый дурак знает, что в ней столько грязи, что недолго отправиться на тот свет.

– Он умирал от жажды. Помните, какая стояла жара? Словом, он не на шутку отравился. Я заставил его съесть ложку горчицы, чтобы вызвать рвоту.

Я содрогнулся.

– Но почему горчицу, а не соленое пиво? Его считают лучшим рвотным средством.

– Нет, горчица лучше. Потому что действует почти мгновенно. Он быстро пришел в себя. И теперь, здоровый и довольный, патрулирует свою территорию, восхваляя меня направо и налево. – Его лицо внезапно обрело серьезность. – И все равно: что ни говори, но нашествие иностранцев не слишком приветствуется в наши дни. На улице я все чаще слышу, как мне вслед бросают оскорбительные замечания. Мне даже приходится переходить на другую сторону, когда на пути попадаются подмастерья.

– Мне очень жаль. Увы, времена не стали лучше.

– В городе ходят слухи, что король несчастлив со своей новой супругой. Что Анна Клевская может вскоре уйти со сцены. А вместе с ней и Кромвель.

– Новые слухи – новые страхи. Все как прежде. – Я положил руку ему на плечо. – Наберитесь мужества. И не сдавайтесь. Жду вас к себе отобедать на следующей неделе.

- Спасибо, непременно приду. – Он проводил меня до двери.
- Прежде чем покинуть аптекарскую лавку, я обернулся и сказал:
- Не забудьте про молитву.
- Не забуду.

Оседлав коня, я направил его вдоль узкой улочки. Проезжая мимо Олд-Бардж, взглянул вверх на окно, из которого за мной следили. Ставни на нем были по-прежнему закрыты. Но когда я повернул на Баклсбери-стрит, у меня вновь появилось ощущение, будто за мной кто-то следит. Я резко обернулся. Улицы кишели народом, тем не менее я увидел человека в дублете великолепного красного цвета. Скрестив руки на груди, он стоял, прислонившись к стене, и не сводил с меня глаз. На вид ему было около тридцати. Он был крепкого, можно сказать, бойцовского телосложения, широкоплеч, с мужественным торсом и узкими бедрами. Беспорядочная шевелюра густых темных волос окаймляла его твердое, с резко обозначенными чертами лицо, выдававшее крутой нрав, несмотря на спокойное выражение. Встретившись со мной взглядом, он скривился в презрительной усмешке. Тотчас развернувшись, он быстрой и легкой походкой пошел по направлению к Олд-Бардж и вскоре затерялся в толпе.

ГЛАВА 3

По дороге назад к Ньюгейту я долго не мог избавиться от неприятного осадка, оставшегося после встречи с неизвестным. Не был ли он неким образом связан со случаем Уэнтворта? Я имел неосторожность упомянуть о нем в Линкольнс-Инне днем раньше, а слухи среди людей моей профессии, надо сказать, разносятся быстрее, чем среди прачек в Моргейт-филдз. А может, этот парень был послан следить за мной верховной властью? Скажем, чтобы выяснить, в каких я состоял связях с бывшим темнокожим монахом? Впрочем, ныне к политике я не имел никакого отношения.

Канцлер, очевидно ощутив мое волнение, замешкался и заржал. Возможно, причиной его внезапной тревоги была та жуткая вонь, что ударила мне в нос, когда мы проезжали скотобойню. Несмотря на то что городские власти пытались всячески призывать мясников к порядку, в такую жару сочившиеся по каналу на Блэддер-стрит зловонные флюиды были на редкость невыносимы. Если в ближайшее время погода не изменится, мне, пожалуй, придется последовать примеру некоторых состоятельных прохожих и покупать букетик цветов, чтобы прикрывать им нос.

Я проехал через Ньюгейт-маркет, по-прежнему находящийся в тени большой монастырской церкви Серых братьев, за витражными окнами которой король хранил награбленное во французских землях добро. За храмом показалась высокая городская стена и пристроенные к ней пестрые башни Ньюгейта. Главная лондонская тюрьма представляла собой старинное добротное здание. Ни в одном месте Лондона не было сосредоточено так много горя и скорби, как здесь, потому что судьбой большинства ее обитателей становилась смертная казнь.

Я вошел в таверну «Метла», работавшую круглосуточно и благодаря посетителям тюрьмы, должно быть, дававшую немалые прибыли. Вперив потупленный взор в запыленный дворовый сад, Джозеф сидел за столом и медленно потягивал из чарки пиво – легкий напиток, которым у нас принято утолять жажду каждый день. На столе лежал букет цветов. Возле Джозефа стоял хорошо одетый молодой человек, лицо которого являло собой образчик приветливости и дружелюбия. Между тем вид сэра Уэнтворта красноречиво свидетельствовал о том, что от данного разговора он чувствует себя, мягко говоря, не в своей тарелке.

– Пошли, приятель, – говорил незнакомец. – Партия в карты – и твоей

тоски как не бывало. Тут неподалеку у меня есть дружки. Мы тебе составим отличную компанию.

Молодой прощельга был представителем многочисленной армии вымогателей, которыми ныне кишел Сити. Обыкновенно, выбирая себе жертв среди приезжих, каковых нетрудно было отличить по скромной деревенской одежде, мошенники заманивали их в свои сети, чтобы вытряхнуть из них все деньги. – Прошу прощения, – я резко оборвал проходимца, занимая место на соседнем стуле, – нам с этим джентльменом необходимо поговорить наедине. Я его адвокат.

Молодой человек удивленно поднял брови и, обращаясь к Джозефу, добавил:

— В таком случае, сэр, вам все равно придется расстаться с вашими денежками. Правосудие требует толстого кошелька.

Проходя мимо меня, он слегка наклонился и тихо добавил:

– Горбатый кровосос.

К счастью, Джозеф не слышал его слов.

– Я еще раз был в тюрьме, – мрачно произнес он. – Сообщил тюремщику, что приведу с собой адвоката. Заплатил ему еще шесть пенсов, чтобы он разрешил нам свидание. И что хуже, у него тоже оказался экземпляр той самой пасквильной листовки. Он сказал, что за пенни позволяет всем желающим подходить к камере Элизабет. И те через замочную скважину посылают в ее адрес всякие оскорбления. Кажется, это его очень забавляет. Но ведь это жестоко. Разве можно так делать?

– Подобные вещи, как правило, тюремщикам спускаются с рук. По всей очевидности, он рассказал вам об этом, рассчитывая получить от вас вознаграждение. В надежде, что за определенную плату вы уговорите его освободить вашу подопечную от подобных притязаний.

Джозеф поднял руку.

– Мне и так приходится платить за еду, за воду, за все. Большого я себе позволить не могу, сэр. – Он в отчаянии покачал головой. – Эти тюремщики самые бессовестные люди на свете.

– Да. Однако что касается собственной выгоды, им практически нет равных в находчивости и предприимчивости. – Я серьезно взглянул собеседнику в глаза и добавил: – Вчера я был в Линкольнс-Инне, Джозеф. Узнал, что в субботу суд будет проводить судья по имени Форбайзер. Должен заметить, это малоутешительная новость. Ибо этот человек глубоко чтит Библию. Он совершенно неподкупен.

– Но ведь это же хорошо. Я имею в виду то, что он божий человек...

Я замотал головой.

– Поймите, он неподкупен. И тверд, как скала.

– Вы хотите сказать, что его ничто не сможет пронять? Даже бедная и слегка тронувшаяся умом сирота?

– Он ни к кому не питает жалости. Мне доводилось иметь с ним дело при разбирательстве некоторых гражданских дел. – Я слегка подался вперед. – Джозеф, мы должны заставить Элизабет говорить. В противном случае можно будет на ней ставить крест.

Он закусил губу. Этот свойственный ему жест я уже замечал за ним неоднократно.

– Когда я вчера принес ей немного еды, она лежала, тупо вперившись в пустоту. Ни слова благодарности, ни жеста в ответ – ничего. Боюсь, она уже несколько дней не прикасалась к еде. Я купил ей эти цветы. Но навряд ли она на них даже взглянет.

– Ладно, посмотрим, чем я смогу ей помочь.

Он благодарно кивнул, после чего мы встали и направились к тюрьме.

– Кстати говоря, сэр Эдвин в курсе того, что вы обратились ко мне за помощью в этом деле? – спросил по дороге я.

Джозеф отрицательно покачал головой.

– Мы с Эдвином даже ни разу не встречались за последнюю неделю. С тех пор как я взял на себя смелость утверждать, что Элизабет невиновна. Он велел мне убираться из своего дома. – Искра гнева пронзила его лицо. – Он думает, что если я не желаю Элизабет смерти, значит, я против него и всех его потомков. – Впрочем, неважно, говорили вы или нет, – размышляя, произнес я, – он все равно мог об этом узнать.

– Почему вы так считаете, сэр?

– Неважно. Не имеет значения.

Когда мы вошли в здание тюрьмы, Джозеф скукожился, словно под тяжестью невидимого груза. Сначала мы миновали решетку, за которой ютились несчастные заключенные. Протискивая к прохожим свои молящие руки, они зывали к их милосердию во имя Божьей любви. Те узники, которые не имели за душой ни гроша, получали мало или вообще не получали пищи. Во всяком случае, ходили слухи, что некоторые из них умирали голодной смертью. Я сунул в чьи-то скрюченные пальцы пенни, после чего постучал в толстую деревянную дверь. Створка окошка отворилась. Из-под сальной кепки на меня уставилось грубое лицо охранника, и его глаза стали рыскать по моей черной мантии, выдававшей во мне служителя закона.

– Защитник Элизабет Уэнтворт, – представился я, – вместе с ее дядей. Он заплатил за визит.

Окошко захлопнулось, и дверь открылась. На пороге стоял облаченный в грязное одеяние тюремный надзиратель, на поясе которого висела тяжелая палка. Не спуская с нас глаз, он позволил войти. Несмотря на жаркую погоду на улице, от каменных стен темницы потянуло сыростью и холодом. Надзиратель крикнул: «Уильям!», и к нему подошел тюремщик в кожаном джеркине, позвякивая связкой ключей.

– Значит, вы и есть защитник той самой детоубийцы. – При этих словах тюремный надзиратель скривил губы в злобной усмешке. – Читали листовку?

– Да, – коротко ответил я.

– Да она все равно не будет с вами говорить, – покачав головой, продолжал он. – Клянусь, без пытки тут не обойтись. Должен вам сказать, сэр защитник, что по давно установленному закону узников перед тем, как приковать цепями к прессу, положено раздевать донага. Представляете, сначала ее молодые сосочки предадут всеобщему обозрению. А потом возьмут и раздавят тяжелой плитой. Какой срам! Лицо Джозефа скорчилось от гримасы боли.

– Первый раз слышу о таком правиле, – холодно заметил я. – Насколько мне известно, таких законов нет.

Прежде чем ответить, надзиратель смачно плюнул.

– Плевать мне на то, что изобретают ваши крючкотворы. Я знаю только те законы, которые существуют в моей тюрьме. – Он кивнул своему помощнику и добавил: – Проводи их в женское отделение Ямы.

Нас повели по широкому коридору, по обеим сторонам которого располагались камеры. Через закрытые на засов окошки было видно, что на соломенных койках сидели или лежали мужчины, чьи ноги были прикованы к стенам с помощью длинных цепей. В нос нам ударил резкий запах мочи. Тюремщик шел неспешной походкой, побрякивая своими ключами. Открыв тяжелую дверь, он проводил нас по лестнице вниз, где царил полумрак. Наконец мы уперлись в какую-то дверь. Тюремщик отодвинул в сторону створку дверного окошка и заглянул внутрь, после чего, обернувшись к нам, сказал:

– Она все в том же положении, что и вчера, когда я приводил сюда людей. Я разрешал им поглядеть на нее через решетку. Она лежала и молчала как рыба. Только пряталась, когда ее называли ведьмой и детоубийцей.

Он покачал головой.

– Вы позволите нам войти?

Пожав плечами, он открыл дверь. Едва мы переступили порог камеры,

как дверь тотчас затворилась, а вслед за ней раздался грохот закрывающегося засова. Яма, самое глубокое и темное место тюрьмы, являла собой как мужскую, так и женскую темницу. Женская камера представляла собой квадратную клетушку, под потолком находилось решетчатое окно, за которым мелькали башмаки и юбки прохожих. Здесь было так же холодно, как и в остальной части темницы, а среди зловонных испарений явственно пробивался запах фекалий. Пол покрывала грязная солома со всевозможным мусором. В одном углу, скорчившись, спала полная женщина в заляпанном пятнами платье. Поначалу мне показалось, что, кроме нее, в камере никого больше нет, и я в недоумении начал озираться по сторонам. Но потом все же увидел в дальнем углу соломенный холмик, очертаниями напоминавший человеческую фигуру. Из него торчала голова с перепачканным сажей лицом, окаймленным кучерявыми, как у Джозефа, волосами. Это лицо с большими и такими же карими, как у дяди, глазами взирало на нас невидящим взором. Ее взгляд был столь странным, что меня невольно продрала дрожь.

Джозеф подошел к племяннице и заговорил с ней, как с ребенком:

– Лиззи, зачем ты закопалась в эту солому? Она же грязная. Тебе холодно?

Девушка ничего не ответила. Глаза ее глядели в пустоту; возможно, они были направлены прямо на нас, а возможно, и нет. Присмотревшись к ней получше, я увидел, что у юной узницы довольно миловидное, благородное, с высокими скулами лицо. Сквозь солому слегка виднелась ее грязная рука. Джозеф потянулся, чтобы коснуться ее, но девушка резко отдернула руку, ничуть не переменив при этом направления взгляда. Я стоял как раз напротив нее, когда ее дядя положил рядом с ней букетик цветов.

– Я принес тебе немного цветов, Лиззи, – произнес он.

Она посмотрела на букет, потом на Джозефа, и, к моему удивлению, взор ее был преисполнен гнева.

Я заметил, что на соломе стояли тарелка с хлебом, вяленой рыбой и бутылка пива. По всей очевидности, еду ей принес накануне Джозеф. Но заключенная к ней не прикасалась. Теперь же в рыбе ютились толстые черные жуки. Элизабет вновь отвернула свой взор.

– Элизабет, – голос Джозефа дрожал, – это сэръ Шардлейк. Он твой защитник. Лучшая голова в Лондоне. Он может тебе помочь. Но ты должна с ним поговорить.

Я стал на четвереньки, чтобы взглянуть ей в лицо, стараясь как можно меньше касаться грязной соломы.

– Мисс Уэнтворт, – мягким голосом произнес я, – вы меня слышите?

Почему вы отказываетесь говорить? Вы скрываете какую-то тайну? Свою или чужую?

Я на мгновение остановился. Она по-прежнему невозмутимо глядела сквозь меня. В воцарившейся тишине были слышны шаги на улице за окном. Внезапно меня разобрала ярость.

– Вы знаете, что вас ждет, если вы будете упорствовать в своем молчании? – спросил я. – Вас подвергнут пытке прессом. Судья, перед которым вы предстанете в субботу, человек жесткий. На иной приговор можно не рассчитывать. Вам уже рассказали, что представляет собой пытка прессом?

Она по-прежнему ничего не ответила.

– Ужасная медленная смерть, которая может длиться в течение нескольких дней.

При этих словах ее взор оживился и на мгновение устремился на меня. Я увидел в нем такую бездну несчастья и горечи, что не мог при этом не содрогнуться.

– Если вы заговорите, возможно, мне удастся вам помочь. Что бы ни случилось в тот день у колодца, еще не все потеряно. У нас есть возможность вам помочь. – Я запнулся. – Что случилось, Элизабет? Я ваш адвокат. Я никому ничего не скажу. Если хотите, мы можем попросить вашего дядюшку удалиться и поговорить с глазу на глаз. – Да, – подтвердил Джозеф. – Если хочешь, я уйду.

Но она по-прежнему молчала. Я заметил, что она начала рукой хвататься за солому.

– О Лиззи, – в сердцах начал Джозеф, – ведь ты могла бы сейчас читать книжку. Или играть на инструменте. Как делала это год назад. Вместо того чтобы лежать в этом отвратительном месте.

Он заткнул кулаком себе рот и принялся его кусать. Я слегка переместился и поглядел девушке прямо в глаза. Что-то в ее взгляде меня глубоко потрясло.

– Элизабет, я знаю, что сюда приходили люди, чтобы посрамить вас. Хотя вы и спрятали свое тело, они видели ваше лицо. Я знаю, эта солома отвратительна, но вы могли бы укрыть ею и голову. Тогда бы никто вас не смог видеть. Тюремному надзирателю не разрешается никого пускать внутрь. У меня складывается такое впечатление, что вы сами желаете, чтобы они на вас глядели.

По ее телу пробежала судорога, и на какой-то миг мне показалось, что она не выдержит и заговорит, но в следующее мгновение она еще крепче стиснула челюсть. Я видел, как напряглись ее скулы. Выждав некоторое

время, я встал на ноги, испытав при этом немало болезненных ощущений. Пока я поднимался, в другом конце камеры раздался шорох. Обернувшись, я увидел, что пожилая дама медленно приподнялась с пола на локти и затрясла головой.

– Она не будет говорить, джентльмены, – хриплым голосом произнесла та. – Я здесь лежу уже три дня. И она за это время не вымолвила ни слова.

– А вы за что сидите здесь? – поинтересовался я.

– Нас с сыном обвиняют в том, что мы украли лошадь. У нас тоже суд в субботу. – Она вздохнула и провела языком по растрескавшимся губам. – Нет ли у вас чего-нибудь попить, сэр? Хотя бы самого жидкого пива?

– К сожалению, нет.

Она перевела взгляд на Элизабет.

– Говорят, в нее вселился демон. И он крепко держит ее в своих лапах. – Она горько рассмеялась. – Демон или не демон – палачу все едино.

Я обернулся к Джозефу.

– Боюсь, я больше ничем не могу тут помочь. Давайте пойдем. – Я осторожно повел его к двери и постучал. Та сразу отворилась. Должно быть, тюремщик нас подслушивал. Я обернулся. Элизабет лежала все так же тихо и неподвижно.

– Старая ведьма права, – сказал тюремщик, запирая за нами дверь на замок. – В нее вселился дьявол.

– В таком случае вам следует быть настороже, когда приводите сюда людей, чтобы поглумиться над ней через решетку в окне, – съязвил я. – Как бы она не превратилась в ворону и не вцепилась кому-нибудь в лицо.

Я повел Джозефа прочь. Минуту спустя мы с ним уже были на улице, где ярко сияло солнце. Мы вернулись в таверну, и я заказал для него кружку пива.

– Сколько раз вы посещали Элизабет с тех пор, как ее посадили в тюрьму? – осведомился я.

– Сегодня четвертый. И всякий раз она молчала, как камень.

– Что ж, я не в силах ее расшевелить. Должен признать, что никогда не имел дело с подобным случаем.

– Вы сделали все, что могли, – разочарованно произнес он.

– Даже если ее признали виновной, – постукивая пальцами по столу, продолжал я, – все равно есть пути, чтобы избавить ее от смертельного приговора. Судьи могут признать, что она совершила преступление в приступе помешательства. Она могла бы, к примеру, заявить, что беременна. Тогда бы ее не имели права повесить до рождения ребенка. Это могло бы дать нам время.

– Время для чего, сэр?

– Как для чего? Для того, чтобы расследовать это дело. И выяснить, что на самом деле случилось.

Он столь резко подался вперед, что едва не опрокинул свою высокую пивную кружку.

– Значит, вы верите в то, что она невиновна? Прежде чем ответить, я посмотрел ему в глаза.

В это верите вы. Хотя, честно говоря, ее отношение к вам бесчеловечно.

– Я верю ей, потому что знаю ее. И потому что, когда увидел ее там... – Он с трудом подбирает слова.

– Хотите сказать, что она произвела на вас впечатление человека, который скорее совершил в жизни огромную ошибку, нежели большое преступление?

– Да, – поспешно подтвердил он. – Да. Именно так. Вы тоже это почувствовали?

– Да. – Я продолжал глядеть на него спокойным взглядом. – Но наши с вами ощущения еще не являются доказательством, Джозеф. К тому же мы можем ошибаться. Служителю закона не подобает опираться в своей работе только на ощущения. От него требуется беспристрастность и обоснованность. Это я вам говорю из собственного опыта.

– Что же мы с вами можем предпринять, сэр?

– Что касается вас, то необходимо посещать ее каждый день. Начиная с сегодняшнего и кончая субботой. Не то чтобы я рассчитывал таким образом заставить ее нарушить молчание. Просто это необходимо делать. Нужно для того, чтобы она знала, что о ней не забыли. Мне кажется, это очень важно. Такое впечатление, будто мы для нее сейчас не существуем. Если она что-нибудь скажет, если ее поведение каким-либо образом изменится, немедленно дайте мне об этом знать. Как только вы меня известите, я нанесу ей еще один визит.

– Хорошо, сэр, – сказал он.

– Но если она по-прежнему будет молчать, то мы встретимся с вами перед судом в субботу. Не уверен, что смогу заставить Форбайзера прислушаться к моим словам. Однако постараюсь сделать все, чтобы убедить его, что ваша подопечная действовала в состоянии помешательства...

– Кто знает, может, это не так уж далеко от истины. Во всяком случае, у нее нет никакой причины отвергать мое общество. Так, как она делает сейчас. Кто знает, может, – он заколебался, – может, старуха в самом деле права.

– Нет никакого смысла в том, чтобы строить подобные догадки, Джозеф. Я попытаюсь добиться, чтобы вопрос ее помешательства был передан на рассмотрение присяжных. Уверен, что подобные случаи неоднократно имели место в практике Форбайзера. Тем не менее эти обстоятельства не оказывали никакого влияния на вынесенные им приговоры. Как бы там ни было, это поможет нам выиграть время. Будьте готовы к тому, чтобы услышать самое худшее, Джозеф.

– Нет, сэр. Пока вы с нами, я не теряю надежды.

– И все-таки подготовьтесь к наихудшему исходу событий, – повторил я.

Помнится, Гай во время нашей последней встречи говорил о достоинстве праведности и милосердия. Хорошо рассуждать о подобных вещах, когда не тебе предстоит выступать перед судьей Форбайзером. И уж тем более тогда, когда от твоих слов не зависит жизнь молодой девушки.

ГЛАВА 4

Из Ньюгейта я отправился в свою контору, находящуюся в Линкольнс-Инне, по дороге, которая соединяла ее с моим домом на Канцлер-лейн. Некогда король Эдвард Третий издал закон, запрещающий судебным защитникам вести практику в пределах Лондона. Должно быть, он даже не подозревал, какую добрую службу сослужил нам, обязав переместиться за пределы городской стены. В самом деле, Линкольнс-Инн располагался в полусельской местности посреди простиравшихся во все стороны обширных садов и полей.

Миновав Большие ворота с их высокими квадратными башенками, я оставил Канцлера в конюшне, сам же направился через сторожевой двор к своей конторе. Яркое солнце отражалось бликами на красном кирпиче зданий. Дул легкий приятный ветерок. К счастью, мы находились довольно далеко от городской стены, поэтому он не доносил до нас лондонского запаха нечистот.

Вокруг туда-сюда сновали барристеры^[2]. Судебная сессия начиналась на следующей неделе, поэтому им требовалось привести свои дела в порядок. Среди облаченных в черные мантии и специальные головные уборы законников, разумеется, попадались и обыкновенные молодые джентльмены в ярких дублетах, которые отличались своей важной походкой. Это были потомки джентри^[3]. Они примкнули к школе барристеров только затем, чтобы обучиться лондонским манерам и обрести нужными знакомствами и связями. Двое из них, судя по всему, возвращались с охоты. За их плечами на шестах висели тушки кроликов, с которых еще не успела стечь кровь. Следом за ними увивались двое псов, не сводивших взгляда с добычи.

Навстречу мне по дорожке из Линкольнс-Инна шел высокий и худой человек. По хищным чертам лица и напускной дружеской улыбке я сразу узнал в нем Стивена Билкнэпа, против которого мне предстояло через несколько дней выступать в королевском суде. Приблизившись, он отвесил мне легкий поклон. Этот привычный жест приветствия, который требовался от всех барристеров, невзирая на их ярые противоречия, являлся ни к чему не обязывающим знаком приличия. Однако в дружеских манерах Билкнэпа всегда сквозила некая насмешливость. Казалось, весь его внешний вид говорил: да, я порядочный негодяй, но тебе все равно

придется проявлять ко мне почтительность.

– Брат Шардлейк! – воскликнул он. – Ну и жарница выдалась сегодня! Если дело так пойдет и дальше, скоро все колодцы высохнут.

Попадись он мне на пути в любой другой раз, я бы отделался учтивым ответом и пошел своей дорогой. Однако мне вдруг пришло на ум, что я могу с его помощью кое-что разузнать.

– Что верно, то верно, – поддержал я разговор. – Весна выдалась засушливой.

Встретив с моей стороны на редкость любезное отношение, Билкнэп засиял улыбкой, которую любой не знакомый с ним человек поначалу мог бы счесть вполне искренней и приятной. Но стоило внимательно присмотреться, как становился заметен характерный изгиб его губ, явственно выдававший откровенную подлость и скользкость натуры. И тогда уже всякому становилось ясно, что, сколько ни старайся, никогда не удастся поймать на себе взгляда его маленьких светло-голубых глаз. Из-под головного убора у него торчало несколько непокорных завитков светлых, похожих на проволоку волос.

– Да, наше дело будет рассматриваться на следующей неделе, – сказал он. – Первого июня.

– Верно. Как быстро пролетело время. Если не ошибаюсь, свой иск вы подали в марте. Все же я несколько удивлен, что вы рискнули обратиться с этим вопросом в королевский суд.

– Королевский суд весьма чтит закон о правах собственности. Я приведу в качестве примера случай монахов из монастыря Оукхэма.

Я слегка усмехнулся.

– Да вы, как я погляжу, хорошо осведомлены в этом вопросе. Тем не менее с этими обстоятельствами данный судебный прецедент не имеет ничего общего. Не говоря уже о том, что они произошли две сотни лет назад.

Он улыбнулся мне в ответ, продолжая шарить вокруг глазами.

– И все же должен с вами не согласиться. Ибо к нашему случаю он имеет самое прямое отношение.

Приор в свое оправдание заявил суду, что все вопросы, связанные с нарушением общественного порядка, в том числе и такие, как зловонная сточная канава, находятся вне ведения Городского совета.

– Потому что их собственность находилась непосредственно в ведении короля. Однако монастырь Святого Михаила ныне стал вашей собственностью. Поэтому за всякое нарушение общественного порядка в нем несете ответственность вы и никто другой. Я очень надеюсь, что вы

вооружитесь более вескими оправданиями, чем это.

Однако подобные замечания никогда не приводили Билкнэпа в замешательство. Наклонившись, он как ни в чем не бывало принялся рассматривать рукав своей мантии.

– Так что, брат, – непринужденным тоном продолжал я, – у нас еще будет возможность об этом поговорить. Но теперь мне бы хотелось задать вам вопрос совершенно иного рода. Собираетесь ли вы присутствовать в суде в ближайшую субботу?

Я знал, что Билкнэп пользовался дурной репутацией помимо всего прочего еще и потому, что поставлял ложных свидетелей для епископского суда. С этой целью он зачастую мелькал в зале суда в Олд-Бейли, подыскивая заказчиков для своих услуг. В ответ он метнул на меня любопытный взгляд.

– Возможно, – произнес он.

– Мне известно, что его будет вести судья Форбайзер. Насколько быстро он решает дела?

– Настолько, насколько это возможно, – пожал он плечами. – Вы же знаете судей королевского суда. Они считают, что имеют дело исключительно с обыкновенными ворами и убийцами.

– Однако Форбайзер при всей твердости и жесткости его характера хорошо знает и чтит закон. Меня интересует, насколько он способен прислушаться к законным аргументам в пользу осужденного.

Лицо Билкнэпа засияло явным интересом, а глаза, заблестев от любопытства, даже на мгновение встретились с моим взглядом.

– Я слышал, что вас втянули в дело девушки-убийцы из Уолдбрука. Однако я утверждал, что в это не верю. Вы же человек состоятельный и никогда с такими делами не связываетесь.

– Обвиняемой в убийстве, – ровным голосом поправил его я. – Ей предстоит предстать перед Форбайзером в субботу.

– От него вы ничего хорошего не дождетесь, – участливо заверил он меня. – Как человек, строго чтящий Библию, судья питает яростную ненависть к грешникам. И жаждет как можно быстрее придать их заслуженной каре. Наверяд ли вашей подзащитной стоит надеяться на его милосердие. Он либо оправдывает человека, либо осуждает на смертную казнь.

Билкнэп прищурился, очевидно, размышляя о том, как можно использовать обстоятельства данного дела себе на пользу. Но, судя по всему, так и не нашел ничего, за что можно было бы зацепиться. Я же, в свою очередь, пожалел, что вообще завел с ним об этом разговор.

– Я так и думал, – произнес я по возможности непринужденным тоном. – Благодарю вас. Всего хорошего!

– Увидимся в субботу, брат, – ответил он мне. – Желаю удачи. Тем более что она вам очень пригодится.

Когда я вошел в одну из небольших комнат, расположенных на первом этаже здания Линкольнс-Инна, настроение у меня было не из лучших. Кабинет я делил со своим приятелем Годфри Уилрайтом. За стенкой по соседству с нами работал мой клерк, Джон Скелли. С траурным выражением лица он изучал только что подготовленные им документы. Это был высокий, сухопарый молодой человек с длинными, напоминающими крысиные хвосты, темными волосами. Несмотря на свои неполные двадцать лет, он уже был женат и имел ребенка. Я взял Скелли к себе на службу отчасти из жалости к его бедственному положению. Он был выходцем из школы кафедрального собора Святого Павла, неплохо знал латынь. Однако, несмотря на неплохие задатки, оказался совершенно беспомощен в работе. Мало того что он был никудышным переписчиком, но еще ко всему прочему беспрестанно терял какие-нибудь бумаги, о чем я уже упоминал в разговоре с Гаем.

Когда я вошел, мой служащий поднял на меня глаза и с виноватым видом произнес:

– Я только что закончил оформлять документы по делу Бекмена. Но боюсь, что несколько опоздал.

Я взял их у него из рук.

– Это следовало бы подготовить еще два дня назад. Есть какая-нибудь почта?

– Она у вас на столе, сэр.

– Хорошо.

Я вошел в свой кабинет. В нем было мрачно и душно, пылинки витали в луче света, сочившемся через смотрящее на внутренний двор окошко. Сняв мантию и головной убор, я сел за стол и с помощью ножа вскрыл скрепленные печатью письма. Каково же было мое удивление и разочарование, когда я обнаружил, что потерял еще одно дело. Поначалу меня привлекли к сделке, касающейся приобретения магазина на Солт-Уарф. Ныне же в вежливой форме сообщали, что в связи с тем, что продавец изменил свое решение, в моих услугах больше не нуждаются. Я перечитал письмо несколько раз. Должен заметить, дело это было непростое. Во всяком случае, его поручил мне вести член лондонской юридической корпорации «Темпл». На его имя предполагалось оформить купленный магазин, из чего явствовало, что покупатель желал сохранить

свое имя в тайне. Но более всего меня насторожило иное обстоятельство. Уже в третий раз за последние два месяца внезапно, без всяких на то причин мне отказывали в ведении дела.

Нахмурившись, я отложил письмо в сторону и принялся изучать подготовленные помощником документы. Они были написаны коряво, внизу одной из страниц красовалось грязное пятно. Неужели Скелли думает, что такое безобразие может пройти? Нет, ему придется все переделать, и я молил Бога, чтобы на сей раз он справился с этой задачей гораздо быстрее. Откинув бумаги в сторону, я взялся за тетрадь, в которой на протяжении многих лет вел записи из учебных судебных процессов и лекций. Полистал те старые страницы, которые были посвящены уголовному праву, однако они оказались слишком скудны, и я не нашел в них ничего о *reine forte et dure*.

Раздался стук в дверь, и вошел Годфри, мой ровесник и однокашник. Двадцать лет назад мы с ним были рьяными реформаторами. Однако в отличие от меня он не утратил ревностной веры в то, что с падением Рима в Англии может начаться новая эра всеобщего христианского благоденствия. Его узкое, с благородными чертами лицо было явно чем-то обеспокоено.

– Слышал, что говорят?

– Что еще на этот раз?

– Вчера вечером под одним балдахином с Кэтрин Говард король отправился вниз по Темзе на званый обед в дом вдовствующей герцогини Норфолкской. Они плыли в королевской барже. На виду у всего Лондона. Теперь в городе об этом только и говорят. Не иначе как это был предумышленный жест. Король хотел, чтобы его увидели в обществе новой избранницы. Стало быть, женитьбе с Анной Клевской пришел конец. А союз с Говард означает возвращение к Риму.

Я покачал головой.

– Как же так! Еще во время майского рыцарского турнира рядом с ним была королева Анна. Нет, не может быть, чтобы из-за юной Говард король отказался от королевы. Господь свидетель, за восемь лет он сменил три жены. Нет, вряд ли он пойдет на этот шаг в четвертый раз.

– Думаешь, не пойдет? А ты представь на месте лорда Кромвеля герцога Норфолкского.

– Кромвель тоже бывает достаточно жесток.

– Но только в самых исключительных случаях. Когда это необходимо. Герцогу же в этом вопросе он и в подметки не годится. – Мой приятель сел напротив меня.

– Знаю, – тихо ответил я. – Такой репутации, как у герцога, нет ни у

одного тайного советника.

– Кажется, он будет званым гостем на обеде судебных старшин в это воскресенье?

– Да. – Я сделал недовольную гримасу. – Мне представится случай впервые воочию его увидеть. Не слишком радужная перспектива. Тем не менее хочу заметить тебе, Годфри, король никогда не поворачивает часы вспять. Мы получили английскую Библию, а лорд Кромвель – графство.

– Чует моя душа, беды нам не миновать, – покачал головой мой собеседник.

– За последние десять лет беда стала нашей постоянной спутницей. Что ж, коль Лондон занят обсуждением новой темы, возможно, это охладит его пыл по отношению к Элизабет Уэнтворт. – Накануне я рассказал моему давнему приятелю о том, что взялся вести ее дело. Я посетил ее в Ньюгейте. Она не проронила ни слова.

– Тогда ей не миновать пытки, – уверенно заявил он.

– Послушай, Годфри, мне нужно сослаться на какой-нибудь показательный случай в судебной практике. Я хочу заявить, что ее молчание вызвано сумасшествием. И убедить судей, что помешанных подвергать пытке нельзя.

Он уставился на меня большими серо-голубыми глазами. И я невольно отметил, что его взгляд слишком невинен для человека, столько лет отдавшего служению закону.

– А она и впрямь не в себе?

– Возможно. Был такой судебный случай, я в этом уверен.

Я поглядел на него с надеждой: Годфри обладал великолепной памятью и помнил все судебные процессы.

– Да, верно, – сказал он.

– Придется мне воспользоваться библиотекой.

– Когда, говоришь, состоится суд? В субботу? Слишком мало времени. Я помогу тебе.

– Спасибо. – Я благодарно ему улыбнулся. Это было в духе моего друга: он всегда забывал о своих тревогах и приходил ко мне на помощь. Я знал, что страхи его небезосновательны. Он был знаком с евангелистами из общества Роберта Барнса, который за свои проповеди вместе с двумя лютеранами недавно был помещен в Тауэр.

Мы с Годфри провели в библиотеке добрых два часа и перекопали горы старых дел и нашли два-три, которые могли нам пригодиться.

– Я пришлю Скелли, чтобы он это переписал, – сказал я.

– Можешь накормить меня обедом в награду за труды, – улыбнулся мне

Годфри.

– С удовольствием.

Выйдя на улицу, мы снова окунулись в невыносимую жару. Среди судебных книг библиотеки я, как обычно, сразу ощутил себя на островке безопасности, порядка и разумности. Однако, выйдя на свет божий, тотчас вспомнил, что судье наплевать на имевшие некогда судебные прецеденты, и тотчас в памяти всплыли слова Билкнэпа.

– Наберись мужества, друг, – сказал мне Годфри. – Если она невинна, Господь не позволит ей претерпеть страдания.

– Мы с тобой оба знаем, Годфри, что мошенники процветают, а невинные страдают. Деревенщина Билкнэп, говорят, у себя в сундуках собрал тысячу золотых ангелов^[4]. Ну да ладно. Пошли, я не прочь поесть.

Пересекая двор, я увидел роскошные носилки с дамастовыми занавесками. Они были поставлены возле входа в комнаты, которые занимали четыре носильщика, одетые в ливреи гильдии торговцев шелком и бархатом. На почтительном расстоянии от них стояли две особы с букетиками цветов в руках. Они сопровождали рослую даму в синем бархатном платье с высоким воротником, которая вела беседу с одним из барристеров высшего ранга по имени Уильям Марчмаунт. Его высокая и раздавленная во все стороны фигура была облачена в великолепный шелк, а голова увенчана шляпой с лебединым пером. Помнится, под его покровительством некогда находился Билкнэп, пока у Марчмаунта не лопнуло терпение выносить бесконечные хитроумные выходки пройдохи. Уильям поддерживал репутацию честного человека и весьма гордился этим обстоятельством.

Смерив даму внимательным взглядом, я заметил у нее на груди цепочку с золотым футлярчиком для ароматического шарика. Должно быть, мой пристальный взор не укрылся от ее внимания. Ибо она тотчас что-то шепнула Марчмаунту, и тот жестом попросил меня остановиться. Предложив даме опереться на свою руку, он повел ее навстречу к нам. За ними последовали и провожатые, громко шурша юбками по камням мостовой.

Компаньонка Марчмаунта, особа лет тридцати, была чрезвычайно хороша собой, с прямым открытым взглядом. Ее великолепные светлые волосы покрывал французский капюшон, спереди украшенный жемчужинами. Выбившиеся из-под него несколько непокорных прядей развевались на легком ветерке.

– Сэр Шардлейк, – произнес Марчмаунт зычным голосом; лучезарная улыбка заиграла на его румяном лице, – позвольте мне представить вам

мою заказчицу и доброго друга, леди Онор Брейнстон. Брат Мэтью Шардлейк.

Она протянула руку. Коснувшись ее длинных белых пальцев, я отвесил ей легкий поклон:

– Весьма польщен, сударыня.

– Прошу прощения за то, что отвлекаю вас от дел, – произнесла она чистым контральто, приправленным легкой хрипотцой. Интонации ее голоса явственно выдавали аристократку. Ее полные губы растянулись в улыбке, и на щеках появились девичьи ямочки.

– Ну что вы, сударыня, вы ничуть меня не отвлекаете. – Я собирался было представить ей Годфри, но не успел этого сделать, ибо она тотчас продолжила, не обратив на его присутствие никакого внимания:

– Я имела честь беседовать с сэром Марчмаунтом. А когда увидела вас, то сразу узнала. Мне описал вас граф Эссекский во время нашего последнего обеда. Он пел вам дифирамбы как одному из лучших служителей закона в Лондоне.

Граф Эссекский. Кромвель. А я уж было думал, вернее сказать, тешил себя надеждой, что обо мне давно позабыли. В следующий миг до меня дошло, что узнала она меня по моей горбатой спине.

– Весьма признателен, – учтиво произнес я.

– Да, он весьма экспансивен, – заметил Марчмаунт.

Хотя тон его голоса был непринужденным, выразительные карие глаза пристально изучали меня. Я вспомнил, что он не был сторонником реформ. Любопытно, какие интересы подвигли его отобедать вместе с Кромвелем.

– Люди с хорошей головой всегда желанные гости за моим обеденным столом. Я собираю их посостязаться в остроумии, – продолжала леди Онор. – Лорд Кромвель предложил вас как одного из претендентов.

– Вы чересчур мне льстите, сударыня. – Я поднял руку в протестующем жесте. – Я обыкновенный служитель закона. Всего лишь тот, кто честно исполняет свои обязанности.

Вновь улыбнувшись, она тоже подняла руку в знак возражения.

– Нет, сэр. Я слыхала, что вы не простой служитель закона. Но тот, кто в один прекрасный день может стать барристером высшего звена. Я пришлю вам приглашение на один из моих сладких вечеров. Если не ошибаюсь, вы живете на Канцлер-лейн?

– Вы хорошо осведомлены, сударыня.

– Стараюсь быть в курсе дел, – засмеялась она. – Свежие вести и новые друзья помогают мне разгонять вдовью скуку. – Она обвела взглядом окрестности, с интересом изучая деревенский пейзаж. – Как замечательно,

должно быть, жить за пределами лондонского зловония.

– Я слышал, что у брата Шардлейка великолепный дом. – В голосе Марчмаунта послышались острые нотки, а в темно-карих выпуклых глазах мелькнул огонек. Он рассмеялся, обнажив два ряда белоснежных зубов. – Это, так сказать, преимущества земельного закона. Правильно я говорю, брат? – Уверена, что он его заслужил честным и праведным трудом, – ответила вместо меня леди Онор. – Теперь я должна перед вами извиниться. У меня встреча в Торговой палате. – Подняв руку, она развернулась, собираясь уходить. – Я не замедлю дать знать о себе, сэр Шардлейк.

Марчмаунт, поклонившись нам, повел леди Онор к носилкам. Усадив в них свою спутницу, что потребовало от него немалых усилий, он с величавостью хорошо оснащенного корабля отправился в свой кабинет. Слегка покачиваясь, носилки стали прокладывать себе путь к воротам, а вслед за ними степенной походкой двинулись дамы.

– Прости меня, Годфри, – проводив их взглядом, произнес я. – Я было собрался тебя представить, но она начисто лишила меня этой возможности. Не слишком вежливо с ее стороны.

– Аристократы все невежи, – напрямик заявил он. – Впрочем, мне не очень-то и хотелось быть представленным. Ты хоть знаешь, кто она такая?

Я отрицательно покачал головой. Меня никогда не интересовало лондонское общество.

– Она вдова сэра Харкурта Брейнстона. Самого крупного торговца в Лондоне. По крайней мере, он являлся таковым, пока не умер три года назад. Ее муж был значительно старше ее, – неодобрительно добавил он. – На его похороны пришло шестьдесят четыре нищих. По одному на каждый год его жизни.

– Ну и что же здесь не так?

– Она из аристократической фамилии Воген. Той самой, что потерпела крах в тяжелые времена. Мистрис Онор вышла замуж за Брейнстона ради его денег. А с тех пор как его не стало, завоевала себе репутацию первой дамы Лондона. Она пытается вернуть своей фамилии прежний вес, который та утратила в войнах между Ланкастером и Йорком.

– Это семейство имеет древние корни, не так ли?

– Да. А теперь представь, что ныне любимое занятие леди Онор – усаживать папистов и реформаторов за своим обеденным столом. И получать от этого сомнительное удовольствие. – Он бросил на меня убедительный взгляд. – Недавно она пригласила епископов Гардинера и Ридли. И завела с ними разговор о пресуществе. Разве можно так

играть с вопросами, касающимися религии? – В его голосе послышались жесткие нотки. – Они требуют глубокого размышления, от которого зависит судьба наших бессмертных душ. Помнится, именно так ты всегда говорил, – добавил он.

– Да, говорил, – вздохнул я. Моего друга весьма беспокоило то, что за последние годы я утратил значительную долю религиозного пыла. – Выходит, она разделяет убеждения как папистов, так и реформаторов.

– У нее за столом сидят Кромвель и Норфолк. Однако она не питает преданности ни к тем ни к другим. Не ходи к ней, Мэтью.

Я колебался. Сила и загадочность, которые источала эта дама, на долгое время лишили меня покоя, всколыхнув что-то давно забытое в глубине души. Но в то же время оказаться посреди споров, о которых упоминал Годфри, было для меня малопривлекательной перспективой. Кроме того, несмотря на лестные слова, которые, по всей очевидности, послал в мой адрес Кромвель, встречаться с ним я не имел ни малейшего желания.

– Ладно, посмотрим, – неопределенно пробубнил в ответ я.

Годфри бросил взгляд в сторону, где находился кабинет Марчмаунта.

– Держу пари, он многое бы отдал, чтобы получить такую родословную, как у нее. Я слышал, что он до сих пор использует Оружейную коллегия для прикрытия своего происхождения. А между тем его отец был обыкновенным рыботорговцем.

Я рассмеялся.

– Да уж, такую партию он мимо себя просто так не пропустит. Представляю, до чего ему хочется соединиться с кем-нибудь из благородных кровей.

Неожиданная встреча на время отвлекла меня от текущих забот, но стоило нам переступить порог обеденного зала, как они захлестнули меня с прежней силой. Под высоким сводчатым потолком в конце длинного стола сидел в гордом одиночестве Билкнэп. Не отрываясь от чтения толстой книги, он яростно орудовал ложкой, запихивая еду в рот. «Монахи в монастыре Оукхэма». Не иначе именно так называлось дело, которое он жадно изучал, чтобы сослаться на него, выступая против меня в Вестминстер-холле через неделю.

ГЛАВА 5

Уголовный суд Олд-Бейли представлял собой небольшое и весьма скромное по внешнему виду здание, примыкающее к внешней стороне городской стены напротив Ньюгейта. Оно было начисто лишено архитектурных излишеств, свойственных гражданским судам Вестминстер-холла. Между тем проходившие здесь судебные разбирательства касались не денег и собственности, а увечий и смерти.

Утром в субботу я прибыл сюда в назначенное время. Обыкновенно по субботним дням слушания дел не происходило. Однако грядущая судебная сессия, которая должна была начаться на будущей неделе, требовала большой занятости ее участников. В связи с этим было решено перенести судебное разбирательство на более ранний срок, дабы до начала собрания законников поставить точку на уголовных делах. Сжимая в руке папку бумаг, являвших собой выписки из образцовых судебных процессов, я вошел в зал суда и занял свое место на скамье.

Судья Форбайзер восседал на возвышении и изучал лежавшие перед ним документы. Его красная мантия ярким пятном выделялась на фоне мрачно одетой толпы. Народу в зале суда собралось немало. Проходящие здесь судебные процессы, и в особенности случай с мисс Уэнтворт, вызвали у общественности большой интерес. Я поискал глазами Джозефа и обнаружил, что он сидит на краю скамьи, под давлением толпы прижавшись к окну. Весь его облик свидетельствовал о сильном волнении, я сразу обратил внимание на то, что он кусает губы. В знак приветствия я поднял руку, пытаясь внушить ему уверенность, которой на самом деле сам далеко не ощущал. Он посещал Элизабет в тюрьме каждый день, но за это время она по-прежнему не проронила ни слова. Я встретился с ним накануне вечером и сказал, что буду строить свою защиту, упирая на ее помешательство, ибо ничего иного нам не остается.

Немного поодаль я заметил человека, необычайно похожего на Джозефа, должно быть, его родного брата, Эдвина. Он был одет в отороченный мехом зеленый дублет добротного вида. Лицо его выражало явное беспокойство. Заметив на себе мой взор, он метнул в меня гневный взгляд и еще крепче завернулся в свое одеяние. Значит, он знал меня в лицо.

Перед Эдвином, на другом ряду, сидел тот самый молодой человек, который следил за мной у аптекарской лавки Гая. На этот раз на нем был

строгого покроя дублет темно-зеленого цвета. Подбородком он опирался на согнутую в локте руку, которую самым бесцеремонным образом поместил на перила, отделявшие слушателей от судей. Его устремленный на меня взгляд был вызывающим и источал некий нездоровый интерес. Я нахмурился, и, будто в ответ, он мне коротко улыбнулся, после чего, слегка поерзав на месте, принял более удобное положение. Как я и думал, они послали следить за мной этого негодяя. Очевидно затем, чтобы выбить меня из седла. Но не тут-то было. Что-что, но этого сделать им не удастся. Я поправил на себе мантию и бодрым шагом направился к скамье, на которой обычно сидели адвокаты и которая сейчас пустовала, поскольку данное разбирательство было связано с уголовными преступлениями. Стоило мне на нее опуститься, как я заметил в проходе Билкнэпа. Он разговаривал с одним из постоянных членов суда, представителем священнослужителей.

В те времена по-прежнему существовало множество злоупотреблений духовным саном. Если обвиняемый признавался виновным, тогда, объявив себя по церковным законам духовным лицом, он имел право для получения наказания быть переданным в руки священника. Все, что требовалось сделать для подачи иска, – это доказать свою грамотность посредством чтения начала пятьдесят первого псалма. Однако король Генрих Восьмой ограничил использование этого права, разрешив применять его только к тем осужденным, которые совершали незначительные преступления. Между тем установление продолжало существовать. Те, кто проходил успешно испытание проверкой грамотности, помещались в церковную тюрьму и пребывали там до тех пор, пока священник не удостоверится в их раскаянии. Данное обстоятельство подтверждалось двенадцатью свидетелями, имевшими достойное положение в обществе, которые давали показания в пользу оправдания осужденного. У Билкнэпа была целая армия таких свидетелей, которые за определенную плату могли подтвердить что угодно. Хотя подобная область его занятий была хорошо известна всем в Линкольнс-Инне, среди барристеров никогда не практиковались доносы друг на друга.

Едва я занял свое место, как Форбайзер устремил свой взор на меня. Было невозможно предугадать его расположение духа, поскольку желчное лицо судьи неизменно носило маску хладнокровного презрения к человеческой греховности. У него была длинная, аккуратно подстриженная поседевшая борода и черные, как угли, глаза, которые впились в меня ледяным взором. Появление на уголовном процессе барристера означало лишнее беспокойство, мешающее судебному разбирательству.

– Что вас сюда привело? – спросил он. Прежде чем ответить, я поклонился.

– Я здесь представляю госпожу Уэнтворт, ваша честь.

– Да? Ну ладно. – И он вновь погрузился в чтение своих бумаг.

Поднялся легкий шум. Это в зал вошли двенадцать присяжных, обратив на себя взоры присутствующих. Вслед за этим открылись двери клетушек, и стража ввела дюжину оборванцев-заключенных. Дела обвиняемых в наиболее серьезных преступлениях – тех, которым грозила смертная казнь, – было принято слушать первыми. Громко гремя цепями и связывающими их между собой наручниками, узники пошаркали к скамье подсудимых. Зал наполнился столь жутким зловонием, что некоторые из присутствующих были вынуждены закрыть свои носы принесенными букетиками цветов. Однако всколыхнувшее зал волнение, казалось, не произвело никакого впечатления на Форбайзера. Элизабет шла в конце шеренги, вслед за полной женщиной, обвиняемой в краже лошади. Соседка юной Уэнтворт по камере крепко держала за руку молодого человека в лохмотьях, который сильно дрожал и едва сдерживал слезы. Не иначе как это был ее сын. Прежде я имел возможность лицезреть лишь лицо Элизабет. Теперь же, увидев ее в полный рост, я отметил, что она была весьма миловидной особой. На ней было серое домашнее платье, помятое и перепачканное после недельного пребывания в Ньюгейте. Я пытался поймать ее взгляд, но она не поднимала головы, тупо вперившись глазами в пол. По залу пробежал ропот, и я заметил, что ее жадно пожирает глазами один молодой человек с острыми чертами лица.

Осужденные заняли свои места на скамье подсудимых. Лица большинства из них были искажены гримасами страха. А молодой конокрад трясся как осиновый лист. Форбайзер метнул на него строгий взгляд. После этого чиновник вышел вперед и каждого из обвиняемых попросил подтвердить или отвергнуть свою вину. Каждый отвечал на его вопрос: «Не виновен». Последней была Элизабет.

– Элизабет Уэнтворт, – серьезным тоном произнес клерк, – вы обвиняетесь в жестоком убийстве Ральфа Уэнтворта, совершенном шестнадцатого мая сего года. Что вы можете сказать в свою защиту – виновны или не виновны?

Я почувствовал, как в зале нарастало напряжение. Я не вставал с места, ибо должен был выждать время и посмотреть, воспользуется ли она последней возможностью говорить. Я глядел на нее умоляющим взором. Но она еще сильнее опустила голову, так что спутанные волосы окончательно скрыли ее лицо. Форбайзер, подавшись вперед, ровным и

непроницаемым тоном произнес:

– К вам обращаются с вопросом, мисс. В ваших интересах было бы лучше на него ответить.

Она подняла голову и посмотрела на судью таким же взглядом, каким взирала на меня в камере заключенных. Пустой, отсутствующий, ничего не выражающий, он был будто направлен сквозь тебя. От этого взора Форбайзер даже слегка покраснел.

– Мисс Уэнтворт, вы обвиняетесь в одном из самых злостных преступлений против Бога и человечества. Принимаете вы или нет суд присяжных?

Она даже не шевельнулась, по-прежнему продолжая хранить молчание.

– Что ж, хорошо. Мы вернемся к этому в конце нашего заседания. – Сощурившись, он на миг смерил ее пристальным взглядом, после чего добавил: – Приступим к первому делу.

Я глубоко вздохнул. Пока служащий зачитывал обвинения каждого из заключенных, Элизабет стояла неподвижно. Не сменила она своего положения и в течение следующих двух часов и лишь временами переминалась с ноги на ногу.

Мне не доводилось бывать на уголовных судах уже несколько лет. Поэтому я был несколько удивлен беспечной скоротечностью проходящего процесса. После предъявления обвинения каждому из подсудимых в зал вызывались свидетели. Они приносили клятву в том, что будут говорить правду и только правду. Заключенным позволялось задавать вопросы своим обвинителям, а также приводить своих собственных свидетелей. На протяжении рассмотрения нескольких дел суд превратился в балаган. Участники процесса снизошли до того, что принялись обмениваться между собой отборной бранью, и Форбайзер громким надрывным голосом был вынужден призвать их к тишине и порядку. Против конокрада выступил хозяин постоянного двора. И сколь толстая дама, мать вора, ни упорствовала в том, что никогда не бывала на месте преступления, в котором ее обвиняли, перевес оказался на стороне обвинителя, который привел с собой еще двух свидетелей. Бедняга-конокрад все это время молча трясся от страха, временами издавая всхлипывания. Через некоторое время присяжные удалились на совещание. Они собирались в специальной комнате и находились там без еды и питья до тех пор, пока не достигали согласия в вынесении приговора, что обыкновенно продолжалось совсем недолго. В минуты ожидания подсудимые от волнения переминались с ноги на ногу, гремя цепями. В зале поднялся шум.

После долгого пребывания большого числа людей в душной комнате

она пропиталась резким зловонием. Проникающий через окно солнечный луч сильно прогрел мне спину, и я ощутил, что сам начинаю покрываться испариной. Данное обстоятельство заставило меня выругаться про себя: судьи терпеть не могут потеющих защитников. Я огляделся. Джозеф сидел на прежнем месте, погрузив голову в ладони. Его брат не спускал с Элизабет ледяного неподвижного взгляда. Глаза его были слегка сощурены, а рот плотно сжат. Тот парень, который устроил за мной слезку, откинулся назад на своей скамье, сложив руки на груди.

Наконец присяжные вернулись. Служащий протянул Форбайзеру пачку листов, которые являли собой решение судебных заседателей. Зал затаил дыхание. Узники уставились на бумажки, от которых зависели их судьбы. Даже Элизабет на миг подняла глаза. Пятеро подсудимых были признаны невиновными в краже, а семеро – виновными. Среди последних оказалась и толстая дама со своим сыном, которого звали Паллен. Когда был прочтен их приговор, мать в отчаянии обратилась к судье, взывая к его милосердию и моля пощадить сына, которому недавно исполнилось всего девятнадцать лет.

– Мистрис Паллен. – Форбайзер слегка скривил нижнюю губу, и краснота проступила сквозь его аккуратно выстриженную бородку. Этим характерным жестом он всегда выражал свое презрение. – Вы украли лошадь вместе, а значит, вместе повинны в краже. Поэтому вам придется разделить одну петлю на шее. Из толпы донесся легкий смешок, но Форбайзер метнул в зал резкий взгляд. Он не любил проявления столь жестокого легкомыслия в суде, несмотря даже на то, что оно было вызвано его шуткой. Конокрад снова зарыдал, и старуха схватила сына за руку.

Констебль снял с оправданных узников цепи, и те радостно засеменяли к выходу. Тех же, кому был вынесен обвинительный приговор, повели обратно в Ньюгейт. Когда грохот их цепей затих, Форбайзер обратился к Элизабет – единственной обвиняемой, оставшейся сидеть на скамье подсудимых.

– Итак, мисс Уэнтворт, – прохрипел он, – будете ли вы говорить теперь?

Ответа не последовало. По залу прокатился шум, но Форбайзер тотчас пресек его строгим взглядом. Я встал, но он жестом велел мне сесть на место.

– Погодите, брат. Сейчас я обращаюсь к этой госпоже. Считаете ли вы себя виновной или нет. Ведь на это так просто ответить.

Она по-прежнему стояла как вкопанная и молчала. Форбайзер сжал губы.

– Что ж, очень хорошо. Закон весьма точно диктует нам, как поступать в

таких случаях. Вы будете подвергнуты пытке *reine forte et dure*. В конце концов вас раздавит пресс, если вы будете упорствовать в своем молчании.

Я снова поднялся с места.

– Ваша честь, – начал было я.

Он обернулся ко мне, устремив суровый взгляд.

– Это уголовное дело, брат Шардлейк. Нам не обязательно выслушивать ваше мнение. Надеюсь, вам известна эта маленькая подробность?

В зале кто-то захихикал. Не иначе как большинство собравшихся были бы не прочь увидеть Элизабет на виселице.

Я набрал в легкие побольше воздуха.

– Ваша честь, я хочу обратиться к вам не по поводу убийства. Но по поводу состояния ума моей подзащитной. Я уверен, что она не может отвечать на ваши вопросы по причине умственного помешательства. Она невменяема. Вследствие этого наказание пыткой для нее не представляет никакого страдания. Я прошу подвергнуть ее обследованию.

– Состояние ее ума могут оценить присяжные тогда, когда она подвергнется испытанию, – отрезал Форбайзер. – А это непременно случится, если она наотрез откажется отвечать на наши вопросы.

Я бросил на Элизабет короткий взгляд. Теперь она глядела на меня, но все тем же мертвым мрачным взором.

– Ваша честь, – продолжал я уверенным тоном, – я бы хотел процитировать случай Анона на королевском суде Англии в тысяча пятьсот пятом году. В нем говорится, что осужденный отказывался признавать или отрицать свою вину. И тогда встал вопрос о его умопомешательстве. И присяжным было предписано его обследовать. – Копию упомянутого мною судебного процесса я протянул судье: – Вот, будьте добры, возьмите...

– Нет, не надо. – Форбайзер затряс головой. – Я прекрасно помню этот случай. Равно как знаю и другой. Случай Беддлоу, имевший место в королевском суде в одна тысяча четыреста девяносто восьмом, который говорит о том, что вопрос помешательства подсудимого имеют право решать только присяжные, и никто иной.

– Принимая во внимание оба этих случая, я смею надеяться, ваша честь, что моя подзащитная, как представительница слабого пола, может рассчитывать на некоторое снисхождение. Тем более что она даже не достигла совершеннолетнего возраста.

Толстая, блестящая от влажности нижняя губа Форбайзера вновь искривилась в презрительной усмешке.

— И по-вашему, мы должны составить список присяжных, которым надлежит определить, является ли она нормальной или нет. А вы, в свою

очередь, выиграете время для своей подзащитной. Нет уж, увольте, брат Шардлейк. Этого вы не добьетесь.

– Ваша честь, но, если моя подзащитная погибнет под пыткой, вы никогда не узнаете, что на самом деле произошло. Основание достаточно веское. Справедливость призывает нас провести полное исследование данного случая.

– Теперь вы, кажется, подвергаете сомнению сам подход к данному делу. Нет, я не позволю... – Но она же может быть беременной, – в отчаянии перебил его я. – Мы же ничего толком не знаем. Потому что она ничего не говорит. Нам следует подождать, чтобы проверить эту возможность. Пытка может убить нерожденное дитя.

Очередная волна гула прокатилась по залу суда. Выражение лица Элизабет изменилось. Теперь она глядела на меня с откровенным гневом.

– Желаете ли вы, сударыня, просить суд об отсрочке, ссылаясь на свой живот? – спросил Форбайзер.

Она слегка потрясла головой, потом вновь опустила ее, так что лица не стало видно из-за волос.

– О, насколько я могу судить, вы понимаете по-английски. – Он вновь обернулся ко мне. – Вы хватаетесь за любую возможность, чтобы оттянуть время, брат Шардлейк. Я этого не позволю.

Ссутулившись, он снова обратился к Элизабет:

– Может, вы еще и не достигли совершеннолетия, мисс. Но зато давно достигли возраста, когда следует отвечать за свои поступки. Вы прекрасно знаете, что хорошо и что плохо в глазах Бога. Вам предъявляется обвинение в сокрытии страшного преступления. А вы тем не менее отказываетесь отвечать на вопросы суда. Я приговариваю вас к пытке прессом, которая начнется с сегодняшнего дня.

Я вновь вскочил с места:

– Ваша честь...

– О господи, да угомонитесь же вы наконец! – рявкнул Форбайзер, треснув кулаком по столу. Потом он подал знак рукой констеблю и сказал: – Уведите ее.

Тот поднялся к скамье подсудимых, и в его сопровождении Элизабет направилась к двери. Она шла, не поднимая головы.

– Пресс – гораздо более медленная смерть, чем петля, – услышал я, как одна женщина говорила другой. – Так ей и надо. – С этими словами за ними закрылась дверь.

Я сидел, сжав ладонями голову. Слышал вокруг гул голосов и шуршание одежды выходящих из зала суда людей. Многие из них пришли

сюда только затем, чтобы поглазеть на Элизабет. Мелкие воришки, кража которых была размером менее шиллинга, вряд ли кого-то могли заинтересовать. Тем, которых признали виновными, грозило заполучить клеймо или потерять уши. Интерес к ним проявлял разве что Билкнэп, рыскавший все это время возле дверей. Дело в том, что осужденные в мелких преступлениях еще имели возможность воспользоваться милостью священнослужителя. Вместе с прочими зал покинул Эдвин Уэнтворт. Я успел увидеть его спину, когда он выходил через дверь. Джозеф остался сидеть на скамье один, провожая неутешным взглядом своего брата. Молодой человек с хищными чертами лица к этому времени уже исчез, очевидно удалившись вместе с сэром Эдвином. Я подошел к Джозефу.

– Мне очень жаль, – произнес я. Он схватил меня за руку.

– Сэр, пойдите со мной. Пойдемте в Ньюгейт. Когда ей покажут пресс, который должны будут на нее положить. Когда она увидит камень, который подопрет ее спину... это так ее испугает, что она начнет говорить. Это может ее спасти, не правда ли?

– Да, и тогда ее снова подвергнут суду. Но боюсь, Джозеф, она не заговорит.

– Но давайте попытаемся. Пожалуйста. Сделаем последнюю попытку. Пойдемте со мной.

Я на миг закрыл глаза, после чего произнес:

– Что ж, будь по-вашему.

Когда мы направились в сторону выхода, Джозеф, издав легкий стон, схватился за живот.

– О, какое несчастье, – воскликнул он. – От беспокойства у меня желудок вовсе вышел из строя. Нет ли здесь поблизости уборной? – Там, за углом. Я подожду вас. Только постарайтесь поскорей. Ее повели прямо на пытку.

Он стал прокладывать себе дорогу через толпу. Оставшись один, я присел на скамейку, но вскоре услышал приближающиеся со стороны зала суда шаги. Дверь резко распахнулась, и помощник Форбайзера, полный низкорослый мужчина, шелестя полами мантии, подбежал ко мне с раскрасневшимся от спешки лицом.

– Брат Шардлейк, – запыхавшись, произнес он, – как хорошо, что я вас нашел. Я боялся, что вы уже ушли.

– А в чем, собственно говоря, дело? Он протянул мне лист бумаги.

– Судья Форбайзер пересмотрел решение, сэр. Он просил меня передать вам вот это.

– Что это?

– Он передумал. У вас есть две недели, чтобы убедить мисс Уэнтворт заговорить.

Я уставился на него непонимающим взором. Я мог ожидать такого от кого угодно, только не от Форбайзера. Кто-кто, но он был менее всего склонен пересматривать свои решения. Что-то в этом деле было не то. Выражение лица служащего, казалось, скрывало за собой некую тайну.

– Копия этого документа уже передана в Ньюгейт.

Сунув бумагу мне в руку, он тотчас ретировался и вскоре скрылся за дверьми зала суда.

Я взглянул на переданный мне лист. Он содержал короткий приказ, подписанный острым почерком Форбайзера. В нем говорилось, что Элизабет Уэнтворт надлежит вернуть в камеру Ямы и продержат там еще двенадцать дней, до десятого июня – на этот день было назначено повторное рассмотрение дела. Я сидел, озираясь по сторонам и пытаюсь взять в толк, что же могло произойти за последние несколько минут.

Вдруг кто-то коснулся моей руки. Когда я поднял глаза, то увидел стоящего возле меня молодого человека с хищными чертами лица. Я вновь нахмурился, и он в свою очередь опять скривил губы в язвительной усмешке, обнажив ровные белые зубы.

– Сэр Шардлейк, – произнес он, – вижу, вы уже получили приказ.

Голос его был резким, под стать внешности, а картавое «р» выдавало простолюдина.

– Что вы хотите этим сказать? Кто вы? Прежде чем представиться, он слегка поклонился.

– Джек Барак, сэр, к вашим услугам. Это я уговорил судью Форбайзера, чтобы вам вручили этот приказ прямо сейчас. Разве вы не заметили, как я выскользнул из зала с заднего хода?

— Нет. Но... что все это значит?

Улыбка его погасла, и лицо вновь стало непроницаемым.

– Я служу лорду Кромвелю. От его имени я убедил судью предоставить вам дополнительное время. Этот упрямый осел жуть как не хотел этого делать. Но лорду Кромвелю не принято перечить. Уж это вы не хуже меня знаете.

– Но почему Кромвель?

– Он не прочь с вами потолковать, сэр. Он здесь, рядом. В Роллз-хаусе. И просил меня препроводить вас туда.

От неожиданного поворота дел у меня заколотилось сердце.

– Но зачем? Что ему от меня нужно? Мы не виделись с ним почти три года.

– У него к вам есть некоторое поручение, сэр. – Барак поднял брови и, широко открыв свои карие глаза, уставился на меня откровенно наглым взглядом. – Две недели жизни девчонки – предварительная плата за ваши услуги.

ГЛАВА 6

Провожая глазами Барака, торопливо шагавшего к конюшням, я чувствовал, что сердце мое бешено колотится, а щеки горят. Мне было прекрасно известно, что лорд Кромвель не чурается запугивать судей. И все же я полагал, что он по мере возможности пытается улаживать дела законным путем и отнюдь не считает грубый наскок лучшим способом разрешения всех противоречий. Да и такой человек, как Барак, вовсе не подходил для выяснения отношений с судьей. Впрочем, Кромвель, возвысившийся до положения первого министра, по-прежнему оставался сыном содержателя харчевни из Путни. Поэтому он охотно прибегал к услугам людей низкого происхождения, разумеется в том случае, если они были достаточно сметливы и решительны. Но, господи боже, чего Кромвель хочет от меня? В последний раз, расследуя по его поручению дело об убийстве, я погрузился в пучину злых страстей, о которой до сих пор вспоминал с содроганием.

Барак вскочил на прекрасную гнедую кобылу с лоснящимися гладкими боками. Пока я седлал Канцлера, он выехал из конюшни и начал нетерпеливо гарцевать перед дверью.

– Готовы? – процедил он сквозь зубы. – Его светлость хочет увидеть вас немедленно.

Выехав на улицу и поудобнее устроившись в седле, я принялся украдкой разглядывать своего спутника. Как я уже успел заметить раньше, жесткий взгляд свидетельствовал о суровом нраве, а крепкое сложение – о том, что он сумеет постоять за себя в любой схватке. На бедре у него висел меч, за пояс был заткнут кинжал. Однако же в колючих глазах несомненно светился ум, а уголки большого чувственного рта были слегка подняты вверх, словно Барак собирался осыпать кого-то насмешками.

– Подождите минуту, – бросил я, увидев, что через двор к нам бежит Джозеф. На пухлых его щеках рдели красные пятна, шляпу он судорожно сжимал в руках. Я сообщил ему, что судья Форбайзер изменил свое решение, однако не стал объяснять причины.

– Ваша речь спасла Элизабет, сэр, – ответил он на это. – Вы сумели тронуть его честь.

Джозеф в любых обстоятельствах сохранял достойную удивления наивность. Поглаживая бок Канцлера, Джозеф устремил на меня сияющий благодарностью взор.

– Мы с этим джентльменом должны спешить, Джозеф, – сказал я. – Меня ждет еще одно срочное дело.

– Понимаю, сэр. Вы должны добиться справедливости для другого несчастного, да? Но вы не оставите нас?

Я искоса посмотрел на Барака; тот едва заметно кивнул.

– Да, конечно. Я непременно свяжусь с вами, Джозеф. Знаете, сейчас, когда у нас появилось время для того, чтобы тщательно расследовать все обстоятельства смерти Ральфа, я рассчитываю на вашу помощь.

– Я к вашим услугам, сэр. Готов сделать все, что в моих силах.

– Так вот, мне хотелось бы, чтобы вы попросили вашего брата Эдвина принять меня в своем доме. Скажите ему, что виновность Элизабет вызывает у меня некоторые сомнения и я хочу услышать о случившемся от него самого.

На лицо Джозефа набежала тень.

– Это необходимо, Джозеф, – мягко произнес я. – На самом деле я уверен в том, что Элизабет не убивала Ральфа. Но я должен поговорить со всеми членами семьи. И осмотреть дом и сад.

Джозеф прикусил губу и нерешительно кивнул.

– Я попытаюсь, сэр, – пробормотал он. — Надеюсь, он даст согласие.

– Вот и замечательно, – сказал я, похлопав его по плечу. – А сейчас я должен ехать.

– Я обо всем расскажу Элизабет! – крикнул он нам вслед. – Расскажу ей, что благодаря вашему красноречию она сумела избежать страшной смерти!

Услышав это, Барак бросил на меня взгляд, полный откровенной насмешки.

Мы двинулись по Олд-Бейли. Судебный архив находился неподалеку, прямо напротив Линкольнс-Инна. Он располагался в нескольких зданиях, прежде именовавшихся Домом обращения. Здесь получали религиозные наставления евреи, желающие обратиться в христианство. С тех пор как столетия назад все иудеи были изгнаны из Англии, здесь расположился архив Судебной палаты лорд-канцлера. Впрочем, время от времени здесь находили пристанище иудеи, неизвестно какими путями проникшие в Англию и выразившие намерение принять истинную веру. Здесь же находилась контора Шести клерков, которая управляла судом лорд-канцлера. Должность главы Дома обращения предполагала и исполнение обязанностей главного хранителя архива.

– Мне казалось, лорд Кромвель сложил с себя обязанности главного хранителя архива, – заметил я, обернувшись к Бараку.

– Но в этом здании у него по-прежнему есть кабинет. Здесь он работает, когда не хочет, чтобы его беспокоили.

– Можете вы наконец сказать, зачем я столь срочно понадобился лорду Кромвелю?

– Милорд расскажет вам об этом сам, – покачал головой Барак.

Мы поднялись на холм Лудгейт. День снова выдался жаркий. Встречавшиеся нам женщины с корзинками, полными продуктов, закрывали лица легкой тканью, дабы защитить их от пыли, летевшей из-под колес карет и повозок. Я бросил взгляд вниз, на красные черепичные крыши и широкую ленту реки, сверкавшую на солнце. Был час отлива, и густой ил, отливавший грязной желтизной из-за сточных вод, ежедневно извергаемых в реку, окаймлял берега широкими зловонными полосами. В последнее время по Лондону ходили упорные слухи о том, что по ночам над кучами отбросов пляшут какие-то огненные искры; многие считали это предзнаменованием грядущих бедствий.

Я вновь предпринял попытку вытянуть из Барака хоть какие-нибудь сведения.

– Насколько я понимаю, речь идет о каком-то весьма важном деле. Форбайзер не из тех, кого легко запугать.

– Как и все законники, он прежде всего беспокоится о собственной шкуре, – презрительно процедил Барак.

– Неведение начинает меня томить, – пожал я плечами. – Неужели я имел несчастье вызвать гнев лорда Кромвеля?

– Пока нет, – усмехнулся Барак. – Вам, напротив, предоставляется случай заслужить его одобрение. Для этого надо лишь выполнить то, что граф от вас потребует. Я же сказал, милорд хочет дать вам поручение. Но поспешим. Нам нельзя терять времени. Мы въехали на Флит-стрит. Над монастырем Белых братьев висело облако пыли, так как все его здания сносили. Домик привратника покрывали леса, рабочие при помощи резцов сбивали со стен лепные украшения. Один из них подбежал к нам, предупреждая вскинув грязную руку.

– Прошу вас, господа, остановитесь на минуту, – крикнул он.

– Мы едем по делам лорда Кромвеля, – нахмурившись, процедил Барак. – Прочь с дороги.

Рабочий вытер руку о холщовый фартук.

– Прошу прощения, сэр. Я всего лишь хотел предупредить вас. Церковь вот-вот взорвет, и грохот может испугать лошадей.

– Посмотрите-ка... – начал Барак, однако договорить ему не удалось.

Над монастырской стеной взметнулись языки пламени, а за ними

последовал оглушительный взрыв, в сравнении с которым раскат грома казался комариным писком. Потом раздался грохот падающих камней, сопровождаемый ликующими возгласами рабочих. Нас окутало облако пыли. Кобыла Барака, как выяснилось, была не из пугливых – она лишь слегка заржала да отпрянула в сторону. Но бедняга Канцлер тут же взвился на дыбы, едва не выбросив меня из седла. К счастью, Барак успел схватить выпавшие у меня из рук поводья.

– Успокойся, приятель, успокойся, – несколько раз произнес он.

Канцлер внял увещаниям и перестал бить в воздухе ногами. Однако весь дрожал. Да и я тоже.

– Испугались? – усмехнулся Барак.

– Испугался. Спасибо, что пришли мне на выручку.

– Господи боже, ну и пылица.

Облако пыли, смешанной с мельчайшими частичками пороха, оседало прямо на нас. За несколько мгновений моя мантия и камзол Барака приобрели серый оттенок.

– Давайте быстрее выберемся отсюда.

– Мне очень жаль, господа, – раздался за нашими спинами обеспокоенный голос рабочего.

– Обойдемся без твоих сожалений, олух, – через плечо огрызнулся Барак.

Мы повернули на Канцлер-лейн. Лошади все еще не успокоились, к тому же им досаждали жара и мухи. Пот катил с меня градом, а Барак, казалось, даже не замечал палящего солнца. Несмотря на его отталкивающие манеры, я был ему благодарен. Если бы не он, я бы неминуемо свалился с лошади.

Я бросил тоскливый взгляд на столь хорошо знакомый вход в Линкольнс-Инн и вслед за Бараксом въехал в ворота судебного архива, расположенные напротив. Над комплексом зданий возвышалась величественная церковь. Стражник в желто-синей ливрее, которые носили люди Кромвеля, стоял у дверей с пикой. Барак кивнул ему, и тот, поклонившись, сделал знак мальчику, который взял наших лошадей под уздцы и повел в конюшню.

Барак распахнул дверь, и мы вошли в церковь. Свитки пергамента, перевязанные красными лентами, лежали здесь повсюду: они были сложены вдоль стен, покрытых росписями на библейские сюжеты, громоздились на церковных скамьях. Тут и там судейские клерки в черных мантиях перебирали свитки и просматривали их в поисках прецедентов. Несколько человек ожидали у дверей конторы Шести клерков, когда им

выдадут предписание или назначат дату слушания их дела.

Мне ни разу не доводилось бывать здесь, ибо в тех редких случаях, когда приходилось направлять дело в суд лорд-канцлера, я поручал всю бумажную канитель своему помощнику. Я обвел глазами бесконечные ряды свитков. Барак поймал мой взгляд. – Если призраки старых евреев на досуге захотят почитать, они вряд ли найдут здесь что-нибудь занимательное, – усмехнулся он. – Идемте, нам сюда.

Он направился к боковой капелле. У дверей стоял еще один стражник в желто-синей ливрее. Я мысленно удивился тому, что Кромвель вынужден окружать себя таким количеством вооруженных охранников. Барак негромко постучал и вошел. Я последовал за ним, ощущая, как сердце едва не выскакивает из груди.

Стены в боковой капелле оказались побелены, дабы скрыть росписи, которые Кромвель считал нечестивым идолопоклонничеством. Часовня была превращена в просторный кабинет; вдоль стен высились книжные шкафы, перед внушительных размеров письменным столом стояло несколько стульев. Неровный свет проникал сюда сквозь витражное окно, расположенное под самым потолком. В углу, за низеньким столиком, сидел какой-то человек в черной мантии. Вглядевшись, я узнал в нем Эдвина Грея, секретаря лорда Кромвеля. Он работал на лорда Кромвеля уже пятнадцать лет, еще с тех пор, как тот входил в свиту кардинала Вулси. В те времена, когда я пользовался расположением Кромвеля, мне нередко приходилось иметь дело с его секретарем. Увидев нас, Грей поднялся и поклонился. Круглое розовое лицо его, обрамленное редующими седыми волосами, выражало откровенное беспокойство.

Грей пожал мне руку; я заметил, что пальцы его потемнели от ввевшихся в кожу чернил. Когда он кивнул Бараку, во взгляде его мелькнула плохо скрываемая неприязнь.

– Рад приветствовать вас, мастер Шардлейк. Как поживаете, сэр? Давненько мы с вами не виделись.

– Неплохо, мастер Грей. А как ваши дела?

– Тоже неплохо, учитывая, сколь тревожные настали времена. Граф только что получил важное письмо и должен его прочитать. Но он примет вас с минуты на минуту.

– В каком он расположении духа? – рискнул я осведомиться.

– Сами увидите, – несколько замешкавшись, ответил Грей.

Вдруг он резко повернулся, потому что дверь распахнулась и в комнату вошел Томас Кромвель. Лицо его было хмурым и озабоченным, однако же, стоило ему увидеть меня, улыбка осветила тяжелые черты.

– Мэтью, Мэтью! – с неподдельной радостью воскликнул он, крепко сжал мою руку и опустился на стул.

Я не видел своего всемогущего патрона более трех лет и теперь незаметно разглядывал его. Одет он был, по своему обыкновению, очень скромно: в черную мантию и темно-синий камзол, на котором, впрочем, сверкал орден Подвязки, недавно пожалованный ему королем. Присмотревшись к лорду Кромвелю, я был поражен произошедшей переменой. Казалось, грубые черты его лица еще сильнее налились тяжестью вследствие постоянных тревог и забот. Каштановые волосы графа теперь стали почти совсем седыми.

– Как поживаете, Мэтью? – осведомился Кромвель. – Надеюсь, ваша адвокатская практика процветает?

Я замешкался, думая о делах, которых недавно лишился.

– Благодарю вас, милорд, у меня все хорошо, – ответил я наконец.

– А в чем это вы выпачкали свою мантию? А вы – свой камзол, Джек?

– Это всего лишь пыль, милорд, – ответил Барак. – Мы проезжали мимо монастыря Белых братьев как раз тогда, когда там взорвали дом собраний. Нас едва не завалило обломками.

Кромвель расхохотался. – Ну а мое поручение? – спросил он, бросив пронзительный взгляд на Барака. – Вы выполнили его?

– Разумеется, милорд. С Форбайзером не было никаких хлопот.

– Я знал, что он не будет упрячиться, – усмехнулся Кромвель и вновь повернулся ко мне. – Когда я узнал о том, что вы ведете дело Уэнтвортов, у меня появились кое-какие соображения. Я решил, что, как в старые добрые времена, мы с вами можем помочь друг другу.

Кромвель широко улыбнулся. Откуда ему знать, что я занимаюсь этим делом, с недоумением спрашивал я себя. Впрочем, граф, как известно, имеет глаза и уши повсюду, а уж в Линкольнс-Инне у него более чем достаточно осведомителей.

– Я очень признателен вам за доверие, милорд, – осторожно заметил я.

– Я знаю, Мэтью, что вы – неутомимый борец за справедливость, – прищурился Кромвель. – Жизнь этой девушки много значит для вас?

– Да, милорд, – кивнул я и подумал о том, что в последнее время все мои мысли были поглощены исключительно делом Элизабет.

«Любопытно, почему?» – пронеслось у меня в голове.

Несомненно, увидев это беспомощное и беззащитное создание, распростертое на грязной соломе Ньюгейтской тюрьмы, я был потрясен до глубины души. Если Кромвель избрал Элизабет в качестве рычага, при помощи которого он собирается на меня воздействовать, он сделал

правильный выбор.

– Я уверен, что девушка невиновна, милорд. Кромвель предупреждающе вскинул руку.

– Меня это ничуть не волнует, – отрезал он, устремив на меня испытующий взгляд.

Я вновь поразился силе, которую источали его темные глаза.

– Мне нужна ваша помощь, Мэтью. В одном чрезвычайно важном и секретном деле. Вы поможете мне, а я, со своей стороны, обещаю, что казнь вашей подзащитной будет отсрочена на двенадцать дней. За это время вы должны выполнить мое поручение. Так что в нашем распоряжении меньше двух недель. Садитесь, – добавил он, кивнув на стул.

Я повиновался. Барак подошел поближе и встал у стены, скрестив на груди руки. Бросив взгляд на письменный стол Кромвеля, я заметил миниатюрный портрет в изящной серебряной рамке. Женщина, изображенная на портрете, была мне незнакома. Проследив за моим взглядом, Кромвель нахмурился и отвернул рамку.

– Джек – верный и преданный слуга, – кивнул он в сторону Барака. – Он – один из тех немногих, кому известна эта история. Всего таких восемь человек, включая меня, Грея и его величество короля.

При упоминании монарха глаза мои полезли на лоб от удивления. Сняв шляпу при входе в церковь, я держал ее в руках и теперь принялся невольно вертеть и мять ее.

– Один из пятерых оставшихся вам тоже хорошо известен, Мэтью, – с усмешкой сообщил Кромвель. – Вам нет нужды превращать свою шляпу в тряпку. Я не собираюсь предлагать вам вступить в сделку с собственной совестью. – Кромвель откинулся на спинку стула и покачал головой. – Признаюсь, Мэтью, когда вы расследовали убийство в Скарнси, я был излишне нетерпелив. Я осознал это слишком поздно. Но никто из нас и представить не мог, каким сложным и запутанным окажется это дело. Вы знаете, как высоко я ценю ваш ум, вашу проницательность и ваше умение в любых обстоятельствах докопаться до правды. Я отдавал должное вашим достоинствам уже давно, еще в ту пору, когда мы были молодыми реформаторами. Помните те времена? – Губы Кромвеля тронула улыбка, однако на лице по-прежнему лежала тень. – Времена, когда мы были исполнены надежд и благих намерений.

На несколько секунд граф погрузился в молчание. Я вспомнил о слухах, согласно которым устроенный Кромвелем брак короля с принцессой Клевской навлек на него гнев монарха, и подумал о том, что они, вероятно, недалеко от истины.

– Могу я узнать, кто тот старый знакомый, о котором вы упомянули, милорд? – осмелился я прервать молчание.

Кромвель кивнул.

– Вы знаете Майкла Гривстуда? Линкольнс-Инн – это замкнутый тесный мирок, в котором все знают друг друга.

– Вы имеете в виду поверенного, который работал на Стивена Билкнэпа? – уточнил я.

– Именно его.

Я прекрасно помнил этого суетливого коротышку с острым и пронзительным взглядом. Он поддерживал дружеские отношения с Билкнэпом и, подобно своему приятелю, находился в постоянном поиске выгодных авантур. Однако Гривстуд не обладал расчетливостью и трезвостью Билкнэпа, и все его замыслы, как правило, оборачивались крахом. Как-то раз он обратился ко мне за советом в одном сложном деле о дележе имущества. Будучи не слишком сведущим в тонкостях закона, он совершенно запутался в этом деле и был очень признателен мне за помощь. Впрочем, свою благодарность он выразил весьма своеобразно: пригласил на обед, во время которого обрушил на мою голову целый поток безумных проектов, от участия в которых я счел за благо отказаться.

– Это человек того же сорта, что и Билкнэп, только более низкого полета, – усмехнулся я. – Кстати, я давно не видел его в Линкольнс-Инне. Говорят, он получил место в Палате перераспределения монастырского имущества.

– Получил, – кивнул Кромвель. – Он поступил под начало Ричарда Рича и, подобно своему патрону, должен был содействовать избавлению нашей страны от монастырей.

Кромвель сложил ладони домиком и подпер ими подбородок.

– В прошлом году монастырь Святого Варфоломея в Смитфилде дал согласие на добровольный роспуск, – продолжал он. – Гривстуда направили туда, дабы он надзирал за составлением описи монастырских ценностей, направляемых королю.

Я кивнул. Монастырь Святого Варфоломея был одним из самых крупных в стране. Насколько мне было известно, настоятель его вступил в сговор с Кромвелем и Ричем, и в награду за уступчивость ему была обещана большая часть монастырских земель. То был более чем щедрый куш, в особенности для человека, который, согласно принесенному обету, должен был провести свои дни в нужде и лишениях. Говорили, что ныне отец Фуллер, сраженный изнурительной болезнью, находится при смерти. Многие считали, что Господь покарал его за согласие на закрытие

больницы для бедных, издавна находившейся при монастыре. Впрочем, кое-кто полагал, что Божья кара здесь ни при чем и что настоятеля отравил медленно действующим ядом Ричард Рич, уже успевший вселиться в его прекрасный дом.

– Вместе с Гривстудом в монастырь поехало несколько служащих из Палаты перераспределения, – продолжал Кромвель. – Им следовало определить, что из церковного убранства представляет наибольшую ценность, какая утварь подлежит переплавке, а какую следует сохранить и все прочее. Гривстуд обратился к монастырскому библиотекарю с просьбой показать ему самые ценные книги. Служащие из Палаты перераспределения обычно выполняют подобные поручения с величайшим тщанием. Они заглядывают в самые укромные уголки, даже в те, про которые сами монахи давно думать забыли.

– Я знаю.

– Так вот, в церковном подвале, в затянутом паутиной углу они обнаружили нечто весьма любопытное.

Кромвель подался вперед, его темные глаза, казалось, хотели просверлить меня насквозь.

– Некое вещество, утраченное человечеством столетия назад, вещество, давно превратившееся в легенду и недостижимую мечту алхимиков.

Я в изумлении смотрел на Кромвеля. Подобный поворот событий оказался для меня полной неожиданностью. Мой собеседник натужно рассмеялся.

– Вижу, вы решили, что я вздумал рассказывать вам сказки, да? Скажите, Мэтью, доводилось вам когда-нибудь слышать о греческом огне?

– Не уверен, – пожал я плечами. – Хотя это название представляется мне смутно знакомым.

– Сам я впервые услышал о нем всего несколько недель назад. Так вот, греческий огонь – это некое жидкое вещество неизвестного состава, которое еще восемь веков назад византийские императоры использовали в сражениях против персов. При помощи специальных орудий они метали этот огонь во вражеские корабли, и те моментально воспламенялись с кормы до носа. Греческий огонь горит даже на воде, и за считанные минуты он способен уничтожить целый флот. Формула, по которой его изготавливали, содержалась в строжайшей тайне и передавалась от одного византийского императора к другому. В конце концов она была утеряна. На протяжении столетий алхимики пытаются ее восстановить, однако все их усилия остаются безрезультатными. Дайте-ка мне пергамент, Грей, – окликнул Кромвель, прищелкнув пальцами.

Грей поднялся из-за стола и вручил своему патрону кусок ветхого пергамента.

– Взгляните, Мэтью, – сказал Кромвель, протягивая свиток мне. – Только обращайтесь с ним осторожно.

Я бережно взял драгоценную реликвию. Пергамент был очень древним, углы истрепались, а в центре зияла дыра. Я разглядел несколько слов по-гречески, над которыми находился рисунок, выполненный без всякой перспективы, – такими в прежние времена монахи-переписчики украшали книги. На рисунке были изображены два весельных судна, противостоящих друг другу на водной глади. Из золотой трубы, стоявшей на носу одного корабля, вырывались алые языки огня, воспламенявшие корабль противника.

– Судя по всему, и рисунок и надпись сделали монахи, – заметил я.

– Вы правы, – кивнул Кромвель.

Потом он погрузился в молчание, словно собираясь с мыслями. Я бросил взгляд на Барака: тот весь превратился в слух. Лицо его было сосредоточенным и серьезным, на нем не осталось и следа недавней насмешливости. Грей, скрестив руки на груди, не сводил глаз с пергамента.

Кромвель заговорил вновь, отчетливо, но негромко:

– Прошлой осенью, когда Гриввуд находился в монастыре Святого Варфоломея, один из клерков Палаты перераспределения попросил его заглянуть в церковь. В церковном подвале, посреди всякого хлама, был обнаружен запаянный бочонок. Когда его открыли, выяснилось, что он полон густой темной жидкости, издававшей отвратительный запах. По словам Гриввуда, так должно смердеть в нужнике Люцифера. Никогда прежде он не видел ничего подобного. Майкл Гриввуд любопытен, и потому он решил как следует все рассмотреть. На бочонке он увидел металлическую табличку, на которой было выгравировано имя – «Алан Сент-Джон». И латинские слова: «Lupus est homo homini».

– Человек человеку волк, – перевел я.

– Да, это прекрасно можно сказать по-английски. Но монахи питают неодолимую любовь к латыни. Так вот, Гриввуд спросил у монастырского библиотекаря, нет ли в его книгохранилище каких-нибудь сведений о человеке по имени Сент-Джон. Тот порылся в каталоге и действительно нашел упоминание о некоем капитане Сент-Джоне, передавшем монастырской библиотеке целый ящик древних рукописей, посвященных греческому огню. Сам Сент-Джон умер в монастырской больнице более ста лет назад. Он был старым солдатом, по найму служил в Константинополе, когда тот был захвачен турками. И он рассказал монахам много

интересного. – Кромвель вскинул бровь. – По его словам, некий византийский библиотекарь, вместе с ним спасшийся на лодке из осажденного города, передал ему бочонок с греческим огнем, а также формулу, по которой это вещество можно изготовить. Сам библиотекарь нашел все это, разбирая старинные рукописи. Он отдал бочонок и формулу Сент-Джону, дабы столь мощное оружие оказалось в руках христиан, а не проклятых турецких язычников. Видите, пергамент разорван?

– Да, действительно.

– Гривстуд вырвал отсюда формулу, которая была написана по-гречески над рисунком, а также описание конструкции аппарата для метания греческого огня. Разумеется, он был обязан доставить столь важную находку мне – ибо все монастырское имущество ныне является собственностью короля. Однако Гривстуд этого не сделал.

Кромвель нахмурился, у губ его залегли глубокие складки. В воздухе повисло молчание, и, взглянув на собственные руки, я увидел, что они вновь мнут шляпу. Наконец лорд Кромвель заговорил по-прежнему тихим, но звучным голосом:

– У мастера Гривстуда есть старший брат Сэмюель. Более известный как Сепултус Гривстуд, алхимик.

– Сепултус, – пробормотал я. – По-латыни это значит «погребенный».

– По всей видимости, выбирая себе подобное имя, он хотел намекнуть, что в голове его погребены знания, недоступные простым смертным. Многие алхимики предпочитают величать себя загадочными латинскими именами, дабы скрыть собственное невежество и бессилие. Так вот, услышав от своего брата Майкла историю о греческом огне, Сепултус решил, что формула стоит целого состояния.

Я судорожно сглотнул, только сейчас начиная осознавать, сколь важным является дело, за которое мне предстояло взяться.

– Бесспорно, эта формула представляет собой огромную ценность, – заметил я. – Но лишь в том случае, если она подлинная. Алхимики щедры на обещания всякого рода чудес, но большинство их изобретений гроша ломаного не стоят.

– О, в подлинности этой формулы нет никаких сомнений, – заверил Кромвель. – Я собственными глазами видел греческий огонь в действии.

При этих словах я, сторонник церковной реформы, убежденный в том, что осенять себя крестным знаменем – кощунственный и нелепый предрассудок, почувствовал сильнейшее желание перекреститься.

– Братья Гривстуды потратили несколько месяцев на то, чтобы, руководствуясь формулой, самостоятельно изготовить греческий огонь.

Лишь в марте этого года Майкл Гриввуд обратился ко мне. Разумеется, человек, занимающий столь низкое положение, не мог лично явиться ко мне на прием и вынужден был прибегнуть к услугам посредников. Один из них принес мне пергамент и прочие документы, найденные в монастыре. Все, кроме формулы. А еще я получил письмо от братьев Гриввудов, в котором говорилось, что им удалось получить греческий огонь. Они предлагали продемонстрировать его в действии. Обещали предоставить формулу – в том случае, если я пожелаю с ней ознакомиться. Взамен они требовали закрепить за ними исключительное право на производство греческого огня.

– Но формула отнюдь не является их собственностью, – сказал я, взглянув на разорванный пергамент. – Как вы совершенно справедливо заметили, милорд, подобно прочему монастырскому имуществу, она должна была перейти во владение короля.

Вы правы, Мэтью, – кивнул Кромвель. – Братья присвоили себе то, что им не принадлежит, и это давало мне полное право бросить их в Тауэр. Там у них быстро развязались бы языки. Именно так я и намеревался поступить, получив письмо. Но по зрелом размышлении я отказался от этого намерения. Несомненно, подумал я, сейчас эти пройдохи настороже и могут скрыться прежде, чем их успеют схватить. А сбежав из Англии, они не остановятся перед тем, чтобы продать формулу нашим врагам – французам или испанцам. От подобных мошенников можно ожидать любого предательства. И я решил подыграть им, по крайней мере до тех пор, пока они не убедят меня в том, что греческий огонь существует в действительности. А потом ничто не мешало мне застигнуть братьев врасплох и арестовать за кражу королевского имущества как раз в тот момент, когда они будут торжествовать победу. Кромвель поджал губы.

– Однако мой расчет оказался неверным, – проронил он и устремил недовольный взгляд на Грея, по-прежнему стоявшего у меня за спиной. – Сядьте наконец, господин секретарь, – буркнул он, – нечего стоять над душой у Мэтью. Он ничем не повредит этому пергаменту.

Грей отвесил поклон и с непроницаемым лицом вернулся к своему столу. Наверняка он привык к подобным выпадам со стороны своего патрона. Барак не сводил с Кромвеля глаз, и взгляд его был полон почти сыновней почтительности. Кромвель откинулся на спинку стула.

– Англия взбудоражила всю Европу, Мэтью, – изрек он. – Ведь она стала первым большим государством, вышедшим из-под власти Рима. Папа мечтает, чтобы Франция и Испания объединились и подавили нас. Эти страны не намерены вести с нами торговлю, на Канале уже ведется

необъявленная война с французами. Большую часть доходов, полученных в результате уничтожения монастырей, мы вынуждены тратить на усиление военной мощи державы. Если бы вы узнали, насколько велика эта сумма, волосы у вас на голове встали бы дыбом. Мы возводим на побережье новые укрепления, строим корабли, производим ружья и пушки...

– Мне все это известно, милорд. Угроза военного вторжения буквально висит в воздухе.

– Да, для тех, кто верен Реформации, это действительно угроза. Есть и такие, кто рассчитывает на подобное вторжение и связывает с ним свои грязные планы. Надеюсь, Мэтью, со времени нашей последней встречи вы не превратились в паписта?

И Кромвель вперил в меня сверлящий, невыносимо пронзительный взгляд.

– Нет, милорд, – поспешно ответил я, сжимая в руках свою злополучную шляпу.

– По моим сведениям, вы не кривите душой, – удовлетворенно кивнул Кромвель. – Мне известно, что вы утратили прежний пыл. Но я знаю также, что вы не стали моим врагом, в отличие от многих прежних сподвижников. Итак, вы понимаете, насколько важно для Англии получить новое мощное оружие, которое сделает наш флот непобедимым. – Да, милорд, но...

Я смолк в нерешительности.

– Продолжайте.

– Милорд, нам не стоит уподобляться безнадежному больному, который в отчаянии хватается за средства, предлагаемые шарлатанами. Уже много веков алхимики обещают людям всякого рода чудеса, но на поверку большинство из этих чудес оказывается обманом.

– Вижу, прежняя проницательность не изменила вам, Мэтью, – одобрительно кивнул Кромвель. – Как и прежде, вы сразу умеете определить самое слабое место любой конструкции. Но вы забыли о том, что я видел греческий огонь. Здесь, в этом кабинете я встретился с братьями Гривстудами и сказал, что буду иметь с ними дело лишь в том случае, если они покажут мне греческий огонь в действии. Я предложил им уничтожить при помощи этого вещества старый корабль, который мы специально поставим на якорь на заброшенной пристани в Дептфорде. Джек все устроил, и через несколько дней, ранним утром, мы отправились в Дептфорд. Там мы с Джеком стали свидетелями того, как Гривстуды за несколько минут спалили корабль.

Кромвель недоуменно развел руками и покачал головой. По всей

вероятности, перед глазами у него вновь встала картина, так потрясшая его воображение.

– Гривуды привезли с собой диковинное металлическое приспособление, которое соорудили сами, – продолжал Кромвель. – Что-то вроде длинной трубки, припаянной к большому баку, соединенному с насосом. И стоило им привести этот механизм в действие, как из трубки вырвался поток жидкого пламени, который сразу охватил весь корабль и сожрал его в мгновение ока. Я был так поражен, что едва не свалился в воду. Это совсем не походило на взрыв, который можно устроить при помощи пороха. То был неукротимый, всепожирающий огонь...

Кромвель вновь покачал головой.

– Тот, кто сам не видел этого, не может представить, как он был стремителен и беспощаден. Словно дыхание чудовищного дракона, – слегка пожав плечами, добавил Кромвель. – Но то была отнюдь не магия, Мэтью. Братья Гривуды обошлись без всяких заклинаний и загадочных жестов. Я уверен, это не колдовство и не шарлатанство, это новое потрясающее изобретение, точнее, древнее изобретение, которое долгие годы было забыто. Через неделю мы устроили еще одну проверку, и результат был столь же впечатляющим. Тогда я рассказал о греческом огне королю.

Я бросил взгляд на Грея, который ответил мне едва заметным кивком. Кромвель перевел дыхание.

– Король принял мой рассказ с воодушевлением, на которое я не смел и рассчитывать. Вы бы видели, как сияли его глаза! Он даже соизволил хлопнуть меня по плечу, хотя уже давно не оказывал мне подобной милости. И разумеется, он пожелал незамедлительно увидеть, как действует греческий огонь. В Дептфорде стоит на якоре старое военное судно, «Милость Божья». Я приказал, чтобы его перегнали сюда к десятому июня. Через двенадцать дней король должен увидеть, как оно будет уничтожено посредством этого вещества.

«Десятое июня», – пронеслось у меня в голове. Именно в этот день истечет отсрочка, данная Элизабет.

– Откровенно говоря, требование короля застало меня врасплох, – продолжал Кромвель. Я и думать не думал, что он будет так настаивать на немедленном показе. До сей поры при встречах с Гривудами я уклонялся от каких-либо обещаний. Но более так продолжаться не может. Я должен получить и формулу, и греческий огонь, который они произвели. И в этом мне поможете вы. – Понятно, – выдохнул я.

– Я рассчитываю, Мэтью, что вы пустите в ход свое умение убеждать и

находить веские доводы. Майкл Гриввуд давно знает вас и питает к вам уважение. Полагаю, если вы напомните ему, что по закону формула является собственностью короля, и монарх выразил настоятельное желание получить ее в свое распоряжение, Гриввуд не станет противиться. С этим делом необходимо покончить как можно быстрее. Джеку я уже выдал сто фунтов золотом, которые братья Гриввуды получают в качестве награды. А вы напомните этим продувным бестиям, что со мной лучше не ссориться. В случае, если они откажутся пойти мне навстречу, им обоим не миновать Тауэра и дыбы.

Голова моя кружилась при мысли о том, что мне придется участвовать в деле, вызвавшем столь горячий интерес короля. Но отказать Кромвелю было невозможно. К тому же в руках его находилась жизнь Элизабет.

– Где живет Майкл Гриввуд? – осведомился я, испустив глубокий вздох.

– Майкл, его жена и его братец Сепултус живут в собственном доме, в Куинхите, в приходе Всех Святых. Дом старый, но просторный, и их лаборатория находится именно там. Отправляйтесь прямо сегодня. Джек поедет с вами.

– Прошу вас, милорд, после того как я выполню ваше поручение, позвольте мне вернуться к моим обычным занятиям. Все эти годы я вел спокойную и размеренную жизнь, и, должен признаться, она вполне отвечает моему характеру.

Я ожидал, что в ответ на подобную просьбу Кромвель обрушит на меня поток упреков, но он лишь косо усмехнулся.

– Разумеется, Мэтью. Привезите мне формулу и греческий огонь и можете вновь возвращаться к своему спокойному времяпрепровождению. – Он впери в меня пристальный взгляд. – Но, надеюсь, вы благодарны за то, что вам предоставлена высокая честь способствовать исполнению королевского желания.

– Чрезвычайно благодарен, милорд.

– Тогда не теряйте времени и отправляйтесь в Куинхит, – изрек Кромвель, поднимаясь из-за стола. – Если Гриввудов не окажется дома, непременно отыщите их. Джек, в конце дня вы должны вернуться сюда и рассказать мне о том, что вам удалось сделать.

– Да, милорд.

Я встал и поклонился. Барак направился к дверям. Прежде чем последовать за ним, я повернулся к своему патрону.

— Милорд, дозволено ли мне будет узнать, почему для выполнения этого поручения вы выбрали именно меня?

Краешком глаза я видел, как Грей предостерегающе качает головой. Но вопрос был уже задан.

– Майкл Гриввуд знает вас как человека кристальной честности и отнесется к вам с доверием, – склонив голову, ответил Кромвель. – А я, в свою очередь, убежден в том, что вы – один из тех немногих, кто не будет пытаться извлечь из этого дела собственную выгоду. Для этого вы слишком честны.

– Благодарю вас, – тихо произнес я. Лицо Кромвеля стало суровым и жестким.

– К тому же вы слишком обеспокоены участью девицы Уэнтворт, — добавил он. – И никогда не осмелитесь мне противоречить.

ГЛАВА 7

Оказавшись на улице, Барак бесцеремонно приказал мне подождать, пока он приведет лошадей. Я стоял на ступенях Дома обращения, смотрел на Канцлер-лейн и думал о том, что вот уже второй раз Кромвель втягивает меня в дело, чреватое весьма опасными последствиями. Но иного выбора у меня не было; даже если мне хватило бы твердости духа воспротивиться Кромвелю, не следовало забывать о несчастной Элизабет. Барак возвратился верхом на своей верной кобыле, ведя под уздцы Канцлера. Я взобрался в седло, и мы двинулись к воротам. На лице Барака застыло сосредоточенное и непроницаемое выражение.

«Что это за имя такое, Барак, – думал я про себя. – Явно не английское, хотя на иностранца мой спутник ничуть не похож».

Мы остановились у ворот, чтобы пропустить длинную процессию, состоящую из угрюмых подмастерьев, принадлежавших, судя по красно-синим кокардам, к гильдии кожевенников. На плечах они несли луки, некоторые держали в руках длинные фитильные ружья. Вследствие угрозы военного вторжения всем молодым людям ныне полагалось проходить обязательное военное обучение. Процессия направилась в сторону Хоборн-филдз.

Мы, напротив, поскакали в Сити.

— Значит, вы видели своими глазами, как действует греческий огонь, Барак, – прервал я молчание, намеренно избрав несколько надменный тон. Про себя я твердо решил, что не дам этому молодому невеже одержать надо мной верх.

– Не орите так, – процедил он, бросив на меня грозный взгляд. – Во все ни к чему, чтобы об этом узнали все зеваки на улицах. Да, я все видел. И все происходило именно так, как рассказывал граф. Не будь я сам свидетелем этого, ни за что бы не поверил.

– При помощи пороха можно проделывать множество впечатляющих трюков. На одном из последних праздничных шествий я видел дракона, который изрыгал огненные шары и...

– Вы что, думаете, меня так просто обвести вокруг пальца? Нет, там, в Дептфорде, порохом даже не пахло. То, что я там видел, еще нигде никогда не использовалось, по крайней мере в Англии.

Он отвернулся и направил свою лошадь в толпу, снующую у Лудгейта.

Мы ехали по Темз-стрит, продвигаясь чрезвычайно медленно, так как

улица сейчас, в обеденное время, была запружена народом. Жара достигла своего пика, и пот градом лил с бедного Канцлера. Я чувствовал, как солнце немилосердно припекает мне щеки. Всадники и прохожие вздымали целые облака пыли, и я невольно закашлялся.

– Осталось немного, — бросил Барак. – Скоро свернем к реке.

Тут в голову мне пришла мысль, которой я решил поделиться со своим спутником.

– Странно, почему Гривстуд не обратился к лорду Кромвелю через сэра Ричарда Рича. Ведь Гривстуд служит в Палате перераспределения, а Рич – глава этого учреждения.

– Гривстуд не доверял Ричу. Всякому известно, что тот своей выгоды не упустит. Скорее всего, Рич выманил бы у Гривстуда формулу и попытался бы использовать ее в собственных интересах. А от Гривстуда нашел бы способ избавиться.

Я кивнул. Сэр Ричард по праву считался блестящим знатоком закона и сведущим политиком; но столь же заслуженной была и его репутация самого жестокого и неразборчивого в средствах человека в Англии.

Мы оказались в лабиринте узких улочек, ведущих к Темзе. Впереди блеснула река. Как и всегда, по ее коричневой глади сновали туда-сюда многочисленные лодки, весельные и парусные. Долетевший с реки ветер принес тяжелый запах гниения: прилив все еще не наступил, и кучи ила, тянувшиеся вдоль берега, испускали зловонные испарения под палящими лучами солнца.

Вулф-лейн оказалась длинной узкой улицей, вдоль которой тянулись старые обшарпанные дома, неприглядные лавки, давно пришедшие в упадок, и дешевые пансионы. На одном из самых больших домов я увидел красочную вывеску, изображавшую Адама и Еву, а меж ними – философское яйцо, легендарный запечатанный сосуд, в котором металл может превращаться в золото. То был знак, указывающий, что в этом доме живет алхимик. Сам дом явно нуждался в ремонте, со стен его пластами отлетала штукатурка, а на черепичной крыше не хватало нескольких плиток. Подобно многим зданиям, возведенным на болотистой прибрежной почве, дом заметно покосился на одну сторону.

Входная дверь была распахнута настежь, и, к немалому своему удивлению, я увидел в проеме молодую женщину в простом платье служанки; она обеими руками держалась за дверной косяк, словно боялась упасть.

– Что это она? – обернулся ко мне Барак. – Никак напилась среди бела дня?

– Понятия не имею, – пожал я плечами. Предчувствие чего-то ужасного сжало мне сердце. Заметив нас, женщина испустила пронзительный вопль:

– Помогите! Ради всего святого, помогите! Произошло убийство!

Барак соскочил с седла и бросился к женщине. Я торопливо привязал обеих лошадей к ограде и последовал за ним. Барак придерживал девушку за плечо; она громко всхлипывала, вперившись в него обезумевшим от испуга взглядом.

– Успокойся, красавица, – с удивившей меня мягкостью произнес Барак. – Скажи нам, что случилось?

Сделав над собой усилие, служанка перестала всхлипывать. Она была очень молода и, судя по круглым румяным щекам, недавно приехала из деревни.

– Хозяин, – пролепетала она. – Господи боже, хозяин...

Я заметил, что от дверного косяка, за который цеплялась девушка, отлетело несколько щепок. Дверь, висевшая на одной петле, явно была взломана. Заглянув в дом, я разглядел длинный темный коридор, увешанный выцветшими гобеленами, на которых были изображены три короля, приносящие дары младенцу Иисусу. А потом я увидел нечто, заставившее меня судорожно вцепиться в руку Барака. Плетеные циновки на полу были покрыты следами. Кровавыми следами.

– Что здесь произошло? – выдохнул я. Барак осторожно потряс девушку за плечи.

– Мы пришли сюда, чтобы помочь. Давай, прекращай лить слезы, красавица. Скажи для начала, как тебя зовут.

«Вполне вероятно, злоумышленник, взломавший эту дверь, по-прежнему находится в доме», – подумал я и сжал рукоять кинжала, висевшего у меня на поясе. – Меня зовут Сьюзен, сэр, – дрожащим голосом ответила девушка. – Я здесь в услужении. Сегодня мы с хозяйкой отправились в Чипсайд за покупками. А когда пришли, увидели, что дверь... вы сами видите, что сделали с дверью. А там наверху мой хозяин и его брат... – Девушка вновь всхлипнула и опасно заглянула в дом. – Господи боже, сэр, они оба мертвы...

– А где твоя хозяйка?

– В кухне. – Служанка испустила тяжелый вздох. – Когда она увидела, что с ними случилось, сразу стала как каменная. С места не могла двинуться. Я усадила ее на стул и сказала, что позову на помощь. Но стоило мне дойти до двери, я почувствовала, что вот-вот упаду. Больше мне не сделать ни шага.

Говоря все это, девушка не выпускала руки Барака.

– Ты смелая девушка, Сьюзен, – заявил он. – Надеюсь, у тебя хватит сил отвести нас к своей хозяйке?

Девушка повернулась и двинулась по коридору. При виде кровавых следов она вздрогнула, судорожно сглотнула и еще крепче сжала руку Барака.

– Судя по следам, убийц было двое, – заметил я. – Один – крупный малый, другой – ростом поменьше.

– Похоже, мы попали в переделку, – пробормотал Барак.

Сьюзен провела нас в просторную кухню, окно которой выходило в мощный булыжником двор. Пол был давно не мыт, очаг почернел от сажи, потолок покрывали темные разводы.

«Как видно, все хитроумные прожекты Майкла Гриввуда оказались не слишком выгодными», – подумал я.

За большим деревянным столом, явно служившим семье на протяжении многих лет, сидела хозяйка. Худая и низкорослая, она оказалась старше, чем я ожидал. На ней был белый фартук поверх дешевого платья, из-под белого чепца выбивались пряди седых волос. Сидела она прямо и неподвижно, вцепившись руками в край стола, и лишь голова ее слегка дрожала.

– Боюсь, потрясение оказалось для бедной женщины слишком сильным, – прошептал я, обернувшись к Бараку. – Сейчас она вряд ли что-нибудь соображает.

Служанка приблизилась к своей хозяйке.

– Сударыня, – неуверенно проговорила она. – Эти люди пришли, чтобы помочь нам.

Женщина вздрогнула и устремила на нас невидящие глаза. Я успокоительно вскинул руку и осведомился:

– Насколько я понимаю, вы мистрис Гриввуд?

– Кто вы такие? – спросила она.

В глазах ее мгновенно зажглись настороженные огоньки.

– Мы пришли по делу к вашему мужу и его брату. А Сьюзен рассказала нам, что сегодня в ваш дом вломились преступники и...

– Они наверху, – едва слышно прошептала мистрис Гриввуд. – Наверху. Оба убиты.

Она переплела свои жилистые руки так, что костяшки побелели.

– Можем мы посмотреть? – со вздохом спросил я.

– Если вы в состоянии выдержать подобное зрелище, – закрыв глаза, проронила она.

– Сьюзен, оставайтесь здесь, со своей хозяйкой, – распорядился я. –

Идемте, Барак.

Барак кивнул. Если он, подобно мне, внутренне и содрогнулся от страха, то, надо признать, виду не подал. Мы направились к дверям, а Сьюзен опустилась на стул рядом с хозяйкой и неуверенно коснулась ее руки.

Мы вновь прошли мимо гобеленов, которые, насколько я мог судить, были вытканы еще в незапамятные времена, и по узкой деревянной лестнице поднялись на второй этаж. Состояние упадка, в котором пребывал дом, здесь было еще заметнее: многие ступеньки провалились, а стену пересекала глубокая трещина. Кровавых следов на втором этаже оказалось еще больше, и где-то в глубине дома кровь капала с медленным и размеренным стуком.

Поднявшись, мы обнаружили несколько дверей, выходящих в коридор. Все они были заперты, за исключением одной. Подобно входной двери, она висела на одной петле и замок был разбит мощным ударом. Я набрал в грудь побольше воздуха и вошел.

Комната оказалась просторной и светлой. В воздухе носился какой-то странный запах, напоминавший запах серы. Подняв глаза к потолку, я увидел, что на балках выведены латинские изречения.

– «Aucto hano piscari», – вслух прочел я и тут же перевел: – «Рыбачить на золотой крючок».

Впрочем, обитателям этой комнаты более не суждено было рыбачить. На полу, покрытом осколками стеклянных трубок и реторт, лежал, раскинув руки, человек в усеянном пятнами фартуке алхимика. Лицо его было превращено в кровавое месиво; один голубой глаз, выбитый из глазницы, казалось, внимательно смотрел на меня. Я ощутил, как мои внутренности болезненно сжались, и поспешно отвернулся.

В лаборатории царил полный разгром, скамьи и стулья были опрокинуты, осколки стекла валялись повсюду. У камина я увидел обломки большого деревянного сундука, обитого железом. Теперь он превратился в грудку потрескавшихся досок, металлические обручи были изогнуты и покорежены. Тот, кто порубил сундук топором – а без топора здесь явно не обошлось, – вне всякого сомнения, обладал недюжинной силой.

Рядом с сундуком лежал на спине Майкл Гриввуд; тело его наполовину прикрывала насквозь промокшая от крови карта звездного неба, которая упала со стены. Шея была почти полностью перерублена, и поток крови, хлынувший из артерии, залил пол и забрызгал стены. К моему горлу вновь подкатил мучительный приступ тошноты.

– Это ваш собрат по ремеслу? – спросил Барак.

– Да, – кивнул я.

Глаза Майкла были широко распахнуты, рот приоткрыт, словно он все еще пытался испустить вопль ужаса.

– Что ж, золото лорда Кромвеля ему не понадобится, – изрек Барак.

Я метнул на него осуждающий взгляд.

– Мертвецу деньги ни к чему, – ничуть не смутившись, пожал плечами Барак. – Давайте спустимся вниз.

Бросив последний взгляд на убитых, с которыми, казалось, разделался мясник, я вслед за Бараксом спустился в кухню. Сьюзен, похоже, оправилась от потрясения и уже успела поставить на плиту большую кастрюлю с водой. Мистрис Гриввуд по-прежнему сидела неподвижно, сцепив на коленях худые жилистые руки.

– В доме еще кто-нибудь живет, Сьюзен? – осведомился Барак.

– Нет, сэр.

– Может кто-нибудь прийти и побыть с вами? – обратился я к мистрис Гриввуд. – Есть у вас родственники или близкие друзья?

– Нет, – проронила она, и на лице ее вновь мелькнуло настороженное выражение.

– Нет так нет, – со своей обычной бесцеремонностью заявил Барак. – Сейчас я поеду к лорду Кромвелю и сообщу ему обо всем. Он решит, что делать дальше.

– Надо бы сообщить констеблю... – начал я.

– К чертям констебля! – перебил Барак. – Прежде всего об убийстве должен узнать граф. А вы оставайтесь здесь с ними. – Он указал на женщин. – Последите, чтобы они никуда не выходили.

Сьюзен устремила на него взгляд, полный ужаса.

– Вы хотите сообщить об убийстве лорду Кромвелю, сэр? – дрожащим голосом пролепетала она. – Но, клянусь, мы ни в чем не виноваты.

– Не беспокойтесь, Сьюзен, – мягко заметил я. – Лорд Кромвель должен обо всем узнать. Он... – Я замешкался, не зная, стоит ли посвящать служанку в подоплеку случившегося.

– Мой муж и его брат работали на лорда Кромвеля, Сьюзен, – раздался голос мистрис Гриввуд, холодный и резкий. – Я знала, что добром это не кончится. Но напрасно я предупреждала этих безмозглых идиотов, что с лордом Кромвелем лучше не связываться. Майкл никогда меня не слушал.

Она вперила в нас свои выцветшие голубые глаза, в которых теперь полыхала откровенная злоба.

– И вот что стало с ним и с его братцем Сепултусом. Безмозглые идиоты.

– Богом клянусь, женщина, вам лучше придержать язык, – взорвался Барак. – Вряд ли пристало поносить собственного мужа, который лежит там наверху с перерезанным горлом!

Я посмотрел на него, удивленный столь неожиданной вспышкой негодования; вероятно, Барак был потрясен не меньше моего, но успешно скрывал свои чувства под напускной бравадой.

– Оставайтесь здесь. Я скоро вернусь, – бросил он мне, резко повернулся и вышел из кухни. Сьюзен не сводила с меня умоляющих глаз, мистрис Гриввуд вновь погрузилась в оцепенение.

– Ни вам, ни вашей хозяйке нечего бояться, Сьюзен, – заверил я, попытавшись растянуть губы в улыбке. – Вам придется ответить на несколько вопросов, только и всего.

Однако бедную девушку слова мои мало успокоили: подобно большинству жителей Англии, она испытывала трепет при одном упоминании о лорде Кромвеле.

«Господи, и угораздило же меня попасть в историю, – сокрушенно думал я. – И почему этот наглец Барак считает себя вправе отдавать мне приказы?»

Подойдя к окну, я выглянул во двор и с удивлением заметил, что покрывавший землю булыжник почернел от копоти; стены, выходившие во двор, тоже потемнели и обуглились.

– У вас что, недавно был пожар? – обратился я к Сьюзен.

– Мастер Сепултус все время проводил во дворе какие-то опыты, – сообщила она и перекрестилась. – Что-то у него так лязгало и шипело, что просто жуть. К счастью, он никогда не просил, чтобы я ему помогала.

– Сепултус не хотел, чтобы мы видели, чем он занимается, – вновь подала голос мистрис Гриввуд. – Когда они с моим мужем устраивали во дворе свои дурацкие опыты, нам со Сьюзен было запрещено даже заходить в кухню.

– И часто они этим занимались? – спросил я, разглядывая почерневшие камни.

– Они начали устраивать опыты во дворе лишь в последнее время, сэр, – ответила Сьюзен. – Я приготовлю травяной настой, сударыня, это немного нас успокоит, – повернулась она к хозяйке. – У меня много сушеных целебных трав. Вы выпьете с нами настоя, сэр?

– Нет, благодарю.

На некоторое время в кухне воцарилось молчание. Мысли мои перескакивали с одного на другое. Возможно, формула греческого огня по-прежнему находится в лаборатории. Возможно, там все еще хранится

какое-то количество этого необыкновенного вещества. Надо воспользоваться возможностью и осмотреть комнату сейчас, прежде чем туда войдет кто-нибудь еще. И хотя перспектива вернуться в залитую кровью лабораторию вызвала у меня содрогание, я заставил себя встать и, приказав женщинам оставаться в кухне, двинулся вверх по лестнице.

У дверей я немного помедлил, собираясь с духом, и решительно вошел. Бедный Майкл был моложе меня, ему было около тридцати пяти. Яркие лучи предзакатного солнца, проникшие в комнату, играли на его мертвом лице. Я вспомнил, как во время нашего совместного обеда в Линкольнс-Инне он показался мне похожим на пронырливого грызуна – такие же маленькие пронзительные глазки и любопытный нос. Не в силах вынести полного ужаса взгляда мертвеца, я торопливо отвернулся.

В голову мне пришло, что с обоими братьями разделались с какой-то оскорбительной небрежностью. Судя по всему, убийцы взломали дверь и прикончили их, словно животных на скотобойне. Каждому хватило одного удара топором. Скорее всего, преступники наблюдали за домом, выжидая, когда женщины уйдут на рынок. Наверное, Майкл и Сепултус, услышав, как кто-то ломится во входную дверь, заперлись в лаборатории, тщетно пытаясь спастись.

Еще раз взглянув на Майкла, я заметил, что поверх рубашки у него тоже надет грязный фартук. Как видно, он помогал своему брату. Но над чем они работали? Я окинул комнату глазами. Никогда прежде мне не доводилось бывать в лаборатории алхимика. Я старался держаться от подобных людей подальше, так как знал, что среди них немало обманщиков и шарлатанов. Однако изображения алхимических лабораторий мне случалось видеть, и, припоминая их, я сообразил, что в этой чего-то не хватает. Сосредоточенно нахмурившись, я прошел вдоль стены, заставленной полками. Битое стекло хрустело у меня под ногами. На одной из полок теснились книги, однако все прочие были пусты. Судя по круглым отпечаткам, оставшимся на пыльной поверхности, раньше здесь стояли колбы и склянки. Да, на картинках разнообразные сосуды с загадочными жидкостями и порошками являлись непременной принадлежностью обиталища алхимика. А в этой комнате их не было. Другим обязательным атрибутом лаборатории на изображениях были причудливо изогнутые реторты для перегонки веществ. Несомненно, злоумышленники превратили их в осколки, усеявшие пол.

«Они забрали с собой все вещества, с которыми работал Сепултус», – пробормотал я себе под нос.

Сняв с полки одну из книг, озаглавленную «Epitome Corpus Hermeticum»^[5], я торопливо пролистал ее. Абзац, отчеркнутый на полях

чернилами, гласил: «Возгонка есть выявление сущности сухого вещества посредством огня, ибо огонь помогает постичь сущность любой вещи, поглощая все прочие ее составляющие». Покачивая головой, я поставил книгу на место и повернулся к обломкам сундука. Взглянув на камин, я заметил, что стена над ним почернела в точности так, как стены, выходящие во двор.

Содержимое сундука было разбросано по полу. То были письма и документы, на некоторых из них виднелись кровавые отпечатки пальцев. Значит, убийцы искали какую-то важную бумагу. Среди документов я обнаружил купчую на дом, по которой он переходил во владение Майкла Гриввуда и его брата Сепултуса, а также брачный контракт Майкла Гриввуда и Джейн Стори, заключенный десять лет назад. Согласно этому контракту отец Джейн после своей смерти оставлял все имущество зятю; мне не часто доводилось сталкиваться с контрактами, составленными на столь выгодных для одной из сторон условиях.

На полу что-то блеснуло, и, наклонившись, я поднял золотую монету. Она выпала из валявшегося рядом кожаного кошелька, в котором я обнаружил еще двадцать монет. Итак, преступники не тронули деньги. Вне всякого сомнения, их интересовало нечто другое. Я встал и сунул монету в карман. К запаху серы, пропитавшему комнату, начал примешиваться еще один. То был сладкий, тошнотворный аромат тления. Направляясь к двери, я услышал, как что-то хрустнуло у меня под каблуком. То были крохотные весы, при помощи которых Сепултус отмерял необходимые для опытов порции веществ. Что ж, они ему больше не понадобятся. Бросив последний взгляд на печальные останки братьев, я вышел из комнаты.

Джейн Гриввуд, погруженная в оцепенение, по-прежнему сидела у стола, Сьюзен, пристроившись рядом, прихлебывала что-то из деревянной чашки. Она встретила меня встревоженным взглядом, а хозяйка даже головы не повернула. Я достал из кармана золотую монету и положил на стол перед Джейн. Она наконец соизволила меня заметить.

– Что это?

– Я нашел это наверху, среди обломков сундука, принадлежавшего вашему мужу. На полу валяется кошелек, полный золотых, а также все документы относительно дома и прочие важные бумаги. Вам лучше убрать все это.

– Документы относительно дома, – кивнула мистрис Гриввуд. – Я полагаю, теперь он принадлежит мне. Правда, мне никогда не нравилась эта покосившаяся развалина. Я была против того, чтобы его покупать.

– Да, дом перейдет к вам, но лишь в том случае, если Майкл не имеет

сыновей.

– Нет у него никаких сыновей, – с неожиданной горечью произнесла она и внимательно посмотрела на меня. – Вижу, вы знаете законы. И разбираетесь в правах наследования.

– Я адвокат, сударыня, – не слишком любезно ответил я, ибо хладнокровие, с которым эта женщина приняла смерть мужа, произвело на меня отталкивающее впечатление. Я понимал Барака, который набросился на нее с упреками. – Думаю, вам лучше прямо сейчас спрятать деньги и документы. Скоро в этом доме будет полно народу.

– Я не могу туда подняться, – проронила она, вперившись в меня взглядом.

Внезапно глаза ее полезли на лоб, а голос сорвался на пронзительный визг.

– Не заставляйте меня туда подниматься! Ради всего святого, не заставляйте! Я не могу на это смотреть!

И она разрыдалась, отчаянно завывая, словно попавшее в капкан животное. Сьюзен робко взяла ее за руку.

– Если не возражаете, я сам принесу документы и деньги, – заявил я, ощущая неловкость за свою недавнюю резкость.

Поднявшись наверх, я принялся подбирать с пола кошелек и бумаги. Запах тления все более явственно ощущался в горячем воздухе. Поскользнувшись на чем-то, я едва не упал. Я вздрогнул, решив, что наступил в лужу крови. Однако, взглядевшись, различил, что то была совсем другая жидкость – бесцветная и прозрачная. Она вытекла из маленькой стеклянной бутылочки, валявшейся у камина. Я окунул в жидкость пальцы, потом потер их друг о друга и принялся. Жидкость, подобно воде, ничем не пахла, однако была вязкой и липкой. Я поднял бутылочку и закрыл ее пробкой, которую обнаружил рядом. Никакого ярлычка на пробке не оказалось. Поколебавшись, я взял немного странной жидкости на язык и тут же сморщился и закашлялся, ибо рот мне обожгло, точно огнем.

С улицы донеслись шаги, и, подойдя к окну, я увидел Барака в окружении дюжины стражников в ливреях. Когда я спустился вниз, они уже вошли в дом; расшатанные половицы отчаянно скрипели под их тяжелыми шагами. Сьюзен испуганно вскрикнула при виде такого количества вооруженных мечами людей. Мистрис Гриввуд встретила непрошенных гостей суровым взглядом. Барак сразу заметил, что я держу в руках какие-то бумаги.

– Что это? – резко спросил он.

– Семейные документы и деньги. Они хранились в сундуке наверху. Я

хочу отдать их мистрис Гриввуд.

– Дайте мне посмотреть.

Я нахмурился, однако протянул ему бумаги.

«По крайней мере, этот молодой грубиян умеет читать», – усмехнулся я по себе.

Пробежав глазами документы, Барак открыл кошелек и пересчитал монеты. Потом, вполне удовлетворенный, положил бумаги и деньги на стол перед мистрис Гриввуд. Она придвинула их к себе.

– А формулу вы, случайно, не обнаружили? – спросил Барак, устремив на меня испытующий взгляд.

– Нет, я не видел там ничего похожего. Если листок с формулой хранился в сундуке, убийцы забрали его с собой.

– Вы знаете что-нибудь о старинных рукописях, которые находились у вашего мужа и его брата? – спросил Барак, повернувшись к Джейн Гриввуд. – О формуле некоего вещества, над которой они работали.

Она устало покачала головой.

– Ничего я не знаю. Они никогда не рассказывали мне о своих делах. Упомянули только, что выполняют какую-то важную работу для лорда Кромвелля. Что за работа, они не говорили. Да я и сама не хотела об этом знать.

– Эти люди должны обыскать ваш дом от подвала до чердака, – непререкаемым тоном заявил Барак. —

Пропала чрезвычайно важная бумага, и нам необходимо ее найти. После обыска двое из них останутся здесь, чтобы охранять вас.

– Мы что, под домашним арестом? – спросила мистрис Гриввуд, недовольно прищурившись.

– Нет, но ради вашего же блага вам лучше не выходить из дома. Возможно, вам угрожает опасность.

Джейн Гриввуд кивнула, сняла чепец и запустила пальцы в свои жидкие седые волосы.

– Конечно, нам угрожает опасность, тем более, входная дверь разбита в щепки, – проронила она. – Теперь всякий может войти в дом.

– Дверь непременно починят, – заверил Барак и обратился к одному из стражников, здоровенному детине. – Займись дверью, Грин.

– Хорошо, мастер Барак.

– Лорд Кромвель желает незамедлительно с нами встретиться, – сообщил Барак, повернувшись ко мне. – Сейчас он в своем доме в Степни.

Я заколебался. Поездка к лорду Кромвеллю отнюдь не входила в мои планы.

– Это приказ, – процедил Барак, от которого не ускользнуло мое замешательство. – Я сообщил графу о случившемся. И эти новости не слишком его обрадовали.

Я счел за благо не перечить и вслед за Баракom вышел из дома.

ГЛАВА 8

Проезжая верхом через Сити, я рассеянно смотрел на снующую вокруг толпу. Царившие на улицах шум и оживление казались странными после мертвенной тишины печального дома, где я провел несколько часов. Нам пришлось проделать длинный путь, ибо дом лорда Кромвелля находился далеко за городскими стенами. Лишь один раз мы остановились, чтобы пропустить процессию – священники в белых сутанах окружали человека, облаченного в рубаху из грубой мешковины. Лицо его было перемазано сажей, в руках он держал охапку хвороста. За ним следовало множество людей – прихожане того прихода, к которому он принадлежал. Несомненно, то был слишком ярый сторонник Реформации, ныне отказавшийся от своих убеждений, признанных еретическими. Вязанка хвороста и следы сажи на лице служили напоминанием об огненной казни, неминуемо ожидавшей его в том случае, если бы он проявил упорство. По лицу раскаявшегося грешника текли слезы – скорее всего, отречение его было вынужденным. Впрочем, его душевные муки не шли ни в какое сравнение с телесными муками несчастных, чьи тела пожирает неумолимый огонь.

Я искоса взглянул на Барака. Он взирал на процессию с откровенным отвращением.

«Любопытно, каково его мнение обо всем этом», – подумал я.

Впрочем, каковы бы ни были его убеждения, проворства и выносливости ему не занимать. Быстрота, с которой он успел съездить к Кромвелю и вернуться в Куинхит со стражниками, была достойна изумления. И при всем этом он отнюдь не выглядел усталым, в то время как я едва держался в седле. Наконец процессия скрылась из виду, дав нам возможность продолжить путь. К счастью, к вечеру жара пошла на убыль, и дома бросали на улицы желанную тень.

– Что у вас в кармане? – спросил Барак, когда мы подъехали к Епископским воротам.

Я сунул руку в карман и обнаружил там книгу Сепултуса. Как видно, я машинально захватил ее с собой, вместо того чтобы поставить на полку.

– Это алхимический трактат. – Я пристально посмотрел на Барака. – Вижу, вы мне не слишком доверяете. Вы что, думали, что в тех бумагах, которые я передал мистрис Гриввуд, спрятана эта пресловутая формула?

– Сейчас такое время, что никому нельзя доверять, – невозмутимо пожал плечами Барак. – В особенности если состоишь на службе у графа. К

тому же вы законник, – добавил он с дерзкой ухмылкой. – А всякому известно, с законниками лучше держаться настороже. Тот, кто этого не делает, проявляет *crassa negligentia*, как говорит ваша братия.

– То есть преступную небрежность, – перевел я. – Вы что, знаете латынь?

– О да. Я знаю латынь, и я знаю законников. Среди них много сторонников реформы, так ведь?

– Пожалуй, – осторожно заметил я. – Согласитесь, забавно, что сейчас, когда мы избавились от монахов, лишь законники сохранили за собой право щеголять в черных мантиях, называть друг друга братьями и избавлять людей от их денег.

– Знаете, все эти шутки по поводу законников успели обрасти длинными бородами, – резко бросил я. – И мне они порядком надоели.

– Но не станете же вы отрицать, что ваши собратья принимают обет повиновения, а вот от обета воздержания и бедности они очень далеки, – не унимался Барак.

Его вороная кобыла шла резвой рысью, и, чтобы не отставать, мне приходилось пришпоривать бедного Канцлера. Мы проехали через Епископские ворота и вскоре увидели впереди дымовые трубы трехэтажного особняка впечатляющих размеров, который построил себе Кромвель.

Последний раз я был здесь три года назад, в пронзительно холодный зимний день. Тогда, несмотря на мороз, у боковых ворот особняка ожидала целая толпа народу. Точно такая же толпа стояла здесь и сейчас, под жаркими лучами предвечернего солнца. То были бедняки, которых отверг Лондон, босые, облаченные в жалкие лохмотья. Некоторые опирались на самодельные костыли, на лицах других виднелись рубцы и язвы, оставленные тяжкими недугами. С каждым днем в Лондоне становилось все больше людей, лишившихся крова и работы. После уничтожения монастырей сотни служек оказались выброшенными на улицу. Больные, находившиеся в монастырских больницах и лазаретах, ныне остались без ухода и попечения, так же как и сироты из монастырских приютов. И сколь ни жалка была милостыня, раздаваемая монахами, теперь бедняки лишились даже этой поддержки. Разговоры о создании благотворительных школ и больниц до сей поры оставались всего лишь разговорами, проекты, благодаря которым многие люди могли бы получить работу, не шли далее бумаги. Кромвель меж тем перенял у богатых землевладельцев обычай в определенные дни раздавать милостыню, рассчитывая таким образом снискать расположение горожан. Мы миновали толпу нищих и въехали в

главные ворота. У парадного подъезда нас встретил слуга. Он попросил нас подождать в холле. Через несколько минут появился Джон Блитмен, управляющий лорда Кромвеля.

– Добро пожаловать, мастер Шардлейк, – провозгласил он. – Давно вы у нас не были. Видно, адвокатская практика занимает все ваше время?

– Да, это довольно хлопотливое занятие.

Тут вмешался Барак, который уже успел отвязать от пояса меч и вместе со своей шляпой передать его мальчику-слуге.

– Граф ждет нас, Блитмен.

Управляющий бросил на меня извиняющийся взгляд и провел нас в глубь дома. Через минуту мы оказались у дверей кабинета Кромвеля. Блитмен осторожно постучал, и из-за дверей раздался сердитый голос хозяина:

– Войдите!

В кабинете главного министра мало что изменилось с того дня, когда я был там в последний раз. Здесь по-прежнему теснились письменные столы, заваленные докладами, проектами и счетами. Несмотря на яркий солнечный свет, льющийся сквозь высокие окна, комната производила гнетущее впечатление. Кромвель сидел за массивным письменным столом. Казалось, с утра он успел постареть на несколько лет: спина его сгорбилась, голова устало поникла, а взгляд, устремленный на нас, был так мрачен, что я невольно вздрогнул.

– Итак, вы не успели поговорить с братьями Гриввудами, – изрек он, не тратя времени на приветствия. – Приехав, вы обнаружили, что они мертвы.

Голос Кромвеля звучал холодно и размеренно.

– Да, милорд, – произнес я с сокрушенным вздохом. – Братья Гриввуды убиты. Причем чрезвычайно жестоким способом.

– Я оставил там верных людей, которые займутся поисками формулы, – добавил Барак. – Если понадобится, они перевернут дом вверх дном.

– А что говорят женщины?

– Ничего, – пожал я плечами. – Обе слишком испуганы. К тому же они, похоже, ничего не знали о делах Майкла и Сепултуса. Я велел им не выходить из дома. А еще попросил ваших людей поговорить с соседями. Может, кто из них видел, как убийцы вламывались в дом. Впрочем, вряд им удастся что-нибудь выяснить. Похоже, жителей Вулф-лейн не слишком заботит то, что происходит в соседних домах.

– Кто-то меня предал, – процедил Кромвель. – Кто-то разделался с Гриввудами, чтобы разрушить мои планы. – Он вперил в меня тяжелый взгляд. – Что скажете, Мэтью? Наверняка у вас есть какие-то соображения

по поводу этого убийства.

– Я полагаю, убийц было двое. Они ворвались в дом, взломав дверь топором. Потом проникли в лабораторию, где пытались спрятаться братья Гриввуды, убили их и вскрыли сундук. Там, в сундуке, хранился кошелек с золотыми монетами, однако убийцы его не тронули. Скорее всего, в сундуке находились бумаги, содержащие формулу, и убийцы об этом знали, – добавил я после недолгого колебания.

При последних моих словах Кромвель еще плотнее сжал свои тонкие серые губы.

– Почему вы так в этом уверены? – подал голос Барак.

– Я ни в чем не уверен! – возразил я с внезапной горячностью и тут же, сделав над собой усилие, заговорил спокойно и невозмутимо. – Но злоумышленники явно не обыскивали комнату. Их интересовал только сундук. Даже книги на полках не тронуты, а разве книга – не самое удобное место для того, чтобы спрятать листок бумаги? Да, я забыл сказать, с полок исчезли сосуды с какими-то растворами и порошками. Скорее всего, их тоже взяли убийцы. Судя по всему, они точно знали, что им надо искать.

– Значит, исчезли все смеси и эликсиры, которые Гриввуды получили в результате своих опытов, – проронил Кромвель.

– Это всего лишь моя догадка, милорд, – сказал я, бросив на него тревожный взгляд.

Однако Кромвель лишь задумчиво кивнул.

– Смотрите и учитесь, Джек, – неожиданно заявил он, кивнув в мою сторону. – Вам выпала удача работать вместе с истинным мастером, который не упускает ни одной детали. – Он вновь вперил в меня свои выцветшие глаза. – Я надеюсь на вас, Мэтью. Надеюсь, что вы поможете мне разгадать эту загадку.

– Но, милорд...

– Больше я никому не могу довериться, – с пылом заявил он. – Я просто не решаюсь. Если слухи о произошедшем дойдут до короля...

Кромвель осекся, вздрогнул и испустил тяжкий вздох. Впервые я видел этого всемогущего государственного мужа столь растерянным и испуганным.

– Вы должны разгадать эту загадку, – повторил он. – Приложите к этому все свои силы. Используйте все средства.

Я молчал, уставившись на роскошный ковер у себя под ногами. Сердце мое бешено колотилось. Один раз лорд Кромвель уже попросил меня расследовать убийство, и в результате я оказался в пучине алчности, мести и жестокости. Я чувствовал, как все мое существо противится новому

погружению в кровавый кошмар.

Кромвель, казалось, прочел мои мысли. В глазах его вспыхнуло негодование. – Богом клянусь, Мэтью, вы не слишком благодарны, – процедил он. – Вы думаете, я отсрочил пытку под прессом, которая ожидала эту девчонку, ради ваших прекрасных глаз? Нет, ее жизнь – это награда за ту помощь, которую я рассчитываю от вас получить. Если я того пожелаю, Форбайзер быстро переменит свое решение. Сейчас на карту поставлена моя собственная жизнь. И дело всей моей жизни. Дело, в которое вы когда-то так горячо верили.

Перед моим внутренним взором предстала Элизабет, беспомощно распростертая на грязной соломе.

«Если я дерзну ослушаться приказа Кромвеля, он не остановится перед тем, чтобы бросить меня в тюрьму, – пронеслось у меня в голове, – я слишком много знаю».

– Я сделаю все, что в моих силах, милорд, – едва слышно произнес я.

Кромвель долго не сводил с меня глаз, потом повернулся к Бараку.

– Джек, принесите Библию. Прежде чем я расскажу вам то, что намерен рассказать, вы поклянетесь на Библии хранить тайну, Мэтью. Тогда я буду вполне уверен, что вы не расскажете об услышанном ни одной живой душе.

Барак принес роскошное издание Библии на английском языке, которое, согласно приказу Кромвеля, должно было находиться в каждой церкви, раскрыл его и положил на стол. Я взглянул на красочную первую страницу. На ней был изображен король Генрих, восседавший на троне. По одну сторону от него стоял Кромвель, по другую – архиепископ Кранмер. Король вручал им новые издания Библии, а те, в свою очередь, передавали их народу. Судорожно сглотнув, я коснулся священной книги.

– Скажите: клянусь, что буду держать в глубочайшей тайне все обстоятельства, связанные с греческим огнем, – произнес Кромвель.

Я послушно повторил за ним клятву, чувствуя, как крепнут невидимые узы, связывавшие меня с бывшим моим патроном.

– Поклянитесь, что сделаете все, что в ваших силах, – подсказал Кромвель.

– Клянусь сделать все, что в моих силах. Кромвель удовлетворенно кивнул; впрочем, в позе его по-прежнему ощущалось нечто угрожающее. Он походил на дикого зверя, со всех сторон обложенного охотниками. Он взял что-то со стола и принялся вертеть в своих огромных руках. Я разглядел, что это тот самый миниатюрный портрет, который стоял на его столе в Доме обращения.

– Над делом Реформации нависла угроза, Мэтью, – негромко

проговорил Кромвель. – Я знаю, об этом сейчас много говорят, но истинное положение вещей хуже всяких слухов. Герцог Норфолк и епископ Гардинер постоянно вливают яд в уши королю и настраивают его против меня. Король боится, и опасения его день ото дня усугубляются. Он боится, что чтение Библии лишит простых людей покорности и смирения и в результате страна будет ввергнута в кровавый хаос, подобный тому, что устроили анабаптисты в Мюнстере. Убежденные сторонники реформы рискуют угодить на костер. Вы слышали о том, что Роберт Барнс арестован?

– Да, – кивнул я и горестно вздохнул. Разговор этот был слишком тяжел для меня.

– Постановление из шести догматов, которое короля вынудили принять в прошлом году, – это очевидный отказ от прежних позиций, возвращение на путь, ведущий к владычеству Рима. Теперь король хочет запретить низшим классам читать Библию. Сейчас он больше всего опасается военного вторжения...

– Но Англия сможет защитить себя...

– Оставьте, Мэтью. Нам ни за что не устоять против совместного удара, нанесенного Францией и Испанией. На наше счастье, король Франциск и император Карл никак не могут договориться друг с другом. Сейчас вражда между ними вспыхнула с новой силой, и угроза нападения на Англию несколько ослабела. Но в любой момент все может измениться.

Кромвель снова взял миниатюру и положил ее на обложку Библии.

– Помню, раньше вы очень неплохо рисовали, Мэтью. Вы по-прежнему занимаетесь этим?

– Нет, милорд, – ответил я, удивленный столь резкой сменой предмета разговора. – В последнее время мне не до живописи.

— Скажите, каково ваше мнение об этом портрете?

Я внимательно посмотрел на миниатюру. На портрете была изображена молодая женщина с привлекательным, хотя и не слишком выразительным лицом. Каждая деталь была выписана с такой потрясающей точностью, что казалось, вы видите эту молодую особу воочию. Судя по драгоценностям, которыми был расшит ее затейливый головной убор и высокий воротник платья, то была представительница богатого и знатного рода.

– Прекрасная работа, – заметил я. – Такой портрет мог бы принадлежать кисти самого Гольбейна.

– Это и есть Гольбейн, – усмехнулся Кромвель. – А на миниатюре – принцесса Анна Клевская, ныне наша королева. Этот портрет король швырнул мне в лицо. А я поднял его и с тех пор храню у себя. – Кромвель

сокрушенно покачал головой. – Я думал, что, устроив брак короля с дочерью немецкого герцога, я разом убью двух зайцев: добьюсь того, что положение Англии в Европе станет более прочным, а процесс Реформации – необратимым. – Он рассмеялся отрывистым, горьким смехом. – Два года после кончины королевы Джейн я занимался тем, что подыскивал королю подходящую принцессу. Можете мне поверить, это было нелегко. О нашем монархе ходит недобрая слава.

Тут Барак предостерегающе кашлянул и бросил на своего господина обеспокоенный взгляд.

– Джек боится, что я наговорю лишнего, – усмехнулся Кромвель. – Но, Мэтью, вы ведь только что дали клятву держать рот на замке, не так ли?

И он снова вперил в меня взгляд своих пронзительных карих глаз, словно хотел насквозь просверлить мой череп.

– Да, милорд, – ответил я, ощущая, что на лбу выступили капли пота.

– В конце концов герцог Клевский согласился выдать за короля одну из своих дочерей. Прежде чем дать согласие на брак, король пожелал увидеть принцессу Анну собственными глазами, однако при дворе ее отца это требование было сочтено оскорбительным. Тогда я послал в Германию мастера Гольбейна с наказом сделать как можно более точный портрет. Ведь всякому известно, он славится тем, что изображения его чрезвычайно схожи с оригиналами, верно?

– Ни один из европейских художников не в состоянии сравниться с ним, – подхватил я. – Так значит, король получил этот портрет и...

– Да, король получил этот портрет. Но как судить о том, соответствует ли изображение истине? Все мы выглядим по-разному в разных обстоятельствах, разных позах и при разном освещении. Трудно составить мнение о наружности человека с первого взгляда. Я приказал Гольбейну представить принцессу Анну в наиболее выгодном свете. Он выполнил мой приказ. Увы, то была роковая ошибка. Посмотрите на портрет еще раз.

– Она изображена анфас, – пробормотал я. – Возможно, в профиль она выглядит не столь привлекательно. – Вы совершенно правы, Мэтью. До тех пор пока не увидишь ее в профиль, ни за что не догадаешься, какой у нее длинный нос. К тому же по этому портрету нельзя судить о ее нескладном костистом теле, от которого постоянно разит потом. И о том, что она ни слова не говорит по-английски. – Плечи Кромвеля устало сгорбились. – В январе, когда принцесса Анна сошла на берег в Рочестере, она с первого взгляда произвела на короля отталкивающее впечатление. А теперь герцог Норфолкский увлекает короля прелестями своей племянницы. Он подучил эту девчонку, как поймать столь крупную рыбу в свои сети. Кэтрин Говард

очень хороша собой, ей еще не исполнилось семнадцати. Что ж удивительного, что король попался? Стоит ему увидеть эту юную красотку, у него слюнки начинают течь – в точности как у пса перед куском свежего мяса. Меня он без конца упрекает за то, что я устроил его женитьбу с фламандской кобылой – так он называет леди Анну. И если король добьется того, что этот брак будет расторгнут, и женится на племяннице Норфолка, мне конец. Говарды непременно добьются моей казни и возвращения Англии под власть Рима.

– И тогда все начинания, предпринятые за последние десять лет, пойдут прахом, – медленно проговорил я. – Все страдания и смерти, которые повлекла за собой Реформация, окажутся бессмысленными.

– Хуже, чем бессмысленными, – проронил Кромвель. – Многих реформаторов ожидает участь, по сравнению с которой участь обезглавленного Томаса Мора покажется завидной. – Он сжал свои тяжелые кулаки, встал, подошел к окну и остановился там, глядя на лужайку. – Я делаю все, чтобы обнаружить тайные пружины заговора папистов и открыть королю глаза на истинные намерения некоторых его приближенных. По моему приказу уже арестованы лорд Лисл и епископ Сэмпсон. Последний брошен в Тауэр и уже имел случай познакомиться с дыбой. Но пока мне не удастся нащупать нити заговора. Противник слишком хитер. – Кромвель резко повернулся и взглянул мне прямо в лицо. – Я рассказал королю о греческом огне, и он тут же захотел увидеть его в действии. Вы же знаете, король обожает оружие. А все, что связано с флотом, вызывает у него особый интерес. Самое горячее его желание – сделать флот Англии мощным и непобедимым. Тогда мы смогли бы навсегда изгнать Францию с южного побережья. Итак, пообещав королю греческий огонь, я вернул себе его расположение. – Кромвель вновь сжал кулаки. – Враги Англии дорого заплатили бы за формулу. Дабы избежать совершения подобной сделки, я направил тайных соглядатаев в дома всех иностранных послов, все морские порты находятся под неусыпным наблюдением. Мэтью, мне необходимо получить эту формулу. Сегодня двадцать девятое мая. Через двенадцать дней я во что бы то ни стало должен представить греческий огонь королю.

К немалому своему изумлению, я испытал чувство, которое никогда не испытывал по отношению к Томасу Кромвелю. То было сожаление. Впрочем, напомнил я себе, загнанный зверь бывает очень опасен.

Кромвель тяжело опустился на стул и сунул злосчастную миниатюру в карман мантии.

– Для того чтобы обратиться ко мне, Майкл Гриввуд прибегнул к

помощи трех посредников, – сообщил он. – Кроме прямых участников этого дела, они – единственные, кому известно о существовании греческого огня. Двое из них – законники, члены корпорации Линкольнс-Инн, хорошо вам известны. Имя первого – Стивен Билкнэп...

– Господи боже, опять Билкнэп. Этому человеку совершенно нельзя доверять. Но насколько мне известно, он поссорился с Гривудом. – Я тоже об этом слышал. Как видно, они нашли путь к примирению.

– Сейчас я как раз веду иск против Билкнэпа.

– Знаю, – кивнул Кромвель. – Вы рассчитываете выиграть?

– Если в нашем суде существует справедливость, я непременно выиграю.

– Так или иначе, поговорите с Билкнэпом и постарайтесь выяснить, не рассказывал ли он о греческом огне кому-нибудь еще, – произнес Кромвель. – Боюсь, он не удержался, хотя я передавал ему через Гривуда настоятельную просьбу помалкивать об этом деле.

– Возможно, Билкнэп побоялся вас послушаться. Он очень осмотрителен. Хотя иногда жадность берет в нем верх над осторожностью.

– Выясните, что и кому он рассказывал, – распорядился Кромвель. – Так вот, Билкнэп был первым в цепочке. Когда Гривуд сообщил ему о греческом огне, он решил найти человека, который имеет ко мне доступ. И обратился к Уильяму Марчмаунту.

– Неужели? Помню, в прошлом у них были какие-то общие дела. Но Билкнэп – слишком темная лошадка. По-моему, Марчмаунт старается держаться в стороне от подобных людей.

– Марчмаунт вращается в кругах, близких к папистам. Это меня очень настораживает. Расспросите его. Можете прибегнуть к угрозам, можете – к лести. Если считаете нужным, пообещайте ему денег. Думаю, вы сами лучше знаете, каким способом развязать ему язык.

– Надеюсь, мне удастся вызвать его на откровенность, милорд. Но кто же был третьим в цепочке?

– Марчмаунт передал эту историю одной нашей общей знакомой. Леди Брейнстон.

У меня глаза полезли на лоб от удивления.

– Я познакомился с ней всего несколько дней назад. И она сразу пообещала пригласить меня на обед.

– Да, на прошлой неделе я упомянул ваше имя за столом в присутствии леди Брейнстон. Уже тогда я подумывал о том, чтобы прибегнуть к вашей помощи. Очень хорошо, что вы получили приглашение на обед. У вас будет удобный случай поговорить с хозяйкой дома.

– Я непременно поговорю с леди Брейнстон, милорд. Но вот что я хотел сказать: если мне предстоит расследовать столь сложное дело, я должен...

– Что?

– Узнать о греческом огне как можно больше. Необходимо выяснить, что это за вещество, как оно было открыто и как использовалось на протяжении всей своей истории.

– Делайте все, что сочтете нужным, Мэтью. Но помните, время поджимает. Барак своими глазами видел греческий огонь в действии, он расскажет вам, что это такое. Он может даже сопроводить вас в Дептфорд, на заброшенную пристань, где были сожжены корабли.

Я должен также поговорить с монастырским библиотекарем. И, возможно, посетить монастырь Святого Варфоломея, где был обнаружен греческий огонь.

– Вижу, Мэтью, вы до сих пор не уверены, что греческий огонь существует в действительности, – с холодной улыбкой изрек Кромвель. – Что ж, скоро все ваши сомнения исчезнут. Что до Бернарда Кайтчина, брата Бернарда, как звали его в монастыре, я уже давно пытаюсь его найти. С тех самых пор, как ко мне обратилась леди Онор. Библиотекаря надо предупредить, чтобы не болтал лишнего. Но, подобно многим бывшим монахам, он куда-то бесследно сгинул.

– Я справлюсь о нем в Палате перераспределения монастырского имущества. Возможно, он обращался туда, чтобы получить пенсию. – Палата перераспределения – вотчина Ричарда Рича, – кивнул Кромвель. – Помните, Рич ничего не должен знать об этом деле. Впрочем, вам не составит труда изобрести причину, по которой вы интересуетесь старым монахом. – Кромвель вновь вперил в меня взгляд. – Я не доверяю сэру Ричарду. Благодаря мне он вошел в королевский совет, но за все мои благодеяния отплатил черной неблагодарностью. Он прекрасно знает, что против меня готовится заговор, и лишь выжидает подходящего момента, чтобы переметнуться в стан моих врагов. Если он сообщит королю о том, что я упустил греческий огонь...

Кромвель смолк и многозначительно вскинул бровь.

– Думаю, мне стоит еще раз поговорить с мистрис Гриввуд, – заметил я. – По моим ощущениям, она о чем-то умалчивает.

– Разумеется, поговорите с ней.

– И наконец, я должен посоветоваться с человеком, сведущим в вопросах алхимии. У меня на примете есть такой. Один аптекарь.

– Надеюсь, не тот страховидный монах из Скарнси? – нахмурившись, осведомился Кромвель.

– Именно он. Поверьте, милорд, этот человек обладает глубокими познаниями. И я не собираюсь посвящать его в это дело. Лишь задам несколько сугубо научных вопросов. Разумеется, если возникнет надобность.

– Не вздумайте рассказывать ему о греческом огне, Мэтью. Насколько мне известно, еще три столетия назад формула его в очередной раз была обнаружена. Но тогда совет в Латерне наложил запрет на ее использование. Заявил, что применение столь сокрушительного оружия слишком жестоко и может повлечь за собой тягостные последствия. Бывший монах, скорее всего, сочтет, что его долг – содействовать выполнению, а не нарушению этого запрета. Или, может быть, пожелает передать формулу Англии или Испании, где католичество по-прежнему процветает и монахи благоденствуют.

– Он никогда не сделает ничего подобного. В этом вы можете не сомневаться, милорд.

– Я вижу, это дело возбудило ваш интерес, Мэтью, – неожиданно улыбнулся Кромвель.

– Да, тут есть над чем поломать голову.

– Если вам что-нибудь понадобится, безотлагательно обращайтесь ко мне, – кивнул Кромвель. – Но помните, времени у нас мало. Вы должны действовать быстро и решительно. Джек будет во всем помогать вам. Он сметливый и проворный малый.

Я в растерянности уставился на Барака. Должно быть, чувства мои слишком откровенно отразились на лице, ибо Барак искривил губы в саркастической ухмылке.

Я привык работать один, – заявил я.

– Но в этом деле вам не обойтись без помощника. Будет удобнее, если Джек пока поживет у вас. Бесспорно, манеры у него грубоватые, но, думаю, вы скоро с этим смиритесь.

Я уже имел возможность убедиться, что Барак отнюдь не питает ко мне доверия. Сейчас мне пришло в голову, что Кромвель тоже не вполне полагается на мою лояльность. Несомненно, он приставил ко мне Барака лишь затем, чтобы тот следил за мной и сообщал своему господину обо всех моих действиях.

– Милорд, – проговорил я после недолгого колебания. – Несмотря на срочность вашего поручения, мне придется уделять время и делу Уэнтвортов, про которое вам хорошо известно.

– Я ничего не имею против, – пожал плечами Кромвель. – Более того, Джек по мере возможностей будет помогать вам и в этом деле. Но, сами

понимаете, греческий огонь – прежде всего.

Взгляд его пронзительных карих глаз встретился с моим. – Если вам не удастся найти греческий огонь, пострадаю не только я, но и все мои сторонники. Так что ваша собственная жизнь тоже поставлена на карту.

Кромвель позвонил в колокольчик, и в кабинет вошел Грей. Вид у него был обеспокоенный.

– Грею тоже известно о произошедшем. Каждый день вы будете через него сообщать мне о том, что вам удалось узнать. Все письма и записки направляйте только Грею, и никому другому.

Я кивнул.

– Я никому больше не доверяю, – пробурчал Кромвель. – Ни выскочкам, которых я лично ввел в королевский совет, ни даже своим собственным слугам. Я знаю, среди них полно соглядатаев Норфолка. Но Грей служит мне очень давно, с тех самых пор, когда я только начинал свой путь вверх. Не так ли, Эдвин?

– Да, милорд. Скажите, мастеру Бараку тоже известно о... об этом деле? – добавил он в некотором замешательстве.

– Известно.

Грей ничего не ответил, лишь прикусил губу. Кромвель внимательно посмотрел на него.

– Мэтью способен разрешить все вопросы, которые требуют пронцательности и острого ума, – заявил он.

– Да, в этом деле подобные качества необходимы, – заметил Грей.

– Но для разрешения некоторых вопросов необходима также твердая и сильная рука. Как раз такая, как у Джека.

Я бросил взгляд на Барака. Он неотрывно смотрел на своего господина. В глазах Джека плескалась тревога, и я понял, что судьба Кромвеля волнует его до глубины души. Возможно, потому, что судьба эта неотделима от его собственной участи.

ГЛАВА 9

Когда мы вышли из кабинета, Барак заявил, что ему надо кое-что захватить. Я вывел из конюшни Канцлера и в ожидании своего новоиспеченного помощника принялся прохаживаться по двору. До меня доносился приглушенный гул голосов, резкие восклицания: «Не толкайтесь! Не напирайте!» Как видно, раздача милостыни началась.

Мысли мои пребывали в полном смятении. Неужели Кромвель так близок к падению? Неужели угроза, нависшая над Реформацией, так велика? Мне вспомнился недавний разговор с Годфри, а также слухи о неудачном браке короля, упорно ходившие по городу. И хотя мой реформистский пыл давно угас, перспектива скорого возвращения к папизму с его бессмысленными предрассудками и суевериями казалась мне ужасающей. К тому же я слишком хорошо понимал, что подобный поворот вспять чреват новым кровопролитием.

А тут еще этот невежа Барак свалился на мою голову. Теперь мне придется постоянно терпеть общество молодого грубияна, который отнюдь не считает нужным относиться ко мне с уважением. – Чума его заberi! – вслух пробормотал я.

– Кого это вы так честите? – раздался за моей спиной насмешливый голос. Обернувшись, я увидел Барака и покраснел от смущения.

– Я тоже иной раз не могу удержаться от крепкого словца, – сообщил он, не дожидаясь моего ответа. – Правда, характер у меня вспыльчивый. А вот про вас милорд сказал, что вы законченный меланхолик. И предпочитаете держать свои чувства при себе.

– Обычно я так и делаю, – отрезал я, не пускаясь в дальнейшие объяснения.

На плече у Барака висела большая кожаная сумка.

– Здесь бумаги из аббатства и различные сведения о греческом огне, которые удалось собрать графу, – сообщил он, заметив мой взгляд.

Барак вскочил на свою вороную кобылу, и мы выехали из ворот.

– Я умираю от голода, – признался он. – Надеюсь, ваша домоправительница хорошо готовит?

– Без особых изысков, но сытно, – коротко ответил я.

– Вы скоро увидите с дядей той девушки? – продолжал расспрашивать Барак.

– Как только вернусь домой, пошлю ему записку.

– Милорд спас ее от прессы, – сказал Барак. – Жуткая смерть.

– Пока она лишь получила отсрочку на двенадцать дней. Это отнюдь не много, когда предстоит распутать два столь сложных дела.

– Да, разобраться тут будет не просто, – покачал головой Барак. – Вы правильно решили, что надо еще раз поговорить с матушкой Гривстуд.

– Почему с матушкой? Насколько я понял, у нее нет детей.

– Да? Неудивительно. Думаю, у ее мужа не было большой охоты покрывать эту старую облезлую овцу.

Хотя нет, на овцу она не слишком похожа. Скорее уж на выдру. Или на ворону.

– Не знаю, почему вы так невзлюбили эту бедную женщину. Но так или иначе, неприязнь – это еще не повод для подозрения, – назидательно изрек я.

Барак в ответ пробормотал что-то нечленораздельное. Я внимательно посмотрел на него и добавил:

– Ваш господин весьма озабочен тем, чтобы сэр Ричард Рич оставался в неведении относительно греческого огня.

– Еще бы! Если Рич пронюхает о нем и об утраченной формуле, он непременно обернет это против графа. Рич так высоко поднялся только благодаря лорду Кромвелю. Но, как сказал милорд, он не из тех, кто способен на благодарность. Ради собственной выгоды он отца родного продаст. Сами знаете, какая о нем ходит слава.

– Знаю. Он начал свое восхождение, дав ложные показания на процессе Томаса Мора. Говорят, он сделал это по настоятельной просьбе лорда Кромвеля.

В ответ Барак лишь пожал плечами. До Эли-плейс мы ехали в молчании. Неожиданно Барак подъехал ко мне вплотную и прошептал:

– Не смотрите по сторонам. За нами следят.

– Вы уверены? – удивленно спросил я.

– Почти уверен. Несколько раз я украдкой оглядывался и заметил одного и того же странного малого. Похоже, этот шельмец следует за нами по пятам. Давайте свернем в церковь Святого Андрея.

Барак подъехал к воротам и быстро соскочил с лошади. Я тоже спешился, хотя и не так проворно.

– Побыстрее, – сквозь зубы процедил Барак и, взяв кобылу под уздцы, завел ее за высокую стену, окружавшую церковь. Я последовал за ним. Притаившись за воротами, Барак осторожно выглянул на улицу. – Смотрите, вот он, наш преследователь, – почти беззвучно выдохнул он. – Только не высовывайте голову слишком далеко.

По улице двигалось множество пешеходов, несколько карет и повозок и лишь один всадник, восседавший на белой лошади. То был молодой человек, примерно одних лет с Бараком. По всей видимости, он никогда не давал себе труда расчесывать собственные густые каштановые волосы, спутанные и всклокоченные. По виду он не походил на простолюдина, но лицо его так густо было усыпано отметинами, оставленными оспой, что напоминало головку старого сыра. Мы с Бараком молча наблюдали, как наш преследователь остановился и, прислонив ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза от солнца, окинул взглядом дорогу, ведущую к Холборн-Бар. Барак потянул меня за руку.

– Этот олух упустил нас из виду, – довольно прошептал он. – Отойдите подальше, не то он вас заметит. Ну и отвратная рожа, прости господи. Похоже, черти изрыли ее своими лопатами.

Я нахмурился, показывая Бараку, что не следует столь бесцеремонно хватать меня. Но он лишь расплылся в улыбке, весьма довольный, что ему удалось обвести рябого вокруг пальца.

– Идемте, обогнем церковь и вернемся по Шу-лейн, – распорядился он и взял свою лошадь под уздцы. Я двинулся вслед за ним по дорожке, идущей вдоль церковного двора.

– Кто это? – спросил я, когда мы обогнули здание. Барак шел так быстро, что, поспевая за ним, я изрядно запыхался.

– Понятия не имею, – пожал он плечами. – Видно, мерзавец преследует нас с тех самых пор, как мы вышли из дома графа. Надо признать, малый он ловкий и осторожный – ведь я заметил его совсем недавно.

Барак ловко вскочил в седло, а я принялся неуклюже взбираться на Канцлера. Сегодня мне целый день пришлось мотаться верхом туда-сюда, и злосчастная моя спина невыносимо ныла. Барак бросил на меня любопытный взгляд.

– Справитесь сами?

– Да, – угрюмо процедил я, наконец взгромоздившись в седло.

– Если вам нужна помощь, я всегда готов подать руку. Я не верю в глупые приметы и не боюсь прикасаться к горбунам.

Я уставился на него, лишившись дара речи от подобной бестактности. Барак же, беззаботно насвистывая, свернул на Шу-лейн.

Почти весь путь до дому я молчал, глубоко уязвленный дерзостью Джека. Однако мне предстояло провести несколько дней в обществе этого невоспитанного нахала и потому следовало узнать о нем побольше.

– На последней неделе за мной следили уже два раза, – нарушил я молчание. – Сначала вы, потом этот рябой.

– Да, мне пришлось потратить на вас уйму времени, – нимало не смутившись, ответил Барак. – Его светлость приказал мне выяснить, каким делом вы сейчас занимаетесь и сможете ли вы справиться с поручением, которое он намерен вам дать. Понаблюдав за вами, я доложил, что действуете вы решительно и, судя по всему, на вас можно положиться.

– Спасибо за лестный отзыв. Насколько я понял, вы давно работаете на графа?

– О да. Мой отец перебрался в Лондон из Путни, из тех самых мест, где отец графа держал харчевню. Когда отец мой умер, мне предложили поступить на службу к лорду Кромвелю. До той поры мне приходилось заниматься разными делами, так что в Лондоне у меня были всякого рода связи, – сообщил Барак с циничной улыбкой. – И граф счел, что я могу быть ему полезен.

– А чем занимался ваш отец?

– Он исполнял почетную должность золотаря, иными словами, чистил выгребные ямы. Бедный старый олух. Как-то раз он упал в одну из них и утонул в дерьме.

Несмотря на нарочито равнодушный тон Барака, на его лице мелькнула тень.

– Мне очень жаль, – сказал я.

– Теперь я один как перст, – жизнерадостно сообщил Барак. – На всем белом свете у меня нет ни единого родственника. А у вас?

– Отец мой, слава богу, жив. У него ферма в Личфилде, в Центральных графствах.

Сообщив об этом, я ощутил легкий укол совести. Отец был уже стар, однако за весь год я ни разу не выбрал времени, чтобы навестить его.

– Так вы из деревни? Где же вы получили образование? Там что, была школа?

– Конечно. Я ходил в школу при Личфилдском монастыре.

– Я тоже учился в монастырской школе, – с гордостью сообщил Барак. – Даже латынь знаю.

– Вот как?

– Да, я ходил в школу при монастыре Святого Павла, и меня там все считали сообразительным малым. Но после смерти отца мне пришлось самому о себе заботиться. Тут уж стало не до учения.

По лицу его вновь пробежала тень, и в глазах мелькнуло странное выражение: то ли грусти, то ли обиды.

– Вот здесь бумаги, которые граф велел передать вам, – сказал он и похлопал свою кожаную сумку. – Они написаны по-латыни, и я вполне

могу разобрать, о чем там говорится.

Когда мы подъехали к воротам, Барак принялся с откровенным любопытством разглядывать мой дом.

Я видел, что многочисленные окна и высокие дымовые трубы произвели на него впечатление.

– Неплохо вы устроились, – произнес он, вскинув бровь.

– Теперь, когда мы приехали домой, нам надо кое о чем договориться, – заметил я. – Давайте скажем слугам, что вы представитель одного из моих клиентов и помогаете мне работать над делом.

– Будь по-вашему, – кивнул Барак. – А у вас что, много слуг?

– Двое, – ответил я. – Джоан Вуд, экономка, и мальчик-конюх. И вот еще что. Я попросил бы вас также обращаться ко мне должным образом, – добавил я, впери в него строгий взгляд. – Конечно, учитывая разницу в нашем положении, вам следовало бы обращаться ко мне «сэр». Но я готов смириться с обращением «мастер Шардлейк». По крайней мере, это звучит вполне уважительно. Надеюсь, разговаривая со мной, вы более не будете забывать, что имеете дело не с собственным братом или, скажем, с собакой.

– Постараюсь, – осклабился Барак. – Подать вам руку, сэр?

– Я вполне справлюсь без вашей помощи. Когда мы спешили, из дома вышел Саймон. Мальчишка восхищенно уставился на лошадь Барака.

– Ее зовут Сьюки, – представил Барак свою кобылу. – Ухаживай за ней хорошенько, парень, а уж я в долгу не останусь. – Он подмигнул Саймону. – Иногда она любит пожевать морковку.

– Хорошо, сэр. Я обязательно угощу ее морковкой.

Саймон поклонился и увел лошадей. Барак проводил его взглядом.

– Почему вы не купите мальчишке башмаки? – осведомился он. – Он изрежет все ноги в кровь об острые камни и корни деревьев. – Он не любит ходить в башмаках. Мы с Джоан уже пробовали его обуть. Но безуспешно.

– Да, с непривычки ходить в башмаках ужасно неудобно, – кивнул Барак. – Кажется, будто ноги заковали в колодки.

В дверях появилась Джоан и бросила на Барака изумленный взгляд.

– Добрый день, сэр, – обратилась она ко мне. – Дозволено мне будет узнать, как прошло сегодняшнее заседание суда?

– Нам удалось добиться отсрочки для Элизабет, – сообщил я. – Через двенадцать дней состоится повторное слушание ее дела. Джоан, это мастер Джек. Он поживет у нас некоторое время. Поможет в работе над одним делом, которое я только что получил. Вы не могли бы приготовить для него комнату?

– Да, конечно, сэр.

Барак поклонился и наградил Джоан обворожительной улыбкой, ничуть не похожей на насмешливую ухмылку, с которой он обращался ко мне.

– Мастер Шардлейк не сказал мне, что его экономка столь милостива, – заявил он.

Круглое лицо Джоан вспыхнуло от удовольствия, она поспешно поправила седеющую прядь, выбившуюся из-под чепца, и смущенно пробормотала:

– Ах, что вы, сэр...

Я уставился на нее, изумленный тем, что моя проникательная экономка купилась на столь грубую лесть. Между тем Джоан, все еще полыхая румянцем, повела Барака вверх. Как видно, женщины, падкие на грубоватое мужское обаяние, находят Барака неотразимым, решил я.

– В этой комнате давно никто не жил, сэр, – смущенно лепетала Джоан, поднимаясь по лестнице. – Но там все прибрано.

Я вошел в гостиную. Окно было открыто, и гобелены, на которых представлена история Иосифа и его братьев, колыхались под дуновением теплого ветра. Пол покрывали новые тростниковые циновки, испускавшие резкий запах полыни, которую Джоан использовала, чтобы отпугнуть блох.

Вспомнив, что надо написать Джозефу и договориться о встрече, я поднялся в свой кабинет. Проходя мимо комнаты Барака, я услышал, как моя экономка, словно курица, что-то возбужденно кудахчет об одеялах.

Джоан подала ужин несколько раньше, чем обычно. День был постный, так что мы довольствовались жареной форелью и большой миской клубники. Благодаря необычно теплой весне клубника в этом году поспела рано. Перед едой я прочел молитву, чего давно уже не делал, ужиная в одиночестве.

– Возблагодарим Бога за пищу, которую он послал нам. Аминь, – провозгласил я. Барак закрыл глаза и склонил голову. Стоило мне произнести последние слова, как он жадно набросился на еду. Судя по тому, что куски рыбы отправлялись в рот прямо ножом, о хороших манерах он не имел даже отдаленного представления.

«Любопытно, каковы его религиозные убеждения?» – думал я, глядя на него.

Хотя, вполне может быть, у этого малого вообще нет никаких убеждений.

– После ужина я отдам вам все эти книги и бумаги, – с набитым ртом сказал Барак. – Богом клянусь, там говорится о диковинных вещах.

– Я ознакомлюсь с этими бумагами и решу, как нам следует действовать дальше, – заявил я, решив, что настал подходящий момент напомнить, кто

из нас главный. – Но прежде всего я должен составить об этом деле ясное представление. Насколько я помню, первым, кто узнал о греческом огне, был монах-библиотекарь, – принялся я перечислять, загибая пальцы. – Затем Майкл Гривстуд сообщил о нем Билкнэпу, а тот, в свою очередь, Марчмаунту. Марчмаунт рассказал леди Онор, та рассказала Кромвелю. Итак, у нас трое подозреваемых. Полагаю, старого монаха можно смело сбросить со счетов.

– Почему?

– Потому что тот, кто действует против нас, нанял двух негодяев, которые разделались с Гривстудами. Неужели вы думаете, что кто-то из двух законников или леди Онор собственноручно зарубили братьев топором? Подобное вряд ли возможно. Зато все они вполне в состоянии воспользоваться услугами наемных убийц. В отличие от бывшего монастырского библиотекаря, который сейчас живет на весьма скромную пенсию. Я по-прежнему намерен поговорить с ним – так или иначе, он был свидетелем того, как нашли это вещество. Что до Билкнэпа и Марчмаунта, я непременно увижусь с ними завтра, в Линкольнс-Инне. В главном зале дается тожественный обед в честь герцога Норфолка.

Услышав это имя, Барак скривился от отвращения.

– Мерзкий старый олух, – процедил он. – Он ненавидит милорда.

– Об этом знают все, – кивнул я. – Завтра утром мы с вами побываем на пристани, где сожгли старые корабли. А еще я постараюсь повидаться с Джозефом. Потом необходимо съездить в Палату перераспределения. Сейчас у них столько работы, что они открыты даже по воскресеньям. Один раз я могу себе позволить пропустить церковную службу. А вы?

– В моем приходе в Чипсайте слишком много людей. Все они снуют туда-сюда, так что викарий вряд ли берет на заметку, кто пришел в церковь, а кто нет.

Весьма довольный тем, что мне удалось так быстро наметить план ближайших действий, я удостоил Барака улыбкой, столь же насмешливой, как и его собственная.

– Я имел в виду нечто другое. Вы уверены, что за минувшую неделю не совершили серьезных грехов? Вы не чувствуете потребности покаяться в них перед Господом?

– Я служу королевскому верховному викарию, – заявил Барак, недоуменно вскинув бровь. – А король, как известно, является Божьим помазанником. И если я служу королю верой и правдой, значит, я выполняю волю Господа, так ведь?

– Вы и в самом деле в это верите?

– А как же иначе? – ответил он вопросом на вопрос и ухмыльнулся.

Я взял несколько ягод и передал миску Бараку. Он вывалил на свою тарелку половину клубники и щедро сдобрил ее сливками.

– Пока что я не решил, как нам лучше подступиться к леди Онор, – заметил я. – Тут нельзя действовать с наскока.

Свои званые вечера она обычно устраивает по вторникам, – кивнул Барак. – Если до понедельника вы не получите приглашения, я попрошу графа напомнить ей о том, что вас следует включить в число гостей.

– Вижу, вы всячески стараетесь мне помочь, – изрек я, придав своему голосу снисходительные нотки.

– Именно так.

– Значит, вы вполне согласны с ролью моего помощника?

– Конечно, – пожал он плечами. – Ведь его светлость просил меня всячески вам содействовать. Он знает, на что я способен. И я тоже знаю себе цену. А на этого надутого старого олуха Грея я просто не обращаю внимания. Он меня терпеть не может, потому что я не привык разводить церемонии. А он слишком много о себе воображает. Считает, что разбирается в делах графа лучше, чем сам граф. Да только в чем он может разбираться, чернильная душа!

Я не дал себя отвлечь и вновь вернулся к занимавшему меня вопросу.

– Итак, ныне вы мой помощник. Однако поначалу вы действовали как соглядатай, ведущий за мной слежку.

Однако Барак явно не желал продолжать неприятный разговор.

– А что до дела Уэнтвортов, тут с первого взгляда видно, что девчонка не виновата, – заявил он. – Знаете, о ком я вспомнил, глядя на нее в суде? О Джоне Ламберте. Том самом, которого сожгли на костре.

Я слишком хорошо помнил о сожжении Джона Ламберта. То был первый протестантский проповедник, который, по мнению короля, зашел слишком далеко. Полтора года назад он был обвинен в ереси за то, что отвергал возможность превращения хлеба и вина в плоть и кровь Христову. Сам король, в качестве верховного судьи и главы Церкви, вынес ему смертный приговор. То было первым серьезным отступлением с пути Реформации.

– Жестокая казнь, – пробормотал я, вперив в Барака испытующий взгляд.

– Вы на ней присутствовали?

– Нет. Я не охотник до подобных зрелищ.

– Милорд настаивает, чтобы его приближенные присутствовали на казнях еретиков и государственных изменников. Он считает, что таким

образом они доказывают свою верность королю.

– Знаю. В свое время он заставил меня присутствовать на казни Анны Болейн.

На мгновение я закрыл глаза, охваченный тягостными воспоминаниями.

– Ламберт умирал медленно. Огонь долго не мог высушить всю его кровь, – донесся до меня голос Барака.

Взглянув на него, я с облегчением убедился, что на лице его мелькнуло выражение ужаса и отвращения. Смерть на костре – одна из самых мучительных, и в дни, когда обвинениям в ереси и государственной измене не было числа, подобного конца опасался каждый. Я вздрогнул и провел рукой по лбу. Голова у меня горела. Как видно, ее напекло солнцем.

– Знаете, почему та девушка напомнила мне Ламберта? – продолжал Барак, опершись локтями на стол. – Он подошел к столбу молча, опустив голову, и ни словом не ответил на насмешки толпы. Она держалась так же. Потом, на костре, он, конечно, кричал во весь голос, – добавил Барак. – Тут любой закричит.

– Вы хотите сказать, что Элизабет держалась как мученица?

– Да, именно мученица, – кивнул Барак. – Это самое подходящее слово.

– Но почему?

– Откуда мне знать? – Он пожал плечами. – Вы правы, что собираетесь поговорить с ее родными. Уверен, побывав у них дома, вы многое поймете.

Мысль о том, что Элизабет ведет себя как мученица, до сих пор не приходила мне в голову, но теперь я понял, насколько она справедлива. Я внимательно посмотрел на Барака. Кем бы ни был этот малый, он отнюдь не глуп.

– Я отправил Саймона с запиской к Джозефу, – сообщил я, поднимаясь из-за стола. – Попросил его зайти сюда завтра к полудню. А до этого мы должны осмотреть место, где вы видели греческий огонь в действии. Так что встать придется рано. Где она расположена, эта пристань?

– Вниз по реке, сразу за Дептфордом.

– А сейчас я должен просмотреть бумаги. Будьте любезны, принесите их. – Хорошо. – Барак с готовностью вскочил. – Вижу, вы не привыкли терять времени даром. Весь завтрашний день расписали по часам. Милорд в вас не ошибся. Не зря он говорил, что вы сразу сообразите, с какого конца братья за дело.

Солнце уже клонилось к закату, когда я устроился в саду, чтобы ознакомиться с содержимым сумки Барака. За последние два года я немало сделал для украшения собственного сада и часто сидел там, наслаждаясь тишиной и ароматом цветов. Замысел сада был чрезвычайно прост:

квадратные клумбы разделялись решетками, увитыми плющом. Мне вовсе не хотелось любоваться всякого рода замысловатыми выдумками, которые порождают лишь недоумение; в саду моем царили простота, покой и порядок. Когда-то я думал, что благодаря реформам покой и порядок воцарятся во всем мире, однако давно уже осознал всю тщетность подобных надежд. В последнее время я все чаще мечтал о том, чтобы оставить Лондон, перебраться в деревню и там предаться безмятежной и тихой жизни. Однако до исполнения этого намерения было еще слишком далеко. Радуюсь, что наконец остался в одиночестве, я устроился на скамье и раскрыл сумку.

Первым делом я взялся за бумаги, привезенные Майклом Гривстудом из монастыря. То были несколько древних рукописей, которые монахи-переписчики снабдили тщательными иллюстрациями. В каждой из этих рукописей давалось подробное описание того, как использовать греческий огонь. Иногда авторы называли его также «летучий огонь», иногда «дьяволовы слезы», иногда «темный огонь».

Последнее название привело меня в замешательство.

«Как может огонь быть темным?» – в недоумении спрашивал я себя.

Странное видение предстало перед моим внутренним взором: черный огонь, извергаемый черными глыбами угля. Но тут речь шла совсем о другом.

В сумке обнаружилась также страница, написанная по-гречески. По всей видимости, она была вырвана из книги, посвященной жизнеописанию византийского императора Алексея Первого, который правил четыре столетия назад. Вот что там говорилось:

«На носу каждой из византийских галер имелась труба, увенчанная головой льва, коя была отлита из позолоченной меди. Грозный вид сей головы наводил ужас, а через разверстную ее пасть извергался огонь, который воины направляли на врага благодаря особому устройству. Пизанцы в страхе бежали, ибо они никогда прежде не видели подобного изобретения и были поражены тем, что огонь, который обычно устремляется вверх, может направляться в любую сторону согласно воле человека».

Я отложил страницу. Любопытно, куда исчез аппарат, при помощи которого метал огонь братья Гривстуды? Скорее всего, неизвестные злоумышленники забрали его из дома на Вулф-лейн. Но подобное устройство, выполненное из металла, должно быть тяжелым и громоздким. На руках его не унесешь. Неужели убийцы подогнали к самому дому повозку? Так и не найдя ответа на этот вопрос, я прочел еще один

фрагмент, в котором говорилось о том, как огромная арабская флотилия, в 678 году от Рождества Христова вознамерившаяся захватить Константинополь, была полностью уничтожена летучим огнем. Пламя испепелило вражеские корабли прямо на воде.

Утомленными от чтения глазами я окинул лужайку. Пламя, которое горит на воде, пламя, которое человек может направлять по собственному усмотрению. Все это казалось мне совершенно невозможным. Впрочем, я имел весьма смутные представления об алхимии и о чудесах, которых можно достичь посредством соединения различных элементов.

Среди бумаг оказалась лишь одна, написанная по-английски, неровным, корявым почерком.

«Я, Алан Сент-Джон, в прошлом солдат Константина Палеолога, императора Византийского, – говорилось там, – составляю сие завещание в больнице монастыря Святого Варфоломея, в Смитфилде, в одиннадцатый день марта 1454 года».

«То есть примерно год спустя после того, как Константинополь был захвачен турками», – вспомнил я.

«Мне сказали, что смерть моя близка, и я должен покаяться в своих прегрешениях, коих совершил немало, ибо всю свою жизнь я шел тернистым путем наемного солдата. Добрые монахи этой благословенной обители ухаживают за мной с тех пор, как я вернулся на родину после падения Константинополя. Но несмотря на их попечения, тяжкие раны, полученные мною в битвах, в самом скором времени сведут меня в могилу. В заботе, коей окружили меня мои братья во Христе, я вижу проявление любви, которую Господь питает ко всем своим чадам. Поэтому именно монахам я оставляю все документы, в которых содержится тайна греческого огня, известная лишь византийцам. Тайна эта на протяжении столетий передавалась от императора к императору и наконец была утеряна, так же как и последний бочонок с греческим огнем, который волею судеб оказался в моих руках. Один из константинопольских библиотекарей, разбирая хранилище, дабы спасти книги от наступавших язычников, обнаружил бочонок и бумаги. Он вверил их моему попечению, прежде чем оба мы оставили город на одном из кораблей, присланных венецианцами. Я не обучен читать ни по-гречески, ни по-латыни и намеревался, вернувшись в Англию, показать эти бумаги алхимикам. Однако тяжкая болезнь лишила меня возможности выполнить сие намерение. Надеюсь, Господь простит меня, ибо я собирался извлечь выгоду из доверенной мне тайны. Но теперь, когда я покидаю сей мир, деньги мне более ни к чему. Добрые монахи говорят, что такова Божья

воля. Господь помешал мне открыть эту ужасную тайну, ибо она неминуемо принесла бы страждущему человечеству лишь новые несчастья и разрушения. Неудивительно, что элемент, коий является главной составляющей греческого огня, называется «слезы дьявола». Покидая сей мир, я завещаю эту тайну монахам, ибо лишь они способны распорядиться ею согласно воле Господа».

Я отложил исписанный листок. Итак, монахи, сознавая, сколь опасное оружие оказалось в их руках, предпочли спрятать и документы, и бочонок в надежном месте. Откуда им было знать, что девяносто лет спустя король Генрих и Кромвель прогонят их прочь и разрушат обитель. Картины падения Константинополя, величайшей трагедии нашей эры, пронеслись перед моим внутренним взором. Я видел, как солдаты и мирные жители в страхе покидают обреченный город, как они мечутся по пристани, погружаясь на венецианские корабли, а за городскими стенами раздаются громовые залпы орудий и дикие крики турок.

Я собрал все бумаги вместе и понюхал их. От них исходил едва заметный аромат мускуса, легкий и приятный. Взяв оставшиеся документы, я убедился, что они испускают тот же самый запах. Он ничуть не походил на ладан, и вряд ли бумаги пропитались им в монастырском погребе. Никогда прежде я не встречался с подобным запахом.

Я провел за чтением два часа; солнце опускалось все ниже и ниже, в воздухе закружились вечерние мотыльки. Привлеченные светом свечей, которые Саймон зажег в доме, они упорно бились в оконные стекла.

Отложив бумаги в сторону, я некоторое время наблюдал за мотыльками. Последние отблески заходящего солнца золотили верхушки деревьев, издали доносилось мычание коров, которые возвращались с пастбища. Немного отдохнув, я принялся за книги.

По большей части то были греческие и латинские труды, в которых упоминались вещества и явления, сходные с греческим огнем. Я прочел древнюю афинскую легенду о магическом одеянии, которое, износившись, превращается в огонь, прочел отрывок из труда Плиния, где описывались заводи Евфрата, полные легковоспламеняющейся тины. Вне всякого сомнения, историки лишь повторяли далекие от правдоподобия рассказы неизвестных очевидцев, не имея понятия о том, как производится греческий огонь. Среди книг оказалась также пара алхимических трудов, в которых обсуждались вопросы, связанные с философским камнем, наставления Гермеса Трисмегиста, а также определялись соответствия между металлами, звездами и живыми созданиями. Пробежав глазами несколько страниц, я убедился, что книги эти так же далеки от моего

понимания, как и та, что я взял в лаборатории Сепултуса.

В последнюю очередь я рассмотрел пергамент, который Кромвель показал мне в своем кабинете. На рисунке был изображен корабль, извергающий греческий огонь, верхняя часть листка была оторвана. Я провел пальцами по неровному краю. Кусок ветхого пергамента стоил Майклу Гривстуду жизни.

– Уж лучше бы монахи сразу все уничтожили, – прошептал я вслух.

Тут по дорожке раздались шаги, и, вскинув голову, я увидел Барака. Он с любопытством рассматривал клумбы.

– Как приятно пахнут эти цветы, – заявил он и кивнул на бумаги, лежавшие рядом со мной на скамье. – Ну, что вы обо всем этом думаете?

– Пока что мне в голову не пришло никаких толковых соображений. Одно могу сказать – о греческом огне написано немало, но, судя по всему, никто из писавших не представляет, какова природа этого вещества. Что до алхимических трудов, то они являют собой собрание туманных намеков и загадочных терминов.

– Как-то раз я попытался прочитать законоведческий трактат, – с ухмылкой заявил Барак. – И у меня сложилось в точности такое же впечатление.

– Надеюсь, Гай сумеет прояснить для нас смысл этих книг, – сказал я, пропустив мимо ушей его выпад.

– Этот старый черный монах – ваш приятель? В квартале, где я живу, его хорошо знают. Богом клянусь, его наружность способна навести страх на всякого.

– Этот человек обладает большими знаниями.

– Да, у нас, поблизости от Олд-Бардж, многие так говорят.

– Значит, вы живете в Олд-Бардж?

– Да. Местечко не слишком приятное, не то что у вас. Зато оно в самом центре Лондона, а мне частенько приходится бывать по делам в Сити.

Барак опустил на скамью и метнул на меня испытующий взгляд.

— Каким бы знатоком ни был ваш ученый монах, вы должны открыть ему как можно меньше. Смотрите, не пускайтесь в лишние откровенности.

– Я всего лишь попрошу его пояснить мне, о чем говорится в этих книгах. Скажу, что это связано с делом одного моего клиента. Гай не будет допытываться, что к чему. Он прекрасно знает, что я, как адвокат, должен хранить секреты клиентов.

– Гай Малтон, так называет себя этот черный аптекарь, – задумчиво произнес Барак. – Бьюсь об заклад, при рождении он получил совсем другое имя.

– Да, раньше его звали Мохаммед Элакбар. Его родители приняли христианство после падения Гранады. Кстати, если уж речь зашла об именах, ваше собственное тоже звучит довольно странно. Барак похоже на Барух, имя, которое встречается в Ветхом Завете. Теперь сторонники Реформации часто дают своим детям подобные имена. Но ведь вы, насколько я могу судить, родились задолго до того, как они вошли в моду.

Барак расхохотался и вытянул свои длинные ноги.

– Сразу видно, вы большой знаток по части имен. Да, отец мой происходит из еврейской семьи, которая давным-давно приняла христианство. Иначе всех моих предков вышибли бы прочь из Англии. Я вспоминаю об этом всякий раз, когда встречаюсь с графом в Доме обращения. Так что, скорее всего, предки мои и в самом деле носили фамилию Барух. У меня есть талисман, крохотная золотая коробочка, которую мне подарил отец. Он говорил, что в нашей семье она передавалась из поколения в поколение. Это все, что он оставил мне в наследство, бедный старый олух.

В насмешливом взгляде Барака вновь мелькнула печаль.

— А еще что-нибудь вам удалось узнать из этих бумаг? – спросил он.

– Нет. Но я предполагаю, что монахи спрятали формулу и бочонок с греческим огнем в церковном подвале, так как признавали: использование этого вещества грозит человечеству большими бедствиями. – Я пристально посмотрел на Джека. – И они были совершенно правы. Трудно представить себе все разрушения, на которые способно подобное оружие.

Барак ответил мне столь же пристальным взглядом.

– Новое мощное оружие может спасти Англию от вражеского вторжения. А значит, отыскать его необходимо, – отчеканил он.

– Расскажите подробнее о том, что представляет собой греческий огонь в действии, – решил я сменить тему разговора. – Ведь вы видели это собственными глазами.

– Непременно расскажу. Только завтра, когда мы будем на пристани. А сейчас я ухожу в город. Пришел сюда, чтобы сказать вам об этом. Во-первых, мне надо захватить из дома кое-какие вещи. Во-вторых, я хочу прогуляться по тавернам – может, кто из моих осведомителей знает того рябого, который сегодня нас преследовал. И наконец, я собираюсь встретиться с одной славной пухленькой девчонкой. Так что вернусь поздно. Дадите мне ключ от входной двери?

– Ключ попросите у Джоан, – сказал я, метнув в него неодобрительный взгляд. – И не слишком долго гуляйте. Завтра нам рано вставать.

– Не беспокойтесь, я вовсе не намерен валяться в постели до полудня.

Увидите сами, я не имею привычки бездельничать, – с улыбкой заявил Барак, которого мое неодобрение ничуть не смутило.

Надеюсь, что нет.

– Да и девчонка моя тоже любит вставать спозаранку. Она вообще отличается редким прилежанием.

И, многозначительно подмигнув мне, он повернулся и поспешил прочь.

ГЛАВА 10

Этой ночью я почти не спал. Удушливая жара и многочисленные образы, теснившиеся у меня перед глазами, не давали мне забыться. Я видел Элизабет, распростертую на грязном полу камеры, усталое, встревоженное лицо Кромвеля, трупы, изрубленные топором. Я слышал, как далеко за полночь вернулся Барак и, стараясь не шуметь, поднялся в свою комнату. Встав с кровати, я преклонил колена и в душной темноте просил Господа ниспослать мне сон, в котором я столь нуждаюсь, а также удачу в делах, ожидающих меня грядущим днем. В последнее время я молился намного меньше, чем прежде, ощущая, что слова мои, вместо того чтобы возноситься к Богу, растворяются в моем собственном сознании подобно дыму. Однако, вернувшись в постель, я провалился в сон и проснулся уже при свете дня. Сквозь открытое окно в комнату проникал теплый ветерок, и Джоан звала меня к завтраку.

Несмотря на беспокойную ночь, Барак сиял, как новая монета, и жаждал бурной деятельности. Он сообщил мне, что ему не удалось ничего выяснить о рябом, но, несомненно, в самом скором времени он нападет на его след. Покончив с завтраком, мы спустились к реке, чтобы нанять лодку. Еще не пробило семь. Я редко покидал дом в столь ранний час, в особенности по воскресеньям, и мне непривычно было видеть город столь пустынным и тихим. Желающих переправиться через реку не было, и лодочники терпеливо ожидали ранних пассажиров у ступеней Темпла. Было время отлива, и к лодке нам пришлось идти по узкому дощатому настилу, проложенному по толстому слою тины. Волны выбросили на берег раздутый труп осла, который испускал столь невыносимое зловоние, что я зажал нос. Наконец мы уселись в лодку, и перевозчик погреб на середину реки.

– Хотите войти в стремнину под Лондонским мостом? – спросил он. – Это будет вам стоить еще два пенса.

Лицо молодого парня уродовали многочисленные шрамы, вне всякого сомнения полученные в драках, которые служат для лондонских лодочников излюбленным развлечением. Я колебался, но Барак опередил меня.

– Давай, – заявил он. – Сейчас вода стоит низко и течение не сильное. Так что мы не слишком рискуем.

Я вцепился в борта лодки, когда мы пронеслись под огромным мостом,

на котором теснились дома. Однако лодочник ловко проскочил меж опорами, и мы устремились вниз по реке, мимо Биллинггейта, где стояли на якоре огромные морские суда, мимо Тауэра, чей грозный силуэт четко вырисовывался на фоне безоблачного неба. Когда мы проплывали мимо новых морских доков в Дептфорде, я в изумлении уставился на огромный военный корабль «Мэри Роз». Мачты его возвышались над крышами стоявших на берегу домов, подобно шпилям готических соборов.

За Дептфордом дома, тянувшиеся вдоль берега, исчезли, а река стала шире, так что дальний берег теперь был едва различим. Сразу за кромкой воды начинались бескрайние болота, поросшие тростником. Редкие пристани, которые мы проплывали, имели заброшенный вид, ибо суда теперь вставали на якорь выше по течению.

– Вон то, что нам надо, — кивнул наконец Барак. Впереди я увидел обветшалый причал, стоявший на деревянных опорах. За ним расстилалась пустошь, покрытая выгоревшей на солнце травой. У самого причала притулился полуразвалившийся дощатый сарай.

– Я ожидал увидеть что-то более впечатляющее, — заметил я.

– Его светлость выбрал эту пристань, потому что здесь никогда не бывает ни души, — пояснил Барак.

Лодочник подплыл к причалу и, остановившись, прикрепил к его краю веревочную лестницу. Барак ловко вскарабкался наверх, я последовал его примеру, хотя и без особого проворства.

– Вернешься за нами через час, распорядился Барак, бросив лодочнику несколько монет. Тот кивнул и отчалил, оставив нас в одиночестве.

Я огляделся по сторонам. Вокруг царила тишина, лишь камыши, качаемые легким ветерком, тихонько перешептывались. Над поверхностью воды у берега порхали разноцветные бабочки.

– Пойду загляну в сарай, — сказал Барак. — Вдруг там поселились какие-нибудь бродяги.

Он подошел к сараю и стал заглядывать в широкие щели между досками. Тем временем взгляд мой привлекла веревка, свисающая из кольца на железной швартовой тумбе. То был узловатый толстый пеньковый канат, которым обычно привязывают корабли. Потянув за него, я обнаружил, что длина каната составляет не более двух футов, а конец его почернел и обуглился.

Шаткая пристань закрипела под ногами Барака.

– Никого нет, — сообщил он и протянул мне кожаную флягу. — Хотите выпить?

– Спасибо, не откажусь.

Я отвинтил пробку и глотнул слабого пива. Барак кивнул на канат, который я по-прежнему держал в руке.

– Вот и все, что осталось от старого корабля.

– Расскажите мне, как это произошло.

– Давайте отойдем в тень.

Мы устроились в тени сарая. Несколько мгновений Барак молча смотрел на реку, потом взял у меня флягу, сделал несколько глотков и начал свой рассказ. Против всех моих ожиданий, речь его текла плавно и гладко: как видно, воспоминания о пережитом потрясении заставили Барака отказаться от своей обычной отрывистой и грубоватой манеры.

– В марте милорд приказал мне купить старый весельный корабль на мое собственное имя и перегнать его сюда. В одном из доков я отыскал вполне подходящее корыто, длиной около тридцати футов, приобрел его, спустил вниз по реке и поставил здесь на якорь.

– Как-то раз мне довелось проделать на весельном судне путь из Сассекса в Лондон, – вставил я.

– А, значит, вы знаете, что это такое. Длинная неповоротливая посудина. То корыто, что я купил, оказалось на редкость тяжеловесным. На нем перевозили уголь из Ньюкасла, и оно было снабжено и веслами, и парусами. А назвалось оно «Бонавентюр». Название это французское, и корабль, который его носит, должен целым и невредимым выходить из всех передраг, – добавил Барак, покачав головой. – Я уже сказал, милорд выбрал именно эту пристань потому, что здесь всегда пустынно и безлюдно. Он приказал мне прибыть сюда на рассвете, когда на реке точно не будет ни единой лодки, и ждать его. Сказал, что мне предстоит стать свидетелем удивительного события. «Хотя, вполне вероятно, мы с вами не увидим ровным счетом ничего», – заявил он напоследок. Как бы то ни было, я приехал сюда верхом еще затемно. Признаюсь, это было чертовски трудно: пробираться в темноте по узким тропкам, которые ведут через болота. Старый корабль стоял у пристани. Разумеется, желающих похитить такую раздолбанную посудину не нашлось. Я привязал Сьюки и принялся прохаживаться взад-вперед, чтобы немного согреть ноги. Вскорости вошло солнце. Речные птицы встретили его такими пронзительными криками, что я несколько раз вздрогнул. А потом до меня донесся цокот лошадиных копыт, треск камыша, и я увидел милорда. Он тоже прибыл верхом, в сопровождении двух человек. Странно было видеть его в столь пустынном и заброшенном месте. Одна из лошадей тащила тележку, на которой под кучей тряпья было спрятано что-то громоздкое. Всадники въехали на пристань и спешили. Тогда я в первый раз увидел братьев

Гриствудов, упокой Господь их души. Судя по виду, они не слишком процветали.

– Да, – кивнул я. – Майкл был не слишком удачливым поверенным. Из тех, кому достаются только незначительные дела. По большей части он выполнял различные поручения других адвокатов. Иными словами, мелкая сошка.

– Понятно, – бросил Барак так резко, что я недоуменно взглянул на него. – Так вот, оба брата были худыми и низкорослыми, и они метали на милорда опасливые взгляды. А граф все время хмурился и явно был чем-то недоволен. Наверное, он считал, что ввязываться в подобное дело – ниже его достоинства. Я понимал: если Гриствуды обманут его ожидания, им придется горько об этом пожалеть. На одном из братьев была маленькая круглая шапочка и длинная мантия, одним словом, полный наряд алхимика. Правда, все это было забрызгано грязью, ведь ему пришлось скакать верхом через болота. А господин мой был в простом черном плаще, который он обычно надевает, когда путешествует в одиночестве. Он представил меня Гриствудам, и они оба сняли шапки и поклонились мне так низко, словно перед ними был сиятельный вельможа.

При этом воспоминании Барак расхохотался.

– Я еще подумал, что никогда прежде не встречал таких потешных олухов. Милорд приказал мне привязать лошадей у сарая, там, где я оставил Сьюки. Когда я вернулся, братья как раз разгружали тележку. Они привезли с собой какие-то диковинные предметы, назначение которых было мне совершенно непонятно: длинную тонкую медную трубу и большой металлический ручной насос, вроде тех, что используются в водопроводе. Граф подошел ко мне и тихо сказал: «Давай осмотрим корабль, Джек. Я хочу убедиться, что здесь нет никакого мошенничества». Тогда я отважился спросить его, для чего все эти приготовления. Он с сомнением взглянул на братьев, которые как раз выгружали из тележки большой железный бак. Судя по тому, как они пыхтели и обливались потом, он был заполнен чем-то тяжелым. Граф недоверчиво вскинул бровь и сказал, что Сепултус – алхимик, он изобрел какой-то невиданный аппарат и обещал показать его в действии. А потом мы поднялись на корабль. Вместе с графом я самым тщательным образом осмотрел судно от кормы до носа. Милорд даже заглянул в трюм и выбрался оттуда, кашляя от угольной пыли. Однако мы не нашли ничего, что свидетельствовало бы о готовящемся обмане. На старой посудине все было в точности так, как в тот день, когда я по дешевке купил ее у торговца кораблями. Когда мы вышли на палубу, братья уже установили на причале свой аппарат, – продолжал

Барак. – К металлическому баку они присоединили насос и тонкую трубу. Я ощутил, что из бака исходит какой-то неприятный и на редкость пронзительный запах. Казалось, он через ноздри проникает прямо в мозг. Никогда прежде я не испытывал ничего подобного.

– Расскажите подробнее о том, как выглядел аппарат.

– Трубка была полая, как дуло ружья. Думаю, длина ее составляла около двенадцати футов. Один ее конец, как я уже сказал, был прикреплен к баку. А над другим братья закрепили фитиль, комок пакли, пропитанной свечным салом.

– А какого размера был бак? В него могла бы вместиться целая бочка жидкости?

– Могла бы, – кивнул Барак. – Но я не знаю, был ли он полон.

– Да, конечно. Прошу вас, продолжайте.

– Когда мы с графом сошли на пристань, Гривуды уже установили бак на большой деревянный треножник. К своему удивлению, я увидел, что они пытаются разжечь под треножником огонь и возятся с кремнем. Наконец им это удалось. «Горит! – в волнении закричал Майкл Гривуд. – Горит! Отойдите подальше, милорд, подальше от трубы». Милорд, несомненно, был поражен подобной бесцеремонностью, однако повиновался и встал рядом с братьями. Я последовал его примеру, совершенно не представляя, что должно произойти в ближайшие минуты.

Барак замолчал и уставился на крохотные водовороты, бурлившие у пристани, – наступало время прилива.

– Все случилось очень быстро, – вновь заговорил он. – Майкл выхватил из огня горящий прут и зажег фитиль. Потом он подбежал к насосу и вместе с Сепултусом принялся что есть сил качать его. Через несколько мгновений из трубы вырвался сноп желтого пламени длиной примерно в двенадцать футов. С громовым ревом пламя рассекло воздух и ударило в бок корабля. Видели бы вы, как оно свистело и вращалось в воздухе. Словно что-то... живое.

– Словно огонь, извергаемый драконом, – подсказал я.

– Да, – вздрогнув, кивнул Барак. – Корабль немедленно вспыхнул. Казалось, пламя набросилось на него и принялось с жадностью пожирать, подобно беспощадному хищнику. Горящие обломки падали на воду, и, Богом клянусь, я видел, как вода горит. Видел собственными глазами, как по воде бегали огненные дорожки. Я даже испугался, что сейчас вспыхнет вся река, от пристани до Лондона. Потом братья повернули трубу, снова взялись за насос, и новый язык пламени, такой яркий, что на него больно было смотреть, ударил в корму корабля. Да, этот летучий огонь

чрезвычайно походил на чудовищное животное. Корабль превратился в плавающий костер. Жар, выпускаемый пламенем, был невыносим. От горящего корабля нас отделяло не менее двадцати футов, но я чувствовал, как пылает мое лицо. Еще несколько залпов, и бедная старая посуда загорелась от кормы до носа. Даже птицы, щебетавшие на болоте, поднялись в воздух и в испуге улетели прочь. Признаюсь, я был едва жив от страха. Я не слишком крепок в вере, но тут мысленно молился Пресвятой Деве и всем святым, просил их защитить меня. Милорд запретил носить четки, а не то я перебирал бы их так яростно, что наверняка разорвал бы нить. Мы молча наблюдали, как пламя пожирает корабль. Клубы черного дыма поднимались в небо. Я взглянул на графа. Судя по всему, он ничуть не был напуган. Скрестив руки на груди, он смотрел на горящий корабль, и глаза его сверкали от радостного возбуждения. А потом я услышал пронзительное ржание. Думаю, оно раздавалось уже давно, но, пораженный жутким зрелищем, я более ни на что не обращал внимания. Охваченные страхом лошади дрожали и метались. Подбежав к ним, я увидел, что они бьют в воздухе ногами, пытаясь вырвать из земли столбы, к которым были привязаны. Я попытался успокоить их, прежде чем они успели поранить друг друга копытами, и мне это удалось, потому что я умею обращаться с лошадьми. Слава богу, Гривуды прекратили палить из своего орудия, и жалкие останки корабля пошли ко дну. Когда я вернулся на пристань, бедная посуда уже скрылась под водой. Все, что от нее осталось, – обгорелый обрывок каната, который вы видели. Господин мой благосклонно говорил с Гривудами, а они буквально сияли от счастья, хотя вся их одежда насквозь пропиталась потом. Потом они принялись разбирать свой аппарат и складывать его на тележку.

Барак усмехнулся и покачал головой.

– Вокруг вновь царили тишина и покой. Сгоревший корабль исчез, языки пламени, слава богу, больше не лизали воду. Трудно было поверить, что несколько минут назад в этом тихом месте произошло столь невероятное событие: здоровенный весельный корабль за считанные минуты превратился в горстку пепла.

Барак испустил глубокий вздох и сдвинул брови.

– Но как бы то ни было, это случилось у меня на глазах. Потом, когда Гривуды уже уехали, граф сообщил мне, что чудовищное пламя называется «греческий огонь». Еще он сказал, что формулу этого вещества Майкл Гривуд обнаружил в монастыре Святого Варфоломея, и приказал мне держать увиденное в строжайшей тайне.

Я кивнул и подошел к краю пристани. Барак последовал за мной.

– Братья Гривуды дважды показывали, на что способен греческий огонь. Во второй раз вы тоже присутствовали? – спросил я, глядя на темную мутную воду.

– Нет. Милорд приказал мне найти еще одно судно, больше прежнего. Я приобрел старый корабль и доставил его сюда. Но наблюдать за его сожжением граф отправился без меня. Потом он рассказал мне, что второе судно постигла в точности та же самая участь. Так что на дне наверняка гниют остатки обоих кораблей, – добавил он, взглянув на реку.

– Значит, для того чтобы извергать греческий огонь, необходим особый аппарат, – задумчиво произнес я. – Гривуды не могли сделать его без посторонней помощи. Хотел бы я знать, кто им помогал. И где они хранили столь громоздкое сооружение?

– Теперь, когда вы слышали мой рассказ, вы верите в то, что греческий огонь действительно существует? – спросил Барак, испытующе глядя на меня.

– Я верю, что вы видели нечто необычайное, – уклончиво ответил я.

На середине реки появился торговый корабль, огромное судно, возвращавшееся в Лондон из какого-то удаленного уголка света. Легкий ветерок раздувал его паруса, высокий нос гордо разрезал волны. Матросы на палубе, завидев нас, принялись кричать и приветственно размахивать руками. Как видно, мы были первыми англичанами, которых они встретили на родной земле. Корабль скрылся из виду, а перед глазами у меня стояла кошмарная картина: я видел, как пламя пожирает его высокие мачты, а люди с отчаянными воплями мечутся по горящей палубе.

– Вам наверняка известно, что сейчас многие убеждены в близком конце света, – тихо произнес я. – Скоро этот мир прекратит свое существование, и Христос снова сойдет на землю, дабы вершить Страшный суд. – И вы тоже в это верите?

– До сегодняшнего дня не верил.

Тут я увидел лодку, которая быстро приближалась к пристани. – Это за нами. Нам пора возвращаться в Лондон. Надо непременно отыскать монастырского библиотекаря.

Мы приказали лодочнику доставить нас в Вестминстер, ибо Палата перераспределения ныне располагалась в Вестминстер-холле. Одолев ступени высокой лестницы, мы остановились около нового дворца, чтобы перевести дух. Солнце поднялось уже высоко; день вновь выдался невыносимо жарким. Стоило мне заметить фонтан, испускавший слабую струю, как на ум сразу пришли трубы, насосы и баки.

– Значит, именно здесь законники устраивают свои словесные баталии, – изрек Барак, с интересом разглядывая величественный северный фасад Вестминстер-холла, украшенный высокими витражными окнами.

– Да, здесь заседает суд по гражданским делам. Вам доводилось там бывать?

– Бог миловал. Подобно большинству честных людей, я стараюсь держаться подальше от подобных мест.

Мы поднялись по ступенькам к северной двери. Стражник, увидав мою адвокатскую мантию, кивнул, и мы вошли внутрь. Зимой это огромное каменное здание промерзает до основания, и все, кто вынужден здесь бывать, отчаянно дрожат от холода. Исключение составляют лишь судьи, которые кутаются в свои меха. Даже сегодня, несмотря на стоявшую на улице жару, по спине у меня пробежали мурашки. Барак поднял глаза к головокружительно высоким резным потолкам, скользнул взглядом по статуям королей, стоявшим в оконных нишах, и восхищенно присвистнул. Свист его отдался эхом под гулкими сводами.

– Да, на Олд-Бейли совсем не похоже.

– Вы правы.

Я окинул взглядом зал. Невысокие перегородки отделяли королевскую скамью от мест, занимаемых гражданским судом и судом лорд-канцлера. Скамьи для судей, лавки, столы были пусты. Завтра начнется судебная сессия, и тогда в огромном зале яблоку будет негде упасть. Я вспомнил, что на следующей неделе мне предстоит выступить здесь против Билкнэпа.

«Выбрать время для подготовки будет нелегко», – подумал я со вздохом.

Из открытой двери в дальнем конце зала доносился приглушенный гул голосов.

– Идемте, – сказал я Бараку и направился в контору Палаты перераспределения.

Тому, что Палата получила разрешение работать по воскресеньям, удивляться не приходилось. Несомненно, именно эта Палата, занимавшаяся продажей бесчисленных монастырских зданий и назначением пенсий бывшим монахам, была перегружена делами более всех прочих учреждений в королевстве. Войдя в комнату, мы увидели два ряда длинных столов, за которыми сидели погруженные в бумаги клерки. Несколько бедно одетых и явно обеспокоенных женщин пытались что-то доказать издерганному и усталому чиновнику.

– Нашей настоятельнице обещали вернуть большое распятие, – умоляюще повторяла одна из них. – Она намеревалась сохранить его в память о нашей прошлой жизни и...

– Об этом нет никаких упоминаний в акте о роспуске монастыря, – нетерпеливо перебил клерк, взглянув в бумаги. – Не понимаю, чего вы добиваетесь? Вы что, хотите устраивать папистские службы и бормотать по-латыни вокруг вашего распятия? Так это запрещено законом.

Мы с Баракком прошли мимо группы хорошо одетых людей, склонившихся над планом, на котором я различил знакомые очертания монастырских церквей и братских корпусов.

– Если снести все здания, землю можно продать намного выгоднее, – донеслось до меня.

Наконец мы оказались у перегородки с надписью «Пенсии». Здесь не было ни души. Я позвонил в колокольчик. В дверях появился пожилой клерк, явно недовольный тем, что его побеспокоили. Я сообщил, что нам необходимо найти одного бывшего монаха. Клерк заговорил было о том, что он очень занят и нам следует прийти в другой день, однако Баракк извлек из кармана печать с гербом Кромвеля и сунул ему под нос. Стоило клерку взглянуть на печать, сердитое выражение на его лице сменилось выражением откровенного подбострастия.

– Разумеется, я сделаю все, что в моих силах, – пролепетал он. – Для меня великая честь помочь графу.

– Мы разыскиваем некого Бернарда Кайтчина, – сказал я. – В прошлом он служил библиотекарем в монастыре Святого Варфоломея в Смитфилде.

– Думаю, найти его будет нетрудно, – расплылся в угодливой улыбке клерк. – Он недавно обращался к нам за пенсией.

Служащий открыл один из ящичков стола и, вытащив огромную конторскую книгу, принялся ее листать. Минуту спустя он ткнул в одну из записей своим перемазанным чернилами пальцем.

– Вот он. Бернарду Кайтчину назначена ежегодная пенсия в шесть фунтов два пенса. Здесь указано, что он занимает должность священника в часовне при церкви Святого Андрея в Мургейте. Я так полагаю, господа, все эти часовни тоже неплохо бы закрыть, – неожиданно выпалил он. – Ни к чему позволять священникам день за днем бормотать на латыни зауспокойные молитвы. Надеюсь, этому мракобесию скоро положат конец.

Он выжидающе взглянул на нас, рассчитывая, что, будучи людьми Кромвеля, мы выразим бурное одобрение. Но я лишь пробормотал что-то нечленораздельное и, повернув книгу к себе, сам прочел запись.

– Баракк, сейчас я вернусь на Канцлер-лейн, мне нужно встретиться с Джозефом. А вы, не откладывая, поезжайте к Кайтчину, – обратился я к своему спутнику. – Скажите ему, что...

Тут я осекся, потому что дверь за спиной клерка распахнулась и, к

великому своему изумлению, я увидел Стивена Билкнэпа собственной персоной. На узком его лице застыло хмурое и озабоченное выражение.

– Мастер клерк, мы не закончили, – процедил он. – Сэр Ричард желает узнать...

Увидев меня, Билкнэп, в свою очередь, осекся. В глазах его, которые на мгновение встретились с моими, мелькнуло откровенное удивление.

– Брат Шардлейк...

– Вот уж не думал, брат Билкнэп, что вы занимаетесь пенсиями бывших монахов.

– Да, как правило, я не занимаюсь подобными делами, – с фальшивой улыбкой пробормотал Билкнэп. – Но, видите ли, одному из бывших монахов-пенсионеров предоставлено право на проживание на моих землях в Мургейте. В некотором смысле я несу за него ответственность. Вот и решил выяснить, какая пенсия причитается бедолаге.

– Очень благородно с вашей стороны, – кивнул я и повернулся к клерку. – Мы выяснили все, что хотели. Прощайте, брат Билкнэп, увидимся послезавтра, – добавил я, отвесив Билкнэпу поклон.

Клерк сунул книгу в ящик и скрылся в дверях, пропустив вперед Билкнэпа.

– Все эти рассказы про бедного монаха, которому этот пройдоха помогает получить пенсию, – чистой воды выдумка, – нахмурившись, заметил я. – Хотел бы я знать, что на самом деле привело его сюда?

– Он упомянул имя Рича.

– Да, – кивнул я и добавил после недолгого колебания: – Может, стоит сообщить об этом Кромвелю? Пусть хорошенько расспросит клерка?

– Да, но тогда Рич сразу узнает, что мы были в Палате, и, скорее всего, насторожится.

Барак задумчиво провел рукой по своей спутанной каштановой гриве.

– Где-то я его видел раньше, этого узколицего шельмеца.

– Билкнэпа? Где?

– Не могу сразу вспомнить. Это было давно, но, богом клянусь, я его уже встречал.

– Идемте, – сказал я. – Мне надо спешить домой, меня ждет Джозеф.

Утром, уходя из дома, я приказал Саймону привести лошадей в Вестминстер и, выйдя из дворца, увидел его у восточной стены. Мальчишка восседал на широкой спине Канцлера, болтая обутыми в новые башмаки ногами. Мы вскочили на лошадей, предоставив Саймону добираться домой пешком, и выехали со двора.

Когда мы пересекали Чаринг-кросс, внимание мое привлекла роскошно

одетая дама, восседавшая на холеном мерине. Лицо ее прикрывала от солнца маска, на голове красовался великолепный убор. За нею следовало трое верховых слуг и две раскрасневшиеся от жары камеристки с букетами цветов. Мерин знатной дамы остановился, чтобы опорожнить мочевой пузырь, и вся маленькая процессия замерла в ожидании. Когда мы подъехали ближе, дама обернулась ко мне. Взгляд ее глаз, поблескивавших в прорезях маски, неожиданно привел меня в смущение. Вдруг незнакомка резким движением подняла маску, улыбнулась, и я узнал леди Онор. Казалось, даже в этот томительно знойный день ей прохладно, несмотря на плотную маску и на то, что пышные дамские наряды отнюдь не приспособлены для подобной жары. Леди Онор приветливо помахала мне.

– Мастер Шардлейк! Надо же, мы снова встретились!

Я остановил Канцлера.

– Счастлив приветствовать вас, леди Онор. Сегодня снова выдался весьма жаркий день, не правда ли?

– Да, жарко. Как я рада, что встретила с вами, – с неподдельным чувством произнесла леди Онор. – Надеюсь, в ближайший вторник вы не откажетесь пообедать у меня?

– Ваше приглашение – для меня большая честь, – ответил я с поклоном.

Боковым зрением я видел, что Барак стоит рядом со мной, смиренно потупившись, как положено примерному слуге.

– Стекланный дом на улице Синих Львов, – назвала свой адрес леди Онор. – Любой вам подскажет, где это. Жду вас в пять часов. Подавать будут только сладкие блюда, так что обед не затянется надолго. Но общество соберется чрезвычайно интересное.

– Я буду с нетерпением ждать вторника.

– Кстати, я слышала, что вы защищаете в суде племянницу Эдвина Уэнтворта.

– Похоже, об этом слышал весь Лондон, миледи, – с натянутой улыбкой ответил я.

– Я несколько раз встречала сэра Эдвина на обедах, которые устраивает гильдия торговцев шелком. Он далеко не так умен, как считает сам. Впрочем, деловой сметки и оборотистости у него не отнимешь.

– Вот как?

– О, у вас в глазах уже зажглись любопытные огоньки, – рассмеялась леди Онор. – Сразу видно настоящего адвоката. Не сомневаюсь, больше всего на свете вас занимает то, что связано с делами, находящимися в вашем ведении.

– Я чувствую ответственность за судьбу несчастной девушки, леди

Онор.

– Это делает вам честь, – заметила она с едва заметной улыбкой. – К сожалению, я должна вас покинуть. Я собираюсь нанести визит родственникам своего покойного мужа.

Леди Онор вновь опустила маску на лицо, и маленькая процессия двинулась прочь.

– Экая красавица, – пробормотал Барак, провожая леди Онор взглядом. – А уж до чего пышно разодета...

– Сразу видно истинную леди, – заметил я.

– Только, на мой вкус, она слишком много о себе воображает. Мне нравятся женщины скромные, без затей. А с богатыми вдовушками хлопот не оберешься.

– Насколько я понимаю, вы знавали многих богатых вдовушек, Барак?

– Более чем достаточно.

– Но только эта вам далеко не ровня, – со смехом заметил я.

– Как и вам, – пожал он плечами.

– Неужели вы думаете, что я этого не сознаю? Я не настолько глуп и самонадеян.

— Этой женщине неведомо, что такое нужда, – изрек Барак.

– Разумеется, нет. Впрочем, надо сказать, что многие знатные семьи ныне утратили и свое положение, и значительную часть владений.

– А чья в том вина? – усмехнулся Барак. – Во время войны между Йорком и Ланкастером все эти знатные семейства едва не сожрали друг друга. Нет, новые люди, такие как граф, куда лучше понимают, что нужно стране и что нужно им самим.

– Тем не менее лорд Кромвель придает весьма большое значение своему недавно полученному графству. В этом нет ничего удивительного. Каждый мечтает получить герб. Марчмаунт, например, сделал себя истинным посмешищем, много раз пытаясь убедить Геральдическую палату в собственном знатном происхождении. – Тут в голову мне пришла неожиданная мысль. – Возможно, именно по этой причине он постоянно крутится вокруг леди Онор. Женитьба на знатной даме...

Внезапно я осекся, ощутив, что подобное предположение мне весьма неприятно.

– Что, положили глаз на сию прекрасную леди? – насмешливо осведомился Барак. – Не очень-то разумно с вашей стороны. – Он покачал головой. – По-моему, нет ничего смешнее выскочки, который хочет затесаться в чужое стадо.

– Не затесаться в чужое стадо, а подняться вверх по общественной

лестнице. Уверен, карабкаться вверх намного лучше, чем спускаться вниз.

– Вполне вероятно, вы правы, – ухмыльнулся Барак. – Только я не собираюсь никого убеждать в том, что принадлежу к древнему роду. Хотя мог бы.

– Вот как? Ах да, у вас же есть старинный медальон, который оставил вам в наследство отец.

– Да, фамильная реликвия, – важно изрек Джек. – Но я предпочитаю помалкивать о своем происхождении. Многие считают евреев кровопийцами и стяжателями. Многие до сих пор уверены, что они убивают христианских младенцев. Давайте поедем побыстрее, – вдруг резко сменил он тему. – Мне еще надо отыскать этого старого монаха.

– Если вам удастся найти Кайтчина, попросите его встретиться со мной завтра. В монастыре Святого Варфоломея.

Барак повернулся в седле.

– В монастыре? Но там сейчас живет сэр Ричард Рич. А граф не хочет, чтобы он узнал о нашем деле. Может, Рич уже что-то пронюхал. Не случайно ваш приятель Билкнэп упомянул его имя.

– Барак, так или иначе, мне необходимо осмотреть место, где был найден греческий огонь.

– Будь по-вашему, – недовольно вскинул бровь Барак. – Но мы должны соблюдать осторожность.

– Господи боже, неужели вы думаете, что я этого не понимаю?

Доехав до Канцлер-лейн, мы расстались. Оставшись в одиночестве, я внезапно ощутил приступ тревоги; воспоминания о вчерашнем преследователе, об изрубленных топором телах упорно приходили мне на память. Я вздохнул с облегчением, когда наконец оказался у ворот собственного дома. Оглянувшись по сторонам, я увидел в другом конце улицы Джозефа. Он брел, уныло сгорбившись, лицо его казалось озабоченным и печальным. Однако, завидев меня, он улыбнулся и вскинул руку в знак приветствия. Почему-то это тронуло меня до глубины души. Я давно уже не встречал человека, который выражал бы ко мне столь сердечное расположение.

ГЛАВА 11

Спешившись, я заметил, что у Джозефа измученный вид: очевидно, он очень страдал от жары. Саймон еще не вернулся, так что я попросил Джозефа пройти в дом, а сам отвел Канцлера в конюшню.

Войдя в холл, я снял шляпу и мантию. В доме было немного прохладней, чем на улице, и несколько мгновений я постоял в полутьме, ожидая, пока на моем разгоряченном лице высохнут капли пота. Когда я вошел в гостиную, Джозеф, устроившийся в моем кресле, смущенно вскочил. Я протестующе махнул рукой.

– Сидите, сидите. День сегодня чертовски жаркий, и я с удовольствием сяду здесь, – сказал я, придвигая к себе деревянный стул. Внимательно посмотрев на Джозефа, я различил, что в усталом его взгляде сияет огонек надежды.

– Сэр, мне удалось добиться успеха, – сообщил он. – Мой брат согласен встретиться с вами.

– Отлично, – кивнул я, наливая нам обоим пива из кувшина, который Джоан предусмотрительно оставила на столе. – Как вам удалось его уговорить? – Это было не просто. Я отправился к нему домой. Им пришлось впустить меня, иначе я поднял бы шум на глазах у слуг. Прорвавшись наконец к Эдвину, я сказал ему, что у вас есть сомнения в виновности Элизабет. Сказал, что вы хотите поговорить со всеми членами семьи, прежде чем решить, стоит ли защищать ее дальше. Поначалу Эдвин держался очень враждебно. Он был зол, что я вмешиваюсь в это дело. А я, признаюсь, не большой мастер лгать и очень боялся, что сам себя выдам.

– Да, Джозеф, то, что вы не умеете кривить душой, видно с первого взгляда, – улыбнулся я.

– Такой уж я уродился. Но ради спасения Лиззи я готов на все. Однако Эдвина мне никак не удавалось уломать. И знаете, кто его убедил? Матушка. Этого я никак не ожидал, ведь она была сильнее всех настроена против бедной девочки, хотя Лиззи и приходится ей родной внучкой. Но матушка заявила, что, поговорив с ними, вы, вне всякого сомнения, убедитесь, что именно Элизабет убила Ральфа. И позвольте семье без помех предаваться печали. Сэр, они ждут вас завтра в десять утра. Вся семья будет в сборе.

– Я непременно приду. Вы молодец, Джозеф.

– Мне больно было говорить им, что у вас есть сомнения по поводу

Лиззи. Ведь я знаю, вы убеждены в том, что она не убивала Ральфа, – добавил он, метнув в меня испытующий взгляд. – Но ведь ложь во спасение – не такой уж тяжкий грех, правда?

– Пока мы живем в этом мире, мы не можем избежать грехов.

– Господь часто ставит нас перед выбором, – изрек Джозеф и грустно покачал головой. – Перед трудным выбором.

Я взглянул на часы, стоявшие на каминной полке. Времени у меня оставалось в обрез.

– Простите, Джозеф, но я вынужден вас покинуть. У меня неотложные дела в Линкольнс-Инне. А с вами мы встретимся завтра, у Уолбрукского моста. За несколько минут до десяти.

– Да, конечно, сэр. Я так благодарен вам за то, что вы тратите на нас свое драгоценное время.

– Кстати, Джозеф, вы уже пообедали? Можете перекусить у меня. Я попрошу свою экономку подать вам что-нибудь.

– Вы очень добры ко мне, сэр.

Я поклонился и поспешно вышел из комнаты. Заглянув к Джоан, я попросил ее покормить Джозефа и вновь облачился в свою мантию. Ее выстирали всего день назад, однако она уже успела пропитаться городскими миазмами. Мне необходимо было до начала торжественного обеда застать Марчмаунта и Билкнэпа.

«Бедный честный Джозеф, – думал я, шагая по улице. – Знай он только, в какую кошмарную паутину обмана втянул меня Кромвель, он пулей вылетел бы из моего дома. Впрочем, нет. Со мной он связывает последние надежды на освобождение Элизабет. А ради этой несчастной девочки он, по собственному признанию, готов на все».

По пути в Линкольнс-Инн я припоминал рассказ Барака о сожжении старого корабля. Скептический мой ум мешал мне поверить в существование столь невероятного явления, как греческий огонь. К тому же тут не обошлось без участия алхимика, а эта братия, по моему неколебимому убеждению, способна на всякого род мошенничества. Но в том, что Барак без всяких прикрас поведал о событии, которому сам был свидетелем, я не сомневался. А ни мой новый помощник, ни тем более Кромвель отнюдь не относятся к числу людей, которых легко обвести вокруг пальца. Спору нет, мир этот полон всяких чудес, по большей части пугающих и грозных; не зря многочисленные пророки твердят о близком конце света. И все же в глубине моей души по-прежнему тлела искра сомнения. Все услышанное сегодня утром от Барака казалось слишком неправдоподобным.

Впрочем, всему можно найти объяснение, возражал я сам себе. Византийцы так тщательно скрывали тайну приготовления греческого огня, что в конце концов они ее утратили. Но в сегодняшней Европе, раздираемой войнами и религиозными противоречиями, подобную тайну сохранить невозможно. В самом скором времени греческий огонь будет пущен в действие, и что тогда? Корабли, горящие на воде, целые флотилии, уничтоженные за несколько мгновений. Я покачал головой, отгоняя жуткую картину. Странно было размышлять о судьбе мира, шагая по пыльной мостовой Канцлер-лейн, где мне, казалось, был знаком каждый камень. Подобные мысли лучше выбросить из головы. Я должен сосредоточиться исключительно на задаче, которую поставил передо мной Кромвель. После того как вчера мы едва ушли от слежки, я постоянно был настороже и озирался по сторонам. Однако по улице спешили лишь облаченные в мантии адвокаты. Старый знакомый помахал мне рукой и я ответил на приветствие. Бросив мрачный взгляд на Дом обращения, я вошел в ворота Линкольнс-Инна. Привратник отвесил мне поклон.

Прежде всего я отправился в свою контору, ибо должен был оставить записку Годфри. Против всех ожиданий, я обнаружил в конторе Скелли, который, сидя за столом, что-то переписывал. По своему обыкновению, он водил пером ужасно медленно, и при этом так низко наклонился, что едва не касался бумаги носом. Завидев меня, он поспешно привстал и поклонился.

– Что это вы решили работать в воскресенье, Джон? И не надо так низко наклоняться, желчь может ударить вам в голову.

– Я слишком долго возился с купчей по делу Бекмана, сэр. Только вчера ее закончил. А сегодня пришел, чтобы переписать соглашение для Соляной компании.

– Что ж, ценю ваше усердие, – улыбнулся я.

Однако стоило мне заглянуть в бумаги через плечо Скелли, улыбка сползла с моего лица. Он не дал себе труда должным образом развести чернила, и документ покрывали многочисленные брызги.

– Это никуда не годится, – непререкаемым тоном заявил я.

Скелли вскинул на меня покрасневшие от напряжения глаза.

– Что-нибудь не так, сэр? – осведомился он дрожащим голосом.

– Чернила слишком жидкие, – рявкнул я, чувствуя, как испуганный взгляд Скелли приводит меня в ярость. – Разве вы не видите: здесь всюду брызги. А через год чернила выцветут так, что никто не разберет ни слова. Столь важные документы следует переписывать густыми черными чернилами.

– Мне очень жаль, сэр.

Его смиренный вид лишь распалял мое негодование.

– Это соглашение необходимо переписать, – распорядился я. – По вашей милости, Скелли, я вынужден расходовать пропасть хорошей бумаги. Мне придется вычесть ее стоимость из вашего жалованья.

Свирепо сдвинув брови, я впери́л взгляд в его перекошенное от страха лицо.

– Что же вы сидите? Принимайтесь за работу. Дверь в контору Годфри распахнулась, и сам он показался на пороге.

– Что произошло? Мне показалось, я слышу сердитые голоса.

– Джон Скелли и ангела способен вывести из терпения, – процедил я. – Не думал, что вы у себя, Годфри. Разумеется, вы не намерены идти сегодня на обед в честь герцога Норфолка?

– Почему же? – пожал плечами Годфри. – Думаю, мне стоит посмотреть, что представляет из себя этот завзятый папист.

– Если уж вы здесь, могу я попросить вас об одном важном одолжении? Пройдем в мой кабинет.

– Да, конечно.

Я закрыл дверь, оставив в конторе растерянного и несчастного Скелли, и предложил Годфри сесть.

– Годфри, я... одним словом, мне поручили новое дело. Чрезвычайно срочное. В ближайшие две недели я буду вынужден посвятить ему все свои силы. Дело Уэнтвортов я, разумеется, не могу бросить. Ни на что другое у меня просто не останется времени. Вы не могли бы заняться другими моими делами? Конечно, за вознаграждение.

– Буду счастлив помочь вам. А что, иск против Билкнэпа вы тоже хотите передать мне?

– Нет, его я доведу до конца сам. Речь идет обо всех прочих делах.

Годфри устремил на меня изучающий взгляд.

– Вид у вас озабоченный, Мэтью. И даже расстроенный.

– Просто я только что вышел из себя и теперь виню себя за это. Но с этим новым делом у меня и без того хватает хлопот, а тут еще этот бездельник Скелли...

– А что за новое дело? Что-нибудь интересное?

– Об этом я не имею права говорить. Давайте я покажу, какие дела я хотел бы вам передать, – сказал я, приподнимая кипу бумаг, лежавшую на столе.

Следующие полчаса я знакомил Годфри с делами, находящимися в моем ведении. Дел этих было не так много, я с облегчением убедился, что в

течение ближайших дней мне придется выступить в суде один только раз – на процессе Билкнэпа.

– Теперь я ваш должник, – заявил я, когда мы кончили. – Скажите, у вас есть какие-нибудь новости о вашем друге Роберте Барнсе?

– Он по-прежнему в Тауэре, – с тяжким вздохом ответил Годфри.

– Но, насколько мне известно, Барнс находится в дружеских отношениях с архиепископом Кранмером. Несомненно, архиепископ будет ходатайствовать о его освобождении.

– Надеюсь, – вновь вздохнул Годфри. – На следующей неделе архиепископу предстоит служить мессу в соборе Святого Павла. Ведь епископ Сэмпсон тоже в Тауэре.

Сообщив это, Годфри сжал кулаки. Жест этот напомнил мне, что, несмотря на всю мягкость своего характера, друг мой неколебим в вопросах веры.

– С Божьей помощью мы дадим отпор всем проискам папистов, – заявил он.

– Послушайте, Годфри, в ближайшие дни я постараюсь по мере возможности заглядывать в контору, – перевел я разговор на другую тему. – Прошу вас, не давайте Скелли работать спустя рукава, следите, чтобы он не портил документы. У меня сейчас назначена встреча, но мы с вами еще увидимся во время обеда. Еще раз примите мою благодарность, дружище.

Я спустился по лестнице, пересек внутренний двор и направился в контору Марчмаунта. В большом зале суетились слуги, завершая последние приготовления к торжественному обеду. Четыре юридические корпорации постоянно соперничали, стремясь заручиться покровительством сильных мира сего; несмотря на то, что политические взгляды герцога Норфолка отнюдь не пользовались одобрением среди многих членов Линкольнс-Инна, его присутствие на сегодняшнем обеде воспринималось как большая удача. Постучав, я вошел в контору Марчмаунта. Неимоверное количество книг и бумаг, грудями лежавших на полках, произвело впечатление даже на меня. Несмотря на воскресный день, за столом сидел клерк, погруженный в какие-то документы. Он бросил на меня вопросительный взгляд.

– Барристер у себя?

– Да, сэр, но он очень занят. Сегодня он получил чрезвычайно важное дело в Гражданской палате.

– Скажите ему, что с ним хочет поговорить брат Шардлейк. По поручению лорда Кромвеля.

Глаза клерка расширились от удивления, и, не говоря более ни слова, он исчез в дверях. Через несколько мгновений он появился вновь и с поклоном

пригласил меня войти.

Уильям Марчмаунт, подобно многим барристерам высшего ранга, не только работал, но и жил в Линкольнс-Инне. Его приемная, как и большинство адвокатских приемных, поражала богатством и роскошью обстановки. Стены были оклеены дорогими обоями в красных и зеленых тонах. Сам Марчмаунт восседал в резном кресле с высокой спинкой, которое сделало бы честь епископу. Впечатляющих размеров письменный стол был сплошь завален документами. Крупную фигуру Марчмаунта облекал роскошный желтый камзол с ярко-зеленой отделкой, которая подчеркивала багровый цвет его лица. Редущие рыжеватые волосы были тщательно расчесаны. На кушетке лежала адвокатская мантия, отделанная мехом, а рядом с ней – белая шапочка барристера, свидетельствующая о его высоком звании. Рядом с Марчмаунтом стоял кубок с белым вином.

Уильям пользовался репутацией человека, который весьма горд своим положением и умеет извлечь из него все возможные блага. С тех пор как три года назад он был удостоен звания барристера высшего ранга, его манеры приобрели поистине патрицианское величие, что давало повод для многочисленных острот и шуток. Несомненно, он рассчитывал подняться еще выше и со временем стать судьей. Хотя, по слухам, своим стремительным продвижением он был в значительной степени обязан связям, которые имел в стане противников Реформации, я не мог не отдавать должного его уму и деловой хватке.

Поднявшись, Марчмаунт улыбнулся и слегка склонил голову в знак приветствия. Однако же взгляд его темных глаз был пронзительным и настороженным.

– Добрый день, брат Шардлейк. Надеюсь, вы будете сегодня присутствовать на обеде в честь герцога, который мне удалось устроить.

Он улыбнулся и с нарочитой скромностью опустил взор.

Я понятия не имел о том, что сегодняшней обед – его рук дело. Впрочем, Марчмаунт относился к числу тех, кто имеет привычку преувеличивать собственные заслуги.

– Да, я буду на этом обеде.

– Как идут ваши дела?

– Неплохо, барристер, спасибо.

– Вы не откажетесь выпить вина, брат Шардлейк?

– Благодарю, но в столь ранний час я обычно не пью.

Марчмаунт вновь опустил в кресло.

– Я слышал, вы занимаетесь делом Уэнтвортов. Должен заметить, дело не из приятных. И, полагаю, вряд ли тут можно рассчитывать на большое

вознаграждение.

– Вы правы, – ответил я с натянутой улыбкой. – Вознаграждение более чем скромное. Но я пришел, чтобы поговорить с вами о совершенно другом деле. Впрочем, оно тоже связано с убийством, причем весьма жестоким. С убийством Майкла Гривстуда и его брата.

Я внимательно наблюдал, как Марчмаунт отреагирует на мое сообщение. Однако он лишь грустно кивнул и проронил:

– Да, я слышал об этом прискорбном событии.

– Откуда вы о нем слышали, сэр? – резко спросил я. – Согласно приказу лорда Кромвеля это дело содержится в строжайшей тайне.

– Вчера ко мне приходила его вдова, – развел руками Марчмаунт. – Сообщила о смерти мужа и его брата. Сказала, вы заверили ее в том, что дом теперь принадлежит ей, и попросила перевести все бумаги на ее имя. Когда-то муж ее работал на меня, и теперь она рассчитывает на мою помощь. – Марчмаунт прищурился и посмотрел мне прямо в глаза. – Насколько я понимаю, из дома Гривстудов исчезла формула греческого огня?

Слова эти, казалось, повисли в спертom воздухе. Несколько мгновений мы оба выжидающе смотрели друг на друга.

– Да, барристер, – наконец ответил я. – Именно поэтому лорд Кромвель настаивает, чтобы расследование по делу об убийстве братьев Гривстудов проводилось в обстановке строгой секретности. Однако вдова не теряла даром времени, – заметил я. – Странно, что она не обратилась к Билкнэпу. По-моему, он имел с ее мужем больше общих дел.

– У нее нет денег. А Билкнэп не из тех, кто дает советы бесплатно. В отличие от меня. По всей видимости, ей известно, что я занимаюсь благотворительностью и нередко снисхожу к нуждам бедных людей, – заявил Марчмаунт с самодовольной улыбкой. – Конечно, сам я давно уже не веду столь незначительных дел. Но у меня есть знакомый молодой поверенный, который ей поможет.

«Да, – подумал я, – Марчмаунт принадлежит к разряду людей, которые, занимаясь благотворительностью, словно заключают сделку с Господом и ожидают незамедлительного поощрения свыше».

Впрочем, подобная позиция вполне соответствует догматам старой веры. Несомненно, Марчмаунт будет рад, если процесс Реформации пойдет вспять и в церквях вновь возродятся пышные службы на высокопарной латыни.

– Прошу вас, ничего не говорите вашему молодому коллеге об обстоятельствах, при которых мистрис Гривстуд стала вдовой, – не

терпящим возражений тоном заявил я. – Повторяю, лорд Кромвель не желает, чтобы это дело приобрело огласку.

Марчмаунт слегка вздернул голову, давая понять, что находит мой повелительный тон неуместным.

— Что ж, я могу сам оформить документы о переходе дома в собственность вдовы Гриввуд, – проронил он. – Кстати, в разговоре с ней я ни словом не упомянул о греческом огне. А она сообщила лишь, что ее муж и его брат убиты. В наше жестокое время это не такая уж большая редкость.

Марчмаунт немного помолчал и осведомился:

– Официальное дознание проводиться не будет, не так ли?

– Дело находится в ведении лорда Кромвеля, – сообщил я. – И он поручил мне поговорить с каждым, кто знает о существовании греческого огня. Я прошу вас рассказать о своем участии в этом деле, барристер.

Марчмаунт заерзал в кресле, потирая руки. Я заметил, что ладони у него широкие, но холеные и белые, что было даже странно при таком красном лице. На среднем пальце сверкало кольцо с огромным изумрудом. Марчмаунт пытался придать своему лицу выражение безмятежной задумчивости, но я чувствовал, что он встревожен. Новость, которую принесла вдова Гриввуд, наверняка испугала его. Марчмаунт был достаточно умен, чтобы догадаться: Кромвель потребует провести тайное расследование убийства, и каждый, кто каким-то образом возбудит его подозрения, неминуемо окажется в Тауэре.

– Я не слишком хорошо знал Майкла Гриввуда, – наконец процедил Марчмаунт. – Пару лет назад он зашел в мою контору и осведомился, не нужен ли мне помощник. До этого он работал с братом Билкнэпом, но между ними возникла ссора.

– Я слышал об этом. А вам не известна причина, по которой они поссорились?

– Майкл был не слишком щепетилен и не имел ничего против всякого рода темных делишек, – вскинув бровь, сообщил Марчмаунт. – Однако Билкнэп, как известно, не чурается откровенного мошенничества. А с этим Майкл никак не мог смириться. Я сказал ему, что веду все дела в полном соответствии с законом и от своих помощников требую кристальной честности.

Я кивнул, выражая одобрение столь достойной точке зрения.

– Несколько раз я давал Майклу мелкие поручения, однако, говоря откровенно, он справлялся с ними далеко не лучшим образом. В конце концов я счел за благо отказаться от его услуг. Я слышал, что он поступил

на работу в Палату перераспределения монастырского имущества. Это меня ничуть не удивило. Эта Палата – самое подходящее место для тех, кто хочет получать выгоду, не слишком утруждаясь. А покойный Майкл был именно таков. Упокой Господи душу раба своего, – торжественно заключил Марчмаунт.

– Аминь, – добавил я.

– Как-то раз, в марте, ко мне в контору зашел брат Билкнэп, – с тяжким вздохом продолжал Марчмаунт. – Он рассказал мне об удивительной находке, которую Майкл сделал в монастыре Святого Варфоломея. Билкнэп хотел попасть на прием к лорду Кромвелю. – Марчмаунт развел руками. – Признаюсь, сначала я решил, что все это чистой воды выдумки, и поднял Билкнэпа на смех. Но потом он принес мне бумаги, и я понял, что в них содержатся сведения, которые... – Он помедлил, подбирая нужное слово. – Которые, во всяком случае, следует принять во внимание.

– Да, я знаком с содержанием этих бумаг. Но вы сказали, Майкл Гриствуд обратился к вам в марте. Однако мне точно известно, что бумаги найдены им осенью. Почему же он медлил целых шесть месяцев?

– Именно этот вопрос я и задал Майклу. Он ответил, что всю зиму они с братом строили по древним чертежам аппарат для метания греческого огня и пытались сами получить это вещество.

– И что же, их попытки увенчались успехом? – спросил я, вспомнив потемневшие стены во дворе Гриствудов.

– Майкл утверждал, что да, – пожал плечами Марчмаунт.

– Итак, вы способствовали тому, чтобы Майкл Гриствуд встретился с лордом Кромвелем. Гриствуд предлагал вам плату за услуги?

– Я никогда бы не взял у него денег, – изрек Марчмаунт, метнув на меня надменный взгляд. – Я помог им встретиться с графом, ибо полагал, что ему следует узнать о столь любопытной находке. Разумеется, сам я не имею доступа к верховному секретарю, – сказал он и сокрушенно махнул рукой. – Для меня это слишком высокие сферы. Однако я имею честь быть знакомым с леди Онор. Эта дама, красота которой вполне отвечает ее выдающимся душевным качествам, часто встречается с графом. Восхитительная особа, – добавил он, и губы его тронула едва заметная улыбка. – Так вот, я отдал бумаги ей и попросил передать их графу. «Да, ты рассчитывал подняться еще на одну ступеньку по лестнице, ведущей к могуществу и власти», – подумал я.

– А формула? Ведь в тех бумагах, что вы вручили леди Онор, ее не было?

– Нет, не было. Думаю, за исключением самих братьев Гриствудов,

никто этой пресловутой формулы не видел. Майкл собственноручно оторвал кусок пергамента, на котором она была записана. Мне он сказал, что спрятал формулу в надежном месте. Он откровенно признавал, что они с братом рассчитывают получить за формулу кругленькую сумму.

– Однако же эти документы являлись монастырской собственностью, а значит, теперь перешли в собственность короля, – заявил я. – Гривстуду следовало доставить их сэру Ричарду Ричу, главе Палаты перераспределения монастырского имущества. А уж тот передал бы их лорду Кромвелю.

– Разумеется, я прекрасно сознавал все это, – развел руками Марчмаунт. – Но что я мог сделать? Я не имею власти над Гривстудом, брат Шардлейк. И я не мог заставить его отдать мне формулу. Можете не сомневаться, первым делом я сказал ему, что он должен безвозмездно передать ее властям, – добавил он, высокомерно вскинув подбородок.

– Итак, вы отдали леди Онор бумаги и сопроводительное письмо.

– Именно так. А потом через нее мне передали письмо от графа, которое я должен был вручить Майклу Гривстуду. Впоследствии через мои руки прошли два или три письма. Все они, разумеется, были запечатаны, и об их содержании мне ничего не известно. Боюсь, это все, что я могу вам сообщить, брат Шардлейк, – сказал он и вновь развел руками. – Я был всего лишь посредником. Ничего об этом загадочном греческом огне я не знаю. Даже не уверен, что он существует в действительности.

– Спасибо, барристер. Вынужден повторить свою просьбу никому не рассказывать об этом деле.

– Я все понял, – кивнул Марчмаунт. – Всегда рад оказать содействие лорду Кромвелю.

– Если вам станут известны какие-нибудь новые сведения относительно греческого огня или же вы что-нибудь вспомните, незамедлительно сообщите мне.

– Разумеется, – изрек Марчмаунт. – Кстати, во вторник мы с вами встретимся вновь, брат Шардлейк. Мы оба приглашены на обед к леди Онор.

– Вот как.

– Дама редкостных достоинств, – заявил Марчмаунт, устремив на меня вопрошающий взгляд. – Ее вы тоже намерены допрашивать?

– Увы, это неизбежно. Я должен задать ей несколько вопросов. Возможно, с вами мне тоже придется поговорить еще раз, – заметил я, поднимаясь. – Не смею более отвлекать вас от дел, барристер. Встретимся во вторник.

Марчмаунт кивнул и улыбнулся, обнажив ровные белые зубы.

– Так как же, греческий огонь существует или нет? – неожиданно спросил он.

– К сожалению, на этот вопрос я не имею права ответить.

Марчмаунт наклонил голову и пристально посмотрел на меня.

– Значит, вы опять работаете на лорда Кромвеля, брат Шардлейк, – негромко произнес он. – Вы знаете, многие полагают, что вы давно уже заслужили звание барристера высшего ранга. В Гражданском суде должны заседать такие люди, как вы, а не ослы, подобные Форбайзеру. Однако же вас обходили званием уже несколько раз. Говорят, причина заключается в том, что вы не пользуетесь расположением сильных мира сего. – Что ж, пусть говорят, – равнодушно пожал я плечами.

– А еще говорят, что лорд Кромвель может в самом скором времени утратить свое положение, – с лукавой улыбкой добавил Марчмаунт. – Если король сумеет отделаться от королевы Анны, могуществу графа настанет конец.

При этих словах Марчмаунт сокрушенно покачал головой.

– Пусть говорят – вот все, что я могу сказать и в этом случае.

Я догадался, что Марчмаунт меня прощупывает, пытается понять, не отношусь ли я к числу тех, кто, испугавшись слухов о близящемся падении Кромвеля, готов переметнуться в стан религиозных консерваторов. Я не стал рассеивать его сомнений, лишь вперил в него внимательный взгляд, скрестив на груди руки.

Марчмаунт слегка усмехнулся.

– Не буду больше вас задерживать, брат Шардлейк, – произнес он, поднявшись со своего кресла и отвесив мне поклон.

Надменный тон, которым простился со мной Марчмаунт, изрядно меня позабавил. Но, взглянув напоследок в его глаза, я вновь заметил притаившийся в них испуг.

ГЛАВА 12

Выйдя во внутренний двор, я увидел, как со всех сторон в Большой зал тянутся законники, облаченные в мантии. Среди них я заметил Билкнэпа, который, по своему обыкновению, шествовал в одиночестве. Друзей среди членов корпорации у него не было, но это обстоятельство, казалось, нимало его не заботило. Времени для серьезного разговора у меня уже не оставалось, и я решил подождать окончания обеда. Присоединившись к толпе, я увидел впереди Годфри и похлопал его по плечу.

Большой зал Линкольнс-Инна был великолепен. Красочные гобелены, покрывавшие стены, выглядели особенно живописно в свете множества свечей. Недавно натертые половицы дубового паркета сверкали. В северной части зала, во главе большого стола для герцога было установлено роскошное резное кресло, подобное трону. Все прочие столы располагались справа от большого и были сервированы превосходными серебряными приборами. Члены корпорации занимали свои места. Среди них было несколько студентов в коротких черных мантиях, которым позволили присутствовать на обеде благодаря их высокому происхождению. Барристеры высшего ранга, отчаянно потевшие в своих белых шапках, заняли самые близкие к герцогу скамьи, старшины корпорации и простые адвокаты довольствовались более дальними.

В качестве старшин мы с Годфри имели право сидеть рядом с барристерами. К немалому моему удивлению, Годфри, усиленно работая плечами, протолкался к скамье, расположенной как можно ближе к герцогу. Я уселся рядом с ним. По другую сторону от меня расположился пожилой старшина по имени Фокс. Он всем надоед бесконечными рассказами о том, как во времена Ричарда Третьего, будучи студентом Линкольнс-Инна, наблюдал за возведением Большого зала. Оглядевшись по сторонам, я увидел Билкнэпа, который сражался с каким-то адвокатом за место напротив меня. Несмотря на то что Билкнэп занимался адвокатской практикой уже пятнадцать лет, вследствие сомнительной своей репутации он отнюдь не пользовался уважением среди собратьев по сословию. Тем не менее он громогласно заявлял свое право на место за почетным столом. В конце концов адвокат счел за благо уступить, как видно, решив, что подобный спор ниже его достоинства. Билкнэп сел, буквально лучась от самодовольства.

Слуга ударил посохом об пол. Все встали. В зал вошли члены

правления Линкольнс-Инна. Среди их черных мантий пламенела одна яркая, отороченная широкой полосой белого меха. Она облекала Томаса Говарда, третьего герцога Норфолкского. Я с удивлением заметил, что вельможа невысок ростом и не отличается крепким сложением. К тому же он пребывал в преклонном возрасте – вытянутое лицо избороздили глубокие морщины, а жидкие волосы, спадающие на плечи из-под усеянной драгоценными камнями шляпы, были совершенно седыми.

«Какая заурядная наружность, – пронеслось у меня в голове, – будь герцог в обычном костюме, он ничем не привлек бы к себе внимания».

Дюжина слуг в красно-золотых ливреях дома Говардов встала у стены вдоль всего зала.

Члены правления корпорации, беспрестанно улыбаясь и кланяясь, пригласили герцога садиться. Я видел, что Марчмаунт занял место за большим столом. Он не входил в правление Линкольнс-Инна, но, судя по всему, действительно сыграл решающую роль в устройстве этого обеда. На его красном лице застыло торжествующее выражение.

«Интересно, – подумал я, – насколько близко он знаком с заклятым врагом Кромвеля, который к тому же является заклятым врагом Реформации?»

С любопытством разглядывая морщинистое лицо герцога, я решил про себя, что он отличается суровым и жестоким нравом. Об этом свидетельствовали тонкие, злобно поджатые губы и крупный крючковатый нос. Маленькие черные глазки оценивающе поглядывали на сидящих за столами. В какое-то мгновение пронзительный взгляд герцога встретился с моим, и я поспешно опустил глаза.

Тут подали первое блюдо. То было холодное мясо с гарниром из вареных овощей, вырезанных в форме звезд и полумесяцев и щедро приправленных сахаром и уксусом. В отличие от торжественных ужинов, на ранних обедах не принято подавать затейливо украшенных блюд, вид которых поражает воображение, поэтому основное внимание уделялось изысканному вкусу кушаний.

– Что ж, угощение вполне достойно высокого гостя, – вполголоса заметил я, повернувшись к Годфри.

– Зато высокий гость не достоин угощения, – тихо ответил Годфри, который не сводил глаз с герцога. Во взгляде его, обычно столь дружелюбном, светилась откровенная неприязнь.

– Не надо сверлить герцога глазами. Ему это может не понравиться, – прошептал я, но Годфри лишь пожал плечами.

Герцог тем временем беседовал с казначеем корпорации, барристером

Каффли.

– Если Франция и Испания нанесут совместный удар, нам ни за что его не выдержать, – донесся до меня его звучный раскатистый голос. – Они мигом сметут все наши оборонительные укрепления.

– Мало кто располагает столь же богатым военным опытом, как вы, ваша светлость, – с угодливой улыбкой ответил Каффли. – Ведь именно вы разгромили шотландцев в сражении при Флоддене.

– Я и сейчас готов встретиться с любым противником, – пророкотал герцог. – Но надо признать, соотношение сил отнюдь не в нашу пользу. Когда три года назад мне пришлось подавлять восстание на севере, в моем распоряжении было слишком мало людей. Нам с королем пришлось пойти на переговоры и всякого рода посулами убедить повстанцев сложить оружие. А уж потом мы разделались с этим сбродом, – заключил он с ледяной улыбкой. – Отучили их мутить воду.

– Однако с Францией и Испанией справиться будет несколько труднее, – заметил Марчмаунт, перегнувшись через стол.

– Да, несколько труднее, – в замешательстве подхватил Каффли.

– Именно поэтому нам необходим мир, – изрек герцог. – Шаткий союз с несколькими вздорными немецкими принцами вряд ли пойдет на пользу Англии.

– О, я вижу, его светлость удостоил беседы нашего казначея, – прошептал старый брат Фокс, наклонившись ко мне. – Помните, как Томас Мор отказался от должности казначея корпорации? Тогда на него был наложен штраф размером в фунт. Впоследствии, когда он отказался признать Нэн Болейн королевой, король заставил его заплатить куда более высокий штраф.

– Брат Каффли выглядит обеспокоенным, – заметил я, дабы отвлечь старика от неуместных воспоминаний о Томасе Море.

– Еще бы. Ведь Каффли – сторонник Реформации, а герцог не слишком жалует эту братию, – с довольным видом изрек Фокс, закоренелый консерватор. Герцог меж тем наградил казначея ледяной улыбкой.

– Значит, вы хотите позволить читать Библию не только подмастерьям, – во всеуслышанье изрек он. – По-вашему, всякая глупая женщина имеет право читать Божье Слово и толковать его по-своему.

– Запретов не существует ни для кого из истинных христиан, ваша светлость, – неуверенно пробормотал Каффли.

– Надеюсь, долго это не продлится. Король намерен в самое ближайшее время издать указ, позволяющий читать Библию лишь главам семейств. Впрочем, по-моему разумению, это право следует оставить исключительно

священникам. Что до меня, я ни разу в жизни не заглядывал в эту книгу и не имею ни малейшего желания.

Все, кто сидел в верхней части стола, там, где слова герцога были хорошо слышны, словно по команде посмотрели на него. В некоторых взглядах читалось одобрение, в некоторых – растерянность. Герцог обвел собравшихся своими острыми пронзительными глазами, и губы его искривила циничная ухмылка.

Вдруг Годфри вскочил со своего места так резко, что я не успел остановить его. Все взоры устремились на него, а он набрал в грудь побольше воздуха, взглянул прямо в лицо герцогу и произнес громко и отчетливо:

– Божье Слово – это благодать, дарованная всем и каждому. Оно приносит в этот мир негасимый свет, свет добра и истины. Никто не должен быть отлучен от этой благодати.

Слова Годфри эхом разнеслись в гулкой тишине, воцарившейся в зале. У всех собравшихся глаза полезли на лоб. Норфолк подался вперед, опустив подбородок на унизанные кольцами руки, и уставился на Годфри с выражением презрительного недоумения. Я потянул своего друга за мантию, пытаясь заставить его сесть, но он стряхнул мою руку.

– Читая Библию, мы ощущаем, что Иисус по-прежнему с нами, – продолжал Годфри. – Слово Господне помогает нам вырваться из пучины пороков и заблуждений.

Несколько студентов одобрительно захлопали в ладоши, но яростные взгляды членов правления заставили их замолчать. Годфри залился краской, словно внезапно осознал, что отважился на непростительную дерзость. Однако он по-прежнему в упор смотрел на герцога.

– Если мне суждено погибнуть за веру, я поднимусь из могилы, дабы вновь и вновь провозглашать слово истины, – заявил он и, к моему великому облегчению, опустил на скамью.

– Нет, сэ, вряд ли вы подниметесь из могилы, – раздался в напряженной тишине насмешливый голос герцога. – Вам предстоит корчиться в адском пламени подобно многим еретикам, последователям Лютера. И боюсь, сэ, вы оставите этот мир намного раньше, чем рассчитываете. Длинный язык доведет вас до беды и не даст сохранить голову на плечах.

Сказав это, герцог опустился в свое кресло и принялся что-то шептать на ухо Марчмаунту, который метал на Годфри столь негодующие взгляды, словно пытался испепелить его заживо.

– Господи боже, какая муха вас укусила, – пробормотал я,

наклонившись к Годфри. – Вам придется дорого заплатить за свою выходку.

Лицо Годфри, обычно столь приветливое, оставалось суровым и непреклонным.

– Мне все равно, – проронил он. – Иисус не оставит меня. Я уповаю на Его бесконечное милосердие и не позволю, чтобы Его слово подвергалось насмешкам и поношениям.

Взгляд его светился праведным гневом. Я с тяжким вздохом отвернулся. Когда дело касалось вопросов веры, кроткий и покладистый Годфри преображался на глазах и превращался в совершенно другого человека – решительного и непримиримого.

Наконец обед кончился. Герцог и его свита покинули зал, и за столами поднялся гул голосов. Годфри сидел под огнем любопытных взглядов неподвижно, потупив голову. Казалось, собственный безумный поступок принес ему огромное удовлетворение. Некоторые законники, по большей части приверженцы традиционной церкви, поспешно встали и вышли прочь. Старый брат Фокс, явно испуганный, был среди них. Я тоже поднялся со скамьи. Годфри укоризненно посмотрел на меня.

– Оставайтесь на минуту, – попросил он. – Или вы более не желаете находиться в моем обществе?

– Господи боже, Годфри, за кого вы меня принимаете, – рассердился я. – Я спешу лишь потому, что у меня пропасть работы. И сейчас мне надо срочно поговорить с Билкнэпом, а то он уйдет.

В самом деле, Билкнэп уже направлялся к двери. Я поспешил за ним и нагнал уже во дворе.

– Брат Билкнэп, мне необходимо с вами поговорить, – твердо заявил я.

– Об иске, который вы затеяли против меня? – осведомился он, безмятежно улыбаясь и щурясь от яркого солнца. – Слушайте, ваш приятель, похоже, совсем свихнулся. Что он себе позволяет? Подобная наглость не сойдет ему с рук и...

– Мне нужно поговорить с вами о совершенно другом деле, Билкнэп, – бесцеремонно перебил я. – Лорд Кромвель дал мне весьма важное поручение. Я занимаюсь расследованием убийства Майкла Гриввуда и его брата, которое произошло вчера.

При этих словах у Билкнэпа отвисла челюсть. Если он изображал полное неведение, сделано это было на редкость убедительно. Но по части притворства адвокаты зачастую могут дать сто очков вперед лицедеям, играющим в мистериях.

– Думаю, нам лучше пройти в вашу контору.

Билкнэп, все еще не оправившийся от изумления, молча кивнул и

двинулся через двор. Контора его располагалась в угловом здании, на втором этаже. Мы поднялись по скрипучей лестнице, и Билкнэп отпер дверь. В отличие от конторы Марчмаунта, помещение Билкнэпа было обставлено весьма скромно: обшарпанный письменный стол, грубо сколоченные полки, заваленные бумагами. Взор мой сразу привлек огромный, окованный железом сундук, стоявший в углу. Широкие железные обручи и внушительных размеров замок, висевший на сундуке, убеждали, что в нем хранится нечто весьма ценное. По Линкольнс-Инну ходили упорные слухи, что все золото, заработанное путем бесчисленных махинаций, Билкнэп прячет в этом сундуке. Поговаривали даже, что он проводит целые вечера, пересчитывая монеты и любясь на них. Тратить деньги он, мягко говоря, не любил. О скупости его также ходили легенды, а портные и содержатели харчевен, которым он задолжал, постоянно подавали на него в суд.

Войдя, Билкнэп первым делом бросил взгляд на сундук и, увидев, что тот в целости и сохранности, сразу успокоился. Многие адвокаты сочли бы постыдной репутацию скряги, но Билкнэп, казалось, ничего не имел против. Во всем Лондоне трудно было найти для сундука более безопасное место, чем эта контора, ибо жилые комнаты Билкнэпа находились по соседству, у ворот Линкольнс-Инна стояла стража, а по ночам все здания корпорации охраняли бдительные сторожа. Стоило мне взглянуть на вместилище сокровищ Билкнэпа, я вспомнил другой сундук: тот, что стоял в лаборатории Сепултуса и был превращен злоумышленниками в груды щепок.

Билкнэп снял шляпу и провел руками по своим жестким белокурым волосам.

– Садитесь, брат, – обратился он ко мне.

– Благодарю вас.

Я уселся за письменный стол и бросил беглый взгляд на лежавшие там бумаги. К великому своему удивлению, я заметил, что одна из них написана по-французски, а на другой красуется герб Ганзейского союза.

– Вы ведете дела французских купцов? – осведомился я.

– Да, и они неплохо платят за мои хлопоты. В последнее время у французских купцов постоянно возникают неприятности с таможенной.

– Что ж, это вполне понятно. Ведь их страна угрожает нам войной.

– Уверен, что до войны не дойдет. Король сознает, как велика опасность, и сделает все, чтобы ее предотвратить. Вы же слышали, что сказал герцог во время обеда. Нам не выдержать удара. – Билкнэп нетерпеливо взмахнул рукой. – Ради бога, брат, скажите скорее, что произошло с Майклом

Гриствудом?

– Вчера утром его обнаружили мертвым в собственном доме. Он был убит неизвестными преступниками, и его брат тоже. Формула исчезла. Я полагаю, вы понимаете, о чем я говорю.

– Бедный мой друг, – пробормотал Билкнэп. – Все это так ужасно.

Взгляд его блуждал по комнате, явно избегая встречаться с моим.

– Вы говорили о формуле еще кому-нибудь, помимо барристера Марчмаунта? – спросил я.

Билкнэп решительно замотал головой.

– Нет, сэр, никому. Когда Майкл принес мне документы, которые он обнаружил в монастыре, я сразу сказал, что их следует показать лорду Кромвелю.

– И потребовать с него плату, не так ли? Несмотря на то что по праву бумаги принадлежат королю, а вовсе не Майклу Гриствуду. Кто первым заговорил о деньгах, вы или Майкл?

Билкнэп на мгновение замешкался, потом взглянул мне прямо в глаза.

– Майкл. Но скажу откровенно, брат Шардлейк, я не стал его отговаривать. Судьба предоставила ему возможность заработать, которую упустил бы только безмозглый дурак. Я предложил поговорить об этом деле с Марчмаунтом.

– И за это Майкл заплатил вам?

– Разумеется, заплатил. Но, – тут Билкнэп вскинул руку, – я был всего лишь посредником, и прошу вас довести это до сведения лорда Кромвеля.

– Я вижу, Билкнэп, что, когда дело касается денег, вам не ведомы ни честь, ни стыд, – презрительно изрек я, вновь взглянув на лежавшие на столе документы. – Вы могли без зазрения совести передать бумаги французам. За столь важные сведения можно получить весьма щедрое вознаграждение.

От возмущения Билкнэп буквально подскочил на месте.

– Что вы такое говорите, брат Шардлейк! Да ведь это было бы государственной изменой! За это живьем выпускают кишки в Тайборне! Неужели вы думаете, что я пошел бы на подобный риск? Плохо вы меня знаете!

В ответ я не проронил ни слова. Билкнэп вновь опустился на стул и разразился нарочитым смехом.

– Кроме того, я был уверен, что все эти бумаги яйца выеденного не стоят. Я свел Майкла с Марчмаунтом, получил с него деньги за посредничество и более не вспоминал об этом деле вплоть до сегодняшнего дня.

Он наставил на меня указательный палец.

– Не надо втягивать меня в это дело, Шардлейк! Клянусь, я не имею к нему отношения!

– А когда Майкл впервые показал вам бумаги?

– В марте.

– Через полгода после того, как он обнаружил их в монастыре? Вы не знаете, почему он выжидал так долго?

– Майкл сказал, что они с братом-алхимиком проводили опыты, пытались сами произвести горючее вещество, руководствуясь формулой. А еще они якобы построили аппарат, при помощи которого можно сжигать корабли. Говоря откровенно, я считал все это выдумками.

«Похоже, Билкнэпу Майкл рассказал в точности то же самое, что и Марчмаунту», – отметил я про себя, а вслух сказал:

– Ах да, аппарат. Вы не знаете, они построили его сами или обращались к кому-нибудь за помощью?

– Понятия не имею, – пожал плечами Билкнэп. – Майкл сказал лишь, что аппарат для метания огня построен и может быть продемонстрирован в действии. Более я ни о чем его не расспрашивал.

– А о том, где хранятся аппарат и формула, Майкл тоже не упоминал?

– Нет. Признаюсь, я едва заглянул в эти бумаги. Майкл показывал их мне, но половина из них была написана по-гречески, и я ничего не разобрал. А то, что я смог прочесть, показалось мне полной чушью. Вы знаете, некоторые старые монахи весьма охочи до подобных выдумок. Они мастерски подделывают старинные документы – просто развлечения ради.

— То есть вы считали, что бумаги Майкла – подделка? Что сам он стал жертвой мошенничества хитроумных монахов? – Я не имел оснований утверждать это с уверенностью, – пожал плечами Билкнэп. – Поэтому и свел Майкла с Марчмаунтом, а после этого счел свою миссию выполненной.

– И вернулись к своим собственным махинациям?

– С вашего позволения, я вернулся к своим делам.

– Что ж, благодарю за откровенность, – произнес я, вставая. – Не буду больше вас задерживать. Запомните, Билкнэп, вы не должны никому рассказывать ни о нашем разговоре, ни о смерти Майкла Гривстуда и его брата. В противном случае вам придется ответить перед лордом Кромвелем.

– У меня нет ни малейшего намерения с кем-либо обсуждать все эти события. Я не желаю, чтобы меня втягивали в эту темную историю.

– Боюсь, это уже произошло, – усмехнулся я. – Увидимся во вторник в

Вестминстер-холле, на слушании нашего дела. Кстати, – добавил я с нарочитой небрежностью, – как поживает тот монах, за которого вы хлопотали? Вы разрешили его проблемы с пенсией?

– Да, разумеется.

– Странно, мне казалось, бывшим монахам не разрешается проживать на землях, ранее принадлежавших монастырям.

– Для этого сделали исключение, – процедил Билкнэп, устремив на меня злобный взгляд. – Если вы мне не верите, можете спросить у сэра Ричарда Рича.

– Да, вы упоминали его имя в Палате перераспределения. Я и не знал, что вы пользуетесь покровительством столь влиятельного лица.

– Увы, это не так, – сокрушенно вздохнул Билкнэп. – Просто я знал, что клерк, у которого я наводил справки, нужен сэру Ричарду, и поэтому торопил его.

Поклонившись на прощание, я вышел из конторы. Во всей этой истории с бывшим монахом, о котором так заботился этот пройдоха, несомненно, было что-то не так. Об этом свидетельствовало и поведение Билкнэпа. Он явно испугался, когда я заговорил о нашей встрече в Палате, но сразу обрел уверенность, упомянув о Ричарде Риче. Все это чрезвычайно меня настораживало.

ГЛАВА 13

Я устало брел по Канцлер-лейн, направляясь домой. Барак наверняка уже ждал меня. Общество молодого наглеца успело изрядно меня утомить, и сейчас я наслаждался недолгим отдыхом. Охотнее всего я провел бы остаток дня в собственном саду, однако сегодня нам следовало непременно посетить вдову Гривстуд. Значит, предстояло еще одно путешествие через весь Лондон. В нашем распоряжении осталось всего одиннадцать дней. Мне казалось, слова эти отдаются эхом даже в звуке моих шагов: «всего одиннадцать дней», «всего одиннадцать дней».

Барак уютно устроился в тенистом уголке сада, вытянув ноги на скамье и поставив рядом кувшин с пивом.

– Вижу, Джоан хорошо о вас заботится, – сказал я.

– Да, эта добрая женщина ухаживает за мной, как за наследным принцем, – самодовольно кивнул Барак.

Я опустил на скамью и налил себе кружку пива. Взглянув на Барака, я заметил, что он выкроил время для посещения цирюльника, ибо щеки его были гладко выбриты. Этим они выгодно отличались от моих, поросших жесткой щетиной. Перед столь важным событием, как обед у леди Онор, непременно следовало побриться.

– Ну, как поживают ваши собратья по сословию? – осведомился Барак. – Удалось что-нибудь у них выведать?

– Оба утверждают, что не знакомы с обстоятельствами дела и были всего лишь посредниками. А как ваши успехи? Нашли библиотекаря?

– А как же! – Барак прищурился, глядя на ослепительное полуденное солнце. – Забавный старикашка. Я нашел его в маленькой часовне при церкви. Он как раз бормотал мессу. – По губам Барака скользнула косая ухмылка. – По-моему, встреча со мной была ему не слишком приятна. Во всяком случае, во время нашей беседы он дрожал, как кролик. Но, так или иначе, завтра в восемь утра он будет ждать нас у ворот монастыря Святого Варфоломея. Я предупредил его, чтобы не вздумал нас дурачить. Иначе ему придется иметь дело с графом.

Я снял шляпу и принялся обмахивать свое разгоряченное лицо.

– Что ж, хорошо, что вы все устроили. А сейчас нам пора на Вулф-лейн, к вдове Гривстуд.

– Да отдохните немного, – рассмеялся Барак. – С вас пот катит градом.

– Неудивительно, – усмехнулся я. – Ведь я работал, пока вы тут

нежились в тенечке да потягивали пиво. Хватит прохладиться.

Я поднялся со скамьи.

– Время не ждет.

Мы направились в конюшню. Канцлер, которому весь вчерашний день пришлось провести под седлом, еще не оправился от усталости и вышел под палящее солнце без особого удовольствия. Старый мой конь очень сдал за последний год; следовало подумать о том, чтобы отправить его на покой, на деревенское пастбище. Я вскарабкался в седло, неловко зацепившись за него мантией. В такую жару разгуливать в мантии было сущим мучением, и все же я предпочитал не снимать ее, ибо знал, что в мантии имею более представительный вид. Во время разговора с вдовой Гривстуд это обстоятельство могло оказаться очень важным.

Выехав со двора, я предался размышлениям о предстоящем разговоре. Прежде всего следовало выяснить, известно ли мистрис Гривстуд об аппарате для метания греческого огня; в том, что она что-то скрывает, я не сомневался.

– Вы, как я вижу, по части закона, что называется, собаку съели, – прервал Барак поток моих размышлений. – Скажите, есть в вашем ремесле какой-нибудь секрет?

– Что вы имеете в виду? – неохотно откликнулся я, чувствуя, что вопрос обернется новой дерзостью.

– У каждого ремесла есть свой секрет, разве не так? Опытные мастера передают эти секреты своим ученикам. Плотники знают, как сколотить прочный и устойчивый стол, астрологи знают, как по звездам определить судьбу человека. А какие секреты известны законникам? Мне всегда казалось, что они знают лишь, как плести из слов сети и с их помощью выуживать у людей побольше денег.

Свои слова Барак сопроводил наглой ухмылкой.

– Что ж, в таком случае вам следует попробовать разобраться в каком-нибудь законоведческом вопросе – из тех, что изучают студенты юридических корпораций, – изрек я подчеркнуто невозмутимым тоном. – Тогда вы сразу поймете, что труд адвоката не столь уж легок. Английские законы выработывались на протяжении столетий, они включают в себя множество тонкостей, и все эти тонкости необходимо учитывать. Лишь твердое знание закона помогает людям улаживать все свои споры на основах справедливости.

– А мне кажется, большинство ваших братьев прилагают все усилия, чтобы заставить людей забыть об этой самой справедливости. Не зря милорд говорит, что в законах о частной собственности сам черт ногу

сломит.

Барак бросил на меня испытующий взгляд, словно проверяя, отважусь ли я возразить самому Кромвелю.

– Насколько я понимаю, Барак, вы близко знаете и самих законников, и их работу?

– О да! – заявил он, озираясь по сторонам. – После того как мой отец умер, мать вновь вышла замуж – за поверенного. Можете не сомневаться, то был редкостный умелец молотъ языком. Впрочем, по части всяких там законоведческих тонкостей он был не слишком сведущ, как и наш бедный друг Гриввуд. Тем не менее он делал неплохие деньги, создавая людям препоны, а потом, в меру собственного разумения, пытаюсь их разрешить.

– Разумеется, отнюдь не все законники кристально честны. И далеко не все обладают достаточными знаниями, – проворчал я. – Для того чтобы лишиться несведущих адвокатов права заниматься практикой, существуют юридические корпорации. Но среди моих товарищей по сословию немало добросовестных людей, которые прилагают все усилия, отстаивая права, предоставленные человеку законом.

Слова эти даже мне самому показались невыносимо высокопарными. И все же язвительная ухмылка, с которой выслушал их Барак, задела какие-то чувствительные струны в моей душе.

Мы пересекли Чипсайд и остановились возле Грейт-кросс, дабы пропустить стадо овец, которое брело в сторону Шемблс. Длинная очередь водоносов с ведрами на плечах томилась в ожидании у главного водопровода. Я заметил, что струйка воды, бьющая из фонтана, стала совсем тонкой и жалкой.

– Если засуха не прекратится в ближайшее время, Лондон ждут серьезные неприятности, – заметил я.

– Это точно, – согласился Барак. – Обычно мы держим на Олд-Бардж несколько ведер с водой на случай пожара. А этим летом пришлось от этого отказаться: воды не хватает.

Я окинул взглядом ближайшие здания. В нарушение правила, предписывающего возводить городские дома исключительно из камня, чтобы избежать пожара, в большинстве своем они были деревянными. Зимы в Лондоне сырые, и в бедных кварталах воздух неизменно пропитан тошнотворным запахом плесени и гниения. Но в сухую жаркую пору над городом нередко разносится предупреждающий крик: «Пожар!» Летом опустошительные пожары становятся столь же насущной угрозой, как и неумолимая чума.

Чей-то пронзительный вопль заставил меня вздрогнуть. Из дверей

булочной вышвырнули оборванную девочку-нищенку, по виду никак не старше десяти лет. Прохожие с любопытством наблюдали, как девочка отчаянно молотила в закрытую дверь крохотными кулачками.

– Вы украли моего братика! – кричала она. – Я знаю, вы сделали из него начинку для пирогов!

Слова ее были встречены оглушительным взрывом хохота. Жалобно всхлипывая, девочка еще несколько раз ударила в дверь, а потом, словно внезапно обессилев, калачиком свернулась у порога. Какая-то добрая душа бросила к ее ногам мелкую монетку.

– Что это с ней? – спросил я, обернувшись к Бараку.

– Лишилась рассудка, только и всего, – пожал он плечами. – Эта маленькая нищенка с младшим братом побиралась неподалеку от Уолбрука и Биржи. Скорее всего, они оба жили в каком-нибудь монастырском приюте для сирот и после его закрытия оказались на улице. Несколько недель назад ее брат пропал. И с тех пор девчонка совсем спятила. Бросается на людей, кричит, что они его убили. Этот лавочник далеко не первый, на кого она напустилась с обвинениями. Ну а люди знай себе хохочут.

По лицу Барака внезапно пробежала тень.

– Бедное создание, – добавил он с неожиданной горечью.

– С каждым годом нищих становится все больше, – сказал я, покачав головой.

– Подобный удел ожидает всякого, кто слишком слаб для постоянной борьбы за существование, – глубокомысленно изрек Барак и тронул поводья. – Двигаай, Сьюки.

Я взглянул на девочку, по-прежнему сидевшую у дверей. Руки ее были тонкими, как прутья, сквозь ветхие лохмотья просвечивало костлявое тельце.

– Что вы там застряли? – со своей обычной бесцеремонностью окликнул меня Барак.

Вслед за ним я двинулся по Фрайдей-стрит, потом свернул на Вулфлейн. Даже в этот жаркий солнечный день узкая улочка имела мрачный вид, верхние этажи домов, нависающие над мостовой, не пропускали лучей солнца. Многие здания так сильно покосились, что казалось, они вот-вот рухнут. Подъехав к дому, на котором висела вывеска алхимика, я заметил, что дверь кое-как отремонтировали при помощи нескольких гвоздей и деревянных планок. Мы спешили, и Барак постучал. Я тем временем отряхивал свою мантию, покрытую слоем пыли.

– Любопытно, как на этот раз встретит нас эта общипанная старая ворона, – проворчал Барак.

– Господи боже, Барак, нельзя ли обойтись без подобных выражений? Будьте снисходительнее. Не забывайте, эта женщина только что потеряла мужа. – И ей на это ровным счетом наплевать. Все, что ее волнует, – как побыстрее перевести дом на свое имя.

Дверь распахнул стражник, присланный Кромвелем. Увидев Барака, он отвесил почтительный поклон.

– Добрый день, мастер Барак.

– Добрый день, Грин. Все тихо?

– Да, сэр. Тела уже унесли. «Интересно, куда?» – подумал я. Возможно, у графа есть потайное место для трупов, о которых никому не следует знать.

В холле появилась юная служанка Сьюзен. В противоположность нашей прошлой встрече, сегодня она выглядела спокойной и невозмутимой.

– Здравствуй, Сьюзен! – приветствовал ее Барак. При этом он подмигнул, заставив девушку залиться румянцем. – Как поживает твоя хозяйка?

– Сегодня ей лучше, сэр.

– Мы должны поговорить с ней, – заявил я.

Сьюзен присела и провела нас в дом. Проходя через холл, я коснулся ветхого гобелена. Он был тяжелым и пропах пылью.

– Где ваш хозяин купил эти гобелены? – осведомился я. – Я вижу, это старинная работа. И на редкость искусная.

Сьюзен с отвращением взглянула на гобелены.

– Он привез их из монастыря Святой Елены, сэр. Там они висели в доме матери-настоятельницы. В Палате перераспределения от них отказались. Решили, что они слишком выцвели и уже ничего не стоят. Терпеть не могу эти старые тряпки, сэр. При каждом сквозняке они так хлопают, что я всякий раз вздрагиваю.

Сьюзен проводила нас в гостиную, из окна которой открывался вид на обгоревший двор, и отправилась за хозяйкой. Стены просторной комнаты покрывали великолепные дубовые панели, однако мебель оказалась грубой и дешевой, и столового серебра в буфете почти не было. Как видно, купив этот дом, Гривуды растратили все свои средства. В качестве клерка Палаты перераспределения Майкл зарабатывал немного. А что касается его брата-алхимика, тот вряд ли имел постоянный доход.

Тут в комнату вошла вдова Гривуд. На ней было то же самое простое дешевое платье, что и вчера, на бледном лице застыло напряженное выражение. Она приветствовала нас небрежным реверансом.

– К сожалению, мистрис Гриввуд, я должен задать вам еще несколько вопросов, – произнес я самым что ни на есть учтивым тоном. – Мне известно, что вчера вы виделись с барристером Марчмаунтом.

– Мне следует подумать о собственном будущем, – процедила вдова, метнув на меня злобный взгляд. – Заботиться обо мне некому. Что касается барристера Марчмаунта, я всего лишь сообщила ему, что Майкл умер. Или я и на это не имею права?

– Почему же, имеете. Вам просто не следует распространяться об обстоятельствах смерти вашего мужа. По крайней мере, до той поры, пока они не будут выяснены окончательно.

– Я поняла, – утомленно вздохнула она.

– А сейчас я хотел бы еще кое-что узнать о событиях вчерашнего дня. Думаю, вам лучше сесть, ведь разговор предстоит не столь уж короткий.

Вдова неохотно опустилась на стул.

– Скажите, когда утром вы со Сьюзен уходили за покупками, вам не показалось, что ваш муж и его брат чем-то обеспокоены?

– Нет, – проронила она, скользнув по мне усталым взглядом. – Они оба были точно такими же, как и всегда. Мы со Сьюзен пришли на рынок к самому открытию и вернулись в полдень. В тот день Майкл не пошел в Палату. Он собирался помочь брату в од-ном из этих идиотских опытов, от которых весь дом пропитался мерзким запахом. Вернувшись с рынка, мы увидели, что дверь взломана. А еще – следы... кровавые следы. Сьюзен не хотела заходить в дом, но я ее заставила.

Вдова немного помолчала, словно в нерешительности, и заговорила вновь.

– Я чувствовала, что в доме уже нет... никого живого. – На мгновение что-то дрогнуло в ее непроницаемом лице. – Мы поднялись наверх и увидели их... Майкла и Сэмюеля.

– Насколько я понимаю, Сьюзен – ваша единственная служанка? – уточнил я.

– Да, единственная, причем на редкость глупая и нерасторопная. Мы не можем себе позволить иметь нескольких слуг.

– И никто из соседей ничего не видел и не слышал?

– Женщина, живущая в соседнем доме, уже рассказала вашим людям, что слышала какой-то шум и лязг. Но ее это ничуть не удивило. Сэмюель постоянно шумел, когда занимался своими опытами.

– Мне хотелось бы еще раз осмотреть его лабораторию. Вы в состоянии подняться вместе со мной?

Вчера при одном упоминании о лаборатории в глазах вдовы вспыхивал

ужас, но сегодня она лишь равнодушно пожала плечами.

– Как вам будет угодно. Тела уже унесли. После того как вы осмотрите комнату, могу я убрать ее? Мне надо как-то зарабатывать себе на жизнь, и я рассчитываю пустить туда жильцов.

– Да, разумеется, вы можете привести комнату в порядок.

Вдова провела нас по скрипучей лестнице, беспрестанно сетуя на отсутствие денег, вынуждающее ее сдавать комнату. Барак строил гримасы за спиной вдовы, беззвучно подражая ее бормотанию. Я метнул в него суровый взгляд.

Оказавшись на верхней площадке, мистрис Гриввуд внезапно смолкла. Дверь в лабораторию по-прежнему болталась на одной петле. Я скользнул взглядом по другим дверям, выходящим в коридор.

– А там что за помещения? – обратился я к вдове.

– Наша спальня, комната Сэмюеля и еще одна – в ней он хранил всякое барахло.

– Сэмюель?

– Или Сепултус, если вам так угодно, – процедила она, поджав губы. – Сэмюель – его настоящее имя, данное ему при крещении. Сепултус, – повторила она, и в голосе ее послышались язвительные нотки.

Я распахнул самую дальнюю дверь. Увы, мгновенно вспыхнувшая у меня надежда на то, что здесь хранится аппарат для метания греческого огня, не оправдалась. В комнате обнаружилось лишь несколько сломанных стульев, треснувших фляг и колб. В углу стояла бутылка из-под уксуса, в которой плавала огромная заспиртованная жаба. Барак заглянул в комнату из-за моего плеча. Я поднял огромный изогнутый рог, лежавший на куске ткани. От него явно было отрезано несколько маленьких кусочков.

– Господи боже, что это такое?

– Рог единорога, – пренебрежительно фыркнула вдова Гриввуд. – Так, по крайней мере, утверждал Сэмюель. Он показывал его посетителям, чтобы произвести на них впечатление. А маленькие кусочки измельчал в порошок и добавлял в свое месиво. Если мне не удастся найти жильцов, мне придется варить из этого рога суп, – с горькой усмешкой добавила она.

Я закрыл дверь и окинул глазами коридор: голые стены, одну из которых пересекала глубокая трещина, пыльные тростниковые циновки на полу.

– Да, этот дом, того и гляди, рухнет, – заметила вдова Гриввуд, проследив за моим взглядом. – Как и все дома на этой улице, он построен на речном иле. В такую жару, как сейчас, ил высыхает, и дом начинает разваливаться на глазах. Иногда он так трещит, что я вздрагиваю от испуга.

Наверняка в самом скором времени он обрушится и погребет меня под обломками. Что ж, как говорится, нет худа без добра. Так я разом избавлюсь от всех своих бед.

Барак возвел глаза к потолку, а я откашлялся, не зная, что на это сказать.

– Можно нам пройти в лабораторию? – спросил я наконец.

Хотя тела убрали, пол по-прежнему покрывала засохшая кровь, запах ее смешивался со зловонием серы. Вдова Гривстуд взглянула на забрызганную кровью стену, и лицо ее, и без того бледное, приобрело сероватый оттенок.

– Я присяду, если не возражаете, – едва слышно прошептала она.

Чувствуя себя виноватым за то, что заставил бедную женщину войти в эту страшную комнату, я принес стул и помог вдове сесть. Через несколько мгновений она, казалось, пришла в себя и посмотрела на изрубленный в щепки сундук.

– Майкл и Сэмюель купили его прошлой осенью, – сообщила она. – С трудом втащили на второй этаж. Мне они никогда не говорили, что в нем хранят.

– А что хранилось здесь, вы знаете? – спросил я, указав на пустые полки.

– Всекие эликсиры, порошки и прочая дрянь, с которой возился Сэмюель. Сера, известь и еще бог знает что. Из-за его проклятых опытов мне приходилось мириться с постоянным шумом и вонью. Когда он готовил на огне свои мерзкие снадобья, я всякий раз боялась, что дом взлетит на воздух, словно монастырская церковь, – проскрежетала мистрис Гривстуд, кивнув в сторону камина. – Убийцы забрали с собой все склянки, не знаю для какой надобности. Видно, те великие знания, которыми кичился Сэмюель, в конце концов довели его до гибели. А заодно с ним и Майкла.

Голос ее задрожал; она судорожно сглотнула и вновь придала своему лицу непроницаемое выражение. Я видел, что эта женщина с трудом сдерживает обуревавшие ее чувства.

«Что сейчас бушует в ее душе, – спрашивал я себя. – Печаль? Гнев? Страх?»

– Что-нибудь еще исчезло?

– По-моему, нет. Но я могла забыть. Я старалась заходить сюда как можно реже.

– Я вижу, вы не слишком высокого мнения о ремесле, которым занимался брат вашего мужа?

– Мы с Майклом не знали горя, пока Сэмюель не предложил купить сообща большой дом и поселиться всем вместе. Дело в том, что срок

аренды на его бывшую лабораторию истек. Сэмюелю неплохо удавалось очищать известь для производства пороха, но, когда он брался за более сложные опыты, у него все выходило из рук вон плохо. Как и все алхимики, он был слишком высокого мнения о себе, – с горестным вздохом изрекла вдова. – Пару лет назад он вообразил, что изобрел способ укреплять олово. Сэмюель утверждал, что нашел формулу сплава в какой-то из своих старых книг. Но на деле у него ничего не вышло, и гильдия литейщиков олова подала на него иск. А Майкл всегда был слишком доверчив. Он не сомневался, что в один прекрасный день опыты его обожаемого брата принесут им целое состояние. Последние несколько недель Майкл и Сэмюель часами торчали в этой лаборатории. Они твердили, что им удалось открыть какую-то великую тайну. – Она скользнула взглядом по забрызганной кровью двери. – Мужчины всегда слишком самонадеянны. – А они никогда не упоминали о некоем греческом огне? – спросил я, не сводя глаз с лица вдовы. Однако во взгляде ее не мелькнуло ни малейшего проблеска интереса.

– Нет. Во всяком случае, я этого не слышала. Впрочем, все их дела меня не касались.

– Вы говорили, что они постоянно проводили опыты, иногда здесь, иногда во дворе. Возможно, у них было особое приспособление, огромный бак с припаянными к нему трубками? Вы когда-нибудь видели нечто подобное?

– Нет, сэр. Уж конечно, такую махину я бы заметила. Во двор они выносили всего лишь какие-то фляги с жидкостями и порошками. Так значит, люди графа перевернули мой дом вверх дном в поисках этого приспособления? А я думала, они ищут какие-то бумаги.

– Да, они искали бумаги, – кивнул я.

При упоминании об аппарате в глазах вдовы вспыхнули настороженные огоньки, и это не ускользнуло от моего внимания.

– Но нам необходимо также найти большое металлическое сооружение. Вы уверены, что ничего о нем не слышали?

– Ничего, сэр, клянусь.

Я видел, что она лжет, однако решил на время оставить разговор об аппарате и отошел к камину. Заткнутая пробкой бутылка лежала там, где я ее оставил, но, к великому моему изумлению, пролившаяся из нее жидкость испарилась. На полу осталось лишь едва заметное пятно. Я коснулся его рукой – оно не было ни жирным, ни липким. Поколебавшись, я поднял бутылку, наполовину наполненную бесцветной жидкостью.

– Скажите, сударыня, вы не знаете, что это за жидкость?

– Понятия не имею. – Теперь в голосе вдовы звучало откровенное раздражение. – Какой-то греческий огонь, формулы, аппараты, книги по алхимии! Говорю вам, я в этом совершенно не разбираюсь! И не желаю разбираться!

Голос ее сорвался на крик, и она уронила голову на руки. Я поглубже заткнул пробку, тщательно завернул бутылку в носовой платок и сунул ее в карман.

«Если это греческий огонь, я, чего доброго, могу вспыхнуть», – пронеслось у меня в голове.

Однако я не стал поддаваться мгновенному приступу страха.

Вдова Гривстуд меж тем вытерла глаза и застыла на своем стуле, уставившись в пол. Когда она заговорила вновь, голос ее, недавно столь пронзительный, превратился в едва слышный шепот.

– Если вы и правда хотите узнать, кто рассказал убийцам о делах моего мужа, вы должны расспросить ее, – процедила она.

– Кого?

– Шлюху. Непотребную девку, с которой встречался Майкл.

Мы с Бараксом недоуменно переглянулись. Голос вдовы дребезжал едва слышно, словно тоненькая струйка ледяной воды.

– Одна женщина, содержательница пивной, рассказала мне, что видела Майкла в Саутуорке. Видела, как он заходил в публичный дом. Она так и сияла от удовольствия, сообщая мне об этом, – заявила вдова и бросила на меня взгляд, исполненный горечи. – Я напрямик спросила Майкла, правда ли он был в публичном доме. Он не стал отрицать. Сказал, что больше туда не пойдет, но я ему не поверила. Иногда он возвращался домой пьяный и довольный, словно сытый кот. Я смотрела на него и понимала, что он утолил свою похоть.

Последние слова вдовы заставили Баракса разразиться хохотом. Мистрис Гривстуд полоснула по нему исполненным негодования взглядом.

– Заткнись! Как ты можешь смеяться над чужим позором, невежа!

– Оставьте нас, – бросил я, повернувшись к Бараксу.

К моему удивлению, он не стал возражать, лишь пожал плечами и вышел. Вдова посмотрела на меня, в глазах ее по-прежнему полыхал гнев.

– Эта подлая тварь одурманила Майкла, – прошептала она. – Напрасно я взывала к его совести. Он отпраивлялся к ней снова и снова. – Она прикусила свою бескровную губу. – Раньше мне удавалось удержать его от всяких безумных махинаций. Но в последнее время Сэмюель и эта шлюха полностью завладели им. И мои слова уже ничего не значили.

Она вновь скользнула взглядом по кровавым брызгам на стене, потом

посмотрела мне прямо в глаза.

– Как-то раз я спросила у Майкла, неужели похоть вытравила в нем все остальные чувства. И он ответил, что похоть тут ни при чем. Сказал, что эта девка добра и внимательна с ним и с ней он может говорить обо всем. Думаю, теперь настало время вам поговорить с ней, сэ. Зовут ее Бэтшеба Грин, и она живет в борделе под названием «Шляпа епископа», в Саутуорке.

– Я непременно найду ее.

– Там, в Саутуорке, городские законы не действуют, и эти твари могут без помех предаваться разврату. Но если она только посмеет сунуться в Лондон, ее сразу схватят и выжгут на щеке клеймо. Уж я об этом позабочусь.

Несмотря на то что Джейн Гриввуд буквально клокотала от злобы, я чувствовал к ней жалость. Она осталась совершенно одна, в полуразрушенном мрачном доме. Какие чувства эта несчастная женщина питала к своему мужу, пока он был жив? Вряд ли только презрение, которое звучало сейчас в ее словах. Будь это так, проститутка, привязавшая к себе Майкла, не вызывала бы у нее такой ненависти.

Пристально взглянув в глаза вдовы, я вновь увидел в них отблеск затаенного страха. Несомненно, мне следует отыскать Бэтшебу Грин и поговорить с ней. А после вернуться к разговору с Джейн Гриввуд.

– Благодарю вас, мистрис Гриввуд, – с поклоном изрек я.

– Это все? – Во взоре вдовы мелькнуло откровенное облегчение.

– Пока все.

– Поговорите с этой тварью, – процедила хозяйка на прощание. – Наверняка она многое знает.

Спускаясь по лестнице, я услышал голоса, доносившиеся из кухни. Мужчина что-то негромко ворковал, женщина приглушенно хихикала.

– Барак! – окликнул я.

Напарник мой вышел в холл, поедая апельсин.

– Мне дала его Сьюзен, – сообщил он, преспокойно бросая корки на пол. – Сочный фрукт. Как и она сама.

– Нам пора, – сказал я и направился к дверям. После сумрака, царившего в доме, яркое солнце ослепило меня.

– Ну, что интересного вам поведала эта прокисшая особа? – осведомился Барак, когда мы отвязывали лошадей.

– В ваше отсутствие она оказалась намного разговорчивее. Своими насмешками вы чуть было не испортили дело, Барак. Хорошо, что я догадался вас выставить. Теперь нам известно имя проститутки, к которой

ходил Майкл. Бэтшеба Грин, из борделя «Шляпа епископа», в Саутуорке. – Я знаю этот бордель, – сообщил Барак. – Откровенно говоря, дрянное местечко. Мне казалось, клерки из Палаты перераспределения могут себе позволить что-нибудь получше.

Мы взобрались на лошадей. Я надвинул шляпу пониже, стараясь защитить лицо от палящих солнечных лучей.

– Пока вы любезничали со вдовицей, я тоже не терял даром времени, – похвастал Барак. – Расспросил Сьюзен о ее хозяевах. По ее словам, мистрис Гриввуд пыталась верховодить в доме, но ее муж и его братец ее ни в грош не ставили. Братья были очень дружны, что называется, водой не разольешь. И оба охочи до легких денег.

– Сьюзен знала о том, что Майкл ездит к шлюхе в Саутуорк?

– А как же иначе. Шила в мешке не утаишь. Она сказала, когда Майкл начал ходить на сторону, жена его окончательно взбесилась. Впрочем, мне трудно представить, что эта общипанная ворона когда-то была милой и приветливой.

– Барак, не забывайте, эта женщина только что потеряла мужа и осталась одна на всем белом свете. Все, что у нее есть, – это старый дом, который, того и гляди, рухнет.

– Дураку ясно, Гриввуд женился на этой фурии из-за денег, – пробурчал Барак. – Ей, кстати, тогда уже было почти тридцать. В молодости она что-то натворила, и потому ее никто не брал замуж. Сьюзен не знает, что именно.

– Почему вы так невзлюбили бедную женщину? – спросил я, пристально глядя на Барака.

Он расхохотался, и горечь, звучавшая в его смехе, напомнила мне Джейн Гриввуд.

– Если хотите знать, она чем-то похожа на мою драгоценную матушку. Помните, как она начала выпрашивать вас о том, как перевести дом на собственное имя, а муж ее тем временем валялся наверху в луже крови. Моя дражайшая родительница была той же породы. Когда отец умер, она недолго горевала и через месяц после его смерти вышла за своего жильца. Вскоре после этого я ушел из дома.

– Что ж, бедные вдовы должны заботиться о своем будущем, – пожал я плечами.

– Бедные вдовы своего не упустят, – усмехнулся Барак и слегка обогнал меня, давая понять, что разговор окончен.

Остаток пути мы проделали в молчании. Я то и дело вытирал пот, ручьями струившийся со лба. Раньше мне не часто приходилось совершать

подобные путешествия через весь Лондон, да еще по такой жаре. Мусор, в изобилии валявшийся на улицах, насыщал раскаленный воздух ядовитыми миазмами. Я чувствовал, что одежда моя насквозь пропиталась потом, ноги, казалось, прилипли к влажным бокам Канцлера. Бедный конь измучился не меньше моего: поспевая за резвой кобылой Барака, он совершенно выбился из сил. Я решил, что в дальнейшем мы будем по возможности передвигаться по реке. Что до моего спутника и его кобылы, они, казалось, не замечали ни жары, ни усталости – сказывалась разница в десять лет, отделявшая их от нас со стариной Канцлером.

Когда мы прибыли на Канцлер-лейн, солнце уже клонилось к закату. Я приказал Джоан подать ужин в гостиную и рухнул в кресло. Барак собрал вместе несколько подушек и растянулся на полу в далекой от изящества позе.

– Ну, что вы намерены делать теперь? – спросил он. – В нашем распоряжении осталось всего десять дней. Сегодняшний уже можно не считать.

– В наших руках сейчас несколько нитей, и следует проверить, куда ведет каждая из них. Так всегда бывает, когда расследуешь сложное и запутанное дело. Прежде всего, мы должны найти шлюху, с которой встречался Майкл. К тому же я почти уверен, вдова скрывает нечто важное. Насколько я понимаю, там, в доме, по-прежнему остался ваш человек?

– Да, – кивнул Барак, вытащил из кармана еще один апельсин и принялся его чистить. – Он пробудет там, пока не получит других распоряжений. А от этой злобной фурии можно ожидать любых пакостей.

– Думаю, ей что-то известно про аппарат. Наверняка его хранили не в доме, а где-нибудь в другом месте.

– Где именно?

– Понятия не имею. Удобнее всего было бы держать его на каком-нибудь складе. Но, судя по документам, кроме дома, у братьев не было другой собственности.

– Вы просматривали все их документы?

– Разумеется.

Я вытащил из кармана бутылку и осторожно передал ее Бараку.

– Вот что я нашел в лаборатории. Половина жидкости вытекла на пол и испарилась. Видите, она не имеет ни цвета, ни запаха. Но если попробовать ее на вкус, она жжет, как огонь.

Барак вытащил пробку, опасно понюхал горлышко бутылки, потом вылил немного жидкости себе на палец и лизнул языком. Лицо его мгновенно исказила гримаса.

– Господи боже, да это настоящий жидкий огонь! – воскликнул он. – Хотя и не греческий. От того исходил мерзкий запах.

Я взял у него бутылку, закрыл ее пробкой и тихонько потряс, наблюдая за игрой бесцветных пузырьков.

– Я отнесу это Гаю. Может, он знает, что это такое.

– Только не вздумайте болтать о нашем деле.

– Господи боже, как мне надоели ваши предупреждения! Сколько раз вам повторять, что я умею держать язык за зубами.

– Я пойду вместе с вами, – заявил Барак.

– Как вам будет угодно, – пожал я плечами.

– Вы так и не рассказали мне толком, что вам удалось вытянуть из ваших собратьев по сословию.

– Оба они, и Марчмаунт, и Билкнэп, в один голос твердят, что были только посредниками. Билкнэпу я не вполне доверяю. Он как-то связан с Ричардом Ричем, хотя пока мне не ясно, имеет ли это отношение к греческому огню. К тому же он имеет дело с иностранными купцами, представляет их интересы в таможне. Я видел у него на столе документы, написанные по-французски. Лорд Кромвель имеет доступ ко всем документам, проходящим через таможню. Может быть, кто-то из его служащих проверит, какие именно дела вел Билкнэп? У меня слишком мало времени.

– Когда я буду писать графу, сообщу о вашей просьбе, – кивнул Барак. – Знаете, я все время пытаюсь вспомнить, где видел этого прохиндея Билкнэпа, но пока ничего не получается. Одно могу сказать точно, это было давно.

В дверь тихонько постучали, и вошла Джоан с подносом. Увидев, в каком состоянии наша одежда, она жалобно раскудахталась. Я прервал поток ее сетований, попросив приготовить нам свежее платье. Наклонившись, чтобы налить себе пива, я поморщился от боли в спине, и это не ускользнуло от внимания Джоан.

– Вы слишком устаете в последнее время, сэра, – сказала она. – Так не годится.

– Ничего, сейчас я немного отдохну и завтра буду как новенький.

Джоан вышла, и мы с Бараксом с наслаждением осушили по кружке пива. – Герцог Норфолкский сегодня разоткровенничался, – сообщил я. – Во время обеда в Линкольнс-Инне он дал выход своей ненависти к церковной реформе и ее сторонникам. Мой друг попытался дать ему отпор и в результате заработал на свою голову крупные неприятности.

– Я думал, все законники – сторонники Реформации.

– Далеко не все. К тому же, как все прочие жители Лондона, они стараются держать нос по ветру. Если Кромвель утратит свое могущество, число сторонников Реформации среди адвокатов значительно поубавится.

– У нас осталось так мало времени, – вздохнул Барак. – Вы уверены, что завтра нам так уж необходимо тащиться в монастырь Святого Варфоломея и встречаться там со старым библиотекарем? Споры нет, вам стоит с ним побеседовать. Но вы могли бы заехать к нему в часовню.

– Нет. Я должен собственными глазами увидеть то место, где нашли греческий огонь. Возможно, увидев, где заварилась вся эта каша, я что-нибудь пойму. Так что завтра с утра мы поедем в монастырь, затем встретимся с Гаем, а потом отправимся в Саутуорк, в публичный дом, чтобы поговорить с одной из его обитательниц. Да, мне ведь еще предстоит беседа с семейством Уэнтворт.

– В нашем распоряжении всего десять дней, – покачал головой мой помощник.

– Барак, возможно, у меня наблюдается некоторая склонность к меланхолии, – заметил я. – Но вы, несомненно, впадаете в другую крайность. Излишняя вспыльчивость и нетерпеливость еще никого не доводили до добра. Дай вам только волю, вы сразу начнете пороть горячку.

– Нам необходимо закончить расследование в положенный срок, – угрюмо пробормотал Барак. —

И не забывайте, вчера за нами следил какой-то шельмец. Возможно, нам угрожает опасность.

– Я слишком хорошо это сознаю, – заявил я, поднимаясь с кресла. – А теперь, с вашего позволения, я поднимусь к себе. Надо еще раз хорошенько проглядеть бумаги.

Я поднялся в свою комнату, вспоминая об опасениях, охвативших меня на обратном пути из Линкольнс-Инна. Приходилось признать, что за стенами собственного дома я чувствую себя намного увереннее в обществе Барака, сызмальства знакомого с жизнью лондонских улиц. Впрочем, я надеялся, что его заступничество мне не понадобится.

ГЛАВА 14

Утро следующего дня, тридцать первого мая, выдалось еще более жарким, чем все предыдущие. Мы опять встали спозаранку: путь до монастыря Святого Варфоломея предстоял неблизкий, и проделать его по реке было невозможно. Едва поднявшееся солнце окрасило в нежно-розовый цвет легкие перистые облака, теснившиеся на горизонте. Минувшим вечером Барак опять куда-то отправился, и я уснул, не дождавшись его возвращения. За завтраком он пребывал в угрюмом расположении духа; возможно, он мучился от похмелья, возможно, девица, на приятное общество которой он рассчитывал, дала ему от ворот поворот. Я захватил с собой несколько трудов по алхимии, сложив их в старую кожаную сумку, которую подарил отец, провожая меня в Лондон. Мне хотелось показать эти книги Гаю.

Город, в течение всего воскресного дня погруженный в безделье, вновь оживал для кипучей деятельности. Тут и там скрежетали ставни, поднимаемые на окнах бесчисленных лавок. Лавочники с ругательствами прогоняли прочь нищих, толпившихся у порогов. Бездомные уныло брели по улицам, лица их, нещадно припекаемые солнцем, потемнели и потрескались. Одна из нищенок, маленькая девочка, едва не попала под копыта Канцлера.

– Не зевай! – крикнул я ей.

– Сам не зевай, мерзкий горбатый ублюдок! – пронзительно завопила она, сопроводив свои слова исполненным ненависти взглядом.

Взглянув в чумазое лицо маленькой бродяжки, я узнал ту самую сумасшедшую, что вчера устроила скандал возле лавки булочника. Она заковыляла прочь, сильно припадая на одну ногу.

– Бедное создание, – пробормотал я. – Сейчас частенько слышишь, что нищие сами виноваты в своей участи. Спору нет, просить милостыню куда легче, чем работать. Но в чем виноваты малые дети?

– Ни в чем, – с жаром откликнулся Барак. – Удалось вам вчера найти что-нибудь любопытное в этих старых бумагах? – спросил он, немного помолчав.

– В основном в них говорится о войнах, которые вели древние греки. Они были очень изобретательны по части всякого рода военных хитростей. Однажды, для того чтобы ввести противника в заблуждение и заставить поверить, что войско его намного многочисленнее, чем на самом деле,

Александр Македонский приказал привязать горящие факелы к хвостам целого стада овец. Ночью персы взглянули на его лагерь, увидели целое море огней и решили, что там собрались несметные полчища солдат.

– Трудно поверить в подобные сказки, – пробормотал Барак. – Овцы – пугливые твари, и с факелами на хвостах они принялись бы метаться как бешеные. К тому же к нашему делу эта история не имеет никакого отношения.

– Пожалуй. Просто она случайно запала мне в голову. Но в той же книге упоминается некая горючая жидкость, которую римляне использовали в войнах с вавилонянами. В библиотеке Линкольнс-Инна хранится несколько трудов, посвященных Древнему Риму. Я попытаюсь найти в них еще какие-нибудь сведения.

– Попробуйте. Только прошу, не копайтесь в книгах слишком долго.

– Кстати, вы написали лорду Кромвелю о том, что Билкнэп занимается какими-то темными делами на таможне? О том, что я прошу выяснить, в чем эти дела состоят?

– Написал. Вчера ночью я пытался узнать хоть что-нибудь о рябом мерзавце, который нас преследовал. Но безуспешно.

– Больше мы его не видели. Возможно, он решил оставить нас в покое.

– Возможно. Но все-таки нам следует быть начеку.

В начале узкой улицы валялась дохлая собака, ее раздувшийся труп распространял невыносимое зловоние.

«Зачем только люди рвутся в Лондон? – с недоумением спрашивал я себя. – Что ожидает их здесь, кроме крысиной борьбы за существование, в результате которой многие оказываются на самом дне?»

Как видно, людей влечет сюда стремление к лучшей жизни: им кажется, что в большом городе заветные мечты о богатстве и благоденствии быстрее станут реальностью.

Улица Гроба Господня была одной из тех, что выводили прямо на обширные открытые пространства Смитфилда. В то утро там царили тишина и покой, в отличие от ярмарочных дней, когда погонщики гонят в сторону рынка целые стада оглушительно ревущего скота. За каменной стеной виднелась больница Святого Варфоломея, опустевшая и безмолвная; у ворот стоял стражник, присланный из Палаты перераспределения. Когда год назад монастырь был закрыт, всех больных, содержащихся в больнице, прогнали прочь, предоставив им самим о себе заботиться; все разговоры о новой больнице, которую откроют на средства богатых жертвователей, пока оставались разговорами.

С правой стороны от больницы стоял монастырь, величественные

здания которого возвышались над площадью. Впрочем, некоторые уже были разрушены. У сторожевой будки прохаживался еще один стражник. Я заметил рабочих, которые выносили из ворот монастыря какие-то ящики и складывали их у стены; вокруг вертелось несколько подмастерьев в голубых фартуках.

– Что-то я нигде не вижу старины Кайтчина, – заметил Барак. – Надо спросить о нем стражника.

Мы пересекли пустошь, поросшую жесткой пожелтевшей травой. Посреди пустоши выделялся участок, на котором трава не росла, а земля потемнела от пепла: здесь обычно сжигали еретиков. Когда-то давно лорд Кромвель сказал мне, что будет сжигать папистов, используя вместо дров их идолов и церковную утварь. Два года назад он выполнил свое намерение: отец Форест был сожжен на костре, сложенном из деревянных статуй святых. Его подвесили над костром на цепях, продлив таким образом предсмертные муки, на которые взирали сотни зрителей. Вина отца Фореста состояла в том, что он отказался признать короля главой Церкви. По закону его следовало казнить как государственного изменника. Это означало, что встретить свою смерть он должен был на плахе, а не на костре. Но Кромвель мог себе позволить не обращать внимания на подобные тонкости. Я не присутствовал при сожжении, но стоило мне взглянуть на выжженный участок земли, как перед внутренним взором встали ужасающие картины. Я видел, как языки пламени лижут человеческую кожу и она чернеет на глазах, видел, как с шипением закипает человеческая кровь. Пытаясь отогнать кошмарные видения, я затряс головой и натянул поводья, направляя Канцлера к воротам монастыря.

Спешившись, я увидел, что ящики, стоявшие у стены, полны потемневших от времени человеческих костей. Подмастерья копались в этих ящиках, отбрасывая прочь куски истлевших саванов, вытаскивая черепа и осторожно соскребая с них зеленый мох. Сторож, рослый упитанный детина, равнодушно наблюдал за их работой. Мы привязали лошадей, Барак подошел к сторожу и спросил, кивнув на подмастерьев:

– Господи боже, что это они делают?

– Соскребают могильный мох, – невозмутимо сообщил тот. – Сэр Ричард Рич решил уничтожить монастырское кладбище. Аптекари считают, что мох, выросший на костях покойников, хорошо помогает от многих хворей. Поэтому они и прислали сюда своих учеников – собирать это добро.

Сторож сунул руку в карман и вытащил маленький золотой медальон в

форме полумесяца.

– Иногда в могилу вместе с мертвым монахом опускали всякие диковинные штуковины. Владелец вот этой наверняка ходил в крестовый поход. – Парень многозначительно подмигнул нам. – Теперь она досталась мне в награду за то, что я позволяю мальчишкам рыться в костях.

– Мы приехали сюда по делу, – прервал я его болтовню. – Мы должны встретиться с мастером Кайтчином.

– По поручению лорда Кромвеля, – добавил Барак.

Стражник кивнул, в глазах его вспыхнули любопытные огоньки.

– Человек, о котором вы говорите, уже здесь. Я позволил ему войти в церковь.

Я направился к воротам. Стражник, немного поколебавшись, отошел в сторону и пропустил нас.

– Кажется, этот малый не слишком хотел нас впускать, – сказал я Бараку, когда мы вошли в арку.

– Да, он рассчитывал получить мзду. Но имя графа открывает любые двери.

Я не ответил, ибо зрелище, представшее передо мной на монастырском дворе, лишило меня дара речи. Неф огромной церкви был разрушен, превращен в гигантскую грудку развалин, из которой торчали деревянные опоры. Северная часть церкви еще сохранилась, ее отделяла от разрушенной высокая деревянная стена. Большинство зданий, стоявших поблизости, тоже было взорвано, с дома собраний сорвали крышу. В неприкосновенности сохранился лишь дом настоятеля, очаровательный уютный особняк, в котором ныне поселился сэр Ричард Рич. На заднем дворе висело на веревках мокрое белье, и рядом играли три маленькие девочки. Эта мирная картина странно противоречила царящему вокруг разрушению. Мне, как и всякому другому жителю Лондона, не раз доводилось видеть, как уничтожают монастырские здания. Но впервые я стал свидетелем столь беспощадного разгрома. Над жалкими руинами того, что некогда было монастырем, висела зловещая тишина.

Барак, на которого увиденное отнюдь не произвело гнетущего впечатления, громогласно расхохотался.

– Славно поработали! – заявил он, указав на развалины. – Видно, они решили не оставить здесь камня на камне.

– Кстати, а где рабочие? – спросил я.

– Придут позднее. Они здесь работают дотемна. Палата перераспределения неплохо им платит.

Вслед за Бараком я обогнул груды обломков и, войдя в небольшую

дверь, оказался в сохранившейся части церкви. На протяжении всей своей жизни я питал презрение к богатым монастырским церквям, вся роскошь которых призвана услаждать взоры горстки монахов. В тех же случаях, когда обитатели монастыря заявляли, что основная их цель – ухаживать за страждущими в больнице, пышное убранство их храма казалось еще более неуместным. И все же, войдя под высокие своды церкви, я невольно пришел в восхищение. Стены и мощные колонны покрывала искусная роспись в зеленых и охристых тонах, витражные окна поражали великолепием. Из-за глухой деревянной стены, отгораживающей южную часть, в церкви царил полумрак, однако я разглядел, что ниши, в которых прежде стояли гробницы святых, ныне пусты. Статуи, украшавшие боковые капеллы, тоже исчезли. Лишь поблизости от алтаря сохранилась высокая гробница, полускрытая балдахином. Перед гробницей горела свеча, единственная во всей церкви, которую некогда освещали тысячи свечей. Рядом, низко склонив голову, замер какой-то человек в белой сутане священника. Мы двинулись к нему, шаги наши гулко отдавались в пустынном здании. Я ощутил, что в воздухе витает легкий аромат: за несколько столетий все здесь насквозь пропиталось ладаном.

Заслышав наши шаги, человек обернулся. То был старик лет пятидесяти, худой и высокий; длинные пряди седых волос обрамляли вытянутое лицо с впалыми щеками. Взгляд, который он метнул на нас, был полон тревоги и испуга. При нашем приближении он сделал несколько шагов назад, словно хотел раствориться в полумраке.

– Мастер Кайтчин? – окликнул я.

– Да. Вы мастер Шардлейк?

Голос бывшего монаха оказался неожиданно высоким и резким.

Он вновь бросил на Барака опасливый взгляд. Должно быть, при первой встрече с монастырским библиотекарем мой помощник, по своему обыкновению, был не слишком любезен.

– Простите, сэра, что я осмелился зажечь свечу, – начал оправдываться Кайтчин. – Я всего лишь... мне стало так горько, когда я увидал гробницу основателя нашего монастыря.

Он поспешно наклонился, загасил свечу пальцами и при этом, судя по искажившей его лицо гримасе боли, чувствительно обжег их.

– Вам ни к чему оправдываться, – пожал я плечами и взглянул на гробницу, украшенную чрезвычайно правдоподобным изображением монаха в доминиканской сутане. Он стоял на коленях, молитвенно сложив руки.

– Приор Райер, – пояснил Кайтчин.

– Понятно. Что ж, перейдем к делу. Я хотел бы осмотреть место, где в прошлом году некий мастер Гривствуд совершил весьма любопытную находку. Вы знаете, что я имею в виду.

– Да, сэр.

Кайтчин судорожно сглотнул. Он по-прежнему выглядел встревоженным.

– Мастер Гривствуд велел мне никому ни слова не говорить об этой находке. Сказал, что я должен молчать даже под пытками или под угрозой смерти. И клянусь вам, я был нем как рыба. Скажите, то, что вчера мне рассказал этот человек, правда? Мастер Гривствуд действительно убит?

– Да, брат.

– Не называйте меня братом: я более не монах. В этой стране не осталось монахов.

– Да, конечно. Простите, это слово сорвалось у меня с языка по привычке.

Я обвел глазами церковь.

– Скажите, это все тоже собираются сносить?

– Слава богу, нет. – Лицо Кайтчина немного просветлело. – Местные жители попросили сохранить хотя бы часть церкви, дабы они могли молиться здесь. Они любят нашу церковь. И сэр Ричард не стал противиться их желанию. «Как видно, Рич решил, что после смерти настоятеля поддержка местных жителей будет ему не лишней», – отметил я про себя.

– Насколько я понимаю, вся эта история началась прошлой осенью, когда служащие Палаты перераспределения принялись разбирать церковный подвал?

– Да, – кивнул Кайтчин. – После того как наш монастырь дал согласие на добровольное уничтожение, люди из Палаты перераспределения явились сюда, дабы описать все наше имущество. Как-то раз ко мне в библиотеку зашел мастер Гривствуд. Он сказал, что в церковном подвале они обнаружили нечто странное, и спросил, не сохранилось ли в библиотеке каких-либо старинных записей, с помощью которых можно понять, что это такое.

– Церковный подвал служил вам хранилищем, не так ли?

– Да, сэр. Он очень просторный, и там в течение столетий хранилось множество всяких вещей. Каких именно, не могу вам сказать, хотя и прослужил здесь библиотекарем двадцать лет. Знаю лишь, что большей частью там складывали вышедший из употребления хлам. Мне редко доводилось спускаться в подвал, клянусь вам.

– Я вам верю, мастер Кайтчин. Прошу вас, продолжайте.

– Я попросил мастера Гривстуда показать мне эту диковинную находку. Он повел меня в церковь. Тогда она еще стояла во всей красе. Неф разрушили позднее, – вздохнул Кайтчин и бросил горестный взгляд на деревянную перегородку.

– В какой части церкви находится вход в подвал?

– Вон под той стеной.

– Давайте спустимся туда, – попросил я, сопроводив свои слова успокоительной улыбкой. – Я хочу осмотреть это место. Зажгите вновь свою свечу, мастер Кайтчин.

Дрожащими пальцами бывший монах зажег свечу и подвел нас к небольшой, обитой железом двери. Двигался он неспешно и плавно, именно так, как с юных лет приучаются ходить монахи. Дверь пронзительно закричала, и гулкое эхо разнесло звук под высокими церковными сводами.

Спустившись вслед за Кайтчином по каменной лестнице, мы оказались в просторном подземном помещении, тянувшемся во всю длину церкви. Там царил непроглядная тьма, воздух пропитался запахом сырости. Слабый огонек свечи выхватывал из темноты то ломаную мебель, то разбитые статуи. Один раз я чуть не наткнулся на высокое резное кресло, несомненно, некогда принадлежавшее аббату, а ныне изъеденное червями. При виде человеческого лица, внезапно выступившего из мрака, я едва сдержал крик, резко подался назад и наступил на ногу Бараку. Разглядев, что это статуя Пресвятой Девы с отбитой рукой, я устыдился собственного малодушия. Судя по мелькнувшим в темноте белым зубам Баракы, мой испуг немало позабавил его.

Дойдя до дальней стены, Кайтчин остановился.

– Мастер Гривстуд привел меня сюда, сэр, – сказал он. – У этой стены стоял бочонок. Старинный деревянный бочонок, обитый железными обручами.

– Большой?

– Посмотрите сами. Здесь, на пыльном полу, до сих пор остался след.

Кайтчин наклонил свечу, и я увидел круг, отпечатавшийся на толстом слое пыли, которая покрывала каменные плиты. Судя по всему, бочонок был примерно такого размера, как те, в которых хранят вино. Достаточно вместительный, но не слишком большой. Я кивнул, и Кайтчин снова поднял свечу. Свет выхватывал из темноты лишь его изборожденное морщинами лицо, и старый библиотекарь казался призраком, лишенным тела.

– Бочонок был открыт? – уточнил я.

– Да. Рядом маялся один из служащих Палаты. У него в руках был резец, при помощи которого он свинтил крышку. Когда мы подошли, бедняга вздохнул с облегчением: видно, ожидая нас, он в одиночестве натерпелся страху. «Посмотрите-ка на эту штуковину, брат библиотекарь! – сказал мастер Гривстуд (тогда меня еще не лишили монашеского сана). – Может, вы знаете, что это такое? Только предупреждаю, оно ужасно воняет!» Мастер Гривстуд рассмеялся, а тот, второй, украдкой перекрестился, прежде чем снять с бочонка крышку.

– И что же было внутри? – спросил я.

– Темнота, – последовал ответ. – Ничего, кроме темноты, еще более густой, чем та, которая царит здесь, в подземелье. И эта темнота испускала отвратительный запах. Никогда прежде я не ощущал ничего подобного. Запах был на редкость пронзительный и в то же время сладковатый, подобный аромату гниения. У меня сразу защемило в горле, и я закашлялся.

– Да, запах был именно таким, – подал голос Барак. – Вы хорошо его описали, старина.

Кайтчин судорожно вздохнул.

– Я взял свечу, которую захватил с собой, и поднес ее к бочонку. Представьте себе: его содержимое отразило свет! Это было так удивительно, что я едва не уронил свечу в бочонок.

– Богом клянусь, вам повезло, что вы этого не сделали, – расхохотался Барак.

– Я понял, что в бочонке какая-то жидкость, и окунул в нее палец. – При этом воспоминании Кайтчин слегка вздрогнул. – Она оказалась густой и маслянистой. Какова природа этой жидкости, я не имел даже отдаленного понятия, и сказал об этом мастеру Гривстуду. Тогда он показал мне дощечку, на которой было написано имя Сент-Джона. Судя по надписи, бочонок находился в склепе более ста лет. Я сказал, что поищу в библиотеке какие-нибудь записи относительно человека по имени Сент-Джон, а также относительно этого бочонка и его содержимого. Признаюсь вам, сэр, мне хотелось выбраться отсюда как можно скорее, – сказал Кайтчин и беспокойно огляделся по сторонам.

– Я прекрасно вас понимаю, – кивнул я. – Итак, бочонок был полон темной густой жидкости. Теперь понятно, почему в древние времена это вещество называлось «темный огонь».

– Да, жидкость была темной, словно бездонные глубины ада. Мастер Гривстуд приказал своему подчиненному вновь закрыть бочонок и вместе со мной отправился в библиотеку.

– Нам тоже стоит туда подняться, – решил я. – Вижу, мастер Кайтчин, вам здесь не по себе.

– Не скрою, сэ, это так. Я бы предпочел отсюда выйти.

Мы поднялись в церковь и вышли во двор, залитый ярким солнечным светом. Стоило Кайтчину увидеть жалкие руины, в которые превратились монастырские здания, на глаза у него навернулись слезы. Глядя на старика, я предавался невеселым размышлениям. В прошлом, когда монах входил в стены монастыря, он умирал для мира, отказываясь от прошлой жизни, от всех прав и притязаний. Ныне парламент принял указ, восстанавливающий бывших монахов в законных правах. В Линкольнс-Инне шутили, что лорд Кромвель «возродил монахов к жизни». Но что ожидало их в этой жизни, вот в чем вопрос.

– Идемте, мастер Кайтчин, – мягко сказал я. – Проводите нас в библиотеку.

Мы прошли через лишившийся крыши дом собраний, потом пересекли сад у дома настоятеля, где по-прежнему играли дети. Горничная, снимавшая с веревок белье, бросила на нас любопытный взгляд.

Когда мы вошли в сад, дверь дома распахнулась, и на пороге появился невысокий человек в роскошной шелковой рубашке. У меня перехватило дыхание, ибо то был сэ Ричард Рич собственной персоной. Не так давно, на торжественном собрании в Линкольнс-Инне, я имел случай быть ему представленным.

– Черт, – едва слышно пробормотал Барак и склонил голову в поклоне, так как Рич направился напрямик к нам. Я тоже поклонился, а испуганный Кайтчин последовал моему примеру.

Рич остановился напротив нас. Красивое, изящно очерченное лицо его выражало недоумение, брови сердито хмурились. Пронзительные серые глаза, казалось, хотели просверлить нас насквозь.

– Брат Шардлейк? – произнес он так, словно увидал бог весть какую диковину.

– Неужели вы помните меня, сэ? Для меня это большая честь.

– Горбуна трудно забыть, – пожал плечами Рич.

По губам его скользнула холодная улыбка, я вспомнил, что он пользуется репутацией чрезвычайно жестокого человека. Поговаривали даже, что, допрашивая еретиков, он собственными руками вздергивал их на дыбу. К моему удивлению, все три девочки бросились к нему, раскинув ручонки.

– Папа, папа! – кричали они.

– Подождите, девочки, я занят. Мэри, уведи их в дом.

Служанка поспешно выполнила распоряжение, Рич проводил детей взглядом.

– Мой маленький выводок, – снисходительно проговорил он. – Моя жена вечно ворчит, что я мало их секу. А теперь скажите, что вам понадобилось в моем саду? О, вы тоже здесь, бывший брат Бернارد! Эта белая сутана идет вам куда больше, чем черное доминиканское одеяние.

– Сэр... я... – только и мог пролепетать бедный Кайтчин.

От страха язык отказывался ему повиноваться. Я пришел ему на помощь, стараясь говорить так же спокойно и невозмутимо, как и сам сэр Ричард.

– Мастер Кайтчин собирался показать нам библиотеку. Лорд Кромвель дал мне разрешение ознакомиться с ней.

– В библиотеке не осталось ни одной книги, брат Шардлейк, – усмехнулся Рич. – По моему распоряжению люди из Палаты сожгли весь этот хлам.

Сообщив это, он с насмешливой улыбкой поглядел на потупившегося Кайтчина.

– Я имел в виду здание, милорд, – уточнил я. – Мне доводилось слышать, что это здание весьма интересной архитектуры, и я хотел всего лишь...

– Уж чего-чего, а зданий в этом городе предостаточно, – усмехнулся Рич. – И по моему разумению, намного интереснее осматривать те, у которых есть крыша. Клянусь богом, брат Шардлейк, вы наверняка преуспеваете в своей корпорации. Служить лорду Кромвелю очень выгодно, не так ли? Насколько я понимаю, он вернул вам свое расположение? – Рич прищурился и вперил в меня пронзительный взгляд. – Что ж, если граф дал вам разрешение осмотреть библиотеку, я не стану чинить вам препятствий. Только будьте осторожны, а то вороны, которые свили гнезда на балках, нагадят вам на головы. Раньше здесь гадили только паписты, а теперь вот гадят птицы. Так-то, бывший брат Бернارد.

Он вновь с усмешкой посмотрел на Кайтчина, который по-прежнему не поднимал головы. Рич сурово поджал губы и повернулся ко мне.

– В следующий раз, когда вам понадобится пройти через мой сад, не забудьте спросить у меня позволения, брат Шардлейк, – процедил он и, не проронив более ни слова, направился к дому.

Лишь когда за Ричем закрылась дверь, Кайтчин вышел из оцепенения и торопливо зашагал к воротам.

– Я с самого начала говорил, нам не стоит сюда ездить, – проворчал Барак. – Граф предупредил, что Рич ничего не должен знать.

– Он ничего и не узнал, – неуверенно возразил я. – Мы ни словом не обмолвились о том, что действительно привело нас сюда.

– И все же Рич что-то заподозрил. К тому же он очень любопытен. Наверняка он сейчас наблюдает за нами из окна. Только не оглядывайтесь! Я и так это знаю.

Выйдя из сада, мы оказались на вытоптанной лужайке, которую с трех сторон окружали полуразрушенные дома.

– Библиотека там, – указал Кайтчин на одно из зданий. – Рядом с лазаретом.

Мы вошли в помещение, где прежде располагалось богатое обширное книгохранилище. Теперь полки, в несколько рядов тянувшиеся вдоль стен, были пусты, на полу валялись обрывки рукописей и обломки книжных шкафов. Я поднял глаза вверх, к потолочным перекрытиям, бросавшим на пол косые тени. Целая стая ворон, напуганных нашим появлением, с пронзительным карканьем взмыла в воздух. Запустение, царившее здесь, в библиотеке, произвело на меня даже более тягостное впечатление, чем полуразрушенная церковь. Сквозь окна с выбитыми стеклами я увидел маленький внутренний дворик с пересохшим фонтаном посередине. Во взгляде Кайтчина светилась такая безысходная скорбь, что на него больно было смотреть.

– Итак, вы пришли сюда с мастером Гривстудом и принялись за поиски, – напомнил я. – Что же вам удалось найти?

– Мастер Гривстуд попросил меня отыскать какие-нибудь упоминания о наемном солдате по имени Сент-Джон. Все бумаги и документы, принадлежавшие людям, умершим в больнице, хранились здесь, в библиотеке. Мне удалось без труда найти те, что оставил Сент-Джон, и мастер Гривстуд забрал их с собой. На следующий день он опять пришел в библиотеку и провел здесь несколько часов, просматривая книги по истории Византии. Он искал сведения о греческом огне.

– Откуда вы знаете, что его интересовал именно греческий огонь?

– Он обратился ко мне за помощью, сэр. Без меня он не смог бы отыскать нужные книги. Некоторые из них он унес с собой, да так и не вернул. Впрочем, в этом не было нужды. Вскоре все книги вытащили во двор и сожгли, как ненужный хлам. – Кайтчин горестно покачал головой. – Здесь хранилось много старинных книг, сэр. Очень редких и очень красивых.

– Что ж, сделанного не воротишь, – только и мог сказать я.

Вороны вновь подняли шум. Они кружили над нашими головами, каркая и громко хлопая крыльями.

– Что это они так переполошились? – пробормотал себе под нос Барак.

– Значит, вы помогали мастеру Гривстуду искать книги и документы, – продолжил я свои расспросы. – А сами вы в них заглядывали?

– Нет, сэр. У меня не было ни малейшего желания в них заглядывать.

Кайтчин пристально посмотрел на меня. По лицу его стекали капли пота. В помещении, лишенном крыши, было жарко, солнце припекало нам макушки.

– Чужие дела меня не касаются, сэр. Все, что я хочу, – чтобы мне позволили спокойно предаваться молитвам. – Понимаю. Вам известно, что случилось с бочонком?

– Мастер Гривстуд куда-то увез его на повозке. Он не говорил мне, куда именно, а я не спрашивал.

Кайтчин глубоко вздохнул и опустил воротник своего стихаря.

– Простите меня, сэр, но здесь так жарко... Кайтчин сделал шаг в сторону, и в то же мгновение до слуха моего донесся негромкий щелчок.

Неожиданное движение старика спасло мне жизнь. Внезапно он дернулся и испустил жалобный вопль. К своему ужасу, я увидел, как в руку бывшего библиотекаря выше локтя впиалась стрела и по белому стихарю потекла алая струйка крови. Бедняга прислонился к стене, содрогаясь от боли и испуга.

Барак выхватил из ножен меч и бросился к разбитому окну. Там стоял рябой незнакомец, который преследовал нас несколько дней назад. Голубые невозмутимые глаза его были устремлены прямо на Барака. Он вставлял в свой арбалет новую стрелу. Барак, однако, был уже всего в нескольких шагах от негодея, и тот, не успев выстрелить, бросил свое оружие и пустился наутек. Барак выскочил в окно, не обращая внимания на острые осколки стекла, торчавшие из рамы. Но злоумышленник успел добежать до монастырской стены и принялся на нее карабкаться. В несколько прыжков Барак пересек двор, однако было уже поздно – рябой перебрался через стену. Джек подбежал к стене, подтянулся на руках и, взглянув вслед негодею, убедился, что дальнейшее преследование не имеет смысла. Тогда он спустился, вновь влез в окно и подошел к нам. Лицо его было мрачнее тучи.

Я наклонился над Кайтчином, пытаюсь его успокоить. Тот скорчился на полу, зажимая рану рукой и жалобно всхлипывая. Кровь ручейками стекала меж его пальцев.

– Клянусь, сэр, я не заглядывал в эти документы, – простонал он. – Я ничего не знаю, ровным счетом ничего.

Барак присел на корточки перед Кайтчином и с удивившей меня

осторожностью оторвал его руку от раны.

– Потерпите малость, старина. Дайте мне взглянуть, сильно ли вас задело, – пробормотал он. – Ничего страшного, головка стрелы вышла с другой стороны. Надо отвезти вас к хирургу, он мигом вытащит стрелу, и рана быстро заживет. Поднимите-ка руку, я попытаюсь остановить кровь.

Дрожащий Кайтчин безропотно повиновался. Барак вытащил из кармана носовой платок, сделал из него жгут и перетянул руку повыше раны.

– А теперь идем, дружище. Здесь, поблизости, живет отличный хирург, для которого вылечить такую рану – пара пустяков. Держите руку повыше.

С этими словами он помог бывшему монаху подняться на ноги.

– Кому понадобилось меня убивать? – пролепетал старик. – Я ничего не знаю, сэр, клянусь.

– Думаю, стрела предназначалась мне, – медленно произнес я. – Когда убийца выпустил ее, Кайтчин внезапно сделал шаг в сторону, и стрела досталась ему.

– Вам повезло, – заметил Барак, серьезно взглянув на меня.

Вся его обычная насмешливость исчезла.

– Господи боже, но откуда этот ублюдок узнал, что мы здесь?

– Возможно, он преследовал нас от самого дома, – предположил я.

– Мы совсем позабыли об осторожности, – угрюмо prorонил Барак. – Ладно, я отведу беднягу к хирургу, а потом как следует потрясу кого надо. Думаю, наш рябой приятель больше не вернется, но на всякий случай не подходите к окну. Я скоро вернусь.

Я был так потрясен, что счел за благо повиноваться. Прислонившись к стене, я наблюдал, как Барак почти тащит на себе бледного, жалобно стонущего Кайтчина. Сердце мое так колотилось, что казалось, оно вот-вот выскочит из груди, одежда насквозь промокла от пота. Тишина, стоявшая в заброшенной библиотеке, внезапно показалась мне зловещей. До дома сэра Ричарда было слишком далеко, и случись что, никто не услышит ни криков, ни призывов о помощи. Я невольно испустил тяжкий вздох. Вот уже во второй раз Кромвель подвергает мою жизнь опасности. Я взглянул на арбалет, по-прежнему валявшийся на полу, там, где его бросил злоумышленник; даже сейчас смертоносное оружие показалось мне угрожающим. Внезапный шум заставил меня вздрогнуть. Но то были всего лишь вороны, вернувшиеся в свои гнезда.

Несколько минут спустя до моего слуха донеслись голоса: Барака и чей-то еще. Затем в дверь с воплем влетел здоровенный привратник, напуганный толчками Джека. Несмотря на могучее сложение сторожа,

Барак обращался с ним как с тряпичной куклой. Он с легкостью заломил руку парня за спину, затем дал ему пинка, так что тот волчком завертелся по комнате и рухнул на пол посреди мусора.

– Вы не имеете права! – орал привратник. – Когда в Палате узнают о ваших выходках...

– Плевать я хотел на твою Палату! – отрезал мой помощник, потом сгреб парня за одежду и вновь поставил на ноги.

Меч Барак спрятал в ножны, однако сейчас в руках его оказался наточенный кинжал, который он приставил к толстой шее привратника.

– Слушай хорошенько, жирный олух, – процедил он. – Я служу графу Эссекса, и мне дана власть действовать по собственному усмотрению. Так что, если я сочту нужным вспороть тебе глотку, я сделаю это не откладывая, понял?

Привратник судорожно сглотнул, глаза его буквально лезли на лоб от ужаса. Барак свободной рукой схватил его за волосы и повернул в мою сторону.

– В человека, который был здесь с нами, попала стрела, предназначенная вот этому господину, доверенному лицу лорда Кромвеля. Преступник мог попасть сюда одним только путем – через ворота. Значит, пустил его ты, жирная задница. Говори, ты его видел?

– Нет, – прохрипел привратник. – С чего вы взяли, что он проходил через ворота? Может, он нашел какую-нибудь лазейку и...

Барак замахнулся и со всей мочи ударил привратника в пах – тот заверещал от боли.

– Я все скажу, – простонал он. – Я все скажу...

– Так говори, не тяни... И не пытайся одурачить меня! Не на того напал.

– Вскоре после вашего приезда, сэр, к воротам подошел какой-то человек, – с трудом переведя дух, сообщил привратник. – По виду он походил на клерка, а все лицо у него изрыто оспой. В руках он вертел золотую монету. Он спросил у меня, зачем вы сюда приехали. Я сказал, что у вас здесь назначена какая-то встреча. Тогда он протянул мне монету и попросил пропустить его за ворота. Я бедный человек, сэр... я не смог устоять...

– Покажи-ка монету, ублюдок.

Привратник дрожащими пальцами полез в кошелек, висевший у него на поясе, и извлек золотую монету. Барак схватил ее и сунул в карман.

– Деньги мне очень кстати, – заявил он. – Будет чем заплатить хирургу. А ты не заметил, у этого рябого было какое-нибудь оружие? Например, арбалет? – Клянусь, никакого арбалета я не видел! – пролепетал

привратник. – У него с собой была большая кожаная сумка, это правда. Но я понятия не имел, что в ней лежит.

Барак усмехнулся и выпустил привратника.

– Ладно, мешок с дерьмом, так и быть, я не буду пачкать о тебя руки. Убирайся прочь. И не вздумай никому даже словом обмолвиться о том, что здесь было. А если будешь распускать язык, лорд Кромвель мигом до тебя доберется.

При упоминании о лорде Кромвеле здоровенный привратник, казалось, съезжился.

– Сэр, клянусь, я ничего не замышлял против Крама, то есть, я хочу сказать, против его светлости графа...

– Прочь! Как ты мне надоел, безмозглый олух! – взревел Барак и, схватив привратника за шиворот, угостил его напоследок крепким пинком.

Когда привратник скрылся из виду, Барак повернулся ко мне.

– Не представляю, как это я потерял бдительность и позволил рябому подойти так близко, – вздохнул он. – Не надо было считать ворон.

– Вы не можете все время быть настороже, – пожал я плечами. – Судя по всему, рябой следил за Кайтчином. Возможно, собирался разделаться с ним, так же как он разделался с Гривстудами.

– Да, похоже, он следил за Кайтчином, – кивнул Барак. – Проводив его сюда, он затаился, чтобы узнать, с кем старик намерен встретиться. А потом спрятался среди развалин церкви. Богом клянусь, шельмец знает свое ремесло. Хорошо, хоть вы целы и невредимы.

– Да, – со вздохом кивнул я и принялся очищать свою пыльную мантию.

– Я должен немедленно сообщить обо всем графу. Он сейчас в Уайтхолле. Думаю, вам лучше поехать со мной.

– Я не могу, Барак, – покачал я головой. – У меня назначена встреча с Джозефом. Я не могу ее пропустить, ведь я по-прежнему веду дело Элизабет. А после я собирался заглянуть к Гаю.

– Хорошо. Давайте встретимся у аптеки вашего приятеля, скажем, часа через четыре. А после вместе отправимся в Саутуорк, на поиски подружки Майкла. Сейчас на церковных часах девять, значит, я буду ждать вас возле аптеки в час.

– Договорились.

– Помните о том, что вам угрожает опасность, – предупредил Барак, с сомнением поглядев на меня. – Вы уверены, что вам стоит разъезжать по городу в одиночестве?

– Господи боже, Барак, я сумею за себя постоять, – раздраженно проворчал я. – Если мы будем повсюду ездить вместе, словно пришитые

друг к другу, мы потеряем пропасть времени. Давайте не будем тратить его на пустые разговоры, – добавил я более мягким тоном. – Мы можем вместе проехать через Чипсайд.

Барак кивнул, но в глазах его по-прежнему металась тревога. Я думал о том, что скажет Кромвель, узнав, что сегодня едва не произошло третье убийство.

ГЛАВА 15

Мы уже подъезжали к Элдергейту, когда Барак заговорил вновь.

– Зря мы сунулись в этот монастырь, – сердито бросил он. – Чего мы добились, скажите на милость? Из-за нас этого старого олуха едва не отправили на тот свет, а Рич насторожился.

– Этот человек с арбалетом преследовал Кайтчина, он так или иначе намеревался его застрелить. Убийца не хотел, чтобы библиотекарь что-нибудь рассказал нам.

– Да старикан ничего и не знал толком, – пробурчал Барак. – Я же говорю, мы ничего не добились.

– Я бы так не сказал. Мы получили подтверждение того, что греческий огонь был открыт именно так, как рассказал Гриввуд лорду Кромвелю. Все, что он говорил о бочонке с загадочной жидкостью и о старинной формуле, – чистая правда.

– Значит, вы наконец в это поверили. Что ж, тогда мы действительно продвинулись вперед, – саркастически заметил Барак.

– Когда я изучал законы, один из моих учителей часто повторял, что существует вопрос, ответ на который не изменяется, какое бы дело нам ни довелось расследовать, – заметил я. – Вопрос этот звучит так: «Какие обстоятельства наиболее важны для расследования?»

– И каков же ответ?

– Все. Когда распутываешь дело, необходимо учитывать все обстоятельства без исключения. Прежде чем приступить к дознанию, необходимо выяснить все факты, все предшествующие события. Вчера, на заброшенной пристани, и сегодня, в монастыре, я немало узнал, хотя едва не поплатился за это жизнью. Зато теперь в моих руках несколько нитей, и, надеюсь, разговор с Гаем поможет мне отобрать наиболее важные из них.

В ответ Барак молча пожал плечами, всем своим видом давая понять, что по-прежнему считает нашу поездку пустой и к тому же чрезвычайно опасной тратой времени. Мы ехали молча, и я размышлял о том, что опасность нависла над всеми, кто знает о греческом огне, – над Марчмаунтом, Билкнэпом и леди Онор.

– Мне придется рассказать графу о том, что Рич видел нас в монастыре, – прервал молчание Барак. – Это известие его вряд ли обрадует.

– Не сомневаюсь, – заметил я, прикусив губу. – Меня очень тревожит то, что все трое подозреваемых связаны с наиболее влиятельными и

могущественными вельможами этой страны. Марчмаунт близко знаком с Норфолком, Билкнэп, несомненно, имеет общие дела с Ричем. Что касается леди Онор, она, похоже, пользуется покровительством едва ли не всех сильных мира сего. Но какая связь может существовать между Ричем и Билкнэпом? – добавил я, нахмурившись. – Я уверен, что Билкнэп что-то скрывает.

– Это еще надо выяснить, – пробурчал Барак. Мы въехали на Чипсайд.

– Я вас покидаю, – заявил мой спутник. – Встретимся в час дня в аптеке старого мавра.

Он свернул на юг, в Сити, а я двинулся через Чипсайд. Проезжая между лавками, где кипела оживленная торговля, я постоянно озирался по сторонам.

«Разумеется, никто не решится напасть на меня в таком людном месте, – убеждал я себя. – В густой толпе преступнику невозможно скрыться, его моментально схватят».

Однако же, заметив невдалеке констеблей с дубинками, я вздохнул с облегчением. Повернув на Уолбрук, я оказался в окружении пышных особняков, принадлежавших богатым купцам. Впереди взад-вперед по улице прогуливался Джозеф. Мы пожали друг другу руки, и я отметил, что вид у него утомленный и обеспокоенный.

– Сегодня утром я навестил Элизабет, – сообщил он, печально покачав головой. – Бедная девочка по-прежнему ничего не говорит и тает на глазах.

Он пристально взглянул на меня.

– Я вижу, мастер Шардлейк, вы тоже чем-то расстроены.

– Новое дело, которое я расследую, доставляет мне немало хлопот, – сообщил я с глубоким вздохом. – Что ж, думаю, настала пора встретиться с семьей вашего брата.

– Я готов, сэр, – сказал Джозеф, решительно выдвинув вперед челюсть.

«Хотел бы я разделять подобную решимость», – вздохнул я про себя.

Ведя Канцлера за поводья, я вслед за Джозефом вошел во двор роскошного нового дома. На наш стук в парадную дверь вышел высокий темноволосый малый лет тридцати, одетый в тонкую белую рубашку и новую кожаную куртку без рукавов. Увидев нас, он пренебрежительно вскинул брови.

– О, это вы! Сэр Эдвин говорил, что вы зайдете сегодня.

Столь бесцеремонное обращение заставило Джозефа залиться краской.

– Он дома, Нидлер?

– Да.

Наружность дворецкого произвела на меня не слишком благоприятное

впечатление. Выражение его широкого, обрамленного длинными черными волосами лица свидетельствовало о хитрости и коварстве; костистое плотное тело начинало обрастать жирком.

«Наглости и дерзости этому парню не занимать», – решил я про себя, чувствуя, как в душе поднимается волна раздражения.

– Не будете ли вы столь любезны поставить мою лошадь в конюшню? – осведомился я подчеркнуто, вежливым тоном.

Дворецкий позвал мальчика-слугу и приказал ему увести лошадь, а сам провел нас через просторный холл и поднялся по широкой лестнице, на перилах которой были вырезаны изображения геральдических животных. Мы вошли в богато обставленную гостиную, стены которой сплошь покрывали гобелены. В окно был виден сад, достаточно большой для городского дома. Я разглядел ухоженные цветочные клумбы и посыпанные гравием дорожки, ведущие к лужайке; трава на ней пожелтела от недостатка влаги. Под старым развесистым дубом стояла скамья, а рядом – круглый кирпичный колодец, покрытый запертой на замок крышкой. В комнате, сидя в мягких креслах, нас ожидали четверо членов семьи. Все были одеты в черное, что меня очень удивило, ибо со дня смерти Ральфа миновало почти две недели и срок глубокого траура истек. Сэр Эдвин Уэнтворт остался в своей семье единственным мужчиной. Увидев его вблизи, я сразу же отметил разительное сходство с Джозефом, которое проявлялось не только в чертах пухлого румяного лица, но и в присущих обоим несколько суетливых манерах. Взгляд его, устремленный на меня, полыхал откровенной неприязнью.

Чуть в стороне сидели две его дочери; взглянув на них, я убедился, что рассказы Джозефа о красоте его племянниц вполне соответствовали истине. Природа наградила сестер нежнейшей молочно-белой кожей и густыми белокурыми волосами, которые свободно падали на плечи. Глаза у обеих были на редкость огромные, ярко-василькового цвета. Девушки занимались вышиванием, однако при нашем появлении одновременно воткнули иголки в подушечки и одарили меня быстрыми, застенчивыми улыбками. После этого сестры вновь потупились и, как положено благовоспитанным юным леди, замерли в изящных позах, сложив на коленях ослепительно белые руки.

Третья женщина, находившаяся в комнате, составляла с юными леди разительный контраст. Матушка Джозефа сидела в своем кресле прямо, словно аршин проглотила; седые волосы были убраны под черный чепец, руки, покрытые синими прожилками вен, опирались на набалдашник трости. Она отличалась крайней худобой, кости, казалось, просвечивали

сквозь бледную, истончившуюся кожу лица, изборожденного сетью морщин и рубцов, оставшихся после оспы. Морщинистые веки почти полностью прикрывали ее мутные глаза. Эта жалкая фигура могла бы вызвать только сострадание, однако с первого взгляда чувствовалось, что она обладает над своими домочадцами непререкаемой властью.

Именно старуха первой нарушила молчание, повернув ко мне голову.

– Это тот самый законник? – изрекла она с ощутимым деревенским акцентом, обнажив крупные белоснежные, как жемчуг, зубы.

«Зубы-то наверняка вставные», – подумал я и невольно вздрогнул, ибо подобная попытка обмануть природу, используя зубы мертвецов, прикрепленные к челюсти деревянной пластиной, представлялась мне отвратительной.

– Да, матушка, – ответил Эдвин и бросил на меня злобный взгляд.

По губам старухи скользнула кривая улыбка.

– А, искатель правды. Подойдите сюда, господин законник, я хочу понять, как вы выглядите.

Она подняла унизанную кольцами руку, сухую, как птичья лапа, и я догадался, что она хочет ощупать мое лицо. Слепые зачастую поступают так с незнакомыми людьми, точнее, с теми из них, кто стоит ниже их на общественной лестнице. Со стороны женщины, которая некогда была женой простого фермера, то была явно излишняя вольность, однако я счел за благо повиноваться, медленно приблизился к креслу старухи и наклонился. Глаза всех собравшихся устремились на меня, а пальцы мистрис Уэнтворт быстро, с неожиданной мягкостью скользнули по моей голове и лицу.

– Да он гордец, – пробормотала она. – И наверняка склонен к меланхолии.

Руки ее спустились ниже и скользнули по моим плечам.

– Ага, он притащил с собой сумку с книгами. Она мгновение помолчала и добавила:

– Мне сказали, что вы горбун.

Я глубоко вздохнул, решая, пытается ли старуха меня унизить или же в силу преклонного возраста не утруждает себя деликатностью.

– Так оно и есть, сударыня, – ответил я. Старуха улыбнулась, обнажив свои деревянные челюсти.

– Что ж, можете утешаться тем, что лицо у вас незаурядное, – изрекла она. – Вы ведь библейский христианин, не так ли? Я слыхала, вы служили самому графу Эссекса, Господь да защитит его от всех врагов и напастей.

– Да, я имел честь исполнять поручения лорда Кромвеля.

– Эдвин никогда не допустил бы, чтобы порог этого дома переступил папист. Он позволяет девочкам читать книги религиозного содержания и даже настаивает, чтобы они изучали Библию. По моему разумению, это уж чересчур.

Она махнула рукой в сторону старшего сына и заявила не терпящим возражений тоном:

– Ты ответишь на все его вопросы, Эдвин. Расскажешь все, что знаешь. И вы тоже, девочки.

– Матушка, но мне кажется, нам стоит пощадить чувства Сабины и Эйвис, – умоляющим голосом возразил Эдвин.

– Нет, – отрезала старуха. – Девочки тоже ответят на все вопросы.

Дочери сэра Эдвина устремили на бабушку совершенно одинаковые синие глаза. Несомненно, они, подобно своему отцу, находились у старухи в полном подчинении.

– Мы должны покончить с этим делом, – заявила мистрис Уэнтворт. – Вы не можете себе представить, мастер Шардлейк, каким несчастьем для нашей маленькой семьи стала смерть Ральфа от руки Элизабет. Три недели назад все мы были счастливы и полны радостных ожиданий. Вы видите сами, в каком унынии мы пребываем сейчас. Джозеф принял сторону убийцы, и это сделало наше горе еще более безысходным. Я не хочу говорить о чувствах, которые мы испытываем к Джозефу. Скажу лишь, что сегодня он в последний раз переступил порог этого дома.

Старуха говорила спокойно, размеренно, даже не поворачивая головы в сторону своего младшего сына. Джозеф, подобно провинившемуся ребенку, потупил голову.

«Какой же смелостью надо обладать, чтобы выказать неповиновение этой старой карге», – подумал я.

– Насколько я понимаю, – осведомился сэр Эдвин глубоким и звучным голосом, чрезвычайно напоминающим голос его брата, – в случае, если вы решите, что Элизабет виновна, вы откажетесь представлять ее интересы в суде? Ведь именно таковы правила вашего ремесла?

– Это не вполне так, сэр, – осторожно возразил я. – Я откажусь представлять ее интересы лишь тогда, когда буду располагать неопровержимыми доказательствами ее вины. В таком случае отказаться от защиты преступницы – моя обязанность. Вы позволите мне рассказать о том, каким образом я сам представляю это прискорбное происшествие? – спросил я после небольшой паузы.

– Да, разумеется.

Я перечислил все известные мне обстоятельства: сестры погибшего

мальчика слышали пронзительный крик, выглянули в окно и выбежали в сад. Нидлер выбежал вслед за ними и обнаружил в колодце тело Ральфа. Повторяя все подробности, я искренне сожалел о том, что юные девушки вынуждены переживать эту жуткую историю еще раз. Они обе сидели, опустив головы, с непроницаемыми и безучастными лицами.

– Насколько я понимаю, никто не видел, как Элизабет бросила мальчика в колодец, – заключил я. – Мне представляется вполне вероятным, что он упал туда сам.

– Тогда почему она ничего не сказала в свое оправдание? – проскрежетала старуха.

– Потому что знала: во время дознания правда так или иначе выйдет наружу и все ее ухищрения ни к чему не приведут, – с неожиданной яростью выпалил сэр Эдвин. – Разумеется, это она убила Ральфа! Вы сомневаетесь в ее виновности, сэр, потому что, в отличие от нас, не имели возможности наблюдать за ней в течение девяти месяцев. Вы не знаете, какая это злобная, завистливая и порочная душа!

Старуха наклонилась вперед и предостерегающе опустила иссохшую руку на ладонь сына; он откинулся на спинку кресла, сердито отдуваясь. – Возможно, вы сообщите мне какие-нибудь новые подробности? – невозмутимо произнес я. – Пока я могу судить о случившемся лишь по рассказу Джозефа.

Сэр Эдвин метнул на брата гневный взгляд.

– Все, что могу я сказать про эту особу, – она была дерзка, непочтительна и склонна к вспышкам ярости, – процедил он. – Да, несмотря на ее юный возраст, ей были присущи все эти отвратительные качества.

– Она проявляла столь дурные наклонности с первых дней пребывания в вашем доме?

– Едва появившись здесь после похорон моего брата, она поразила нас своим угрюмым и неприветливым нравом. Мы понимали, что она потеряла семью и дом, и были готовы многое ей простить. Я был полон желания разделить с ней все, что я имею, а я далеко не бедный человек, можете мне поверить. Впрочем, приехав в Лондон, я был не богаче, чем теперь Джозеф, – добавил сэр Эдвин и, несмотря на свою печаль и досаду, гордо выпятил грудь. – Я объяснил девочкам, что они должны относиться к Элизабет со всей возможной благожелательностью, обучать ее игре на лютне и спинете, брать с собой в гости. Они всячески старались завоевать ее расположение, но все их усилия остались тщетными. Расскажи сама, Сабина.

Старшая из сестер подняла голову и устремила на меня взгляд своих огромных кукольных глаз.

– Элизабет была очень груба с нами, сэр, – негромко произнесла она. – Говорила, что найдет занятие поинтереснее, чем вышивать или трепать струны.

– Мы пытались познакомить ее со своими друзьями, – добавила Эйвис. – Брали с собой на званые вечера, знакомили с молодыми джентльменами. Но после нескольких визитов она сказала, что никуда больше не поедет и все наши знакомые – самодовольные и напыщенные идиоты.

– Мы делали все, чтобы с ней подружиться, сэр, – с пылом заверила Сабина. – Но она нас отталкивала.

– Я могу это подтвердить, – изрекла их бабушка. – Эти добрые девочки сделали все, что в их силах.

Я вспомнил рассказы Джозефа о пристрастии Элизабет к чтению, о ее любви к деревенской жизни. Несомненно, девушка обладала независимым нравом и ничуть не походила на своих кузин. Что касается Сабины и Эйвис, их интересы, как нетрудно было догадаться, ограничивались исключительно нарядами и рукоделем. Несомненно, обе юные леди видели перед собой одну-единственную цель – удачное замужество.

– Она едва разговаривала с нами, – с обидой добавила Эйвис.

– Да, она целыми днями сидела в своей комнате, – кивнула Сабина.

– У нее была собственная комната?

Это обстоятельство меня удивило. Как правило, даже в состоятельных семействах незамужние девушки помещаются в общей спальне.

– Дом у меня просторный, – с гордостью изрек сэр Эдвин. – Так что я могу предоставить отдельные комнаты всем членам семьи. И Элизабет не стала исключением.

– Она бы ни за что не согласилась разделять с нами комнату, – заявила Сабина. – Скоро дошло до того, что она и видеть нас не желала. Если кто-нибудь из нас заходил к ней, она кричала, чтобы ее оставили в покое.

Девушка всхлипнула и едва слышно пробормотала:

– И иногда... она называла нас нехорошими словами.

– Да, она пренебрегала всеми существующими приличиями, – вставил сэр Эдвин. – Вела себя отнюдь не так, как приличествует девушке из хорошей семьи.

Старуха подалась вперед, и все взгляды вновь устремились на нее.

– Ненависть, которую Элизабет питала к нам, день ото дня становилась все более очевидной, – сообщила она. – За столом она не удостоивала нас

даже словом. В конце концов заявила, что предпочитает обедать в своей комнате, и мы не стали этому противиться. Ее присутствие за столом было слишком тягостным для всех. Видите ли, мастер Шардлейк, слепые особенно чувствительны к окружающей их атмосфере, и я ощущала, как воздух вокруг Элизабет потемнел от ненависти. Она носила ненависть к приютившей ее семье в своей злобной душе.

– Однажды Элизабет меня ударила, – пожаловалась Сабина. – С приходом теплых дней она частенько сидела на скамейке в саду в полном одиночестве. Как-то раз, когда она сидела там и читала книгу, я подошла к ней и спросила, не поедет ли она с нами за город собирать цветы. И тут она захлопнула книгу и принялась бить меня по голове, осыпая ужасными словами. Я едва от нее убежала.

– Я собственными глазами наблюдал эту дикую сцену, – подтвердил сэр Эдвин. – Из окна своего кабинета я видел, как Элизабет набросилась на мою бедную дочь. После этого я велел ей отправиться в свою комнату и оставаться там до конца дня. Я должен был догадаться, что наказание, даже столь ничтожное, приведет к новой вспышке ярости. О, как я виню себя за недостаток предусмотрительности.

Неожиданно Эдвин уронил голову на руки.

– Мой Ральф, мой мальчик... – Голос его прервался. – Я видел, как он лежал здесь, мертвый, неподвижный.

Он несколько раз всхлипнул, и сердце мое болезненно сжалось.

Девушки вновь потупили взоры, пергаментное лицо старухи приняло скорбное выражение.

– Вы заставили нас вновь пережить те ужасные мгновения, мастер Шардлейк, – с укором произнесла она. – Сохраняй твердость духа, сын мой, – обратилась старуха к сэру Эдвину. – Расскажи ему о том, как Элизабет относилась к Ральфу.

Сэр Эдвин вытер лицо носовым платком, злобно сверкнул глазами на Джозефа, который, казалось, сам был близок к слезам, а потом перевел взгляд на меня.

– Я полагаю, поначалу Ральф вызывал у Элизабет большую симпатию, чем мои дочери, – произнес он. – Подобно ей, бедный мой мальчик был своенравен и не всегда считал нужным слушаться старших. Ему было приятно, что у него появилась новая сестра, и он всячески пытался завоевать ее дружбу. Как я уже сказал, поначалу они неплохо ладили: несколько раз вместе гуляли за городом, частенько играли в шахматы. А потом Элизабет прониклась к мальчику такой же неприязнью, как и ко всем нам. Как-то вечером, перед обедом, примерно через месяц после ее

приезда, мы сидели в гостиной. Помню, Ральф попросил Элизабет сыграть с ним партию в шахматы. Она согласилась, хотя и с явной неохотой. Мальчик скоро начал выигрывать, ведь сообразительности ему было не занимать. Он взял слона Элизабет и произнес что-то вроде: «Ну, теперь этот слон не будет больше топтать моих солдат. Теперь я с ним разделаюсь». И тут вдруг Элизабет завопила как сумасшедшая, вскочила, опрокинула доску и изо всех сил ударила Ральфа по голове. Бедный мальчик залился слезами, а она убежала в свою комнату.

– Да, то был весьма неприятный случай, – проронила старуха.

– После этого мы посоветовали Ральфу держаться подальше от злобной девчонки, – продолжал сэр Эдвин. – Но мальчик любил проводить время в саду, как и Элизабет, которая постоянно сидела там с книгой. И он не желал отказываться от своих привычек. – Говорят, Элизабет лишилась рассудка, – процедила старуха. – Если она по-прежнему будет молчать, никто не узнает, почему она набросилась на мальчика в тот злополучный день, когда они оба сидели у колодца. Но я одно могу сказать с уверенностью: всеми ее поступками руководила зависть. Она буквально изводилась от зависти, сознавая, что ее кузины превосходят ее и по красоте, и по воспитанию. Она видела, что дом наш куда богаче и красивее дома ее родителей, и это пробуждало в ней злобу.

Старуха повернулась ко мне и веско проговорила:

– Я лучше всех других понимала, что творится у нее на душе, ощущала, как ненависть затмевает все прочие ее чувства. Ведь я все время сижу дома, в то время как Эдвин часто ездит по делам в Сити, а девочки проводят время в гостях.

Она помолчала и добавила с тяжким вздохом:

– Итак, мастер Шардлейк, вы знаете все о постигшем нас несчастье. И теперь вы по-прежнему сомневаетесь, что Элизабет столкнула Ральфа в колодец?

– В тот день вы были дома, сударыня? – спросил я, избегая прямого ответа.

– Да, я была в своей комнате. Нидлер вбежал ко мне и сообщил о случившемся. Это я приказала ему спуститься в колодец. И когда он поднял оттуда бедного Ральфа, я провела рукой по его лицу и поняла, что наш милый мальчик мертв.

При этих словах старуха взмахнула в воздухе иссохшими пальцами, словно вновь коснулась лица погибшего внука. Суровые черты ее на мгновение смягчились.

Я повернулся к девушкам.

– Юные леди, вы тоже полагаете, что вашего брата убила Элизабет?

– Да, сэр, – кивнула Эйвис.

– Я молю Господа о том, чтобы это оказалось неправдой, – добавила Сабина.

Она провела рукой по глазам и повернулась к старухе.

– Бабушка, перед глазами у меня все расплывается, – пожаловалась она. – Может, мне нельзя пользоваться белладонной?

– Не стоит отказываться от такого хорошего средства, дитя мое. Белладонна расширяет зрачки и делает твои глаза еще прекраснее. Думаю, тебе следует уменьшить дозу, только и всего.

Я с осуждением взглянул на старуху. Мне доводилось слышать, что капли белладонны применяются для расширения зрачков, и я всегда удивлялся безрассудству женщин, использующих столь опасную отраву.

Поразмыслив несколько мгновений, я поднялся и произнес:

– С вашего разрешения, я хотел бы осмотреть комнату Элизабет и сад, где произошла трагедия. Это займет всего несколько минут.

– Я полагаю подобный осмотр совершенно излишним, – попытался возразить сэр Эдвард, но мать прервала его.

– Пусть Нидлер его проводит, – приказала она. – Джозеф пусть тоже идет с ними. После того как мастер Шардлейк осмотрит все, что ему требуется, Джозеф должен уйти вместе с ним.

– Матушка, – умоляюще пробормотал Джозеф и сделал несколько шагов к креслу старухи.

Она еще крепче вцепилась в свою палку, и в какое-то мгновение мне даже показалось, что старуха хочет ударить непокорного сына. Но она всего лишь демонстративно отвернулась. Джозефу ничего не оставалось, кроме как отступить назад. Сэр Эдвин вновь метнул на него злобный взгляд и позвонил в колокольчик. Дворецкий появился тут же.

«Видимо, подслушивал у дверей», – мелькнуло у меня подозрение.

Он отвесил хозяину низкий поклон.

– Нидлер, – угрюмо проронил сэр Эдвин, – мастер Шардлейк желает осмотреть комнату, в которой жила Элизабет, и сад. Покажи ему то, что он требует, а потом проводи до дверей.

– Да, сэр, – подобострастно откликнулся Нидлер. – Повар просил узнать, желаете ли вы, чтобы сегодня к ужину он приготовил черных дроздов.

– Хорошо, только пусть на этот раз не кладет слишком много соуса, – подала голос старуха.

– Я передам ему, сударыня.

Ни сэр Эдвин, ни его матушка не сочли нужным проститься со мной; юные леди, по обыкновению, опустили глаза долу. Впрочем, я успел заметить, как Сабина бросила на Нидлера быстрый взгляд и залилась румянцем.

«Неужели она равнодушна к этому наглецу?» – подивился я про себя; впрочем, чувства молодых девушек бывают так прихотливы.

Пропустив нас вперед, дворецкий с шумом захлопнул дверь гостиной. Завершив тягостный визит, я вздохнул с облегчением. Джозеф был бледен как полотно. Нидлер вопросительно посмотрел на меня.

– Насколько я понял, сэр, вы хотите осмотреть комнату убийцы?

– Я хочу осмотреть комнату особы, обвиняемой в убийстве, – отрезал я ледяным тоном. – Советую вам осторожнее выбирать выражения, любезный.

Нидлер пожал плечами и двинулся вверх по лестнице. Оказавшись на втором этаже, он отпер одну из дверей и пропустил нас в комнату.

Сколь бы неприязненными ни были отношения между Элизабет и прочими обитателями дома, комнату ей отвели превосходную. Вся мебель: кровать с балдахинном и пуховой периной, туалетный столик с зеркалом, вместительный платяной шкаф – отличалась изяществом и удобством. Пол покрывали тонкие тростниковые циновки, распространявшие легкий приятный запах. Подойдя к книжной полке, я с удивлением прочел названия стоявших там книг: «Смирение христианина» Тиндэла, Новый Завет по-английски, несколько богословских трактатов, таких как «Замок благочестия», латинские сочинения Вергилия и Лукиана. Подобный выбор свидетельствовал о развитом и взыскательном уме.

– Элизабет очень набожна? – спросил я у Джозефа.

– Подобно всем Уэнтвортам, она является убежденной христианкой. И чтение религиозных книг – ее излюбленное занятие.

Я взял с полки Евангелие. Судя по потрепанному виду книги, Элизабет часто обращалась к ней.

– Она много говорила на религиозные темы? – осведомился я у Нидлера.

Он пожал плечами.

– Нет. Никогда. Но возможно, она сожалела о собственных грехах, сознавала, что осквернила свою душу ненавистью, и обращалась за помощью к Господу.

– Судя по всему, помощи она так и не дождалась, – заметил я.

– Возможно, помощь еще придет, – пробормотал Джозеф.

– А служанка у Элизабет была? – продолжал я расспрашивать. – Какая-

нибудь женщина помогала ей умываться и одеваться?

– Она отказалась от помощи служанок, сэр, – сообщил Нидлер, презрительно вскинув бровь. – Заявила, что служанки над ней смеются.

– А они действительно над ней смеялись?

– Может, иногда позволяли себе улыбнуться – уж больно странно она себя вела.

– А где Гриззи? – неожиданно спросил Джозеф и указал на стоявшую в углу комнаты корзинку, наполненную соломой. – Это кот Элизабет, – пояснил он. – Она привезла его с собой из родительского дома.

– Кот куда-то убежал, – ответил Нидлер.

– Кот совсем старый и наверняка спрятался, чтобы умереть, – с грустью произнес Джозеф. – Элизабет была очень к нему привязана.

«Значит, она лишилась общества своего единственного друга», – отметил я про себя.

Открыв шкаф, я обнаружил там множество аккуратно развешанных платьев. После этого я решил, что больше нам нечего делать в спальне, и мы вышли прочь. Нежный аромат тростниковых циновок, казалось, преследовал меня.

«Тому, кто привык к подобному благоуханию, особенно тягостно переносить зловоние Ньюгейтской тюрьмы», – пронеслось у меня в голове.

Нидлер провел нас в холл, открыл заднюю дверь, и мы очутились в саду. Залитый солнечным светом, сад дышал покоем и безмятежностью, насекомые деловито гудели над цветочными клумбами. Мы прошли по лужайке, ощущая, как сухая трава хрустит под ногами. Остановившись у колодца, Нидлер показал на скамейку, стоящую в тени дуба.

– Вот здесь она и сидела, когда я выбежал в сад, услышав крики барышень, – сообщил он. – Мистрис Сабина и мистрис Эйвис бегали вокруг колодца, размахивая руками. «Помогите, помогите! – крикнула мне мистрис Сабина. – Элизабет столкнула Ральфа в колодец!»

– А Элизабет на это ничего не сказала? Не попыталась оправдаться?

– Она сидела молча, опустив голову, и взгляд ее полыхал злобой, – ответил Нидлер.

Я подошел к колодцу. Джозеф предпочитал держаться в некотором отдалении. Колодец закрывала круглая деревянная крышка, прикрепленная висячим замком к железному обручу.

– Крышка выглядит совсем новой, – заметил я.

– Да, сэр. Хозяин приказал приделать ее на прошлой неделе. К сожалению, слишком поздно. Возможно, отдай он такой приказ раньше, несчастья удалось бы избежать.

– Я хочу заглянуть в колодец. У вас есть ключи?

– Сэр Эдвин распорядился выбросить ключи от замка прочь, – бесстрастно изрек дворецкий. – Никто и никогда больше не будет использовать этот колодец. Вода в нем отравлена уже много лет. Правда, когда я туда спустился, воды почти не было. Весна в этом году выдалась засушливая, и колодец пересох.

Я наклонился над крышкой. Между деревянной поверхностью и обручем оставался зазор шириной примерно в дюйм. Я наклонился еще ниже и тут же подался назад, так как в ноздри мне ударил отвратительный гнилостный запах. Я вспомнил рассказы Джозефа о том, что от тела Ральфа разило тухлым мясом. Обернувшись, я увидел, что Джозеф опустился на скамью под деревом и не сводит глаз с окна гостиной, которую мы недавно покинули. Как видно, сознание того, что в семье он стал отверженным, глубоко уязвило его душу. Я перевел взгляд на Нидлера, который стоял рядом, по-прежнему невозмутимый и безучастный.

– Из колодца исходит сильная вонь, – заметил я.

– Я уже говорил вам: вода в нем отравлена.

– И когда вы спускались туда, там пахло так же отвратительно?

– Разумеется, – пожал плечами дворецкий. – Но мне было не до запахов. Я пытался нащупать в темноте тело бедного мастера Ральфа и боялся, как бы не оборвалась веревочная лестница. Сэр, если вы увидели все, что хотели, позвольте проводить вас. Я должен наблюдать за приготовлением обеда. Пораженный подобной дерзостью, я вперил в наглеца недоуменный взгляд, но потом растянул губы в улыбке.

– Да, благодарю вас. Я видел все, что мне было необходимо.

– Вы ничего не хотите передать через меня хозяину? – осведомился дворецкий, недовольно прищурившись. – Возможно, теперь вы убедились, что Элизабет виновна, и откажетесь ее защищать?

– Если мне понадобится что-нибудь сообщить вашему хозяину, я обойдусь без вашего посредничества, Нидлер, – отрезал я. – Идемте, Джозеф, нам пора.

Джозеф устало поднялся со скамьи и вслед за мной прошел в холл. Нидлер распахнул парадную дверь, и мы оказались на улице. Прощедив, что прикажет слуге привести мою лошадь, дворецкий с шумом захлопнул дверь. Мы остались ждать на ступеньках. Джозеф устремил на меня взгляд, полный тревоги и печали.

– Теперь вы, подобно моей матери и брату, уверены в том, что Ральфа убила Элизабет? – осведомился он дрожащим голосом.

– Напротив, Джозеф. Я все более убеждаюсь в том, что она невинна, –

возразил я и добавил, нахмурившись: – В этом доме что-то не так.

– Моя мать – удивительная женщина. Твердости ее характера могут позавидовать многие мужчины. В молодости она была очень хороша собой, хотя, глядя на нее сейчас, это трудно представить. Эдвин всегда был ее любимчиком. А меня она считала тупым и недалеким малым, годным лишь на то, чтобы управлять фермой.

– Вы проявили настоящее мужество, взяв сторону Элизабет, – сказал я, ободряюще коснувшись его руки.

– Мне это было нелегко.

– Я понимаю. Скажите, раньше, в детстве, Элизабет обнаруживала какие-либо признаки злобного и вспыльчивого характера?

– Нет, сэр. Никогда. До того как попасть в этот дом, она была весела и счастлива.

– Любопытно, что всякий раз, когда кто-нибудь из членов семьи пытался к ней приблизиться, это вызывало у нее вспышку ярости. Более всего она хотела, чтобы ее оставили в одиночестве.

На несколько мгновений я погрузился в задумчивость, а потом заявил:

– Джозеф, я думаю, разгадка тайны скрыта на дне колодца.

– Что вы имеете в виду?

– Пока сам не знаю. Но помните, вы сами рассказывали, что тело Ральфа испускало отвратительный запах. И сейчас, наклонившись к колодцу, я ощутил сильное зловоние. Можно предположить, что виной тому – стоячая гниющая вода. Однако Нидлер сказал, что воды в колодце почти не осталось.

Помедлив в нерешительности, я добавил:

– Думаю, в колодце скрывается еще одно тело. Мертвое тело.

У Джозефа глаза полезли на лоб от изумления.

– Мертвое тело? Но откуда оно там взялось?

– Понятия не имею. Сам не знаю, почему подобная мысль пришла мне в голову. Все это необходимо хорошенько обдумать, – сказал я, вновь коснувшись его руки.

– Боже милостивый, что нас всех ждет! Взглянув на церковные часы, я увидел, что уже первый час, и заторопился.

– Простите, друг мой, но я вынужден вас оставить. На час дня у меня назначена другая встреча, которую я никак не могу пропустить. Я подумаю, какой шаг нам следует предпринять теперь. В случае необходимости я могу найти вас в тех же меблированных комнатах?

– Да, я останусь в городе, пока дело не разрешится, – твердо ответил Джозеф.

– А как же ваша ферма?

– Я договорился с соседом, и он обещал присмотреть за работниками. С этой проклятой засухой хорошего урожая ждать не приходится. Но даже если я буду сидеть в Эссексе безвылазно, дождей от этого не прибавится, верно?

Из-за угла дома вышел мальчик, ведущий за поводья Канцлера. Маленький конюх выжидающе посмотрел на меня, и я дал ему фартинг, затем прикрепил к седлу сумку с книгами.

– Я пришлю вам записку, Джозеф, и очень скоро. Джозеф пожал мне руку и направился по Уолбрук-роуд. Я проводил его глазами; в этой массивной, крупной фигуре ощущалась какая-то странная неуверенность. Что ж, подобное чувство мне знакомо. Я взобрался в седло и двинулся к аптеке Гая. Проезжая по улицам, я заметил в толпе какого-то высокого бледнолицего человека, и сердце мое испуганно сжалось. Но это был всего лишь незнакомый мне прохожий, спешивший по своим делам. Слегка вздрогнув, я направил лошадь на юг.

ГЛАВА 16

Подъехав к аптеке Гая, я огляделся по сторонам, но нигде не заметил лошади Барака. Удивляясь тому, что его беседа с Кромвелем затянулась так долго, я привязал Канцлера к ограде и вошел в дом.

Гай сидел за столом и толлок в ступке какие-то лекарственные травы. Завидев меня, он удивленно вскинул голову.

– Добрый день, Мэтью. Не ожидал увидеть вас сегодня.

– Гай, мне надо кое-что у вас узнать. К тому же я назначил здесь встречу одному своему знакомому. Насколько я вижу, он еще не появился. К вам еще не заглядывал молодой парень с каштановыми волосами и наглой ухмылкой?

– Нет, такого я не видел, – покачал головой Гай. – Сегодня я все утро не выходил из лавки, занимался травами. Что, эта встреча связана с делом Уэнтвортов? Как прошло заседание суда?

– Нам удалось добиться отсрочки приговора. Как раз сейчас я был в доме Уэнтвортов, беседовал со всеми членами семейства. Но с вами, Гай, я хотел поговорить по совершенно другому поводу. Мне очень неловко, что я не могу выполнить своего обещания и пригласить вас на обед, но на меня только что взвалили еще одно срочное дело. С этими двумя расследованиями столько хлопот, что я буквально не имею ни одной свободной минуты.

– Не переживайте из-за пустяков, Мэтью. Мы еще успеем пообедать вместе.

– Гай сопровождал свои слова приветливой улыбкой, но я знал – он страдал от одиночества и радовался возможности побывать у меня дома. Необычная внешность бывшего монаха служила причиной того, что многие люди сторонились этого человека, и приглашения в гости он получал чрезвычайно редко. Слегка поморщившись от боли в спине, я снял с плеча тяжелую сумку с книгами. Grimаса, исказившая мое лицо, не ускользнула от внимания Гая.

– Мэтью, вы делаете упражнения, которые я вам посоветовал? – осведомился он.

– К сожалению, последние несколько дней мне никак не удавалось выбрать время для занятий. Я же говорил, на меня навалилось множество хлопот.

– Вид у вас обеспокоенный, Мэтью, – заметил мой старый друг.

– Неудивительно, – ответил я, опускаясь на стул и вытирая пот со лба. – Думаю, у человека, которого только что пытались убить, есть повод для беспокойства.

– Вас пытались убить?

– Я не хотел об этом рассказывать, но от вас ведь ничего не скроешь. Обо всем я говорить не имею права. Скажу лишь, что лорд Кромвель отложил вынесение приговора Элизабет Уэнтворт на две недели и за эту услугу потребовал, чтобы я выполнил одно важное поручение... На этот раз дело никак не связано с монастырями. Но речь вновь идет об убийстве и, возможно, мошенничестве...

Я осекся и подошел к окну.

– О, я вижу, молодой Барак, которого лорд Кромвель дал мне в помощники, наконец прибыл и привязывает лошадь.

– Значит, вы хотите, чтобы я помог вам в выполнении поручения Кромвеля? – спросил Гай, пристально взглянув на меня.

– Я хочу, чтобы вы помогли мне поймать жестокого и беспощадного убийцу, – веско произнес я. – Ничего больше я не могу вам рассказать. По правде говоря, мне не следовало даже упоминать имени Кромвеля. Это слишком опасно. Если вы полагаете, что, помогая мне, поступите против своей совести, я не буду настаивать, – добавил я со вздохом.

Дверь отворилась, и вошел Барак. С несколько растерянным видом он обзрел полки, уставленные склянками и бутылочками, потом скользнул глазами по смуглому лицу и длинному одеянию Гая. Старый аптекарь приветствовал его поклоном.

– Мастер Барак, надеюсь, вы в добром здравии, – произнес он со своим обычным акцентом, чуть шепелявя.

Я прекрасно сознавал, сколь диковинным созданием должен показаться Бараку мой темнолицый друг.

– Благодарю вас, мастер аптекарь, – ответил Барак, с любопытством озираясь по сторонам.

Я догадался, что никогда прежде ему не доводилось бывать в аптеке: благодаря своему отменному здоровью, он просто не имел в этом надобности.

– Вы не откажетесь выпить пива? – спросил Гай.

– Спасибо, с удовольствием, – кивнул Барак. – День сегодня выдался жаркий.

Гай вышел, чтобы принести пива, и Барак поспешно приблизился ко мне.

– Граф очень обеспокоен, – шепотом сообщил он. – Он поместил

Кайтчина в безопасное место до окончания расследования.

– Рад это слышать. – Также он сказал, что вы слишком медлите. Он недоволен тем, что вы еще только собираетесь встретиться с леди Онор. Просил напомнить вам, что до демонстрации греческого огня осталось всего десять дней и король горит желанием увидеть это зрелище.

– Я делаю все, что в моих силах. Творить чудеса я не в состоянии.

Тут вернулся Гай с двумя кружками светлого пива, и Барак поспешно отскочил от меня на несколько шагов. Я чувствовал сильную жажду и с наслаждением осушил свою кружку. Гай, вновь усевшийся за свой рабочий стол, не сводил глаз с Барака. Мне было приятно заметить, что устремленный на него изучающий взгляд моего самоуверенного помощника в смущение.

– Так какую же помощь вы рассчитываете у меня получить, господа? – прервал молчание Гай.

– Нам пришлось столкнуться с алхимиками, – пояснил я. – Мы не имеем даже отдаленного представления об особенностях их ремесла и будем благодарны, если вы просветите нас в некоторых вопросах.

Я открыл сумку и выложил на стол труды по алхимии. Затем осторожно достал из кармана бутылочку с бесцветной жидкостью и протянул ее Гаю.

– Может, вы подскажете нам, что за необычное вещество здесь находится?

Гай осторожно открыл бутылочку, потом вылил немного жидкости на палец и понюхал.

– Будьте осторожны, она жжется, как огонь, – предупредил я, когда аптекарь наклонился и попробовал жидкость на язык.

К моему изумлению, Гай рассмеялся.

– Вам не о чем волноваться, – заверил он. – Эта жидкость отнюдь не обладает какими-либо магическими свойствами. Это всего-навсего aqua vitae, хотя и доведенная путем возгонки до очень высокой концентрации.

– Живая вода? – Я недоверчиво улыбнулся. – То самое снадобье, которое получают из прокисшего вина и прописывают от покраснения глаз и меланхолии?

– Именно. Кстати, я полагаю, что на самом деле живая вода вовсе не обладает целительными свойствами и единственное ее воздействие заключается в том, что она дарит людям чувство опьянения.

Гай растер каплю жидкости между пальцами.

– Правда, говорят, если дать чашку этого снадобья лошади, она ослепнет. Где вы его достали?

– Нашли на полу в лаборатории алхимика, – ответил я. – В покинутой

лаборатории.

Гай пристально посмотрел на меня.

– Вам ни к чему знать, где мы это достали, аптекарь, – отрезал Барак. – Вы уверены, что это действительно живая вода?

Гай смерил его долгим взглядом, и я испугался, что сейчас он попросит наглеца выйти вон из аптеки. Однако старый мавр повернулся ко мне и с улыбкой заявил:

– Думаю, я не ошибся. Густота жидкости и ее жгучий вкус позволяют предположить, что концентрация очень высока. Надеюсь, я даже смогу определить, где она была получена. Но прежде всего докажем, что это и в самом деле живая вода. Поставим небольшой опыт. Очень наглядный опыт, мастер Барак. Прошу, подождите немного.

Он бережно поставил бутылочку на стол и вышел из комнаты.

– Послушайте, Барак, – сердито произнес я. – Гай – мой друг, так что дайте себе труд разговаривать с ним уважительно. Обращаясь с ним как с привратником, вы ничего не добьетесь. Только настройте его против себя.

– Его наружность не внушает мне доверия.

– Полагаю, ваша наружность тоже произвела на него не слишком благоприятное впечатление.

Тут вернулся Гай, со свечой и небольшой эмалированной тарелкой. Он закрыл ставни, затем осторожно вылил немного жидкости на тарелку и поднес к ней свечу.

Я судорожно вздохнул, а Барак подался назад, когда над тарелкой взметнулось голубое пламя, которое достигло высоты около двух дюймов.

– Вы сожжете дом! – воскликнул Барак. В ответ Гай рассмеялся.

– От такого маленького огонька не будет никакой беды. Через несколько мгновений он сам потухнет.

И правда, в следующую секунду голубое пламя пожелтело, а затем исчезло – так же быстро, как и возникло. Гай довольно улыбнулся.

– Вы видели сами. Именно такое голубое пламя должно появляться, если поджечь живую воду. Несомненно, в этой бутылке содержится вещество очень высокой концентрации. – Гай подошел к окну и распахнул ставни. – Вы видели сами: при горении этой жидкости не образуется ни копоти, ни дыма.

– Вы сказали, что можете определить, где было произведено это вещество? – напомнил Барак, на этот раз более почтительным тоном.

– Да, я уже определил это. Мы, аптекари, частенько обсуждаем новые лекарственные травы и снадобья, которые люди порой привозят из дальних странствий. Это постоянная тема разговоров между нами. Несколько

месяцев назад до нас дошли слухи о некоем диковинном грузе, который доставило в Биллингсгейт судно, совершившее плавание по Балтийскому морю и побывавшее в стране вечных снегов. Так вот, на судне в Англию прибыло несколько емкостей с бесцветной жидкостью, которую пьют жители этих стран. Но когда англичане пытались пить эту жидкость так, как они пьют пиво, им становилось очень плохо. Похоже, в этой бутылке находится именно она.

– Да, но здесь лишь малая толика. Куда делись все эти емкости, наполненные живой водой?

– Это мне не известно. Знаю лишь, что кое-кто из моих коллег отправился в Биллингсгейт за этой диковиной. Однако им сказали, что вся жидкость уже продана. Поспрашивайте в тавернах, где собираются моряки. Наверняка там вы узнаете о судьбе груза, доставленного с дальнего севера.

Я задумчиво кивнул. Плотная, тягучая жидкость, которая горит синим пламенем. Кое в чем она чрезвычайно походила на греческий огонь. Однако различий было не меньше, чем сходств. По словам Кайтчина, жидкость, обнаруженная в монастыре, была черной и обладала сильным запахом. К тому же огонь, который мы только что видели, никак не мог спалить судно. Но может быть, это вещество является лишь частью формулы и свойства его изменяются, когда оно вступает в контакт с другими составляющими?

– А как вы относитесь к алхимии, Гай? – спросил я, указывая на книги, лежавшие на столе. – В этих книгах говорится о совершенно невероятных вещах. К тому же здесь столько загадочных терминов, что я ничего не сумел разобрать.

Гай взял одну из книг и перевернул несколько страниц.

– Алхимики создали себе скверную репутацию, – задумчиво произнес он. – Возможно, более скверную, чем они заслуживают на самом деле. Им нравится окружать свое ремесло покровом тайны. Именно поэтому их книги полны туманных выражений и ссылок, которые у непосвященных вызывают лишь недоумение. Подозреваю, содержание некоторых из этих книг, особенно древних, не способен постичь никто – даже сами алхимики, – с улыбкой добавил он.

– Но на людей вся эта заумная бессмыслица производит впечатление, заставляет поверить в то, что алхимикам и в самом деле известна великая тайна, – сказал я. Брат Гай кивнул.

– Так оно и есть. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что многие доктора с их древними снадобьями, рецептуру которых они держат в строжайшем секрете, тоже не прочь напустить туману вокруг своего ремесла. Да и вы, законники, не лучше: на некоторых судебных заседаниях

вы зачем-то изъясняетесь на старом французском, непонятном простым смертным.

Это замечание заставило Барака рассмеяться.

– Что верно, то верно, – заметил он.

– Так или иначе, алхимия является естественной наукой, одной из тех, посредством которых люди постигают окружающий мир, – заявил Гай, вскинув руку. – Господь наполнил этот мир множеством загадок, и, разгадывая их, люди становятся сильнее и увереннее, обретают новые знания и возможности. Они учатся исцелять недуги, выращивать щедрые урожаи и...

– Превращать свинец в золото? – нетерпеливо подсказал я. – Поджигать воду?

– И это тоже. Я уже сказал, основная цель алхимии, так же как астрологии и медицины, – это познание бесчисленных тайн природы. Эти науки стремятся узнать, как звезды воздействуют на судьбы людей, какие травы способны исцелять, а какие – убивать.

– Да, и облеченные знаниями мужи важно заявляют, что рог носорога способствует приливу мужской силы, ибо походит на соответствующий орган, – с усмешкой добавил я. – По моему скромному разумению, Гай, подобное выискивание тайных знаков и совпадений сильно отдает обыкновенным надувательством.

– Да, как и в любой науке, в алхимии не обходится без мошенничества. Так тоже бывает. Я согласен, алхимики так много говорят об открытой ими великой тайне лишь для того, чтобы защитить свое ремесло от всяких посягательств.

– Значит, вы разделяете общее мнение и тоже относитесь к ремеслу алхимиков с недоверием?

– Да, но при этом я не отрицаю, что им удалось многого достигнуть. Разумеется, я говорю сейчас не о жуликах, утверждающих, что они открыли философский камень, способный превращать железо в золото. Но есть среди алхимиков и настоящие подвижники, которые все свое время отдают опытам, наблюдают, как вещества вступают во взаимодействие друг с другом и как они при этом изменяются. Они стремятся узнать, каким образом из четырех основных элементов – земли, воздуха, огня и воды – был создан окружающий нас мир. С помощью многочисленных наблюдений и опытов они выяснили, что путем возгонки одно вещество можно превратить в другое: например, вино становится живой водой.

– Все, что нас окружает, произошло из четырех основных элементов: земли, воздуха, огня и воды, – подхватил я. – Таким образом, всякое новое

вещество, вроде этой странной жидкости, может быть разложено на составляющие.

– В этом мире нет ничего нового, – с улыбкой изрек брат Гай. – По крайней мере, новых элементов в нем точно не появляется. Но истинный алхимик путем проб и ошибок может, к примеру, выяснить, каким образом следует расплавлять в печах руду, дабы производить более прочное железо, как это сейчас делают в Уилде.

– Или как использовать сплав олова со свинцом, – добавил я, вспомнив рассказ мистрис Гриввуд о неудавшихся опытах Сепултуса.

– Да, или это, – кивнул головой Гай. – Короче говоря, изучая взаимодействие элементов, алхимики способны сделать весьма значительные открытия. Я принадлежу к числу сторонников мнения, согласно которому мы должны познать тайны созданного Господом мира путем длительных наблюдений, а не благодаря мистическим заклинаниям, найденным в древних книгах. Правда, порой наблюдения над природой приводят к довольно неожиданным заключениям. Вспомним хотя бы того чудака из Германии, который провозгласил, что Земля вращается вокруг Солнца.

– Да, порой ученые несут такую чушь, что остается только руками развести, – с улыбкой заметил я.

Тут смутная мысль шевельнулась в моем сознании.

– Гай, вы говорили о плавильных печах. Это напомнило мне, что именно в печах производятся металлы. Алхимикам не обойтись без печей, и, значит, они часто имеют дело с литейщиками.

– Разумеется, – согласился Гай. – Для того чтобы приготовить отвары из трав, достаточно очага или даже спиртовки, но для получения сплава металлов нужна плавильная печь.

Он пристально взглянул на меня, потом на Барака и слегка нахмурился.

– Цель нашего разговора не вполне ясна мне, Мэтью. Какое отношение все это имеет к делу, которым вы занимаетесь?

– Пока я сам не знаю, – ответил я, тоже сдвинув брови. – Скажите, а для того, чтобы сделать большой металлический бак с насосом и трубками, тоже необходима плавильная печь?

– А как же иначе. Насколько мне известно, алхимики часто договариваются с литейщиками из Лотбири, и те помогают им. Разумеется, они стараются найти среди литейщиков надежных людей, которым могут доверить свои тайны.

– Гай, – в волнении произнес я, – вы помните того молодого литейщика, которого я встретил на прошлой неделе? Возможно, ему известно, кто из

его братьев по ремеслу сотрудничал с алхимиками? Возможно, он даже знает, кто из них выполнял заказ для городского водопровода и, следовательно, выплавлял трубы и вентили?

– Не исключено, – ответил Гай после недолгого раздумья. – Скорее всего, литейщикам не так часто приходится делать трубы. Но, Мэтью, если это дело связано с опасностью, я вовсе не хочу, чтобы вы втягивали в него того юношу.

– Если лорд Кромвель прикажет, литейщик даст все необходимые показания, – подал голос Барак.

Гай повернулся к нему.

– Лорд Кромвель может приказать все, что угодно, – с невозмутимым видом отчеканил он.

– Вы правы, мой испанский друг, – сверкнул глазами Барак.

– Сделайте милость, Барак, придержите язык, – сердито оборвал его я. – Я все прекрасно понимаю, Гай. Попытаюсь обратиться к документам Городского совета. Может, удастся узнать, кому именно было поручено производство водопроводных труб.

– Да, думаю, это будет наилучшим выходом, – кивнул Гай. – К вашему сведению, сэр, я вовсе не испанец, – добавил он, повернувшись к Бараку. – Я родился в Гранаде, стране, которую Испания завоевала пятьдесят лет назад. Родители мои были мусульманами, и Фердинанд и Изабелла изгнали их из Испании. Точно так же они поступили с евреями, к которым, судя по вашему имени, вы имеете некоторое отношение.

– Я англичанин, аптекарь, – вспыхнув, процедил Барак.

– Тем лучше для вас, – вскинув бровь, проронил Гай. – Благодарю за то, что отнеслись к моим словам с пониманием, Мэтью. Надеюсь, ваше расследование завершится удачей.

Он пожал мне руку, не сводя с моего лица изучающего взгляда.

– Вижу, глаза у вас горят, Мэтью, горят в предчувствии успеха. Кстати, вы бы не могли оставить мне эти книги? Было бы любопытно познакомиться с ними. – Разумеется, я оставлю их вам.

– Если вам понадобятся еще какие-нибудь сведения – я всегда к вашим услугам, – произнес Гай и добавил, устремив на Барака ледяной взгляд: – По крайней мере, до тех пор, пока иностранцам дозволено оставаться в этой стране.

Едва выйдя из аптеки, я набросился на Барака.

– Вы держались молодцом, – злобно процедил я. – Ваша любезность и обходительность немало способствуют успеху нашего расследования.

– Этот старый мавр дерзок до невозможности, – пожал плечами Джек. –

К тому же, клянусь муками Господа нашего, он страшен, как смертный грех.

– А вы по праву заслуживаете звания олуха, которым столь часто награждаете всех прочих, – заявил я.

Барак только ухмыльнулся.

– Так как по вашей вине нам не приходится рассчитывать на помощь Гая в поисках литейщика, отправляйтесь в Городской совет и расспросите хорошенько обо всех литейщиках, делавших трубы водопровода, – распорядился я. – А я поеду на Вулф-лейн, задам еще несколько вопросов мистрис Гриввуд. Если Майкл и Сепултус были связаны с литейщиками, ей непременно об этом известно.

– А я думал, мы вместе отправимся в Саутуорк, на поиски подружки Майкла.

– Через полтора часа встретимся у ворот Стил-Ярда^[6], – отрезал я. – Кто знает, может, в ваше отсутствие я сумею провести время с большей пользой.

Я вытер пот со лба, ибо день выдался невыносимо жаркий. Барак мешкал, как видно, борясь с желанием вступить со мной в спор. Я был так раздосадован, что с нетерпением ждал возражений, которые дали бы мне право обрушиться на него с новой силой. Но он счел за благо смолчать и, вскочив на свою гнедую кобылу, поскакал прочь.

По мере того как я продвигался по узким улочкам Куинхита, досада моя улетучивалась. Я постоянно озирался по сторонам, стараясь избежать возможного нападения. Улицы были пустынные, люди, спасаясь от жары, предпочитали не выходить из домов. Я почувствовал, что солнечные лучи жгут мне щеки, и пониже надвинул шляпу. Крыса, неожиданно выскочившая из дверей лавки и метнувшаяся через улицу, заставила меня вздрогнуть и натянуть поводья.

В доме Гриввудов, похоже, все было спокойно: облупившаяся и потрескавшаяся входная дверь находилась на своем месте. Я постучал, и звук эхом отдался внутри. Мне открыла сама Джейн Гриввуд. На ней были прежнее серое платье и белый чепец, однако выглядела она опустившейся и неопрятной: на платье я заметил жирные пятна. Она смерила меня усталым взглядом.

– Снова вы?

– Да, сударыня. Вы позволите мне войти? Она пожала плечами и пропустила меня в дом.

– Эта глупая девчонка Сьюзен уволилась, – сообщила она.

– А где охранник?

– В кухне, пьет пиво и портит воздух.

Через холл, увешанный выцветшими от времени гобеленами, мы прошли в скудно обставленную гостиную, где мистрис Гриввуд остановилась, устремив на меня выжидающий взгляд.

– Вам уже удалось вступить во владение домом? – осведомился я.

– Да, теперь он принадлежит мне. Я виделась с поверенным, к которому меня направил барристер Марчмаунт. – Вдова горько усмехнулась. – Что ж, хотя бы крыша над головой есть. Чтобы заработать на кусок хлеба, придется пускать жильцов. Можно представить, какие отребья согласятся жить в этой заплесневелой дыре. Вы знаете, все мои деньги были у него.

– У кого?

– У Майкла, у кого же еще. Когда мы поженились, отец, который только и мечтал, как бы сбыть меня с рук, дал за мной хорошее приданое. А Майкл быстро спустил все деньги и оставил меня ни с чем. Он не удосужился даже привезти из монастырей приличную мебель, притащил только эти уродливые старые гобелены. Вы уже видели шлюху, к которой он таскался? – неожиданно спросила вдова.

– Пока нет. Но я хотел бы кое о чем узнать у вас, сударыня. Я полагаю, во время своих последних опытов Сепултус обращался за помощью к какому-нибудь литейщику.

Испуганное выражение, мелькнувшее на лице вдовы, доказывало, что я попал в точку.

– Я уже говорила, что его идиотские опыты не вызывали у меня ни малейшего интереса, – сердито возвысив голос, заявила она. – Я лишь опасалась, что он взорвет дом. К чему все эти бесконечные расспросы? Не лучше ли вам оставить бедную вдову в покое?

– Вы что-то скрываете, сударыня, – угрожающим тоном произнес я. – И я должен выяснить, что именно.

Но слова мои, казалось, не достигли ее слуха. Вдова Гриввуд напряженно прислушивалась к каким-то звукам, доносившимся из сада.

– Это опять он, – дрожащим голосом прошептала она.

Я повернулся и увидел, что садовая калитка открыта и там стоит какой-то человек. С ужасом я стал вглядываться в его лицо, ожидая увидеть следы оспы, но это оказался коренастый, темноволосый молодой парень, ничуть не походивший на нашего недавнего преследователя. Заметив, что мы на него смотрим, он бросился наутек. Я кинулся вслед, но потом остановился. Даже если бы мне удалось догнать его, что с того? Несомненно, он намного сильнее и с легкостью справился бы со мной. Я вернулся к вдове Гриввуд. Сидя за столом, она плакала так, что все ее тело сотрясалось. Я дал ей

время успокоиться, а потом осведомился довольно суровым тоном:

– Вы знаете этого человека, сударыня? Она подняла залитое слезами лицо.

– Нет! Нет! Я понятия не имею, кто это такой. Почему вы все время пытаетесь уличить меня во лжи? Просто вчера я заметила, что этот парень наблюдает за домом. Он проторчал на улице весь день, не сводя с дома глаз, и я едва с ума не сошла от страха. Наверняка он один из тех, кто убил Майкла, так ведь?

– Это мне не известно, сударыня. Но вы должны были сказать охраннику, что какой-то человек наблюдает за домом.

– Все эти наказания посланы за мой великий грех, – прошептала она, пропустив мои слова мимо ушей. – Господь лишил меня своих милостей.

– О каком грехе вы говорите? – резко спросил я. Вдова глубоко вздохнула и посмотрела мне прямо в глаза.

– В молодости, мастер Шардлейк, я была очень миловидной девушкой, – произнесла она. – Но под привлекательным обличем таились самые грязные похоти. Когда мне было пятнадцать, я стала таскаться к одному подмастерью.

Я уже забыл, какой у этой особы грубый язык, и теперь невольно поморщился.

– И нагуляла ребенка, – продолжала она.

– Вот как.

– Мне пришлось отдать его в приют и вынести строгое покаяние. Священник заставил меня признаться в своем грехе в церкви, перед всей паствой. Воскресенье за воскресеньем я должна была во всеуслышанье твердить, что раскаиваюсь в своем разврате. И старая, и новая религия одинаково суровы к тем, кто не смог устоять перед искушениями плоти, – вздохнула она.

– Я вам очень сочувствую.

– Сами понимаете, никто не хотел связываться с девушкой, запятнавшей себя грехом. Лишь когда мне перевалило за тридцать, нашелся наконец охотник взять меня замуж. То есть, по правде сказать, его нашел мой отец. Отец был хорошим плотником, и как-то раз Майкл дал ему дельный совет относительно того, как получить невыплаченный долг. По части невыплаченных долгов Майкл был большой знаток – у него самого их было множество, так как он вложил все свои сбережения в какую-то идиотскую авантюру. Если бы не мое приданое, сидеть бы ему в долговой тюрьме. – Вдова вновь испустила глубокий вздох. – С тех пор прошло немало лет. Но Господь не забывает о наших прегрешениях. И за все наши проступки нас

неминуемо ожидает кара.

Вдова сжала в кулаки свои маленькие, загрубевшие от работы руки.

– Мы говорили о литейщике, – напомнил я. Несколько секунд мистрис Гриввуд сидела молча, не разжимая кулаков. Когда она заговорила вновь, в голосе ее послышалась какая-то отчаянная решимость.

– Сына, которого я нагуляла, меня заставили отдать в приют при монастыре Святой Елены. Монахини и близко не подпускали меня к ребенку, но я подкупила одну из монастырских работниц, и она передавала мне новости о сыне. Когда мальчику исполнилось четырнадцать, монахини отдали его в учение.

– К литейщику?

– Да, – кивнула она. – После того как мой сын освободился от опеки монахинь, я смогла наконец с ним видаться. Я навещала его каждую неделю, – сообщила она, и на губах ее неожиданно мелькнула нежная улыбка.

– А потом у вас поселился Сепултус и стал искать литейщика, который помог бы ему в работе? – подсказал я.

– Да. Я не рассказывала вам об этом прежде, потому что не хотела втягивать Дэвида в это жуткое дело.

– Сударыня, если причастность вашего сына к этому делу выйдет наружу – ему угрожает серьезная опасность. Но меня ему бояться нечего. Разумеется, в том случае, если он всего лишь честно выполнял свою работу.

Вдова подскочила на месте.

– Опасность? Дэвид в опасности?

– Не скрою, это так, – кивнул я. – Но если вы скажете мне, где ваш сын сейчас, лорд Кромвель возьмет его под свою защиту – так же, как и вас.

– Мальчика зовут Дэвид Харпер, – быстро произнесла вдова. – Харпер – это моя девичья фамилия. Он служит подмастерьем у опытного литейщика, Питера Лейтона из Лотбири. Это с Лейтоном работал Сепултус.

– Мастер Лейтон выполнял заказ для городского водопровода?

Вдова удивленно взглянула на меня.

– Откуда вы знаете?

– Догадался.

Мистрис Гриввуд поднялась со стула.

– Я немедленно отправляюсь к Дэвиду. Надо его предупредить. Если я не подготовлю его к разговору с вами, он ничего не скажет. Ведь дело касается его хозяина, а литейщики привыкли стоять друг за друга.

– Хорошо. Предупредите сына, что я должен поговорить с ним и с этим

человеком, Лейтоном.

– В случае чего могу я послать вам записку?

Я кивнул и написал свой адрес на клочке бумаги.

– Вы ведь поможете нам, сэр? – спросила вдова дрожащим голосом.

Вся ее грубость исчезла бесследно, теперь передо мной была лишь встревоженная мать.

– Обещаю сделать все, что от меня зависит. А сейчас я поговорю с охранником, еще раз напомню ему, что он должен постоянно быть начеку. Возьмите его с собой, когда пойдете в Лотбири. Как следует закройте все двери. И закройте ставни на окнах, – добавил я, вспомнив про арбалет.

– Но сегодня так жарко...

– Это необходимо для вашей безопасности, – заявил я и направился к двери.

Выходя из дома, я думал о том, что видел обоих злоумышленников: рябого и этого здорового парня.

ГЛАВА 17

Я с облегчением приблизился к реке. Прилив на время унес прочь вонючий ил, и от воды тянуло желанной свежестью. Не заметив нигде Барака, я оставил лошадь в маленькой таверне и прошелся по берегу, разглядывая громадный склад, принадлежавший одному из купцов Ганзейского союза. Возможно, именно на этого купца работал Билкнэп. Привилегия торговать с балтийскими портами, издавна принадлежавшая немецким купцам, в последнее время упорно оспаривалась купцами английскими. Кто-то из них совершил морское путешествие в дальнюю северную страну и привез оттуда жгучий напиток, непривычный для английских глоток. Благодаря своим связям с купцами Билкнэп наверняка знал об этом необычном грузе. Может быть, именно он способствовал тому, что огненная вода попала к Гриввудам.

Я поправил кожаный ремешок сумки, висевшей у меня на плече. На реке было полно лодок, причем перевозили они отнюдь не только путешественников, которым требовалось попасть в Саутуорк или в какой-нибудь другой город вверх или вниз по течению Темзы. В этот томительно жаркий день многие состоятельные люди наслаждались прохладой и свежестью, совершая прогулку по реке. Разноцветные паруса проносились туда-сюда. Я с любопытством провожал их глазами, размышляя, не находится ли в одной из этих лодок леди Онор со своими слугами.

Кто-то тронул меня за плечо; обернувшись, я увидел Барака.

– Удалось узнать что-нибудь в Городском совете? – кратко осведомился я, ибо все еще был сердит на своего помощника за его бесцеремонное обращение с Гаем.

– Да, я привез список всех литейщиков, которые выполняли заказы для городского водопровода.

Вид у Барака был несколько смущенный; возможно, решил я, он начинает сознавать, что грубые и надменные манеры отнюдь не способствуют успеху проводимого нами расследования.

– Я тоже не терял времени даром, – сообщил я. – Мистрис Гриввуд сообщила мне нечто весьма важное.

И я вкратце передал Бараку разговор с вдовой. Потом пробежал глазами принесенный им список и удовлетворенно кивнул. Имя Питера Лейтона значилось в нем первым.

– Что ж, этот список нам очень кстати. Он подтверждает, что мы на

верном пути.

– Я заехал также к себе домой, на Олд-Бардж, – сказал Барак. – Спросил, не приходило ли каких-нибудь писем. Мне передали записку от клерка лорда Кромвеля. Он просмотрел таможенные документы и выяснил, что Билкнэп ведет дела ганзейских и французских купцов: главным образом помогает им преодолеть все таможенные формальности.

– Хотел бы я знать, сколько он при этом загребает.

– Связь с французами чревата весьма серьезными последствиями, – заявил Барак, пристально глядя на меня. – Представьте только, что будет, если в Темзу войдут французские военные корабли.

– Зачем воображать подобные ужасы?

– Кстати, я вспомнил, где прежде видел Билкнэпа.

– И где же? – спросил я, с интересом взглянув на своего помощника.

– Помните, я рассказывал вам, что после смерти отца моя мать вышла замуж за судейского? Так вот, мой отчим был знаком со стариной Билкнэпом. Тот несколько раз приходил к нам в дом. По всей вероятности, он использовал отчима в качестве лжесвидетеля. Помню, как-то раз разговор шел о том, что отчим должен дать ложные показания. Заявить, что хорошо знает одного мошенника, и поручиться за него.

– Вы это точно помните? – спросил я, устремив на Барака испытующий взгляд. – Сможете в случае чего дать на суде показания под присягой?

– Разумеется, я помню точно. Я еще слишком молод, чтобы жаловаться на память.

– А сколько лет вам было тогда?

– Думаю, лет десять.

Я задумчиво потер подбородок.

– В таком случае суд может отказаться принимать во внимание ваше свидетельство. Скажите, Барак, вы по-прежнему поддерживаете связь с вашей матерью и отчимом?

– Нет, – он покраснел и сердито сжал губы, – Я не видел их уже несколько лет.

Уголки его большого рта, всегда насмешливо поднятые вверх, теперь печально опустились.

– Но в любом случае ваш рассказ дает нам важную улику против Билкнэпа. Рад, что вы отличаетесь столь отменной памятью, Джек. И вообще, сегодня вы неплохо потрудились.

Я внимательно наблюдал, как Барак отреагирует на снисходительную похвалу, более уместную в устах хозяина, разговаривающего с наемным работником. Но мой самоуверенный напарник не выказал никаких

признаков недовольства и лишь кивнул в ответ. Я решил продолжать в том же духе.

– Я уже говорил вам о том, что сегодня утром посетил семейство Уэнтвортов?

– Да.

– Скажите, вы способны открыть замок без помощи ключа?

– Смотря какой замок, – ухмыльнулся Барак, недоуменно вскинув бровь.

– Я думаю, с этим замком вы справитесь без особых затруднений, – заверил я и рассказал ему о разговоре, который произошел сегодня утром в доме сэра Эдвина. Барак присвистнул, когда я упомянул о скверном запахе, идущем из колодца.

– Так вот, я думаю, нам с вами стоит ночью пробраться в сад и сбить замок с колодца. А потом было бы неплохо, если бы вы спустились вниз и посмотрели, что к чему. Вам понадобится веревочная лестница.

– Клянусь смертью Господа нашего, подобное поручение никак не отнесешь к числу легких, – с нарочитым смехом заметил Барак.

– Полагаю, оно ничуть не более трудное, чем то, что дал мне граф. Ну что, согласны? Вы ведь помните о нашем уговоре? Помните, что обещали помочь мне в расследовании дела Уэнтвортов?

– Так и быть, я попытаюсь разобраться с этим проклятым колодцем. К тому же я чувствую себя виноватым перед вами. Кажется, я едва не поссорил вас с другом.

Я понял, что в устах Барака подобные слова почти равнозначны извинению.

– Ничего, Гай слишком умен, чтобы придавать значение подобным выпадам, – кивнул я.

Как раз в этот момент лодка с тентом остановилась у причала, высадив двух хорошо одетых фламандских купцов. Мы с Баракком заняли их места, и лодочник направился к противоположному берегу. Передвигаться по гладкой темной воде, дышавшей свежестью и прохладой, было истинным наслаждением. У берега на воде качались несколько величавых лебедей, над нашими головами с криком носились чайки. С нарядных парусников, сновавших вокруг, то и дело доносились взрывы смеха.

– Завтра вы будете выступать в суде против Билкнэпа? – осведомился Барак.

– Не напоминайте мне об этом. Боюсь, для того, чтобы как следует подготовиться, мне придется не спать всю ночь. Но наконец у нас появится возможность задать Билкнэпу несколько неллицеприятных вопросов.

– Скажите, а в чем состоят привилегии барристеров высшего ранга, подобных Марчмаунту?

– Только барристеры высшего ранга имеют право выступать в Палате гражданских исков. Их не так много, и назначают их судьи. А сами судьи обычно выходят из барристеров.

– Я вижу, вы неплохо разбираетесь в этом вопросе. Хотя сами до сих пор не барристер.

Я пожал плечами.

– Подобные назначения, как правило, решаются путем бесконечных интриг и протекций, а я до всего этого не охотник.

Тут резкий звук барабана заставил меня вздрогнуть. Лодки, плывущие по середине реки, врассыпную бросились прочь, уступая дорогу барке под роскошным балдахинном. Множество гребцов в королевских ливреях проворно орудовало веслами под неумолчные раскаты барабана. Наша маленькая лодочка раскачивалась на волнах, поднятых королевской баркой; подобно всем прочим, мы сняли шляпы и склонили головы. Балдахин и плотно задернутые занавески не позволяли рассмотреть короля. Я подумал, что, возможно, сейчас рядом с королем находится Кромвель или Кэтрин Говард. Барка направилась вверх по реке, к Уайтхоллу.

– Говорят, если на трон взойдет новая королева, в церквях опять начнут молиться по-старому, – заметил лодочник.

– Может быть, – проронил я с непроницаемым видом.

– Все эти перемены только в тягость простым людям, – изрек лодочник и вновь налег на весла.

Мы высадились на саутуоркском берегу и направились вверх по ступеням спуска. Громада Винчестерского дворца маячила у нас перед глазами. Я на минуту остановился, чтобы перевести дыхание, и окинул взором величественное здание, построенное в норманнском стиле. Застекленное окно-розетка невероятных размеров сверкало в лучах яркого солнца. Епископу Винчестерскому принадлежала большая часть Саутуорка, включая и публичные дома. Дворец являлся лондонской резиденцией епископа, и ходили слухи, что этой весной король частенько обедал там в обществе Кэтрин Говард. Я вздохнул, размышляя о том, какие заговоры против Кромвеля плелись в этих стенах.

Барак резко свернул и направился к кварталам бедных домов, тянувшимся на восток. Я следовал за ним.

– Когда-нибудь прежде вам доводилось бывать в Саутуорке? – осведомился он.

– Нет.

И в самом деле, я множество раз проезжал по дороге, ведущей в Сюррей, но никогда не углублялся в эти узкие улицы, служившие прибежищем вора́м и шлюхам. Судя по тому, как уверенно шагал мой напарник, он чувствовал себя здесь как рыба в воде. Барак наградил меня язвительной ухмылкой.

– А в публичных домах вам доводилось бывать?

– Да, – кратко ответил я. – Только рангом повыше.

– А, из тех, где есть свой сад со множеством укромных уголков.

– Когда я был студентом, мне приходилось довольствоваться обществом шлюх.

– Саутуоркские гусыни мигом превратятся в кротких пташек, стоит им догадаться, что они имеют дело с законником, – предупредил Барак. – Так что нам ни словом, ни намеком нельзя дать понять, что нас привело сюда отнюдь не желание потешить свою плоть. Иначе вы и моргнуть не успеете, как все девки разбегутся прочь. Поверьте, здесь вам лучше выполнять мои указания, – заявил он, сопроводив свои слова серьезным взглядом.

– Хорошо, будь по-вашему. Распоряжайтесь.

– Тогда снимите мантию, а то она отпугнет здешних обитательниц. Сделаем вид, что мы обычные посетители, которые переправились через реку, чтобы немного развлечься. Я выдам себя за вашего слугу. Хозяйка, как водится, пригласит нас выпить в обществе девочек. Если она предложит какие-нибудь кушанья, не отказывайтесь, какой бы высокой ни показалась вам цена. Публичные дома, где шлюхи дешевы, делают деньги главным образом на вине и закусках.

Я послушно снял мантию и запихал ее в сумку. Откровенно говоря, избавиться от нее было для меня большим облегчением.

– После того как мы выпьем и закусим, я попрошу пригласить Бэтшебу Грин, скажу, нам ее рекомендовали с наилучшей стороны. А потом вы подниметесь в ее комнату, останетесь с ней наедине и как следует ее расспросите. Только смотрите, не слишком увлекайтесь. Эти публичные дома – настоящие рассадники французской болезни. Так что будет лучше, если ваше общение с этой особой ограничится разговорами. – А почему вы так уверены, что Бэтшеба Грин сейчас работает?

– Я приплачиваю нескольким уличным мальчишкам за то, что они следят за подобными заведениями. Благодаря этому удастся узнать немало любопытного, – сообщил Барак, понизив голос. – Например, некий государственный муж, клерикал, известный своим благочестием, частенько посещает один из особенных публичных домов – тех, где гостям предлагают мальчиков. Сами понимаете, для милорда подобные сведения

просто бесценны.

– Мне известно, что в борьбе с врагами он использует любые средства, – покачал я головой.

– Иначе он не поднялся бы так высоко, – ухмыльнулся Барак. – Так вот, мои осведомители выяснили, в какие часы работает Бэтшеба. Сегодня она непременно будет здесь.

Мы оказались в квартале маленьких деревянных домов. На немощных тротуарах красовались вонючие мусорные кучи, в которых копошились свиньи и тощие собаки. Запах сырмятной кожи, долетавший из Саутуоркских дубилен, тоже отнюдь не освежал раскаленный воздух. В соответствии с установленными в Саутуорке правилами публичный дом был выкрашен в белый цвет и сразу выделялся на фоне прочих строений, темных и обшарпанных. К тому же каждому из подобных заведений предписывалось иметь над входной дверью особый знак, указывающий, что тут свил себе гнездо порок. Обычно подобными эмблемами служили обнаженные фигуры Адама или Евы, изображение кровати или ночной рубашки. Над дверями интересовавшего нас невзрачного облупившегося дома была нарисована епископская шляпа. Сквозь плотно закрытые ставнями окна до нас долетали громовые раскаты мужского смеха. Разогнав кур, мирно копошившихся в грязи у самых дверей, Барак уверенно постучал.

Дверь открыла женщина средних лет, дородная и приземистая. Ее грубое квадратное лицо обрамляли огненно-красные кудри, а на одной из жирных щек из-под слоя белил проглядывала татуировка в виде буквы «П» – именно так клеймили проституток в Лондоне. Она бросила на нас подозрительный взгляд.

– Добрый день, сударыня, – расплылся в улыбке Барак. – Мы с хозяином переправились через реку, рассчитывая немного отдохнуть в уютном и спокойном заведении.

Хозяйка борделя окинула меня глазами и кивнула.

– Заходите.

В темной комнате, куда она провела нас, было даже жарче, чем на улице. В углу горели какие-то благовония, но их приторный сладковатый аромат не мог заглушить пропитавшего воздух запаха немых тел и дешевых сальных свечей. У стола, освещенного свечами, сидели двое мужчин, судя по виду – мелкие лавочники. Один, круглолицый и упитанный, несомненно, пребывал в отличном настроении. Другой, тощий и хмурый, похоже, ощущал себя не в своей тарелке. Завидев нас, оба кивнули в знак приветствия. На столе я заметил блюдо с яблочным

пирогом, перед гостями стояли тарелки с едой. Рядом с каждым из них сидела проститутка. К толстяку прижималась грудастая пышнотелая особа, к его тощему товарищу – девчонка лет шестнадцати с беспокойно бегающими глазами. Вырезы у обеих женщин были настолько глубокие, что груди буквально вываливались наружу. На мой вкус, вид у шлюх был скорее отталкивающий, чем возбуждающий желание.

Хозяйка указала на буфет, около которого стоял худосочный юнец в засаленной куртке, державший в руках кувшин с пивом.

– Надеюсь, господа, вы не откажетесь выпить и закусить вместе с нами?

– Не откажемся.

Она кивнула юнцу, тот налил две кружки пива и поставил их на стол. Пышнотелая шлюха прошептала на ухо своему клиенту нечто до того забавное, что тот разразился оглушительным хохотом.

– Каждая кружка пива будет стоить вам два пенса, господа, – сообщила хозяйка.

Я беспрекословно полез в карман за деньгами. Хозяйка внимательно рассмотрела каждую монету, потом спрятала деньги в кошелек, висевший у нее на поясе, и наградила нас улыбкой, обнажившей гнилые зубы.

– Чувствуйте себя как дома, господа. А я пойду, позову еще двух девушек, чтобы они составили вам компанию.

– Хватит только одной, для моего хозяина, – заявил Барак. – Он человек робкий, застенчивый. И девушка ему нужна обходительная и ласковая. Мы слышали, здесь у вас служит одна славная особа по имени Шеба или Бэтшеба.

Глаза хозяйки подозрительно сузились.

– От кого вы это слышали?

– От одного из ваших клиентов, – подал голос я.

– А как его имя?

– Вот уж не помню. Мы с ним разговорились на званом обеде, – сообщил я, растянув губы в улыбке. – Я сказал, что предпочитаю скромных и воспитанных девушек, без всяких там наглых выходок. Он утверждал, что ваша Бэтшеба как раз такая. Если она не обманет моих ожиданий, я хорошо заплачу.

– Понятно, – проронила хозяйка и скрылась в одной из дверей.

– Погляди, а мне-то какая лапочка досталась, – похвастался толстый лавочник. – Круглая и сладкая, как наливное яблочко. Думаю, ты хорошо меня приласкаешь, Мэри?

В ответ женщина подмигнула, обняла толстяка за шею и расхохоталась. При этом ее огромные, покрытые синими прожилками груди подскакивали,

как мячики.

Тут из дальних комнат раздался голос хозяйки:

– Дэниел, подойди-ка сюда.

Юнец торопливо выскочил из комнаты. До меня донесся приглушенный шепот. Минуту спустя хозяйка возвратилась. На ее ярко накрашенных губах вновь играла фальшивая улыбка.

– Бэтшеба ожидает вас в своей комнате, сэр. Вы можете взять с собой что-нибудь выпить.

– Спасибо, я уже выпил достаточно, – ответил я и торопливо поднялся, стараясь придать своему лицу похотливое выражение.

– О, я вижу, приятель, вы не намерены тратить времени даром, – изрек толстый лавочник и вновь разразился смехом.

Мадам провела меня по темному коридору, в который выходило несколько плотно закрытых дверей. Неровные половицы скрипели под ее тяжелой поступью. Осознав, что я остался совершенно один в этом притоне, я внезапно ощутил приступ страха. Одна из дверей приоткрылась, и я невольно вздрогнул; но то была лишь увядшая шлюха, которая окинула нас равнодушным взглядом и вновь захлопнула дверь. Мадам тем временем подошла к другой двери и постучала.

– Бэтшеба ждет вас здесь, – сообщила она, вновь обнажив зубы в отвратительной улыбке.

Слегка подтолкнув меня, мадам закрыла за мной дверь и, судя по тому, что я не услышал ее грузного топота, осталась подслушивать у замочной скважины.

Тесная комната была обставлена более чем скудно. Вся мебель состояла из широченной кровати и старого облупившегося сундука. Окна были приоткрыты, однако в спертom воздухе стоял крепкий запах пота. Девушка лежала на кровати. Сам не знаю почему, я ожидал, что Бэтшеба окажется очень миловидной, однако ожидания мои не оправдались. Несмотря на молодость, черты ее смуглого лица успели огрубеть и расплыться. Лицо это показалось мне смутно знакомым, хотя я никак не мог вспомнить, где именно встречал девушку. Бэтшеба не дала себе ни малейшего труда прихорошиться. В отличие от своих товарок, она не пользовалась ни белилами, ни помадой. Поношенное ее платье покрывали пятна, невымытые темные волосы в беспорядке рассыпались по подушке. Единственным украшением служили огромные умные карие глаза, которые смотрели на меня без всякой приветливости, скорее с затаенным страхом. На одной из щек темнел синяк, на другой я разглядел глубокий порез, уже наполовину затянувшийся.

– Привет, Бэтшеба, – негромко произнес я. – Мне сказали, что ты способна хорошенько приласкать мужчину.

– Кто вам это сказал, сэр? – осведомилась она дрожащим от робости голосом.

– Один мой знакомый.

– У меня был только один клиент, с которым вы могли бы водить знакомство, – произнесла она. – И он умер.

К своему немалому удивлению, я заметил, что на глазах ее выступили слезы. Судя по всему, чувство, которое к ней питал Майкл Гриввуд, не осталось безответным. Бэтшеба по-прежнему не сводила с меня настороженных, испуганных глаз.

«Любопытно, – подумал я, – почему все здешние обитательницы так быстро раскусили нашу хитрость и сразу что-то заподозрили?»

Я вперил взгляд в испуганное лицо девушки, затем скинул с плеча сумку и осторожно опустился на кровать.

– Клянусь, я не причиню тебе никакого вреда, – произнес я самым что ни на есть доброжелательным тоном. – Но мне надо с тобой поговорить, Бэтшеба. Я представитель закона и расследую смерть мастера Гриввуда.

– Мне ничего не известно о том, как он умер, – поспешно ответила девушка.

– Я знаю, что ты не причастна к его смерти, – заверил я. – Но я хочу, чтобы ты рассказала мне, какие разговоры вы вели с мастером Гриввудом. Он упоминал о своих делах?

Заметив обеспокоенный взгляд, который Бэтшеба метнула на дверь, я понизил голос.

– Если ты будешь со мной откровенна, внакладе не останешься, – пообещал я. – Ведь вы с мастером Гриввудом были очень привязаны друг к другу, правда?

– Правда. – На лице девушки мелькнуло вызывающее выражение. – Нам обоим не хватало тепла и участия, и мы дарили его друг другу. Мадам Неллер не любит, когда мы сближаемся с клиентами. Но, так или иначе, со мной это произошло.

– Как вы познакомились? – спросил я, довольный тем, что мне так быстро удалось вызвать девушку на откровенность.

– Всякому понятно, как. Однажды он пришел сюда с несколькими клерками из Палаты перераспределения. Они устроили пирушку в одном из кабаков неподалеку, а продолжить решили у нас. Майкл мне сразу понравился. Он был веселый, шутил так, что я со смеху каталась. Через несколько дней он пришел опять, уже один. Они с женой не очень-то

ладили. С ней ему было не до смеху. Так он сам говорил.

– Это верно. Нрав у мистрис Гривстуд, мягко говоря, не слишком веселый.

– Но о своих делах Майкл мне ничего не рассказывал.

Девушка вновь взглянула на дверь и потерла багровый синяк на скуле. «Очень может быть, этим украшением наградила ее мадам Неллер», – пронеслось у меня в голове.

– Скажи, Бэтшеба, а он не упоминал о неких старинных бумагах? – осторожно осведомился я. – Не рассказывал, что помогает в опытах своему брату-алхимику?

– Я ничего не знаю, – дрожащим голосом заявила девушка. – Я уже им говорила...

– Кому это – им? – быстро спросил я.

– Тем, кто поставил мне вот это, – прошептала Бэтшеба, указав на свой синяк.

В коридоре раздались тяжелые шаги. Я расслышал, как кто-то шепчется с мадам; затем дверь рывком распахнулась, и я невольно подался назад. В комнату ввалилось двое мужчин. Один из них, громадный, совершенно лысый детина, держал в руках дубинку; другой, коренастый и приземистый молодой парень, лицом так походил на Бэтшебу, что, без сомнения, приходился ей братом. Я с первого взгляда узнал в нем незнакомца, которого видел во дворе Гривстудов. В руке он сжимал длинный кинжал, который секунду спустя оказался приставленным к моему горлу. Прежде чем лысый детина захлопнул дверь, я успел разглядеть испуганное лицо мадам, маячившей в коридоре.

– Он не причинил тебе вреда, Шеба? – спросил молодой парень, не сводя с моего лица полыхающих злобой глаз.

– Нет, Джордж. Но я боялась, мальчишка не сумеет сразу тебя найти.

– Чтобы твоей проклятой мадаме всю рожу оспой изрыло, – процедил парень. – Зачем она вообще пустила сюда этого горбатого ублюдка? – Он повернулся ко мне, и по губам его скользнула косая ухмылка, не предвещавшая ничего хорошего. – На этот раз тебе не повезло, приятель. Мы положим твоим подвигам конец. Больше ты не обидишь ни одной женщины.

Я умоляющим жестом вскинул руки.

– Клянусь, произошла какая-то ошибка. До сегодняшнего дня я ни разу не встречал эту девушку.

– Ты, может, и не встречал, урод. Зато твой рябой приятель явился сюда на прошлой неделе и вдоволь над ней покуражился. Он наверняка убил бы

ее, если бы другие девчонки не догадались сбегать за мной. – Угрожающе сжав кулаки, он повернулся к сестре. – Где тот подонок, что тебя бил? И тот, другой, с бородавчатым носом? Там, в другой комнате, собралось несколько придурков. Но рожи у всех вроде чистые.

Я не видела тех, кто сидит в зале, – пожалала плечами девушка. – Но мадам Неллер говорит, среди них нет того, кто приходил сюда на прошлой неделе.

– Значит, Бэтшебу избил человек со следами оспы на лице? – осмелился я подать голос. – Высокий и очень бледный? Он тоже расспрашивал ее о Майкле Гривстуде?

– Что ты дурака валяешь? Будто сам не знаешь, как выглядит твой рябой сообщник?

«Что, если закричать и позвать Барака», – пронеслось у меня в голове.

Нет, судя по выражению лица брата Бэтшебы, с этим малым шутки плохи. Стоит позвать на помощь, он перережет мне горло. Собрав все свое самообладание, я постарался произнести как можно более спокойно и хладнокровно:

– Прошу вас, выслушайте меня. Этот рябой, о котором вы говорите, вовсе не является моим сообщником. Напротив, он пытался меня убить. Я не собирался причинять Бэтшебе никакого вреда, я лишь хотел узнать кое-что о мастере Гривстуде...

– Он задавал мне в точности те же самые вопросы, что и тот, рябой, – сообщила Бэтшеба. – Спрашивал о старинных бумагах, о том, чем Майкл с братом занимались. Сказал, что он законник.

В глазах ее брата вспыхнул насмешливый огонек.

– Вот как? Прежде мне не доводилось встречать горбатых законников. Хотя такому крючку в самую пору быть крюкотвором. – Он тихонько провел острием кинжала по моей шее. – Если ты законник, значит, ты на кого-то работаешь. Кто тебя нанял, урод?

– Я работаю на лорда Кромвеля, – веско произнес я. – У моего помощника есть печать с его гербом.

Брат Бэтшебы и здоровенный детина, стоявший у дверей, обменялись встревоженными взглядами.

– Ох, Джордж, похоже, мы натворили дел, – простонала девушка.

Ее братец схватил меня за руку и толкнул так, что я отлетел к противоположной стене.

– При чем здесь лорд Кромвель? – прорычал он, вновь приставив острие кинжала к моей шее. – Какое ему дело до бордельной шлюхи и ее клиентов?

– Джордж, отпусти его, – ломая руки, воскликнула Бэтшеба. – Мы должны рассказать ему обо всем, положиться на милосердие лорда Кромвеля и...

– Нашла от кого ждать милосердия! Вижу, ты совсем рехнулась! – досадливо отмахнулся от нее Джордж. – Нет, мы поступим по-другому. Прикончим горбуна и его приспешника и пустим их тела в плавание по Темзе. Никто никогда не узнает, что они посещали это веселое заведение.

Тут из коридора донесся пронзительный визг мадам Неллер, а затем – оглушительный грохот. Дверь распахнулась так резко, что здоровенный детина, стоявший на карауле, вылетел на середину комнаты, не удержался на ногах и рухнул на кровать. Бэтшеба завизжала еще пронзительнее, чем ее хозяйка. В комнату влетел Барак с обнаженным мечом наготове. Он стремительно нанес удар по правой руке Джорджа Грина. Тот взвыл и уронил кинжал.

– Вы не ранены? – обратился ко мне мой спаситель.

– Нет, – ответил я, испустив вздох облегчения.

– Я слышал, как эти болваны вошли в дом, хотя они и старались топтать потише, – сообщил Барак.

Он повернулся к Джорджу, который зажимал свою рану; кровь ручьями стекала у него между пальцами.

– Не дрожи, приятель, я тебя лишь легонько порезал, – усмехнулся он. – Мог бы отрубить тебе руку напрочь, но решил тебя пожалеть. Надеюсь, в знак благодарности ты кое о чем мне расскажешь...

– Поберегитесь! – закричал я, заметив, что лысый товарищ Джорджа вскочил с кровати и занес дубинку, явно намереваясь нанести сокрушительный удар по голове Барака.

Я бросился на лысого и толкнул обеими руками. Он потерял равновесие и отлетел к стене. Барак повернулся к нему. В это самое мгновение Джордж схватил за руку свою оторопевшую сестру, распахнул ставни и выпрыгнул в окно, увлекая за собой визжавшую Бэтшебу. Лысый вскочил на ноги, отбросил свою дубинку и выскочил в распахнутую дверь.

– Оставайтесь здесь! – завопил Барак, выпрыгивая вслед за Бэтшебой и ее братом.

Выглянув на улицу, я успел различить, как беглецы скрылись за углом. Я опустился на кровать, пытаюсь отдышаться и собраться с мыслями. Тишина, воцарившаяся в доме, поразила меня. Судя по всему, в борделе не осталось ни одной живой души. Поднявшись с засаленной постели, я подобрал с полу кинжал Джорджа и направился в зал. В самом деле, и

посетителей, и девушек уже и след простыл. Лишь мадам сидела за столом, опустив голову на руки. Рыжеволосый парик, еще недавно красовавшийся у нее на голове, валялся на столе среди опрокинутых пивных кружек. Собственные волосы мадам Неллер оказались седыми, засаленными и жидкими.

– Эй, леди! – окликнул я. Она подняла ко мне лицо, выражавшее беспредельное отчаяние, и пробормотала:

– Неужели моему заведению пришел конец?

– Возможно, все обойдется благополучно, если вы мне поможете, – произнес я, усаживаясь напротив нее. – Я хочу узнать как можно больше об отношениях Бэтшебы с Майклом Гривудом, а также о том человеке, который приходил сюда, выспрашивал Бэтшебу о Майкле и избил ее. Кстати, ведь именно из-за этого случая вы так встревожились, когда мы спросили о Бэтшебе?

Мадам кивнула, не сводя с меня исполненных ужаса глаз.

– Я слыхала, вы упомянули имя лорда Кромвеля, – едва слышно прошептала она.

– Да, лорд Кромвель является моим патроном, и сейчас я выполняю его поручение. Но, смею вас заверить, он ничего не имеет против публичных домов, издавна обосновавшихся в Саутуорке. Разумеется, лишь до той поры, пока их владельцы остаются законопослушными и лояльными.

– Девушки в таких заведениях, как наше, обычно не сближаются с клиентами, – покачивая головой, заговорила мадам. – Но конечно, всякое бывает, особенно когда девушка не слишком хороша собой или годы ее расцвета остались в прошлом. Бэтшебе ведь уже исполнилось двадцать пять. Такие иногда внушают себе, будто влюбились в кого-то из клиентов. Спору нет, Майкл Гривуд был славный человек. Он отличался веселым нравом, что для законника большая редкость. Иногда он так нас всех забавлял, что мы буквально катались со смеху. Но стоило ему остаться наедине с Бэтшебой, он начинал распускать нюни и жаловаться на свою горькую судьбу. – Мадам пренебрежительно поджала губы. – Не знал он, что такое настоящие горести, вот что я вам скажу. Если бы на его долю выпало то, что довелось вынести мне, он не стал бы лить слезы по пустякам.

Она прикоснулась рукой к щеке. Даже в полумраке буква «П» ярко выделялась на ее коже; должно быть, в свежий ожог втирали пепел, дабы позорный знак никогда не потускнел.

– Насколько я понимаю, вы не одобряли сближения Бэтшебы с Майклом Гривудом.

– Я не хотела, чтобы их отношения заходили слишком далеко. Подобные вещи до добра не доводят. – Она вновь вперила в меня непроницаемый взгляд тусклых голубых глаз. – Я знала, что Бэтшеба переживала из-за Гривстуда. Он влип в какие-то крупные неприятности и рассказывал ей об этом.

– А вы знали, о каких именно неприятностях шла речь?

– Нет, когда дело касалось Майкла, из Бэтшебы слова было клещами не вытянуть. А потом Майкл вдруг перестал приходить. Бэтшеба решила, что он ее бросил. Она отправилась в Куинхит, узнать, что к чему, и вернулась вся в слезах. Сказала, что он умер. Я посоветовала ей уехать отсюда, вернуться в Хартфорд, откуда она родом. Но она не хотела расставаться с братом. Он работает перевозчиком на реке.

– Значит, они с братом очень дружны?

– Души друг в друге не чают. Так вот, Бэтшеба осталась. А в прошлый четверг сюда к нам явились трое. В отличие от вас, они не стали изображать из себя клиентов. Просто ввалились в дом с мечами наготове, велели девушкам убираться и потребовали Бэтшебу.

– И одним из них был высокий парень с изрытым оспой лицом.

– Да, на лице у него, как говорится, черти горох молотили. И с ним – еще парочка подонков.

– Вам известно, кто их послал? – Нет, – покачала головой мадам и добавила, перекрестившись: – Не удивлюсь, если их послал сам дьявол. С первого взгляда было понятно – это отпетые убийцы. Девушки разбежались кто куда. А я под шумок послала мальчишку к Джорджу, точно так же, как сегодня. Он нагрянул с дюжиной приятелей-лодочников. Когда они ворвались в комнату Бэтшебы, тот рябой ублюдок утюжил ей лицо кулаками. Увидав ораву крепких парней, он выпрыгнул в окно и был таков. И его сообщники тоже смылись.

– А вы не знаете, удалось ли рябому вытянуть из Бэтшебы какие-нибудь сведения?

– Понятия не имею, – пожала плечами мадам. – Мне пришлось попросить Бэтшебу оставить мой дом. Разборки вроде этой создают заведению дурную славу, а заведение с дурной славой долго не протянет. Некоторые девушки уже переметнулись от меня в другие дома. Бэтшеба ушла, но через несколько дней явилась и попросила взять ее назад. – Мадам вновь пожала плечами. – Девушек у меня не хватает, и я приняла ее. Как выяснилось, с моей стороны это была непростительная глупость.

Дверь распахнулась, и в комнату ввалился запыхавшийся Барак.

– Они от меня ускользнули! – сообщил он. – Скрылись в какой-то

крысиной норе!

Он скользнул по мадам Неллер исполненным ярости взглядом и пробурчал:

– Что тут плетет эта старая карга?

– Я потом расскажу, – кивнул я, поднялся на ноги и, достав из кошелька золотую монету, положил ее на стол.

– Вы получите вдвое больше, если дадите мне знать, когда вернется Бэтшеба, – обратился я к хозяйке. – А может, вы сумеете выведать, где она скрывается. Помните, я не собираюсь причинять девушке ни малейшего вреда.

Мадам торопливо схватила монету.

– Скажите, вы не станете сообщать лорду Кромвелю, что в моем заведении творится неладное?

– Не стану, если вы выполните мою просьбу. Вот адрес, по которому вы сможете меня найти.

– Да, да, я обязательно сообщу, как только Бэтшеба появится, – поспешно закивала головой мадам.

Мы с Баракком вышли из борделя и торопливо зашагали к реке, настороженно озираясь по сторонам. Впрочем, на улицах было тихо. По Темзе по-прежнему сновало множество лодок, но у причала не оказалось ни одной свободной. Барак уселся на ступеньку, и я последовал его примеру, сбросив тяжелую сумку, успевшую изрядно натрудить мне плечо. Вкратце передав Бараку свой разговор с мадам, я пристально взглянул на него и добавил подчеркнуто безразличным тоном:

– Кстати, я должен вас поблагодарить. Если бы не вы, лежать бы мне сейчас с перерезанным горлом.

– Что ж, вы оплатили мне услугой за услугу, – снисходительно улыбнулся Барак. – Если бы не вы, лежать бы мне сейчас с вышибленными мозгами. Да, что вы там говорили насчет колодца в саду? Вы хотите, чтобы я залез туда сегодня ночью?

– Нет, я должен отправиться в Линкольнс-Инн, подготовиться к завтрашнему судебному заседанию. И неплохо было бы отыскать в библиотеке какие-нибудь книги относительно греческого огня.

Барак взглянул на реку. Солнце, клонясь к закату, окрасило воду в серебристый цвет.

– Завтра – первое июня, – произнес Барак. – Нам осталось всего девять дней. Я так полагаю, мне сегодня вечером тоже не придется болтаться без дела? – спросил он с ухмылкой.

– Не придется, – ответил я с тяжелым вздохом. В ответ Барак

рассмеялся.

– Было бы неплохо, если бы сегодняшним вечером вы прогулялись в окрестностях Уолбрука, – сказал я. – Заходите в харчевни, завязывайте знакомства, прислушивайтесь к тому, о чем говорят посетители. Постарайтесь узнать как можно больше о семействе Уэнтворт. Меня интересует все – слухи, сплетни, досужая болтовня. Ну что, возьметесь за такое поручение?

– Отчего же нет. Пропустить несколько кружек пива да почесать языком в харчевне – не такой уж плохой способ скоротать вечерок. Я непременно загляну и в таверны, где собираются моряки. Может, удастся что-нибудь выведать об этом огненном пойле, привезенном из северных стран.

Я оглянулся на Винчестерский дворец. Слуги в ливреях озабоченно суетились у парадного подъезда, раскатывая огромный красный ковер.

– Похоже, епископ Гардинер ожидает важных гостей, – заметил я. – Глядите, какая роскошная баржа. Думаю, нам лучше отсюда уйти.

ГЛАВА 18

Вернувшись на Канцлер-лейн, мы с Бараком сразу сели ужинать. Утомленные приключениями сегодняшнего дня, ели мы мало; однако меня не оставляло приятное сознание того, что лед между нами сломан. Встав из-за стола, Барак направился напрямик в Сити, намереваясь провести весь вечер среди завсегдатаев харчевен. Таверн в Лондоне так же много, как и церквей, и я подозревал, что Барак уже много раз доводилось кочевать по ним, собирая сведения для Кромвеля. Бесспорно, подобное занятие было чревато опасными столкновениями, однако Джек успел накопить изрядный опыт по этой части. Мне же надо было подготовиться к завтрашнему судебному заседанию и отыскать в библиотеке Линкольнс-Инна книги по занимавшему нас вопросу. С большой неохотой покинув свою уютную гостиную, я вновь облачился в мантию и вышел из дома.

Солнце садилось, окрашивая небо во все оттенки багрянца, как это часто бывает после жаркого летнего дня. Приставив ладонь козырьком ко лбу, я огляделся по сторонам, выглядывая, не мелькнет ли где рябой злоумышленник. Но Канцлер-лейн была совершенно пуста, и я торопливо зашагал к Линкольнс-Инну. Войдя в ворота корпорации, я испустил вздох облегчения.

Во внутреннем дворе я увидел роскошную голубую карету. Лошади лениво поедали овес из мешков, привязанных к их мордам, а кучер дремал на козлах. Вне всякого сомнения, корпорацию удостоил визитом важный посетитель. Оставалось надеяться, что это не герцог Норфолк.

Многие окна были освещены мягким светом свечей; теперь, когда началась судебная сессия, большинству адвокатов приходилось работать допоздна. От булыжника, которым был вымощен внутренний двор, исходил запах горячей пыли, на мой вкус, довольно приятный. Последние солнечные лучи бросали пурпурные отсветы на красные кирпичные стены зданий. Мимо меня с хохотом прошла ватага студентов, которые, несомненно, спешили в Сити с похвальным намерением как следует отдохнуть от праведных трудов. Все они были молоды, красивы, все щеголяли сшитыми по последней моде камзолами.

Направляясь в свою контору, я заметил, что на скамье в холле сидят двое. К немалому своему удивлению, я узнал Марчмаунта и леди Онор. Наклонив голову, Марчмаунт что-то говорил приглушенным голосом. Я не мог рассмотреть лица леди Онор, но, судя по напряженной позе, слова

Марчмаунта не на шутку встревожили ее. Притаившись за одной из колонн, я принялся наблюдать за ними. Через несколько мгновений Марчмаунт поднялся, отвесил почтительный поклон и поспешно удалился. На лице его застыло непроницаемое выражение. Немного поколебавшись, я направился напрямик к леди Онор, по-прежнему сидевшей на скамье, и, сняв шляпу, низко поклонился. На леди Онор было светлое шелковое платье с широкими пышными рукавами и расшитым цветами корсажем. При виде такого великолепия я невольно устыдился щетины, покрывавшей мои давно не бритые щеки. Увы, мне никак не удавалось выкроить времени для визита к цирюльнику. Но возможно, леди Онор решит, что я решил следовать моде и отпустить бороду.

– О, миледи, вы вновь удостоили своим посещением эти скучные стены.

Она вскинула на меня взгляд, приглаживая прядь волос, выбившуюся из-под щегольского французского капора.

– Да. Мне вновь понадобилось посоветоваться с барристером Марчмаунтом. К счастью, он так добр, что никогда не отказывается уделить мне толику своего драгоценного времени. – Леди Онор наградила меня приветливой улыбкой. – Прошу, присядьте, мастер Шардлейк. Надеюсь, завтра вы придете ко мне на обед?

Я опустился на скамью, где только что сидел Марчмаунт, и сразу ощутил легчайший аромат каких-то экзотических духов.

– Разумеется, я приду, леди Онор. Ваше приглашение – большая честь для меня.

Она окинула взглядом внутренний двор и задумчиво произнесла:

– Здесь всегда так тихо. Представляете, когда-то мой дедушка, лорд Воген из Хартэма, учился в этой юридической корпорации. Это было, страшно сказать, семьдесят лет назад. Он погиб в сражении при Босуорте.

Тут раздался оглушительный взрыв смеха, и с нашей скамьей поравнялась еще одна компания студентов. Леди Онор проводила их снисходительным взглядом.

– Думаю, в свое время мой дедушка ничуть не отличался от этих юнцов, – заметила она. – Он поступил в корпорацию, дабы узнать все тонкости закона и лучше управлять собственными имениями. Но, разумеется, веселые пирушки привлекали его куда больше, чем книги.

– Кое-что остается неизменным даже в нашем непостоянном мире, – с улыбкой изрек я.

– Нет, здесь как раз многое изменилось, – возразила леди Онор с неожиданным пылом. – Сегодня здешние студенты в большинстве своем отнюдь не знатного происхождения. Бесспорно, все эти сыновья небогатых

дворян тоже не прочь весело провести время. Но больше всего они озабочены тем, как бы нажить состояние, и, уж конечно, своего не упустят. – Леди Онор нахмурилась, в уголках ее рта мелькнули горькие складки. – Да, теперь мало кто понимает, что это значит – быть истинным джентльменом.

– Все это очень грустно, – заметил я, подозревая, что она имеет в виду Марчмаунта. Несомненно, она догадалась, что я был свидетелем их беседы. Мне стало стыдно, что я подсматривал исподтишка.

– Да, очень грустно, – кивнула леди Онор, сопроводив свои слова едва заметной улыбкой. – Но я не сомневаюсь, мастер Шардлейк, вы не из тех, кто думает лишь о наживе. Ваш глубокомысленный взгляд красноречиво свидетельствует о том, что вы выше суетного стяжательства.

– Надеюсь, вы не обманываетесь на мой счет, леди Онор, – со смехом ответил я. – И отдаю должное столь лестной для меня прозорливости.

– Увы, как раз прозорливостью я не могу похвастаться. В противном случае я избежала бы многих бед, – возразила моя прекрасная собеседница и на несколько мгновений погрузилась в молчание. – Я слышала, что вчера ваш друг бросил герцогу Норфолку несколько весьма нелицеприятных слов. Он или отчаянный храбрец, или безнадежный дурак.

– Но кто рассказал вам об этом случае?

– У меня есть свои источники, – с улыбкой ответила она.

«Скорее всего, Марчмаунт», – решил я. Этой женщине нравилось быть загадочной.

– Возможно, он и дурак, и храбрец одновременно.

– Но разве подобное сочетание возможно? – со смехом осведомилась леди Онор.

– Полагаю, да. По крайней мере, для убежденного библейского христианина, каковым является мой друг Годфри.

– Вы тоже библейский христианин, не так ли? Вы ведь человек лорда Кромвеля и, следовательно, ярый сторонник Реформации?

Я взглянул во внутренний двор, где постепенно сгущались сумерки.

– Когда я был молод, сочинения Эразма пленили мое воображение. В мечтах я рисовал себе мир, где царит всеобщее благоденствие и людей соединяет истинная братская любовь. Я верил, что путем реформ можно освободить христианское учение от всех тех пагубных искажений, которые принесла в него старая церковь.

– Когда-то я тоже была увлечена идеями Эразма, – сообщила леди Онор. – Но пока что его мечты отнюдь не становятся явью, не так ли? Мартин Лютер начал кровавый поход против церкви, и Германия

погрузилась в пучину вражды и хаоса.

– Но Эразм не несет никакой ответственности за слова и деяния Лютера, – возразил я. – Меня всегда удивляет, когда этих двоих связывают воедино.

– Я полагаю, бедный Эразм был бы неприятно поражен, увидав, к каким прискорбным последствиям привело воплощение его идей в реальность, – заметила леди Онор с грустным смехом. – Если я не ошибаюсь, он очень любил цитировать Евангелие от Иоанна, главу шестую. Помните эти слова: «Дух животворит, плоть не пользует нимало»? К сожалению, поступки людей определяют грешные влечения и страсти, и так будет до скончания времен. Люди всегда будут хвататься за любую возможность ниспровергнуть старую власть. Тех, кто полагает, что человечество можно усовершенствовать, сообразуясь с требованиями разума, неминуемо ждет разочарование.

– Вы слишком мрачно смотрите на вещи, – произнес я.

– Вижу, мои рассуждения нагнали на вас тоску, – улыбнулась леди Онор. – Я сегодня в печальном настроении. Вы должны меня извинить. Несомненно, вы явились сюда, дабы заняться делами, подобно всем этим труженикам, что дотемна корпят над бумагами. Я непростительно злоупотребила вашим временем, мастер Шардлейк.

– О, в вашем обществе забываешь и о времени, и о самых важных делах, – галантно изрек я.

Она встретила мой избитый комплимент снисходительной улыбкой. Поколебавшись несколько мгновений, я решился и произнес:

– Леди Онор, я хотел бы спросить у вас...

Улыбка по-прежнему играла на ее губах, однако она предостерегающим жестом вскинула руку.

– Я догадываюсь, о чем вы хотите спросить. Не скрою, я ждала, когда вы заговорите об этом. Но прошу вас, не сегодня. Я очень устала, к тому же мне давно пора вернуться домой.

– Это ваша карета ожидает во дворе?

– Да. – Леди Онор пристально посмотрела на меня. – Обещаю, мастер Шардлейк, завтра мы непременно поговорим обо всем, что вас интересует.

Мне следовало бы настоять на своем и задать занимающий меня вопрос не откладывая. Однако я счел за благо не перечить, встал и поклонился. Грациозно покачивая юбками, она двинулась через двор, подол шелкового платья мел булыжники. Проводив ее глазами, я пошел в свою контору. Я успел заметить, что в окне Годфри горит свет.

Друг мой сидел за столом и, сосредоточенно нахмурившись,

проглядывал документы одного из моих дел. Мотыльки роем кружились вокруг свечи и, как это принято у этих неразумных созданий, обжигали крылышки и падали на пол. Светлые волосы Годфри были взлохмачены, так как во время работы он имел обыкновение постоянно их ерошить. На носу у него сидели небольшие круглые очки, которые придавали молодому лицу почтенный ученый вид.

– Годфри, я вижу, вы работаете на меня в поте лица своего, – с улыбкой заметил я.

– Да, но по собственной воле, – ответил он. – Хорошо, что вы заглянули, а то я чертовски устал и давно уже мечтаю, чтобы кто-нибудь отвлек меня от работы.

Годфри испустил тяжкий вздох.

– Сегодня выяснилось, что мне придется держать перед правлением корпорации ответ за свое недостойное поведение.

На губах Годфри мелькнула грустная улыбка.

– С одним делом я почти закончил. Работа продвигалась бы быстрее, если бы Скелли имел похвальную привычку держать бумаги в порядке. Он пытается, бедняга, но, честно говоря, без большого успеха.

– Годфри, выступив против герцога Норфолка, вы подставили себя под удар, – произнес я, не поддержав его легкомысленного тона.

Очки Годфри блеснули в свете свечей.

– Я не выступал против герцога, – покачал он головой. – Я всего лишь обратил к нему Слово Господне. Неужели это преступление?

– Все зависит от обстоятельств. Сами знаете, нередко те, кто произносит Слово Господне не в том месте и не в то время, оканчивают свою жизнь на костре.

Лицо Годфри стало грустным и серьезным. – Что значат полчаса телесных страданий в сравнении с вечными муками души в адском пламени?

– О телесных страданиях легко говорить с пренебрежением. Выносить их куда труднее.

Годфри вновь сокрушенно вздохнул и пожал плечами.

– Вы правы, Мэтью. Вчера был арестован еще один проповедник-евангелист. О, я хотел бы, чтобы у меня достало сил бестрепетно взойти на костер. Помните, я рассказывал вам, что присутствовал при сожжении Джона Ламберта?

– Конечно.

Я тут же вспомнил рассказ Барака о беспримерном мужестве этого мученика.

– Я пошел туда, дабы укрепить свой дух, созерцая столь впечатляющий пример. Воистину, Ламберт превысил пределы человеческой стойкости. И все же это было ужасное зрелище.

– Всякая казнь ужасна.

– В тот день дул довольно сильный ветер, и он доносил до толпы зрителей жуткие хлопья черной жирной сажи. Ламберт к тому времени уже был мертв. Да, подобная смерть ужасна, и все же есть люди, которые ее заслуживают, – добавил Годфри, и глаза его полыхнули гневом. – Я присутствовал и при казни отца Фореста, предателя-паписта. – Годфри судорожно сжал кулаки. – Мне казалось, я своими глазами видел, как черная его душа отправилась напрямик в ад. Да, подчас мучительная смерть – это лишь справедливая кара. В борьбе с папистами мы должны быть решительны и беспощадны. Иначе они одержат верх.

Глаза Годфри зажглись холодным жестоким блеском, лицо исказилось от негодования. Стремительность, с которой этот мягкий и доброжелательный человек превратился в непримиримого фанатика, так поразила меня, что я невольно вздрогнул.

– Мне пора идти, Годфри, – тихо произнес я. – Надо подготовиться к выступлению на процессе против Билкнэпа.

Я взглянул в его лицо, все еще хранившее суровое и непроницаемое выражение.

– Если правление корпорации наложит на вас высокий штраф, который вам будет трудно выплатить, я буду рад оказать вам помощь.

– Спасибо, Мэтью, – ответил он.

Жестокий огонь, полыхавший в его взгляде, погас, голос вновь звучал мягко и грустно.

– Все-таки очень жаль, что такое благое дело, как уничтожение монастырей, обернули к своей выгоде мошенники вроде Билкнэпа. Полученные средства следовало использовать на всеобщее благо: для строительства больниц и школ.

– Надеюсь, именно так они и будут использованы. Ведь далеко не все монастырские владения оказались в распоряжении ловких пройдох, – ответил я. Но на память мне тут же пришли слова леди Онор о законниках, озабоченных лишь тем, как набить собственный карман.

Я просидел за столом около двух часов, просматривая материалы дела и записывая основные тезисы собственного выступления. Потом сложил документы в сумку, перекинул ее через плечо и направился в библиотеку. В одной из бумаг, обнаруженных Майклом Гриввудом в монастыре Святого Варфоломея, говорилось о том, что римляне за сотни лет до византийцев

использовали горючее вещество, подобное греческому огню. Я хотел выяснить источник этих сведений. Возможно, римляне применяли какое-то другое вещество, которое действовало не совсем так, как то, о котором я уже так много слышал? Учитывая легендарную мощь римских войск, все это было вполне вероятно. Час был поздний, и большинство окон погасло. Лишь окно библиотеки по-прежнему испускало тусклый желтый свет. Я вошел в просторный зал, где ушедшие ввысь ряды полок прогибались под тяжестью великого множества томов. В комнате царил полумрак, свечи горели лишь на столе библиотекаря. Мастер Роули, пожилой человек невероятной учености, всем книгам на свете предпочитал законоведческие труды. Сейчас он сосредоточенно изучал пухлый том Брэктона. К залу судебных заседаний он никогда и близко не подходил, зато являлся непревзойденным знатоком всех юридических тонкостей, и потому даже барристеры нередко обращались к нему за советом. Завидев меня, библиотекарь встал и поклонился.

– Вы разрешите мне взять свечу, мастер Роули? Мне надо найти кое-какие книги.

– Да, конечно, мастер Шардлейк, – приветливо откликнулся библиотекарь. – Может, я сумею вам помочь. Вас интересуют вопросы, связанные с правом на собственность?

– Нет, сегодня я намерен заняться совсем другими вопросами.

Я взял с полки одну из свечей, зажег ее от той, что стояла на столе Роули, и направился к полке, где хранились книги, посвященные римскому праву и римской истории. У меня был список авторов, упоминавшихся в бумагах: Ливии, Плутарх, Лукулл, несколько историков-летописцев.

Однако мне не удалось отыскать ни одной нужной книги. Полка наполовину опустела, в рядах книг тут и там зияли пустые места. Возможно, меня опередил Майкл Гриввуд? Но книги разрешается выносить из библиотеки чрезвычайно редко, да и то только барристерам высшего ранга; Гриввуд же был простым поверенным. Стол библиотекаря располагался так, что незаметно вынести из библиотеки полдюжины книг было совершенно невозможно. Я подошел к Роули. Он оторвался от чтения и поднял на меня вопросительный взгляд.

– Все книги, которые мне нужны, кто-то забрал, мастер Роули. На полке не осталось ни одной из этого списка, – сообщил я, протягивая ему лист бумаги. – Странно, что вы разрешили вынести из библиотеки столько книг сразу. Если не секрет, кому вы их выдали?

Библиотекарь, нахмурившись, пробежал список глазами.

– Я никому не выдавал этих книг, сэр, – возразил он. – Возможно, кто-то

просто поставил их на другую полку, и теперь их трудно найти.

Свои слова старик сопроводил фальшивой улыбкой, и я догадался, что он лжет.

– Вряд ли, – покачал я головой. – На полке остались бреши. У вас ведь наверняка есть список книг, выданных во временное пользование, не так ли?

Различив суровые нотки в моем голосе, старик насторожился еще больше.

– Да, конечно, сэр, – кивнул он и облизал пересохшие губы. – Сейчас я его найду.

Роули достал какую-то бумагу и сделал вид, что внимательно ее просматривает. Потом он испустил тяжелый вздох и вновь вскинул на меня тревожно бегающий взгляд.

– Как я и говорил вам, сэр, эти книги никому не выдавались. Наверняка клерк по небрежности поставил их не на ту полку. Завтра я непременно их найду.

Библиотекарь лгал так откровенно, что я даже почувствовал укол обиды: мне казалось, что старик Роули хорошо ко мне относится. И в то же время я понимал, что на обман его толкает страх.

– Мастер Роули, по-моему, вы недооцениваете серьезность произошедшего, – веско произнес я. – Из вверенной вашим попечениям библиотеки пропали чрезвычайно ценные книги. Мне придется сообщить об этом в правление корпорации.

– Как вам будет угодно, сэр, – судорожно вздохнув, пролепетал Роули.

– Завтра же я сообщу старшему хранителю Хиту, что вы пренебрегаете своими обязанностями, – угрожающе процедил я.

Однако угроза не подействовала; те, кто забрал книги, явно внушали Роули больший страх, чем старший хранитель. Старик лишь потупил голову и едва слышно повторил:

– Как вам будет угодно.

Мне оставалось лишь уйти ни с чем. Выйдя из библиотеки, я сжал кулаки и выругался. Неудачи по-прежнему меня преследовали; стоило мне предпринять какой-то шаг, выяснялось, что меня опередил неизвестный и, увы, более проворный соперник. И все же мой визит в библиотеку нельзя было назвать безрезультатным. Кое-что мне удалось выяснить: в книгах из моего списка действительно содержатся сведения о греческом огне. К счастью, библиотека Линкольнс-Инна – не единственная в городе. Я могу воспользоваться библиотекой Гилдхолла.

Торопливо шагая к калитке, я заметил, что погода переменилась:

горячий воздух словно сгустился, стал влажным и липким.

– Доброй ночи, сэръ, – прокричал мне вслед привратник.

Повернув на Канцлер-лейн, я ощутил у себя за спиной легкое движение. Резко повернувшись, я увидел, что у ближайшего дома стоит какой-то здоровенный молодой парень. В ярком свете, льющемся из окон дома, я сумел хорошо разглядеть его круглое глуповатое лицо с толстым носом, покрытым бородавками. Рука моя моментально потянулась к рукоятке кинжала. Парень, прищурившись, наблюдал за мной; внезапно он повернулся и пустился наутек. Шаги гулко отдавались по пустынной мостовой.

Тяжело переводя дух, я продолжил путь. Бэтшеба Грин упоминала о человеке с покрытым бородавками носом. Я оглянулся вокруг, пытаюсь понять, не притаился ли где-нибудь его рябой сообщник. Но на улице не было ни души. Здоровенный детина, вне всякого сомнения, незаметно преследовал меня от самых ворот корпорации, выжидая удобного момента, чтобы прикончить. Мысль эта заставила меня вздрогнуть.

Испуганно озираясь по сторонам и настороженно прислушиваясь, я двинулся к своему дому. Без всяких приключений добравшись до ворот, я вздохнул с облегчением и тут же выругал себя за безрассудство. Вне всякого сомнения, расхаживать ночью в одиночестве было с моей стороны непростительной глупостью.

ГЛАВА 19

Проснувшись на следующее утро, я обнаружил, что небо над городом затянуто тяжелыми свинцовыми тучами. Сквозь открытое окно моей спальни в комнату проникал тяжелый спертый воздух.

«Сегодня первое июня», – вспомнил я, едва открыв глаза.

Через девять дней Элизабет вновь предстанет перед уголовным судом; через девять дней король должен увидеть греческий огонь в действии. За завтраком я рассказал Бараку о пропавших из библиотеки книгах и о человеке, преследовавшем меня на ночной улице. В свою очередь он поделился сведениями, которые ему удалось собрать, шатаясь по питейным заведениям. Так, он слышал, что огненное балтийское пойло продавалось в таверне под названием «Голубой вебрь», расположенной в Биллингс-гейте, на берегу реки. Кабаки, находящиеся в окрестностях Уолбрука, Барак тоже не обошел своим вниманием, однако слуги семейства Уэнтворт в подобные заведения никогда не заглядывали. Как выяснилось, у Уэнтвортов работали исключительно люди трезвые и благочестивые.

– Мне удалось поговорить со слугой из соседнего дома, но он сказал лишь, что Уэнтворты живут очень замкнуто. А потом мне пришлось добрых полчаса слушать его сетования по поводу пропавшего старого пса, к которому этот малый был очень привязан.

– Прошлой ночью вы неплохо поработали.

Несмотря на то что Барак влил в себя изрядное количество пива, вид у него был свежий и бодрый.

– Я расспрашивал, не видал ли кто рябого парня и малого с бородавчатым носом. Однако об этих красавцах нет ни слуху ни духу. Скорее всего, они не из Лондона. Я уже начал думать, что они решили смыться из города. Но судя по тому, что вы рассказываете, эта парочка по-прежнему здесь.

Тут вошла Джоан с письмом. Я взломал печать.

– От вдовы Гривстуд, – сообщил я. – Она хочет встретиться с нами в Лотбири, в двенадцать. Если слушание дела закончится вовремя, мы как раз успеем.

– Если хотите, я пойду с вами в Вестминстер-холл.

На это утро у меня не было для Барака никаких поручений.

– Да, я бы не отказался от спутника, – кивнул я. Откровенно говоря, после вчерашнего у меня нет желания разгуливать в одиночестве. Только,

если вы пойдете в суд, вам лучше переодеться. Есть у вас что-нибудь черное, строгое и неброское?

– Не беспокойтесь, когда это необходимо, я могу выглядеть самым почтенным образом. Кстати, сегодня вечером – званый обед у леди Онор, – добавил Барак и многозначительно подмигнул. – Наверняка вы ждете не дождетесь этого события.

В ответ я пробормотал что-то нечленораздельное. О встрече с леди Онор в Линкольнс-Инне я не упоминал, опасаясь упреков Барака за упущенную возможность как следует расспросить эту очаровательную женщину. Мы вышли из дома и направились к пристани, намереваясь нанять лодку. Я заметил, что люди, встречавшиеся нам по пути, бросают выжидающие взгляды на хмурое небо. Духота стояла такая, что я, пройдя несколько шагов, уже обливался потом. Оставалось лишь надеяться, что вскоре разразится гроза и принесет облегчение людям и природе. Несмотря на ранний час, на Флит-стрит уже собралась небольшая толпа зевак. Едва я успел спросить себя, что возбудило их любопытство, как до моего слуха донесся грохот железных колес по мостовой и крик: «Мужайтесь, братья!» Я вспомнил, что сегодня день, когда казнят приговоренных к повешению. По улице медленно проехала тяжелая повозка, запряженная четверкой лошадей. За ней следовали стражники в красно-белых мундирах. Направляясь в Тайборн, мрачная процессия специально делала крюк, чтобы как можно больше горожан имели возможность ее увидеть и лишний раз убедиться в том, что преступный путь неминуемо ведет к печальному концу.

Мы замедлили шаг, когда повозка поравнялась с нами. В ней находилась дюжина осужденных; руки у всех были связаны за спинами, на шеях – веревочные петли. Я с содроганием представил, что среди них могла находиться Элизабет; возможно, она окажется в этой страшной повозке через неделю. Я знал, что последнее путешествие осужденных на казнь закончится у огромной виселицы в Тайборне; повозка остановится прямо под перекладиной, и палачи проворно прикрепят петли к железным крюкам. А потом возница хлестнет лошадей, повозка двинется, и несчастные повиснут, болтая в воздухе ногами; они будут корчиться до тех пор, пока друзья, знакомые или просто сердобольные зеваки не положат конец их мучениям, потянув их за ноги. Дрожь пробежала по моему телу, когда я с поразительной отчетливостью представил эту жуткую картину.

Большинство из осужденных стояли, потупив голову; однако были и такие, кто в приступе отчаянной веселости улыбался и раскланивался с толпой. Я обратил внимание на пожилую женщину и ее сына,

приговоренных к смерти за кражу лошади. Парень неподвижно смотрел прямо перед собой, по лицу его то и дело пробегала судорога, а мать, обвинив сына руками, приникла к его груди своей седой головой. Наконец повозка, грохоча, проехала мимо.

– Нам лучше поспешить, – бросил Барак, плечом прокладывая путь через толпу. – Зрелище не из приятных, – вполголоса добавил он. – Как-то раз мне пришлось отправиться в Тайборн и повиснуть на ногах старого друга, дабы прекратить его смертную пляску.

Он вперил в меня серьезный взгляд.

– Как насчет колодца Уэнтвортов? Вы хотите, чтобы я полез туда сегодня?

– Нет, сегодня званый обед у леди Онор. Завтра мы непременно займемся колодцем.

Спускаясь к реке, я ощущал себя виноватым перед Элизабет. Откладывая обследование колодца со дня на день, я и думать забыл, что Элизабет в это время томится в вонючей Яме, а Джозеф пребывает в тоске и отчаянии. Тут впереди замаячило громадное здание Вестминстер-холла, и я заставил свои мысли вернуться к делу Билкнэпа. Нельзя тревожиться сразу обо всем, иначе и с ума недолго сойти. Барак с насмешливым любопытством взглянул на меня, и я догадался, что произнес последнюю фразу вслух.

Как и всегда во время судебной сессии, во дворе Вестминстера яблоку было негде упасть. Мы с трудом протолкались в зал, под высокими сводами которого сновали адвокаты, их клиенты и просто праздные зеваки. Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы разглядеть, что творится около королевской скамьи. У деревянной перегородки выстроился целый ряд адвокатов, судейские чиновники сидели за длинным столом, на котором громоздились горы бумаг. Под огромным гобеленом с изображением королевского герба, в кресле с высокой спинкой восседал судья. С утомленным и безучастным выражением он слушал выступление очередного адвоката. К немалой своей досаде, я узнал в судье Хеслопа, известного своим невежеством и жадностью. Я знал, что он сумел изрядно нагреть руки на монастырском имуществе. Вряд ли он сочтет, что деяния Билкнэпа, столь сходные с его собственными, достойны строгого осуждения. Я сжал кулаки, осознав, что в сегодняшней игре с законом вытянул плохую карту. Так или иначе, не зря я вчера весь вечер прокорпел над бумагами: мой долг – предоставить суду убедительные аргументы, а дальше будь что будет.

– Мастер Шардлейк, – раздался чей-то голос над моим ухом.

Обернувшись, я увидел Верви, одного из поверенных Городского совета. Я поклонился. Несомненно, Верви был послан сюда, дабы следить за ходом дела, имеющего для совета большое значение.

– Судья Хеслоп разделяется с делами весьма проворно, – сообщил Верви. – Скоро настанет наш черед, мастер Шардлейк. Билкнэп уже здесь.

Он кивнул в сторону моего противника, который стоял среди других адвокатов, как и все, облаченный в мантию.

Я растянул губы в улыбке и поправил на плече ремешок сумки.

– Что ж, я готов. Подождите здесь, Барак. Барак окинул Верви изучающим взглядом.

– Прекрасный выдался денек для словесных баталий, – жизнерадостно изрек он. – Хотя, конечно, немного жарко.

Я меж тем подошел к другим адвокатам и занял свое место у перегородки. Билкнэп оглянулся в мою сторону, и я приветствовал его едва заметным поклоном. Через несколько минут кончилось слушание предыдущего дела. Противники разошлись в разные стороны, причем на лице одного играла торжествующая улыбка, а другой что-то злобно ворчал.

– Городской совет Лондона против Билкнэпа, – провозгласил судебный пристав.

В начале своего выступления я заявил, что неправильно устроенная выгребная яма, распространяя зловоние, отравляет жизнь не только обитателям бывшего монастыря, но и жильцам соседних домов. Затем я заговорил о пагубных последствиях, к которым неминуемо приведут деяния Билкнэпа. Наспех перестроенные монастырские здания, несомненно, представляют угрозу для тех, кому выпало несчастье там поселиться.

– Подобное превращение бывших монастырей в нищенское жилье, лишенное самых необходимых удобств, наносит вред всеобщему благосостоянию и противоречит постановлениям городских властей, – заключил я свою речь.

Хеслоп, который вальяжно раскинулся в своем кресле, скользнул по мне равнодушным взглядом.

– Брат Шардлейк, здесь не суд лорд-канцлера. Нам надо решить, нарушил ли брат Билкнэп какие-либо статьи закона.

Я заметил, как при этих словах Билкнэп удовлетворенно кивнул. Однако меня не так просто было сбить с толку.

– Несомненно, нарушил, ваша честь, – отрезал я. – Я располагаю полудюжиной прецедентов, подтверждающих, что во всех спорных ситуациях право на монастырское имущество сохранялось за Городским

советом. С этими словами я протянул судье копии судебных постановлений и кратко изложил их основные положения. Лицо Хеслопа приняло еще более непроницаемое выражение, и у меня упало сердце. Согласно моему опыту, если глаза судьи становятся стеклянными, это означает, что он уже принял решение. Тем не менее я продолжал свою речь. Когда я смолк, Хеслоп проворчал что-то нечленораздельное и повернулся к моему оппоненту.

– Что вы можете сказать на это, брат Билкнэп?

Билкнэп встал и отвесил поклон. Сухощавый, стройный, чисто выбритый, он являл собой живое воплощение представлений о достойном и бескорыстном законнике. На губах его играла улыбка, уверенный взгляд словно говорил: я честный малый и сейчас выложу вам всю правду.

– Ваша честь, мы живем во времена, когда в наш город пришли большие перемены, – начал он свое выступление. – Уничтожение монастырей повлекло за собой серьезные колебания на земельном рынке. Цены на земли упали, и предпринимателям приходится всячески изворачиваться, дабы вложенные ими средства по-прежнему приносили доход. В противном случае города, прежде окруженные монастырями, придут в упадок и превратятся в притоны нищих и бродяг.

– Да, день ото дня в Лондоне становится все больше всякого сброда, – важно кивнул Хеслоп. – Несомненно, это грозит городу серьезными неприятностями.

– У меня с собой документы дела, которое может служить убедительным прецедентом нынешнему, – произнес Билкнэп, передавая судье бумаги. – Братья проповедники против приора Окегэмского, ваша честь. Против приора был возбужден иск о причинении ущерба, который был прекращен королевским советом, так как монастырь находится под юрисдикцией его величества, как и все прочие монастыри. Таким образом, я полагаю, что вопрос, имеющий отношение к праву собственности, должен быть разрешен так же, как и в упомянутом мной случае.

Хеслоп, одобрительно кивая головой, принялся медленно читать переданные ему документы. Я окинул взглядом толпу. Сердце мое сжалось, когда я заметил роскошно одетого человека, стоявшего у самой перегородки в окружении нескольких слуг. Зрители, теснившиеся в зале, подались на несколько шагов назад, словно опасаясь приближаться к этому вельможе слишком близко. Сэр Ричард Рич – ибо это был он – не сводил с меня своих неподвижных серых глаз, холодных, как северное море.

Хеслоп вскинул голову.

– Да, брат Билкнэп, я согласен с вами. Думаю, мы примем решение,

руководствуясь предложенным вами прецедентом.

Я буквально подскочил на месте.

– Позвольте заметить, ваша честь, что я представил вам намного больше прецедентов. К тому же все эти дела рассматривались в более позднее время, чем то...

Хеслоп жестом приказал мне молчать.

– Будучи судьей, я наделен правом решать, какой именно из предоставленных прецедентов в наибольшей степени соответствует букве и духу закона. В отличие от тех, что предъявили вы, дело, показанное братом Билкнэпом, имеет непосредственное отношение к вопросу о применении королевской власти.

– Но, ваша честь, брат Билкнэп приобрел монастырские здания в собственность, и существует контракт, согласно которому...

– Мне все это известно, брат Шардлейк. Итак, дело разрешается в пользу ответчика, все судебные издержки возлагаются на противоположную сторону.

Когда мы вышли из-за перегородки, на узком лице Билкнэпа играла самодовольная улыбка. Взглянув в ту сторону, где только что стоял Рич, я обнаружил, что он исчез. В том, что Рич появился в Вестминстер-холле, не было ничего удивительного. Палата перераспределения, которую он возглавлял, находилась поблизости. Но что означал устремленный на меня взгляд, полыхающий ледяной злобой? Я подошел к Бараку и Верви, которые что-то оживленно обсуждали. Мысль о том, что в присутствии Барака я проиграл уже два дела, Элизабет и Билкнэпа, вызвала у меня острый приступ досады.

– Боюсь, Барак, вы приносите мне неудачу, – сварливо пробурчал я, пытаюсь скрыть смущение. – Всякий раз, как вы являетесь в суд, я проигрываю.

– Вопиюще несправедливое решение! – возмущенно заявил Верви. – Оно противоречит и закону, и здравому смыслу.

– Увы, это так. Мастер Верви, в сложившихся обстоятельствах я могу дать вам лишь один совет: подать иск в суд лорд-канцлера, несмотря на все связанные с этим расходы. В противном случае подобное решение даст свободу действий всем желающим нагреть руки на монастырском имуществе, приведет к дальнейшему попранию закона и...

Тут я осекся, потому что Барак легонько толкнул меня в бок. Обернувшись, я увидел рядом Билкнэпа. Я недовольно нахмурился: приближаться к другому адвокату в то время, как он беседует с клиентом, было грубейшим нарушением судейского этикета. Билкнэп тоже хмурился;

от его показной невозмутимости не осталось и следа.

– Вы собираетесь направить иск в суд лорд-канцлера, брат Шардлейк? – язвительно осведомился он. – Уверяю вас, это пустые хлопоты. Вы, несомненно, опять проиграете. Будь я на вашем месте, я не стал бы вводить Городской совет в новые издержки...

– А будь я на вашем месте, Билкнэп, я не стал бы вмешиваться в чужой разговор. Однако, коль скоро вы это сделали, я тоже возьму на себя смелость дать вам совет. Не стоит торжествовать победу преждевременно. Вне всякого сомнения, суд, основанный на истинных представлениях о справедливости, отменит предвзятое решение, принятое сегодня.

На эти слова Билкнэп ответил саркастической ухмылкой.

– Что ж, как говорится, поживем – увидим. Только вам придется запастись терпением, брат Шардлейк. Вы имеете представление о том, как долго дела дожидаются рассмотрения в суде лорд-канцлера?

– Мы будем ждать столько, сколько потребуется. Я посмотрел Билкнэпу прямо в лицо: как и всегда, глаза его избегали моего взгляда.

– Позвольте сказать вам пару слов наедине, брат. Я отвел его на несколько шагов в сторону и тихонько спросил:

– Как вам удалось подстроить, что дело оказалось в ведении Хеслопа? Наверняка вы слегка подмазали старика, не так ли?

– Вы ответите за подобные обвинения, – угрожающе прошипел Билкнэп.

– Вы можете говорить все, что угодно, Билкнэп, я знаю истинную цену вашим словам. В суде лорд-канцлера у нас будет возможность вступить в честную дискуссию. И не думайте, что я забыл о прочих ваших темных делах. Знайте, мне многое известно о ваших связях с французскими купцами. С врагами Англии, что готовы дорого заплатить за некую формулу.

Глаза Билкнэпа сузились.

– Я ничего не передавал им...

– Надеюсь, что нет, иначе вашей участи не позавидуешь. Вы играете с огнем, Билкнэп. А тот, кто играет с огнем, должен быть готов к тому, что в один прекрасный день огонь захочет поиграть с ним. Вы не хуже меня знаете, какая казнь ожидает преступников, запятнавших себя государственной изменой. Впервые за все время на лице Билкнэпа мелькнула тень тревоги.

– Клянусь, я не помышлял об измене. Все было именно так, как я вам рассказал.

– Что ж, тем лучше для вас.

Насмешливо глядя на него, я отступил в сторону. Билкнэп моментально взял себя в руки и наградил меня взглядом, исполненным откровенной ненависти.

– Я подсчитаю свои издержки по этому делу, брат Шардлейк, – сказал он, и в голосе его послышалась легкая дрожь. – Счет я направлю в Городской совет...

– Не сомневаюсь, что издержки окажутся весьма значительными.

С этими словами я повернулся к нему спиной и подошел к ожидавшим меня Бараку и Верви. Билкнэп поспешно растворился в толпе.

– Этот пройдоха обещал прислать в Городской совет перечень судебных издержек, – сообщил я, растянув губы в улыбке. – Мастер Верви, когда счет придет, непременно покажите его мне. Еще раз примите мои сожаления. Подобный исход дела невозможно было предвидеть. У меня есть сильные подозрения по поводу судьи. Очень может быть, он был подкуплен.

– Меня бы это не удивило, – ответил Верви. – Я хорошо знаю Билкнэпа. Мне бы хотелось, чтобы вы как можно быстрее изложили нам свои рекомендации по дальнейшему ведению дела. Несомненно, Городской совет не пожелает смириться со столь несправедливым решением.

– Я изложу все свои рекомендации письменно и незамедлительно отправлю их вам.

Верви, поклонившись, исчез в толпе.

– Что вы такое сказали Билкнэпу? – с любопытством глядя на меня, спросил Барак. – Вы так сверкали глазами, что я думал, вы его ударите.

– Я всего лишь предупредил его, что в курсе всех его грязных махинаций. Сказал, что мне прекрасно известны его связи с французскими купцами.

– Теперь я убедился в том, что Билкнэп – именно та продувная бестия, которая приходила к моему отчиму.

Последнее слово Барак проговорил с отвращением, точно выплюнул.

Я в задумчивости прикусил губу.

– Если бы мы сумели доказать, что он предоставлял суду лжесвидетелей, это существенно упрочило бы наши позиции. Жаль, вы не можете давать показания о сговоре, о котором узнали в десятилетнем возрасте. Необходимо найти взрослого, который подтвердил бы, что Билкнэп замешан в подобном преступлении. Тогда у нас появился бы важный козырь, дающий возможность...

Договорить я не успел. Толпа, окружавшая нас, внезапно забеспокоилась и пришла в движение. Обернувшись, я увидел, что прямоком ко мне направляется Рич. На губах его играла улыбка, но

неподвижный взгляд был так же холоден, как и во время судебного заседания.

– И вновь брат горбатый Шардлейк со своим лохматым помощником, – провозгласил он и наградил Барака презрительной улыбкой. – Сэр, собираясь в суд, вам следовало бы причесаться.

Барак ничего не ответил, лишь спокойно и невозмутимо взглянул прямо в глаза всемогущему лорду Ричу.

Рич повернулся ко мне.

– Ваш молодой товарищ не отличается любезными манерами, брат Шардлейк, – заметил он. – Вы сослужите ему добрую службу, преподав несколько уроков этикета. Возможно, вам самому хороший урок тоже пойдет на пользу.

Выдержать пронзительный взгляд Рича было непросто, однако я призвал на помощь все свое самообладание.

– Мне очень жаль, сэр Ричард, но, увы, я не понимаю, что вы имеете в виду, – ответил я, стараясь говорить как можно хладнокровнее.

– Вы совершили ошибку, ввязавшись в дело, которое находится выше вашего разумения. С вашей стороны было бы куда разумнее помогать мелким фермерам разрешать споры из-за выгонов и огородов.

– О каком деле вы говорите, сэр Ричард?

– Вы прекрасно знаете, о каком, – процедил Рич. – Не стоит делать вид, что вы глупее, чем в действительности. Позвольте мне дать вам добрый совет, брат Шардлейк. Не суйтесь куда не надо. Иначе вам придется горько об этом пожалеть.

С этими словами Рич резко повернулся и удалился прочь. Мы с Бараксом молча смотрели ему вслед.

– Он все знает, – осевшим от волнения голосом нарушил молчание Барак. – Он знает о греческом огне.

– Но откуда он мог узнать?

– Понятия не имею. Тем не менее ему все известно. По-моему, его намеки были достаточно откровенны. Возможно, ему обо всем рассказал сам Гривстуд.

– Да, слова Рича нельзя расценить иначе, как откровенную угрозу, – нахмурившись, пробормотал я. – Но, угрожая мне, он угрожает Кромвелю.

– Может быть, он не знает, насколько граф заинтересован в этом деле.

– Вряд ли, – покачал я головой. – Рич и Билкнэп явно связаны. Стоило Билкнэпу исчезнуть, к нам подошел Рич. И в тот день, когда мы узнавали о Кайтчине в Палате перераспределения, Билкнэп явно выполнял какие-то поручения Рича.

– Да, скорее всего, Билкнэп находится под покровительством Рича, – поджал губы Барак. – Мы должны поставить графа в известность об этом.

– Господи боже, только Рича нам и не хватало! – с горечью воскликнул я.

Кто-то, прокладывая путь в толпе, ощутимо двинул меня локтем, и я раздраженно добавил:

– Надо уносить отсюда ноги. Нам пора в Лотбири.

ГЛАВА 20

Желающих перебраться через реку по-прежнему было множество, и нам снова пришлось довольно долго ждать, пока один из перевозчиков освободится.

– Вы и вправду думаете, что этот шельмец Билкнэп подкупил судью? – облокотившись на парапет, спросил Барак.

– Утверждать с уверенностью не могу, но, судя по всему, так оно и было. Хеслоп пользуется скверной репутацией.

– Вы уверены, что выиграете, если иск передадут в суд лорд-канцлера?

– Я ни в чем не уверен. Однако надеюсь на победу. В суде лорд-канцлера самым тщательным образом разберут все обстоятельства дела. Но одному Богу известно, когда дело дойдет до слушания. Эта каналья Билкнэп прав – в суде лорд-канцлера не спешат с рассмотрением исков, да и слушания постоянно откладываются. Кстати, я назвал свою лошадь Канцлером именно потому, что это славное животное тоже не имеет привычки спешить, – с улыбкой заметил я и добавил серьезным тоном: – Сейчас ваша задача – найти хотя бы нескольких лжесвидетелей из тех, кого подговорил Билкнэп. Мы предложим им награду и, если лорд Кромвель даст на это согласие, оставим совершенное ими преступление без всяких последствий. Я уже говорил: нам необходим веский козырь против Билкнэпа. Особенно если за ним действительно стоит Рич.

– Я непременно найду этих олухов-свидетелей, – пообещал Барак и взглянул мне прямо в глаза. – Но к отчиму я обращаться не буду. Я даже не знаю, где они с матерью сейчас живут. Да если и знал бы, никогда не переступил бы их порога. Этого я не могу сделать даже ради графа.

– Вот как? А я думал, ваша преданность графу безгранична.

В глазах Барака мелькнула печаль.

– Я любил своего отца, хотя от него вечно разило дерьмом. За незавидную работу золотаря он взялся сразу после моего рождения – иначе ему было бы не поднять меня на ноги. Конечно, моя мать была очень недовольна, что муж ее занимается таким малопочтенным ремеслом, и вечно пилила беднягу. А когда мне было двенадцать, отец умер.

Я кивнул, весьма заинтересованный рассказом Барака. Впервые мой заносчивый и нелюбезный помощник пустился в подобные откровения.

– Чтобы свести концы с концами, мы много лет подряд держали жильца, поверенного по имени Кении. Он занимал лучшую часть дома, а

мы ютились в двух комнатах. Как и все представители вашего сословия, он был мастер молотить языком, и мать моя смотрела на него с восхищением. К тому же он стоял выше ее на общественной лестнице. – Лицо Барака искажилось от отвращения, когда он говорил об этом Кении. – Так вот, через неделю после смерти отца матушка моя вышла замуж за этого красnobая. Отец, как говорится, и остыть не успел. Знаете, что она мне сказала? В точности то же самое, что сказали вы, поговорив с милейшей мистрис Гривстуд: «Бедная вдова должна сама о себе позаботиться». – Полагаю, у вашей матушки не было другого выхода.

– Может быть. Но, так или иначе, когда она так скоропалительно вышла замуж, я едва не рехнулся, – заявил Барак и рассмеялся отрывистым хриплым смехом. – Наверное, я и по сей день не полностью оправился от этого удара. Я убежал из дома, бросил школу, хотя всегда был одним из первых учеников. Проскитавшись какое-то время, я связался с шайкой мелких воришек. Сами понимаете, мальчишке-сироте тоже приходится самому о себе заботиться.

Барак помолчал, неотрывно глядя на воду, и заговорил вновь:

– В конце концов меня поймали, когда я пытался стащить с прилавка кусок ветчины. Я оказался в тюрьме, и через несколько дней мне предстояло отправиться на виселицу. Как назло, кусок ветчины оказался увесистым и стоил больше шиллинга. Но, на мое счастье, фамилия моя показалась знакомой одному из стражников. Выяснилось, что когда-то он знал моего отца. Стражник этот был земляком лорда Кромвеля, и вот, набравшись смелости, он обратился к нему с просьбой спасти мальчишку. В результате я предстал перед лордом Кромвелем, и тот оказал мне честь, взяв на службу. Поначалу я выполнял мелкие поручения, потом все более и более важные. – Барак повернулся ко мне. – Видите сами, я обязан графу всем. Даже собственной жизнью.

– Неудивительно, что вы столь низкого мнения о законниках, – заметил я.

– Должен признать, своей честностью вы выгодно отличаетесь от этого сброда, – проворчал Барак.

– Значит, после того, как вы убежали из дома, вы больше не встречались с матерью и отчимом?

– Пару раз я сталкивался с ними в городе, но сворачивал в сторону прежде, чем они успевали меня заметить. Для них я умер. Как и они для меня.

Дождавшись наконец лодки, мы переправились по реке к лестничному спуску на причал Трех Журавлей, выбрались на берег и пешком

направились на север, в Лотбири. Я с трудом поспевал за широкой поступью Барака. У Гросер-холла нам встретилась пара молодых джентльменов в нарядных камзолах. Юнцы осыпали насмешками нищего, который сидел в дверях, выставив на всеобщее обозрение лицо, покрытое гноящимися язвами.

– Эй, парень, чем просить милостыню, ты бы лучше нанялся в солдаты! – заявил один из молодых бездельников. – Стране сейчас нужны солдаты, чтобы сражаться против Папы и врагов короля.

Он выхватил меч из кожаных ножен и угрожающе взмахнул им в воздухе. Нищий, который, судя по изможденному виду, едва ли мог ходить, не говоря уж о том, чтобы держать в руках оружие, в испуге отполз назад. С губ его сорвалось нечленораздельное мычание, которое обычно издают глухонемые.

– О, да он не умеет говорить по-английски, – заметил второй юнец. – Похоже, это иностранец.

Барак подошел к молодым щеголям и смерил их пренебрежительным взглядом.

– Оставьте его в покое, – процедил он, взявшись за рукоять меча. – Или, может, желаете продолжить забаву и помериться силами? Но только уже со мной?

Глаза насмешников злобно сузились, однако они сочли за благо не связываться с рослым и сильным Баракком. Вложив мечи в ножны, юнцы поспешно удалились. Барак достал из кошелька монету и положил ее перед нищим.

– Идемте, – бросил он, вернувшись ко мне.

– Вы поступили смело, вступившись за этого бедолагу, – заметил я.

На память мне пришел девиз, выведенный на бочке с греческом огнем: «*lupus est homo homini*» – «человек человеку волк». – Никакой смелости тут не надо, – усмехнулся Барак. – Эти надутые олухи готовы размахивать мечами лишь перед тем, кто не может нанести ответного удара.

Он сплюнул на землю и с невыразимым презрением произнес:

– Уж таковы они, эти благородные джентльмены. Меж тем мы оказались на Лотбири-стрит. Перед нами возвышалась церковь Святой Маргариты, за которой начиналось несколько узких улочек, ведущих в квартал невысоких домов, откуда доносился лязг металла. Благодаря этому неумолчному шуму всякий мог сразу понять, что в Лотбири живут литейщики.

Мы вошли в узкий переулок меж двумя рядами домов. К уличной пыли здесь примешивались зола и угольная крошка, в воздухе стоял запах

раскаленного железа. В нижних этажах большинства домов находились мастерские; двери их были распахнуты, я видел, как внутри копошатся рабочие. До меня даже доносилось скрябанье лопат, которыми загружали уголь в раскаленные докрасна плавильные печи.

Наконец мы остановились около небольшого дома. Дверь мастерской оказалась запертой. Барак дважды постучал, и на пороге появился какой-то щуплый парнишка в грязном фартуке со множеством прожженных дыр. Едва взглянув на него, я сразу же узнал острые, резкие черты вдовы Гриствуд.

– Мастер Харпер? – осведомился я.

– Да.

– Я мастер Шардлейк.

– Входите, – не слишком дружелюбным тоном пригласил подмастерье. – Матушка как раз здесь.

Вслед за ним мы вошли в тесную мастерскую. Большую часть комнаты занимала плавильная печь, огонь в которой сейчас был погашен. Перед печью возвышалась груда угля. На табуретке в углу сидела вдова Гриствуд. Она удостоила меня холодным кивком.

– Вот он, мой сын, господин законник, – с гордостью произнесла она.

– А это кто? – спросил Харпер, кивнув в сторону Барака.

– Мой помощник.

– Мы, литейщики, дружный народ, – счел нужным сообщить Харпер. – Стоит мне только позвать, сюда сбежится половина Лотбири.

– Мне не причиним вам никакого вреда, – заверил я. – Все, что мы хотим, – получить кой-какие сведения. Ваша матушка сказала вам, что мы расследуем обстоятельства, связанные с опытами Майкла и Сепултуса?

– Сказала. – Харпер опустил на табуретку рядом с матерью и пристально взглянул на меня. – Они говорили, что хотят смастерить некий аппарат, состоящий из насоса, трубы и бака. Для чего им это нужно, они не объясняли. Но я нашел им мастера, который делал трубы для городского водопровода.

– Питера Лейтона.

– Да. Я помогал мастеру Лейтону отливать железо для трубы и бака. – Мальчишка вновь бросил на меня изучающий взгляд. – Матушка сказала, всякому, кто знает об этом приспособлении, угрожает опасность.

– Возможно. Но мы постараемся устранить эту опасность как можно скорее, – заверил я и, помолчав, спросил: – Насколько я понимаю, бак предназначался для какой-то жидкости. Вы имеете представление о том, что это за жидкость?

Харпер покачал головой.

– Нет. Майкл сказал, что это тайна и мне лучше об этом не знать. Они с братом проводили опыты во дворе мастера Лейтона. А самого Лейтона даже близко не подпустили. Двор обнесен высокой стеной, так что он и не видел, что они там делали. «Любопытно, в каких отношениях юный Харпер был с покойным Майклом Гривстудом?» – подумал я.

Ведь, как бы то ни было, Майкл приходился ему отчимом. Вряд ли между этими двумя существовала крепкая привязанность; однако род занятий пасынка делал его полезным для Гривстуда.

– А что оно из себя представляло, это приспособление? – спросил я.

– Трудно сказать, – пожал плечами Харпер. – Это было на редкость сложное устройство. Здоровенный герметичный бак, к которому был присоединен насос. От него отходила труба. Для того чтобы его соорудить, понадобилось несколько недель. А потом мастер Лейтон заявил, что трубу придется заменить: она оказалась слишком широкой.

– Когда вы получили заказ от братьев Гривстуд?

– В ноябре. Мы провозились с этим сооружением до января.

«Так, а за два месяца до этого братья были у Кромвеля», – пронеслось у меня в голове.

– Мастер Харпер, вы уверены, что они заказали приспособление именно в ноябре? – уточнил я.

– Уверен.

– А где хранили аппарат? Во дворе мастера Лейтона?

– Да. За это ему хорошо заплатили.

Вдова Гривстуд разразилась надсадным невеселым смехом.

– Значит, мастер Лейтон сполна получил все обещанные ему деньги? – осведомилась она.

– Да, матушка, получил. Он настоял на том, чтобы ему заплатили вперед.

Вдова нахмурилась.

– Хотела бы я знать, откуда Майкл раздобыл деньги? И он, и Сепултус были бедны, как церковные мыши.

– Возможно, за аппарат заплатил кто-то другой, – предположил я.

– На всякие безумные затеи ему всегда удавалось отыскать денег, – с досадой бросила вдова. – Пятнадцать лет Майкл отравлял мне жизнь своими идиотскими замыслами. Иногда нам хлеба не на что было купить, потому что все деньги уходили на его авантюры. Я все это безропотно терпела. И в результате он мертв, а Дэвиду по его милости угрожает опасность.

Она устремила взгляд на сына, и нежность смягчила ее резкие черты.

– Я позабочусь о том, чтобы поместить вас обоих в безопасное место, – пообещал я. – Но прежде всего мне необходимо поговорить с мастером Лейтоном.

Я пристально посмотрел на Дэвида Харпера.

– Вы сообщили своему хозяину, что я интересуюсь аппаратом Гривстудов и всем, что с ним связано?

– Нет, сэр. Я решил, что лучше пока держать язык за зубами.

– Похвальное благоразумие. Где я смогу найти мастера Лейтона? В его мастерской?

– Думаю, да, сэр. Он получил новый заказ на водопроводные трубы для Флит-стрит. В прошлую пятницу сказал, что ему понадобится моя помощь. И вид у него был очень довольный.

– Вы проводите нас туда?

– Когда же вы наконец оставите нас в покое? – недовольно проворчала вдова Гривстуд.

– Вас мы больше не будем тревожить, сударыня. Она кивнула сыну. Он поднялся и направился к дверям. Вдова поспешила за ним.

Мы вышли на улицу и двинулись в глубь Лотбири. Через открытые двери мастерских мы видели обнаженных до пояса литейщиков, которые в поте лица трудились у своих печей. Прохожие, изредка встречавшиеся на улице, провожали нас любопытными взглядами. Наконец Дэвид остановился у довольно большого дома, стоявшего в самом начале узкой извилистой улицы. К дому примыкала мастерская, а двор был обнесен высокой стеной.

– Подходящее место, – понизив голос, обратился ко мне Барак. – Дом стоит на отшибе. Ни странные звуки, ни огонь не привлекли бы здесь внимания.

– Да, место они выбрали неплохое, – кивнул я головой.

Дэвид постучал в дверь дома. Она была заперта, ставни на окнах закрыты. Харпер толкнулся в мастерскую, но она тоже оказалась запертой.

– Мастер Лейтон, – позвал он. – Мастер Лейтон, откройте, это я, Дэвид.

Ответа не последовало. Харпер повернулся к нам и произнес извиняющимся тоном:

– Наверное, он не слышит. Мастер Лейтон глуховат, как и многие литейщики. Но печь не горит, вот что странно.

В душе моей шевельнулось тревожное предчувствие.

– Когда вы видели его в последний раз?

– В пятницу, сэр. Как раз тогда он и сказал мне, что получил новый

заказ.

Барак подергал дверь.

– Я открою этот замок без труда, – заявил он.

– В этом нет нужды, сэр, – возразил Харпер. – Я знаю, у кого есть ключ. Здесь у нас каждый отдает запасные ключи соседу на случай пожара. Подождите немного.

И он побежал к одному из ближайших домов. Мы стояли, оглушенные несущимся со всех сторон лязгом и грохотом. Вдова Гривстуд, которой явно было не по себе, ломала руки.

Вскоре вернулся ее сын со здоровенным ключом в руках. Он отпер дверь, и мы вошли во двор. Майкл и Сепултус действительно выбрали для своих опытов на редкость подходящее место. С трех сторон двор был обнесен высокой оградой, а на четвертую выходила глухая, без единого окна, стена соседнего дома. Повсюду лежали трубы и вентили, без сомнения, предназначенные для городского водопровода. Внимание мое привлекли черные полосы гари на стенах. Нечто подобное я видел во дворе Гривстудов, только там полосы были шире.

Вдова и ее сын обеспокоенно переминались у ворот. Судя по виду Дэвида, он подумывал, не лучше ли ему смыться. Я растянул губы в успокоительной улыбке и спросил:

– Скажите, мастер Харпер, на ваш взгляд, в этом дворе нет ничего подозрительного?

Юный литейщик осмотрелся по сторонам.

– Ничего, – пожал он плечами. – Разве что недавно здесь все как следует убрали.

– Да, я тоже это заметил, – кивнул я. – Здесь слишком чисто.

– А зачем кому-то понадобилось наводить чистоту во дворе литейщика? – осведомился Барак.

– Для того, чтобы никто не догадался о том, какие опыты здесь происходили, – ответил я и добавил шепотом, вплотную приблизившись к Бараку: – Думаю, кто-то забрал аппарат и уничтожил все следы греческого огня.

– Но кто? Лейтон?

– Возможно. Идемте в дом. Я полагаю, нам следует осмотреть его.

Я пересек двор и постучал в дверь дома. Ответа вновь не последовало. По лицу моему струился пот: в этом квартале плавильных печей жара, и без того невыносимая, еще усилилась. Неумолчный лязг железа начал меня раздражать.

– Мы можем пройти в дом через мастерскую, – предложил Харпер. –

Дверь там открывается тем же ключом, что и ворота.

Помедлив, словно в нерешительности, он отпер дверь в мастерскую и окликнул, переступив через порог:

– Мастер Лейтон!

Вслед за ним в темное помещение вошел Барак.

– Я подожду здесь, – буркнула вдова Гриввуд. – Прошу тебя, Дэвид, будь осторожен.

Я последовал примеру Харпера и Барака. Дэвид распахнул ставни, и мы смогли обозреть мастерскую, в которой царил обычный для таких помещений беспорядок. Труб, вентилях и клапанов здесь было еще больше, чем во дворе; огромная печь не горела. Харпер подошел к ней и взял кусочек угля.

– Совсем остыл, – сообщил он.

Подойдя к двери, ведущей в дом, Дэвид вновь поколебался, но затем вставил ключ и распахнул ее. Перед нами оказалась темная комната. В ноздри мне ударил знакомый слабый запах.

– Подождите, – прошептал я, схватив Барака за руку.

Харпер открыл ставни и осмотрелся по сторонам. Внезапно у него отвисла челюсть от изумления. В гостиной, некогда обставленной весьма тщательно и не бедно, царил ужасающий беспорядок. Посудный шкаф был опрокинут и лежал на боку, по всему полу валялись серебряные тарелки.

Лицо Дэвида залила смертельная бледность. Он замер, зажав рот руками.

– Они добрались и до Лейтона, – проронил я. – Забрали аппарат и убили литейщика.

– Но где труп? – спросил Барак.

– Думаю, он спрятан где-то в доме.

Приказав Харперу не двигаться с места, мы с Бараксом отправились осматривать жилище литейщика. Пока мы поднимались по узкой лестнице, Джек держал наготове меч. В остальных комнатах все оказалось в полном порядке, разгром учинили только в гостиной. Вернувшись туда, мы обнаружили, что Дэвид не послушался нас и вышел вон. Выглянув в окно, я увидел, что они с матерью стоят на улице, не сводя с дома испуганных глаз. Проходивший мимо человек с целой вязанкой труб на спине посмотрел на них с недоумением.

– Злоумышленники забрали тело с собой, – предположил я. – Так же как и аппарат. Решили, что таким образом им удастся скрыть убийство.

Опустившись на колени, я внимательно осмотрел пол.

– Поглядите-ка, в этой комнате пол недавно вымыли: нет ни пылинки.

Тут я заметил пару мух, которые с жужжанием кружились вокруг опрокинутого буфета, и в мозгу моем мелькнула страшная догадка.

– Барак, помогите мне поднять буфет.

Затаив дыхание, я ожидал, что под буфетом обнаружится нечто ужасное; однако там оказалась всего лишь полоска запекшейся крови. Барак присвистнул.

– Хотел бы я знать, где они взяли ключ? – спросил он. – Ведь все двери были заперты.

– Скорее всего, ключ они вынули из кармана мертвого Лейтона, – заметил я, взглянув на входную дверь. – Они не стали ломать двери, постучали и, когда Лейтон открыл, втолкнули его в дом и убили. Скорее всего, они вновь расправились со своей жертвой, нанеся удар топором.

– Если все действительно было так, преступники очень рисковали. Лейтон мог поднять крик и позвать соседей. Харпер прав, литейщики – дружный народ и горой стоят друг за друга.

– Но возможно, Лейтон был знаком с преступниками? – предположил я. – Или хотя бы с одним из них. Скорее всего, это был один из наших преследователей.

– Нам стоит как следует расспросить соседей. – Мы непременно поговорим с ними, но вряд ли что-нибудь узнаем. Бьюсь об заклад, убийцы явились глубокой ночью, когда все вокруг спали. Идемте, Барак, нам больше нечего здесь делать.

Мы вышли на улицу, где нас ожидали юный Харпер и вдова Гривстуд. Когда мать и сын стояли рядом, их сходство, усугубленное одинаковым тревожным выражением, особенно бросалось в глаза.

– Что здесь произошло, сэр? – испуганно выдохнул Дэвид. – Куда исчез мастер Лейтон?

– Здесь его нет. Однако мы обнаружили следы, свидетельствующие о том, что в этом доме совершено преступление.

Вдова Гривстуд издала приглушенный стон.

– Сударыня, я позабочусь о вашей безопасности и безопасности вашего сына, – веско произнес я. – Сторож по-прежнему находится в вашем доме?

– Да, он проводил меня сюда, а потом я отправила его назад.

Я повернулся к Харперу:

– Полагаю, будет лучше, если ваша матушка пока останется с вами. А я позабочусь о том, чтобы незамедлительно переселить вас обоих в безопасное место.

Вдова бросила на меня взгляд, исполненный ужаса.

– Чем они здесь занимались? Ради всего святого, скажите, какие темные

дела творили Майкл и Сепултус?

– Ваш муж и его брат были связаны с опасными людьми. Вот и все, что я могу сказать.

Вдова горестно покачала головой, затем снова вперила в меня пронзительный взгляд. Губы ее сложились в привычную жесткую складку.

– Вы уже виделись с непотребной девкой, к которой таскался Майкл? – процедила она.

– Я пытался поговорить с ней, но она сбежала, – признался я и повернулся к Дэвиду. – Как вы считаете, мастер Харпер, это устройство можно было вывезти со двора, не привлекая внимания? Скажем, на ручной тележке.

– Конечно, – кивнул он. – В Лотбири многие пользуются ручными тележками. На них отвозят готовые трубы заказчику или товары в лавки. На улицах их полно.

– А вы не могли бы поговорить с соседями? – спросил я. – Сообщите им, что Лейтон исчез, и спросите, может, кто видел или слышал что-нибудь подозрительное. Согласны?

Юнец серьезно кивнул, потом обнял мать за плечи и пристально посмотрел на меня.

– Скажите, сэр, нам и в самом деле угрожает опасность?

– Полагаю, сейчас вам обоим следует соблюдать осторожность. Скажите, сударыня, кто-нибудь знает, что вы отправились к сыну? – спросил я, обернувшись к вдове.

– Ни одна живая душа, за исключением сторожа, которого вы прислали на Вулф-лейн.

– Никому не говорите, что ваша матушка здесь, – сказал я Дэвиду. – Вы умеете читать?

– Да.

Я достал клочок бумаги и нацарапал свой адрес.

– Мастер Харпер, если вы узнаете что-нибудь интересное или же вам потребуется помощь, вы найдете меня здесь.

Мальчик кивнул и спрятал листок в карман. Мать вцепилась в его руку. В целом мире у этих двоих больше не было никого. Я был рад, что они есть друг у друга.

Несмотря на усталость, я не преминул зайти к цирюльнику и побриться: вечером мне предстояло отправиться на званый обед к леди Онор. Барак ожидал меня на улице. Затем мы наняли лодку, добрались до Темпла и пешком направились домой. Я чувствовал, что мне необходимо отдохнуть. Около часа я дремал в своей комнате, однако сон не освежил меня и я

проснулся все таким же разбитым и усталым. Небо по-прежнему оставалось свинцовым, а воздух – тяжелым и спертым. Больше всего мне хотелось, чтобы наконец разразилась гроза. Я встал, чувствуя неприятную ломоту во всех членах, и впервые за последние дни сделал несколько упражнений из тех, что показал мне Гай. Я наклонялся вперед, пытаюсь достать руками носки своих башмаков, и почти преуспел в этом, когда в дверь постучали и в комнату, не дожидаясь ответа, вошел Барак. Глаза у него полезли на лоб от изумления.

– Вы что, молитесь в подобной странной позе? – с усмешкой осведомился он.

– Отнюдь. Просто пытаюсь облегчить боль в спине. Кстати, вам никто не говорил, что, постучавшись, следует дождаться приглашения, а не вламываться в комнату?

– Простите, – ответил Барак, явно пребывавший в отличном настроении. – Я зашел лишь сказать вам, что ухожу по делу, – произнес он, бесцеремонно усаживаясь на кровать. – Один из моих осведомителей только что сообщил, что у него есть сведения о тех двоих, что пытались за нами охотиться. О рябом и о его здоровенном приятеле. Я намерен встретиться с ним, а затем повидаться с графом.

Лицо Барака приняло серьезное выражение.

– Я должен рассказать милорду о разговоре с Ричем в суде. И возможно, он пожелает вас увидеть.

Я глубоко вздохнул и сказал:

– Если у графа возникнет подобное желание, вы знаете, где меня найти. И спросите его, не может ли он подыскать для Гривстудов какое-нибудь укромное жилище, где они будут в безопасности.

Барак кивнул, однако во взгляде, устремленном на меня, мелькнуло недовольство.

– Продвинулись мы, мягко говоря, не слишком, зато просьб к графу у нас накопилось более чем достаточно, – изрек он.

– Я отдаю себе в этом отчет. Но вы сами знаете, мы делаем все, что в наших силах.

– Вам придется отправиться в дом леди Онор одному.

– Ничего страшного. Сейчас еще светло.

– Сегодня вечером мне хотелось бы отыскать пивную, в которой Билкнэп встречался с моим отчимом. Займусь этим, пока вы будете пировать в приятном обществе.

– Одобряю ваше намерение.

– Может, сегодня ночью нам все-таки стоит заняться колодцем? Ведь

званный обед вряд ли затянется слишком долго.

Я покачал головой.

– Боюсь, после обеда я так устану, что у меня останется одно желание – завалиться в постель. В моем возрасте приходится щадить себя, Барак, – раздраженно добавил я. – Кстати, а вам сколько лет?

– В августе будет двадцать восемь. Послушайте, я что-то совсем запутался. Я понимаю, что кто-то организовал убийство братьев Гривстудов для того, чтобы завладеть найденной ими формулой. Возможно, злоумышленники рассчитывают продать ее врагам Англии, когда шум вокруг убийства уляжется. Но зачем понадобилось убивать Кайтчина или литейщика Лейтона? Они что, убивают всех, кто хоть как-то связан с греческим огнем?

– Полагаю, Лейтона они убили для того, чтобы завладеть аппаратом. Мы уже имели возможность убедиться, что человеческая жизнь не имеет для них никакой цены.

– Они и вас пытались убить. Похоже, им не нравится, что вы занимаетесь этим делом.

Я нахмурился. – Хотел бы я знать, чего они больше всего опасаются. Того, что открою, кто стоит за всем этим, ктонанял убийц? Или же того, что я узнаю секрет греческого огня? Судя по всему, кто-то похитил книги из библиотеки, чтобы не дать мне приблизиться к разгадке.

Глаза Барака расширились от удивления.

– Неужели вы по-прежнему думаете, что греческий огонь – это всего лишь выдумка мошенников? После всего, что мы видели и слышали?

– И все же что-то здесь не так. Я должен непременно сходить в Гилдхолл, взять в тамошней библиотеке те книги, что исчезли из Линкольнс-Инна.

Я в задумчивости провел руками по волосам.

– Господи боже, страшно подумать, сколько мне еще предстоит сделать.

– Я вижу, вы возлагаете на эти старые книги большие надежды, – заметил Барак. – Итак, сейчас у нас четверо подозреваемых, – добавил он со вздохом. – Билкнэп и его покровитель Рич. Марчмаунт. И несравненная леди Онор. Полагаю, сегодня вечером вам наконец удастся как следует ее расспросить.

– Постараюсь, – бросил я. – Но у меня нет никакой уверенности в том, что моя попытка окажется удачной.

– Вы слишком уж церемонитесь с этой знатной дамой, – с насмешливой ухмылкой изрек Барак. – Стоит вам увидеть ее прекрасные глаза, так и начинаете таять.

– Зато вас трудно упрекнуть в излишней любезности, – отрезал я. – А я сызмальства привык разговаривать с дамами вежливо. И хотя леди Онор, бесспорно, очень привлекательна, я отлично сознаю, что она не моего поля ягода.

Сказав это, я внимательно взглянул на Барака. Впервые явившись в мой дом, он упомянул об ожидающем его свидании со стоворчивой подружкой. Но с тех пор ни разу не заводил разговора о любовных делах. Я не имел даже отдаленного представления о том, сколько женщин было в его жизни. Интуиция подсказывала мне, что достаточно. Впрочем, в последнее время страх перед французской болезнью сделал многих более разборчивыми в связях.

Барак растянулся на постели.

– Билкнэп и Рич, Марчмаунт и леди Онор, – повторил он. – Кто-то из них нанял убийц. Кто-то из них пытается обмануть графа. А может, и у всех рыльце в пушку. Я все больше убеждаюсь в том, что честь и благородство – это добродетели, которые приписывают представителям высшего сословия совершенно незаслуженно.

Я пожал плечами:

– Тем не менее мне всегда казалось, что человек должен стремиться вверх по общественной лестнице. Возможно, со временем мне придется убедиться, что эта цель не стоит потраченных на нее усилий. Многие мечты рассыпаются в пыль, когда приблизишься к их достижению. И в нашем изменчивом мире ни в чем нельзя быть уверенным.

– И все же даже в нашем изменчивом мире кое-что сохраняется на долгие годы, – возразил Барак, и по лицу его скользнула лукавая улыбка. – Помните, я обещал показать вам такую вещь?

– О чем вы?

Барак сел и расстегнул рубашку. На его широкой груди блеснул какой-то золотой предмет, висевший на цепочке. Я разглядел, что это не крест, скорее нечто, формой напоминавшее маленький цилиндр. Барак снял цепочку через голову и протянул мне медальон.

– Поглядите.

Я принялся внимательно разглядывать диковинный талисман. Поверхность цилиндра некогда была покрыта тончайшей гравировкой, однако со временем она почти стерлась. – В семье моего отца этот талисман передается из поколения в поколение, – сообщил Барак. – Считается, что он как-то связан с иудейской религией. Мой отец называет его «мезуза». Я его никогда не снимаю. Мне кажется, он приносит удачу, – добавил Барак, пожав плечами.

– Работа на редкость искусная. Полагаю, это очень старинная вещь.

– Евреи подвергались гонениям в течение нескольких столетий, так ведь? Возможно, кто-то из тех, кто принял крещение, сохранил этот медальон и передал своим потомкам. Так что мне он служит напоминанием о предках.

Я повернул медальон на ладони. Внутри крошечный цилиндр был полым, на одной из сторон я различил крошечную щель.

– Отец рассказывал, в мезузу обычно помещали маленький кусочек священного пергамента и вешали ее у дверей дома, – сообщил Барак.

– Да, это настоящая семейная реликвия, – заметил я, возвращая ему медальон.

Барак вновь повесил его на шею, застегнул рубашку и встал.

– Мне пора идти, – сказал он.

– Мне тоже пора собираться. Удачи вам во всех делах.

Когда дверь за Бараксом захлопнулась, я подошел к окну и взглянул на свой иссохший от зноя садик. Тучи нависли так низко, что сейчас, в разгаре дня, казалось, над городом сгущаются сумерки. Я открыл платяной шкаф и принялся отбирать свои самые лучшие вещи. Где-то вдалеке, за Темзой, раздавались глухие раскаты грома.

ГЛАВА 21

Дом леди Онор находился поблизости от Епископских ворот. Это был четырехэтажный старинный дом, снабженный внутренним двором; фасад его выходил прямо на улицу. Сразу бросалось в глаза, что дом недавно отремонтировали, явно не пожалев на это средств. Я понял, почему его называют Стеклянным: по всему фасаду тянулись новые окна, сверкавшие, как бриллианты, и на некоторых из них были выгравированы фамильные гербы Вогенов. Я внимательно рассмотрел гравировку. На гербе был изображен лев с мечом и щитом, символами воинской отваги. И все же эффект, производимый всем этим изящным великолепием, неуловимо отдавал чем-то женственным.

«Должно быть, – подумал я, – дом перестроен и украшен уже после смерти супруга леди Онор».

Парадные двери были распахнуты настежь, по обеим сторонам от них замерли слуги, облаченные в пышные ливреи. Хотя я надел свой лучший костюм, мне не давала покоя мысль, что среди столь изысканного общества я покажусь убогим простолюдином. Для того чтобы казаться понаряднее, я даже вытащил из-под воротника камзола вышитый рюш, украшавший мою шелковую рубашку.

На званый обед я прибыл верхом на Канцлере; старый мой конь, судя по его довольному виду, оправился от недавнего переутомления и трусил бодрой рысцой. Я спешился, и один из слуг сразу взял у меня поводья, а другой, стоявший у двери, поклонился, приглашая войти. Он провел меня сквозь богато украшенный холл в просторный внутренний двор. Все окна, выходящие сюда, тоже были сделаны из превосходного стекла, стены, помимо герба Вогенов, украшали изображения геральдических животных. Посреди двора бил небольшой фонтан, издававший мелодичное жизнерадостное журчание. Огромный обеденный зал находился на первом этаже. У открытых окон горели свечи, отбрасывая переменчивые тени на снующую туда-сюда толпу приглашенных. До меня доносился оживленный гул голосов.

«Если даже леди Онор имеет отношение к греческому огню, участвовать в этой аванюре ее побудила отнюдь не стесненность в средствах», – решил я.

Слуга провел меня в особую комнату на втором этаже, где на столе стояли многочисленные чаши с горячей водой и лежали полотенца. Чаши,

все до единой, были золотые.

– Желаете вымыть руки, сэр?

– Да, благодарю.

Трое мужчин уже стояли у стола, полоская руки в чашах: юноша, на шелковом камзоле которого красовалась кокарда гильдии торговцев шелком, и пожилой человек в белой сутане священника. Третьим оказался Уильям Марчмаунт; на широком лице его при моем появлении вспыхнула улыбка.

– Рад вас видеть, брат Шардлейк, – благодушно воскликнул он. – Надеюсь, зубы у вас крепкие. На сегодняшнем званом обеде будут подавать исключительно сладкие блюда.

Судя по всему, сегодня вечером Марчмаунт вознамерился явить собой олицетворение приветливости.

– Увы, зубы у меня не слишком хорошие. Мне приходится постоянно за ними следить.

– Но, я вижу, все они у вас по-прежнему на месте, – заметил Марчмаунт. – Как, впрочем, и у меня. Не понимаю я этой современной моды чернить зубы, которой теперь увлекаются многие дамы. Глядя на подобных модниц, можно подумать, что они всю жизнь питались одним лишь сахаром.

– Да, я тоже нахожу, что черные зубы – это отнюдь не привлекательно.

– Я слышал, некоторые дамы утверждают, что, несмотря на все неудобства, связанные с процедурой чернения зубов, она того стоит, – усмехнулся Марчмаунт. – Якобы люди стали уважать их больше с тех пор, как они привели себя в соответствие с последними требованиями моды. Впрочем, дамам, которые, подобно леди Онор, обладают знатным происхождением и значительным состоянием, ни к чему добиваться уважения столь странным способом.

Марчмаунт вытер руки, надел на палец кольцо с крупным изумрудом и похлопал себя по круглому брюшку.

– Идемте, брат Шардлейк.

Он взял из стопки салфетку и перекинул ее через плечо; я последовал его примеру.

Стены в обеденной зале были затянуты старинными, но сохранившими яркость красок гобеленами, изображавшими историю крестовых походов. В сцене, где римский епископ благословляет войска, папская тиара была скрыта аккуратной заплаткой. Высокие сальные свечи в серебряных канделябрах разгоняли вечерний сумрак и наполняли комнату золотистым сиянием.

Я окинул взглядом невероятных размеров стол. Блики света играли на золотой и серебряной посуде, слуги суетились, доставая все новые тарелки и кубки из огромного буфета. Согласно обычаю, я принес с собой собственный столовый нож, изящную серебряную вещицу, которую мне в свое время подарил отец.

«Несомненно, за этим столом, уставленным роскошными приборами, нож мой будет иметь жалкий вид», – подумал я.

В центре стола возвышалась огромная, покрытая затейливой резьбой золотая солонка, примерно в фут высотой. Прямо напротив нее стояло мягкое кресло с высокой спинкой. Таким образом, всем приглашенным отводились места ниже соли – за исключением одного, чрезвычайно высокого гостя. Любопытно, какого вельможу ожидает сегодня леди Онор? Очень может быть, самого Кромвеля.

Марчмаунт, по-прежнему сияя улыбкой, окинул взглядом собравшихся. Около дюжины гостей, в основном пожилые мужчины, оживленно беседовали. Впрочем, некоторые явились с женами, увядшие щеки которых были покрыты густым слоем свинцовых белил. В одной из групп я увидел мэра Холлиса, в роскошной мантии, свидетельствующей о его высоком положении. Прочие гости в большинстве своем были облачены в камзолы гильдии торговцев шелком, хотя я заметил и нескольких священников в сутанах. Несмотря на открытые настежь окна, в комнате стояла страшная духота, и все обливались потом; женщины в своих пышных нарядах, казалось, особенно страдали от жары.

В углу, в полном одиночестве, томился юноша лет шестнадцати с длинными темными волосами и бледным лицом, миловидности которого изрядно вредили россыпи прыщей, часто сопутствующие столь юному возрасту. Вид у него был смущенный и растерянный.

– Это Генри Воген, – шепотом сообщил мне Марчмаунт. – Племянник леди Онор. Наследник титула Вогенов и всех их земельных владений. Леди Онор привезла его из Линкольншира, чтобы дать ему соответствующее воспитание и представить ко двору.

– Судя по виду, ему здесь не по себе.

– Да, вырос он в весьма скромной обстановке и, уж конечно, не подходит для шумных компаний, которые так любит король.

Марчмаунт помолчал и произнес с неожиданным чувством:

– Знали бы вы, как я сожалею о том, что не имею наследника.

Я с удивлением взглянул на него.

– Жена моя умерла от родов пять лет назад, – сообщил он с грустной улыбкой. – С нею вместе умер и новорожденный мальчик. Когда я подавал

прошение об учреждении собственного фамильного герба, мы с женой надеялись, что у нас будет наследник.

– Я очень сожалею о вашей утрате, – произнес я приличествующим случаю печальным тоном. До этой минуты мне и в голову не приходило, что в жизни Марчмаунта могут быть трагедии, которые он мучительно переживает.

– Я вижу, вам тоже известно, что такое утрата, – заметил он и указал взглядом на мое траурное кольцо в форме черепа.

– Да. Своим несчастьем я обязан чуме тридцать четвертого года.

Произнося эти слова, я ощущал себя обманщиком – и не только потому, что незадолго до своей кончины Кейт объявила о намерении выйти за другого. К стыду своему, в последние два года я вспоминал о ней реже и реже.

«Наверное, мне стоит снять это кольцо», – подумал я с внезапным раздражением.

– Вам удалось разрешить тот затруднительный вопрос, который мы с вами недавно обсуждали? – неожиданно спросил Марчмаунт.

Взгляд его вновь стал пронзительным, дымка грустных воспоминаний развеялась бесследно.

– Увы, пока нет. Но мне удалось существенно продвинуться в его разрешении. И знаете, во время расследования произошло одно чрезвычайно странное событие, – ответил я и рассказал ему о книгах, исчезнувших из библиотеки.

– Вам надо было осведомиться об этих книгах у главного хранителя.

– Завтра я непременно это сделаю.

– А что, отсутствие этих книг серьезно препятствует вашему расследованию? – спросил Марчмаунт.

– Нет, лишь слегка его замедляет. Я могу достать все необходимые книги в другом месте.

Я не сводил глаз с лица своего собеседника, но на мои слова он ответил лишь довольно безразличным кивком.

Дворецкий в ливрее взял рог и издал громкий протяжный звук. Все разговоры смолкли, и в комнату вошла леди Онор. На ней было великолепное платье из изумрудно-зеленого бархата, с пышными фижмами и невероятно широкой юбкой, и затейливо расшитый жемчугом головной убор. Я с удовольствием заметил, что она не пользуется ни белилами, ни румянами: при столь свежем цвете лица в этом не было надобности. Впрочем, взоры гостей были прикованы отнюдь не к леди Онор; всеобщим вниманием завладел человек, следовавший за ней. Несмотря на жару, он

был облачен в отороченную мехом пунцовую мантию, на груди сверкала толстая золотая цепь. Сердце мое упало, ибо судьба вновь свела меня с герцогом Норфолкским. Подобно всем прочим, я согнулся в низком поклоне, а герцог важно прошествовал к своему месту во главе стола и окинул собравшихся надменным взором. Помнит ли он, что в прошлое воскресенье на обеде в Линкольнс-Инне я сидел рядом с Годфри? Сердце мое сжималось все сильнее, ибо менее всего на свете я желал привлечь к себе внимание злейшего врага лорда Кромвеля.

Леди Онор улыбнулась и хлопнула в ладоши.

– Леди и джентльмены, прошу, занимайте свои места.

К немалому своему удивлению, я обнаружил, что предназначенное мне место находится поблизости от главы стола; соседкой моей оказалась женщина средних лет, в старомодном головном уборе, напоминающем коробку, и в столь же немодном платье. Впечатляющих размеров бюст украшала не менее впечатляющая рубиновая брошь. По другую ее руку сидел Марчмаунт, которому выпала честь соседствовать с Норфолком. Леди Онор подвела своего растерянного племянника к свободному стулу рядом с герцогом. Норфолк испытующе взглянул на юношу.

– Ваша светлость, позвольте вам представить сына моего кузена, Генри Вогена, – произнесла леди Онор. – Я говорила вам о том, что он недавно приехал из деревни.

Герцог с неожиданным дружелюбием похлопал юношу по щеке.

– Добро пожаловать в Лондон, мой мальчик, – сказал он своим хриловатым голосом. – Отрадно видеть, что представители знатных родов посылают своих отпрысков в столицу, дабы те могли занять приличествующее им положение при дворе. Вам известно о том, что ваш дед сражался при Босуорте вместе с моим отцом?

Юноша, вконец смутившись, кивнул.

– Да, ваша светлость.

Герцог окинул его изучающим взглядом с ног до головы.

– Богом клянусь, вид у тебя замороженный, – усмехнулся он. – Надеюсь, пребывание в Лондоне пойдет тебе на пользу и ты изрядно потолстеешь. – Благодарю вас, ваша светлость.

Леди Онор проводила мэра Холлиса к стулу рядом с потомком славного рода Вогенов, а сама села напротив меня. Юноша не сводил с нее встревоженных глаз.

– А теперь, – обратилась леди Онор к гостям, – отведаем вина и сластей.

Она вновь хлопнула в ладоши, и слуги, в ожидании замершие поодаль, пришли в движение. Перед каждым из гостей был поставлен изящнейший

стакан из цветного венецианского стекла, наполненный вином. Я повертел свой в руках, любуясь восхитительной резьбой. Тут раздался звук горна, и в залу внесли огромного сахарного лебедя, который покоился в гнезде из заварного крема. Гости встретили появление подобного чуда изумленными возгласами, а герцог Норфолкский разразился своим отрывистым лающим смехом.

– Все лебеди, что плавают в Темзе, являются собственностью короля, леди Онор! – с ухмылкой заявил он. – У вас есть разрешение на отлов одного из них?

В ответ на шутку высокого гостя собравшиеся угодливо рассмеялись и зазвенели ножами, отрезая себе по кусочку удивительного угощения. Леди Онор сидела со спокойным и невозмутимым видом, однако глаза ее внимательно наблюдали за всем происходящим в зале. Я восхищался достоинством и грацией, с которыми она исполняла роль хозяйки. Но, видимо, улучшить момент для разговора наедине с леди Онор мне будет не просто.

– Скажите, вы тоже законник, как и барристер Марчмаунт? – осведомилась моя соседка.

– Да, сударыня. Мастер Шардлейк, к вашим услугам.

– Я леди Мирфин, – важно сообщила пожилая дама. – В этом году мой муж стал казначеем гильдии торговцев шелком.

– Мне случалось иметь дело с Гилдхоллом, хотя я не имею чести быть знакомым с сэром Майклом.

– В гильдии говорят, сейчас вы занимаетесь делом об убийстве. – Она устремила на меня суровый взгляд маленьких блекло-голубых глаз, которые блестели на ее размалеванном лице, точно две светлые пуговицы. – Отвратительным преступлением, которое совершила девица из семьи Уэнтворт.

– Да, я являюсь ее адвокатом.

Осуждение, сквозившее во взгляде леди Мирфин, стало еще более откровенным.

– Сэр Эдвин буквально убит потерей сына, – изрекла она. – И он горько сожалеет о том, что правосудие над его преступной племянницей до сих пор не свершилось. Мы с мужем прекрасно его знаем, – веско добавила она, словно это обстоятельство имело для дела решающее значение.

– Племянница сэра Эдвина имеет право на защиту, – возразил я, краем глаза заметив, что герцог о чем-то увлеченно беседует с Марчмаунтом, не обращая ни малейшего внимания на отпрыска Вогенов. Тот, тихий, как море в безветренную погоду, потупил голову и устался на скатерть. Слава

Всевышнему, пока герцог, судя по всему, меня не узнал.

– Преступница имеет лишь одно право – быть вздернутой на виселицу, – непрерываемым тоном заявила леди Мирфин. – Остается лишь сожалеть, что правосудие проявляет столь прискорбную снисходительность! Неудивительно, что город заполнили дерзкие и наглые нищие. Сэр Эдвин обожал своего единственного сына, – добавила она дрожащим от гнева голосом.

– Я понимаю, что смерть мальчика – это большое несчастье для сэра Эдвина и его дочерей, – мягко произнес я, надеясь, что соседка моя на этом успокоится и не станет терзать меня весь вечер. – Его дочери – славные девушки, но они не могут заменить сына. Именно на мальчика сэр Эдвин возлагал все свои надежды.

– Но он настоял на том, чтобы его дочери изучали Священное Писание, не так ли? – спросил я, отчаянно пытаюсь сменить тему разговора.

В качестве доброй знакомой семейства Уэнтвортов моя суровая соседка не могла не ухватиться за столь интересный предмет обсуждения.

– Сэр Эдвин порой излишне увлекается новыми идеями, – пожалала плечами леди Мирфин. – Я не думаю, что Священное Писание – это подходящее чтение для девиц на выданье. Вряд ли их мужья захотят вести с ними беседы на богословские темы.

– Думаю, есть мужья, у которых может возникнуть такое желание.

– Что до меня, я не умею даже писать, и во всех вопросах, выходящих за пределы домашнего обихода, полностью полагаюсь на своего супруга, – с гордостью заявила леди Мирфин. – Уверена, что Сабина и Эйвис, будучи добрыми и хорошо воспитанными девушками, предпочтут участь покорных жен. Бедный Ральф, в отличие от сестер, не отличался благонаравием. Впрочем, мальчишки всегда шалят.

– Так он был большим шалуном? – осведомился я.

– Откровенно говоря, с ним не было никакого сладу. Говорят, его выходки преждевременно загнали мать в могилу.

Пожилая дама сердито взглянула на меня, спохватившись, что сказала слишком много.

– Разумеется, озорной характер мальчика ни в малейшей степени не служит оправданием его убийце.

– Разумеется, нет. Ни в какой степени, – закивал я головой.

Я собирался добавить, что настоящий убийца Ральфа, скорее всего, разгуливает на свободе, но леди Мирфин приняла мои слова как осуждение моей подзащитной, удовлетворенно кивнула и устремила взгляд на леди Онор.

– Наша хозяйка тоже весьма образованная особа, – произнесла она, и в голосе ее послышалось откровенное осуждение. – Сейчас, став вдовой, она пользуется полной независимостью. Но, признаюсь, подобный удел ничуть меня не прельщает.

Тут до слуха моего донесся громкий шепот Норфолка.

– Я пальцем не пошевелю для этого мальчишки, пока она не даст своего согласия, – произнес он, обращаясь к Марчмаунту.

Я наклонил голову, пытаюсь расслышать ответ барристера, но тот говорил слишком тихо.

– К чертям! – прошипел герцог. – Она сделает все, что я пожелаю.

– Боюсь, что нет, – сумел я на этот раз разобрать слова Марчмаунта.

– Богом клянусь, не родилась еще та женщина, которая сумеет одержать надо мной верх, – процедил герцог. – Скажите ей, что мальчишке не на что рассчитывать до тех пор, пока мое желание не будет исполнено. Она вступила на скользкую тропу.

Сказав это, герцог сделал большой глоток из своего стакана и устремил взгляд на леди Онор. Лицо его покраснело, и я вспомнил слухи о том, что он частенько напивается и превращается в настоящего грубияна.

Леди Онор встретила с ним взглядом. Герцог расплылся в улыбке и приветственно поднял свой стакан. Она ответила тем же. Но хотя губы ее улыбались, в глазах мелькнула тревога. Слуга, почтительно приблизившись к хозяйке, прошептал что-то ей на ухо. Леди Онор кивнула и, явно успокоенная, поднялась.

– Леди и джентльмены, – громко произнесла она. – Полагаю, многим из вас доводилось слышать о неких съедобных желтых диковинах, доставляемых из Нового Света. С тех пор как в прошлом месяце они впервые прибыли к нам, они вызвали немало разговоров.

Леди Онор сделала паузу, и в тишине стало слышно, как кое-кто из гостей приглушенно хихикнул.

– Сегодня эти диковины будут поданы на наш стол на ложе из марципана, – продолжала леди Онор. – Леди и джентльмены, отведайте самых удивительных плодов из Нового Света.

Слова ее были встречены смехом и аплодисментами. Слуги внесли полдюжины серебряных подносов и проворно расставили их на столе. На каждом подносе, в обрамлении марципана, лежали странные плоды в форме полумесяцев. Тут только я понял причину сдавленного хихиканья. И размером, и формой эти фрукты напоминали возбужденный мужской член.

– Я бы никогда не позволила себе подать на стол подобные штуковины, – возмущенно прошипела леди Мирфин. – Какое бесстыдство!

Тут она не удержалась и тоже хихикнула; лицо ее неожиданно помолодело, как это часто бывает с почтенными матронами, когда они сталкиваются со всякого рода непристойностями.

Я взял один из диковинных плодов и откусил от него кусочек. Он оказался жестким и горьким на вкус. Потом я заметил, что все прочие отделяют от плодов кожуру, обнажая светло-желтую мякоть. Я последовал их примеру. Мякоть была мучнистой и довольно безвкусной.

– Как называются эти фрукты? – осведомился я у леди Мирфин, которая тоже положила на свою тарелку один из полумесяцев.

– Я не имею ни малейшего понятия о том, как могут называться столь нечестивые плоды, – отрезала она, окинула осуждающим взглядом оживившихся гостей и вновь повторила: – Какое бесстыдство!

До слуха моего донеслось мое собственное имя, произнесенное устами леди Онор, и, торопливо повернувшись, я увидел ее улыбающееся лицо.

– Мэр Холлис рассказал мне, что сейчас вы ведете для Городского совета сложное дело, связанное с имуществом упраздненных монастырей, – произнесла она.

– Именно так, леди Онор. К сожалению, первое судебное разбирательство мы проиграли, но я уверен, что суд лорд-канцлера восстановит справедливость. Несомненно, здания, прежде принадлежавшие монастырям, ныне принадлежат городу, и городские власти имеют право использовать их во благо горожан.

Мэр Холлис серьезно кивнул.

– Надеюсь, что благие намерения Городского совета не окажутся тщетными, сэр. Вы себе не представляете, как много проблем накопилось в Лондоне. Дабы уничтожить угрозу чумы, мы должны проводить строгие меры по соблюдению чистоты, но, увы, многие люди не понимают их необходимости. Некоторые городские дома пребывают сейчас в жалком состоянии, и это чревато печальными последствиями.

В голосе мэра слышалось оживление человека, севшего наконец на своего любимого конька.

– Вам известно, что в прошлом месяце рухнул дом неподалеку от Джонер-холла? Под его развалинами погребено четырнадцать жильцов и четверо прохожих.

– Да пусть все эти вонючие трущобы развалятся к чертям! – раздался хриплый голос во главе стола, и все собравшиеся повернули головы к герцогу.

Язык у него заплетался, и я понял, что он успел изрядно набраться. Разговор с Марчмаунтом, как видно, привел его сиятельство в скверное

расположение духа.

– Чем больше грязных нищих подохнет под обломками, тем лучше для этого города, который они превратили в огромную выгребную яму, – заявил он. – Возможно, у тех, кто останется в живых, пропадет всякая охота коптить небо в Лондоне, и они вернутся в свои деревни, копать в земле, как это делали их отцы.

За столом воцарилась тишина, такая же глубокая, как и во время обеда в Линкольнс-Инне. Юноша из рода Вогенов выглядел так, словно отчаянно желал спрятаться под столом.

– Да, все мы должны согласиться с тем, что город наш требует множества улучшений, – произнесла леди Омор. Она пыталась говорить беззаботно, однако в тоне ее чувствовалась некоторая натянутость. – Не далее как на прошлой неделе епископ Гардинер сказал в своей проповеди, что у каждого из нас есть свои обязанности и нам следует выполнять их с великим тщанием, дабы достичь процветания в королевстве.

Произнося эти примирительные слова одного из самых консервативных епископов, леди Омор окинула взглядом стол, словно ожидая, что кто-нибудь из гостей поможет ей увести разговор в сторону от рискованной темы. Несомненно, ей не хотелось, чтобы на званом вечере вспыхнул скандал.

– Да, выполнять свои обязанности – это наш первейший долг, леди Омор, – произнес я, в фигуральном смысле бросаясь на пролом грудью. – Все мы должны трудиться во имя всеобщего блага.

– Уж вы-то, конечно, трудитесь в поте лица, – фыркнул герцог. – Молоть языками – вот вся ваша работа. Я вспомнил вас, господин крючоктвор. Вы были вместе с тем невежей, который в прошлое воскресенье вывалил на меня целый ворох лютеранских сентенций.

Признаюсь, что под полыхающим ледяной ненавистью взглядом герцога я оробел.

– Я так полагаю, вы, господин крючоктвор, тоже лютеранин?

Глаза всех собравшихся устремились на меня. Ответить утвердительно означало подвергнуть себя риску быть обвиненным в ереси. В какой-то момент я так растерялся, что лишился дара речи. Блуждающий мой взгляд уперся в женщину, которая провела рукой по вспотевшему лицу, выпачкав пальцы в румянах. За окнами прогремел еще один раскат грома, на этот раз более близкий.

– Нет, ваша светлость, – наконец произнес я. – Я всего лишь последователь Эразма.

– Ах, этого голландского извращенца, – процедил герцог. – Я слышал, он

совратил другого монаха, когда был еще послушником. И знаете, как имя его дружка? – Он обвел взглядом покрасневших, смущенно хихикавших гостей. – Роджерас. Роджерас, поняли?^[7]

Герцог зашелся своим лающим смехом, неожиданно разрядившим обстановку. Многие мужчины захохотали вместе с ним. С бешено бьющимся сердцем я откинулся на спинку стула. Герцог меж тем повернулся к юному Генри Вогену и принялся рассказывать истории о своих военных походах.

Леди Онор вновь хлопнула в ладоши.

– А теперь послушаем музыку, – провозгласила она.

В залу вошли двое лютнистов и молодой человек в пышно разукрашенном костюме. Музыканты заиграли, а певец принялся петь народные песни, достаточно громко для того, чтобы его можно было расслышать, и достаточно тихо, чтобы не мешать разговору. Я окинул взглядом стол. Реплики, которыми обменивались гости, становились все более отрывочными и несвязными. Совокупное действие жары, вина и сладких кушаний привело к тому, что сидевшие за столом * в большинстве своем имели вялый и сонный вид. На стол подавали все новые яства, среди которых была и уменьшенная копия Стеклянного дома, весьма искусно сделанная из марципана; однако пресытившиеся гости едва пробовали их.

Певец меж тем запел «Ах, милый Робин», и все смолкли, чтобы послушать. Казалось, печальная песня как нельзя лучше соответствовала подавленному настроению, воцарившемуся за столом. Лишь Норфолк вновь принялся о чем-то перешептываться с Марчмаунтом. Леди Онор поймала мой взгляд и наклонилась ко мне через стол.

– Спасибо за то, что пришли ко мне на выручку, – сказала она. – Мне очень жаль, что в награду вам пришлось выслушать грубость.

– Меня предупреждали, что за вашим столом подчас ведутся нелицеприятные разговоры, – пожал я плечами. – Леди Онор, я хотел бы побеседовать с вами наедине.

Приветливое выражение, сиявшее на ее лице, внезапно сменилось настороженным.

– Встретимся во внутреннем дворе, – проронила она. – После того, как все разойдутся.

Тут с улицы донесся такой оглушительный удар грома, что все гости подскочили на своих местах. По комнате пронесся свежий ветер, сопровождаемый довольным ропотом и вздохами облегчения.

– Неужели наконец дождь? – спрашивали люди, словно не веря подобному счастью.

Леди Онор воспользовалась ситуацией, поднялась и громко произнесла:
– Мне жаль прерывать наш вечер так рано, но, возможно, всем вам лучше отправиться по домам сейчас, прежде чем начнется ливень.

Гости начали поспешно вставать, оправляя измявшиеся юбки и мантии. Норфолк тоже поднялся, слегка пошатываясь, и все склонили головы в почтительном поклоне. Герцог сухо поклонился хозяйке и, нетвердо ступая, покинул обеденную залу.

Стоя поодаль, я наблюдал, как гости прощались с леди Онор. Я заметил, что Марчмаунт приблизился к ней вплотную, что-то настойчиво втолковывая. Как и в Линкольнс-Инне, мне показалось, что его не удовлетворил ее ответ. По крайней мере, когда он направлялся к дверям, лоб его был нахмурен. Поравнявшись со мной, он остановился и вскинул бровь.

– Будьте осмотрительны, брат Шардлейк, – произнес он. – До нынешнего дня я мог бы добиться того, чтобы герцог стал вашим покровителем. Но сегодня вы навлекли на себя его нерасположение. Если времена изменятся, это может иметь для вас неприятные последствия.

Сказав это, Марчмаунт холодно кивнул мне на прощание и вышел из комнаты.

«Да, сегодня мне выпал случай нажать на свою голову новые неприятности», – подумал я.

Если Норфолк займет место Кромвеля, всем, кто не принадлежит к папистам, придется поплатиться за свои убеждения. А если я не добуду греческий огонь, король неминуемо обрушит свою ярость на того, кто до сей поры был самым могущественным человеком в государстве. Хотел бы я знать, кто стоит за историей с греческим огнем? И каковы его цели? Жаждет ли он победы папистов? Или просто стремится к наживе?

Я спустился по лестнице, вышел во внутренний двор и остановился неподалеку от дверей. В небе прогремел еще один раскат грома, совсем близкий. Вечерний воздух казался таким напряженным, что едва не звенел. Ни один человек не вышел во внутренний двор; я догадался, что все гости направились напрямиком к конюшням. Я ждал, размышляя о том, что именно Норфолк желает получить от леди Онор. Кто-то осторожно коснулся моего локтя. Вздвогнув, я обернулся и увидел леди Онор. В сумерках я разглядел, что глаза ее горят лихорадочным огнем. Впрочем, это могло быть следствием не столько волнения, сколько жары и выпитого за обедом вина.

– Простите, что испугала вас, мастер Шардлейк. Вы так глубоко погрузились в свои мысли.

– Вы меня ничуть не испугали, леди Онор, – с поклоном возразил я.

Она сокрушенно вздохнула.

– Сегодняшний вечер обернулся настоящим кошмаром. Никогда прежде я не видала герцога в таком скверном расположении духа. Мне очень жаль, что он дурно обошелся с вами. – Она потупила голову и добавила: – Это моя вина.

– Ваша? Но почему?

– Мне следовало приказать слугам не слишком часто наполнять стакан его сиятельства, – ответила она и взглянула мне прямо в глаза. – Вы хотели о чем-то спросить меня, мастер Шардлейк. Барристер Марчмаунт рассказал мне о том, что случилось с братьями Гривстудами, – произнесла она, понизив голос.

– Насколько я понимаю, барристер Марчмаунт – ваш близкий друг?

– Да, он часто помогает мне советами, – торопливо кивнула леди Онор. – Боюсь, я не многое смогу рассказать вам. Подобно барристеру Марчмаунту, я была всего лишь посыльной. Я передала лорду Кромвелю некий пакет, который мне вручил барристер, и на словах предупредила, что содержимое может представлять для него значительный интерес. Это произошло после одного из моих званных вечеров, таких как сегодня.

По лицу леди Онор скользнула усталая улыбка.

– Вот и все. В дальнейшем все сообщения передавались не через меня. И я ни разу не встречалась с Гривстудом.

В поспешности ее короткого рассказа было что-то настораживающее. Сейчас, когда она стояла совсем близко, я ощутил, что от нее исходит тот же самый пряный мускусный аромат, которым пропитались все документы, связанные с греческим огнем.

– А вы знали, что содержится в пакете? – спросил я.

– Бумаги, имеющие отношение к древней тайне греческого огня. Об этом мне рассказал барристер Марчмаунт. Полагаю, ему не следовало этого делать, однако он слишком хотел произвести на меня впечатление.

Последние свои слова леди Онор сопроводила нарочитым смехом.

– И как долго бумаги находились у вас?

– Всего несколько дней.

– И вы просматривали их?

Леди Онор оставила мой вопрос без ответа, лишь глубоко вздохнула.

– Я знаю, вы просматривали бумаги, – мягко заметил я.

Мне не хотелось слышать, как она лжет. Леди Онор испуганно взглянула на меня.

– Откуда вам это известно?

– Потому что от вас исходит тот же самый приятный аромат, что и от

этих документов. Легчайшее благоухание, которое я различил только сейчас.

Леди Онор досадливо прикусила губу.

– Вынуждена признать, мастер Шардлейк, мне в полной мере присущ порок многих женщин – любопытство. Вы угадали, я вскрыла пакет и прочла все бумаги. А потом запечатала его вновь.

– Вы поняли, о чем там говорится?

– Да, за исключением книг по алхимии. Я поняла достаточно, чтобы убедиться – лучше бы мне было не заглядывать в этот пакет.

Леди Онор посмотрела мне прямо в лицо.

– Я сознаю, что совершила ошибку. Но, увы, я любопытна, как кошка. – Она печально покачала головой. – Излишнее любопытство зачастую является причиной многих неприятностей.

– Таким образом, из всех посредников вы – единственная, кто прочел эти бумаги. Если только барристер Марчмаунт не поступил так же.

– Уильям слишком осторожен. Он не стал бы вскрывать пакет.

«Тем не менее он знал, что содержимое пакета имеет отношение к греческому огню, – подумал я. – И вполне вероятно, он сообщил об этом Норфолку. Возможно, теперь Норфолк добивается от леди Онор, чтобы она рассказала ему об этих бумагах подробнее».

При мысли, что Норфолк замешан в это дело, у меня засосало под ложечкой. Очень может быть, именно поэтому он так хорошо запомнил мою скромную персону.

– Вы полагаете, греческий огонь, о котором говорилось в бумагах, существует в действительности? – обратился я к леди Онор.

Она помедлила с ответом, не сводя с меня задумчивых глаз.

– Судя по всему, так оно и есть, – медленно произнесла она. – Рассказ старого солдата очень убедителен. И бумаги старинные, они не похожи на подделку.

– Вы заметили, что одна из них разорвана?

– Заметила. Но это не я ее разорвала.

В глазах леди Онор впервые мелькнул откровенный испуг.

– В этом я не сомневаюсь. Но именно на этом листе была записана формула греческого огня. Братья Гривстуды утаили ее от лорда Кромвеля.

Очередной удар грома заставил нас обоих вздрогнуть. Где-то над рекой сверкнула молния. У губ леди Онор залегла тревожная складка. Она умоляюще взглянула на меня.

– Мастер Шардлейк, вы ведь не станете рассказывать лорду Кромвелю о том, что я заглядывала в бумаги? – спросила она и судорожно сглотнула.

– Мне очень жаль, леди Онор, но я обязан это сделать.

– Но вы попросите графа отнестись ко мне снисходительно? – вновь сглотнув, умоляюще произнесла леди Онор.

– Если вы в самом деле никому не рассказывали о содержании документов, вам нечего опасаться.

– Клянусь, я не обмолвилась о них ни единым словом.

– Очень хорошо. Тогда я сообщу лорду Кромвелю, что вы сами признались, что из чистого любопытства просматривали документы. Несомненно, он по достоинству оценит вашу откровенность.

Я очень сомневался в том, что леди Онор проявила бы подобную откровенность, если бы не мускусный запах, на котором я ее подловил.

Моя собеседница испустила вздох облегчения.

– Скажите графу, что я очень сожалею о своем проступке. Откровенно говоря, с тех пор, как эти бумаги попали ко мне, я не знала покоя.

– Полагаю, известие о смерти братьев Гривудов тоже не на шутку встревожило вас?

– Когда барристер Марчмаунт сообщил мне об этом двойном убийстве, я была потрясена. Лишь тогда я поняла, что вела себя до крайности неосмотрительно, – добавила леди Онор с внезапной горячностью.

– Что ж, неосмотрительность – это не столь уж тяжкий проступок, – изрек я. – Думаю, лорд Кромвель со мной согласится.

Леди Онор посмотрела на меня с интересом.

– У вас опасное ремесло, сэр, – произнесла она. – Подумать только, сейчас вы расследуете целых два дела об убийстве. Вы ведь по-прежнему защищаете Элизабет Уэнтворт?

– Да. Но я бы не назвал свое ремесло столь уж опасным. Основная моя стезя – отнюдь не убийства, а право на собственность.

– Скажите, эта старая крыса леди Мирфин рассказала вам что-нибудь любопытное о семействе Уэнтвортов? Я заметила, между вами шел весьма оживленный разговор.

«Воистину, от взора хозяйки не ускользнуло ничего из происходящего за столом», – подумал я.

– К сожалению, от нее я не узнал ничего нового, – произнес я вслух. — Исход этого дела по-прежнему зависит от того, пожелает ли Элизабет говорить. И, должен признать, в последнее время я непозволительно им пренебрегаю.

– Я вижу, вы очень переживаете о судьбе Элизабет.

Леди Онор вновь обрела утраченное было самообладание и вернулась к своему обычному беззаботному тону.

– Она – моя подзащитная. Я обязан беспокоиться о ее участи.

Леди Онор кивнула, и жемчужины, украшавшие ее головной убор, блеснули в льющемся из окон свете.

– Мне кажется, мастер Шардлейк, вы обладаете слишком тонкой и ранимой душой для того, чтобы иметь дело с кровью и смертью, – изрекла она с мягкой улыбкой.

– Но я занимаюсь подобными делами отнюдь не слишком часто, – возразил я. – Впрочем, мне, простому крючоктвору, приходится браться за любое дело, какое только перепадет.

По-прежнему улыбаясь, леди Онор покачала головой.

– Менее всего вы похожи на простого крючоктворца. Я подумала об этом, как только вас увидела. – Она склонила голову и негромко произнесла: – Я сразу ощутила, что душа ваша не зачерствела и людские горести и печали находят в ней самый живой отклик.

Я в изумлении уставился на нее, ощущая, как к глазам моим внезапно подступили непрощенные слезы. Леди Онор склонила голову еще ниже.

– Простите меня, мастер Шардлейк. Я вторглась в запретную область. Будь я простой женщиной, меня наверняка считали бы до невозможности нахальной особой.

– Менее всего вы похожи на простую женщину, леди Онор.

Она окинула взглядом пустынный внутренний двор. В небе прогрехотал еще один раскат грома, за которым последовала вспышка молнии, позволившая мне рассмотреть исполненное печали лицо моей собеседницы.

– Со смерти моего мужа прошло более трех лет, но я все никак не могу примириться со своей утратой, – произнесла она. – Все полагали, что я вышла за него по расчету, но я любила его всем сердцем. И мы сумели стать настоящими друзьями.

– Полагаю, это главный залог счастливого брака.

– Мне очень не хватает моего дорогого супруга, – с грустной улыбкой сказала леди Онор. – Правда, у меня остались воспоминания о счастливых днях, проведенных вместе с ним. К тому же теперь, будучи вдовой, я совершенно независима и не могу не ценить этого преимущества.

– Уверен, миледи, вы созданы для независимости.

– Не все мужчины согласились бы с вами. Леди Онор отошла на несколько шагов и остановилась у фонтана, глядя на меня из сумрака. – Барристер Марчмаунт восхищается вами, – изрек я.

– Да, это так, – кивнула она. – Вы знаете, я происхожу из древнего рода Вогенов. В юные годы меня обучали лишь умению держать себя да

вышиванию. Читать мне позволялось понемногу, лишь для того, чтобы поддержать светский разговор. Девушкам из хороших семей, как правило, дают весьма убогое воспитание. Большинство из них отнюдь не жаждет знать больше, но мне порой хотелось визжать от скуки. – Она улыбнулась. – Думаю, теперь вы точно сочтете меня весьма нахальной особой. Но, сознаюсь, я никак не могу избавиться от дурной привычки совать нос в мужские дела. Хотя многие считают, что мне следовало бы посвятить свой досуг вышиванию.

– Я далек от того, чтобы считать широту взглядов дурной привычкой. И согласен с вами по поводу убогого воспитания знатных девиц.

На ум мне пришли дочери сэра Эдвина.

– Женщины, все интересы которых ограничиваются домашним хозяйством и рукоделием, всегда нагоняли на меня скуку.

Едва слова эти слетели с моего языка, я пожалел об этом, ибо их можно было расценить как откровенное заигрывание. Я находил леди Омор очаровательной, но вовсе не желал, чтобы она об этом догадалась. К тому же над ней по-прежнему висела тень подозрения.

– Леди Омор, я выполняю важное поручение лорда Кромвеля, – произнес я деловым тоном. – Если кто-нибудь попытается оказать на вас давление, вынуждая открыть сведения, содержащиеся в прошедших через ваши руки бумагах, незамедлительно сообщите об этом мне. Лорд Кромвель сумеет обеспечить вам надежную защиту.

Леди Омор пристально посмотрела на меня.

– Ходят разговоры, что в скором времени лорд Кромвель никому не сможет оказать ни защиты, ни поддержки. Если только он не сумеет разрешить проблемы, связанные с браком короля.

– Это всего лишь слухи. Так или иначе, сейчас лорд Кромвель обладает большой силой и влиянием.

По лицу леди Омор скользнула тень задумчивости, губы тронула напряженная улыбка.

– Спасибо, что вы так заботитесь обо мне, мастер Шардлейк. Но, полагаю, я не нуждаюсь в защите. – Внезапно улыбка ее потеплела. – Простите за дерзкий вопрос, мастер Шардлейк, но почему вы до сих пор не женаты? Потому что женщины в большинстве своем нагоняют на вас скуку?

– Возможно. Да, надо признать, и сам я не слишком привлекателен для женщин.

– Лишь для тех из них, кто не умеет различить истинных достоинств. Но, несомненно, среди представительниц нашего пола есть такие, кто

способен оценить ум и деликатность. Именно поэтому я стараюсь приглашать в свой дом лишь людей, наделенных этими качествами, – добавила она, вперив в меня испытующий взгляд.

– Да, за вашим столом собирается избранное общество. Но порой скопление людей, наделенных выдающимися качествами, чревато взрывом, – заметил я, пытаясь превратить разговор в шутку.

– Что ж, это неизбежная плата за попытку свести вместе приверженцев различных идей, – сказала леди Онор. – Я искренне надеюсь, что, обсуждая свои проблемы за хорошим угощением, они сумеют преодолеть многие разногласия.

– И я полагаю, их жаркие споры служат вам неплохим развлечением? – спросил я, вскинув бровь.

Леди Онор засмеялась и погрозила мне пальцем.

– Вы вывели меня на чистую воду, мастер Шардлейк. Помимо всех прочих достоинств, вы еще и не-вероятно проницательны. Но поверьте, если подобные словопрения не всегда приносят пользу, вреда они не приносят точно. Кстати, герцог Норфолкский, когда он трезв, может быть очень милым собеседником.

– Вы хотите, чтобы ваш юный племянник восстановил высокое положение, которое некогда занимала ваша семья? – осведомился я. – И занял подобающее место при дворе короля? Я полагаю, Норфолк может ему в этом содействовать – в обмен на сведения о греческом огне. Вы не думаете, что именно поэтому он сначала обласкал мальчика, а потом утратил к нему всякий интерес?

– Я была бы счастлива, если бы моя семья вновь обрела высокое положение, которое некогда утратила, – склонив голову, произнесла леди Онор. – Но, боюсь, выполнение подобной задачи не по силам Генри. Увы, он не может похвастаться ни крепким здоровьем, ни выдающимся умом. Трудно себе представить, что этот робкий мальчик займет место рядом с королем.

– Говорят, грубостью и несдержанностью король может перещеголять даже герцога Норфолка.

Леди Онор предупреждающе вскинула брови.

– Вам следует остерегаться подобных слов, мастер Шардлейк, – вполголоса заметила она и оглянулась по сторонам. – Впрочем, вы правы. Слышали вы жуткую историю о супруге герцога? Говорят, она осмелилась упрекнуть мужа в том, что его любовницы одеты лучше, чем она, и он приказал слугам заткнуть ей рот – в самом буквально смысле. Слуги повалили герцогиню на пол и уселись ей на грудь, так что кровь хлынула у

нее из носа.

Губы леди Онор искривились от отвращения.

– Да, эта история похожа на правду. Сейчас я работаю с помощником, молодым человеком самого что ни на есть низкого происхождения. Так вот, его манеры частенько напоминают мне манеры герцога.

– Значит, вам приходится служить связующим звеном между представителями самых высших и самых низших сословий? – с улыбкой спросила леди Онор. – Воистину вы подобны розе меж шипов.

– Не слишком подходящее сравнение для скромного джентльмена, далеко не блистающего красотой.

Мы оба расхохотались. Когда смех наш стих, оглушительный раскат грома раздался прямо над нашими головами. В следующую секунду небеса разверзлись и оттуда хлынул сплошной поток дождя, моментально промочивший нас до нитки. Леди Онор закинула голову, подставляя лицо освежающим струям.

– Господи, наконец-то! – воскликнула она.

Я моргал, стряхивая капли с ресниц. После томительной жары последних дней струи прохладной воды казались настоящим чудом. Из груди моей вырвался вздох облегчения.

– Я должна идти, – сказала леди Онор. – Но, надеюсь, это не последняя наша беседа, мастер Шардлейк. Мы непременно встретимся еще. Хотя о греческом огне мне больше нечего рассказывать.

Она вплотную приблизилась ко мне, и неожиданно я ощутил на своей мокрой щеке прикосновение ее теплых губ. А потом, не оглядываясь, она побежала к дверям и захлопнула их за собой. Я стоял под потоками дождя, не в силах сдвинуться с места от изумления, и прижимал руку к щеке.

ГЛАВА 22

Проливной дождь сопровождал меня на протяжении всего обратного пути из Стеклянного дома, струи барабанили по моей шляпе подобно множеству мелких камешков. Однако гроза быстро пошла на убыль. К тому времени, как я добрался до Чипсайда, затихающие раскаты грома доносились уже издалека. Сточные канавы превратились в бурлящие потоки, толстый слой пыли, еще недавно покрывавший улицы, – в жидкую грязь. Долгие летние сумерки наконец сгустились окончательно, и церковные колокола оповестили о начале комендантского часа. Значит, сообразил я, Лудгейт будет уже закрыт и мне придется просить привратника отпереть ворота. Канцлер неторопливо трусил, понурился голову.

– Не унывай, старый коняга, скоро будем дома, – подбодрил я своего усталого товарища, похлопав по влажному белому боку. Канцлер ответил тихим ржанием, напоминающим недовольное ворчание.

Подробности необычного разговора с леди Онор вертелись у меня в голове, словно мышьяк, попавшая в кувшин. Получить поцелуй столь знатной и прекрасной дамы, хотя и вполне целомудренный, несомненно, было весьма лестно для скромного законника. Но сердечные нотки появились в тоне леди Онор лишь после того, как я вынудил ее признать, что она просматривала бумаги. Я грустно покачал головой. Миледи представлялась мне чрезвычайно привлекательной, в особенности после этого вечера. Но я сознавал, что не должен поддаваться на ухищрения ее кокетства. Нельзя допустить, чтобы влечение к женщине лишило меня способности здраво рассуждать. Завтра уже второе июня, в моем распоряжении осталось всего восемь дней.

Подъехав к Лудгейту, я заметил вокруг какую-то суету; люди с факелами сновали вокруг старинного здания, где находилась долговая тюрьма.

«Наверное, кто-нибудь из заключенных сбежал», – решил я.

Но, оказавшись ближе, увидел, что небольшая часть наружной стены, та, где был возведен эшафот, рухнула. Я остановил Канцлера около констебля, который с фонарем в руках осматривал груды каменных плит, образовавшуюся на мостовой. Привратник и несколько зевак наблюдали за ним, стоя в стороне.

– Что здесь произошло? – осведомился я. Констебль вскинул голову и, увидев, что перед ним джентльмен, снял шляпу.

– Часть стены развалилась, сэра, – сообщил он. – Раствор, скреплявший камни, весь выкрошился от старости, а недавний ливень размыл все, что осталось. И в результате вы сами видите, что случилось. Хорошо еще, что стена эта толстая, не меньше девяти футов. А то все должники мигом разбежались бы, как крысы.

Он искоса взглянул на меня.

– Простите, сэра, вы случайно не умеете читать на древних языках? На этих плитах что-то написано, а я ничего не могу разобрать. Какие-то языческие каракули. – Я знаю греческий и латинский, – ответил я и соскочил на землю.

Тонкие подошвы моих выходных башмаков закрипели по булыжникам. На мостовой лежало около дюжины древних каменных плит. Констебль наклонил свой фонарь так, чтобы я мог рассмотреть внутреннюю поверхность одной из них. Действительно, камень сплошь покрывала резьба, причудливое соединение изогнутых линий и полукружий.

– Что вы об этом думаете, сэра? – спросил констебль.

– Наверняка эти письмена были выбиты на камне во времена друидов, – заметил кто-то из зевак. – С первого взгляда ясно, это какое-то языческое заклятие. Все эти плиты надо скорее убрать от греха подальше. А лучше всего разбить.

Я провел по загадочным письменам пальцем.

– Я знаю, что это за язык. Это иврит. Скорее всего, камень попал сюда из какой-нибудь еврейской синагоги, после того как три века назад все они были уничтожены. Конечно, это здание построено намного раньше, еще во времена норманнов, но очень может быть, камни, оставшиеся от разрушенных синагог, использовали во время его ремонта.

Констебль перекрестился.

– Так эти каракули нацарапали евреи? Убийцы нашего Спасителя? – Во взгляде его, обращенном на камень, мелькнул испуг. – Да, думаю, нам и в самом деле лучше всего разбить эти проклятые плиты.

– Ни в коем случае, – покачал я головой. Это ведь историческая реликвия. Непременно сообщите о своей находке олдермену. В Городском совете решат, что делать с этими камнями. Наверняка в городе есть знатоки иврита, которых интересуют древние надписи.

На лице констебля отразилось сомнение.

– Думаю, за столь интересную находку вам будет предоставлена награда, – заверил я.

Услышав это, констебль просиял.

– Я обязательно сообщу олдермену, сэра. Благодарю вас.

Бросив последний взгляд на древнюю надпись, я вернулся к Канцлеру. Грязь неприятно чавкала у меня под башмаками. Привратник открыл ворота, и я двинулся по мосту Флит. Шум воды, доносившийся из-под моста, навел меня на философские размышления. Я думал о поколениях людей, живших и умиравших в этом городе, о тревогах и заботах, в которых они проводили свои дни. Некоторые из них оставили после себя величественные монументы, другие – многочисленное потомство. Но в большинстве своем они бесследно исчезли во тьме забвения.

Когда я вернулся домой, Барака еще не было, а Джоан уже легла. Разбудив юного Саймона, я приказал ему отвести лошадь в конюшню. Заспанный мальчишка так отчаянно протирал глаза и с такой неохотой побрел во двор, что я ощутил легкий укол вины. Захватив с собой свечу и кружку пива, я поднялся в свою комнату. Выглянув в распахнутое окно, я увидел, что небо полностью очистилось от туч и на нем сияют звезды. Несомненно, завтра нас снова ожидал жаркий день. Струи дождя, ворвавшиеся в комнату через окно, залили пол и намочили мою Библию, лежавшую на столе. Осторожно вытирая книгу, я подумал о том, что с тех пор, как я открывал ее в последний раз, прошло много дней. Всего лишь десять лет назад сама мысль о возможности издания Библии на английском языке привела бы меня в неопиcуемый восторг. Вздохнув, я отложил Библию и взялся за бумаги по делу Билкнэпа, принесенные из суда. Следовало подготовить рекомендации по поводу обжалования вынесенного сегодня вердикта в суде лорд-канцлера.

Было уже совсем поздно, когда я услышал шаги вернувшегося Барака. Заглянув в его комнату, я увидел, как он, в одной рубашке, вывешивает за окном промокший насквозь камзол.

– Вижу, вы попали под дождь?

– Да, промок насквозь. Сегодня мне пришлось немало побродить по городу. Гроза настигла меня по пути в таверну, где я рассчитывал встретить лжесвидетелей, – Барак серьезно взглянул на меня. – Я виделся с графом. Он недоволен нами. Сказал, что ждет от нас ощутимых результатов, а мы пока лишь просим обеспечить помощь и защиту множеству людей.

Я опустил на кровать.

– А вы рассказали графу, как мы день за днем без устали рыскаем по городу?

– Завтра граф собирается в Хэмптон-Корт на встречу с королем. А послезавтра он хочет увидеть нас и рассчитывает, что мы расскажем ему о достигнутых успехах.

– Он был очень сердит?

– Я бы сказал, милорд был обеспокоен, – покачал головой Барак. – И наше предположение о том, что Рич имеет отношение к этому делу, заметно усилило его беспокойство. Кстати, я разговаривал с Греем. Он, по обыкновению, паялился на меня, словно на огородное чучело. Но все же сказал, что в последнее время у графа много неприятностей.

Я ощутил, как за обычной самоуверенностью Барака мелькнула тревога – тревога за своего покровителя и за себя самого. Несомненно, в случае падения Кромвеля Барака ожидала самая незавидная участь.

– А как прошел званый обед у прекрасной леди? – осведомился он.

– Там был герцог Норфолкский, который не преминул напиться и впал в самое скверное настроение.

Я рассказал Бараку обо всем, произошедшем за столом. Выражение тревоги, которое я различил на его лице, побудило меня к откровенности, так что я не умолчал даже о поцелуе леди Онор. Так или иначе, мы с Бараксом действовали заодно, и нам не следовало ничего утаивать друг от друга. Я ожидал от него каких-нибудь язвительных замечаний, но, к немалому моему удивлению, он лишь смерил меня задумчивым взглядом.

– Так вы полагаете, сия знатная дама начала заигрывать с вами лишь потому, что вы узнали о бумагах? То есть о том, что она совала в них нос?

– Очень может быть. Кстати, мне удалось узнать кое-что еще.

И я рассказал ему о разговоре Норфолка и Марчмаунта, обрывки которого слышал за столом.

– Норфолк хочет чего-то добиться от леди Онор, – заключил я. – И Марчмаунту об этом известно.

– Проклятье! Похоже на то, что Норфолк тоже замешан в этом деле по самые уши. А это куда более опасный противник, чем Рич. Надо незамедлительно сообщить об этом лорду Кромвелю. Значит, вы полагаете, герцог хочет, чтобы леди Онор рассказала ему о содержании бумаг?

– Скорее всего. В них содержится не так много важных сведений, однако ему об этом неизвестно. Но если Норфолк пытался оказать на нее давление, почему она не сказала об этом мне? – Я пристально посмотрел на Барака. – По-моему, она полагает, что лорд Кромвель в самом скором времени уже не сможет оказывать своим друзьям ни поддержки, ни защиты.

– Все это не более чем слухи, – досадливо пожал плечами Барак.

– Завтра я намерен вновь повидаться с леди Онор. Возьму с собой бумаги и предложу ей просмотреть их вместе. И под этим предлогом попытаюсь выяснить, не известно ли ей что-нибудь еще.

По лицу Барака скользнула знакомая косая ухмылка. – Я смотрю, аромат

ее духов произвел на вас большое впечатление. Что ж, богатые женщины всегда хорошо пахнут.

– Да, аромат мускуса сослужил мне добрую службу, – ответил я, не обратив внимания на насмешку. – Именно он выдал леди Онор.

Барак задумчиво взъерошил волосы.

– Вполне вероятно, все они действуют заодно, – предположил он. – Билкнэп, леди Онор, Марчмаунт, Рич, Норфолк. Неплохая подобралась компания, ничего не скажешь.

– Не думаю, что это так. Попробуйте рассуждать логически и поймете, что о подобном сообщничестве не может быть и речи. Те, кто убил Гривудов и Лейтона – я уверен, что литейщик тоже мертв, – знают о греческом огне все. Формула в их руках, и теперь они пытаются заткнуть рты всем, кому об этом известно. А насколько я понимаю, Норфолк, напротив, пытается выведать что-то у леди Онор. Это означает, что он не владеет секретом греческого огня. По крайней мере, пока.

– Возможно, графу следует отправить Билкнэпа, Марчмаунта и прекрасную леди в Тауэр. Уверен, при виде дыбы языки у них сразу развяжутся.

Представив леди Онор в Тауэре, я невольно содрогнулся. Это не ускользнуло от Барака.

– Мы вряд ли добьемся успеха, если будем слишком деликатничать, – с пылом заявил он.

– Да, но если последовать вашему совету и бросить всех подозреваемых в Тауэр, это неминуемо приведет к тому, что какой-нибудь надзиратель или палач пустит слух о греческом огне. И в самом скором времени весь город заговорит о том, что секрет некоей горючей жидкости был обнаружен в монастыре и утрачен вновь.

– Именно поэтому лорд Кромвель и не прибегает к столь решительным мерам, – проворчал Барак. —

Того и гляди, скоро у тюремщиков в Тауэре прибавится работы, – добавил он со вздохом. – Очень может быть, и мы с вами окажемся среди тамошних постояльцев – стоит только папистам одержать верх. Барак покачал головой, словно отгоняя тягостные мысли.

– Впрочем, кое-что мне удалось выяснить, – с гордостью сообщил он. – Теперь я многое знаю про нашего рябого приятеля.

– И что же вы узнали? – вскинул я голову.

– Зовут его Бернард Токи. Родом он из Дептфорда и свой жизненный путь начинал на поприще монастырского послушника.

– Так он монах?

– Когда-то был им и именно поэтому слывет ученым малым. Но за какую-то провинность его лишили сана, и он пошел в солдаты. Токи довелось сражаться с турками – думаю, именно тогда он и получил вкус к кровопролитию. Что до второго, здоровенного парня с бородавчатым носом, то его зовут Райт. Он старый приятель Токи. Вместе они провернули немало темных делишек и всякий раз выходили сухими из воды. Несколько лет назад Токи переболел оспой. Болезнь оставила отметины на его лице, но это ничуть не изменило его привычек.

– И для кого же они проворачивали все эти темные делишки?

– Для всякого, кто готов заплатить. Главным образом для разбогатевших купцов, которые не желали пачкать свои нежные ручки. Так вот, несколько лет назад Токи уехал из Лондона куда-то в деревню. Почувствовал, что здесь для него становится слишком жарко. Но теперь он вернулся. И хотя этот шельмец явно избегал встречи со старыми знакомыми, они его мигом узнали. Теперь я поручил нескольким надежным людям отыскать его.

– Надеюсь, они отыщут Токи прежде, чем он отыщет нас, – буркнул я. – А еще я заглянул в таверну, где околачиваются лжесвидетели.

– Вижу, вы не теряли времени даром.

– Да уж. Я сказал хозяину, что хорошо заплачу за любые сведения о Билкнэпе. Он обещал в случае чего сразу со мной связаться. А потом я отправился в харчевню, где пьянствуют моряки. Сказал, что заплачу всякому, кто сообщит что-нибудь насчет северной огненной воды. Хозяин таверны припомнил, что некий тип по имени Миллер предлагал ему купить бочонок этого самого пойла. Сейчас Миллер ушел в море, корабль его отправился за углем в Ньюкасл. Но через несколько дней он вернется. Думаю, нам с вами стоит поближе познакомиться с этим парнем.

– Да, мы обязательно его найдем. А еще попытаемся проследить, каким образом огненная вода попала к Гривстудам. Вы славно потрудились сегодня, Барак.

– Но работы у нас по-прежнему непочатый край, – заметил Барак, пристально глядя на меня. – И конца пока что не предвидится.

Мне оставалось лишь кивнуть в знак согласия.

– За столом я сидел рядом с супругой казначея гильдии торговцев шелком, которая рассказала мне кое-что любопытное о характере юного Ральфа Уэнтворта, – вспомнил я. – Представьте себе, она заявила, что своими выходками мальчишка преждевременно свел мать в могилу. Хотел бы я знать, что это были за выходки.

– А что она еще рассказала, эта ваша застольная соседка?

– Увы, больше ничего достойного внимания. Тут в дверь дома

постучали, и мы оба подскочили от неожиданности. Барак схватил меч, и мы торопливо сбежали вниз по лестнице. Джоан, тоже разбуженная стуком и явно испуганная, стояла у дверей. Я сделал ей знак отойти и спросил:

– Кто там?

– Я принес письмо, – ответил детский голосок. – Срочное письмо для мастера Шардлейка.

Я отпер дверь. На пороге стоял уличный мальчишка с письмом в руках. Я взял письмо и протянул посыльному пенни.

– Это от Грея? – обеспокоенно спросил Барак.

– Нет, – ответил я, разглядывая надпись на конверте. – Это почерк Джозефа.

Я сломал печать и вскрыл письмо. В нем было всего несколько строк. Джозеф просил меня встретиться с ним завтра в Ньюгейтской тюрьме, где случилось нечто ужасное.

ГЛАВА 23

На следующее утро нам вновь пришлось выехать из дома при первых проблесках рассвета. Надежды на то, что гроза повлечет за собой перемену погоды, оказались тщетными. Было даже жарче, чем обычно, на небе не было видно ни облачка. Под жгучими лучами солнца лужи высыхали на глазах, от куч всякого хлама, нанесенных дождевыми потоками, шел зловонный пар.

Я полагал, что мои планы на сегодняшнее утро могут не слишком понравиться Бараку. После визита в Ньюгейтскую тюрьму я намеревался отправиться в Гилдхолл, дабы передать совету свои рекомендации относительно дальнейшего ведения иска против Билкнэпа. Покончив с этим, я собирался отыскать в библиотеке книги, которые мне не удалось получить в Линкольнс-Инне. Таким образом, дела, намеченные мною на утро, не имели прямого отношения к греческому огню. Как ни странно, у Барака это не вызвало ни малейших возражений. Он сказал, что еще раз пройдет по тавернам, узнает, нет ли новостей о лжесвидетелях или о Токи. Более того, он немало удивил меня, выразив желание вместе со мной отправиться в Яму и повидать Элизабет. Я, со своей стороны, обещал днем еще раз встретиться с леди Онор и возобновить наш занимательный разговор.

Добравшись до Ньюгейта, мы оставили лошадей в ближайшей харчевне. Не обращая внимания на руки, тянувшиеся к нам из-за решетки для подаяния, я постучал в дверь.

Нам открыл тучный надзиратель.

– Опять этот законник, – проворчал он. – От вашего клиента нам всем одни лишние хлопоты.

– Джозеф Уэнтворт уже здесь? У нас с ним назначена встреча.

– Здесь, где ж ему еще быть. – Надзиратель стоял в дверях, преграждая нам путь своей жирной тушей. – Он задолжал мне шесть пенсов и до сих пор не отдал.

– И на что же ему понадобились шесть пенсов?

– Вчера эта ведьма, его племянница, совсем рехнулась, и пришлось обрить ей голову. Представьте себе, ни с того ни с сего она принялась визжать, завывать и метаться. Мы заковали ее в цепи, и я позвал цирюльника, чтобы тот сбрил ее грязные космы. Да будет вам известно, это самое лучшее средство охладить мозги. Мы всегда бреем свихнувшихся

арестантов. Однако это дорогое удовольствие.

Я молча протянул ему шесть пенсов. Надзиратель довольно кивнул и отступил, пропустив нас в темный коридор. Палящий зной проникал даже сквозь толстые каменные плиты Ньюгейта, и внутри царила невыносимая духота. Откуда-то доносилось мерное капанье воды. Вонь стояла одуряющая. Барак сморщил нос.

– Здесь смердит, как в нужнике Люцифера, – проворчал он.

Заметив Джозефа, понуро сидевшего на скамье, мы поспешили к нему. Вид у него был совершенно убитый, однако, когда он завидел меня, в глазах его мелькнула слабая тень радости. – Что произошло? – спросил я. – Надзиратель только что заявил, что Элизабет сошла с ума.

– Спасибо, что пришли, сэр. Я в полной растерянности. Вы знаете, с того самого дня, как случилось несчастье с Ральфом, Элизабет не проронила ни слова. Она молчала много дней подряд. А вчера забрали на казнь старуху, вместе с сыном укравшую лошадь. – Джозеф достал платок, когда-то подаренный ему Элизабет, и вытер вспотевший лоб. – Как только эту женщину увели, Лиззи точно подменили. Она начала визжать и бросаться на стены. Одному Богу известно, почему это случилось, ведь старуха ни разу ей доброго слова не сказала. Лиззи так буйствовала, что тюремщикам пришлось заковать ее в цепи.

Джозеф устремил на меня взгляд, исполненный душевной муки.

– Они обрили ее волосы, ее чудесные вьющиеся волосы, и пытались заставить меня заплатить цирюльнику. Я отказался, ведь, будь моя воля, я никогда не позволил бы совершить подобную жестокость.

Я опустил на скамью рядом с ним.

– Джозеф, как это ни печально, здесь вы должны платить за все, что они потребуют. Иначе тюремщики будут обращаться с Элизабет еще хуже.

Джозеф потупил голову и неохотно кивнул. Я догадался, что, препираясь с тюремщиками из-за денег, бедный Джозеф отчаянно пытался сохранить остатки собственного достоинства.

– А как сейчас ведет себя Элизабет?

– К счастью, успокоилась. Но бедная девочка порезалась и наставила себе синяков.

– Что ж, идем, попытаемся с ней поговорить. Джозеф вопросительно взглянул на Барака.

– Это мой помощник, – пояснил я, вспомнив, что Джозеф уже видел Барака. – Вы не возражаете, если он пойдет вместе с нами?

– Нет, – пожал плечами Джозеф. – Я готов принять помощь от всякого.

– Идемте же, – произнес я, стараясь придать своему голосу бодрость,

которой отнюдь не ощущал. – Нам надо увидеть Элизабет.

Со времени моего последнего свидания с несчастной девушкой прошло всего несколько дней, но мне казалось, это было давным-давно.

Дородный надзиратель снова провел нас мимо камер, где на соломе лежали закованные в цепи арестанты, в так называемую Яму.

– Сегодня-то ваша бесноватая притихла, – сообщил он по дороге. – А что вчера вытворяла – просто жуть. Когда пришел цирюльник, начала орать и изворачиваться, точно змея. Хорошо еще, он не разрезал ей башку своей бритвой. Нам пришлось держать ее за руки и за ноги, пока он брил ее космы.

Надзиратель распахнул дверь, и в носы нам ударила вонь еще более удушливая, чем та, что пропитала здешние коридоры. При виде Элизабет у меня буквально отвисла челюсть, ибо ныне бедная девушка весьма отдаленно напоминала человеческое существо. Скрючившись, она лежала на соломе. Покрытое ссадинами лицо, потемневшее от грязи и запекшейся крови, составляло резкий контраст с наголо обритой белой макушкой.

Я приблизился к ней.

– Элизабет, – произнес я, стараясь говорить как можно мягче и ласковее. – Что с вами случилось?

Я заметил, что у девушки разбита губа; как видно, вчера кто-то из надзирателей ударил ее, когда она от них вырывалась. Она уставилась на меня своими огромными темно-зелеными глазами. Несмотря на жалкое ее состояние, во взгляде Элизабет, прежде потухшем и непроницаемом, сегодня полыхала жизнь, точнее, откровенная злоба. Она сверкнула глазами в сторону Барака.

– Это мастер Барак, мой помощник, – пояснил я. – Я вижу, вас ударили?

Я протянул руку, и Элизабет резко подалась назад. Раздался лязг, и я заметил, что она прикована к стене длинными цепями, а в тонкие запястья и лодыжки впиваются тяжелые железные кольца.

– Вы расстроились из-за той старухи? – осторожно спросил я. – Из-за того, что ее увели на казнь?

Элизабет не ответила, лишь продолжала пожирать меня лихорадочно горящими глазами.

– Можно мне кое-что сказать ей? – прошептал Барак, наклонившись ко мне. – Клянусь, я буду предельно мягок.

Способность Барака быть мягким и вежливым вызывала у меня серьезные сомнения. Впрочем, Элизабет в ее нынешнем состоянии вряд ли что-нибудь могло повредить. Я кивнул в знак согласия.

Барак опустил на колени рядом с Элизабет.

– Я не знаю, какова причина вашей печали, мистрис, – тихо и проникновенно произнес он. – Но если вы и дальше будете молчать, об этом так и не узнает никто. Вы умрете, и люди о вас забудут. Именно так они предпочитают поступать с неразрешенными загадками: поскорее забывать их.

Элизабет вперила в него долгий пронзительный взгляд. Барак удовлетворенно кивнул.

– Мне кажется, я догадываюсь, почему участь старухи-конокрадки произвела на вас такое тяжелое впечатление, – произнес он. – Вы подумали о том, что вас ожидает такой же конец и тут ничего нельзя изменить. Скажите, я прав?

Элизабет сделала движение рукой, и Барак поспешно подался назад, словно опасаясь, что она его ударит. Но девушка всего лишь искала что-то под гнилой соломой. Через несколько секунд Элизабет извлекла на свет кусок угля. Морщась от боли, которую доставляли ей оковы, она нагнулась и принялась расчищать каменный пол перед собой. Я бросился ей на помощь, но Барак знаком остановил меня. Наконец Элизабет расчистила несколько каменных плит от соломы и присохшего дерьма и принялась писать. Мы в молчании наблюдали за движением ее руки. Когда Элизабет закончила и выпрямилась, я наклонился и, прищурив глаза, так как в Яме царил полумрак, с трудом разобрал выведенные ею слова. Это была надпись по-латыни: *damnata iam luce ferox*.

– Что это означает? – спросил озадаченный Джозеф.

– «Дамната» – это, скорее всего, «проклятый», – предположил Барак.

– Это цитата из Лукиана, – пояснил я. – Труды этого автора я видел в ее комнате. А переводится это так: «разбуженный дневным светом осужден на смерть». Так говорили о себе римские воины, которые понимали, что им предстоит неминуемо проиграть битву. Они сами лишали себя жизни, предпочитая смерть поражению.

Элизабет сидела неподвижно, прислонившись к стене. Усилия, потраченные на надпись, казалось, окончательно изнурили ее. Однако взгляд несчастной девушки по-прежнему беспокойно метался по нашим лицам.

– И что она хочет этим сказать? – спросил Джозеф.

– Думаю, тут может быть только одно толкование: Элизабет предпочитает смерть унижению, которым грозит ей новый процесс. Она уверена, что проиграет его.

– Именно поэтому она отказывается говорить, – кивнул Барак. – Но послушайте меня, юная леди, это ведь непростительная глупость. Нельзя

упускать возможность рассказать людям правду и оправдать себя.

– Если бы вы рассказали правду, Элизабет, – тихо и убедительно произнес я, – суд признал бы вас невиновной.

– Лиззи, я знаю, ты ни в чем не виновата! – ломая руки, воскликнул Джозеф. – Умоляю, расскажи нам, что произошло тогда в саду! Не терзай мне душу своим молчанием, ведь это же невыносимо! Ты поступаешь со мной жестоко!

Впервые я стал свидетелем того, как кроткий Джозеф потерял терпение и позволил себе упрекнуть обожаемую племянницу. Откровенно говоря, чувства его были мне более чем понятны. Однако Элизабет вновь не проронила ни слова. Она лишь взглянула вниз, на нацарапанные углем латинские слова, и едва заметно покачала головой.

После минутного раздумья я, громко скрипнув суставами, последовал примеру Барака и опустился на колени рядом с девушкой.

– Я был в доме вашего дяди Эдвина, Элизабет, – сообщил я. – Беседовал с ним и вашей бабушкой, с обеими кузинами и дворецким.

Говоря все это, я не сводил глаз с лица Элизабет, пытаюсь определить, не изменится ли его выражение при упоминании кого-либо из домочадцев. Но во взгляде Элизабет по-прежнему полыхала лишь злоба.

– Все они уверены в том, что вы совершили убийство, – продолжал я.

Рот Элизабет искривила горькая усмешка, и из разбитой губы тут же начала сочиться кровь. Я нагнулся к самому ее уху и прошептал так тихо, что расслышать меня могла только Элизабет:

– Я полагаю, все они пытаются что-то скрыть. И тайна спрятана в том самом колодце, куда упал Ральф!

Во взгляде Элизабет, по-прежнему неотрывно устремленном на меня, полыхнул ужас.

– Я попытаюсь выяснить, что скрывается в колодце, – по-прежнему едва слышно пообещал я. – А еще мне известно, что покойный Ральф доставлял своей матери много тревог и огорчений. Я непременно узнаю правду, Элизабет.

И тут Элизабет заговорила. Голос, которым она так долго не пользовалась, оказался прерывистым и сиплым.

– Если вы узнаете правду, это никому не принесет пользы, – прошептала Элизабет. – Вы лишь утратите веру в Господа нашего Иисуса Христа.

За этими словами последовал приступ надсадного кашля, заставившего Элизабет согнуться пополам. Джозеф поднес к ее губам кружку с водой. Она сделала несколько жадных глотков и вновь согнулась, спрятав лицо в

колених.

– Лиззи! – дрожащим голосом воскликнул Джозеф. – О чем ты, Лизи?!
Прошу, расскажи нам все без утайки!

Но она не изменила позы, словно и не слышала его мольбы.

Я медленно встал.

– Не думаю, что она произнесет еще хоть слово, – обратился я к своим спутникам. – Идемте, надо дать ей покой.

Я обвел взглядом Яму. В дальнем углу, там, где обычно лежала старуха, солома еще была примята.

– Долго она здесь не протянет, – заметил Барак. – Всякому ясно, она не привыкла ни к таким условиям, ни к такому обращению. Неудивительно, что бедняга повредила в рассудке.

– Лиззи, умоляю, расскажи нам все! – едва не плача, твердил Джозеф. – Как ты жестока, господи, как ты жестока! Подумай, ведь, оставляя нас в неведении, ты поступаешь противно христианскому долгу.

Барак бросил на убитого горем фермера предостерегающий взгляд и опустил руку на его дрожащее плечо.

– Идемте, Джозеф, идемте!

Я постучал в дверь, и надзиратель вновь провел нас по коридору к выходу из тюрьмы. Покинуть эти мрачные стены было для всех нас большим облегчением.

Джозеф все еще пребывал в страшном волнении.

– Мы не должны оставлять ее сейчас, когда она наконец заговорила! – повторял он. – Помните, мастер Шардлейк, до нового судебного заседания осталось всего лишь восемь дней.

Я вскинул руку, призывая его замолчать.

– Джозеф, мне на ум пришло одно соображение. Пока я не могу сказать вам, в чем оно заключается. Но надеюсь, вскоре мы сумеем найти ключ к этой загадке.

– Но этот ключ у Лиззи, сэр! – горестно возопил Джозеф. – И, судя по всему, она намерена унести его с собой в могилу.

– Да, она явно не собирается делать хоть что-нибудь для собственного спасения. Поэтому нам придется обойтись без ее помощи.

– О господи, если бы только проникнуть в ее тайну! Скажите, а что вы ей шепнули? Ведь именно ваши слова заставили ее заговорить.

Мне вовсе не хотелось открывать свой секрет Джозефу. Несомненно, ему ни к чему было знать, что я намереваюсь тайно проникнуть в сад его брата.

– Джозеф, наберитесь терпения и подождите до завтра, – произнес я

подчеркнуто невозмутимым и уверенным голосом. – Доверьтесь мне. А если вы решите вновь навестить Элизабет, сделайте милость, не пытайтесь заставить ее говорить. Этим вы только усугубите ее печальное положение.

– Мастер Шардлейк прав, – кивнул Барак. Джозеф переводил обеспокоенный взгляд с меня на Барака.

– Что ж, я сделаю все, что вы скажете, – пробормотал он. – Другого выхода у меня все равно нет. Но боюсь, я тоже сойду с ума, вслед за несчастной Лиззи.

Втроем мы отправились в харчевню, где оставили лошадей. Тротуар был узким, так что нам приходилось идти друг за другом; последним, уныло сгорбившись, брел Джозеф.

– Похоже, наш друг и в самом деле близок к помешательству, – вполголоса заметил я, обращаясь к Бараку. – Признаюсь откровенно, я и сам боюсь свихнуться от всех этих тайн и головоломок. Чувствую, силы мои на пределе.

Барак насмешливо вскинул бровь.

– Надеюсь, вы не собираетесь строить из себя мученика, – язвительно заметил он. – С меня достаточно Джозефа. И его злополучной племянницы. Этим двоим и в самом деле не позавидуешь.

– Кстати, вам удалось найти к Элизабет правильный подход, – сказал я, с интересом поглядывая на Барака. – Ведь это благодаря вам она написала латинскую фразу.

– Просто я слишком хорошо понимаю, что испытывает человек, попавший в подобную переделку, – пожал плечами Барак. – В детстве, когда я убежал из дома, мне казалось, весь мир ополчился против меня. Как ни удивительно, я понял, что это не так, лишь попав за решетку.

– Увы, с Элизабет подобного чуда не произошло. Судя по всему, она совершенно изверилась в мире и в людях.

– Да, для того, чтобы повергнуть ее в столь безысходное отчаяние, должно было произойти какое-то ужасное событие, – глубокомысленно изрек Барак. – И невероятное к тому же. Полагаю, девушка молчит лишь потому, что внушила себе: никто все равно не поверит ее рассказу. Что ж, посмотрим, что скрывается на дне этого проклятого колодца, – добавил он, понизив голос.

ГЛАВА 24

Пообещав Джозефу, что буду держать его в курсе всех новостей, я попрощался с ним. Проезжая через Чипсайд по направлению к Гилдхоллу, я размышлял о тайне, спрятанной на дне злополучного колодца. Впрочем, полностью отдался размышлениям мне мешала необходимость постоянно озираться по сторонам, чтобы не задавить маленьких босоногих ребятишек, с веселыми криками игравших в подсыхающих лужах. «Вскоре жгучие солнечные лучи превратят воду в пар, который поднимется от земли и растворится в горячем воздухе, – подумал я. – Земля, воздух, огонь, вода; эти четыре основных элемента, соединяясь в неисчислимое множество сочетаний, образуют сей подлунный мир. Какое же из этих соединений породило греческий огонь?»

Прибыв в Гилдхолл, я оставил Канцлера в конюшне и вошел в здание. Верви я нашел в его маленькой, погруженной в полумрак конторе. Он просматривал какой-то контракт с неторопливой тщательностью, которая за годы адвокатской практики вошла у него в привычку. В какой-то момент я позавидовал его размеренной жизни, никогда не выходящей из накатанной колеи. Завидев меня, Верви приветливо кивнул, и я протянул ему лист бумаги, на котором вчера изложил все свои соображения относительно дела Билкнэпа. Он пробежал строчки глазами, временами одобрительно кивая, и поднял взгляд на меня.

– Итак, мастер Шардлейк, вы полагаете, что в суде лорд-канцлера мы можем одержать победу?

– У нас есть для этого все основания. Но не исключено, что рассмотрения иска придется ждать около года.

Верви бросил на меня многозначительный взгляд.

– Возможно, нам стоит внести в контору Шести клерков плату, которая превышает обычную, – заметил он.

– Да, это может значительно ускорить слушание дела. Кстати, сегодня утром я собираюсь осмотреть приобретенную Билкнэпом недвижимость. Несомненно, в суде лорд-канцлера пожелают ознакомиться со всеми обстоятельствами дела.

– Я рад, что вы так уверены в успехе, мастер Шардлейк. Городской совет придает большое значение этому иску. Многие здания, прежде принадлежавшие монастырям, ныне пребывают в плачевном состоянии. Эти полусгнившие трущобы, в которых ютится беднота, и домами-то

трудно назвать. К тому же они служат источниками всяческой заразы, а сейчас, когда все вокруг высохло от жары, представляют угрозу пожара.

Верви бросил взгляд в окно, где виднелось безоблачное голубое небо.

– Если, не дай бог, в одном из таких домов вспыхнет пожар, имеющихся запасов воды не хватит, чтобы его потушить. А упрекать во всех бедах, как всегда, станут Городской совет. Мы делаем все, что в наших силах, пытаемся заменить протекающие трубы на новые, но состояние городского водопровода по-прежнему оставляет желать лучшего. – Я знаю литейщика, который делает новые трубы для водопровода. Его зовут мастер Лейтон.

– Да, есть такой. Кстати, мне надо срочно его отыскать. Он должен был предоставить готовые трубы подрядчикам, а сам как в воду канул. Вы хорошо с ним знакомы?

– Сам я с ним никогда не встречался, но слышал о нем как об очень опытном мастере.

– Да, он один из немногих литейщиков, способных выполнить столь сложный заказ, – кивнул головой Верви.

«Скорее всего, сей искусный литейщик уже покинул наш бранный мир», – подумал я.

Однако делиться с Верви своими предположениями не стал.

– Если уж я здесь, нельзя ли мне получить несколько книг в вашей библиотеке? – сменил я тему. – Возможно, мне будет позволено взять их домой?

– Не думаю, что в нашей библиотеке отыщутся какие-либо книги, которых не оказалось в Линкольнс-Инне, – с улыбкой возразил Верви.

– Но мне нужны отнюдь не труды по законоведению. Книги, которые я ищу, посвящены истории Рима. Сочинения Плутарха, Ливия и Плиния.

– Я дам вам записку к нашему библиотекарю. Кстати, я слышал о столкновении, произошедшем между вашим другом Годфри Уилрайтом и герцогом Норфолкским.

Я знал, что Верви является убежденным реформистом, и, следовательно, мог без всякой опаски говорить с ним об этой неприятной истории.

– Годфри проявил излишнюю пылкость, – заявил я.

– Да, времена вновь становятся опасными, и всем нам следует быть осмотрительнее, – подхватил Верви.

Несмотря на то что мы были одни, он понизил голос:

– В следующее воскресенье в Смитфилде будут сожжены два анабаптиста. Если только они не откажутся от своих убеждений. Городскому совету велено произвести необходимые приготовления к казни

и обеспечить присутствие всех подмастерьев.

– Я ничего об этом не слыхал.

– Будущее внушает мне страх, – понурив голову, признался Верви. – Но я совсем забыл про ваши книги, мастер Шардлейк. Сейчас напишу записку.

Я беспокоился, что необходимые мне исторические труды исчезли и из библиотеки Городского совета. Но, к счастью, опасения оказались напрасными. Все интересующие меня книги стояли рядом, на одной полке. Я торопливо схватил их, словно обрел величайшее сокровище. Библиотекарь, похоже, относился к числу излишне ревностных хранителей, твердо уверенных, что книги следует держать на полке, а отнюдь не читать. Однако записка Верви убедила его, что мою просьбу необходимо уважить. С нескрываемой досадой он наблюдал, как я укладываю толстые тома в свою сумку. По ступенькам Гилдхолла я спускался с приятным сознанием того, что мне наконец удалось выполнить намеченное. Направляясь к воротам, я едва не столкнулся с сэром Эдвином Уэнтвортом.

За несколько дней, прошедших с нашей встречи, он, казалось, постарел на много лет. Душевная боль избородила его лицо глубокими морщинами, взгляд потух. Он по-прежнему был облачен в глубокий траур. Под руку с сэром Эдвином шла его старшая дочь Сабина, а в некотором отдалении шествовал дворецкий Нидлер, с расчетными книгами под мышкой.

При виде меня сэр Эдвин резко остановился. Вид у него был такой разъяренный, словно он встретил злейшего врага. Я коснулся рукой шляпы в знак приветствия и уже собирался идти дальше, однако сэр Эдвин решительно преградил мне путь. Нидлер поспешно передал книги Сабине и встал рядом со своим господином, готовый оказать ему защиту и поддержку.

– Что вы здесь делали? – дрожащим от гнева голосом спросил сэр Эдвин. Лицо его, минуту назад бледное как полотно, теперь залилось краской. – Пытались что-нибудь выведать про мою семью?

– Вовсе нет, – ответил я со всей возможной кротостью. – Городской совет поручил мне ведение одного иска, которое не имеет к вашему делу ни малейшего отношения.

– Да, вы, крючкотворы, знаете, на чем нагреть руки. Вы своего не упустите, не так ли, горбатый скряга? Сколько вам заплатил Джозеф за то, чтобы вы обелили убийцу и помогли ей избежать заслуженной кары?

– Пока что мы не обсуждали с вашим братом размеры моего вознаграждения, – невозмутимо ответил я, твердо решив пропускать мимо ушей все оскорбления. – Я взялся за это дело исключительно потому, что убежден в невинности вашей племянницы. Сэр Эдвин, неужели вам не

приходит в голову, что вы стремитесь обречь на казнь невинного, в то время как истинный убийца разгуливает на свободе?

– Похоже, вы воображаете, что разбираетесь в деле лучше коронера? – насмешливо спросил Нидлер.

Подобная наглость со стороны дворецкого уязвила меня больше, чем все нападки сэра Эдвина. Я ощутил, что внутри что-то щелкнуло.

– Насколько я понимаю, ваш слуга уполномочен выразить мнение хозяина? – осведомился я саркастическим тоном.

– Дэвид совершенно прав, – отрезал сэр Эдвин. – Всякому ясно, вам заплатили за то, чтобы вы запутали это очевидное дело.

– Кстати, вы имеете представление о том, что это такое – пытка прессом? – спросил я.

Двое членов Городского совета, поднимавшиеся по ступенькам, удивленно обернулись на мой излишне громкий голос, но я уже ни на что не обращал внимания.

– Осужденный на подобную пытку несколько дней лежит, придавленный каменными плитами, задыхаясь, изнывая от голода и жажды, и мечтает лишь об одном – чтобы хребет его поскорей сломался, положив конец адским мучениям.

По лицу Сабины потекли слезы. Сэр Эдвин с сочувствием взглянул на нее и вновь вперил в меня полыхающий злобой взгляд.

– Как вы смеете расписывать подобные ужасы перед моей несчастной дочерью! – взревел он. – Вы что, не понимаете, какую скорбь испытывает сестра, потерявшая брата! Какую скорбь испытывает отец, потерявший сына! Впрочем, где вам понять, гнусный, уродливый крючоктвор! У вас ведь нет ни семьи, ни детей. Нет и никогда не будет!

Гнев исказил его лицо, в уголках рта скопилась слюна. Уже несколько человек стояло на ступеньках, наблюдая за потешной сценой. У некоторых ругательства, которыми осыпал меня сэр Эдвин, вызывали сочувственный смех. Не желая, чтобы имя Элизабет прозвучало в присутствии всех этих зевак, я решил прекратить склоку. Не удостоив сэра Эдвина ответом, я двинулся своим путем. Нидлер попытался преградить мне путь, но я метнул в нахального дворецкого столь гневный взгляд, что он счел за благо ретироваться. Множество любопытных глаз глядело мне вслед, пока я шел к конюшням, где оставил Канцлера.

Руки мои дрожали, когда я отвязывал поводья. Я погладил Канцлера по голове, словно ища у него утешения, и старый конь, надеясь, что я принес ему что-нибудь вкусное, ткнулся влажными губами мне в ладонь. Ярость сэра Эдвина вывела меня из душевного равновесия. Судя по всему, жгучая

ненависть, которую он испытывал к Элизабет, окончательно затмила его рассудок, не оставив места для сомнений и колебаний. Впрочем, возможно, сэр Эдвин прав: мне, никогда не имевшему детей, трудно понять чувства отца, потерявшего единственного сына. Я перекинул через плечо сумку с книгами, забрался в седло и двинулся по улице. К счастью, сэр Эдвин и его спутники уже ушли.

Я ехал вдоль городской стены к северу, туда, где располагался упраздненный францисканский монастырь Святого Михаила. Он находился на улице, вдоль которой добротные дома соседствовали с жалкими развалинами. Вокруг было пустынно и тихо. Монастырь оказался небольшим, церковь его вряд ли превосходила размерами самую обычную приходскую. Церковные двери были широко распахнуты, и, радуясь подобной удаче, я спешил и вошел.

Оказавшись внутри, я заморгал от удивления. По обеим сторонам нефа возвышались тонкие деревянные перегородки. Шаткие ступеньки вели к многочисленным дверям, за которыми, как видно, находились крохотные каморки. Центр нефа представлял собой узкий проход, на каменных плитах пола лежал толстый слой пыли. Боковые окна были скрыты перегородками, так что в нефе царил сумрак: свет проникал сюда сквозь единственное окно, расположенное на хорах.

У дверей были прикреплены два больших железных кольца. Судя по красовавшейся на полу куче засохшего навоза, здесь привязывали лошадей. Оставив Канцлера, я двинулся по нефу. Сразу было видно, что Билкнэп не счел нужным тратить большие деньги на перестройку церковного здания. Возведенные им перегородки казались такими хилыми, что могли в любую минуту рухнуть.

Одна из дверей, выходящих на дощатый помост, была открыта. Бросив туда взгляд, я разглядел скудно обставленную комнату, освещенную разноцветными отблесками света, льющегося из витражного окна, которое служило наружной стеной убогого жилища. Изможденная пожилая женщина, заметив меня, вышла на лестницу; деревянные ступеньки слегка прогнулись под ее ничтожным весом. Она враждебным взглядом окинула мою черную мантию.

– Что, законник, вы, видно, пришли по поручению владельца этого дома? – спросила она. В голосе ее ощущался сильный северный акцент.

– Нет, сударыня, – ответил я, коснувшись шляпы. – Я представляю Городской совет и явился сюда, чтобы осмотреть выгребную яму. Нам поступили жалобы на то, что она пребывает в плачевном состоянии.

– Это не яма, а просто кошмар! – проворчала женщина, скрестив руки

на груди. – Ею пользуются тридцать человек – все, кто живет здесь, в церкви и во внутреннем дворе. Вонь стоит такая, что могла бы повалить с ног быка. Ей-ей, мне жаль тех, кто живет в соседних домах. Но нам-то что делать, скажите на милость? Мы ведь живые люди и должны справлять свои надобности!

– Никто и не думает обвинять вас, сударыня. Мне очень жаль, что вы испытываете столь тягостные неудобства. Городской совет требует, чтобы все выгребные ямы были устроены надлежащим образом, однако владелец этих зданий отказывается выполнять свои обязанности.

– Этот Билкнэп – продувная бестия, – заявила женщина, смачно сплюнув. – Сколько раз мы просили его заколотить эти дурацкие окна, – добавила она, кивнув в сторону своего жилища. – Из-за этих мерзких цветных стекляшек, которые придумали паписты, мы все, того и гляди, заживо изжаримся на солнце.

Напав на свою любимую тему, женщина облокотилась на перила. – Я живу здесь с сыном и с его семьей, – сообщила она. – Всего нас ютится в этой каморке пятеро. И представьте себе, мы платим в неделю целый шиллинг. Немалые деньги за такую лачугу! Ведь здесь ничто не приспособлено для жилья. На прошлой неделе в одной из здешних комнатушек провалился пол, и бедолаги, которые там жили, едва не погибли.

– С первого взгляда видно, что здание церкви перестроено наспех и чрезвычайно недобросовестно, – заверил я.

«И зачем только эта несчастная женщина перебралась из деревни в Лондон? – пронеслось у меня в голове. – Наверняка ее семья – одна из множества фермерских семей, чья земля была отдана под пастбища».

– Вы ведь законник, – продолжала квартирантка. – Скажите, может хозяин выкинуть нас прочь, если мы не будем ему платить?

– Он имеет на это право, – кивнул я. – Но, полагаю, если вы откажетесь платить, Билкнэп будет вынужден выполнить кое-какие ваши требования, – добавил я с кривой улыбкой. – Больше всего на свете он боится понести убытки.

Говорить так о своем собрате по ремеслу было грубейшим нарушением профессиональной этики. Однако, когда дело касалось Билкнэпа, я отбрасывал подобные соображения прочь. Пожилая женщина удовлетворенно кивнула.

– А как мне пройти к выгребной яме? – спросил я.

Она указала в сторону прохода.

– Там, где раньше был алтарь, есть маленькая дверь. Выйдите в нее и

окажетесь во дворе, у самой ямы. Только смотрите, зажмите нос!

Она помолчала и добавила умоляющим тоном:

– Прошу вас, сэр, постарайтесь найти управу на Билкнэпа. Жить здесь – все равно что в аду!

– Я сделаю все, что в моих силах. Поклонившись, я направился по проходу к маленькой двери, едва державшейся на разболтанных петлях. Участь моей недавней собеседницы и ее товарищей по несчастью внушала мне глубокое сострадание; но, увы, в ближайшее время, до того как иск будет рассмотрен в суде лорд-канцлера, я ничего не мог сделать для обитателей здешних каморок. Впрочем, если Верви даст взятку в конторе Шести клерков, это значительно ускорит ход дела.

Бывший монастырский двор тоже подвергся скоропалительной перестройке: крытая прогулочная арка у стены благодаря бесчисленным тонким перегородкам превратилась во множество тесных комнатушек. На маленьких оконцах вместо занавесей висели грязные тряпки; по всей видимости, эти убогие жилища предназначались для беднейших из бедных. Я зажмурился, ослепленный солнечным светом, отражавшимся от белых каменных плит двора, где еще недавно расхаживали монахи.

Дверь в самую крошечную каморку была открыта, и оттуда доносился омерзительный запах. Предварительно зажав нос, я заглянул внутрь. Выгребная яма была вырыта прямо в земле, и через нее переброшена доска, укрепленная на двух кирпичях. То была яма «для обеих нужд»; глубина подобных ям должна составлять не менее двадцати футов, чтобы туда не могли проникнуть мухи. Однако, судя по тому, что целые тучи этих насекомых с жужжанием носились вокруг доски, глубина ямы составляла никак не более десяти футов. Зажав нос еще крепче, я заглянул в темное смердящее отверстие. Оно даже не было выложено деревом, не говоря уж о предписанном правилами камне. Неудивительно, что яма протекала. Я вздрогнул, вспомнив рассказ Барака о том, как отец его окончил свои дни в одной из подобных ям. Вновь оказавшись во дворе, я вздохнул с облегчением. Прежде чем вернуться домой, мне следовало посетить расположенный по соседству дом, принадлежавший Городскому совету. Утро уже сменилось днем, солнце близилось к зениту. Я потер плечо, затекшее под ремешком набитой книгами сумки.

И вдруг я увидел их. Они стояли по обеим сторонам церковных дверей так неподвижно, что я не сразу их заметил. Высокий тощий тип с лицом, испещренным оспинами, похожими на следы когтей дьявола, и его товарищ – здоровенный неповоротливый детина, который не сводил с меня маленьких угрюмых глаз. Он держал топор для рубки мяса, который в

огромных его ручищах казался грозным оружием. Итак, Токи и его напарник Райт все-таки выследили меня. Я судорожно вздохнул, ощущая, как мои поджилки начали предательски трястись. Путь из внутреннего двора был только один – через церковь. Я окинул взглядом тянувшийся вдоль стены ряд дверей, но все они были закрыты. Обитатели тесных каморок, как видно, отправились на заработки или же просили милостыню на улицах. Рука моя потянулась к кинжалу. Токи заметил мое движение; обнажив в широкой улыбке ряд великолепных зубов, он вытащил свой собственный кинжал.

– Неужели ты не видел, что мы идем за тобой? – жизнерадостно осведомился он.

Голос у него был резкий, произношение – явно деревенское.

– Когда рядом нет мастера Барака, ты совсем теряешь осторожность, горбун. – Он кивнул в сторону выгребной ямы. – Как ты относишься к тому, чтобы искупаться там? Тебя не найдут, пока не соберутся вычистить яму, а это наверняка случится не скоро. Конечно, ты протухнешь и начнешь смердеть, но тут стоит такая вонь, что этого никто не заметит.

Токи подмигнул своему напарнику. Здоровяк кивнул, по-прежнему не сводя с меня глаз. Взгляд его был неподвижен, как у собаки, учуявшей запах добычи. Глаза Токи, напротив, возбужденно бегали и блестели жестоким огнем, как у играющей с мышью кошки. С губ его не сходила довольная улыбка.

– Сколько бы вам ни заплатили, лорд Кромвель заплатит вдвое больше, если вы сообщите имя того, кто вас нанял, – произнес я, стараясь, чтобы голос мой звучал твердо и уверенно.

В ответ Токи расхохотался.

– Плевать я хотел на этого сына кабатчика, – заявил он и в подтверждение своих слов смачно сплюнул на землю.

– Кто вас нанял? – настаивал я. – Билкнэп? Марчмаунт? Рич? Норфолк? Леди Онор Брейнстон?

Перечисляя эти имена, я внимательно наблюдал, не дрогнет ли на лицах моих преследователей хоть один мускул. Но они слишком хорошо владели собой. Токи раскинул руки и начал медленно приближаться ко мне, а здоровенный детина заходил с другой стороны, держа наготове топор. Токи неумолимо оттеснял меня к своему напарнику, дабы тот мог без помех нанести сокрушительный удар и перерубить мне шею, как барану.

– Помогите! – заорал я, но то было лишь напрасным сотрясением воздуха. Если в ветхих хибарках и притаились люди, они, несомненно, не собирались вмешиваться. Ни одна из грязных занавесок даже не

шевелинулась. Сердце мое молотом колотилось в груди; несмотря на жару, я ощущал, как смертельный холод сковал мои члены. Чувствуя, что проиграл, я был готов к тому, чтобы сдаться без борьбы. Но тут перед моим внутренним взором возникло изуродованное лицо Сепултуса Гривстуда. Что ж, подумал я, если меня ждет подобный конец, по крайней мере, я буду сражаться. Взоры наемных убийц были устремлены на мою руку, сжимавшую кинжал. Однако я решил действовать другой рукой. Схватив за ремень увесистую сумку с книгами, я со всей силы метнул ее в Райта. Удар пришелся ему прямо в висок, и, испустив пронзительный крик, он рухнул на землю.

Я бросился к дверям церкви, возблагодарив Бога за то, что они не запираются. Сзади раздавался топот Токи, и я с содроганием ожидал, что холодное острие кинжала вот-вот вонзится в мою спину. Подбежав к кое-как закрепленной двери, я с легкостью оторвал ее от петель и швырнул в негодяя. Маневр вновь удался: подобно своему товарищу, Токи завопил и упал. Это дало мне возможность вбежать в неф. Старуха, с которой я недавно разговаривал, по-прежнему стояла на лестнице и болтала с молодой женщиной, как видно, обитательницей соседней каморки. Завидев, как я вихрем несусь по проходу, обе они открыли рты от удивления. Обернувшись, я увидел, что Токи стоит в дверях и из носа у него ручьем хлещет кровь. К великому моему недоумению, он хохотал.

– За то, что ты так скверно себя ведешь, приятель, придется тебя наказать: окунуть в дерьмо живым, – заявил он и сделал шаг в сторону, давая дорогу Райту, который ворвался в неф с топором в руках.

Через несколько мгновений убийца неминуемо догнал бы меня, но вдруг поток жидкости, низвергнувшийся прямо на голову Райту, заставил его остановиться и выругаться. За жидкостью последовал какой-то предмет, ударивший злодея в плечо. Подняв голову, я понял, что старуха вылила на моего преследователя содержимое ночного горшка, а затем использовала сей предмет в качестве метательного снаряда. Соседка ее держала наготове еще один горшок. Мгновение спустя он полетел в голову убийцы. На этот раз удар пришелся прямо в лоб, и Райт, застонав, выронил топор и сполз по стене.

– Бегите, законник! – закричала старуха. Токи, с горящими от ярости глазами, мчался по проходу. Добежав до главных дверей, я принялся трясущимися руками отвязывать Канцлера. Старый мой конь весь дрожал, понимая, что творится неладное; однако он послушно пошел за мной прочь из церкви. У меня был единственный шанс спастись: вскочить в седло и ускакать прочь. Преследователи мои не имели лошадей и не смогли бы

догнать меня. С трудом взгромоздившись на спину Канцлера, я схватился за поводья, однако чья-то сильная рука, протянувшаяся снизу, натянула их, заставив коня вздернуть голову. К своему ужасу, я увидел, что поводья сжимает Токи; на рябом лице злодея играла издевательская улыбка, обнаженный кинжал сверкал в лучах солнца. Я потянулся за своим собственным кинжалом, который спрятал в рукав, но было слишком поздно. Токи нанес удар, целясь мне в пах.

Меня спас Канцлер. Когда Токи замахнулся, старый конь в испуге взвился на дыбы и нанес преступнику удар копытом. Токи отскочил в сторону. С содроганием я заметил, что кинжал его обагрён кровью. Едва удерживаясь на спине взвившейся лошади, я посмотрел вниз и убедился, что удар, предназначенный мне, достался Канцлеру. Кровь хлестала из глубокой раны на боку у бедного коня. Токи, увернувшись от копыт, вновь замахнулся, но Канцлер, жалобно заржав, пустился галопом, едва не выбросив меня из седла. Токи окинул улицу взглядом: ставни многих домов были открыты, и несколько человек стояло у дверей харчевни. Я натянул поводья, и Канцлер, спотыкаясь и обагрив мостовую кровью, из последних сил устремился к людям. Обернувшись, я увидел, что очухавшийся Райт присоединился к своему товарищу; солнечные блики играли на лезвии его топора. Однако теперь меня отделяло от наемных убийц значительное расстояние. – Эй, что здесь происходит? – раздался чей-то голос. – Надо позвать констебля!

Люди, стоявшие у харчевни, подбежали ко мне. В некоторых окнах показались испуганные и любопытные лица. Токи, метнув в меня злобный взгляд, счел за благо повернуться и броситься наутек. Райт последовал примеру своего напарника. Завсегдатаи харчевни окружили Канцлера, которого сотрясала крупная дрожь.

Сквозь толпу протолкался хозяин заведения.

– Эй, законник, вы целы и невредимы?

– Слава богу, да.

– Но что случилось, господи боже? Ваша лошадь ранена.

– Ее пырнули кинжалом. Я должен доставить ее домой.

Но в это самое мгновение бедный Канцлер, судорожно вздохнув, рухнул на колени. Я едва успел соскочить, прежде чем он повалился на бок. Глядя на ручьи крови, окрасившие в багряный цвет пыльные камни мостовой, я думал о том, что эта кровь могла бы быть моей. Я заглянул в глаза Канцлера, но их уже заволочла мутная пелена; верный мой товарищ был мертв.

ГЛАВА 25

Несколько часов спустя, когда жара уже пошла на убыль, я сидел в своем саду, в тени увитой плющом решетки. Зевакам на улице я сказал, что на меня напали грабители, чем вызвал немало крепких слов по поводу всякого сброда, поселившегося в бывшем монастыре. Владелец харчевни послал за повозкой, чтобы увезти тело лошади, которое перегородило узкую улицу. Я заплатил вознице. Мне отчаянно хотелось попросить его отвезти труп Канцлера ко мне домой, но я понимал, что это нелепо. Когда старого моего товарища погрузили и повезли на скотобойню, я уныло побрел к реке, чтобы нанять лодку. Мне приходилось то и дело смаргивать слезы, застилавшие глаза. От намеченного визита к леди Онор пришлось отказаться: костюм мой, запыленный и запятнанный кровью, никак не подходил для посещения Стеклянного дома. Да и сам я был слишком угнетен случившимся.

Стоило мне смежить веки, и перед внутренним взором вставали подернутые смертной пеленой глаза Канцлера. Причиной его гибели, помимо потери крови, несомненно, послужили испуг и переутомление. Я горько упрекал себя за то, что по такой жаре гонял старого коня через весь Лондон. Бедный мой друг, такой безропотный, надежный и верный. Юный Саймон не смог сдержать слез, когда я сообщил ему, что Канцлер погиб. Я и думать не думал, что мальчуган так привязан к старому коню; мне казалось, он отдает предпочтение молодой и резвой кобыле Барака.

Снова и снова я вспоминал день, когда купил Канцлера. Мне было тогда восемнадцать, я только что приехал в Лондон. То была первая лошадь, которую я приобрел самостоятельно. Какая гордость переполняла мое сердце, когда я вывел из конюшни белоснежного красавца с широкими копытами. С самых первых дней нашего знакомства Канцлер пленил меня своим умом и кротким нравом. Я хотел обеспечить ему спокойную старость, думал, что последние свои годы он проведет в холе и неге, мирно пощипывая травку на деревенской лужайке. Увы, этим мечтам не суждено было сбыться. На глаза вновь выступили слезы, и я поспешно вытер их рукавом.

За моей спиной кто-то осторожно кашлянул. Обернувшись, я увидел Барака, усталого и запыленного.

– Что произошло? – встревоженно спросил он. – Саймон сказал мне, что ваша лошадь погибла.

Я рассказал Бараку о своем столкновении с наемными убийцами.

– Черт, эти ребята не зевают! – пробормотал он, опускаясь на скамью рядом со мной. – Завтра придется сообщить графу еще одну скверную новость. И откуда только они узнали, что вы собираетесь в эти трущобы? Да, но ведь монастырские здания принадлежат Билкнэпу, – заявил Барак после минутного раздумья. – Значит, убийц подослал этот сукин сын.

– Билкнэп понятия не имел о том, что я собираюсь посетить его владения. Я думаю, Токи просто шел по моим следам. Я вел себя слишком беззаботно и не оглядывался по сторонам. Видите ли, в Городском совете у меня произошел не слишком приятный разговор с сэром Эдвином Уэнтвортом, который вывел меня из равновесия. Кстати, эти два мерзавца прекрасно знают, кто вы такой, – добавил я. – И знают, чем вы занимаетесь.

– Ничего удивительного. Как говорится, слухами земля полнится, – пожал плечами Барак. – А что вам удалось вытянуть из прекрасной леди Онор?

– Я ее не видел. В том состоянии, в каком я находился, мне было не до бесед со знатной дамой.

– У нас осталось всего восемь дней, – напомнил Барак и спросил, пристально взглянув мне в лицо: – Вы что, плакали?

– О бедном Канцлере, – ответил я осипшим от смущения голосом.

– Господи боже, да разве можно так убиваться по лошади, – усмехнулся Барак. – Ну, пока вы здесь прохлаждались в тени и проливали слезы, я не сидел сложа руки. Мне удалось найти человека, которого Билкнэп несколько раз использовал в качестве лжесвидетеля. Этот пройдоха ручался в суде за людей, с которыми первый раз встречался в судебном зале.

– И где же он? – оживился я. Барак кивнул головой в сторону дома.

– Здесь, где же еще. Помимо лжесвидетельства этот олух занимается торговлей всяким тряпьем. Я отыскал его в Чипсайте и привел сюда. Сейчас он ждет в кухне. Желаете с ним поговорить?

Вслед за Бараком я побрел в кухню, пытаясь обрести ясность мысли и присутствие духа. За столом сидел человек средних лет, дородный и на вид весьма почтенный. Несомненно, именно благодаря почтенному виду этого торговца дешевым платьем Билкнэп решил использовать его для своих махинаций. Завидев меня, он встал и отвесил низкий поклон.

– Мастер Шардлейк, сэр, для меня большая честь познакомиться с вами. Адам Леман к вашим услугам.

Я уселся за стол напротив Лемана, а Барак встал поодаль, не сводя с него глаз.

– Перейдем прямо к делу, мастер Леман, – заявил я. – Мне известно, что

Стивен Билкнэп, мой собрат по ремеслу, использовал вас в качестве свидетеля.

– Да, я несколько раз давал показания в суде, – кивнул головой Леман.

– Да, вы ручались за людей, которых не видели ни разу в жизни.

Леман пришел в замешательство. Я заметил, что глаза у него слезятся, а нос покрыт сетью красных прожилок.

«Скорее всего, передо мной неисправимый пьяница, – решил я. – Наверняка он не в состоянии должным образом управлять своей лавкой и вечно испытывает нехватку денег. И уж конечно, все, что платил ему Билкнэп, он тратил на горячительные напитки».

– Мастер Билкнэп настолько добр, что выплачивал мне небольшое вознаграждение, – осторожно произнес Леман. – Признаюсь откровенно, я не всегда был близко знаком с джентльменами, за которых давал ручательство. Но мастер Билкнэп заверил меня, что все это весьма достойные люди. И я не сомневался, что поступаю согласно долгу истинного христианина. Господь учит нас быть милосердными и помогать ближним. Вы сами знаете, жизнь в тюрьме – это вовсе не сахар, и потому тот, кто помогает людям освободиться оттуда, совершает благое дело...

– То, что вы совершали, называется лжесвидетельством и является преступлением, – прервал я поток его словоблудия. – Из корыстных соображений вы вводили в заблуждение суд, утверждая, что знаете этих людей, и препятствовали свершению правосудия. Отрицать это не имеет ни малейшего смысла. Кстати, не угодно ли пива, – добавил я совсем другим тоном и кивнул Бараку, который достал из буфета кувшин.

Леман кашлянул и завертелся на своем стуле.

– Честное слово, сэр, Билкнэп платил мне сущие гроши. И я ему заявил напрямую, что больше в суд и носа не покажу. Так и отрезал. Знали бы вы, до чего он хитер. Из тех, кто с блохи спустит шкуру и нашьет из нее башмаков. А наобещать с три короба и потом ничего не заплатить – это он считает святым делом. – В глазах Лемана вспыхнул огонек справедливого негодования. – Я уже сказал вашему помощнику, что помогу вывести эту продувную бестию на чистую воду, и я это сделаю.

Он взял из рук Барака кружку с пивом и шумно отпил из нее.

– Славное пиво. Приятно хлебнуть холодненького в эту чертову жару.

Леман метнул на меня настороженный взгляд.

– Но если я обо всем расскажу в суде, меня не засадят в тюрьму?

Я всегда предпочитал иметь дело с мошенниками, которые ставят свои условия без обиняков.

– Не волнуйтесь, я позабочусь о том, чтобы избавить вас от тюрьмы, –

кивнул я. – В обмен вы подпишете письменные показания, которые я представлю в дисциплинарную комиссию Линкольнс-Инна. Но прежде чем дать этой бумаге ход, я хочу, чтобы вы вместе со мной отправились к Билкнэпу и прямо в лицо сказали ему о том, что собираетесь его разоблачить.

– Надеюсь, все это не бесплатно? – после недолгого размышления осведомился Леман.

– Не бесплатно. Фунт стерлингов вы получите за показания, и еще один – за разговор с Билкнэпом.

– Что ж, сэр, в таком случае я счастлив буду вам помочь, – заявил пройдоха. – Видно, этот Билкнэп здорово вам насолил, сэр? – добавил он, метнув в меня изучающий взгляд.

– Вас это не касается, – отрезал Барак. – Приступим к делу, мастер Леман, – сказал я, поднимаясь со стула. – Сейчас мы поднимемся в мой кабинет и подготовим ваши показания.

Я провел в обществе пройдохи около часа. Наконец он украсил составленную мной бумагу корявым росчерком, и я отпустил его восвояси, снабдив пятью шиллингами в счет обещанной платы. Барак с ухмылкой наблюдал, как я присыпаю чернила песком.

– Никогда прежде не видел, как добываются подобные показания, – заметил он. – Ловко вы обошлись с этим олухом.

– Уверен, в скором времени вы тоже обучитесь этому искусству. Кстати, я чертовски проголодался. Пойду попрошу Джоан подать ужин пораньше.

– А потом отправимся в сад Уэнтвортов? – спросил Барак. – Сегодня надо непременно узнать, что скрывается в этом чертовом колодце. Возможно, другого случая не представится.

Откровенно говоря, меньше всего на свете мне хотелось пробираться в сад сэра Эдвина. Теперь, когда с Леманом было покончено, воспоминания о кошмарных событиях минувшего дня вновь ожили в моей душе, и я ощущал себя совершенно разбитым. Однако Барак был прав – с колодцем следовало разобраться, не откладывая.

– Да, сегодня мы нанесем сэру Эдвину визит, – кивнул я. – Только подождем, пока стемнеет.

Я бросил взгляд на сумку с книгами, за которой мне пришлось послать Саймона во двор бывшего монастыря Святого Франциска.

– Что ж, у меня есть время для того, чтобы узнать, что пишут о греческом огне древние авторы.

После легкого ужина я вернулся в свой кабинет. Солнце уже зашло за горизонт, но сгустившаяся за окном темнота по-прежнему дышала зноем. Я

зажег свечи и погрузился в книги. Как и всегда, чтение успокоило меня и заставило забыть о пережитых волнениях. Книги увлекли в суровый и жестокий мир, полный битв и сражений. Судя по тому, что сообщали древние историки, все опыты римлян с огненным оружием не привели ни к чему. На страницах книг часто встречалось имя Медеи – то была древнегреческая колдунья, которая подарила своему врагу рубашку, при соприкосновении с телом превратившуюся в пламя. И Плутарх, и Лукулл упоминали о том, что во времена Нерона рабов, согнанных на арену, облачали в «рубашки Медеи» и собравшаяся публика с любопытством наблюдала за их мучениями. Но нигде не говорилось, из чего была сделана эта смертоносная одежда. Вопрос о том, почему римляне не использовали это «адское пламя» для военных нужд, также остался без ответа.

Правда, мне встретилось упоминание о неких опытах по созданию огненного оружия, в которых использовалось загадочное вещество, называемое «лигроин». Вещество это было найдено в Месопотамии, на восточных границах империи. Плиний сообщал, что оно бьет ключом из-под земли и способно поджечь даже воду в реке. Значит, Господь скрыл в земных недрах не только золото и железо, но и некую огненную субстанцию. Я знал, что алхимики, изучая состав земли, способны определить, где скрываются залежи железа или каменного угля. Впрочем, в то, что им когда-нибудь удастся найти россыпи пресловутого философского камня, способного превращать металл в золото, я, в отличие от многих простаков, не верил.

Я отложил книгу и потер утомленные глаза.

«Надо обязательно поговорить с Гаем», – сказал я себе.

Бараку вряд ли понравится, что я посвящаю Гаю в наши дела. Так что визит к старому аптекарю мне лучше скрыть от своего помощника. Я был полным невеждой по части научных открытий и взаимодействия веществ, однако чувствовал, что именно здесь, в этих книгах, должен скрываться ключ к раскрытию тайны. Иначе зачем моему неизвестному сопернику понадобилось похищать книги из библиотеки Линкольнс-Инна? И кто он, этот похититель? Старый библиотекарь, несомненно, видел его, но он так запуган, что ничего не расскажет. Я испустил тяжкий вздох. Каждый шаг, предпринимаемый мною, лишь порождал новые загадки.

В дверь постучали. В проеме стоял Барак, облаченный в черные штаны и камзол. В глазах его сверкал огонек едва сдерживаемого возбуждения.

– Готовы? – спросил он. – Настала пора навестить сэра Эдвина.

Мы двинулись к Темплу, где собирались нанять лодку. Барак захватил с собой увесистый ранец, в котором, как он сказал, лежали инструменты,

необходимые для того, чтобы взломать замок на крышке колодца, а также свечи и веревочная лестница. Шагая по ночным улицам с намерением тайно пробраться в чужой сад, я ощущал себя настоящим злоумышленником. Если бы какой-нибудь констебль поинтересовался содержимым ранца, это навлекло бы на нас серьезные неприятности. Барак, напротив, шел с самым беззаботным видом, улыбался и кивал ночным сторожам, изредка встречавшимся нам на пути.

Мы прошли мимо здания Темпл-Инн, погруженного в молчание и темноту, обогнули огромное круглое здание церкви, где покоится прах рыцарей, совершивших крестовый поход к Гробу Господню.

– Да, то были настоящие воины, – вздохнул Барак, кивнув в сторону церкви. – В те времена христианство было силой, не знавшей себе равных. Не то что сейчас, когда христиане бегут от каких-то турок, хотя те и жалкие язычники.

– В те времена христианский мир был единым, а сейчас его раздирают противоречия.

– Возможно, мир объединится вновь, если нам удастся добыть греческий огонь. Объединится под владычеством Англии. При помощи этого огня флотилия короля Генриха спалит все французские и испанские корабли. Мы пересечем Атлантический океан и захватим испанские колонии.

– Не будем опережать события, – холодно оборвал я размечтавшегося Барака.

Спокойствие, с которым он говорил о сожжении кораблей, возмутило меня. Разве он не видел, как заживо сжигают людей в Смитфилде? Не слышал криков несчастных, чью плоть пожирает беспощадный огонь?

– Полагаю, для всего мира будет лучше, если ваши фантазии никогда не осуществятся, – процедил я.

Барак бросил на меня недовольный взгляд, но ничего не ответил. Мгновение спустя он нагнулся, поднял несколько мелких камешков с дорожки, разделяющей цветочные клумбы, и сунул их в карман.

– Зачем они вам? – спросил я.

– Пригодятся, – загадочно бросил он. Впереди показалась Темза, широкая темная лента, испещренная лунными отблесками. У самого берега на воде покачивались огоньки – то были фонари лодочников.

– Нам повезло, – сказал я. – Ждать лодку не придется.

Река, залитая лунным светом, была пустынна и спокойна. Лишь несколько лодок, как видно, перевозивших чиновников из Сити в Вестминстер, скользили по водной глади. Глядя на тусклые огни,

мерцавшие на саутуоркском берегу, я вновь вспомнил о покойном Канцлере. Да, мой верный конь оставил этот мир, оставил ради полного небытия, ибо животные не имеют души. Но, возможно, небытие лучше вечного адского пламени, где суждено томиться большинству представителей рода людского. Вполне вероятно, по окончании земного пути ад ожидает и меня. Только сейчас я с удивлением вспомнил, что, столкнувшись с убийцами, думал лишь о спасении своего брэнного тела, но не о спасении души. Опасность обострила мою природную смекалку, но слова молитвы ни разу не промелькнули в моем сознании. Не рассуждал я и о том, что ожидает мою душу, если я буду убит. Является ли это грехом? Я покачал головой, отгоняя тягостные мысли. События минувшего дня утомили меня донельзя, но предстоящее дело требовало ясного и трезвого ума.

Лодка, мягко ударившись о берег, причалила у ступеней Доугейтского спуска. Барак сошел на землю первым, потом помог выбраться мне, и мы отправились в Уолбрук.

Дом сэра Эдвина был погружен в темноту; на первом этаже окна были закрыты ставнями, а на верхних распахнуты, чтобы впустить побольше воздуха. Вслед за Бараком я свернул в узкий, пахнущий мочой переулок.

– За этой стеной начинается фруктовый сад, – шепотом сообщил мой напарник. – А за ним – сад Уэнтворта. Я уже был здесь и все хорошенько осмотрел.

Барак остановился у ветхой деревянной двери, вделанной в стену, надавил на нее плечом, и она с треском распахнулась. Мы оказались в яблоневом саду. Цветущие деревья испускали густой сладкий аромат. Заметив два силуэта, белевших в темноте у дорожки, я вздрогнул, однако в следующее мгновение разглядел, что это всего лишь пара мирно пасущихся свиней. Неожиданная встреча испугала животных еще сильнее, чем меня, и они с громким хрюканьем пустились наутек. Я оглянулся на дверь: с внутренней стороны она запиралась на засов, который отскочил благодаря мощному толчку Барака.

– А ведь и сад, и дверь кому-то принадлежат, – прошептал я.

– Тише, – сердито оборвал он. – Вы что, хотите, чтобы нас услышал какой-нибудь случайный прохожий?

Барак осторожно закрыл дверь и указал на стену, высота которой составляла никак не менее десяти футов.

– Если вам жаль ломать чужую дверь, перемахнули бы через стену, – насмешливо прошептал он. – Ладно, идем.

Мы прошли через яблоневый сад. Несколько раз кудахтанье кур,

вспархивающих прямо из-под наших ног, заставляло мое сердце сжиматься от страха. Барак подошел к дальней стене; она была ниже, чем наружная, всего лишь футов семь. Джек сделал мне знак остановиться рядом. Взгляд его светился в темноте: судя по всему, он был весьма доволен собой и наслаждался необычным приключением.

– Сад Уэнтворта там, за стеной, – сообщил он. – Если я подсажу вас, вы сможете спрыгнуть?

– Постараюсь, – с сомнением сказал я, окинув оценивающим взглядом стену.

– Отлично. Тогда действуйте.

Барак опустил на корточки и сделал из своих рук ступеньку. Я подошел к стене, схватился за ее верхний край, а ногами уперся в переплетенные руки своего помощника. Поднатужившись, он поднял меня в воздух. Мгновение спустя, сделав отчаянное усилие, я распластался на стене. Пот катил с меня ручьями и застилал глаза. Несколько раз моргнув, я огляделся вокруг. Передо мной расстилался сад сэра Эдвина. За лужайкой и цветочными клумбами виднелся дом. Ни одно из выходивших в сад окон не было освещено. Всего лишь футов пятнадцать отделяло нас от вожделенного колодца.

– Как там, спокойно? – раздался снизу приглушенный голос Барака. – Кажется, да. Света нигде нет.

– А собак?

– Я не вижу ни одной.

Мысль о собаках не приходила мне в голову, и я должен был признать, что Барак оказался предусмотрительнее. В богатых домах часто по ночам спускают с цепи собак.

– Прежде чем спускаться, бросьте в сад пару камешков. Вот, держите.

Он сунул мне в руку камешки, подобранные у Темпла. Я с трудом уселся на стене и швырнул их в темноту. Они с шумом ударились о крышку колодца. Будь в саду собаки, они неминуемо отозвались бы возмущенным лаем; однако ни один звук не нарушил тишины.

– Все тихо, – прошептал я, обернувшись к Бараку.

– Тогда спускайтесь, а я следом за вами. Набрав в грудь побольше воздуха, я спрыгнул на лужайку. Приземление отдалось болью в моей многострадальной спине, но в общем все сошло благополучно.

«Теперь я оказался в ловушке, – пронеслось у меня в голове. – Если случится что-нибудь непредвиденное, без посторонней помощи мне ни за что не вскарабкаться на стену».

Тут рядом со мной почти бесшумно приземлился Барак. Он огляделся

по сторонам, внимательный и настороженный, точно крадущийся за мышью кот.

– Вы стойте на стреме, а я открою колодец, – распорядился он и бегом пустился по траве.

Оказавшись у колодца, он сбросил со спины ранец и с легким звяканьем извлек из него какие-то инструменты. Я подошел к старому дубу и опустился на скамью, стараясь унять свое бешено бьющееся сердце. Дом, с которого я не сводил глаз, по-прежнему был погружен в сон. Барак, сосредоточенно нахмурившись, сунул в висячий замок узкий металлический стержень, напоминающий инструмент ювелира. Судя по уверенному виду, подобная работа была ему не в новинку.

«Любопытно, сколько замков ему довелось взломать, выполняя поручения Кромвеля», – подумал я.

Замок, лязгнув, раскрылся. Барак бросил его на землю и принялся за второй. Я оглянулся на безмолвный дом, надеясь, что все его обитатели – сэр Эдвин, его матушка, обе дочери, дворецкий и слуги – спят крепким сном. Что произошло здесь, у колодца, в тот роковой день? Я сидел на той самой скамье, на которой Сабина и Эйвис, привлеченные криком Ральфа, застали погруженную в безмолвие Элизабет. А сама Элизабет сказала, что, спустившись в колодец, я увижу нечто, способное пошатнуть веру в Господа. Охваченный тревожными предчувствиями, я невольно вздрогнул.

Барак, довольно хмыкнув, разделался со вторым замком и сделал мне знак подойти.

– Помогите мне снять крышку. Она чертовски тяжелая.

– Сейчас.

Воспоминания об исходившем из колодца тошнотворном запахе заставили меня поморщиться. Однако мне ничего не оставалось, как помочь Бараку столкнуть крышку. Мы прислонили ее к стене колодца и заглянули внутрь. Разглядеть нам удалось лишь несколько рядов кирпичной кладки, а ниже сгущалась непроглядная тьма. На меня пахнуло холодом и знакомым запахом разложения.

– По-прежнему воняет, – прошептал Барак.

– Мне кажется, запах стал менее сильным, – заметил я.

Джек наклонился и бросил в колодец камешек. Я ожидал, что через несколько мгновений раздастся всплеск или глухой удар о пересохшее дно, однако из колодца не донеслось ни звука. Барак с удивлением взглянул на меня.

– Похоже, там, внизу, что-то мягкое, – заметил он и добавил со вздохом:

– Я-то рассчитывал понять, насколько колодец глубок. Что ж, будем

надеяться, что лестница достаточно длинная.

Он достал из ранца лестницу и ловко привязал ее к металлическому пруту, где раньше, как видно, крепилась корзинка для ведра. Потом Барак отпустил лестницу, и она скользнула в темноту. Он глубоко вздохнул, расправил плечи и пристально посмотрел на меня. Я догадался, что, несмотря на всю бравату моего напарника, перспектива спуститься в темную бездну представляется ему не слишком заманчивой.

– В случае чего сразу дайте мне знать, – прошептал он. – Я вовсе не хочу, чтобы меня застукали в этом колодце.

– Я буду настороже.

– У меня с собой свечи и трут, так что, если сумею спуститься на дно, как следует рассмотрю, что там лежит, – сообщил Барак. – Пожелайте мне удачи.

– Да поможет вам Бог. Будьте осторожны. И знайте, что я очень благодарен вам за помощь.

Расстегнув верхнюю пуговицу, Барак сунул руку под рубашку и сжал свой иудейский талисман. Потом вскочил на стену колодца, нащупал ногой лестницу и принялся проворно спускаться. Голова его исчезла в темноте так быстро, что у меня возникло странное ощущение, будто колодец проглотил Барака.

– Как вы там, живы? – громким шепотом спросил я, перегнувшись через стену.

– Пока жив, – раздался снизу глухой голос, подхваченный эхом. – Только воняет здесь ужасно.

Я вновь оглянулся на спящий дом. Ни одно из окон по-прежнему не горело.

– Я спустился на самое дно, – донесся из темноты голос Барака. Судя по звуку, колодец был очень глубоким: не меньше тридцати футов. – Под ногами у меня что-то мягкое, – сообщил Барак. – По-моему, какая-то ткань. И еще что-то, похожее на мех. Сейчас зажгу свечу.

Я услышал треск трута, и в непроглядной тьме вспыхнул крошечный огонек, а затем другой.

– Черт, ничего не видно! – воскликнул Барак. – Подождите, подождите! О господи!

Вопль, несущийся из колодца, был полон такого испуга, что я невольно подался назад. И в то же мгновение в одном из окон первого этажа вспыхнул свет.

Не обращая внимания на вонь, я нагнулся и заорал:

– Барак, выбирайтесь отсюда! В доме проснулись!

Огонек свечи погас, и, судя по донесшемуся из колодца шороху, Барак полез наверх. Я бросил встревоженный взгляд в сторону дома. Свет переместился в другое окно. Кто-то бродил по комнатам со свечой. Неужели он что-то увидел или услышал? А может, ему просто понадобилось в уборную. Я ощутил, как натянулась веревочная лестница, и протянул в темноту руку.

– Держите, Барак!

В то же мгновение я почувствовал его крепкую хватку. Морщась от боли в спине, я помог Бараку вылезти. Глядя на его испуганное лицо, можно было подумать, что за ним гнался дьявол. Тяжело дыша, Джек соскочил на землю. Глаза его были расширены от ужаса, от одежды исходил запах гниющего мяса. Я снова посмотрел на дом. Огонек свечи больше не двигался, он мигал в одном из окон. Возможно, кто-то заметил непрошенных гостей. От дома нас отделяло изрядное расстояние, к тому же место, где мы стояли, окружали деревья. Но луна, как назло, светила вовсю, словно хотела нас выдать.

– Идем! – прошептал Барак. – Только сначала поставим на место вот это! – спохватился он, берясь за крышку. – Уверен, из дома нас не разглядеть. Но если кто-нибудь появится, сразу бежим.

Мы водрузили крышку на место, Барак отыскал в траве висячие замки и сноровисто приделал их к железному обручу.

– Огонек свечи движется! Кто-то хочет выйти из дома! – выдохнул я.

– Сейчас, сейчас, – откликнулся погруженный в работу Барак.

Второй замок захлопнулся с легким щелчком, и Барак наконец выпрямился. Именно в это мгновение заскрипела открываемая дверь и раздался голос, в котором я узнал голос дворецкого Нидлера:

– Эй! Кто там, в саду?

Барак опрометью бросился к стене. Я последовал его примеру. Не дожидаясь, пока я подспею, Барак опустил на корточки и сделал из своих рук ступеньку. Я оглянулся. От дома нас отделяли клумбы и лужайка, и разглядеть что-нибудь толком было трудно. Однако я заметил, что у дверей маячит несколько фигур. А потом до меня донесся злобный лай.

– Собаки, – выдохнул я упавшим голосом.

– Быстрее, ради Христа!

Я проделал знакомое упражнение, то есть подтянулся и уперся ногами в сплетенные руки Барака. Когда он поднял меня, я едва не потерял равновесие, однако уцепился руками за край стены и уселся на ней верхом. Оглянувшись, я увидел двух здоровенных черных собак, которые мчались через клумбы напрямиком к Джеку. Грозное их молчание показалось мне куда

страшнее самого оглушительного лая.

– Быстрей, Барак!

Он схватился за край стены и, упираясь ногами в кирпичную кладку, принялся подтягиваться. Собаки были уже внизу. До слуха моего донесся тяжелый топот. Похоже, к погоне присоединился и Нидлер. Барак испустил пронзительный крик. Один из псов, громадина неизвестной породы, злобно рыча, вцепился в его башмак. Другой подпрыгивал, явно намереваясь добраться до меня. От страха я едва не полетел вниз, но, собрав все свое мужество, замер, вцепившись в стену. К счастью, она была слишком высока, и псу, понявшему безуспешность своих попыток, оставалось лишь заливаться истощенным лаем. Из-за стены вслед нам неся голос Нидлера:

– Что вы здесь делаете? Остановитесь! Говорю вам, остановитесь!

– Господи боже, да помогите же мне! – сердито прошипел Барак, которого пес по-прежнему держал за ногу.

Я растерянно огляделся по сторонам, не зная, что предпринять. Потом на ум мне пришла счастливая мысль: я извлек из кармана камешек и бросил его в собаку.

Снаряд мой угодил псу прямо в глаз. Пес взвизгнул и на мгновение разжал зубы. Этого оказалось достаточно, чтобы Барак подтянул ногу и вскарабкался на стену. Не тратя времени даром, мы оба не то спрыгнули, не то свалились в яблоневый сад.

Опасаясь, что Нидлер вслед за нами перемахнет через стену, мы притаились за деревьями; однако дворецкий счел за благо остаться на той стороне, в обществе заходившихся бешеным лаем собак. С лужайки донесся чей-то сердитый голос, скорее всего, сэра Эдвина. Барак схватил меня за руку и увлек за собой по тропинке между деревьями. Он заметно прихрамывал, но тем не менее я едва поспевал за ним. Через сломанную дверь мы вышли на улицу и спустились к Доугейт. Только здесь Барак остановился. Прислонившись к стене, он принялся озабоченно осматривать свою пострадавшую от собачьих зубов ногу.

– Эта тварь сильно вас покусала? – встревоженно спросил я. – Нет, только поцарапала. Слава богу, на мне были башмаки на деревянной подошве. Вот, полюбуйтесь! – И Барак показал мне глубокие следы собачьих зубов, оставшиеся на деревянном каблуке. – Как вы думаете, этот шельмец дворецкий вас узнал? – добавил он, озабоченно взглянув на меня.

– Думаю, нет. Ведь он был далеко и вряд ли мог как следует меня разглядеть.

– Нам повезло, что он оказался трусом и не стал нас преследовать. Иначе вам пришлось бы объясняться с его хозяином. Не представляю, что

вы могли бы сказать в свое оправдание.

Я окинул пустынную улицу обеспокоенным взглядом.

– Скорее всего, сэр Эдвин сообщит констеблю о вторжении в его сад.

– Это уж точно. Так что нам надо уносить отсюда ноги, не мешкая.

– Да, Барак, а почему вы закричали там, в колодце? – напомнил я. – Что вы там увидели?

Барак мрачно взглянул на меня.

– Может, мне померещилось. Там, внизу, была какая-то одежда, я видел мех и ткань. И еще... мне кажется, я видел глаза...

– Глаза?

– Мертвые глаза, – судорожно сглотнув, подтвердил Барак. – Они блестели в свете свечи.

– Но чьи это глаза? Господи боже, там что, труп?

– Откуда мне знать, чьи это глаза. Одно могу сказать, их было не меньше двух пар. Поэтому я и закричал.

– Еще не легче! Значит, в колодце спрятаны два трупа? А может, даже больше?

– У меня не было времени их считать! Едва я увидел глаза, вы подняли тревогу, и мне пришлось выбираться! – Барак покачал головой. – Я ничего толком не разглядел. Говорю вам, может, мне все это померещилось. Хотя нет, я ощущал под ногами хруст костей. Таких тонких, маленьких косточек. Уж это я могу сказать точно.

Он сунул руку под рубашку и коснулся своего талисмана.

– Идемте. Потом все обсудим.

Припадая на одну ногу, Барак заковылял к реке.

ГЛАВА 26

Я был так изнурен, что всю ночь проспал крепким сном. Несмотря на это, проснулся с ощущением свинцовой усталости. К тому же, едва открыв глаза, я вспомнил, что предстоит весьма неприятный разговор с Кромвелем. Сегодня третье июня. Ровно через неделю мы должны представить королю греческий огонь. Несчастливая моя спина, которую я натрудил, вытаскивая Барака из колодца, болела немилосердно.

«Нет, если так пойдет и дальше, меня надолго не хватит, – сокрушенно размышлял я, лежа в постели. – Я не могу жить под гнетом постоянной тревоги и опасности».

Заставив себя встать, я тщательно проделал все упражнения, которые посоветовал мне Гай. Впрочем, дополнительная нагрузка принесла моей многострадальной спине скорее вред, чем пользу. Затем я подошел к окну и окинул взглядом сад. Цветы поникли на своих клумбах под лучами солнца, которое уже палило вовсю.

«Наверное, на ферме Джозефа урожай горит на корню от засухи», – подумал я.

Нынешним утром я вновь не мог сообщить ему ничего утешительного. Тайна колодца по-прежнему оставалась неразгаданной. Барак мужественно предложил повторить попытку; но отправляться грядущей ночью в сад сэра Эдвина было бы чистым безумием, ибо после минувшего вторжения обитатели дома, несомненно, будут настороже. Любопытно, догадались ли они, с какой целью мы проникли в их сад? Барак успел навесить замки на крышку колодца, и, скорее всего, никому не придет в голову, что именно он привлек неизвестных злоумышленников. Пожалуй, сэр Эдвин и дворецкий решат, что испугнули пару грабителей. Я торопливо написал Джозефу записку, в которой просил подождать еще несколько дней, не терять надежды и не впадать в отчаяние.

Когда я спустился в гостиную, Барак уже сидел за столом и завтракал. Ему прислуживала Джоан, которая встретила меня сочувственным взглядом. Без сомнения, моя заботливая экономка заметила, что последние несколько дней я не знаю покоя. Вчера я сказал ей, что Канцлер умер от переутомления и перегрева, однако Джоан, судя по всему, мне не поверила.

– Ну, чем мы займемся сегодня? – спросил Барак, когда Джоан вышла из комнаты.

– Я отправлюсь к леди Онор, задам ей несколько вопросов. Если

нанести визит с утра, то, наверное, можно застать ее дома.

Несмотря на пережитое ночью опасное приключение, мой помощник был бодр, свеж и, по своему обыкновению, язвитель.

– О, я смотрю, вы хорошо подготовились к визиту, – насмешливо заметил он. – Нарядились в новенький камзол и мантию.

– Разумеется, направляясь к знатной леди, я должен выглядеть наилучшим образом.

– Вы помните, что на час дня граф назначил нам аудиенцию? – спросил Барак, и на лице его мелькнула легкая тень. – Он будет ждать нас в Уайтхолле. Надеюсь, вам удастся вытянуть из леди Онор какие-нибудь важные сведения, которые мы сможем сообщить графу. Может, мне составить вам компанию?

– Думаю, это лишнее. Будет намного лучше, если вы навестите мадам Неллер, узнаете, нет ли каких вестей от девушки по имени Бэтшеба. А в двенадцать встретимся здесь, дома. Я пошлю Саймона к Леману, попрошу его явиться сюда к двум. После встречи с графом мы отправимся в Линкольнс-Инн и побеседуем с Билкнэпом.

Я не хотел сообщать Бараку о том, что после визита к леди Онор собираюсь заглянуть к Гаю и поговорить с ним о греческом огне. Интуиция подсказывала мне: тот факт, что римляне знали о подобном горючем веществе, но не умели использовать его в военных целях, очень важен для нашего расследования.

Несколько раз я поймал на себе испытующий взгляд Барака. Возможно, он догадался, что я утаил от него некоторые свои намерения. В пронизательности и сметке своего помощника я не раз имел возможность убедиться. Мне вновь пришло в голову, что безграничная преданность, которую Барак питает к лорду Кромвелю, отнюдь не распространяется на мою особу.

– А вечером заглянем в ту харчевню, где пытались торговать северной огненной водой, – добавил я.

– Отлично, – кивнул Барак. – Пожалуй, и в самом деле стоит проведать старушку Неллер, а то она, чего доброго, совсем о нас забудет. Да и надо чем-то заняться. Слоняться без дела и думать о предстоящем разговоре с графом мне вовсе не хочется. Но как вы пойдете по городу один? Вы что, забыли, что вчера едва унесли ноги от убийц?

– Ничего, на этот раз я буду осмотрителен. И к тому же постараюсь избегать пустынных улиц.

Разговор наш прервал стук в дверь. На пороге стояла Джоан, лицо которой выражало величайшее удивление.

– Сэр, прибыл посланник от лорда Кромвеля, – сообщила она. – Он привел для вас новую лошадь.

Барак вскочил, удовлетворенно кивнув.

– Вчера я написал Грею, сообщил, что ваша лошадь убита, и просил прислать новую, из графских конюшен. У вас ведь нет времени шататься по лошадиным рынкам.

– Вот как, – только и мог сказать я.

– А лошадь вам необходима, ведь по реке можно попасть далеко не всюду. Я просил прислать молодую и резвую лошадь, такую, чтобы не отставала от Сьюки.

– Вот как, – повторил я, ощущая, как в душе поднимается волна внезапной досады. Как видно, Барак воображал, что новая лошадь полностью возместит мне потерю Канцлера. Впрочем, с практической точки зрения он совершенно прав.

Решив воздержаться от объяснений, я вышел во двор. Саймон прогуливал по кругу обеих лошадей. Рядом с лоснящейся кобылой Барака вышагивал крупный гнедой мерин. Я похлопал его по гладкому боку. Судя по всему, животное отличалось спокойным и мирным нравом. И все же, глядя на него, я ощущал себя почти предателем по отношению к покойному Канцлеру.

– Ты узнал, как его зовут? – спросил я у Саймона.

– Предок, сэр. Хотя, по-моему, это имя ему совсем не подходит. Во-первых, конь еще совсем молодой. А во-вторых, это мерин, а значит, он не может производить на свет потомство, – с застенчивой улыбкой добавил мальчуган, довольный своей сообразительностью.

Я взглянул на башмаки на ногах Саймона и осведомился:

– Ну что, ты привык к башмакам?

– Да, сэр, благодарю вас. Я уже почти их не замечаю. – Привычка – великое дело, – улыбнулся я и протянул Саймону две записки. – Одну доставишь мастеру Уэнтворту, в меблированные комнаты, другую – в лавку мастера Лемана, в Чипсайде.

Я взобрался в седло. Барак, стоя в дверях, наблюдал за мной, и в глазах его скользило прежнее недоверие. Махнув ему рукой на прощание, я выехал со двора.

До дома леди Онор я решил добраться наиболее спокойным путем, через Смитфилд, и въехать в Сити через Крипплгейт. Выбирая тихие улицы, я хотел дать Предку возможность привыкнуть к новому седоку. При этом я не забывал об опасности и поминутно оглядывался по сторонам. Документы, найденные Майклом Гриввудом в монастыре, я захватил с

собой, и теперь они лежали в той самой сумке, которой я вчера нанес удар Райту. Вспомнив, как сверкало на солнце отточенное лезвие его топора, я невольно содрогнулся.

Затем мысли мои обратились к Уэнтвортам.

«Господи боже, какие страшные тайны скрывает эта семья?» – спрашивал я себя.

Я видел всех ее членов и не мог представить, что кто-нибудь из них замешан в убийстве, да еще и не в одном. Спору нет, старуха отличается надменным и властным нравом. Но все ее интересы ограничены домом и близкими; к тому же она слепа и, следовательно, вряд ли способна осуществить какое-либо злодейство без посторонней помощи. Юные леди, ее внучки, ни о чем другом, кроме удачного замужества, не помышляют. Возможно, Сабина и воспылала невинной страстью к дворецкому, но все это – самая заурядная история. И она, и ее младшая сестра – классические маленькие женщины, безупречно воспитанные, благонравные и весьма довольные собственной участью.

Тогда, может быть, сэр Эдвин? Сейчас он одержим гневом и печалью, и потому трудно судить, как он ведет себя в обычных обстоятельствах. Однако по тому, что я о нем слышал, сей джентльмен был ничем не примечательным богатым купцом. Все его заботы направлены на упрочение своего благосостояния и, разумеется, благосостояния семьи. Дворецкий Нидлер, несомненно, чрезвычайно дерзкий и неприятный тип. Но он более всего печется о том, чтобы сохранить доверие и расположение своих хозяев. Все это в порядке вещей. Лишь два члена семейства Уэнтворт вырывались из привычных рамок – Элизабет, в невинности которой я был неколебимо уверен, и покойный Ральф.

Добравшись до Смитфилда, я огляделся по сторонам. Монастырь Святого Варфоломея и прилегающая к нему больница по-прежнему были пусты и охранялись стражниками. У рынка я заметил работников в ливреях Городского совета, которые расставляли рядами деревянные скамьи. Другие прибавали длинные цепи к высокому деревянному шесту. Мне вспомнились слова Верви о том, что на следующей неделе здесь состоится огненная казнь двух анабаптистов, которые отрицали церковные таинства. Я вздрогнул и мысленно помолился о том, чтобы эти люди принесли покаяние и избежали уготованной им страшной участи.

Повернув на Лонг-лейн, я заметил у ворот монастыря нескольких слуг в красных с золотом ливреях дома Говардов; все они держали под уздцы лошадей. В воротах монастыря появился герцог Норфолкский собственной персоной; его пурпурная мантия горела огнем на фоне серых камней. Он

беседовал с другим вельможей, который величаво скрестил руки на груди. К несказанному своему удивлению, я узнал в собеседнике герцога сэра Ричарда Рича.

Они тоже заметили меня. Герцог махнул рукой:

– Эй, законник! Подъезжайте-ка сюда.

«Черт, что ему от меня надо?» – пронеслось у меня в голове. Я повернул Предка к воротам, надеясь, что лошадь и дальше будет вести себя благонравно. У ворот я увидел нового привратника и подумал об участии толстяка, которому Барак задал хорошую трепку. Когда я приблизился, Рич вперил в меня холодный злобный взгляд. Норфолк, напротив, смотрел вполне дружелюбно. Очевидно, Рич с почестями встречал герцога Норфолка в своих новых владениях, но им обоим вовсе не хотелось, чтобы их видели вместе. В последнее время атмосфера при дворе была столь тревожной и переменчивой, что встреча двух королевских советников за пределами Уайтхолла, несомненно, повлекла бы за собой многочисленные слухи и сплетни. О чем могли говорить меж собой ближайший сподвижник Кромвеля и его злейший враг? Ломая голову над этим вопросом, я спешил и отвесил вельможам низкий поклон.

– Мастер Шардлейк, – произнес Норфолк, и едва заметная улыбка скользнула по изборожденному морщинами лицу. – Лорд Рич, это тот непревзойденный дока по части законов, которого я встретил вчера на званом вечере леди Онор. Полагаю, он не из тех, кто скрипит перьями в вашей Палате перераспределения.

– Да, он служит в Линкольнс-Инне, не так ли, брат Шардлейк? Хотя по долгу службы ему подчас приходится бывать в самых неожиданных местах. Не далее как несколько дней назад я застал его в собственном саду. Признайтесь, брат Шардлейк, вы хотели похитить белье, вывешенное там для просушки?

Я ответил на шутку вельможи натянутой улыбкой и принялся неловко оправдываться:

– Сэр, я всего лишь проходил через сад, направляясь в монастырскую библиотеку. А сейчас я оказался здесь, потому что избегаю оживленных улиц. Видите ли, у меня новая лошадь, и я опасаясь, что в толпе она испугается и понесет.

– Несколько дней назад один из коллег мастера Шардлейка решил преподать мне урок и разъяснить основные правила новой религии, – сообщил Норфолк, повернувшись к Ричу. В глазах его сверкнул ледяной огонек. – Но насколько мне известно, мастер Шардлейк, сами вы не относитесь к числу поборников всеобщего чтения Библии.

– Ваша светлость, я неукоснительно следую правилам, установленным нашим королем, – изрек я, склонив голову.

Норфолк проворчал что-то нечленораздельное и, повернувшись к Предку, окинул лошадь взглядом истинного знатока.

– Судя по виду, этот мерин не обладает особыми достоинствами – пренебрежительно бросил он. – Впрочем, от горячего и резвого коня в городской толчее мало проку. И, я полагаю, вы не большой любитель быстрой езды, – с усмешкой добавил он и бросил выразительный взгляд на мою согбенную спину.

Повернувшись к Ричу, герцог произнес, сделав широкий жест:

– Богом клянусь, Ричард, я буду счастлив, если парламент распустят и я смогу вернуться в деревню. А вы, насколько я понимаю, закоренелый городской житель?

– Я родился и вырос в Лондоне, ваша светлость, – сухо ответил Рич и обратился ко мне: – Мы с герцогом обсуждали вопросы, связанные с передачей некоторых монастырских земель новым владельцам.

Разумеется, пускаться передо мной в объяснения у него не было ни малейшей необходимости. Однако Рич счел необходимым заставить оправданием на тот случай, если я вздумаю пустить слух о готовящемся заговоре. Впрочем, вполне вероятно, он говорил чистую правду. Ни для кого не было тайной, что Норфолк, несмотря на весь свой религиозный консерватизм, урвал хороший кусок от имущества уничтоженных монастырей.

– Здесь вы неплохо устроились, Ричард, – усмехнулся Норфолк. – Я так полагаю, вы оставите этот монастырь себе, вот только название измените? – насмешливо спросил он. – Сэр Ричард раздарил дома вокруг этого монастыря стольким своим чиновникам, что этот квартал вполне можно назвать Смитфилдским отделением Палаты перераспределения, – заявил он и расхохотался. – А бедный приор Фуллер так до сих пор и не умер. Правду говорят, Ричард, что вы его отравили?

Рич растянул губы в фальшивой улыбке.

– Приор страдает тяжелой болезнью, ваша светлость, – проронил он.

Я догадался, что язвительные насмешки герцога также предназначались для моих ушей и призваны были доказать, что Норфолк и Рич отнюдь не являются друзьями. Рич повернулся к слуге, который вышел из ворот с тяжелой сумкой в руках и что-то тихонько сказал, обращаясь к своему господину.

– Отнесите их в мой кабинет, – с недовольным видом распорядился Рич. – Я просмотрю их позднее.

Норфолк проводил любопытным взглядом слугу, который скрылся за монастырской стеной.

– Что за сокровища в этой сумке? – без обиняков спросил он.

– Я приказал вскопать старое монастырское кладбище, чтобы устроить на его месте сад, – пояснил Рич. – Похоже, в этом монастыре существовал древний обычай, согласно которому вместе с умершим монахом хоронили кое-что из его имущества. И теперь работники постоянно находят довольно занятные вещи.

Мне припомнился день, когда я приехал сюда, чтобы встретиться с Кайтчином, аптекарские ученики, копавшиеся в извлеченных из могил костях, и маленький золотой медальон, который присвоил стражник.

– Я так полагаю, вещи эти не только занятные, но и ценные? – осведомился герцог.

– Да, встречаются и ценные. По крайней мере такие, что представляют интерес для антиквара. Старые кольца, амулеты, предохраняющие от чумы, и все такое. В могиле лекаря мы обнаружили даже сушеные травы. Вы ведь знаете, ваша светлость, я неравнодушен к старине. Приращение собственных богатств – это далеко не единственное, что меня увлекает, – с горечью добавил он.

«Как видно, несмотря на всю свою надменность и суровость, Рич в глубине души уязвлен тем, что за ним закрепилась репутация стяжателя», – подумал я.

– Довольно странный обычай – хоронить вместе с мертвецами ценные вещи.

– Да, очень странный, ваша светлость. Я даже не знаю, откуда он пошел. Но в могилу всякого, чьи останки нашли приют на здешнем кладбище, будь то монах или больной, умерший в больнице, опускали личные вещи. Не столько ценные, сколько помогающие понять, что покойник представлял из себя при жизни. Через несколько дней работники закончат вскапывать монастырское кладбище и примутся за больничное. Я намерен построить на его месте несколько домов.

Дыхание у меня перехватило, когда я представил, что могло быть похоронено вместе со старым солдатом Сент-Джоном. Мой неизвестный соперник приложил немало усилий, чтобы спрятать все концы в воду. Но возможно, здесь, на монастырском кладбище, скрывается нечто, имеющее самое непосредственное отношение к греческому огню.

Я ощутил на себе испытующий взгляд Рича.

– Я вижу, Шардлейк, мой рассказ возбудил ваш интерес?

– Просто я неравнодушен к старине, как и вы, милорд. Недавно в

Лудгейте мне удалось найти несколько камней, покрытых письменами. По всей вероятности, прежде они являлись частью древней синагоги. – Милорд, нас с вами ждут дела, – бесцеремонно оборвал меня Норфолк. – Сегодня слишком жарко, чтобы весь день торчать на солнце.

– Да, ваша светлость. Прощайте, брат Шардлейк, всего вам наилучшего. – Рич вперил в меня взгляд прищуренных серых глаз. – Позвольте мне дать вам один совет. Не слишком увлекайтесь чужими делами, лучше думайте о своих. Помните, тот, кто сует руку в огонь, непременно обожжет пальцы.

С этими словами Рич повернулся и вслед за герцогом вошел в монастырские ворота. Под любопытными взглядами герцогских слуг я вскарабкался в седло и двинулся вдоль по улице. Я весь взмок от пота, и виной тому была не только жара. Что намеревались обсуждать Рич и Норфолк? Вопрос этот беспрестанно крутился у меня в голове. Возможно, предмет их беседы и в самом деле касался лишь продажи монастырского имущества? Или же они тайно плетут заговор против Кромвеля? А может, разговор пойдет о греческом огне? Последние слова Рича, обращенные ко мне, звучали как откровенная угроза. И скорее всего, он упомянул об огне не случайно. Или же это простое совпадение?

Лишь свернув на Лонг-лейн, я отделался наконец от этих бесплодных размышлений и задумался о другом: о секретах, которые могут открыть развороченные монастырские могилы.

ГЛАВА 27

Стеклянный дом, казалось, дремал под палящими лучами утреннего солнца. Однако, когда я позвонил, слуга в ливрее дома Вогенов незамедлительно распахнул дверь. Я осведомился, может ли леди Онор принять меня по весьма важному деловому вопросу. Слуга предложил мне войти и подождать в холле. Выглянув в окно, я заметил, что окна банкетного зала, выходящие во внутренний двор, плотно закрыты ставнями. На каждой из этих ставен, под фамильным гербом, был вырезан девиз по-латыни. Вглядевшись, я сумел его разобрать: «Esse quam videri» – «Быть, а не казаться». Быть могущественной дворянской семьей, имеющей немалое влияние при королевском дворе, – такой, как Говарды, такой, как когда-то были Вогены. Несомненно, во имя достижения этой цели леди Онор готова заплатить любую цену. Через несколько часов я увижу Кромвеля и постараюсь узнать у него, насколько справедлива моя догадка.

Тут вернулся слуга и возвестил, что леди Онор ожидает меня. Он провел меня в одну из гостиных, расположенных на первом этаже. Как и весь дом, комната эта поражала роскошью отделки, стены покрывали изысканные гобелены, на полу во множестве лежали мягкие вышитые подушки для сидения. Внимание мое привлек висевший на стене портрет пожилого мужчины в мантии гильдии торговцев шелком. Несмотря на напряженную, торжественную позу, лицо, украшенное окладистой седой бородой, дышало мудростью и добротой.

Леди Онор, облаченная в легкое голубое платье с квадратным вырезом и в квадратный головной убор, сидела в мягком кресле. Никого из слуг в комнате не было. Леди Онор читала книгу, в которой я с первого взгляда узнал «Обязанности истинного христианина» Тиндейла. Именно при помощи этой книги Анне Болейн удалось убедить короля принять на себя главенство над церковью.

Завидев меня, леди Онор встала.

– Рада видеть вас, мастер Шардлейк. Я так увлеклась, что не заметила, как вы вошли. Без сомнения, вы читали Тиндейла.

– Да, миледи, – ответил я с глубоким поклоном. – Я читал труды этого автора еще в ту пору, когда он пребывал в немилости.

Голос леди Онор звучал приветливо и дружелюбно, на губах ее играла улыбка, однако я заметил напряженную складку, залегшую меж ее бровей.

«Возможно, ей неловко вспоминать о внезапном поцелуе, который она

подарила мне два дня назад, – решил я про себя. – Вероятно, она опасается, что я буду настолько неделикатен, что позволю себе напомнить ей об этом».

На мгновение меня прожгло острое сознание того, что я – уродливый горбун.

– И как вам понравилось сочинение мастера Тиндейла? – осведомился я.

Леди Онор пожала плечами.

– Он излагает свои доводы весьма ярко и живо. Трактовки, которые он дает некоторым фрагментам из Библии, убедительны и исполнены страсти. А вы читали спор между Тиндейлом и Томасом Мором? Прискорбно сознавать, что два великих автора, защищая свою точку зрения на Бога, опустились до обыкновенной перебранки.

Леди Онор осуждающе покачала головой.

– Да, их взаимная ненависть не знала предела, – кивнул я. – Если бы Тиндейл не скрылся за границей, Мор настоял бы на том, чтобы его предали огненной казни.

– В конце концов Тиндейл не миновал костра – его сожгли в Германии. Впрочем, имей он только возможность, он неминуемо сжег бы Мора. Хотела бы я знать, что думает обо всем этом Господь. Если только Он вообще думает о людских делах.

В голосе леди Онор послышалась горечь, и она с досадой отложила книгу на стол.

– Впрочем, ни один волос с нашей головы не упадет без соизволения Божьего, не так ли?

Легкий сарказм, прозвучавший в этом вопросе, заставил меня насторожиться.

«Неужели леди Онор заражена самой опасной из всех возможных ересей, той, о которой люди не осмеливаются говорить вслух, – с содроганием подумал я. – Неужели она усомнилась в существовании Творца?»

Я знал, что это убийственное сомнение нередко проникает в сознание тех, кто оказался в центре жестоких религиозных столкновений, разгоревшихся в наши дни. Несколько раз оно пыталось отравить и мою душу, но мне удавалось отойти от края зияющей черной бездны.

– Будьте любезны, присаживайтесь, мастер Шардлейк, – сказала леди Онор, указав на одну из подушек.

Я с радостью воспользовался приглашением. – Желаете выпить вина?

– Благодарю, но я не пью в столь ранний час. Леди Онор внимательно наблюдала, как я расстегивал свою сумку.

– Что вы принесли мне на этот раз? – мягко осведомилась она.

– Документы, в которых говорится о греческом огне, миледи, – ответил я, мгновение поколебавшись. – Я знаю, что из всех посредников с ними ознакомились только вы. И мне бы хотелось узнать ваше мнение по нескольким вопросам.

На губах леди Онор по-прежнему играла безмятежная улыбка, однако во взгляде вспыхнула откровенная досада.

– Итак, вы хотите узнать, много ли я прочла и много ли я поняла, – произнесла она спокойным и невозмутимым тоном. – Два дня назад я уже призналась вам, что поняла достаточно, дабы пожалеть о своем любопытстве.

– Достаточно для того, чтобы убедиться – греческий огонь не выдумка?

– Да. И, признаюсь, мысль о том, что он может существовать в действительности, повергла меня в ужас. Игры с подобным огнем чреватy слишком большой опасностью для человечества. Вот и все, что я могу сказать, мастер Шардлейк. Мне нечего больше добавить.

Я впери́л в леди Онор испытующий взгляд. Два дня назад она пыталась очаровать меня, сегодня мои вопросы пробуждают в ней гнев и досаду. Возможно, это происходит потому, что она была со мной откровенна и ее обижает недоверие.

– Леди Онор, не далее как сегодня мне предстоит держать отчет перед лордом Кромвелем, – заговорил я, тщательно подбирая слова. – Увы, расследование мое пока не принесло желаемых результатов. Не в последнюю очередь потому, что важный свидетель, литейщик, помогавший братьям Гриввудам в их опытах, бесследно исчез. Скорее всего, он убит. Мне известно, что на жизнь библиотекаря монастыря Святого Варфоломея также было совершено покушение. Как, впрочем, и на мою.

Леди Онор испустила глубокий вздох.

– Вы хотите сказать, что над всяким, кто имеет отношение к этому делу, нависла угроза?

– Да, над всяким, кто помогал Гриввудам.

– Значит, я тоже в опасности?

Леди Онор пыталась сохранить самообладание, однако в глазах ее заметались испуганные искорки.

– Надеюсь, нет. Если, разумеется, вы никому, кроме меня, не рассказывали о том, что заглянули в эти бумаги.

– Никому. – Леди Онор вновь судорожно вздохнула. – Но как отнесется к моему поступку граф? Если вы сообщите ему о том, что я просматривала бумаги, вполне вероятно, он пожелает получить мои показания. И уж

конечно, во время допроса он прибегнет к куда более суровым методам, чем вы.

– Именно стремясь избавить вас от подобных неприятностей, я и осмелился докучать вам сегодня, леди Онор. Если я представлю графу полный отчет, ему не потребуется вас беспокоить. Я хотел бы напомнить вам о том вечере, когда я встретил вас в Линкольнс-Инне в обществе барристера Марчмаунта. Вы сидели на скамье, о чем-то оживленно беседуя, и, судя по вашим лицам, предмет беседы чрезвычайно волновал вас обоих.

– Вы что, следите за мной? – В голосе леди Онор прорвалась нескрываемая злоба.

– Уверяю вас, это была случайная встреча. Однако признаюсь, завидев вас, я притаился за колонной и постарался понять, о чем вы ведете разговор. Мне не удалось разобрать ни слова, я лишь видел ваши лица. Вы оба были крайне взволнованы. Потом, на званом вечере, разговор с барристером вновь взволновал и встревожил вас. Возможно, Марчмаунт тоже имеет представление о содержании бумаг?

Я ожидал новой вспышки гнева, однако леди Онор лишь вздохнула и опустила голову, закрыв лицо ладонями.

– Господи боже, мое проклятое любопытство доведет меня до большой беды, – едва слышно прошептала она.

– Беды можно избежать, если вы расскажете мне все без утайки, – заверил я. – И тогда я сделаю все возможное, чтобы оградить вас от гнева графа.

Леди Онор вскинула на меня глаза и грустно улыбнулась.

– Как ни странно, я вам верю, мастер Шардлейк. Хотя вы и крадетесь за мной, как охотник за дичью. Взгляд ваш говорит о многом. Вам ведь не по душе подобные занятия, правда?

– Мои пристрастия и предпочтения не имеют никакого отношения к нашему разговору, – отрезал я. – Сейчас мне хотелось бы услышать, о чем вы беседовали с барристером Марчмаунтом.

Леди Онор встала и прошествовала к резному буфету, на котором стояла золотая чаша чрезвычайно искусной работы.

– Уильям Марчмаунт преподнес мне вот это, – сказала она, указав на чашу. – Вы знаете, он консультирует гильдию торговцев шелком по всем вопросам, связанным с законами. Муж мой тоже нередко обращался к нему за советом. А теперь, когда он умер и я сама должна разбираться с делами, Уильям с готовностью приходит мне на помощь. Скажем так, он проявляет ко мне особое внимание, – добавила она со вздохом.

– А, – кивнул я, ощущая, как щеки мои заливаются краской.

– Уильям неоднократно и весьма прозрачно намекал, что мечтает занять место моего мужа, – продолжала леди Онор.

– Понимаю. Он вас любит.

В ответ она разразилась язвительным смехом, немало меня удивившим.

– Любит? О, как вы заблуждаетесь, мастер Шардлейк! Неужели вы не слышали о многократных обращениях барристера Марчмаунта в Геральдическую палату с просьбой учредить ему фамильный герб? Иметь собственный герб – это самая заветная его мечта. Но отец его был торговцем рыбой, так что убедить Палату в своем благородном происхождении бедному Уильяму никак не удастся. Особых заслуг, благодаря которым король мог бы пожаловать ему дворянство, он тоже не имеет. Так что все его попытки до сих пор остаются тщетными. Но больше всего на свете он хочет, чтобы будущий его сын мог заявлять всем и каждому, что происходит из дворян. Иными словами, он вожделеет дворянства, как свинья трюфелей. И поэтому подыскивает супругу, которая могла бы обеспечить ему герб и титул. А личные качества избранницы его ничуть не занимают.

– Вот как, – проронил я.

От смущения и досады леди Онор покраснелась не меньше моего. Мне было неловко, что я вынудил ее на столь неприятный разговор.

– Но, откровенно говоря, есть люди, которым не суждено подняться высоко, и Марчмаунт из их числа, – дрогнувшим голосом заявила леди Онор. – Его амбиции не имеют под собой достаточных оснований. Он неоднократно заводил разговор о браке, и я всякий раз отвечала ему отказом. Однако он не оставляет своих притязаний. О, Марчмаунт слишком долго лелеял свои мечты, чтобы от них отказаться.

Леди Онор на мгновение склонила голову и исподлобья метнула на меня взгляд своих сверкающих глаз.

– Теперь вы знаете, о чем мы говорили столь взволнованно и оживленно. Но, уверяю вас, я ни словом не обмолвилась Уильяму, что заглядывала в бумаги. Я не настолько глупа. И он никогда не заводил со мной речь о греческом огне.

В лице леди Онор что-то дрогнуло, и она устремила взгляд во внутренний двор. Я смущенно заерзал на своем месте. Расстроив свою прекрасную собеседницу, я чувствовал себя последним мерзавцем; однако мне было необходимо задать ей еще один вопрос.

– Леди Онор, признаюсь, на вашем званом вечере мне удалось подслушать еще один разговор: между герцогом Норфолкским и Марчмаунтом. Насколько я понял, герцог говорил о некоей услуге, которую

он жаждет получить от вас и которую вы не желаете ему оказать.

– Герцог Норфолкский скупает земли, мастер Шардлейк, – ответила леди Онор, не поворачивая головы. – Вскоре он будет самым крупным землевладельцем в королевстве. У семьи моей еще остались кое-какие имения. Герцог хочет заполучить значительную их часть и за это обещает способствовать продвижению моего юного родственника при дворе. Однако я посоветовала отцу Генри не уступать герцогу ни клочка земли, какие бы блага для Генри он не обещал взамен. Все жертвы окажутся напрасными. Этот мальчик отнюдь не предназначен восстановить былую славу нашего рода.

– Мне очень жаль, миледи, что по долгу службы я был вынужден столь бесцеремонно вторгнуться в вашу частную жизнь, – произнес я, глядя в напряженную спину женщины.

Она резко повернулась, и, к великому своему облегчению, я увидел, что на губах ее играет улыбка. То была несколько ироничная улыбка, и складочки в уголках рта выдавали возраст леди Онор, но в то же время придавали лицу особое очарование.

– Я верю в искренность ваших сожалений, – произнесла она. – И, признаюсь, вы истинный мастер своего дела. Немногие сумели бы выполнить подобную задачу с таким тактом и деликатностью. Поверьте, тому, кто дерзнул бы прибегнуть к угрозам, я никогда не рассказала бы того, что рассказала вам.

На мгновение леди Онор погрузилась в задумчивость, а потом подошла к столу, взяла с него Библию и протянула мне.

– Держите.

Растерявшись от неожиданности, я взял тяжелую книгу. Рука леди Онор лежала на кожаном переплете, и я невольно коснулся ее длинных пальцев. Взгляды наши встретились. Сейчас, когда лицо леди Онор было совсем близко от моего, я различил легкий золотистый пушок над ее верхней губой.

– Клянусь всемогущим Господом, – торжественно изрекла леди Онор, – что я ни с кем, кроме вас, и никогда не обсуждала содержание бумаг, в которых говорится о греческом огне.

– А герцог Норфолкский никогда не спрашивал вас о них?

– Клянусь, никогда, – ответила она, глядя мне прямо в глаза. – Мастер Шардлейк, вы сообщите графу о том, что я добровольно и без всякого принуждения принесла клятву на Библии? – осведомилась она с глубоким вздохом.

– Непременно, – заверил я.

– Я понимаю, что ваш долг – быть предельно откровенным с графом, мастер Шардлейк. И все же я рассчитываю, что вы умолчите о... об интересе, который питает к моей особе Уильям Марчмаунт.

– Нет ни малейшей необходимости сообщать ему об этом, миледи. Я знаю, мы, законники, пользуемся репутацией сплетников. Но можете не сомневаться, я поставлю графа в известность лишь о том, что имеет прямое отношение к занимающему нас делу.

Улыбка леди Онор вновь стала искренней и дружелюбной. – Надеюсь, мы останемся друзьями, мастер Шардлейк?

– Это является моим величайшим желанием, миледи.

– Рада слышать это. Сегодня утром вы застали меня в скверном расположении духа. – Она кивнула в сторону золотой чаши. – Уильям прислал мне этот подарок, а вместе с ним – приглашение на медвежью травлю, которая состоится завтра. Уильям горит желанием насладиться этим зрелищем, и я чувствую себя обязанной принять приглашение.

Леди Онор немного помолчала и спросила:

– Возможно, вы тоже не откажетесь пойти? Уильям сказал, что я могу взять с собой всех, кого пожелаю.

– Вы и в самом деле хотите, чтобы я сопровождал вас, миледи? – осведомился я, почтительно склонив голову. – Несмотря на то что я столь настойчиво донимал вас расспросами?

– Да, я очень хочу, чтобы вы пошли со мной, мастер Шардлейк. Это будет наилучшим доказательством того, что мы не держим друг на друга зла, – заявила леди Онор, и во взгляде ее вновь вспыхнули игривые огоньки.

– Я почту за честь принять ваше приглашение, миледи.

– Превосходно. Тогда встретимся в полдень, у причала Трех Журавлей...

Леди Онор не договорила, ибо дверь распахнулась и в комнату вошел ее юный племянник. Покрасневшее лицо его было искажено обидой и злобой. Судя по нарядному пурпурному камзолу с прорезями, юноша совершал визиты. На голове его красовалась шапочка с павлиньим пером, которую он раздраженно сорвал и бросил на комод.

– Кузина Онор, – сердито пробурчал он, – прошу вас, никогда больше не посылайте меня к столь невежественным людям.

Тут он заметил меня и осекся.

– Прошу прощения, сэр. Я не хотел прерывать вашу беседу.

Леди Онор подошла к мальчику и погладила его по руке.

– Мы с мастером Шардлейком обсуждали некоторые деловые вопросы,

Генри. Садитесь и успокойтесь. Хотите выпить вина?

Юноша неловко опустился на подушку напротив меня, и леди Онор подошла к буфету за вином. Сделав мне знак остаться, она пояснила:

– Сегодня утром Генри был с визитом в семействе мэра Холлиса. Я полагала, знакомство с дочерьми мэра будет для него полезно.

Она протянула племяннику бокал с вином и вновь опустилась в кресло.

– Я вижу, вам не слишком понравилось в гостях, Генри. Расскажите, что произошло?

– Дочери мэра грубы и скверно воспитаны, – заявил Генри, жадно отхлебнув вина. – Богом клянусь, иначе про них не скажешь.

– Дочери мэра скверно воспитаны? Господи, Генри, неужели они дурно обращались с вами?

– Мне так хотелось познакомиться с этими девицами, я столько слышал об их красоте и хороших манерах, – дрожащим голосом выпалил юноша. – И вот я их увидел, всех троих. Пока с нами была супруга мэра, все шло неплохо. Они спрашивали меня о жизни в Линкольншире, о нашем имении, об охоте. А потом мистрис Холлис вышла по делу, и я остался с девицами наедине. И тогда...

Юноша уставился в пол, а рукой провел по лицу, словно желая убедиться во всех недостатках своей кожи.

– Как только супруга мэра оставила нас, девиц словно подменили, – пробормотал он. – Они стали смеяться надо мной... называли меня рыбым... спрашивали, не болел ли я оспой. А одна из них сказала... сказала, что даже самая старая шлюха не захочет иметь со мной дела... – Голос юноши прервался от обиды. – Кузина Онор, я ненавижу Лондон! Я хочу вернуться в Линкольншир.

Генри вновь потупился, и длинные пряди жирных волос скрыли его лицо.

– Генри, – произнесла леди Онор слегка недовольным тоном, – не надо придавать преувеличенного значения пустякам. Юные девушки часто бывают излишне насмешливы. К этому следует привыкнуть.

– Я не желаю привыкать к издевательствам! – взорвался Генри. – Я из славного рода Вогенов, и, значит, со мной должны обращаться почтительно. Иного обращения я не потерплю!

– Да, привыкнуть к издевательствам невозможно, – заметил я.

– Прошу вас, Генри, идите наверх, в свою комнату, – со вздохом сказала леди Онор. – Потом я зайду к вам, и мы обо всем поговорим.

Юноша беспрекословно подчинился и, не удостоив меня даже взглядом, вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Леди Онор откинулась на

спинку кресла и печально улыбнулась.

– Вы сами видите, я не зря считаю, что у Генри не хватит твердости духа для того, чтобы пробить себе дорогу в Лондоне. Мы совершили ошибку, когда привезли его сюда. Но, так или иначе, он – наследник рода Вогенов. И он должен занять достойное положение. Бедный мальчик, – добавила она со вздохом.

– В этом возрасте мальчики особенно болезненно воспринимают обиды и насмешки. Я помню об этом по собственному опыту.

– Да, а девушки в этом возрасте особенно жестоки, – с улыбкой подхватила леди Онор. – Я тоже помню об этом по собственному опыту.

– Неужели вы когда-либо проявляли жестокость, миледи? В это невозможно поверить.

– Вам, без сомнения, известно, как воспитывают девочек в благородных семьях. Все их поведение расписано до мелочей. Ходить, сидеть, говорить, улыбаться – все следует делать в соответствии с особыми правилами.

На губах леди Онор мелькнула грустная улыбка.

– И от гнета этих незыблемых правил бедняжкам порой хочется отчаянно визжать. Но хорошее воспитание не позволяет им этого делать. И кто знает, какие жестокие мысли рождаются порой в хорошеньких, тщательно причесанных головках?

– Да, бесспорно, понять женщину может лишь другая женщина.

– Пожалуй, я все же отправлю Генри домой. У меня есть еще один племянник. Сейчас он слишком мал, но, возможно, через несколько лет...

Тут я вспомнил, что времени у меня в обрез, и поднялся.

– Простите, леди Онор, но я должен идти.

Общество леди Онор доставляло мне истинное удовольствие, и я был рад, что мои расспросы не уничтожили возникшей между нами взаимной симпатии. Мне очень хотелось укрепить эту симпатию, но продолжить увлекательную беседу я не мог. Следовало заглянуть к Гаю и обсудить с ним некоторые сведения, почерпнутые мною из исторических трактатов.

– Не буду вас задерживать, мастер Шардлейк. Пойду к Генри, попробую успокоить бедного мальчика. Надеюсь, вскоре мы с вами увидимся вновь, – сказала она, провожая меня к дверям.

– Я очень сожалею, если сегодняшней разговор доставил вам неприятные минуты, – произнес я напоследок. – Сожалею о том, что вынудил вас к тягостным признаниям. – Вы лишь выполняли свои обязанности и проявили при этом немало душевной тонкости, – возразила она, слегка коснувшись моей руки. – Поверьте, я это оценила.

Она внимательно посмотрела на меня.

– У вас утомленный вид, мастер Шардлейк. Несомненно, служба, которой вы занимаетесь, не отвечает вашим душевным качествам. Вы предназначены для иного, более благородного поприща. Подумайте об этом, Мэтью.

– У меня нет другого выбора, миледи.

– Возможно, вскоре выбор появится. – Леди Онор крепко сжала мою руку. – Что ж, до завтра. Помните, в полдень у причала Трех Журавлей.

Шагая к конюшне, я чувствовал, что сердце мое сладко тает от ласки леди Онор. Однако недоверчивые мысли, порождаемые трезвым рассудком, отравляли мое блаженство. Что, если леди решила пленить меня лишь для того, чтобы обеспечить себе поддержку и заступничество перед Кромвелем? Конечно, она поклялась на Библии. Но, возможно, мелькнувшие у меня подозрения справедливы и она не верит в бытие Божие? Тогда эта клятва для нее – не более чем пустой звук.

«А главное, – с горечью подумал я, – чем женщину столь выдающихся достоинств может привлечь горбатый судейский крючокотвор?»

ГЛАВА 28

Для того чтобы добраться до аптеки Гая, мне не потребовалось много времени. Однако, подъехав, я увидел, что все ставни на окнах дома закрыты. На дверях висела записка, нацарапанная острым почерком Гая. В ней говорилось, что аптека откроется только завтра. Я вспомнил, что примерно раз в месяц мой друг отправляется на ярмарку в Хартфордшир, дабы пополнить свой запас целебных трав и снадобий. Я оставил у соседа письмо, в котором просил Гая сообщить мне о возвращении, вскарабкался на своего смиренного мерина и поскакал домой.

Барак уже ждал меня, прохаживаясь по саду с угрюмым и недовольным видом.

– Какие новости? – первым делом осведомился я.

– Как вы и приказали, я отправился к этой старой ведьме мадам Неллер. Напомнил, что ей следует незамедлительно сообщить нам, если она узнает что-нибудь о Бэтшебе. Напомнил и о деньгах, которые она получит, если выполнит нашу просьбу. Ну и конечно, упомянул о неприятностях, которые ее ожидают, если она попытается утаить возвращение девушки. Но похоже, Неллерша и в самом деле не имеет от Бэтшебы никаких известий. Все, кто связан с этим проклятым делом, пребывают в полном неведении. За исключением мертвецов, а они, к сожалению, не говорят. Еще мне удалось выяснить, что до недавнего времени добрые наши знакомые Токи и Райт жили в дешевых меблированных комнатах у реки. Только вчера они оттуда съехали.

– Вероятно, негодяи опасались, что после неудавшегося покушения на меня их будут искать.

– В этих меблированных комнатах они прожили только три дня. Я так думаю, эта парочка олухов кочует с места на место, рассчитывая сбить нас со следа. А что интересного вам поведала леди Онор?

– Сказала, что Марчмаунт добивался ее руки, но она ему отказала. По ее словам, тогда, в Линкольнс-Инне, они обсуждали именно его брачное предложение. Еще сказала, что герцог Норфолкский пытается заполучить часть земельных угодий, принадлежащих ее семье, а взамен обещает помочь ее племяннику занять достойное место при дворе. А самое главное, она заверила меня, что ни с кем не обсуждала содержание бумаг.

– И вы ей поверили?

– Она торжественно поклялась на Библии, – пожал я плечами. – Кстати,

она пригласила меня на медвежью травлю, которая состоится завтра. Думаю, мне стоит пойти. Там будет Марчмаунт, и это даст возможность проверить, насколько правдив рассказ леди Онор.

– Да уж мне можете не пускать пыль в глаза! – усмехнулся Барак. – Я отлично понимаю, что вам до смерти хочется лишний раз увидеть сию прекрасную даму.

– Не отрицаю, я отдаю должное достоинствам леди Онор. Но я никогда не буду питать расположения к женщине, которая позволила себе обмануть мое доверие.

– Это вам так кажется. А женщины меж тем преспокойно водят вас за нос.

Я пристально посмотрел на Барака. Без сомнения, его тревожила предстоящая встреча с Кромвелем, и, всячески задирая меня, он пытался скрыть свое беспокойство. .

– Сегодня я узнал еще кое-что, – заявил я, не обращая внимания на его выпады, и рассказал о своей встрече с Норфолком и Ричем.

Упомянув о разрытом монастырском кладбище, я предположил, что вместе со старым солдатом Сент-Джоном могло быть похоронено нечто, весьма для нас любопытное.

– Ну, это только ваши домыслы, – пожал плечами Барак.

– Разумеется, домыслы. Но, с другой стороны, что, как не греческий огонь, позволяет судить о жизненном пути этого старого вояки? Монахи, разумеется, и думать не думали, что настанет день, когда священная монастырская земля будет осквернена. Я думаю, мне стоит снова перемолвиться словечком с Кайтчином. Граф наверняка знает, где Кайтчин скрывается сейчас.

– Да, конечно. Только не вздумайте при графе сожалеть об осквернении священных монастырских земель.

– Как вести себя с графом, я знаю и без ваших подсказок, – холодно процедил я, поднимаясь. – Нам пора идти. Спустимся к реке и возьмем лодку.

– Как вам новая лошадь?

– У этого мерина спокойный и кроткий нрав, но, по-моему, он не наделен хоть сколько-нибудь замечательными качествами.

В ответ на это замечание Барак расхохотался. – Да, в обществе этого мерина вам будет скучно. Мне следовало попросить, чтобы в королевских конюшнях вам подобрали образованную лошадь, умеющую говорить.

– Дурное расположение духа губительно сказывается на ваших умственных способностях, – отчеканил я. – Я вижу, вам хочется устроить

состязание в язвительности. Но, увы, я слишком устал и не могу служить достойным партнером. Идемте.

Большую часть пути мы провели в молчании. Предстоящая беседа с Кромвелем тревожила не только Барака. Когда лодка причалила у Вестминстерского спуска, я ощутил, что сердце мое замирает от волнения. Мы высадились на берег, миновали Вестминстер и направились к Уайтхоллу. Когда мы подошли к громадным Гольбейнским воротам, украшенным многочисленными разноцветными гербами и терракотовыми медальонами с изображениями римских императоров, Барак повернулся ко мне:

– Думаю, зря мы сегодня не устроили встречу двух продувных бестий – Билкнэпа и Лемана.

– Увидеться с леди Онор также было чрезвычайно важно.

Барак, по своему обыкновению, вперил в меня пронзительный взгляд.

– Вы намерены угрожать Билкнэпу, верно? Заявите, что разоблачите его темные делишки, если он не ответит на все наши вопросы? Правильно я понял ваш замысел?

– Правильно. Хотя, если я приведу свою угрозу в исполнение и привлеку Билкнэпа к ответственности перед комиссией, в Линкольнс-Инн от меня будут шарахаться, как от прокаженного. Согласно неписаным правилам, законники не должны доносить друг на друга. Но тем не менее я доведу начатую игру до конца.

Я сурово посмотрел на Барака и спросил:

– Кстати, если речь зашла о доносах, любопытно узнать, что вы говорили обо мне в своих донесениях графу? Ведь вы же не могли обойти мою персону молчанием?

– Это мое дело, – пробормотал Барак, явно смутившись.

– Отнюдь. Ко мне это тоже имеет самое непосредственное отношение. Я должен знать, на какой прием у графа рассчитывать.

– О вас я ничего не говорил, – подчеркнуто равнодушным тоном изрек Барак. – Лишь сообщал о том, чем мы занимались и что нам удалось узнать. Если вы интересуетесь моим мнением о собственной персоне, то оно довольно благоприятное. Только это не имеет ровным счетом никакого значения. Графа занимают не наши личные качества, а достигнутые нами успехи.

И он торопливо вошел в ворота, которые на несколько мгновений подарили нам благодатную тень. Оглядевшись по сторонам, я заметил, что повсюду кипят строительные работы. Тут и там возводились новые здания хозяйственных служб и устраивались площадки для игры в теннис. Судя по

ходившим в городе слухам, король намеревался превратить Уайтхолл в один из прекраснейших дворцов Европы. Мы подошли к зданию так называемой галереи Уединения, где располагались конторы лорда Кромвеля. Барак что-то сказал стоявшему у дверей стражнику, и тот пропустил нас внутрь.

Войдя, мы оказались в длинном коридоре, увешанном роскошными гобеленами. Огромные окна выходили в сад. Я знал, что король часто принимает в этом здании посетителей. Когда я увидел охраняемую стражником с алебардой фреску Гольбейна, на которой были изображены все монархи династии Тюдоров, у меня перехватило дыхание от восхищения. Теперь я сам имел возможность убедиться, что слава, ходившая об этой гигантской картине, была вполне заслуженна. Покойные родители короля – Генрих Седьмой, против которого предки леди Онор сражались у Босуорта, и его супруга Елизавета Йоркская – стояли по обеим сторонам каменных похоронных дрог. Под ними была изображена Джейн Сеймур, единственная из жен короля, чью память он чтит. Облик ее поражал своей простотой и безыскусностью. Рядом, подбоченясь, возвышался сам ныне царствующий монарх. Он был изображен в роскошной мантии, из-под которой выглядывала расшитая драгоценными камнями рубашка. Вся его широкоплечая фигура дышала мощью и величием, а взгляд, казалось, был устремлен прямо на меня. Вглядевшись в глаза Генриха Седьмого, я различил в них холодную властность и что-то еще, невыразимое словами. Возможно, то была усталость, возможно, скрытая угроза. Мысль о том, что в случае, если греческий огонь не будет найден, на мою злополучную голову обрушится не только гнев Кромвеля, но и гнев самого короля, заставила меня вздрогнуть.

– Граф ждет нас, – прошептал Барак, коснувшись моего локтя.

– Да, да, идемте. Я засмотрелся на картину.

Я поспешно зашагал вслед за Бараком, который уверенно прокладывал путь по гулким длинным коридорам. Судя по тому, с каким спокойствием и невозмутимостью двигались встречавшиеся нам придворные и чиновники в черных мантиях, короля в резиденции не было. Я бросил взгляд в раскинувшийся за окнами чудесный сад. В центре красовался фонтан, из которого, несмотря на засуху, била струя; брызги воды играли и искрились в солнечных лучах. Барак остановился у дверей, охраняемых стражником с алебардой, и сказал ему несколько слов. Нас пропустили в контору, где за письменным столом сидел Грей, по своему обыкновению погруженный в бумаги. Он встал и приветствовал нас. Как и в предыдущие посещения, я заметил, что на круглом бесстрастном лице секретаря Кромвеля мелькнуло

озабоченное выражение.

– Мастер Шардлейк, надеюсь, вы принесли какие-нибудь утешительные новости. Я читал донесения Барака. В нашем распоряжении осталось совсем немного времени и...

– Все новости мы сообщим графу, – резко оборвал его Барак.

Грей метнул на него злобный взгляд и склонил голову.

– Как вам будет угодно, Барак. Я лишь хотел предупредить вас, что сегодня граф пребывает не в лучшем настроении. Сейчас у него герцог Норфолкский. Они беседуют уже целых два часа.

– Вот как? – спросил я. – Сегодня утром я видел герцога в Смитфилде. В обществе Ричарда Рича.

– Все старые друзья графа ныне плетут против него интриги, – изрек Грей, сокрушенно покачав головой.

Он бросил обеспокоенный взгляд на дверь во внутренние покои, а потом вновь повернулся ко мне.

– Судя по тому, что несколько раз до меня доносились разгневанные голоса, разговор у графа с герцогом не из приятных, – сообщил он и взволнованно прикусил губу, на мгновение напомнив мне Джозефа.

– Нам что, подождать? – спросил Барак.

– Да, да, конечно. Граф непременно хочет видеть вас сегодня.

Грей осекся, потому что дверь кабинета резко распахнулась. В приемную вышел Норфолк. Поправ все правила придворного этикета, он позволил двери с шумом захлопнуться и повернулся к нам. На длинном волчьем лице его играла косая ухмылка, не предвещавшая ничего хорошего. Я низко поклонился. – Опять вы, горбатый законник! – воскликнул Норфолк и хрипло расхохотался. – Похоже, вы решили меня преследовать. Того и гляди, вы вздумаете сниться мне по ночам.

Пронзительный взгляд герцога был полон откровенной злобы, показная учтивость, которую он проявлял перед Ричем, исчезла без следа.

– Мое почтение, пособник еретика, – саркастически изрек он. – Больше не трудитесь попадаться мне на пути, мастер Шардлейк, я и так вас отлично запомнил. Как и вас, приятель, – добавил он, поворачиваясь к Бараку. – Вас и ваше иудейское имя. Кстати, вам известно, что недавно в Лондоне разоблачили целую шайку испанских купцов, втайне исповедующих иудейскую религию? Испанский посол требует, чтобы их вернули на родину. Он, видите ли, не хочет лишать своих соотечественников драгоценной возможности присутствовать при огненной казни еретиков. Все-таки удивительно, сколько еретиков расплодилось в последнее время! – с пафосом воскликнул герцог и повернулся к Грею. –

Вас я тоже запомнил, любезный. Так что всех вас в скором времени ждет благодарность.

Окинув нас зловещим взглядом, Норфолк гордо вышел, не преминув еще раз хлопнуть дверью на прощание.

– Вот старый мерзавец, – выдохнул бледный как полотно Барак.

– Важничает, словно петух на насесте, – судорожно сглотнув, пробормотал Грей. Бросив испуганный взгляд на дверь кабинета, он осторожно постучал и вошел. Через несколько мгновений он появился вновь и оповестил:

– Лорд Кромвель ожидает вас, господа.

Мы вошли в кабинет. Вряд ли стычка с Норфолком улучшила настроение лорда Кромвеля, подумал я, и сердце мое тревожно сжалось.

Стены просторного кабинета были сплошь заставлены шкафами и книжными полками, письменный стол завален бумагами. Я заметил диковинный глобус, на котором были намечены очертания Нового Света; области, где обитают чудовища, были оставлены незакрашенными. Лорд Кромвель неподвижно сидел за столом. Широкое тяжелое лицо его поразило меня своим безучастным выражением. Пока мы входили и кланялись, он не сводил с нас задумчивого взгляда.

– Рад видеть вас, Мэтью, – негромко произнес он. – Здравствуйте, Джек.

– Приветствую вас, милорд.

На лорде Кромвеле была коричневая мантия, на которой ярко горела массивная золотая цепь – знак занимаемой им высокой должности верховного секретаря. Несколько мгновений он, словно позабыв о нашем присутствии, сосредоточенно перебирал эту цепь, потом потянулся за лежавшим на столе павлиньим пером, повертел его в руках, любуясь красочными разводами, образующими подобие человеческого глаза. Казалось, лорд Кромвель был полностью поглощен собственными мыслями. Но вот он кивнул в сторону двери и произнес с едва заметной улыбкой:

– Грей сказал, герцог только что устроил здесь целое представление.

Я не нашелся, что на это ответить.

– Норфолк явился, чтобы потребовать освобождения из Тауэра епископа Сэмпсона, – продолжал Кромвель все тем же безучастным тоном. – Мне придется это сделать. Даже под угрозой пытки на дыбе нам не удалось вырвать у епископа признание в государственной измене.

Кромвель вновь уставился на радужный глаз в павлиньем пере и вдруг принялся рвать его в клочья.

– Эти паписты хитры и изворотливы, как лисы. Они так тщательно

прячут все концы в воду, что мне не удастся их разоблачить. В результате я не могу представить королю веские доказательства того, что партия Норфолка строит против него заговор. У меня нет ни фактов, ни признаний.

Кромвель покачал головой, затем взглянул на меня и мягко произнес:

– Джек сообщил мне, что вы вели процесс против некоего Билкнэпа. И что на вас напали наемные убийцы, когда вы осматривали его владения в бывшем монастыре.

– Да, милорд, это так.

Голос Кромвеля по-прежнему звучал размеренно и ровно, однако в глазах его вспыхнули гневные огоньки.

– Мне остается лишь сожалеть о том, что вы тратите время на подобные пустяки и не уделяете должного внимания делу первостепенной важности, – отчеканил он. – Поиски греческого огня, успех которых поможет мне сохранить расположение короля, остаются безрезультатными. Всякого, кто осведомлен об этом загадочном веществе, злоумышленники убивают прямо у вас под носом.

– Нам удалось расспросить вдову Гриввуд и ее сына, а также бывшего монастырского библиотекаря... – попытался возразить я.

– Однако все они не сообщили никаких сведений, идущих на пользу вашим изысканиям.

– Милорд, мы делаем все, что от нас зависит, – подал голос Барак.

Кромвель и бровью не повел в его сторону. Он наклонился, наставив на меня изломанное перо.

– До демонстрации греческого огня осталось шесть дней, – процедил он. – Король настаивает на немедленном расторжении брака с королевой Анной, и я должен во что бы то ни стало найти законный предлог для этого. Сразу после развода он намерен жениться на этой маленькой шлюхе Кэтрин Говард. И уж тогда, конечно, Норфолк будет постоянно вертеться около короля и настраивать его против меня. Наверняка он попытается внушить королю, что я должен поплатиться головой за то, что навязал ему на шею это немецкую мегеру. Греческий огонь – это моя последняя надежда. Если я предоставлю его королю, возможно, он не лишит меня своих милостей. Тогда у меня будет шанс противостоять Говардам, которые спят и видят, как бы вернуть владычество Рима.

Кромвель отбросил прочь изломанное перо и откинулся на спинку кресла.

– Впрочем, сейчас мне следует прежде всего подумать о том, как сохранить голову на плечах, а не свое влияние в королевстве.

Широкое лицо его слегка дрогнуло, когда он произнес последнюю

фразу.

– Король способен на благодарность, – пробормотал он вполголоса, точно разговаривая сам с собой. – Это я точно знаю.

С замиранием сердца я подумал о том, что на самом деле положение Кромвеля намного хуже, чем мне представлялось. Он несколько раз моргнул и вновь вперил в меня тяжелый неподвижный взгляд.

– Ну, что вы мне скажете? Есть еще какие-нибудь новости? Или все ваши достижения исчерпываются тем, что вы навязали мне на попечение целое сборище испуганных недоумков?

– Милорд, все эти люди что-то знают о греческом огне. Мне необходимо было узнать, что именно.

– Сами-то вы не верили в греческий огонь, правда? – резко спросил Кромвель.

– Я должен был выяснить природу и происхождение этого вещества и затем... – промямлил я, переминаясь с ноги на ногу.

– А теперь вы в него верите? – нетерпеливо перебил Кромвель. – Верю, – ответил я после недолгого колебания.

– А что ваши подозреваемые? Удалось вам что-нибудь из них вытянуть?

– Все посредники в один голос твердят, что ничего не знают. Не далее как сегодня утром я имел продолжительный разговор с леди Онор.

И я вкратце передал Кромвелю содержание нашей беседы.

– Леди Онор – восхитительная женщина. Она способна очаровать любого, – процедил Кромвель, глядя мне прямо в глаза.

«Наверняка Барак не преминул сообщить своему патрону, что я стал жертвой обаяния леди Онор», – пронеслось у меня в голове.

Потом вспомнил, что Кромвель недавно овдовел. По слухам, его единственный сын Джордж, подобно Генри Вогену, отнюдь не отличался выдающимся умом и способностями.

– Теперь я намереваюсь проверить, насколько соответствует истине все то, что леди Онор рассказала о брачных притязаниях Марчмаунта, – сообщил я.

– Марчмаунт тоже уверяет, что не знает о греческом огне равным счетом ничего, – процедил Кромвель. – Как и Билкнэп.

– Думаю, Билкнэпу придется откровенно ответить на мои вопросы, – сказал я. – Мне удалось найти рычаг, при помощи которого я сумею оказать на него давление. Если он по-прежнему будет запереться, я предам огласке его темные делишки. Сегодня я обязательно увижусь с ним, и, уверен, у него развяжется язык.

– А каким образом вы собираетесь предать огласке его темные

делишки? Поставить в известность правление Линкольнс-Инна?

– Именно так.

– Что ж, вам лучше знать, – одобительно кивнул Кромвель.

– Я собираюсь расспросить его о том, какое отношение к делу имеет Ричард Рич.

Кромвель помрачнел, услышав это имя.

– Да, Барак уже сообщил мне о том, что нам следует внести Рича в список подозреваемых. Его и Норфолка.

Он метнул взгляд в сторону закрытой двери, и в глазах его вновь вспыхнули искорки гнева. Я содрогнулся при мысли о том, какая участь ожидала бы герцога, имей он несчастье оказаться во власти моего патрона.

– Билкнэп и Марчмаунт пользуются покровительством Рича и Норфолка, – произнес я и добавил после недолгого раздумья: – Сегодня утром я видел Рича и Норфолка вместе, в бывшем монастыре Святого Варфоломея. Вполне вероятно, они вступили в сговор.

– Сейчас все вступают в сговор и плетут интриги против меня, – пробормотал Кромвель. – Бывшие мои друзья становятся врагами или осведомителями, идут на всяческие подлости ради того, чтобы сохранить свое положение после того, как я впаду в немилость.

Кромвель вновь пристально посмотрел на меня.

– Очень может быть, Билкнэп рассказал Ричу о греческом огне, а тот, в свою очередь, рассказал Норфолку.

– Милорд, все это лишь предположения, которые необходимо проверить.

– Так проверяйте, сделайте милость, – угрюмо кивнул Кромвель.

– Мне удалось также узнать, что по приказанию Рича рабочие сейчас перекапывают монастырское кладбище, – сообщил я. – В самом скором времени они намерены приняться за кладбище больницы. И мне пришло в голову, что вместе со старым солдатом, который привез греческий огонь из Византии, могли захоронить сосуд с этим веществом. Подобная находка была бы нам очень кстати. Я подумал, может, мне следует еще раз побеседовать с Кайтчином.

– Да, это предположение тоже стоит проверить, – кивнул Кромвель. – Если мы отыщем хоть малую толику греческого огня, я могу пообещать королю, что вскоре мы получим больше. Однако вы должны действовать осторожно. Смотрите, чтобы Рич не проведал о ваших планах. Грей сообщит вам, где расположен дом, в котором нашли приют Кайтчин и матушка Гриввуд. И попытайтесь вытянуть из Билкнэпа как можно больше. Эту головоломку необходимо решить, Мэтью, – произнес

Кромвель, и в голосе его послышалась мольба. – Я верю, что вы на это способны.

– Мы непременно добьемся успеха, милорд, – веско произнес Барак.

На несколько мгновений Кромвель погрузился в задумчивость.

– Скажите, Мэтью, вы видели фреску Гольбейна? Я молча кивнул.

– Да, мимо нее невозможно пройти. Эта картина так и дышит жизнью, правда? Кажется, изображенные на ней монархи вот-вот сойдут со стены.

Кромвель взял со стола изломанное павлинье перо и вновь принялся вертеть его в руках.

– Король на этой картине выглядит таким сильным и здоровым. Ноги у него мощные и крепкие, как у ломовой лошади. Видели бы вы его сейчас. Незаживающие язвы на лодыжках доставляют ему столько страданий, что порой он не может ходить и его приходится возить в кресле...

– Милорд, не стоит говорить об этом, – торопливо перебил Барак.

– Я не могу молчать о том, что меня тревожит, – досадливо махнул рукой Кромвель, – так что вам придется послушать. Я уверен, у короля больше не будет детей. Он так болен, что мужская его сила совершенно оскудела. Полагаю, именно поэтому он впал в такой гнев, увидав Анну Клевскую. Просто-напросто он понял, что не сможет выполнить с нею свою главную супружескую обязанность. Он рассчитывает, что с милой малюткой Кэтрин Говард дело сладится лучше. Но думаю, все его надежды пойдут прахом.

Кромвель помолчал, сосредоточенно ломая остатки пера.

– И если я прав, через год или около того Кэтрин повторит участь королевы Анны. И тогда Норфолк лишится королевской благосклонности. Мне надо во что бы то ни стало дожить до той поры.

Несмотря на то что в комнате было жарко, по спине у меня пробежали мурашки. Холодная расчетливость, с которой Кромвель рассуждал о королевской немощи, поразила меня. А упоминание о том, что король более не в состоянии произвести на свет дитя, вполне можно было расценить как государственную измену.

Судя по пронзительному взгляду Кромвеля, он догадался о том, какие чувства меня бушуют.

– Мои слова привели вас в смятение, не так ли, господа? – спросил он, переводя взгляд с меня на Барака. – Что ж, на прощание могу лишь повторить то, что вам и так хорошо известно. Если в назначенный день мы не представим королю греческий огонь, пеняйте на себя. Вы слышали, что сказал Норфолк. Он намерен поквитаться со всеми моими приближенными. Так что не теряйте времени даром.

Кромвель глубоко вздохнул и проронил:

– Я вас больше не задерживаю.

Я открыл было рот, но Барак тихонько коснулся моей руки и предостерегающе покачал головой. Низко поклонившись, мы вышли из кабинета. Барак бесшумно закрыл за собой дверь. В приемной мы наткнулись на озабоченный взгляд Грея. – Вы получили какие-нибудь новые распоряжения, джентльмены? – спросил он.

– Нет. Нам надо узнать, где скрывается мастер Кайтчин. Лорд Кромвель сказал, что вы сообщите нам об этом.

– Сейчас.

Грей взял листок бумаги, написал на нем несколько слов и протянул мне.

– Думаю, соседство с вдовой Гриввуд не слишком по душе Кайтчину, – заметил он, попытавшись улыбнуться. – С этой женщиной трудно поладить.

– Благодарю вас, мастер Грей. И прошу вас, будьте осмотрительны, – сказал я на прощание.

ГЛАВА 29

Вечером того же дня мы с Бараком направились на набережную. Таверна, в которой Барак назначил встречу моряку, недавно совершившему плавание по северным морям, находилась у самого берега реки. Она оказалась довольно мрачным заведением, пропахшим пивом и речной водой. Сквозь маленькое грязное оконце была видна пристань Винтри, где теснились многочисленные склады. Я припомнил, что где-то здесь находится склад, дело о продаже которого было у меня изъято.

Вечер только начинался, и посетителей в таверне было немного. Внимание мое привлек странный предмет, подвешенный на цепях к потолку в центре зала. То была огромная бедренная кость, размерами раза в три превосходящая человеческую. Барак отправился к стойке за пивом, а я подошел к диковинной реликвии и прочел на прикрепленной к ней табличке: «Нога древнего великана, извлеченная из Темзы в 1518 году». Именно в этом году я прибыл в Лондон. Я прикоснулся к кости, и она с тихим звоном закачалась на своих цепях. На ощупь она оказалась холодной, точно камень. «Неужели эта кость в самом деле принадлежала человеческому существу невероятных размеров?» – подумал я.

Если это так, человеческая порода явно вырождается. На ум мне пришла собственная горбатая спина и больные ноги короля, которые, вероятно, явились причиной его недавних семейных проблем. Тут кто-то тронул меня за рукав, и я вздрогнул, словно уличенный в недозволенных мыслях. Но это был всего лишь Барак, который указал на один из столов в темном углу.

Минувший день принес нам одни неудачи. После разговора с Кромвелем, столь настойчиво требующим ощутимых результатов, они воспринимались особенно тяжело. Наняв лодку, мы переправились через Темзу и вернулись на Канцлер-лейн. Леман уже ждал нас. Я заметил, что он находится в состоянии легкого подпития. Это было совершенно ни к чему. Однако, не тратя даром времени, мы отправились вместе с ним в Линкольнс-Инн. Остановившись у ворот, Леман растерянным взглядом окинул величественные здания и снующих туда-сюда законников в черных мантиях. Но мысль об ожидающих его деньгах придала красно-рыжему лавочнику смелости, потому что он безропотно двинулся вслед за нами в контору Билкнэпа.

Увы, поднявшись по узкой лестнице, мы обнаружили, что на двери

висит внушительных размеров замок. Обратившись к адвокату, занимавшему соседнее помещение, мы узнали лишь, что брат Билкнэп куда-то ушел еще утром. Сосед явно предпочитал не вмешиваться в его дела.

Разочарованные, мы отправились в мою собственную контору. В соседней комнате я застал Годффри, который вместе со Скелли просматривал какие-то документы. На лице его мелькнуло откровенное удивление, когда он увидел меня в обществе Барака и Лемана. Оставив их в своей конторе, я зашел к Годффри.

– С работой, которую вы мне доверили, все в порядке, – сообщил он. – Но боюсь, вы лишились еще одного дела. Относительно продажи дома в Голдхарборе.

– Господи боже, только этого не хватало! – горестно воскликнул я, взъерошив волосы. – Сплошные неприятности!

Годффри устремил на меня задумчивый взгляд.

– Вам следует самому разобраться, что за всем этим стоит, Мэтью. У меня создается впечатление, что кто-то пытается вам навредить.

– Возможно, вы правы. Но сейчас у меня совершенно нет времени. И до следующего четверга я вряд ли сумею выкроить хоть час.

– А в четверг вы освободитесь?

– Да, – кивнул я с кривой ухмылкой. – Так или иначе, но освобожусь.

Я заметил, что у Годффри утомленный вид, и ощутил укол совести.

– Я вижу, что слишком загрузил вас собственными делами, Годффри.

– Нет, что вы. Я и правда расстроен, но лишь потому, что сегодня утром получил скверную новость. За оскорбление герцога меня обязали выплатить штраф размером в десять фунтов.

– О, это чрезвычайно высокий штраф. Мне очень жаль.

Годффри вновь внимательно посмотрел на меня.

– Думаю, мне придется воспользоваться вашим предложением и одолжить у вас денег. Хотя если в корпорации станет известно, что вы меня поддерживаете, это не пойдет вам на пользу.

– Об этом я совершенно не беспокоюсь, – возразил я, протестующе вскинув руку. – Я готов предоставить вам необходимую сумму.

Годффри наклонился и сжал мою руку.

– Благодарю вас.

– Дайте мне знать, когда вам понадобятся деньги. В его взгляде мелькнуло нескрываемое облегчение.

– Вы знаете, несмотря ни на что, я все равно ничуть не жалею о случившемся, – произнес он. – Надеюсь лишь, что деньги, которые с меня

взыщут, пойдут на благие цели.

– Я тоже на это надеюсь.

– А как продвигается расследование по делу Уэнтвортов?

– Медленно, – пожал я плечами. – Намного медленнее, чем мне того хотелось бы. Послушайте, Годфри, я пришел, чтобы поговорить с Билкнэпом, однако не застал его в конторе. Вы не могли бы зайти к нему, когда он появится, и сказать, что мне необходимо срочно с ним увидеться? Скажите, что разговор касается важного дела, которое мы уже обсуждали. И что заставляя меня ждать не в его интересах.

– Хорошо, я непременно к нему зайду. – Годфри с любопытством взглянул на меня. – Вы ведете еще какое-то дело, помимо дела Уэнтвортов?

– Да, – кратко ответил я.

– У вас довольно необычные помощники, – заметил он, кивнув в сторону двери.

– Да, это простые люди, далекие от судейского мира. Кстати, мне пора к ним вернуться. Чертов Билкнэп! Пока мы теряем здесь время, он наверняка проворачивает в Сити свои грязные махинации. У этого пройдохи такая скверная репутация, что адвокат, занимающий соседнюю контору, даже не пожелал передать ему записку.

– Брат Билкнэп – раб мамоны: он поклоняется лишь деньгам, – изрек Годфри.

– Точно так же, как и добрая половина жителей Лондона.

Я вернулся в свою контору. Леман сидел у окна, с интересом наблюдая за проходящими через двор законниками. Скелли объяснял Бараку, как снимаются копии с документов, причем последний слушал его с неподдельным интересом.

– Идемте, джентльмены, – распорядился я. – Годфри даст нам знать, когда появится Билкнэп.

– Я должен вернуться в лавку, – заявил Леман. Я не стал возражать, ибо понимал, что держать его целый день около себя невозможно. К тому же лавка Лемана находилась неподалеку от моего дома, и в случае необходимости я всегда мог послать за ним Саймона.

Так что домой я вернулся лишь в обществе Барака.

– Вы заставляете беднягу Скелли работать на износ, – заметил Барак по пути. – Он сказал, что сидит над бумагами с семи часов утра.

– Никто не виноват, что он так медленно работает, – отрезал я. – Он два часа корпит над документом, с которым большинство переписчиков справились бы за час. Вы не знаете, что это такое – нанимать служащих. Можете поверить мне на слово, это очень нелегко.

– Думаю, наемным служащим тоже приходится нелегко, – заявил Барак. На это замечание я не счел нужным отвечать.

– Знаете, о чем я все время думаю, – задумчиво произнес Барак. Если какой-нибудь бедолага украдет мешок яблок стоимостью больше шиллинга, его вздернут на виселицу в Тайборне.

– Таков закон.

– Однако многие люди позволяют себе годами не платить долгов, так ведь? Взять хотя бы этого каналью Билкнэпа. А сейчас я наблюдал, как Скелли переписывает акт о взыскании долгов. Там говорилось, что должник «виновен в злостном мошенничестве и выманил деньги при помощи обмана».

– Обычный оборот для подобного рода документов. – Получается, злостного неплательщика могут признать мошенником и лжецом, однако даже в этом случае ему придется всего лишь вернуть взятые займы деньги. А больше никакое наказание ему не грозит, правильно?

– Господи боже, Барак, вот уж не думал, что вас занимают подобные судебские тонкости, – со смехом ответил я.

– Знаете, поразмыслить о чем-нибудь постороннем – лучшее средство забыть о своих тревогах, – сказал Джек.

– Различие здесь состоит в том, что в случае невыплаты долга стороны оспаривают условия долгового обязательства, а вор просто присваивает имущество, которое ему не принадлежит, – пояснил я. – И в Палате гражданских исков не требуются неопровержимые показания свидетелей, которые нужны для того, чтобы повесить вора.

– Знаю я, чего стоят показания всех этих свидетелей, – иронически покачал головой Барак. – Думаю, дело совсем в другом. Кражи, как правило, совершают бедняки. А берут и ссужают деньги в долг люди уважаемые.

– Бедняк тоже может дать в долг свои жалкие сбережения. И его могут обмануть в точности так, как и богатого.

– А что делать бедняку, которого обманет богатый? Ведь у него нет средств обратиться в суд.

– Он может обратиться в особую Палату, которая занимается исками бедных людей, – пояснил я. – Впрочем, я согласен, бедным труднее добиться справедливости, чем богатым. Тем не менее закон стоит на страже правосудия. Такова его основная цель.

Барак искоса взглянул на меня.

– Вы – куда более здравомыслящий человек, чем мне показалось вначале. Но иногда вы любите строить из себя эдакого благородного

рыцаря, которому только в турнирах и участвовать.

Я испустил тяжкий вздох. По обыкновению, наш разговор грозил перерасти в ссору. К счастью, мы были уже у ворот, и, не сказав более ни слова, я направился к дверям. Дома меня ждала записка от Джозефа, в которой он горько сетовал на отсутствие новостей. Он напоминал мне, хотя в этом не было ни малейшей нужды, что через неделю Элизабет вновь предстанет перед судом. Я досадливо скомкал записку. Пожалуй, следовало спросить у Барака о том, как он относится к перспективе завтра вечером вновь отправиться к заветному колодцу. Однако я счел за благо на время оставить своего помощника в покое. У этого малого слишком часто менялось настроение, а у меня не было ни малейшего желания подстраиваться под его перепады.

Я попросил Джоан подать ужин. После еды я вновь отправился в Линкольнс-Инн. Однако, несмотря на то, что все присутственные места, где мог находиться Билкнэп, были давно закрыты, на дверях его конторы по-прежнему висел замок. Вернувшись домой, я сказал Бараку, что нам пора в таверну: ждать Билкнэпа далее не имело смысла.

Огромная кость, столь поразившая мое воображение, по-прежнему раскачивалась туда-сюда, зловеще позвякивая цепями. Какой-то человек, в одиночестве сидевший за столом, не сводил с нее напряженного взгляда затуманенных винными парами глаз. Барак поставил на стол две кружки пива.

– Хозяин таверны говорит, мастер Миллер и его друзья редко появляются здесь раньше восьми, – сообщил он и с жадностью отхлебнул пива. – Сегодня я вел себя как настоящий олух, да? – неожиданно добавил он.

– Вынужден с вами согласиться.

– Причиной всему милорд, – прошептал Барак, перегнувшись ко мне через стол. – Господи боже, я никогда прежде не видел его в таком паршивом настроении. Нам следует скорее забыть все то, что он наговорил о короле. Боже мой, как только он осмелился сказать, что у короля больше не будет детей?! Произнеся последнюю фразу, Барак испуганно осмотрелся по сторонам.

– Меня очень занимает, почему граф решил поделиться с нами этими своими предположениями? – спросил я.

– Всякому ясно: он хотел нас запугать. Безропотно выслушав столь крамольные слова, мы превратились в его соучастников.

– Вряд ли он преследовал подобную цель, – возразил я. – Я знаю лорда Кромвеля вот уже десять лет. Когда мы познакомились, он был всего лишь

секретарем кардинала Вулси. Но уже тогда в нем ощущалась необыкновенная сила. Чувствовалось, что этот человек далеко пойдет. А сегодня мне показалось: он ожидает самого худшего.

– Мне показалось то же самое.

Я наклонился к Бараку и понизил голос до шепота:

– Уверен, падение Кромвеля невозможно. Большая часть членов королевского совета – его сподвижники. К тому же Лондон – это город реформаторов, а значит...

– Жители Лондона непостоянны, как пыль в ветреный день, – сокрушенно покачав головой, заявил Барак. – Уж я-то их хорошо знаю. Я провел в этом городе всю свою жизнь. Если Говарды настроят короля против графа, никто из прежних друзей пальцем не пошевелит, чтобы ему помочь. Да и у кого хватило бы смелости возразить королю?

Он вновь затряс головой.

– Вы слышали, как Норфолк проехался насчет моего еврейского имени? Наверняка у него уже приготовлен список всех преданных графу людей. Может, он поместит меня в Дом обращения, дабы я принял истинную веру? – с деланным смехом добавил Барак. – Я слышал, там до сих пор держат некоторых особо упорных иудеев.

– Но ваша семья приняла святое крещение несколько столетий назад, – возразил я. – Вы такой же сын истинной церкви, как и все прочие англичане.

По лицу Барака скользнула косая ухмылка.

– Помню, когда я был мальчишкой, на Пасху священник всегда произносил проповедь, в которой рассказывал, как злые и подлые евреи распяли Господа нашего. Один раз во время проповеди я во всеуслышанье испортил воздух. Я долго копил в себе газы, и получилось ужасно громко. Священник укоризненно взглянул на меня, а все мальчишки захихикали. Дома мать задала мне такую славную трепку, которой я никогда прежде не достаивался. Она терпеть не могла, когда отец заводил разговор о своем еврейском происхождении.

Как и всегда, когда Барак вспоминал о своей матери, в голосе его слышалась горечь.

– Пожалуй, я бы выпил еще пива.

– Лучше воздержитесь, – посоветовал я. – Бог знает сколько нам придется прождать здесь этих моряков. А разговаривать с ними надо на трезвую голову.

– Ничего, у меня голова крепкая и от лишней кружки пива не закружится. А выпить необходимо. Сегодня, после того как мы покончим с

делами, я собирался отправиться к своей подружке. Да что-то вся охота пропала. Я так устал, что мне не до женщин.

– Ваша подружка, чего доброго, подумает, что вы устали от нее, – усмехнулся я.

Про себя я решил, что Барак, скорее всего, относится к тем представителям мужской породы, которые с легкостью одерживают победы над женщинами, однако совершенно не способны на длительную привязанность. Как правило, именно так ведут себя люди с порывистым и неуравновешенным характером. – Пожалуй, так оно и есть. Эта девчонка мне порядком надоела, – пожал плечами Барак. – А вы, насколько я помню, завтра снова увидите с предметом своих нежных вздыханий – прекрасной леди Онор, – перевел он разговор на мою персону.

– Да, на медвежьей травле, – кратко ответил я, пропустив мимо ушей звучавшие в его голосе насмешливые нотки.

– Давненько я не посещал подобных забав. Последний раз мне довелось побывать на травле быка. Представляете, здоровенный бык подцепил пса рогами и подбросил так высоко, что люди, идущие по улице, видели, как бедолага взлетел над крышами домов. Сами понимаете, приземлившись, он превратился в кровавое месиво.

– Я все думаю, когда нам с вами лучше отправиться к колодцу сэра Эдвина, – произнес я. – Может, завтра ночью?

Барак кивнул, не сводя глаз с гигантской кости, которая по-прежнему тихонько покачивалась на своих цепях.

– Завтра так завтра, – откликнулся он. – Хотя, признаюсь, в прошлый раз я натерпелся в этом проклятом колодце немало страха. Как вспомню эти мертвые глаза, которые уставились на меня из темноты, по спине бегут мурашки.

С этими словами он встал и направился к стойке за очередной порцией пива. Я, нахмурившись, глядел ему вслед.

«Возможно, – размышлял я, – в темноте Барак видел вовсе не глаза мертвецов, а, скажем, сверкающие в свете свечи драгоценности».

Однако внутренний голос подсказывал мне, что это не так.

Дверь распахнулась, и в таверну ввалились с полдюжины крепко сбитых, плечистых парней, дочерна загоревших на солнце. Их руки и холщовые блузы потемнели от угольной пыли. Я сразу подумал, что это наверняка Миллер и его товарищи. Владелец таверны сделал им знак, и они подошли к Бараку, стоявшему у стойки. Бросая на Джека подозрительные взгляды, они сгрудились вокруг него, а он принялся что-то торопливо говорить. Я пребывал в нерешительности, не зная, стоит ли мне

вмешиваться. Но тут моряки удовлетворенно закивали головами, и я понял, что Бараку удалось с ними договориться. Через несколько минут он вернулся к нашему столу, неся две кружки пива.

– Это Хэл Миллер и его товарищи, – сообщил он. – Сегодня днем они вернулись в Лондон и весь день разгружали уголь. Это, впрочем, видно и без слов. Поначалу они не хотели со мной разговаривать.

– Да, в какой-то момент я решил, что вам не поздоровится.

– Они сменили гнев на милость, стоило мне пообещать им денег и показать печать графа, удостоверяющую мои полномочия. Сейчас они хорошенько промочат глотки пивом, а потом расскажут нам все, что им известно про огненную воду.

Моряки уселись за длинным столом в дальнем углу комнаты. То и дело я ловил на себе не слишком дружелюбные взгляды. Предстоящий разговор явно их тревожил. Причина этой тревоги была мне непонятна. Я всегда считал, что моряки очень болтливы и обожают рассказывать байки о всяких диковинах, которые им довелось увидеть во время дальних странствий. А мы как раз хотели услышать об одной из таких диковин. Наконец Барак встал и направился к их столу. Я следовал за ним, настороженно озираясь по сторонам. Барак представил меня как одного из чиновников лорда Кромвеля, и мы опустились на деревянные скамьи. От моряков так пахло углем, что у меня защекотало в носу, и я едва не чихнул.

– Вижу, вам, ребята, сегодня пришлось немало попотеть? – подал голос Барак. – Мы весь день вкалывали, как проклятые, – ответил один из моряков. – Грузили уголь для королевских пекарен.

Говорил он несколько странно, как-то нараспев. По всей видимости, подобно многим угольщикам, он прибыл в Лондон из диких северных стран.

– Да, грузить уголь по такой жаре – это нелегкая работа, – вступил я в разговор.

– Работаешь много, а получаешь мало, – пробурчал другой моряк и бросил многозначительный взгляд на Барака, который понимающе кивнул и похлопал по кошельку, висевшему у него на поясе.

– Кто из вас Хэл Миллер? – спросил я, решив, что настало время переходить к занимающей нас теме.

– Я, – ответил здоровенный малый лет сорока, с лысой, как колено, головой и огромными узловатыми ручищами. Покрасневшее от солнца лицо его было измазано угольной пылью, а светло-голубые глаза недоверчиво смотрели на меня.

– Мы хотели бы услышать, что вы знаете о некоем заморском

горячительном напитке, который был привезен с балтийских берегов несколько месяцев назад. Насколько я понял, вы пытались продать хозяину харчевни бутылку этого напитка.

– Очень может быть, – пожал плечами Хэл. – А что, лорд Кромвель имеет что-нибудь против?

– Отнюдь, – заверил я. – Просто ему любопытно узнать, что это за напиток и из чего он сделан.

– Это любопытно не только ему, – буркнул моряк. – Меня уже спрашивали об этой огненной воде. Пытались взять на испуг.

– Вам угрожали? Кто?

– Один ублюдок, который называет себя Токи, – сообщил Хэл, смачно сплюнув на пол. – Роба у него изрыта оспой. Правильно говорят, Бог шельму метит.

– В случае необходимости граф предоставит вам защиту, – поспешил заверить Барак.

– Так, говорите, Токи интересовался огненной водой? – спросил я.

– Он хотел ее купить.

– Когда это было, недавно?

– Не слишком давно.

Несколько мгновений Миллер помолчал, потом подался вперед, скрестив на столе свои грубые руки.

– Прошлой осенью я устроился на корабль, который собирался в плавание по Балтийскому морю. Компания, которой он принадлежал, хотела открыть там торговлю, нарушить монополию Ганзейского союза. Об этом-то вы наверняка слышали, законник?

Я молча кивнул.

– Ребята говорили, что, чем пускаться неведомо куда, лучше бы я по-прежнему возил уголь, – продолжал Хэл. – Потом я пожалел, что не послушался их совета. Три недели мы бороздили Северное море, но, оказавшись у балтийских берегов, не посмели бросить якорь ни в одном из немецких портов. Боялись, что ганзейские купцы сразу же нас арестуют. Мы чертовски промерзли и изголодались, пока наконец не добрались до диких стран, где правят тевтонские рыцари. Господи боже, ну и унылые места. Все берега поросли непроходимым лесом, а зимой море замерзает и...

– Так вы высадились там? – нетерпеливо перебил я.

– Да, в городишке, который называется Любава. Поляки были счастливы торговать с нами. Мы загрузили корабль мехами и всякими диковинами, которых никто из нас, даже капитан Фенчерч, прежде не

видел. Например, мы закупили множество удивительных деревянных кукол. Каждая из них открывается, а внутри у нее еще одна, у той еще одна, и так вплоть до самой маленькой, величиной с ноготь. А зелье, которым вы интересуетесь, поляки называют водкой и пьют его, как мы пиво. На корабле у нас был целый бочонок, но, когда мы с ребятами попробовали эту чертову водку, выяснилось, что она обжигает нутро, точно огонь. Выпили всего по полкружки, а потом блевали, как проклятые. И все же капитан Фенчерч решил захватить в Англию оставшиеся пол бочонка. «Точно так же, как и наемный солдат Сент-Джон, который в давние времена привез бочонок с огненной жидкостью из Константинополя», – пронеслось у меня в голове.

– И что же случилось с этой водкой?

– Когда мы прибыли в Лондон, капитан Фенчерч распустил всю команду. Несмотря на то что меха достались ему почти даром, плавание оказалось не слишком выгодным, и он не собирался его повторять. Так что я вернулся на свою угольную баржу. Но на память капитан подарил мне бутылку этого польского пойла, и я принес ее сюда, в таверну. Помнишь, Робин?

– Да уж, такое не скоро забудешь, – отозвался один из моряков, молодой светловолосый парень. – Хэл рассказывал всякие чудеса о поляках, об их длинных бородах и остроконечных меховых шапках. Говорил, вся их страна покрыта дремучими лесами, а городов и деревень почти нет. Потом он достал эту бутылку и пустил ее по кругу, сказав, что в ней что-то вроде польского пива. Он еще предупредил нас, что пойло это ужасно крепкое и пробовать его надо осторожно.

– Только ты, Робин, его не послушался, – со смехом заметил кто-то из компании.

– Я не привык осторожно пить пиво, пусть даже польское, – пожал плечами Робин. – Из бутылки я отхлебнул как следует. Богом клянусь, в то же мгновение голова у меня пошла кругом, а кишки запылали, как в огне. Удержать эту бурду внутри не было никакой возможности, и меня вывернуло прямо на стол. Было темно, на столе горели свечи. И вот огненная вода, которую я выблевал, попала на свечу и тогда... Господи боже, вспомнить страшно...

– Что произошло тогда?

– Весь стол мгновенно загорелся. Вспыхнул синим пламенем. Трудно передать словами, до чего это было жутко. Понятно, все повскакали со своих мест, заорали и принялись креститься. А потом огонь погас сам собой, так же быстро, как и вспыхнул. И представьте только, на столе не

осталось никаких следов. Вот на этом самом столе.

В подтверждение своих слов Робин положил руку на поверхность стола, изрядно поцарапанную, но, и правда, ничуть не обгоревшую.

– Все это здорово смахивало на колдовство, – изрек Хэл Миллер. – И после этого случая я вылил огненную воду от греха подальше.

– Насколько я понял, дело было зимой, – уточнил я.

– Да, в январе. Зима – самое скверное время для плавания. Шторма такие, что, того и гляди, отдашь богу душу.

– А когда вы впервые увидели этого человека, Токи?

В глазах Миллера вновь мелькнула настороженность.

– Где-то через месяц, когда мы вернулись из Ньюкасла, – ответил он. – Понятное дело, о диковинной воде, которая горит синим огнем, пошло немало слухов. Как-то вечером этот Токи пришел сюда, в таверну, вместе со своим приятелем, таким здоровенным детиной. Держался он козырем, словно таверна принадлежит ему. И то сказать, вид у этих образин был такой, что они на кого хочешь могли нагнать страху. Особенно у этого громилы с топором в руках. Так вот, они подвалили прямиком к нам, и этот рябой ублюдок Токи заявил, что хочет купить огненную воду. Сказал, что его хозяин хорошо заплатит.

– А он не упомянул, кто он, его хозяин? – Нет. Да и мне на это было ровным счетом наплевать. Токи все твердил, что заплатит хорошие деньги. Когда я сказал, что бросил бутылку в воду в доке Куинхит, он сперва не поверил. Начал мне угрожать. Мне пришлось дать ему адрес капитана Фенчерча, и тогда он сразу убрался. Я очень жалею, что это сделал, но уж больно мне хотелось отвязаться от этого подонка. Потом я встретил одного из слуг Фенчерча и спросил, как дела у капитана. Тот сказал, что капитану удалось очень выгодно продать бочонок с огненной водой.

– И кто же был покупателем?

– Слуга этого не знал. Думаю, этот рябой Токи, кто ж еще.

– Скажите, а вы никогда не слышали имени Марчмаунт? Или Билкнэп? Или, может быть, леди Брейнстон?

Упомянуть имена Рича и Норфолка, слишком хорошо известных всему Лондону, я не рискнул.

– Нет, сэр. Лопни мои глаза, если я хоть раз слышал обо всех этих людях.

– А где живет капитан Фенчерч?

– На Бишопсгейт-роуд. Только сейчас он в плавании. На этот раз направился в Швецию. Он предлагал мне поступить к нему на корабль, но я сыт по горло путешествиями по диким странам. Думаю, вернется он не

раньше осени.

«Что ж, по крайней мере, капитану удалось избежать смерти», – подумал я, а вслух произнес:

– Мы вам очень признательны.

Я кивнул Бараку, он достал из кошелька несколько монет и протянул их Миллеру.

– Если вспомните еще что-нибудь, связанное с огненной водой, непременно сообщите мне через хозяина таверны, – сказал Джек на прощание.

Мы вышли из таверны и двинулись по набережной. Подъемник на пристани, четко вырисовывавшийся на фоне звездного неба, напоминал шею гигантского лебедя. Я бросил взгляд на темную реку.

– Снова мы ничего толком не узнали, – с досадой пробормотал Барак. – Жаль, что этот олух Фенчерч в плавании. Уж он-то бы точно рассказал нам кое-что интересное.

– Вспомните, когда все это происходило, Барак, – перебил я, в волнении вскинув руку. – В январе мастер Миллер приносит бутылку с огненной водой в таверну и производит переполох. За три месяца до того греческий огонь был найден в монастыре. Однако лишь два месяца спустя, в марте, Майкл Гриввуд рассказывает о своей находке Билкнэпу, рассчитывая, что тот поможет ему добраться до Кромвелля. А что же братья Гриввуды делали все это время?

– Я так думаю, строили и испытывали свой аппарат.

– Скорее всего, вы правы.

– И может быть, пытались при помощи формулы произвести свой собственный греческий огонь? Наверняка польская огненная вода – одна из его составных частей.

– Вероятно, до братьев дошли слухи о загадочной огненной жидкости, и они поручили Токи раздобыть ее. Хотели проверить, можно ли ее использовать для приготовления греческого огня, – предположил я.

– Но ведь в их распоряжении была формула, а значит, они точно знали, какие вещества необходимы для приготовления греческого огня, – возразил Барак.

– Да, мне это тоже пришло в голову! Так или иначе, тот, кто нанял Токи, кем бы он ни был, участвует в этом деле с самого начала. Он был связан с Гриввудами задолго до того, как они решили сообщить о своих опытах Кромвеллю.

– По-моему, то, что вы говорите, полная бессмыслица. Если хозяин Токи работал вместе с Гриввудами, почему он приказал своему

подручному убить их? — Барак вперил в меня недоуменный взгляд. — Может, Гривуды обратились к лорду Кромвелю, не поставив об этом в известность своего сообщника? Я полагаю, они надеялись, что граф заплатит им больше.

— Вы забываете, что Гривудов убили три месяца спустя после их встречи с Кромвелем, — напомнил я. — Из каких соображений их неведомый сообщник выжидал так долго?

— Предположим, за всеми этими убийствами стоит один из наших подозреваемых. Но в таком случае, он не стал бы выступать в качестве посредника, который устроил встречу братьев Гривудов с Кромвелем. — Я вскинул бровь. — Мне необходимо срочно поговорить с Билкнэпом, Барак. Мы должны вытянуть из него как можно больше.

— А что, если Токи уже разделался с Билкнэпом? — предположил Джек. — Сумел же этот мерзавец добраться до литейщика прежде нас. Не удивлюсь, если Билкнэп уже мертв.

— Я предпочитаю надеяться на лучшее. Идемте быстрее. Прежде чем мы вернемся домой, надо заглянуть в Линкольнс-Инн и проверить, не вернулся ли Билкнэп.

Я обернулся на мрачное, обшарпанное здание таверны. По моему разумению, это было не слишком веселое место.

«Только сейчас, ночью, Лондон открывает свое истинное злое лицо», — пронеслось у меня в голове.

В Линкольнс-Инне нас ждала записка от Годфри, в которой говорилось, что Билкнэп так и не вернулся. Замок висел на дверях его конторы и на следующее утро. Крепкие запоры и сторожа у ворот надежно охраняли сундук с золотом, но его хозяин исчез бесследно. А в нашем распоряжении оставалось всего шесть дней.

ГЛАВА 30

Утро выдалось столь же неудачным, как и вчерашний день. Убедившись, что Билкнэп не появлялся в Линкольнс-Инне, я направился к Гаю, но на дверях запертой аптеки по-прежнему висела записка.

«И почему только людям не сидится на месте», – досадливо размышляя, направляясь к своей следующей цели – дому, где проживали Кайтчин, вдова Гриствуд и ее сын, укрытые Кромвелем от злоумышленников.

Дом располагался на бедной улице неподалеку от реки и вид имел довольно невзрачный. Несмотря на жару, ставни на всех окнах были закрыты. Я привязал Предка к ограде и постучал в дверь. Через несколько мгновений ее открыл человек в серой блузе. Он замер на пороге, вперив в меня подозрительный взгляд, и пробурчал:

– Что вам надо?

– Меня зовут Мэтью Шардлейк. Я явился сюда по поручению лорда Кромвеля.

Настороженные огоньки в глазах незнакомца погасли. – Да, сэр, мне сообщили о том, что вы собираетесь к нам. Прошу вас, входите.

– Как поживают ваши гости?

Лицо его исказила недовольная гримаса.

– Со старым монахом мы неплохо ладим, а что касается женщины, так это настоящая мегера. Сынок ее с ума сходит от скуки, так и рвется прочь. Вы не знаете, долго они здесь пробудут?

– Никак не более нескольких дней.

Тут одна из дверей распахнулась, и передо мной предстала вдова Гриствуд.

– Кто там, Карни? – обеспокоенно спросила она и, узнав меня, испустила откровенный вздох облегчения. – А, господин законник.

– К вашим услугам, сударыня. Как поживаете?

– Неплохо. Вы можете идти, Карни, – изрекла она повелительным тоном.

Карни в ответ состроил недовольную гримасу, однако счел за благо удалиться.

– До чего нахальный малый, – вздохнула мистрис Гриствуд. – Пройдите в нашу гостиную, сэр.

Она провела меня в комнату, где из-за закрытых ставен царил жаркий полумрак. Сын ее сидел за столом и поднялся при моем появлении.

– Добрый день, сэр! – сказал он. – Надеюсь, вы пришли, чтобы сообщить нам, что скрываться больше нет нужды? Я должен вернуться на работу и...

– Боюсь, вам все еще угрожает опасность, мастер Харпер, – перебил я. – Придется подождать еще несколько дней.

– Это делается ради нашего же блага, Дэвид, – с укором заметила его матушка.

Судя по всему, вдова Гривстуд полностью оправилась от пережитого потрясения и к ней вернулась прежняя властность. Я невольно улыбнулся.

– Конечно, мне бы тоже хотелось вернуться домой, – сказала вдова. – Мы с Дэвидом уже решили, что отныне он будет жить со мной. Того, что он зарабатывает в литейных мастерских, вполне хватит нам обоим. А потом, когда цены на недвижимость пойдут вверх, мы продадим дом. Нам ведь нужны деньги, да, Дэвид?

– Да, матушка, – покорно откликнулся сын. «Любопытно, сколько времени пройдет, прежде чем он, подобно Майклу, решит взбунтоваться?» – подумал я.

– А где мастер Кайтчин? – решил я сменить тему. – Мне необходимо с ним повидаться.

– Этот старый надутый монах? – пренебрежительно фыркнула вдова Гривстуд. – В своей комнате, где ж ему еще быть. Наверху.

– Вынужден вас оставить, – сказал я. – Рад был убедиться, что вы и ваш сын находитесь в безопасности и пребываете в добром здравии.

– Прощайте, сэр, – проронила она, и лицо ее внезапно смягчилось. – Я очень вам признательна. За то, что вы нам поверили и не оставили нас в беде.

Тронутый этой неожиданной благодарностью, я поднялся по лестнице. Как ни странно, вдова Гривстуд ни словом не обмолвилась о Бэтшебе Грин. Возможно, сейчас, когда она обрела сына, прошлые грехи покойного мужа перестали ее волновать. На втором этаже оказалась лишь одна дверь. Я постучал и через несколько мгновений услышал слабый голос Кайтчина:

– Войдите.

Как видно, старый монах предавался молитве, ибо, когда я вошел, он медленно поднимался с колен. Сквозь тонкую ткань его белой сутаны можно было различить повязку на руке. Лицо Кайтчина показалось мне бледным и изможденным.

– Добрый день, мастер Шардлейк, – произнес он, метнув в меня беспокойный взгляд.

– Добрый день, мастер Кайтчин. Как ваша рука? – Пальцы более не

подчиняются мне, – пожаловался он, грустно покачав головой. – Но я рад уже и тому, что удалось сохранить руку.

– А как вам здесь живется?

– Эта женщина не слишком мне по душе, – ответил Кайтчин и с сокрушенным вздохом опустил на кровать. – Она пытается помыкать всеми, кто имеет несчастье делить с ней кров. Женщине не следует так вести себя.

«Должно быть, в течение многих лет Кайтчин почти не видел женщин», – подумал я.

Неудивительно, что вдова Гривуд нагнала на него такого страху. Он слишком долго жил вдали от мира и теперь ощущал себя до крайности неуверенно.

– Вам не придется долго делить с ней кров, мастер Кайтчин, – заверил я и ободряюще улыбнулся. – Я хотел бы кое о чем спросить вас.

В глазах бывшего монастырского библиотекаря мелькнул откровенный испуг.

– Сэр, вы хотите поговорить о греческом огне?

– Да. У меня к вам всего один вопрос.

Плечи его поникли, и, испустив тяжкий вздох, он проронил:

– Слушаю вас.

– Вы знаете, что старое кладбище в монастыре Святого Варфоломея уничтожено?

– Да, в тот день, когда мы с вами встретились, я стал свидетелем этого кощунственного поругания священной земли.

– Мне сказали, что, согласно старинному обычаю, вместе с покойниками, прах которых обретал последний приют на монастырском кладбище, хоронили принадлежавшие им вещи. Что-нибудь такое, что отражало их земные дела и пристрастия. Причем обычай этот распространялся не только на монахов, но и больных, умерших в больнице.

– Да, это правда. Мне много раз приходилось читать молитвы над братьями, отошедшими в мир иной. Вместе с ними в гробы мы неизменно опускали какую-нибудь вещь, которая служила символом их земной жизни. О, этот обычай был исполнен высокого смысла...

Голос старика дрогнул, и на глазах его блеснули слезы.

– Вот я и подумал, может быть, вместе со старым солдатом Сент-Джоном похоронили сосуд с греческим огнем. По-моему, это вполне могло служить символом его жизни.

В глазах Кайтчина мелькнул неподдельный интерес.

– Что ж, сэр, ваше предположение не лишено оснований. Если монахи

сочли, что греческий огонь действительно воплощает собой земные деяния старого солдата, они могли положить его в могилу. Никто ведь не мог предугадать, что настанет время, когда Ричард Рич дерзнет осквернить монастырское кладбище, – с горечью добавил он.

– Значит, мне следует заглянуть в могилу Сент-Джона прежде, чем ее раскопают люди Рича, – кивнул я. – Надеюсь, время еще есть. Рич приказал, чтобы ему показывали все любопытные находки, сделанные при раскопках.

– Еще бы, – усмехнулся Кайтчин. – Наверняка в могилах обнаружилось немало ценных вещей.

– Да, – кивнул я и пристально взглянул на старого монаха. – Мастер Кайтчин, меня волнует еще один вопрос. Монахи не случайно прятали бочонок и держали в строжайшей тайне формулу. Они понимали, какие бедствия способен принести греческий огонь.

– Понимали, – веско произнес Кайтчин. – Вспомните девиз.

– «*Lupus est homo homini*» – «человек человеку волк». Но если монахи сознавали, что греческий огонь способен принести людям одни несчастья, почему они не уничтожили документы и содержимое бочонка? Если бы они это сделали, мы все избежали бы многих неприятностей.

По бледным губам Кайтчина скользнуло подобие улыбки.

– Сэр, вы полагаете, разногласия между церковью и государством начались лишь с той поры, как король воспытал греховным вожделением к нечестивой шлюхе Болейн? Уверяю вас, эти разногласия были всегда.

– Да, это правда.

– Когда Сент-Джон находился в монастырской больнице, в стране шла война между Йорком и Ланкастером. То были смутные, тревожные времена. Думаю, монахи решили сохранить греческий огонь на тот случай, если над их обителью нависнет угроза. Возможно, они рассчитывали, что тот, кому они предоставят столь грозное оружие, обеспечит им безопасность. Нам издавна приходилось быть политиками, сэр. Монахи всегда отличались предусмотрительностью и дальновидностью, – печально изрек Кайтчин.

– А потом пришли Тюдоры и восстановили мир в королевстве, – вновь заговорил он после недолгого молчания. – И о греческом огне забыли. Возможно, намеренно.

– Потому что благодаря Тюдорам жизнь в Англии вошла в спокойную колею, – подхватил я с грустной улыбкой. – Такая вот ирония судьбы.

После разговора с Кайтчином я немного приободрился и к причалу Трех Журавлей, где мне предстояло встретиться с леди Омор, направился в

неплохом настроении. Наконец-то мне удалось хоть немного сдвинуть дело с мертвой точки; завтра я вновь отправлюсь в монастырь, придумав какое-нибудь убедительное оправдание для своего визита. Привязывая Предка в конюшне захудалой таверны, я перебирал в голове возможные предлоги. Когда я спустился на пристань, там уже во множестве толпились люди. Высоченные подъемники, благодаря которым пристань получила свое название, четко вырисовывались на фоне голубого неба с легкими перистыми облаками. Они не обещали дождя, но временами закрывали солнце, посылая на землю желанную тень. Тут и там торговцы цветами предлагали свой благоуханный товар. Те, кого пригласил Марчмаунт, собирались в дальнем конце пристани. Ради такого события, как медвежья травля, я оставил дома свою мантию и вырядился в ярко-зеленый камзол, который надевал чрезвычайно редко, и в свои лучшие штаны.

По Темзе сновали бесчисленные лодки и баржи. Некоторые пассажиры, устроившись под разноцветными тентами, играли на лютнях и свирелях, и над водой разносились веселые мелодии. Казалось, весь Лондон высыпал на берег, дабы насладиться легким речным ветерком. Оживленно переговариваясь, гости, собравшиеся на медвежью травлю, ожидали лодок, которые должны были переправить их на другой берег. Я увидел леди Онор, стоящую у самых ступенек рядом с Марчмаунтом. Сегодня на ней был черный головной убор и желтое платье с широкой юбкой и фижмами. В ответ на какое-то замечание Марчмаунта она улыбнулась, и около ее губ собрались столь хорошо знакомые мне пленительные складочки.

«Как искусно эта женщина умеет скрывать собственные чувства», – подумал я. Взглянув на них, всякий решил бы, что Марчмаунт пользуется самым искренним расположением своей собеседницы.

Оглядев гостей, я узнал некоторых представителей гильдии торговцев шелком, которых видел на званом вечере. Многие из них явились со своими женами. Две камеристки и несколько слуг леди Онор стояли чуть поодаль от нее, вместе с юным Генри, обеспокоенно озирающимся по сторонам. Вооруженные стражники сдерживали толпу и внимательно выглядывали среди гостей карманных воришек. Леди Онор завидела меня и позвала:

– Мастер Шардлейк! Идите быстрее сюда! Лодка уже подана!

Я принялся торопливо проталкиваться сквозь толпу.

– Прошу прощения, – с поклоном сказал я, оказавшись около леди Онор. – Надеюсь, я не заставил вас ждать.

– Если и заставили, то всего лишь несколько минут, – откликнулась она, сияя приветливой улыбкой.

Марчмаунт сухо поклонился мне и на правах хозяина принялся

торопить людей, толпившихся у ступенек пристани.

– Садитесь, садитесь поскорее, леди и джентльмены, пока не начался отлив.

Большая парусная лодка с четырьмя гребцами ожидала пассажиров, покачиваясь на волнах. Легкий ветерок играл с ярким голубым парусом. Собравшиеся не заставили себя долго упрашивать и принялись поспешно рассаживаться по скамьям.

– Вижу, Шардлейк, вам надоела ваша мантия, – заметил Марчмаунт, когда я опустился на скамью напротив него. Сам он был в черной мантии барристера и немилосердно потел.

– Я решил сделать уступку жаре.

– Никто не видел вас в таком ярком платье, – с язвительной улыбкой заявил он. – Откровенно говоря, я с трудом вас узнал.

Я повернулся к юному родственнику леди Онор, который молча сидел рядом со мной.

– Ваше мнение о Лондоне не изменилось к лучшему, мастер Генри?

– После Линкольншира трудно привыкнуть к такому большому городу, – залившись краской, пробормотал юноша. – Здесь так много народу, и все куда-то спешат. У меня от этого голова кружится.

Внезапно лицо его просветлело, и он с гордостью сообщил:

– Правда, вчера я обедал у самого герцога Норфолкского. У него такой великолепный дом! Мне сказали, там часто бывает мистрис Говард, которая вскоре станет королевой.

– Не стоит во всеуслышанье строить столь смелые предположения, – неодобрительно заметил я.

– По-моему, Шардлейк, вы чрезмерно осторожны, – с хохотом воскликнул Марчмаунт. – Ни к чему бояться говорить о том, что известно всем и каждому! Дни Кромвеля сочтены.

– Я слышал, что лорд Кромвель низкого происхождения и к тому же отличается грубыми манерами, – изрек Генри.

– На вашем месте я бы воздержался от подобных замечаний, – отрезал я.

Юноша бросил на меня обиженный и растерянный взгляд. Леди Онор была права, он явно не обладал ни умом, ни характером, ни прочими качествами, необходимыми для того, чтобы проложить своей семье путь при дворе. Я бросил взгляд в носовую часть лодки, где сидела леди Онор. Она неотрывно глядела на воду, и на лице ее застыло задумчивое выражение. Увидав на саутуоркском берегу огромный круг арены, где должна была состояться травля, я подавил вздох. Откровенно говоря, мне

всегда было тяжело наблюдать, как огромного испуганного зверя разрывают на части под оглушительный рев толпы.

Я ощутил, что кто-то коснулся моей руки. Марчмаунт перегнулся ко мне, и голова его оказалась так близко, что я ощущал на щеке его горячее дыхание.

– Вам удалось отыскать пропавшие бумаги? – шепотом осведомился он.

– Нет, но я непременно найду их и...

– Надеюсь, вы больше не будете тревожить леди Онор по поводу этих документов. Подобные расспросы тягостны для женщины со столь утонченной душой. Я имею право сказать это, ибо льщу себя надеждой, что после кончины супруга она считает меня своим ближайшим другом и советчиком.

подавшись назад, я пристально взглянул на Марчмаунта. Он кивнул, сияя от самодовольства. Вспомнив все, что рассказывала леди Онор о его необоснованных притязаниях, я едва сдержался, чтобы не расхохотаться ему в лицо. Взглянув на Генри Вогена, я заметил, что он смотрит на воду, погрузившись в невеселые размышления. Наклонившись к большому волосатому уху Марчмаунта, я прошептал:

– Я слежу за вами, барристер, по распоряжению лорда Кромвеля. И мне доподлинно известно, что вы обсуждали с леди Онор некоторые вопросы, затрагивающие как ваши личные интересы, так и интересы герцога Норфолкского.

Произнеся эту тираду, я с удовольствием увидел, как Марчмаунт вздрогнул и заморгал от неожиданности.

– Вы не имеете никакого права вторгаться... – начал было он, но, встретившись с моим суровым взглядом, понурил голову.

– Да будет вам известно, барристер, я располагаю самыми широкими правами и полномочиями, – отчеканил я. – А вот право вмешиваться в дела леди Онор, которое вы, по вашим словам, имеете, существует только в вашем воображении.

Признаюсь, собственная грубость немало удивила меня; судя по всему, я перенял у Барака его бесцеремонную манеру общения.

– Наши разговоры с леди Онор носили частный характер, – пролепетал Марчмаунт. – Клянусь, они не имели никакого отношения к пропавшим бумагам.

– Иными словами, вы хотите сказать, что питаете к леди Онор нежные чувства?

– Прошу, не надо об этом, – залившись краской, прошептал Марчмаунт. – Не будем об этом говорить – ради леди Онор, не только ради

меня. Это слишком деликатная тема.

В голосе его неожиданно послышалась мольба.

– Леди Онор поведала мне о ваших притязаниях на ее руку с большой неохотой, Марчмаунт, если только это может служить вам утешением, – сообщил я. – Впрочем, так и быть, я пощажу ваши чувства и не буду затрагивать эту щекотливую тему. Не буду я и расспрашивать вас о притязаниях герцога на земли леди Онор.

Глаза Марчмаунта полезли на лоб от изумления.

– Ах да, земли, – с излишней поспешностью подхватил он. – Это частное дело герцога.

Тут лодка слегка ударилась о ступени пристани, так что все пассажиры вздрогнули. Дамы засмеялись, лодочники принялись помогать им высаживаться на берег. Глядя на широкую спину Марчмаунта, я думал о том, что удивление, которое он выразил при упоминании о землях леди Онор, явно было неподдельным. Что, если леди Онор ввела меня в заблуждение и Норфолк вовсе не пылает желанием приобрести ее семейные владения. Тогда он добивается от нее чего-то другого. Я вспомнил, как леди Онор поклялась на Библии, что герцог никогда не заводил с ней разговор о греческом огне; вспомнил я и собственные сомнения относительно ее религиозных чувств.

На пристани было полно народа: в большинстве своем то были простолюдины, желавшие посмотреть на травлю. Какой-то человек в кожаной куртке наступил на широкую юбку леди Онор. Одна из ее камеристок жалобно вскрикнула, и слуга немедленно отшвырнул невежу прочь. Леди Онор испустила страдальческий вздох.

– Не знаю, искупит ли ожидающее нас зрелище тягостную необходимость терпеть всю эту толчею и шум, – проронила она.

Я заметил, что над верхней ее губой выступили бисеринки пота. – Уверяю вас, искупит, леди Онор, – торопливо заверил Марчмаунт. – Сегодня будет затравлен превосходный медведь по имени Магнус, специально доставленный из Германии. Это громадный зверь ростом более шести футов. Вчера он прикончил пятерых собак, а сам остался цел и невредим. Сегодня я непременно поставлю на него шиллинг.

Леди Онор окинула взором многочисленные ряды деревянного амфитеатра. Огромная толпа ожидала у ворот, и до нас доносились возбужденные крики. На арену уже выпустили старых слепых медведей, на которых, заходясь от злобы, насакивали собаки. Леди Онор снова вздохнула.

– Где же он, великий и несравненный Магнус? – осведомилась она.

Марчмаунт, казалось, не заметил прозвучавших в ее голосе иронических ноток.

– Его выпустят на арену где-то через час, – сообщил он.

– А до той поры мне, пожалуй, нечего здесь делать, – заметила леди Онор. – Боюсь, я не в состоянии целый час выносить этот кошмарный шум. Думаю, вы простите меня, барристер, если я вас оставлю и прогуляюсь по набережной в обществе своих камеристок.

– Как вам будет угодно, – упавшим голосом произнес Марчмаунт.

– Время от времени я буду заглядывать сюда, смотреть, что происходит. Может, кто-нибудь из дам желает ко мне присоединиться?

Леди Онор огляделась вокруг. Одна из купеческих жен, судя по выражению лица, явно была не прочь воспользоваться приглашением, однако, взглянув на своего мужа, отрицательно покачала головой.

– Позвольте мне составить вам компанию, леди Онор, – сказал я, выдвигаясь вперед.

– Сделайте милость, – улыбнулась леди Онор. – Уверена, мы прекрасно проведем время.

— Неужели вы предпочитаете общество дам столь мужественному развлечению, брат Шардлейк? – спросил Марчмаунт, насмешливо покачав головой.

– А почему бы мне не предпочесть общество дам обществу медведей и собак? – ответил я вопросом на вопрос.

– Хорошо сказано! – расхохоталась леди Онор. – Летиция, Дороти, идемте.

Она повернулась и направилась вдоль реки. Я присоединился к ней. Камеристки следовали на несколько шагов позади нас. Шествие замыкали слуги, вооруженные мечами.

Широченная юбка леди Онор касалась моих ног; я ощущал даже каркас из китового уса, растягивающий ткань. При мысли о восхитительных ножках, скрываемых этой юбкой, я невольно покраснел.

Леди Онор состроила досадливую гримасу, когда из амфитеатра донесся новый раскат возбужденного рева.

– И в самом деле, это мужественное развлечение, – насмешливо изрекла она. – Точнее, оно было бы мужественным, если бы вместо собак на арену выпускали мужчин. Например, Уильяма Марчмаунта. Как вы думаете, он сумел бы одержать верх над медведем?

– Вряд ли, – усмехнулся я. – Признаюсь, мне тоже не по душе медвежья травля. Зрелище чужих страданий, пусть даже страданий животного, не доставляет мне ни малейшего удовольствия.

– О, я вовсе не думаю о страданиях медведя. Меня всего лишь раздражает шум и гогот. А вы, судя по вашим словам, относитесь к числу тех пылких реформаторов, которые осуждают любые развлечения.

– О, реформы тут совершенно ни при чем. Я с детства избегал подобных забав.

Мы медленно шли вдоль реки.

– Медведи – это всего лишь дикие косматые звери, и сожалеть о них, по меньшей мере, неразумно, – аставительно изрекла леди Онор. – По-моему, медвежья травля – не лучший повод для того, чтобы проявлять милосердие. Но, откровенно говоря, я боялась потерять сознание. Сегодня так жарко, к тому же там невыносимо пахло кровью. Все-таки хорошо, что мы ушли. Мне показалось, мистрис Квейл хотела к нам присоединиться. Но эта бедная женщина и шагу ступить не смеет без разрешения мужа.

– Да, независимость – это одно из важных преимуществ положения вдовы, – кивнул я.

Леди Онор широко улыбнулась, показав ровные белые зубы.

– О, вижу, вы помните наш недавний разговор. Не скрою, у положения вдовы есть свои хорошие стороны. Представьте себе, я не только успешно веду дела, но и расширяю свои интересы. Например, я приобрела мастерскую, где шьют изысканное шелковое платье. Мне помог Уильям, он превосходно разбирается в вопросах купли-продажи. Впрочем, полагаю, не лучше вашего, – добавила она и улыбнулась вновь.

– Того и гляди, вскоре у меня не будет повода применять собственные знания, – печально сказал я. – Многие мои клиенты отказались от моих услуг.

– С их стороны это до крайности опрометчиво, – ответила леди Онор. – Но какова же причина?

– Мне они не сочли нужным сообщить ее. Я решил сменить тему и спросил:

– Значит, вы нанимаете женщин для шитья?

– Да. Работать с шелком чрезвычайно трудно. К тому же сейчас дамы предпочитают сложные и замысловатые фасоны. В моей мастерской работают шестеро швей, все – бывшие монахини.

– Неужели?

– Именно так. Из монастыря Святой Клары, Святой Елены, а также Клеренвелла. Я слыхала, многие монахини с радостью покинули свои обители. Некоторые так поспешно кинулись в вихрь прежде недоступных удовольствий, что кончили свои дни здесь. – Леди Онор кивнула на темные воды реки. – Но все мои швеи уже немолоды. Воистину, эти создания

достойны жалости: они опасаются даже ходить по улицам. И разумеется, они очень рады, что сумели найти работу.

– Но, должно быть, с непривычки бывшим монахиням тяжело целыми днями сидеть за шитьем.

– Не тяжелее, чем целыми днями возносить молитвы. Я думаю, самое главное для этих женщин – сознание того, что им не угрожает нищета. Впрочем, чувство защищенности важно не только для бывших монахинь. У каждого человека должно быть свое место в обществе. Если бы власти обратили на это должное внимание, по улицам городов не слонялись бы люди, лишенные работы и крова. – Леди Онор задумчиво покачала головой. – О, я представляю, как тяжело несчастным, лишившимся пристанища. Нет ничего хуже неуверенности в завтрашнем дне.

Мне впервые пришло в голову, что, несмотря на всю остроту ума и светскую искушенность леди Онор, существуют целые области жизни, о которых она имеет самое отдаленное понятие.

– Я думаю, всякий, кто обладает хотя бы некоторыми способностями, имеет возможность завоевать свое место в жизни, – сказал я.

– Вы правы, Мэтью, но способностями обладает далеко не каждый, – возразила леди Онор.

Услышав из ее уст свое имя, я испытал пронзительное наслаждение.

– Без сомнения, вы обладаете ими в полной мере, но вы – исключение из общего правила, – продолжала она.

– Вы слишком высоко цените мои скромные достоинства, леди Онор, – пробормотал я и отвесил поклон, пытаясь скрыть смущение.

– Вы наделены врожденным благородством, которое невозможно приобрести.

Я вспыхнул.

«Нельзя позволять чувствам одержать верх над разумом», – пронеслось у меня в голове.

Рядом с этой женщиной приходится быть настороже.

– Среди приближенных короля немало новых людей, наделенных выдающимися способностями, – поспешно заметил я. – Кромвель. Ричард Рич.

Произнося последнее имя, я вперился взглядом в лицо леди Онор, наблюдая за ее реакцией. Однако она лишь рассмеялась.

– Рич? Неотесанный мужлан в бархатном камзоле. Вам известно, что его жена – дочь простого бакалейщика?

– Тем не менее сейчас она является владелицей монастыря Святого Варфоломея.

К этому времени мы прошли уже довольно значительное расстояние. Теснившиеся вдоль набережной дома расступились, за ними начиналась пустошь. Леди Онор бросила взгляд за реку на громаду дворца Брайдвелл. Ее камеристки и слуги, идущие в десяти шагах от нас, остановились, заметив, что остановилась хозяйка. Туча, набежавшая на солнце, на несколько мгновений подарила желанный отдых от его палящих лучей.

– Мэтью, я надеюсь, что у меня не будет никаких неприятностей с лордом Кромвелем, – произнесла леди Онор, пристально глядя на меня. – Мысль о том, что я могу навлечь на себя его гнев, не дает мне покоя. Вы уже говорили с ним?

– Да, и я сообщил ему все, что узнал о вас. Должен сказать, он говорил о вас с восторгом.

Во взгляде леди Онор мелькнуло откровенное облегчение.

– Да, мои званые вечера пользуются успехом. Лорд Кромвель, и герцог Норфолк, и многие другие – все они любят бывать у меня. Но сейчас такие времена, когда каждый из сильных мира сего хочет заручиться поддержкой. Поэтому всякий из моих могущественных гостей опасается, что мои симпатии принадлежат его противнику. Откровенно говоря, они не принадлежат никому, – со смехом заявила она. – Конечно, герцог был бы не слишком доволен, узнай он только, что я служила посредницей, передавшей лорду Кромвелю некие таинственные документы. Вы видите сами, я попала в ловушку, – добавила она с грустной улыбкой. – И все благодаря тщеславному желанию собрать за своим столом избранное общество.

– Тот, кто оказался вовлеченным в игры сильных мира сего, неминуемо подвергает себя опасности, – заметил я. – Порой мне хочется оставить службу, удалиться в деревню и заняться земледелием.

– Я тоже часто думаю о том, чтобы уехать в Линкольншир, в наше семейное поместье, – подхватила леди Онор. – Хотя, в отличие от своего юного племянника, я очень привязана к Лондону. Впрочем, наверняка граф пожелает, чтобы я оставалась в городе, пока расследование не будет окончено.

– Полагаю, вы правы, миледи, – кивнул я и после недолгого колебания добавил: – В лодке по пути сюда я имел случай побеседовать с барристером Марчмаунтом.

– Да, я видела, как вы шептались, едва не соприкасаясь головами. – Взгляд ее внезапно стал острым и колючим. – Я догадываюсь, вы проверяли, насколько мои слова соответствуют истине?

– Такова моя обязанность, миледи. Надеюсь, вы меня поймете.

Лицо леди Онор залилось румянцем.

– А я-то надеялась, что сегодня мы наконец отдохнем и забудем о делах.

– О, леди Онор, вы прекрасно понимаете, что, пока идет дознание, отдых для меня невозможен.

Леди Онор досадливо поджала губы.

– Вот как? Значит, мне нечего надеяться на легкий и приятный разговор с умным и образованным собеседником, даже после того, как я ответила на все его вопросы?

– Увы, у меня возникли новые вопросы, – ответил я, твердо решив не поддаваться ни на одну из ее уловок. – Сегодня, когда я сказал Марчмаунту о том, что герцог Норфолк жаждет приобрести ваши земли, он не сумел скрыть удивления. У меня возникло подозрение, что тогда, на званом вечере, они с герцогом обсуждали нечто совсем другое. Скажите, какой еще услуги может добиваться от вас герцог?

– Неужели мне никогда не обрести покоя, – едва слышно произнесла леди Онор.

Она на мгновение опустила ресницы, а когда глаза ее вновь встретились с моими, в них полыхал гнев.

– Мэтью, я поклялась на Библии, что Норфолк никогда не расспрашивал меня о греческом огне. Клятва моя была правдива и искренна – вот и все, что я могу вам сказать. И то, что герцог хочет завладеть моими землями, – тоже чистая правда. Все это началось давным-давно.

– Что именно?

– Проблемы, которые год от года все труднее разрешить. Впрочем, это наше семейное дело, оно не имеет к вам и вашему дознанию ни малейшего отношения. Поверьте, разговор Уильяма и герцога никоим образом не связан с вашими злополучными документами и формулами.

– Вы в этом уверены?

– Совершенно уверена, – с тяжелым вздохом проронила леди Онор. – Больше я ничего не могу вам рассказать, Мэтью. Если вы мне не верите, сообщите Кромвелю, что я пыталась ввести вас в заблуждение, – добавила она, вскинув руку. – Пусть он вызовет меня на допрос, ему я повторю то же самое. В сокровенные области частной жизни не дозволено вторгаться никому.

– Времена, когда частная жизнь аристократических семей была окутана ореолом тайны, миновали, миледи, – возразил я. – Кстати, именно семейные разногласия привели к войне между Ланкастером и Йорком.

Она обратила ко мне лицо, внезапно ставшее усталым.

– Да, а теперь, когда война осталась позади, вся власть принадлежит

дому Тюдоров. Только, согласитесь, немного странно, что ныне король является главой Церкви и решает, каким образом его подданные должны молиться Богу. Особенно если учесть, что государственную политику определяет столь греховное чувство, как переменчивая плотская страсть.

Несмотря на то что леди Омор говорила совсем тихо, я испуганно оглянулся назад, дабы удостовериться, что слуги не слышали ее слов. Она заметила это и добавила с грустной улыбкой:

– Слуги повсюду сопровождают меня с первых дней жизни. И я с детства научилась в нужные моменты понижать голос.

– Тем не менее, леди Омор, наш разговор становится слишком опасным.

– Я всего лишь повторила то, о чем говорит весь город. Но вы правы, сейчас такие времена, что осторожность не будет лишней.

Некоторое время мы шли молча.

– Постоянная близость слуг иногда очень надоедает, – неожиданно призналась леди Омор. – Мне частенько хочется отослать их прочь. Помню, однажды, когда я была маленькой девочкой, мы с матерью поднялись на крышу нашего дома. Она указала на леса и поля, расстилавшиеся до самого горизонта, и сказала: «Все это наше, Омор. Насколько хватает глаз, ты видишь наши земли. Они тянутся до самого Ноттингема». То был весенний день, солнечный и ветреный, мы с матерью стояли на плоской крыше, и она крепко держала меня за руку. Ее камеристки и мои гувернантки остались в стороне, и ветер развеивал широкие подола их платьев. В какое-то мгновение мне отчаянно захотелось взлететь подобно птице, воспарить в небо над этими полями и лесами, – она грустно покачала головой, – но все мы обречены ходить по земле, не так ли? Свобода, которой обладают птицы, недоступна нам. У нас слишком много обязанностей. Что касается меня, то главные мои обязанности связаны с моей семьей.

– Леди Омор, мне очень жаль, что я вынужден вновь проявить настойчивость, но...

– Довольно, Мэтью. Я устала.

– Возможно, нам следует вернуться на травлю.

– Нет, у меня нет ни малейшего желания возвращаться. Быть может, вы будете столь любезны и проводите меня до ближайшей пристани? Я пошлю назад кого-нибудь из слуг, попрошу передать Уильяму, что мне сделалось дурно.

Тут солнце вновь выглянуло из-за тучи и зажгло темные воды Темзы множеством золотистых искр, вынудив леди Омор на мгновение зажмуриться.

Неспешным шагом мы продолжили нашу прогулку. Я чувствовал себя

отпетым невежей, попирающим все правила учтивости. Но, увы, докучливость моя была вынужденной. Прежде всего мне следовало выполнять свой долг, а не оберегать чьи-либо чувства, будь то чувства леди Онор или мои собственные. По реке, двигаясь по направлению к Уайтхоллу, прошла огромная баржа, груженная строительными материалами. На мгновение я представил себе, что она вспыхнула, как свеча, и вода вокруг тоже охвачена пламенем.

– Полагаю, моя преданность семейным интересам кажется вам проявлением ограниченности, – прервала мои невеселые размышления леди Онор.

– Ничуть. Преданность семье всегда вызывала во мне уважение.

– В прежние времена, когда земли принадлежали старинной аристократии, в стране было больше порядка. Теперь, когда они перешли к новым владельцам, поля превратились в пастбища, и тысячи крестьян оказались выброшенными на большую дорогу. Не зря говорят, что овцы съели людей.

– Да, превращение полей в пастбища – это великое зло. Но, думаю, вы не будете отрицать, что нынешние времена дают простолюдинам возможность изменить свое положение к лучшему, и в этом их важное преимущество.

По губам леди Онор скользнула улыбка.

– Уверена, Мэтью, вы считаете меня совершенно неисклюшенной во многих вопросах, – сказала она, и я в очередной раз поразился ее пронизательности.

– Однако, осмелюсь заметить, вы и сами порой бываете наивным, – продолжала она. – Думаю, вам и в голову не приходило, что на каждого человека, который, прибыв в город, преуспел в своих начинаниях, приходится сотни умерших от голода в сточных канавах.

– Согласен, необходимо принять меры, которые обеспечили бы всеобщее благоденствие.

– Такие меры никогда не будут приняты. Законники и купцы, заседающие в парламенте, заботятся лишь о собственном благополучии. Как и все новые люди, появлению которых вы так радуетесь.

– Леди Онор, должен признать, я давно уже не встречал женщины, которая могла бы сравниться с вами по остроте ума и широте взглядов, – произнес я и чуть погодя добавил: – По крайней мере, последние шесть лет я ни разу не наслаждался общением с женщиной на равных.

– Вижу, вы не ожидали от женщины подобных умозаключений, – с улыбкой заметила она. – Мне кажется, Мэтью, мы с вами по-разному

представляем разумное устройство общества. Но это не беда. Разногласия лишь придают вкус беседе. Кстати, я счастлива узнать, что вы и прежде были знакомы с женщинами, способными поддерживать разговор не только о стряпне и рукоделии.

– Я знал лишь одну такую женщину, – проронил я и коснулся своего траурного кольца. – Я хотел жениться на ней, но она умерла.

– Мне очень жаль, – сочувственно откликнулась леди Онор. – Я знаю, что это такое – потерять любимого человека. Это кольцо вы носите в память о ней?

– Да. Хотя, откровенно говоря, я не имею на это права. Незадолго до своей смерти Кейт обручилась с другим, – сказал я, сам удивляясь тому, что леди Онор вынудила меня к столь откровенным признаниям.

– Это вдвойне печально. Но почему вы не проявили настойчивости, добиваясь ее руки?

Прямота, с которой был сделан этот вопрос, несколько не соответствовала правилам хорошего тона, но меня это мало заботило.

– Я боялся. Боялся, что Кейт меня отвергнет.

– Из-за... из-за вашего телосложения?

Даже леди Онор мгновение поколебалась, подбирая нужное слово.

– Да.

Я отвернулся и уставился на реку.

– С вашей стороны было чрезвычайно глупо придавать этому такое значение, Мэтью. Вы напрасно упустили возможность соединиться с любимой женщиной.

– Может быть, вы и правы.

Я посторонился, пропуская молодую пару, за которой бежала крохотная собачка. Слова леди Онор согрели мне сердце, однако я вновь приказал себе быть осмотрительным.

– Неужели вы думаете, что всех женщин привлекают в мужчинах исключительно гордая осанка и стройные ноги?

– Так или иначе, приятная внешность еще никому не приносила вреда, – пробормотал я.

– От внешних достоинств мало проку, если они сочетаются с грубостью нрава и скудоумием. Муж мой был на двадцать лет старше меня, однако это не помешало нашему браку быть счастливым. Очень счастливым.

– Пожалуй, мне стоит снять это кольцо, – заметил я. – Признаюсь, сейчас я очень редко вспоминаю о Кейт.

– Воспоминания могут превратиться в путы, – произнесла она, пристально глядя на меня. – После смерти Харкурта я пообещала себе, что

не стану жить воспоминаниями. Его бы это ничуть не обрадовало.

Мы подошли к пристани Бардж-хаус. Несколько лодок ожидало пассажиров.

– Думаю, мы переправимся через реку здесь, – предложил я. – Я оставил лошадь неподалеку от причала Трех Журавлей, и мы можем причалить именно там.

– Отлично. Подождите минуту, я лишь прикажу Полу вернуться к арене и передать, что я отправилась домой. Иначе Уильям Марчмаунт решит, что меня похитили.

С этими словами леди Онор подошла к своим слугам и камеристкам.

Обернувшись, я увидел Сабину и Эйвис Уэнтворт, стоявших на дорожке. На девушках были яркие летние платья, глаза их странно блестели, без сомнения, под действием белладонны. Между сестрами темнела приземистая фигура их бабушки, по-прежнему облаченной в глубокий траур. Девушки словно приросли к месту, не сводя с меня испуганных глаз. Их напряженная неподвижность производила удручающее впечатление. – Что вы встали, девочки? – раздался резкий голос старухи.

В ярком дневном свете лицо ее, с затуманенными бельмами глазницами, до крайности напоминало череп, обтянутый истончившейся пергаментной кожей.

– Здесь мастер Шардлейк, бабушка, – растерянно пробормотала Сабина.

Я поспешно поклонился. Старуха на минуту замерла, словно приносиваясь к воздуху. Потом лицо ее приняло суровое выражение.

– Я надеюсь, сэръ, вы сообщите мне, что наконец изобличили преступницу, – изрекла она. – Вы видите, я до сих пор ношу траур по своему убитому внуку. И я не сниму его, пока правосудие не свершится над той, что стала причиной его смерти.

Старуха говорила спокойно и размеренно, вперившись взглядом в пустоту. Леди Онор, вновь подойдя ко мне, вопросительно посмотрела на дам семейства Уэнтворт. Меж тем один из ее слуг торопливо зашагал по направлению к арене, где проходила медвежья травля.

– Простите, мистрис Уэнтворт, но мне придется вас оставить. Здесь со мной леди, и я должен ее сопровождать.

– Леди? С каких это пор горбатые крючкотворы стали разгуливать в обществе леди? – проскрежетала старуха.

– Вряд ли вам стоит высмеивать чужие недостатки, сударыня, – резко сказала леди Онор, – ваша наружность отнюдь не радует взор.

Мистрис Уэнтворт незамедлительно повернула голову на незнакомый

голос.

– Мое уродство пришло ко мне с возрастом, – отрезала она. – Может, сейчас вы красивы, но с годами не избежите подобной участи. А ваш гнусный крючокотвор родился на свет горбатым. Так Господь помечает тех, чья душа исполнена зла.

– Пожалуй, за такие кощунственные речи старую ведьму стоит утопить, – с негодованием произнесла леди Омор, обращаясь ко мне.

Старуха лишь надменно улыбнулась.

– Идемте, девочки, – проскрежетала она.

Внучки, склонив головы, послушно взяли бабушку под руки, однако я заметил, как на лице старшей из сестер мелькнула легкая тень улыбки.

– Что это за старая карга? – спросила леди Омор. – Она словно вышла из ночного кошмара.

– Это матушка сэра Эдвина Уэнтворта.

– Вот как. Значит, юные девушки – его дочери.

– Спасибо за то, что пришли мне на выручку. Впрочем, в этом не было нужды. Люди частенько напоминают мне о моем изъяне, и я уже привык к этому.

– Да, люди не боятся причинять боль своим ближним.

Судя по выражению лица леди Омор, она была по-настоящему расстроена. Нахмурившись, она подобрала юбки и принялась спускаться по ступенькам к реке.

В лодке камеристки, усевшись по обеим сторонам от своей хозяйки, беспрестанно поглядывали на меня из-под опущенных ресниц. Дабы не встречаться с их любопытными взглядами, я сидел потупившись. Начался отлив, и над рекой носился неприятный запах ила и гниющих отбросов, полоса которых обнажилась у берегов.

Леди Омор обернулась к одной из своих камеристок, которая опустила руку в воду.

– Осторожнее, Летиция, в воде полно всякой гадости.

Девушка, приглушенно вскрикнув, тут же подняла руку. Леди Омор покачала головой, словно бы осуждая подобную беспечность. Вспомнив ее недавние слова о том, что постоянное общество слуг изрядно ей надоело, я усомнился в искренности подобных сетований. «Пожалуй, тот, кого на протяжении всей жизни неизменно сопровождает почетный эскорт, ощущает себя чем-то вроде земного божества, – подумал я. – Неудивительно, что у леди Омор так сильно развита фамильная гордость».

Лодка ткнулась носом в полосу ила у причала Трех Журавлей. Леди Омор вскинула бровь и устало улыбнулась.

– Вот мы и приехали. Точнее, вы приехали, Мэтью. А я на этой же лодке доберусь до пристани Куинхит, а оттуда отправлюсь домой. – Она помолчала несколько мгновений. – Надеюсь, вы посетите меня в самом ближайшем будущем. Расскажите мне о том, как отнесся к моим признаниям лорд Кромвель.

– Я почти за честь нанести вам визит, леди Онор. Несомненно, леди Онор прекрасно понимала, что я должен проникнуть в тайну, связавшую ее и герцога; но столь же несомненно было и то, что она решила воздержаться от дальнейших откровенностей. Я неловко вылез из лодки и поклонился на прощание. Через широкую полосу ила были переброшены доски. Осторожно ступая, я перебрался по ним на ступеньки спуска. К тому времени, как я схватился за перила и смог обернуться без риска упасть, лодка уже далеко отошла от берега. Я поднялся наверх и направился к таверне, где оставил Предка.

Я чувствовал, что стал участником какой-то запутанной игры, которую вели меж собой леди Онор и Норфолк. Правила этой игры были мне неизвестны, и это грозило новыми осложнениями. И все же воспоминание о том, как искренне возмутилась миледи, когда старая ведьма Уэнтворт напустилась на меня с руганью, приятно грело душу. Если бы не завеса загадок и недосказанностей, отделявшая меня от этой женщины, я мог бы с полным правом признать, что не знаю более пленительной собеседницы. Все эти мысли и соображения не давали мне покоя по пути домой.

Наконец я оказался на Канцлер-лейн. Едва войдя в холл, я повстречал Барака, спускавшегося с лестницы.

– Вы вернулись раньше, чем я ожидал, – выпалил он. – Слава богу! Удерживать ее дальше я не в состоянии.

– О ком вы говорите?

Он не ответил, но повернулся и направился в гостиную. Мне оставалось лишь последовать за ним. Там, неловко пристроившись на жестком стуле, сидела мадам Неллер; позорное клеймо казалось особенно заметным на ее бледной щеке.

– Бэтшеба Грин вернулась, – сообщил Барак. Я взглянул на мадам. Она кивнула в знак подтверждения.

– Она вернулась вчера вместе с братом, – пробормотала она. – Больше им некуда было деться. Они скрывались у каких-то друзей, но два дня назад рябой их выследил, и им пришлось бежать. Я позволила им остаться, и сейчас они в Саутуорке. – Хозяйка борделя вперила в меня требовательный взгляд. – Вы обещали мне две золотые монеты, если я сообщу о возвращении Бэтшебы.

– Вы непременно их получите, – заверил я. Мадам Неллер по-прежнему сверлила меня глазами.

– Я сказала Бэтшебе, что им с братом стоит с вами поговорить. Втолковала, что другого выхода нет. Только в своем доме я вам встречаться не позволю. Ваш прошлый визит обернулся для меня кучей неприятностей. Я едва не потеряла свое заведение. А оно стоит куда дороже, чем две золотые монеты, – многозначительно добавила она:

Я потянулся к кошельку, но Барак предостерегающе вскинул руку.

– Заплатить вы всегда успеете. Мадам, если вы не пустите нас к себе, где же мы встретимся с Бэтшей?

По лицу мадам Неллер скользнула уже знакомая мне безрадостная косая улыбка.

– Бэтшеба и ее брат будут ждать вас в доме Майкла Гриввуда, на Вулфлейн в Куинхите, – сообщила она. – Вдова Майкла куда-то уехала, так что дом стоит пустой.

– Откуда вам это известно?

– Мне сказала Бэтшеба. Несколько дней назад Джордж Грин тайком проник в дом. Бэтшеба давно уже упрашивала его сделать это. Она была уверена, что в доме по-прежнему лежит то, из-за чего убили Майкла.

– И что же это, по ее мнению? – насторожился я. – Какие-нибудь документы?

– Об этом я ничего не знаю и не желаю знать. – Она пожала плечами. – Мне известно лишь, что Джордж дважды забирался в дом через окно. Там не было ни одной живой души. Не думаю, что ему удалось отыскать то, о чем говорила Бэтшеба.

– Хорошо же ваш сторож несет свою службу, – заметил я, повернувшись к Бараку. – Или его оттуда убрали?

– Нет, он по-прежнему там. Лорд Кромвель считает необходимым продолжать слежку за домом. Ну, когда милорд узнает о том, что в дом влезли под носом у сторожа, бедному олуху мало не покажется. Послушайте, если Грин искал какие-то бумаги, значит, Майкл рассказывал Бэтшебе о формуле.

– Похоже, что так.

Мадам Неллер поправила свой огненно-рыжий парик.

– Они будут ждать вас там сегодня вечером, после наступления темноты, – сказала она. – И не вздумайте захватить с собой кого-нибудь еще. Джордж будет за вами следить, и если он увидит, что вас много, они с сестрой сразу убегут.

– Какая боязливая парочка, – пробурчал Барак. – Только и знают, что

бегать.

Мадам Неллер пожала плечами и вновь многозначительно взглянула на меня. Я протянул ей две золотые монеты. Она попробовала их на зуб и опустила в карман платья.

– Передайте им, что мы непременно явимся, – сказал я.

Женщина кивнула, подняла со стула свое тучное тело и, не удостоив нас более ни словом, вышла из комнаты. Дверь осталась открытой, и я видел, как мадам важно шествует через холл. Джоан, которая устилала пол свежими циновками, бросила на содержательницу борделя исполненный презрения взгляд.

Заметив это, Барак расхохотался.

– Бедная Джоан. Она ведь не знает, с какой целью подобная особа нанесла вам визит. Пожалуй, если расследование затянется, вы лишитесь экономки.

– Если расследование затянется, я лишусь не только экономки, – с горечью произнес я. – Мы оба лишимся слишком многого, Барак.

ГЛАВА 31

Мы с Бараксом сидели в пивной на углу Вулф-лейн, почти напротив дома Гривстудов. То было заведение самого низкого пошиба, где потрепанные посетители за грязными столами играли в карты или просто болтали. Деревянные кружки с пивом подавала девица весьма неопрятного вида. Баракс, устроившись напротив меня, не сводил глаз с открытой двери пивной. На улице сгущались сумерки.

– Может, уже пора? – осведомился я. – Слишком рано, – возразил Баракс. – Неллерша сказала, птицы прилетят после наступления темноты. Мы можем спугнуть их, если поспешим.

Я послушно опустил на скамью. Несмотря на усталость и боль в спине, я ощущал своеобразное воодушевление. Бесспорно, Бэтшеба знала гораздо больше, чем сообщила во время нашего короткого разговора в борделе. И теперь наконец у нас появился шанс вытянуть из нее сведения, которые могли направить наше расследование по правильному пути. Я отхлебнул скверного, разбавленного водой пива. Баракс меж тем наблюдал за четырьмя игроками, бросавшими кости за дальним столом.

– Бьюсь об заклад, кости у них налиты свинцом, – прошептал он, наклонившись ко мне. – Видите вон того молодого парня с унылым лицом? Судя по запыленному платью, он недавно прибыл в город. А эти молодчики задумали его одурачить.

– Город знает множество способов одурачивать людей, – пожал я плечами. – Поэтому быть горожанином не слишком лестно. В деревнях люди куда честнее.

– Вы так думаете? – с откровенным удивлением взглянул на меня Баракс. – За всю свою жизнь я ни разу не был в деревне. И, откровенно говоря, все деревенские жители, которых мне доводилось встречать, казались мне полными тупицами.

– В отличие от вас, я хорошо знаком с деревенской жизнью. У моего отца ферма неподалеку от Личфилда. Уверяю вас, деревенские жители отнюдь не тупицы. В некоторых вопросах они наивны, это правда, но далеко не глупы.

– Глядите только, он уже тянется за кошельком, болван тупоголовый. – Баракс осуждающе покачал головой и вновь наклонился ко мне. – Вы собираетесь завтра встретиться с Марчмаунтом? И выяснить наконец, что связывает герцога с леди Онор?

– Да, обязательно. Завтра я первым делом отправлюсь в Линкольнс-Инн.

Я рассказал Бараку о новых загадках, которые породил мой разговор с барристером во время переправы через реку. Говорить об этом у меня не было большого желания. Однако я понимал: когда дело касается леди Онор, я не могу быть беспристрастен. Поэтому узнать постороннее, более трезвое мнение будет не лишним. Выслушав меня, Барак повторил, что я должен во что бы то ни стало выяснить у Марчмаунта, какие дела ведут меж собой леди Онор и герцог Норфолкский. Я согласился, хотя мысль о том, что придется вновь обсуждать с Марчмаунтом частную жизнь леди Онор, была мне отвратительна. – Возможно, завтра я узнаю наконец какие-нибудь новости от Билкнэпа, – добавил я, вспомнив, что этот пройдоха до сих пор так и не дал о себе знать. Вчера я получил лишь записку от Гая, где говорилось, что он наконец вернулся и ждет меня в любое время.

Взглянув на стол, где сидели игроки в кости, я заметил, что они убеждают свою жертву повторить игру. Судя по произношению, молодой человек, подобно Джозефу, прибыл из Эссекса. Воспоминание об обезумевшем от горя Джозефе и о чахнувшей в тюрьме Элизабет заставило мое сердце болезненно сжаться.

– Завтра мы обязательно должны выяснить, что скрывается на дне колодца, — прошептал я, нагнувшись к Бараку.

– Да, неплохо бы, – нахмурившись, кивнул он. – Но эти проклятые собаки могут сорвать все наши планы. Надо все хорошенько продумать, чтобы на этот раз не пришлось уносить ноги, так ничего толком и не узнав.

– Барак, я очень признателен вам за то, что вы согласились участвовать в такой рискованной аванюре.

– Кстати, я слышал, что анабаптисты, которых собирались сжечь, раскаялись, – никак не ответив на мою благодарность, сообщил Барак. – По крайней мере, так говорили на улицах.

– Люди, наверное, разочарованы, что лишатся столь впечатляющего зрелища?

– Некоторые разочарованы, это верно. Но, думаю, в большинстве своем люди не слишком любят смотреть на огненную казнь.

– Огненная казнь всегда внушала мне ужас, – признался я. – Когда я только прибыл в Лондон, все были увлечены церковными реформами. Обновление церкви поддерживал даже Томас Мор. А потом стали появляться запрещенные лютеранские книги, а Мора сделали лорд-канцлером, и на площадях запылали живые костры. Мор был убежденным поборником огненной казни, считал ее лучшим средством борьбы с ересью.

К тому же, по его мнению, это поучительное зрелище пробуждало в людских душах благоговейный ужас. В этом он, без сомнения, был прав. И вскоре среди жителей этого города почти не осталось таких, кто хоть раз не присутствовал бы при сожжении человека заживо. Тот, кто пренебрегал этим душеспасительным развлечением, мог навлечь на себя нерасположение властей.

– Я почти ничего не помню о дореформенных временах, я был тогда ребенком, – заметил Барак. – Все, что осталось в моей памяти, – это запах дерьма, который распространял мой отец, – добавил он с невеселой усмешкой. – Запах этот проникал повсюду, так что делать уроки я убегал на чердак. Бедный мой старый папаша, ему так ни разу и не удалось погладить меня по голове.

– Вы ведь учились в школе монастыря Святого Павла?

– Да. Должен признать, старые монахи учили нас совсем неплохо. Но, конечно, жили они в свое удовольствие.

– О том, как жили монахи, я знаю не понаслышке. Я тоже ходил в монастырскую школу.

– Пару лет назад я видел, как один из моих старых учителей просит милостыню на улице, – задумчиво покачав головой, сказал Барак. – Он был в изодранных лохмотьях и, кажется, почти лишился рассудка. Смотреть на него было жутко. Да, далеко не все монахи, лишившись своего пристанища, сумели найти место в этом мире.

Он вперил в меня пронзительный взгляд и спросил:

– Скажите, а что происходит в нашем королевстве сейчас? Вы это понимаете?

– Нет, это выше моего разума, – покачал я головой. – Я понимаю лишь одно – бесконечные перемены в церковной жизни, которые происходили в течение последних десяти лет, у многих людей подорвали веру.

Мне вновь вспомнилась леди Онор и возникшие у меня подозрения по поводу ее безверия.

– Признаюсь, я никогда не был особенно крепок в вере, – сказал Барак.

– А я был. Но с каждым днем вера моя все слабеет.

– Лорд Кромвель верует в Господа, – заметил Барак, расправив свои широкие плечи. – И он хотел бы помочь бедным. Но, похоже, планы его никогда не осуществляются, потому что их невозможно примирить с желаниями короля и устремлениями парламента.

– Странно. Не далее как сегодня днем леди Онор сказала мне почти то же самое.

Я бросил на Барака изучающий взгляд. Мой помощник повернулся ко мне дотоле неизвестной стороной. Выяснилось, что он не чужд серьезным размышлениям и, подобно многим жителям Англии времен короля Генриха, ощущает неуверенность в завтрашнем дне.

Барак кивнул на дверь.

– Думаю, нам пора идти.

Он встал и поправил меч, висевший на поясе. Вслед за ним я вышел в ночной сумрак.

Вечерний звон уже смолк, и на улице было пустынно. В горячем неподвижном воздухе не ощущалось ни малейшего ветерка. В некоторых окнах горели свечи, но дом Гривудов был погружен в полную темноту. Перекошенный силуэт его, вырисовывавшийся в свете луны, казался мрачным и зловещим. Барак сделал мне знак остановиться на противоположной стороне улицы.

– Пусть эти олухи увидят, что мы одни, – прошептал он.

Я посмотрел на окна, плотно закрытые ставнями. Мысль о том, что сквозь щели в ставнях на нас смотрят Бэтшеба и ее братец, заставила меня поежиться.

– А где сторож? – спросил я.

– Понятия не имею. Сколько я ни высматривал, его нигде не видать. Видно, куда-нибудь смылся. С этим народом нужен глаз да глаз, иначе от них не добьешься толку. Ленивые болваны.

– А что, если это ловушка? Очень может быть, в доме притаилась целая шайка лодочников, приятелей Джорджа Грина. Мы войдем, и они на нас набросятся.

– На что мы им сдались? К тому же братец Бэтшебы вряд ли имел возможность собрать своих приятелей. Ведь им с сестрой приходилось прятаться, перебираться с места на место. Думаю, они понимают, что у них остался один разумный выход – открыться нам.

Как и всегда в минуты опасности, глаза Барака возбужденно блестели, лицо приняло сосредоточенное и серьезное выражение.

– Идем, – скомандовал он.

Барак быстро пересек улицу и тихонько постучал. Стоило ему прикоснуться к двери, как она приоткрылась, так что Джек даже отскочил от неожиданности. Я заметил, что новый, весьма ненадежный замок сломан. Барак тихонько присвистнул.

– Какова наглость! – пробормотал он. – И куда только сторож смотрел?

Со сжавшимся сердцем я вглядывался в густую темноту за полуоткрытой дверью.

– Мадам Неллер сказала, что Джордж Грин пробрался в дом через окно, – напомнил я шепотом.

– Да, – кивнул Барак и, решительно прикусив губу, распахнул дверь настежь.

– Эй! – крикнул он приглушенным голосом. – Есть здесь кто-нибудь?

Ответа не последовало. – Не нравится мне все это, – пробормотал себе под нос Барак. – Похоже, кто-то нас опять опередил.

Держа наготове меч, он осторожно переступил через порог. Я последовал за ним. В холле стояла крошечная тьма, но я помнил, что две двери, в гостиную и кухню, и лестница должны быть впереди. Где-то мерно капала вода. Барак извлек из кармана коробку с трупом и вручил мне две свечи.

– Зажжем-ка свет и посмотрим, что здесь творится, – пробормотал он и принялся высекать искру. Я по-прежнему вглядывался в темноту. Вода продолжала капать.

Наконец Бараку удалось высечь искру и зажечь свечи. В тусклом желтом свете мы смогли оглядеть холл, пыльные выцветшие гобелены на стенах, потертые циновки на полу, крутую лестницу, ведущую на второй этаж.

– Идем в кухню, – распорядился Барак и распахнул одну из дверей.

Кухонный стол был покрыт катышками мышиного помета.

– Поглядите-ка, – прошептал Барак и опустил свечу ниже.

Проследив за его взглядом, я увидел на пыльном полу множество следов разного размера.

– Тут было по крайней мере три человека, – выдохнул я. – Говорю вам, это ловушка.

Беспокойно озираясь по сторонам, я сжимал рукоять кинжала и корил себя за то, что не захватил меч.

– Сюда! – раздался приглушенный зов Барака. Он распахнул ставни и смотрел в заброшенный двор. Калитка была распахнута настежь, а у стены темнело нечто, на первый взгляд напоминающее бесформенную кучу тряпья.

– Это человек, – пробормотал я, как следует всмотревшись.

– Похоже, это сторож! Идем!

Дверь, ведущая во двор, подобно входной, была взломана. Выбравшись из дома, я вздохнул с облегчением: теперь мы, по крайней мере, могли беспрепятственно выскочить на улицу и спастись от злоумышленников бегством. Бросив настороженный взгляд на закрытые ставнями окна дома, я последовал за Бараксом, который уже склонился над неподвижной

фигурой.

В какой-то момент у меня мелькнула надежда, что сторож просто-напросто напился и заснул. Увы, в следующее мгновение я убедился, что на голове у него зияет огромная рана, сквозь которую просвечивают мозги. Барак выпрямился, сжимая пальцами свой талисман. Впервые за все время нашего знакомства лицо его выражало откровенный испуг.

– Вы правы, – едва слышно проронил он. – Это ловушка. Надо уносить отсюда ноги.

Тут из дома донесся звук. Никогда прежде мне не доводилось слышать ничего столь же ужасного. Начавшись как душераздирающий стон, звук этот перерос в пронзительный вопль, исполненный отчаяния и муки.

– Это кричит женщина, – прошептал я. Барак кивнул, озираясь по сторонам.

– Что будем делать? – спросил он.

Я разрывался между желанием бежать прочь из этого опасного места и сознанием того, что наш долг – прийти на помощь женщине, испытывающей невыносимые страдания.

– Наверное, это Бэтшеба, – сказал я. Барак поглядел на ставни.

– Может, она нарочно кричит, как будто раненая, чтобы заманить нас внутрь, – предположил он.

– Похоже, она не притворяется, – возразил я. – Мы должны посмотреть, что с ней.

Барак набрал в грудь побольше воздуха и вытащил из ножен меч.

Мы пересекли кухню и вновь оказались в холле. Старый обветшалый дом, казалось, замер. Лишь где-то вдали раздавалась мерное капанье.

– Капает где-то наверху, – прошептал я. – Господи боже, что это?

Я в ужасе отскочил, заметив, как четыре юркие тени стремительно скользнули вдоль стены и скрылись в дверях.

– Крысы, – пояснил Барак с хриплым смехом.

– А почему они бегут?

Тут душераздирающий стон повторился. На этот раз вопль перешел в прерывистые всхлипывания. Я поднял взгляд на тонущую в темноте лестницу.

– Она там, в лаборатории Сепултуса.

Джек решительно сомкнул челюсти и, сжимая в руке меч, принялся подниматься по лестнице. Я медленно следовал за ним. В неровном свете свечи, которую держал Барак, наши тени, колеблющиеся на стене, принимали причудливые и пугающие очертания.

Дверь в лабораторию была полуоткрыта. Барак распахнул ее настежь,

опасаясь, что за ней может притаиться злоумышленник. Однако в комнате стояла тишина, лишь мерное капанье стало более громким и отчетливым. Барак вошел, я за ним. В нос ударил отвратительный запах.

– О боже, – потрясенно прошептал Барак. – Господи милостивый!

В комнате по-прежнему не было никакой мебели, за исключением огромного стола. На этом столе лежал юный Джордж Грин. Широко открытые неподвижные глаза его поблескивали в свете свечей. Горло было перерезано; стол залит темной кровью, которая медленно и равномерно капала на пол. К телу брата, рыдая, припала Бэтшеба; платье ее было разорвано и насквозь промокло от крови.

Барак первым стряхнул с себя оцепенение. Он подошел к девушке, которая, увидев его, тихонько вскрикнула и содрогнулась.

– Не бойтесь, – произнес Джек, наклонившись к ней. – Мы не причиним вам вреда. Кто это сделал?

Бэтшеба попыталась говорить, но, к моему ужасу, на губах ее показалась кровавая пена; бедная девушка была смертельно ранена. Несмотря на все свои усилия, она не смогла произнести ни единого слова. Стараясь унять предательскую дрожь, я положил руку на ее липкое от крови плечо. В темноте трудно было понять, какую рану получила Бэтшеба, к тому же она по-прежнему прижималась к телу брата.

– Все будет хорошо, – произнес я по возможности твердым голосом. – Не надо ничего говорить, Бэтшеба. Мы вам поможем.

Она подняла на меня обезумевшие от боли глаза.

– Уходите... – удалось ей выдохнуть, и кровь ручейком заструилась по ее подбородку. – Уходите... быстрее...

Барак стремительно повернулся к дверям, но там никого не было. В доме стояла тишина. Мы обеспокоенно переглянулись. Голос Бэтшебы вновь перешел в пронзительный стон. А потом до нас донесся скрип открываемой двери. Я догадался, что кто-то вошел в гостиную на нижнем этаже. В следующее мгновение в нос мне ударил неприятный запах, такой резкий, что я закашлялся. Барак тоже почувствовал запах, и глаза его испуганно расширились.

– Черт! – воскликнул он. – Только не это!

Внизу раздался оглушительный хлопок, напоминающий взрыв. За ним последовал грохот сбиваемых ставен. Мы с Баракком одновременно бросились к окну. Я различил силуэты двух мужчин, со всех ног бегущих по улице. Без сомнения, то были Токи и Райт. Токи на мгновение замедлил бег, оглянулся, и я сумел разглядеть злобную ухмылку, игравшую на его рябом лице. Глядя мне прямо в глаза, он провел пальцем по горлу, затем

бросился вслед за своим сообщником.

– О господи! Похоже, мы попали в серьезную переделку.

Я повернулся на голос Барака. Он стоял в дверях, глядя на лестницу. Проследив за направлением его взгляда, я увидел, что весь лестничный проем освещен отблесками танцующего пламени. Донеслось потрескивание, и на меня пахнуло невыносимым жаром.

Отказываясь верить своим глазам, я бросился к дверям и встал рядом с Баракком. Дверь в гостиную была распахнута, а комната охвачена огнем, ярким, как тысяча свечей. Пол и все четыре стены уже запылали, языки пламени подбирались к холлу. Ветхие гобелены вспыхнули, как сухая бумага. Клубы темного удушливого дыма начали подниматься вверх.

– Господи, – выдохнул Барак, – это же греческий огонь. Они хотят уничтожить нас при помощи греческого огня! Бежим!

Он повернулся к Бэтшебе.

– Мы должны вынести ее отсюда. Помогите-ка!

Мы подошли к неподвижно распростертой девушке. Несмотря на то что силы почти полностью оставили ее, она пыталась сопротивляться, когда мы оторвали ее от тела брата. Взгляд страдальческих глаз был устремлен на меня, и сквозь бульканье, срывавшееся с окровавленных губ, я разобрал слово «нет».

– Ваш брат мертв, – мягко произнес я. – Ему уже ничем не поможешь.

Наконец мы подняли Бэтшебу. Стоило нам сделать это, из-под ее платья хлынул новый поток крови. Я с содроганием увидел огромную рану у нее в животе. Как видно, бедную девушку закололи кинжалом.

– Держите ее, – приказал Барак и бросился к дверям.

Огонь распространялся с невероятной скоростью, стены холла были уже охвачены пламенем, языки которого жадно лизали нижние ступени лестницы. Гудение и треск становились все громче. Густой дым, ударив в ноздри, заставил меня зайтись кашлем. Барак мгновение помешкал, затем с размаху вонзил свой меч в пол. Бросившись к двери, он невероятным усилием сорвал ее с петель.

– Идите за мной! Быстрее, пока не загорелась лестница!

– Но нам нельзя спускаться вниз! Там огонь! – крикнул я, отчаянно пытаюсь удержать обмякшее, липкое тело Бэтшебы, которая, кажется, лишилась сознания. К счастью, девушка оказалась очень легкой.

– А что вы предлагаете? – рявкнул в ответ Барак. – Вытащить ее через окно мы не сможем! А если прыгнем сами, наверняка сломаем шеи. Идем!

Выставив перед собой дверь наподобие щита, Барак вышел на лестницу и принялся спускаться. Теперь пылал уже весь нижний этаж, языки

пламени лизали перила, дым становился все более густым и удушливым. Именно такого конца я всегда боялся больше всего. Что может быть страшнее и мучительнее смерти в огне?! Я невольно представил, как кожа моя чернеет и отделяется от тела, кровь закипает, глаза вытекают из орбит. На память пришли слова памфлета, где говорилось о сожжении. Поцелуй огня так легок и так мучителен. Парализованный ужасом, я замер, не в состоянии двинуться с места.

– Вы что, спите, старый вы болван?! – заорал Барак, обернувшись ко мне. – У нас остались считанные мгновения. Вон она, дверь на улицу, совсем близко.

Слова его помогли мне стряхнуть губительное оцепенение. В самом деле, дверь на улицу была открыта, черный проем зиял за бушующей огненной завесой. Вид двери, ведущей к спасению, вселил в меня силы, и, прижимая к себе девушку, я двинулся за Бараком. «Раз, два, три», – считал я про себя ступени. Внезапно снаружи раздался крик:

– Пожар! Господи боже, дом горит!

От дыма глаза мои слезились, я постоянно моргал. Воздух так раскалился, что обжигал легкие. И я, и Барак задыхались и беспрестанно кашляли. Я с содроганием думал о том, что ступени каждое мгновение могут обвалиться и мы рухнем в огненную пучину.

Наконец я оказался у подножия лестницы, со всех сторон окруженный пламенем.

– Бежим, – донесся до меня отчаянный голос Барака.

Я чувствовал, что вот-вот лишусь сознания, но тут огонь лизнул мне руку, я услышал, как затрещала ткань рубашки, и это придало мне решительности. Зажмурившись, я устремился вперед, к спасительной двери. В следующее мгновение я оказался на улице, губительный дым и жар исчезли. Я слышал голоса, чьи-то руки поддерживали меня. Кто-то взял у меня Бэтшебу. Потом меня осторожно опустили на землю. Я лежал, жадно хватая ртом воздух; каждый вздох давался мне с таким усилием, что я боялся задохнуться. Сквозь полузабытье доносилось потрескивание пламени и испуганные крики: «Пожар! Пожар!»

Наконец дыхание выровнялось, воздух стал беспрепятственно проникать в мою грудь. Я с трудом сел и бросил взгляд на дом Гривстудов. Он превратился в огромный факел. Пламя уже добралось до крыши и вырывалось из всех окон. С содроганием я заметил, что оно перекинулось на соседние дома. Обитатели ближайших домов и завсегдатаи пивной высыпали на улицу. Они в отчаянии носились туда-сюда, кричали, требуя воды, пытались спасти свои жилища от столь внезапно разразившегося

бедствия.

«Хорошо хоть ветра сегодня нет», – пронеслось у меня в голове.

Потом я увидел Барака, который тоже сидел на земле, сотрясаясь от кашля. Рядом с ним неподвижно, точно мертвая, лежала Бэтшеба. Когда Барак повернулся ко мне, я заметил, что лицо его почернело от копоти, а волосы на одной стороне головы почти полностью сгорели.

– Ну что, живы? – с усилием выдохнул он.

– Похоже, да.

К нам подбежал человек в костюме ночного сторожа, с посохом наперевес. Лицо его было искажено яростью.

– Как вам удалось за несколько мгновений запалить весь дом! – возопил он. – Наверняка вы оба – колдуны!

– Дом подожгли не мы, – процедил Барак. – Чем кричать, найдите лучше врача. Не видите, женщина при смерти.

Сторож перевел взгляд на Бэтшебу. Глаза его расширились от ужаса, когда он увидел ее промокшее от крови платье. Я потряс головой; крики, треск пламени, топот множества бегущих ног слились в единый гул, который доносился до меня словно издалека.

– Как вы это сделали? – вновь напустился на нас сторож.

– Это греческий огонь, – едва ворочая языком, пробормотал я. – Крысы знали, что дом обречен.

А потом все звуки внезапно стихли, и я лишился чувств.

ГЛАВА 32

Сознание возвращалось ко мне так медленно, словно я выплывал из темной пучины вод. В первый момент, открыв глаза, я с ужасом подумал, что ослеп. Но я привык к темноте и понял, что нахожусь в неосвещенной комнате и сейчас ночь. Неподалеку от низкой кровати, на которой я лежал, можно было различить квадрат открытого окна. Оттуда проникал легкий теплый ветер.

Я не помнил ничего: ни что со мной произошло, ни как я оказался здесь. Попробовав сесть, чтобы лучше осмотреть комнату, я выяснил, что все тело болит, и со стоном вновь опустился на тюфяк. Спина буквально разламывалась, левая рука чуть выше локтя пылала, как в огне. Я осознал, что мучительно хочу пить. В горле пересохло, и стоило сглотнуть, как показалось, будто я глотаю терновые колючки.

Потом я ощутил, что в комнате чем-то пахнет. То был запах гари.

«Пожар, страшный пожар», – пронеслось у меня в голове, и кошмар, произошедший на Вулф-лейн, ожил в моей памяти.

Я вновь попытался сесть и позвать кого-нибудь, однако это потребовало слишком больших усилий, и я едва не лишился сознания. Какое-то время я лежал неподвижно, содрогаясь от страха.

«Судя по тому, что воздух пропах гарью, огонь совсем близко, – решил я. – Возможно, он уже перекинулся на дом, куда меня перенесли!»

Потом я поднес правую руку к носу и убедился, что запах дыма исходит от моей собственной рубашки. Опасения мои улеглись, однако жажда, мучившая меня, становилась все сильнее. Надо было собраться с силами и позвать кого-нибудь, попросить воды, узнать, где я нахожусь. А что, если меня арестовали как поджигателя и поместили в тюрьму? Но где тогда Барак и несчастная Бэтшеба? Жуткая картина – окровавленная девушка, распростертая на теле убитого брата, – вновь встала у меня перед глазами, и пересохшее горло сдавили рыдания.

Тут из окна неожиданно донеслось беззаботное чириканье. К голосу первой птицы вскоре присоединились другие, небо начало светлеть, густая синева уступила место сероатой предрассветной белизне. Я различил очертания остроконечных крыш и понял, что нахожусь на верхнем этаже. Сквозь туманную дымку сверкнуло солнце. Поначалу темно-красное и нежаркое, оно быстро превратилось в сверкающий золотистый шар.

Теперь я мог как следует рассмотреть комнату. Обставлена она была

весьма скудно; все меблировка состояла из кровати, на которой я лежал, стоявшего у стены шкафа и огромного распятия. Лицо Спасителя, висевшего на кресте, было искажено мукой, раны его зияли. Несколько мгновений я неотрывно смотрел на распятие, пытаюсь вспомнить, где я видел в точности такое же. Наконец меня осенило. Конечно же, это старинное испанское распятие Гая, и, значит, меня перенесли в его дом. Я с облегчением вздохнул и, по всей вероятности, забылся сном, потому что, когда я вновь открыл глаза, солнце стояло высоко, а в комнате было очень жарко. Томимый невыносимой жаждой, я вновь попытался позвать кого-нибудь. Но с пересохших моих губ сорвалось лишь подобие хриплого карканья. Тогда я, морщась от боли в обожженной руке, свесился с кровати и постучал в пол.

К великой моей радости, снизу донесся какой-то шорох, а потом шаги. В комнату вошел Гай с огромной флягой и чашкой в руках. Смуглое лицо его осунулось от усталости и тревоги.

– Пи-ить, – почти беззвучно выдохнул я.

Гай опустил на край кровати и поднес чашку к моим губам.

– Не глотайте залпом, Мэтью, – предупредил он. – Понимаю, вас мучает жажда, но вы должны пить маленькими глотками, иначе вас вытошнит.

Я кивнул и принялся послушно цедить освежающий напиток. При первых же глотках горло смягчилось, невыносимая сухость исчезла. Наконец, осушив чашку до последней капли, я откинулся на подушку. Тут только я заметил, что левая моя рука перевязана.

– Что со мной случилось? – пролепетал я.

– Минувшей ночью вас в бессознательном состоянии доставили сюда, на повозке, вместе с вашим помощником, Баракком, и девушкой по имени Бэтшеба. Вы наглотались горячего дыма, к тому же у вас сильно обожжена рука. – Гай серьезно посмотрел на меня. – Пожар повлек за собой весьма печальные последствия. Две улицы в Куинхите выгорели дотла. Разрушения могли бы быть еще опустошительнее, но, слава богу, там близко река, и огонь удалось потушить.

– А люди? Кто-нибудь пострадал?

– Об этом мне ничего не известно. Ваш друг Барак спозаранку отправился к лорду Кромвелю. Сказал, что должен срочно сообщить ему о случившемся. Он тоже отравился дымом, и я предупреждал, что в таком состоянии ему лучше остаться у меня. Однако он и слушать ничего не хотел.

– А Бэтшеба? – спросил я. – Она жива?

– Жива, – кивнул головой Гай, однако лицо его помрачнело. – Девушка

получила глубокую рану в живот, и я мало чем могу ей помочь. Я дал ей снадобье, облегчающее боль, и сейчас она спит. Однако долго ей не протянуть. Кто так жестоко разделался с ней, Мэтью?

– Те самые мерзавцы, которые подожгли дом, надеясь, что мы с Бараком сгорим заживо. Там, в доме, остались два трупа: брата Бэтшебы и сторожа.

– Господи милостивый, – пробормотал Гай и осенил себя крестным знаменем.

– Барак был прав, решив немедленно поставить в известность лорда Кромвеля. Наверняка тот сделает все, чтобы слухи не дошли до короля. В противном случае король непременно велит провести дознание, а это нам вовсе ни к чему. – Я утомленно прикрыл глаза. – Господи боже, неужели повторяется история, свидетелями которой мы с вами были в Скарнси? Вновь множество невинных людей становятся жертвами злодейского замысла.

Гай не сводил с меня глаз, и во взгляде его сквозило сомнение, причины которого были мне непонятны.

– Случилось что-нибудь еще? – спросил я.

– Пока вы спали, я выходил за покупками. Конечно, повсюду только и разговору, что о пожаре. И многие уверены, что здесь не обошлось без колдовства, без черной магии. Очевидцы утверждают: то был необычный пожар. Огонь распространялся с невероятной быстротой и за считанные мгновения охватил весь первый этаж дома.

– Так оно и было, – кивнул я, – все это я видел собственными глазами. Но, уверяю вас, Гай, черная магия здесь ни при чем. Неужели вы решили, что я связался с колдунами и ведьмами?

– Нет, но...

– Клянусь, этот кошмарный пожар – вовсе не результат действия магических сил. Поджигатели воспользовались неким горючим веществом, секрет которого был известен еще древним грекам. По поручению Кромвеля мы с Бараком пытаемся отыскать формулу этого вещества, похищенную злоумышленниками. Я не имел права рассказывать вам об этом раньше.

Гай продолжал сверлить меня испытующим взглядом.

– Я все понимаю, – кивнул он. – Ваш помощник не испытывает ко мне доверия. Возможно, вы тоже. Ведь дело касается Кромвеля, а вам прекрасно известно, что я отнюдь не отношусь к числу его доброжелателей. Удивительно, что вы вообще решили упомянуть о своем расследовании.

– Гай, напрасно вы воображаете, что я не испытываю к вам доверия. Богом клянусь, во всем свете вы единственный человек, которому я

безраздельно верю.

Гай указал взглядом на распятие.

– Вот тот единственный, кому вы должны безраздельно верить, – сурово изрек он.

– Но где был Господь, когда минувшей ночью бедную девушку и ее брата изрезали на куски? – с горечью спросил я.

– Он смотрел, как злодеи вершат свое черное дело, и лик его был исполнен скорби, которую вы видите здесь, – произнес Гай и вновь кивнул на распятие. – Господь даровал человеку свободную волю. А тот зачастую использует свою свободу, чтобы творить зло.

Гай вздохнул, поднялся и указал на флягу:

– Оставляю вам это. Время от времени можете пить, но помните: только маленькими глотками.

Когда, часом позднее, вернулся Барак, Гай проводил его в мою комнату и оставил нас вдвоем. Глаза Джека покраснели и воспалились, голос сел и охрип. Рубашка его была покрыта пятнами копоти, а волосы с правой стороны головы сильно обгорели. Контраст между короткими черными перьями, торчавшими справа, и взлохмаченными каштановыми прядями, вьющимися слева, был так забавен, что, несмотря на наше печальное положение, я разразился лающим смехом.

– Видели бы вы себя, – усмехнулся Барак. – Вы сейчас чернее любого трубочиста. Кстати, лорду Кромвелю было не до смеха. Он намерен приказать мэру и коронеру сделать все возможное, чтобы избежать распространения слухов. Жители Куинхита нашли на пепелище обгоревшие останки Джорджа Грина и сторожа. Разумеется, там только и разговоров, что о черной магии да происках колдунов. Ваш приятель-аптекарь уже сказал вам, что пожар уничтожил две улицы? Еще хорошо, что ветра не было, иначе огонь сожрал бы полгорода.

– Кто-нибудь пострадал?

– Несколько человек получили ожоги, и множество осталось без крова. Дом Гривудов превратился в кучу пепла. Вдове Гривуд и ее сыну некуда будет возвращаться.

– Да, ее участь достойна сожаления, – проронил я. – Теперь я видел собственными глазами, на что способен греческий огонь. Ведь все это сотворил он, правда?

– Конечно. Я сразу узнал запах. Эти негодяи наверняка притаились в гостиной. Они выжидали, когда мы поднимемся наверх и окажемся в ловушке. Стены они заранее смазали особым составом, потом подожгли их и выпрыгнули в окно. – Барак уселся на кровать. – Господи, страшно

вспомнить, что мы вчера пережили. То же самое я видел на пристани: огонь охватил ко-рабль с невероятной скоростью. И дым был такой же: черный и удушливый. Но почему они решили разделаться с нами именно таким способом? – нахмурившись, спросил Барак. – Они могли захватить нас врасплох и заколоть кинжалами. Ведь именно так они поступили с Бэтшебой и ее братом.

– Думаю, преступники хотели показать лорду Кромвелю, что греческий огонь у них в руках, – предположил я.

– Да, похоже, они могут производить его сколько угодно и использовать когда заблагорассудится.

– И они хотят, чтобы лорд Кромвель понял это и сделал соответствующие выводы, – добавил я и пристально взглянул на Джека. – Барак, я очень вам благодарен. Без вас я ни за что не выбрался бы из горящего дома. В какой-то момент я совершенно оцепенел от страха.

– Я это заметил, – усмехнулся Барак. – И уж думал, придется дать вам хорошего пинка, чтобы заставить спуститься вниз.

– А как вы доставили меня в аптеку?

– Схватил одну из повозок, которые подвозили на пожар воду, и погрузил туда вас и девушку. Сам не знаю, как мне это удалось. Я чертовски боялся, что нас примут за поджигателей и арестуют, а то и вовсе разорвут на месте. Где нам укрыться, я понятия не имел. А потом вспомнил, что ваш друг аптекарь живет поблизости. Через несколько минут мы уже были у него.

Я кивнул. Без сомнения, сообразительность Барака спасла нас от ареста. Он улыбнулся, весьма довольный собой.

– А как девушка? – спросил он.

– Пока жива, но Гай сказал, что спасти ее невозможно. Вы-то как себя чувствуете?

Барак нащупал под рубашкой свой талисман и внезапно поморщился от боли.

– Плечо немного обжег, а так ничего.

В дверь постучали, и в комнату вошел Гай.

– Девушка проснулась, – негромко сообщил он, переводя взгляд с меня на Барака. – Он хочет поговорить с вами. Думаю, ей совсем немного осталось, – добавил он с сокрушенным вздохом.

– Вы можете встать? – обратился ко мне Барак. Я кивнул и, сделав отчаянное усилие, поднялся на ноги, немедленно зайдясь новым приступом кашля. Казалось, каждый мой мускул протестующее заныл. Гай провел нас в маленькую комнату, где лежала Бэтшеба. Глаза девушки были закрыты,

дышала она часто и прерывисто. Лицо покрывала смертельная бледность, составлявшая разительный контраст с алыми пятнами крови, проступившими сквозь повязку. Гай обтер ей лицо, но волосы по-прежнему оставались липкими от крови. На мгновение я ощутил, что все плывет у меня перед глазами.

– Я дал ей снадобье, облегчающее боль, – донесся до меня голос Гая. – Она очень слаба.

Он бережно тронул Бэтшебу за плечо, и ресницы умирающей дрогнули.

– Мистрис Грин, я привел их, как вы и просили. Бэтшеба устремила на нас неподвижный взгляд.

Губы ее шевельнулись, но голос был так слаб, что я не разобрал ни слова. Взяв стул, я опустился рядом с кроватью. Бэтшеба по-прежнему неотрывно смотрела на меня.

– Они и вас хотели убить, – прошептала она.

– Да. Но им это не удалось.

– Я хотела рассказать вам... рассказать все и положиться на милосердие лорда Кромвеля. И бедный Джордж хотел того же. Но они нас ждали. Набросились на нас с мечами. Тот, рябой, проткнул мне живот, – лицо Бэтшебы исказила страдальческая гримаса, – а потом они оставили нас умирать. И напоследок сказали... что устроят горбатому крючокотвору и его приспешнику красивую смерть.

Бэтшеба, утомленная разговором, вновь закрыла глаза.

– А откуда убийцы узнали, что вы с братом придете в дом Гривудов? – мягко спросил я.

– Наверное, им сказала мадам Неллер... Больше никому. Ради денег она готова на все.

– Если это так, она за это поплатится. Бэтшеба поморщилась от боли и заговорила с лихорадочной поспешностью:

– Я хочу рассказать вам то, что узнала от Майкла. Это поможет разыскать убийц.

– Говорите спокойно, не волнуйтесь, – сказал я, растянув губы в ободряющей улыбке. – Теперь вы в полной безопасности.

– Последние недели перед смертью Майкла точно подменили. Я видела, его что-то тревожит. Спросила, что с ним творится, и он сказал, что они с братом затеяли одну рискованную авантюру. Сказал, что скоро у них будет много денег. А еще он упомянул о каких-то важных бумагах, которые хранятся у него дома. Он боялся, что эти бумаги похитят.

– Мадам Неллер сообщила нам, что ваш брат пытался отыскать какие-то бумаги в доме Гривудов.

– Да. – Лицо Бэтшебы вновь исказилось от боли. – Он думал, если нам удастся найти бумаги, лорд Кромвель отнесется к нам снисходительнее. Но если они там и были, сейчас они превратились в пепел.

– Эти бумаги у меня, Бэтшеба. За исключением лишь одного, самого драгоценного листка. Того, где записана некая формула. Об этом Майкл не упоминал?

– Нет, он говорил лишь, что боится людей, с которыми работает. Боится, что они убьют его. Эти люди что-то замыслили против лорда Кромвеля.

– Но разве... я думал, они работали на лорда Кромвеля. Граф был очень заинтересован в результатах их деятельности.

– Нет, нет. Их замысел был направлен против графа.

Я растерянно посмотрел на Бэтшебу. Слова ее привели меня в полное недоумение. Она закашлялась, и тоненькая струйка крови сбежала по ее подбородку. Поморщившись, Бэтшеба вновь посмотрела на меня.

– Я должна была вскорости родить. Майкл говорил, что мы убежим все вместе – я, он и его брат. Переберемся в Шотландию или во Францию и начнем жить заново. Но Майкла убили. А прошлой ночью моего ребенка проткнули кинжалом. Прямо у меня в животе.

Я наклонился и взял ее за руку. Рука была легкая, тоненькая, как птичья лапка.

– Мне очень жаль.

– Жизни простых людей недорого стоят, – с горечью выдохнула умирающая. – Каждый из нас – это всего лишь пешка в играх богатых и сильных.

Она в отчаянии покачала головой и вновь закашлялась. Гай подошел к кровати и бережно взял другую руку девушки.

– Бэтшеба, – ласково окликнул он, – боюсь, что ваш смертный час недалек. Я удостоен духовного сана и потому могу дать вам последнее напутствие. Готовы ли вы раскаяться в своих грехах и вверить себя милосердию нашего Спасителя?

Умирающая не ответила. Гай крепче сжал ее руку.

– Бэтшеба. Вскоре вы предстанете перед лицом Творца. Готовы ли вы вступить в Царствие Небесное?

Девушка по-прежнему молчала. Барак наклонился и попытался нащупать пульс на ее шее.

– Она умерла, – тихо проронил он.

Гай опустил на колени пред умершей и принялся читать молитву по латыни. – Что толку в подобном бормотании? – резко спросил Барак.

Я взял его за локоть и потянул к дверям. Когда мы вернулись в мою

комнату, я в полном изнеможении опустился на кровать.

– Бедная девчонка, – процедил Барак. – Простите, если я что-то не то сказал. Мне вовсе не хотелось обижать вашего приятеля-мавра.

Он провел рукой по жалким остаткам своих волос.

– Но скажите ради бога, вы поняли, что она там бормотала? Получается, Майкл Гривстуд участвовал в заговоре против лорда Кромвеля?

– Откровенно говоря, я совершенно сбит с толку. До сего времени мы полагали, что кто-то похитил формулу, возможно, намереваясь продать ее врагам Англии за границей.

– Да, именно так. Хотя вы сомневались в существовании этой самой формулы.

– Сомневался, не скрою. Возможно, злоумышленники рассчитывали обмануть Кромвеля. Но в какой-то момент намерения их перестали совпадать, и между ними начались раздоры.

– Но в одном мы можем быть уверены: греческий огонь действительно существует.

Я в досаде сжал кулаки.

– И все же слишком многое до сих пор остается непонятным. Судя по тому, что мы узнали, Токи принимал участие в этом деле с самого начала. Он расспрашивал моряков о польской огненной воде задолго до того, как Гривстуды обратились к лорду Кромвелю. У вас есть этому объяснение? Да и других загадок хватает...

Я осекся, потому что в комнату вошел Гай с тазиком и куском чистой ткани. На несколько мгновений в воздухе повисло неловкое молчание.

– Я должен перевязать вашу руку, Мэтью, – нарушил молчание Гай. – Вам придется провести здесь хотя бы день, прежде чем вы вернетесь к своим обязанностям.

Я вспомнил, что так и не поговорил ни с Билкнэпом, ни с Марчмаунтом.

– Увы, это невозможно. Мы и так потеряли непростительно много времени. В нашем распоряжении осталось всего пять дней. Я должен как можно скорее отправиться в Линкольнс-Инн.

– Вы можете сильно повредить себе, – покачал головой Гай.

– Прощу вас, Гай, перевяжите мне руку, и я пойду.

– Я обжег плечо, и оно ужасно болит, – подал голос Барак. – Не могли бы вы посмотреть ожог?

Гай кивнул, и Барак стащил через голову рубашку, обнажив мускулистый торс, испещренный многочисленными шрамами от ножевых ранений. Кожа на обожженном плече покраснела и покрылась волдырями.

Осматривая ожог, Гай заметил золотой медальон, висевший на груди Барака.

– Можно узнать, что это? – спросил он.

– Старинный иудейский талисман. Во время нашей первой встречи вы верно подметили, что имя у меня еврейское.

– Полное название этого талисмана – мезуза, – сообщил Гай. – Евреи обычно вставляли в него крошечный свиток Торы и вешали на дверях своих домов, дабы привлечь в дом добрых людей. Именно так они делали в Гранаде в дни моего детства.

Судя по удивленному виду Барака, столь глубокая осведомленность произвела на него сильное впечатление.

– А я все время думал, зачем эту штуковину вешали на двери. Вы образованный человек, аптекарь. Ох, больно!

Гай смазал ожог каким-то маслом, распространявшим сильный, но довольно приятный запах. Затем он перевязал Барака и, отослав его вниз, занялся моей рукой. Сморщившись от боли, я наблюдал, как он снял старую повязку, обнажив ярко-красную плоть, лишенную кожи. Гай смазал рану тем же самым маслом, что и плечо Барака, и я почувствовал, что жжение немного утихло.

– Что это за снадобье?

– Лавандовое масло. Оно обладает смягчающими и увлажняющими качествами, вытягивает жар из ожогов.

– Я помню, вы использовали его в Скарнси. – Я внимательно посмотрел на Гая. – Гай, сейчас я должен отыскать огонь, жар которого не способны потушить бочки лавандового масла. Мне необходимо поговорить с вами, задать несколько вопросов, на которые только вы можете дать ответ. Речь идет о некоем веществе, ставшем причиной всех этих смертей и разрушений. Как я уже говорил, дело, которым я занимаюсь, связано с алхимией, и потому нередко я ощущаю полное свое невежество. Если вы согласитесь выслушать меня, я расскажу вам обо всем.

– Насколько я понял, если я узнаю вашу тайну, над моей жизнью нависнет опасность?

– Нет, ведь о нашем разговоре никто не узнает. Но если вы предпочитаете оставаться в неведении, я не буду настаивать.

– Вряд ли Кромвель будет доволен, узнав, что вы сообщили о своем расследовании бывшему монаху. Не случайно вы ждали, пока ваш друг Барак выйдет из комнаты.

– Гай, ваши советы так важны для меня, что я готов рискнуть и навлечь на себя гнев Кромвеля.

Пока Гай перевязывал мою руку, я сообщил ему все, что сам знал о греческом огне, начиная с первого разговора с Кромвелем и заканчивая вчерашним пожаром. Друг мой слушал, не проронив ни слова, и лицо его становилось все более серьезным и печальным.

– Вы намерены поймать убийц? – спросил он наконец.

– Да. На их счету уже пять жизней. Братья Гривстуды, сторож, Бэтшеба и ее брат. Вполне вероятно, есть и шестая жертва – литейщик по имени Лейтон.

– Я помню, вы расспрашивали о литейщиках.

– Мы нашли того, кто был нам нужен. Но подоспели слишком поздно и не смогли его спасти. Еще три человека вынуждены скрываться, так как в противном случае убийцы незамедлительно с ними разделаются. Я хочу поймать этих мерзавцев и положить конец череде их кровавых деяний.

– Если вам удастся обнаружить формулу греческого огня, вы передадите ее Кромвелю, не так ли?

– Да, – ответил я после недолгого колебания.

– Мэтью, вы отдаете себе отчет в том, какие страшные разрушения способно произвести это вещество, превратившись в могущественное оружие? С его помощью можно уничтожать целые флотилии. С его помощью можно сжигать дотла города, как мы убедились прошлой ночью.

– Вы совершенно правы, Гай, – едва слышно произнес я.

Перед моим внутренним взором вновь предстало знакомое видение: огромный корабль, охваченный смертоносным огнем.

– Но поймите, если эту формулу не получит Кромвель, она достанется другим. Вполне вероятно, ею завладеют враждебные нам державы и используют ее против Англии!

– А с какой целью они станут использовать оружие против Англии? – вскинув брови, осведомился Гай. – Уж не для того ли, чтобы вернуть эту заблудшую страну в лоно Римско-католической церкви?

Я с запозданием вспомнил, что, в отличие от меня, собеседник мой не является ни англичанином, ни протестантом. На несколько мгновений Гай погрузился в раздумье.

– Так какие вопросы вы хотели мне задать, Мэтью? – наконец спросил он.

– Если вы не пожелаете отвечать на эти вопросы, я не буду в претензии, – заметил я, – но, кроме вас, просветить мое невежество некому. Мне известно, что бочонок с греческим огнем в течение столетия хранился в монастыре Святого Варфоломея. Скорее всего, в период между прошлым октябрём, когда Гривстуды нашли бочонок и документы, и мартом, когда

они обратились к Кромвелю, был построен аппарат для метания огня. Я располагаю свидетельствами, подтверждающими это предположение. Более того, используя формулу, братья попытались самостоятельно получить это вещество.

– Как видно, они понимали, что содержимого бочонка хватит ненадолго.

– Именно так. После того как Гривстуды сожгли два корабля, в бочонке, вероятно, ничего не осталось. И то, что прошлой ночью при помощи этого вещества был устроен пожар, доказывает, что опыты братьев увенчались успехом. Но как они это сделали, Гай? Каким образом алхимики получают новое вещество?

– Они находят новое соединение четырех основных элементов: земли, воздуха, огня и воды.

– Да, из этих четырех элементов состоит все сущее. Но найти новое соединение, в результате которого появится доселе неведомое вещество, – сложная задача.

– Не всегда. Например, получить железо, используя для этого минералы, которые Господь сокрыл в земных недрах, не столь уж сложно. А вот получить золото куда труднее – иначе мы все ели бы с золотых тарелок и этот металл утратил бы всякую ценность.

– А как по-вашему, насколько трудно произвести греческий огонь?

– На этот вопрос невозможно ответить, не зная формулы.

– Вы только что упомянули про золото и железо, – сказал я, усаживаясь на кровати. – Существуют ископаемые, залежи которых легко обнаружить, подобно залежам железной руды. И существуют редкие минералы, подобные золоту.

– Разумеется. Это очевидно.

– Я ознакомился с трудами, посвященными истории огненного оружия на Востоке. Согласно утверждениям древних авторов, византийцы без труда находили элементы, необходимые для получения воспламеняющейся жидкости. Мне встречались упоминания о том, что римляне также умели производить горючую жидкость. Однако, в отличие от византийцев, они не использовали ее в качестве оружия. Полагаю, в их распоряжении не было некоей важной составляющей, благодаря которой горючая жидкость становится греческим огнем. Возможно, Гривстуды подыскивали замену этому недостающему веществу. И тут они услышали о польской огненной воде, из-за которой вспыхнул стол в таверне.

– Вы думаете, при помощи этой огненной воды Гривстуды и получили греческий огонь? – спросил Гай, задумчиво потирая подбородок.

– Я далеко не уверен в этом. Это всего лишь предположение.

– Из ваших слов я понял, что вместе со своими сообщниками, которые впоследствии от них избавились, братья Гривуды задумали заговор против Кромвеля?

– Да, если верить словам Бэтшебы.

Честно говоря, я совершенно во всем этом запутался. Гай, многое прояснилось бы, сумей я только отыскать на разрытом монастырском кладбище немного подлинного греческого огня и...

Лицо Гая исказила гримаса отвращения.

– Осквернение могил – это великий грех.

– Да, да, я полностью согласен с вами. Но кладбище в монастыре Святого Варфоломея так или иначе будет уничтожено. Если мне все-таки повезет и я добуду греческий огонь, я рассчитываю на вашу помощь. Вы сможете исследовать его и определить, из каких элементов он состоит?

– Я всего лишь аптекарь, а не алхимик.

– Уверен, вы проникли в тайны алхимической науки куда глубже, чем большинство тех, кто именует себя алхимиками.

Гай испустил тяжкий вздох и скрестил руки на груди.

– А для чего вам все это, Мэтью? – спросил он.

– Если мне будет известна природа вещества, я смогу понять, что...

– Мэтью, не пытайтесь ввести меня в заблуждение, – резко перебил Гай. – Вы сами сказали, что в раскрытии тайны греческого огня весьма заинтересован Томас Кромвель.

Мой друг широкими шагами пересек комнату, на смуглом лице его застыло суровое выражение, которого я никогда прежде не видел. Наконец он повернулся ко мне.

– Если вы найдете этот проклятый огонь и принесете его мне, я, разумеется, попытаюсь выяснить его состав. Но потом я его уничтожу, так и знайте, – отчеканил Гай. – Если вы полагаете, что я открою Кромвелю этот секрет и тем самым дам ему в руки новое смертоносное оружие, вы глубоко ошибаетесь. Разумеется, если мне станут известны факты, которые помогут поймать убийц, я сообщу вам об этом. Я очень сожалею, Мэтью, но это все, чем я вам могу помочь.

– Я понимаю вас, Гай. И с благодарностью приму вашу помощь, – сказал я и протянул руку.

Гай пожал ее, но взгляд его по-прежнему оставался суровым и непреклонным.

– Святой Георгий из Ниссы как-то сказал, что все науки и искусства, изобретенные человеком, являются попыткой преодолеть смерть, –

неспешно произнес он. – Именно такую цель они и должны преследовать. Изобретения, которые влекут за собой разрушения и гибель, – чудовищны и противны самой человеческой природе. Если вы обнаружите формулу, Мэтью, ваш долг ее уничтожить. Этим вы окажете большую услугу миру, где и без того хватает зла.

– Я не могу этого сделать, – покачал я головой. – Я слишком крепко связан с Кромвелем. И я должен помочь своей стране.

– И какое же применение найдут греческому огню Кромвель и король Генрих, люди, которым неведомы ни жалость, ни сострадание? Они и так пролили реки крови. Не сомневайтесь, количество жертв возрастет многократно, когда в их нечестивых руках окажется столь могущественное оружие.

В глазах Гая полыхал холодный гнев.

– Мэтью, сейчас все не так, как в Скарнси. Тогда вы тоже были подручным Кромвеля, но ставили перед собой благую цель: изобличить убийц. Теперь он хочет с вашей помощью получить средство, применение которого грозит человечеству новыми бедствиями и страданиями.

После этих слов в комнате повисло тяжелое молчание.

– А ваш молодой друг, Барак, как он относится ко всему этому? – нарушил тишину Гай.

– Он всей душой предан лорду Кромвелю, – проронил я и внимательно посмотрел на Гая. – Так или иначе, о нашем разговоре он не узнает.

С тяжким вздохом я растянулся на кровати.

– Вы правильно сделали, что попытались меня предостеречь, – сказал я вполголоса. – Признаюсь, мысль о разрушениях, которые повлечет за собой греческий огонь, постоянно приходила мне на ум. Но я гнал ее прочь, потому что моя цель – поймать убийц и найти похищенное. А еще я хочу спасти Элизабет Уэнтворт. Любой ценой.

– Цена может быть слишком высокой. Но когда настанет время выбора, решать придется вам, Мэтью. Никто, кроме Господа, не имеет права вам советовать.

ГЛАВА 33

Когда мы с Бараком прибыли на Канцлер-лейн, утро уже сменилось жарким днем. Я постарался открыть входную дверь как можно бесшумнее, надеясь, что нам удастся проскользнуть наверх незамеченными. Давать Джоан объяснения по поводу нашего плачевного вида мне вовсе не хотелось. Я уже повернул к лестнице, как вдруг заметил на столе конверт, надписанный крупным округлым почерком Годфри. Торопливо взломав печать, я пробежал по строчкам глазами.

– Билкнэп вернулся! – сообщил я. – Он в своей конторе. Слава богу, а то я уже начал бояться, что он тоже...

Я осекся, решив умолчать о своих опасениях.

– Надо немедленно послать за Леманом. Когда он придет, все вместе отправимся в Линкольнс-Инн, – предложил Барак.

Тут в кухню вошла Джоан, привлеченная нашими голосами. Глаза у нее полезли на лоб от изумления.

– Сэр, ради бога, что за беда с вами приключилась? – спросила она, и в голосе ее послышалась дрожь. – Я так волновалась, когда прошлой ночью вы не явились домой.

– Мы были по делам в Куинхите, и там вспыхнул страшный пожар, – сообщил я самым что ни на есть мягким и вкрадчивым тоном. – Мы с мастером Бараком оказались в горящем доме, но, к счастью, выбрались оттуда целыми и невредимыми. Мне очень жаль, Джоан, что в последнее время мы доставляем вам столько беспокойства. Увы, неделя выдалась на редкость тяжелая.

– Да уж, сэр, это сразу видно. Выглядите вы хуже некуда. А что произошло с вашими волосами, мастер Барак?

– Немного обгорели, только и всего. Что, новая прическа не слишком мне идет? – осведомился он и наградил Джоан обворожительной улыбкой – Думаю, мне стоит подстричь волосы с другой стороны, чтобы не пугать детей на улицах.

– Если хотите, я сама попробую подровнять вашу шевелюру.

– Мистрис Вуд, вы служите истинным украшением женской половины человечества, – галантно ответил Барак.

Джоан принесла ножницы и вместе с Бараком поднялась в его комнату, а я тем временем написал записку Леману и приказал Саймону доставить ее в Чипсайд. Затем поднялся к себе в спальню, запер дверь и, совершенно

обессиленный, растянулся на кровати. Слова Гая о том, что нынешняя моя цель отнюдь не является благой, упорно вертелись у меня в голове. До сей поры усталость, опасения за свою судьбу и за участь других людей, втянутых в это дело, не позволяли мне предаваться отвлеченным размышлениям. Но что будет, если наши поиски завершатся успехом? Как я поступлю, когда заветная формула окажется наконец в моих руках? На память мне пришло признание несчастной Бэтшебы. Заговор против лорда Кромвеля. Каковы же были истинные планы Майкла и его брата, планы, которым убийцы не дали осуществиться? В мыслях моих царила такая путаница, что я досадливо затряс головой. Лучше не думать о последствиях и просто выполнять намеченное. Сейчас, например, необходимо воспользоваться возможностью застать Билкнэпа в его логове. Сегодня уже пятое июня. Осталось всего пять дней.

В Линкольнс-Инне я оставил Барака и Лемана в своей конторе, а сам пересек внутренний двор и поднялся в контору Марчмаунта. Несмотря на все отвращение, которое внушала мне перспектива столь щекотливого разговора, я должен был вновь задать ему несколько вопросов относительно леди Онор. Однако клерк Марчмаунта сообщил мне, что патрон его отправился в Гетфорд, где собирается выступить на заседании окружного суда, и в конторе появится только завтра. Я мысленно выругался. Три года назад, когда я по поручению лорда Кромвеля расследовал сложное и запутанное дело, все свидетели и подозреваемые, по крайней мере, находились в стенах монастыря и всегда были в моем распоряжении. Сказав клерку, что непременно зайду завтра, я вернулся в свою контору. Леман и Барак коротали время, наблюдая, как Скелли в поте лица трудится, снимая копии со всех документов по делу Билкнэпа. Леман, который сегодня казался куда более уверенным и развязным, спросил, где Билкнэп.

– В своей конторе. Так, по крайней мере, говорилось в записке, которую я получил. Сейчас я зайду к коллеге и уточню, видел ли он сегодня Билкнэпа.

Судя по угрюмой ухмылке, мелькнувшей на лице Лемана, он уже предвкушал сладостный миг мщения.

Я постучал в дверь Годфри. Друг мой стоял у окна. Когда он повернулся, я заметил, что взгляд его исполнен тревоги. Он поздоровался, растянув губы в бледном подобии улыбки. – Пришли повидать брата Билкнэпа, Мэтью? Я сам видел, как он заходил в свою контору.

– Превосходно. У вас неприятности, Годфри? Годфри повертел в руках край своей мантии.

– Сегодня утром я получил письмо от судебного секретаря. Судя по всему, герцогу Норфолкскому мало того, что с меня взыскали штраф. Он желает, чтобы я публично принес ему извинения в Городском совете.

– Что ж, Годфри, между нами говоря, вы столь откровенно пренебрегли всеми правилами учтивости и этикета, что...

– Вы прекрасно знаете, что этикет здесь ни при чем! – резко перебил Годфри, и в глазах его вспыхнули искорки негодования. – Какой бы предлог ни изобрел герцог, на самом деле он желает, чтобы я извинился за свои религиозные убеждения.

– Годфри, будьте благоразумны, – внушительно произнес я. – Ради Христа, извинитесь перед ним и забудьте об этом происшествии. Если вы будете упорствовать, на вашей карьере придется поставить крест.

– Полагаю, верность своим убеждениям стоит карьеры, – негромко произнес он. – Если я не уступлю требованиям герцога, дело может получить столь же широкую огласку, как и дело Ханни.

– Ханни до конца защищал свои убеждения, это верно. Но вы забыли, как он кончил? Погиб от рук убийц, нанятых папистами.

– Что ж, это достойный конец, – проронил Годфри, и на губах его мелькнула рассеянная улыбка. – К тому же для каждого из нас смерть неизбежна. И даже смерть на костре – это всего лишь полчаса муки, предшествующие вечному блаженству.

Я невольно вздрогнул. Вновь это странное, непонятное для меня желание обречь себя на добровольные муки, вновь неколебимая уверенность в том, что страдания служат лучшим доказательством правоты.

Я устремил на Годфри изучающий взгляд. Он невесело рассмеялся.

– Мэтью, вы просто поедаете меня глазами. Поддавшись внезапному побуждению, я спросил:

– Годфри, могу я задать вам один необычный вопрос?

– Разумеется.

– Предположим, Господь наградил вас невероятным могуществом. Предположим, вы можете обрушить громы и молнии на головы ваших врагов и одним мановением руки уничтожить целые армии.

– Вы обещали задать вопрос, Мэтью, а вместо этого рассказываете сказку, – усмехнулся Годфри. – Подобных чудес не случалось с тех пор, как Спаситель пребывал на земле в человеческом облике.

– И все же предположим, что вы наделены подобным могуществом.

– Я недостойн такого дара, – покачал головой Годфри.

– Но вы можете представить себе, что вы им обладаете, – настаивал я. –

Однако затруднение состоит в том, что, уничтожая своих врагов, вы неизбежно погубите множество невинных людей. Скажите, воспользовались бы вы своей силой?

– Да, конечно, – уверенно ответил Годфри. – Обладай я такими способностями, я прежде всего помог бы королю Генриху разделаться с врагами как внутри страны, так и за рубежом. Разве в Ветхом Завете не говорится о том, что невинные часто умирают во имя дела Господня? Вспомните Содом и Гоморру.

– Эти города были сожжены дотла небесным огнем. – Я на мгновение закрыл глаза. – И вы не стали бы потом терзаться раскаянием?

Губы Годфри вновь тронула улыбка, а в глазах вспыхнул знакомый мне священный огонь.

– Нет, не стал бы, Мэтью, – без колебаний ответил он.

Мы с Леманом и Баракком поднялись по узкой лестнице и оказались у дверей конторы Билкнэпа. Убедившись, что висячий замок исчез, я настойчиво постучал в дверь. Билкнэп незамедлительно отворил. Из-за жары он скинул и мантию, и камзол и остался лишь в белой полотняной рубашке. Спутанные желтоватые волосы падали на воротник. Сейчас, лишенный всех признаков адвокатского звания, он чрезвычайно походил на мошенника, каковым и являлся в действительности.

– Брат Билкнэп, я давно уже пытаюсь застать вас, – сообщил я. – Где вы пропадали?

– Отлучался по делам, – нахмурившись, кратко бросил Билкнэп.

Потом он увидел коротко подстриженного Барака, и глаза его расширились от удивления.

– Что это с вашим приятелем? – спросил он. Я не успел ответить, как Билкнэп перевел взгляд на Лемана. Тут его глаза едва не вылезли из орбит. Лавочник уставился на него со зловещей ухмылкой на губах. Билкнэп попытался захлопнуть дверь и не пустить нас в свою контору, но Барак опередил его, приперев дверь ногой и плечом одновременно.

Билкнэп подался назад, а Барак сморщился и потер плечо.

– Черт, я совсем забыл про этот проклятый ожог, – пробормотал он.

Несмотря на откровенное негостеприимство хозяина, мы вошли. В конторе Билкнэпа, как всегда, царил беспорядок; в углу стоял знаменитый сундук. Дверь в жилые комнаты была открыта. Поняв, что с нами не так просто совладать, Билкнэп побагровел от ярости.

– Как вы смеете?! – возопил он. – Как вы смеете врываться ко мне?!

Он указал пальцем на Лемана.

– И зачем вы привели сюда этого жулика, Шардлейк? Он имеет против

меня зуб и, уж конечно, готов возвести любую напраслину...

Барак выступил вперед.

– Вы, разумеется, не помните меня, мастер, я был тогда мальчишкой. Зато я отлично помню, как вы подговорили моего отчима дать нужные вам показания на суде епископа. Отчима моего звали Эдвард Стивенс. Странные вещи порой случаются с этими свидетелями, правда? Иногда они появляются, словно из-под земли, и заверяют суд в честности и добропорядочности человека, которого они прежде в глаза не видели.

За все то время, пока я знал Билкнэпа, этот пройдоха ни разу не потерял самообладания. Но сейчас его было не узнать: он тяжело переводил дух, судорожно сжимал кулаки и явно не находил слов для своего оправдания.

– Все это клевета, – процедил он наконец. – Я не знаю, какую игру вы затеяли, Шардлейк...

– Уверю вас, это отнюдь не игра.

Губы Билкнэпа изогнулись в ухмылке, обнажив длинные желтые зубы.

– Если вы надеетесь таким образом оказать на меня давление и вынудить отказаться от законно приобретенной собственности, то вы крупно просчитались. Такие шутки вам даром не пройдут. Я добьюсь того, что вас лишат звания адвоката.

– Ваша собственность тут ни при чем, – презрительно проронил я.

– Зря вы так злобно скалите зубы и сжимаете кулаки, мастер Билкнэп, – с нескрываемым удовольствием вставил Леман. – Вы выдали себя с головой. Таких, как вы, частенько губит жадность. Если бы вы в свое время открыли вот тот славный сундучок и выдали мне несколько золотых монет, вы избежали бы серьезных неприятностей. – Мастер Леман приготовил письменные показания, – сообщил я, вытащил из-под мантии копию и вручил Билкнэпу. – Эти показания я намереваюсь передать в правление корпорации.

Он схватил бумагу и, насупив брови, торопливо пробежал глазами. Наблюдая за ним, я чувствовал, что расчеты мои не оправдываются. Осознав, что над его карьерой нависла столь серьезная угроза, Билкнэп должен был прийти в ужас. Он же казался донельзя разъяренным, но не более того. Билкнэп меж тем дочитал бумагу до конца.

– Итак, вы преследуете своего собрата по ремеслу, – произнес он зловещим шепотом. – Вы находите какого-то пьяного лавочника и убеждаете его дать ложные показания. Низко же вы опустились, Шардлейк. Чего вы добиваетесь?

– Вы помните, что я выполняю поручение лорда Кромвеля?

– Я уже рассказал вам все, что мне известно об интересующем вас деле.

Точнее, мне нечего было рассказывать, потому что я не имею к этому отношения, – выпалил он и раздраженно махнул рукой.

Если негодяй и лгал, это получалось у него весьма убедительно.

– Билкнэп, я хочу узнать, что связывает вас с сэром Ричардом Ричем.

– Это не вашего ума дело! – рявкнул он во весь голос. – Да, я работаю на сэра Ричарда, я выполняю различные его поручения. И последние несколько дней я занимался его делами.

Он вскинул руку и заявил:

– И я не собираюсь никому давать отчета в этих делах. Богом клянусь, я сейчас же отправлюсь к сэру Ричарду и сообщу ему о ваших происках.

– Брат Билкнэп, если вы откажетесь отвечать на мои вопросы, я буду вынужден обратиться к лорду Кромвелю, – прервал я поток его красноречия.

– Тогда ему придется объясняться с сэром Ричардом, – с торжеством в голосе произнес Билкнэп. – И можете не сомневаться, сэр Ричард не даст меня в обиду. Что, не ожидали такого поворота? – язвительно ухмыльнулся он и потянулся за мантией. – Вы ввязались в игру, правила которой выше вашего разума, брат Шардлейк. Пеняйте теперь на себя.

Негодяй рассмеялся прямо мне в лицо.

– Неужели вы так до сих пор ничего и не поняли? Прискорбное скудоумие. А теперь убирайтесь все из моей конторы, – процедил он и широко распахнул дверь.

– Лорд Кромвель вздернет вас на дыбу, вы, надутый самодовольный болван, – выпалил Барак, злобно сжав кулаки.

– Думаю, до этого не дойдет, – расхохотался Билкнэп, – а вот вашим задницам, боюсь, не поздоровится. После того как лорд Кромвель поговорит с сэром Ричардом, у него, бьюсь об заклад, возникнет желание по заслугам наградить своих тупоголовых помощников. А теперь прошу вас выйти вон!

И он картинно указал в сторону двери.

Нам ничего не оставалось, как выполнить его требование. Как только мы оказались за порогом, дверь с шумом захлопнулась.

Мы остановились на лестничной площадке.

– Я думал, этот шельмец испугается до чертиков, – пробормотал Барак, устремив на меня недоуменный взгляд.

– Представьте себе, я думал то же самое.

– Лорд Кромвель, Ричард Рич, – буркнул Леман, сердито насупившись. – Благодарю покорно, джентльмены, но я не желаю больше ввязываться в подобные дела. Лучше я вернусь к себе в лавку.

С этими словами он повернулся и принялся торопливо спускаться по лестнице, даже не упомянув о деньгах, которые я ему обещал.

Мы с Бараксом растерянно переглянулись.

– Ничего не скажешь, здорово мы приперли мерзавца к стенке, – саркастически усмехнулся Баракс.

– Почему Билкнэп так уверен, что гнев Кромвеля неизбежно обрушится на нас? – недоумевал я. – Разве Рич может сообщить Кромвелю какие-нибудь порочащие нас сведения? – Я задумчиво покачал головой. – И разве Кромвель будет действовать по наущению Рича? Споры нет, Рич важная персона, однако Кромвель – верховный секретарь, и в сравнении с ним Рич – всего лишь мелкая рыбешка.

– И похоже, Рич знает о греческом огне, – с тяжким вздохом заявил Баракс. – Я так думаю, обо всем этом надо немедленно сообщить графу.

И он устремился вниз по лестнице.

– А вы знаете, где сегодня Кромвель? – крикнул я ему вслед.

– В Уайтхолле. Я сейчас же поеду туда. А вы отправляйтесь домой, отдохните хорошенько. А то на вас, честно говоря, смотреть страшно. Ничего не предпринимайте до тех пор, пока я не вернусь.

«Очень может быть, Баракс намеревается обсудить с лордом Кромвелем нечто, не предназначенное для моих ушей», – подумал я.

Но даже если это так, я тут ничего не могу изменить.

ГЛАВА 34

Барак не возвращался более двух часов. Я ожидал его в гостиной, наблюдая через окно, как тени в саду становятся все длиннее. Я так и не оправился после кошмарных событий прошлой ночи, и глаза мои воспалились от усталости, однако уснуть я не мог. Тревожные мысли вихрем проносились у меня в голове. На что намекал Билкнэп? Что я должен был понять, если бы не мое, как он выразился, «прискорбное скудоумие»? И как мне поступить, если намерения мои увенчаются успехом и в одной из могил на монастырском кладбище я действительно обнаружу греческий огонь? Разговор с Гаем разбередил мне душу; теперь я не мог уже не думать о последствиях, к которым приведет моя находка. Несомненно, для человечества было бы лучше навсегда забыть о греческом огне. Однако кем бы ни был человек, нанявший Токи и Райта, он наверняка считает иначе. И это грозное оружие уже находится в его руках.

Наконец, утомившись от бесцельного хождения по комнате, я решил заглянуть в конюшню. Войдя туда, я невольно сморщился. В конюшне было еще жарче, чем в доме, и в этой невыносимой духоте моя обожженная рука, согбенная спина, усталая голова и воспаленные глаза разом напомнили о себе.

Сьюки отсутствовала, как и ее хозяин, а Предок мирно жевал овес в своем стойле. Увидев меня, он тихонько заржал в знак приветствия. Юный Саймон старательно сгребал навоз.

– Как себя чувствует Предок? – обратился я к мальчугану.

– Отлично, сэр. Славный меринок. Хотя, честно говоря, я скучаю по старине Канцлеру.

– Я тоже. Но я рад, что нрав у Предка спокойный.

– Это он сейчас успокоился, сэр. А поначалу никак не мог привыкнуть к новому месту, не хотел становиться в стойло, ржал и бил копытами. Я даже боялся, что он меня ударит.

– Неужели? – удивился я. – А под седлом он вел себя на редкость невозмутимо.

– Наверное, здесь, у нас, ему показалось тесновато. Уж конечно, у лорда Кромвеля конюшни куда просторнее.

Голос Саймона благоговейно дрогнул, когда он произносил имя графа. Он все никак не мог привыкнуть к тому, что я знаком со столь выдающимся государственным мужем.

– Скорее всего.

– Мастер Барак сказал, что волосы у него обгорели на пожаре, – произнес мальчик, и в глазах его вспыхнули искорки любопытства. – Он ведь солдат, да, сэр? По-моему, он очень похож на солдата.

– Нет, мастер Барак не солдат. Он, как и я, всего лишь один из мелких служащих графа.

– Мне бы очень хотелось стать солдатом.

– Вот, оказывается, о чем ты мечтаешь, Саймон.

– Когда я вырасту, обязательно поступлю в солдаты. Буду сражаться с врагами короля, если они посмеют вторгнуться в пределы нашей страны.

Судя по последним словам, кто-то прочел мальчику вслух одно из официальных воззваний. Я грустно улыбнулся и потрепал Предка по холке.

– Война – это кровавое дело, Саймон.

– Но ведь долг каждого из нас – дать отпор папистам, правда, сэр? Ох, скорее бы мне вырасти и стать солдатом или моряком.

Я уже готовился возразить, но тут со двора донесся цокот копыт. Барак, усталый и запыленный, спешил к дверям конюшни. Саймон побежал к нему и взял лошадь за поводья.

– Есть какие-нибудь новости? – спросил я.

– Пройдем в дом.

Вслед за ним я вернулся в гостиную. Барак провел рукой по своей стриженной голове, сморщил лоб и надул щеки.

– Граф был в ярости, – процедил он. – Едва увидел меня, принялся кричать, что мы натворили бед и что ему пришлось все утро убеждать коронера не устраивать дознания по поводу обгоревших тел, обнаруженных в Куинхите. А когда он узнал, что нам ничего не удалось вытянуть из Билкнэпа и прохиндей собирается пожаловаться Ричу, то и вовсе вышел из себя.

– Я и думать не думал, что Рич – это непробиваемый щит, которым можно укрыться даже от Кромвеля.

– Ну, это вы слишком загнули. На такой щит лучше не надеяться. Графа рассердило само предположение о том, что Рич может иметь на него влияние. Он считает, Рич распускает хвост перед Билкнэпом, преувеличивает свою власть. А Билкнэп сдуру принимает его слова за чистую правду. Граф уже послал человека за Ричем. Он сказал, если намеки Билкнэпа соответствуют истине и Рич действительно что-то знает о греческом огне, ему придется держать ответ. Так что нашему другу Билкнэпу не позавидуешь. – Что-то мне в это не верится, – нахмурившись, заметил я. – Билкнэп, бесспорно, продувная бестия, но в глупости его

никак нельзя упрекнуть. Он ни за что не стал бы смеяться нам в лицо, если бы не был уверен в собственной безнаказанности. Я чувствую, в этом деле есть некие важные обстоятельства, которые до сих пор остаются для нас тайной.

– Знаете, что об этом сказал граф? Он сказал, что помнит о вашей привычке выяснять все обстоятельства до единого, раскладывая их перед собой на столе и на их основании строить умозаключения. И просил передать вам, что сейчас на это нет времени. И вам необходимо поторопиться.

– О том, что мне необходимо поторопиться, я слышу с того дня, как на меня взвалили это поручение, – невесело усмехнулся я. – Только последовать этому совету не так просто, когда сталкиваешься со столь запутанным делом и столь хитроумным противником. Или граф думает, что я способен творить чудеса?

– Если бы вы беседовали с ним лично, у вас вряд ли хватило бы духу задать ему этот вопрос. Он метался по своему кабинету в Уайтхолле, точно медведь, попавший в яму. У меня, признаюсь откровенно, поджилки тряслись. И я видел, что граф и сам испуган. Кстати, он хочет, чтобы мы отправлялись в монастырь Святого Варфоломея прямо сегодня, не откладывая. Рич как раз будет у графа, так что время самое подходящее. Поэтому нам надо побыстрее разрыть эту пресловутую могилу и посмотреть, чем монахи снабдили покойника.

Барак устало опустил на одну из подушек. Сквозь загар на его щеках проглядывала сероватая бледность. Несмотря на молодость и выносливость моего помощника, напряжение прошлой ночи не прошло бесследно даже для него.

– Как ваше плечо? – спросил я.

– Болит, – бросил Барак. – Но уже меньше, чем раньше. А ваша рука как?

– Точно так же. Болит, но терпеть можно.

Я на минуту задумался. Монастырь Святого Варфоломея я предпочитал посетить в одиночестве: если в могиле старого солдата и в самом деле обнаружится греческий огонь, я хотел отнести его к Гаю, для исследования. Барак же, разумеется, будет настаивать на том, чтобы безотлагательно доставить находку Кромвелю.

– Знаете, Барак, пожалуй, в монастыре я справлюсь один, – предложил я, чувствуя, как сердце мое бешено колотится. – Выглядите вы неважно, и я думаю, вам стоит отдохнуть.

– Можно подумать, сами вы выглядите лучше моего, – пробормотал

удивленный Барак.

– Мы оба устали, но, пока вы беседовали с разъяренным графом, я немного поспал, – солгал я, – так что сейчас ваша очередь отдыхать.

– А что, если вас подстережет Токи?

– Уверяю вас, все обойдется благополучно. Барак явно колебался, однако усталость взяла верх, и он, к моему облегчению, поудобнее устроился на подушке.

– Будь по-вашему. Я не прочь вздремнуть. По-моему, никогда в жизни я не чувствовал себя таким разбитым. Кстати, граф сказал, что мадам Неллер дорого заплатит за свое предательство.

– Поделом ей. Я прикажу Саймону принести вам пива. Думаю, до темноты я вернусь.

– Хорошо. Знаете, по-моему, мальчишка воображает, что я бывалый солдат, заслуживший расположение лорда Кромвеля своими подвигами на поле брани. Он несколько раз спрашивал, в каких битвах мне довелось побывать.

– Переделка, в которую мы попали теперь, не уступит любой битве. Так или иначе, не позволяйте Саймону докучать вам своей болтовней.

– Да он мне вовсе не докучает. Забавный мальчуган. – Барак пристально посмотрел на меня. – Желаю удачи.

Я вышел из комнаты и остановился в холле. То, что Барак с такой легкостью согласился остаться дома, было для меня большой удачей; и в то же время я ощущал себя виноватым. Несомненно, теперь мой помощник всецело доверял мне: еще неделю назад он ни за что не допустил бы, чтобы я отправился по столь важному делу в одиночестве. Однако я обманул его доверие, а значит, обманул доверие Кромвеля. Стоило мне подумать об этом, по спине пробежали мурашки.

По пустынным в этот жаркий предвечерний час улицам я направился в Смитфилд. Когда я выехал на открытое пространство, со мной поравнялась телега; лицо возницы, управлявшего лошадьми, закрывала тряпка. Взглянув на телегу, я увидел, что она доверху полна полусгнившими костями. Бранные человеческие останки были пренебрежительно свалены в кучу, откуда выглядывали издевательски оскаленные черепа. На некоторых скелетах сохранились истлевшие лоскуты саванов; на меня дохнуло сырým запахом могилы. Я знал, что останки, извлеченные из могил на раскопанных кладбищах, свозят на Ламбетские болота и там топят. По всей видимости, такая же участь постигла и покойников, захороненных в монастыре Святого Варфоломея.

«Неужели я опоздал?» – пронеслось у меня в голове.

Ведь Рич сказал, что за больничное кладбище работники примутся лишь несколько дней спустя. Я прищпорил Предка и поскакал через пустошь, с наслаждением ощущая, как ветер бьет в лицо. Я заметил, что, хотя анабаптисты и отrekliсь от своих заблуждений, посреди поля уже был приготовлен шест, с которого свисали железные оковы, напоминающие о его зловещей цели.

У ворот меня остановил новый привратник, молодой парень из Палаты перераспределения. Он пожелал узнать, по какому делу я явился во владения лорда Рича. Я мысленно выругал себя за то, что не взял у Барака печать лорда Кромвеля. Однако упоминания имени графа и моей адвокатской мантии оказалось достаточно для того, чтобы бдительный страж не стал чинить мне препятствий. Прежде чем войти, я осведомился, начались ли уже раскопки на больничном кладбище. Привратник, которого мой вопрос немало удивил, ответил, что работы начались не далее как вчера. Он позвал еще одного сторожа, тощего хромоногого старикана, и приказал ему проводить меня на кладбище.

Сторож провел меня сквозь целый лабиринт зданий; некоторые из них были разрушены, а другие спешно перестраивались. Наконец впереди показалось кладбище, расположенное за монастырской больницей. Отсюда видна была зубчатая городская стена.

– Далеко продвинулась работа? – спросил я.

– Работники начали копать только вчера, – буркнул старик. – Такое кладбище быстро не перекопаешь, ведь могил здесь несколько сотен. К тому же занятие это опасное: всякому известно, что трупный запах распространяет чумную заразу.

– По пути мне встретила телега, доверху наполненная костями.

– Да, сейчас к мертвецам относятся без всякого уважения. Это напоминает мне времена, когда я сражался во Франции. Тогда погибших тоже бросали на земле без погребения, – проворчал старик и осенил себя крестом.

– Мальчуган, который служит у меня в конюшне, мечтает стать солдатом, – с грустной улыбкой сообщил я.

– Экий глупый мальчишка, – усмехнулся старик. – Откуда ему знать, как тяжела солдатская доля.

Мы свернули за угол, и он прошипел, понизив голос:

– Вот оно, кладбище. Посмотрите только на этих землекопов, сэр. Сразу видно, что отпетые безбожники.

Зрелище, представшее нашим глазам, напоминало старинные картины, изображавшие Страшный суд. Вечернее солнце, опускаясь за здание

больницы, бросало багряные отсветы на огромное пространство, густо усеянное могильными памятниками, многие из которых были уже повержены. Работы по уничтожению кладбища были организованы с завидной четкостью: каждый гроб, извлеченный из земли, два землекопа относили на особый стол, где восседали чиновник и клерк из Палаты перераспределения. Под их наблюдением гроб открывали, клерк заглядывал внутрь, проверяя, не находится ли там вместе с истлевшими останками что-нибудь ценное. Затем он кивал, гроб уносили, кости высыпали на стоявшую в отдалении тележку.

Некоторые работники, сидя поодаль, обедали; еще несколько человек играли в футбол, весьма ловко гоня мяч ногами. Один из игроков нанес по мячу удар такой силы, что тот улетел далеко в сторону, ударился о могильный памятник и разлетелся на куски. Работники захохотали. Мой провожатый осуждающе покачал головой и подвел меня к чиновнику. Чиновник, низенький упитанный мальч с брезгливо поджатыми губами и маленькими настороженными глазками, встретил меня холодным взглядом.

– Чем могу служить, мастер законник? – осведомился он.

– Я здесь по поручению лорда Кромвеля, сэра. Насколько я понял, вы наблюдаете за происходящими здесь работами?

– Да, сэр, – ответил он после недолгого колебания. – Я служу в Палате перераспределения. Мое имя Пол Хоскин, – сообщил он и добавил, кивнув старику: – Ты можешь идти, Хогги.

– Мэтью Шардлейк, из корпорации Линкольнс-Инн, – представился я.

Теперь, когда провожатый мой заковылял прочь, я ощутил себя одиноким лазутчиком во вражеском стане.

– Я ищу некую могилу, так как имею основания предполагать, что в ней содержится нечто, представляющее интерес для моего патрона.

Глаза Хоскина подозрительно сузились.

– Все извлеченные из могил вещи, имеющие ценность, доставляются сэру Ричарду, – отчеканил он.

– Мне это известно.

Я наклонился и скользнул взглядом по лежавшим на столе предметам. Золотые кольца и кокарды, маленькие кинжалы и серебряные шкатулки. Все они испускали тягостный аромат смерти.

– Вещь, о которой я говорю, не представляет собой ценности. Графу она нужна совсем по другой причине.

Чиновник не сводил с меня пронзительного взгляда.

– Должно быть, это весьма важная причина, если граф послал вас сюда, – заявил он. – Сэру Ричарду известно о вашем посещении?

– Нет. Граф приказал послать за ним, дабы обсудить несколько важных вопросов. Сейчас он, вероятно, у графа. Можете мне поверить, то, о чем я говорю, интересует графа лишь как историческая реликвия.

– Я никогда прежде не слышал, что граф увлекается антиквариатом.

– Тем не менее это так. К вашему сведению, я тоже большой знаток старины, – с поддельным пылом заверил я. – Вот, кстати, совсем недавно мне удалось обнаружить в Лудгейте весьма интересные камни, покрытые древнееврейскими письменами, – добавил я для пущей убедительности. – Представьте себе, выяснилось, что это камни из стен древней синагоги. Всесвязанное с минувшими временами чрезвычайно меня занимает.

Чиновник пробормотал себе под нос что-то нечленораздельное. Подозрительные огоньки в его глазах так и не погасли.

– Мы с графом полагаем, что здесь похоронен некий иудей, прибывший в Англию из дальних стран, – меж тем продолжал я. – Очень может быть, вместе с ним захоронены предметы, имеющие ритуальную ценность. Теперь, когда чтение Ветхого Завета получило столь широкое распространение, история древних иудеев наполнилась новым смыслом.

– У вас есть какие-нибудь документы, подтверждающие ваши полномочия? – процедил чиновник.

– Я имею право лишь сослаться на имя графа, – ответил я, глядя ему прямо в глаза.

Хоскин недоверчиво поджал свои тонкие губы, затем поднялся и двинулся через лужайку, поросшую пожелтевшей от зноя травой. Я следовал за ним, разглядывая по пути могильные памятники. Все они были сделаны из дешевого песчаника, надписи на самых старых уже полностью стерлись.

– Захоронение, которое я ищу, относится к середине прошлого века, – сообщил я. – Имя покойного – Сент-Джон.

– Могилы этого периода находятся у самой стены, – проворчал чиновник. – Там мы пока что не копали, – недовольно добавил он. – Работы ведутся по плану, и я не хочу его нарушать.

– Однако граф хочет ознакомиться с содержимым могилы безотлагательно, – изрек я непререкаемым тоном.

Чиновник окинул взглядом невзрачные памятники и указал рукой на один из них:

– Этот?

Сердце мое сжалось от волнения, когда я прочел скромную надпись: «Алан Сент-Джон, солдат, сражавшийся против турок, 1423-1454». Однако старый солдат умер тридцати одного года от роду. Вот уж не думал, что он

был так молод.

– Да, этот, – едва слышно ответил я. – Вы не могли бы предоставить в мое распоряжение двух ваших землекопов?

– Еврея не стали бы хоронить на освященной земле, – нахмурившись, заметил Хоскин. – К тому же у этого вашего иудея христианское имя.

– В конце жизни он принял истинную веру, – возразил я. – В монастырских книгах существуют записи, подтверждающие, что именно так все и произошло.

Хоскин вновь недоверчиво покачал головой и направился к работникам, игравшим в футбол. Пока он разговаривал с ними, они бросали в мою сторону откровенно недружелюбные взгляды. Я знал, что все, кто имеет отношение к Палате перераспределения, терпеть не могут чужаков, в особенности тех, которые утруждают их дополнительными обязанностями. Наконец Хоскин вернулся в сопровождении двух крепких молодых парней с лопатами. Он указал на могилу Сент-Джона:

– Этот джентльмен хочет, чтобы вы вскрыли могилу. Как только вы это сделаете, позовите меня.

С этими словами Хоскин вернулся к своему столу, где его уже ожидали три гроба. Работники принялись долбить лопатами сухую затвердевшую землю.

– А что там, в могиле? – любопытно спросил один из них. – Ларец с золотыми монетами?

– Нет, там нет ничего ценного.

– Мы работаем только до сумерек, – предупредил второй, глядя на небо, залитое красными отблесками заката. – Так указано в контракте. – Думаю, до сумерек вы вполне успеете раскопать одну-единственную могилу, – заметил я примирительным тоном.

Парень что-то пробурчал себе под нос и принялся за работу.

Могилка Сент-Джона оказалась глубокой. Последние лучи заката уже догорали, когда лопаты землекопов ударились о деревянную крышку гроба. Наконец дешевый, грубо сколоченный гроб показался из-под земли. Работники, копавшие поодаль, приблизились к нам и внимательно наблюдали за происходящим.

– Хватит возиться, Сэмюэль, – проворчал один из них. – Время кончать работу. Уже темнеет.

– Нет необходимости вытаскивать гроб из могилы, – сказал я. – Просто откройте его и помогите мне спуститься вниз.

Один из работников помог мне спуститься, а сам вылез из ямы и направился к Хоскину сообщить, что они выполнили поручение. Я с

замиранием сердца наблюдал, как второй, тот, кого звали Сэмюель, сбивал крышку гроба лопатой. Наконец ему удалось это сделать, и он тут же отскочил назад, скорчив гримасу отвращения.

– Господи боже, что это так мерзко воняет?

Я ощутил, как волосы у меня на затылке встали дыбом. Это был тот же самый пронзительный запах, который прошлой ночью ударил мне в нос во время пожара в доме Гривстудов.

Медленно наклонившись, я заглянул в гроб. В багряном свете закатного солнца останки Сент-Джона выглядели до странности безмятежно. Скелет лежал на спине, скрестив руки. Череп, на котором сохранилось несколько каштановых волосков, был повернут набок, словно во сне, челюсти плотно сомкнуты, а не оскалены в жуткой усмешке. Погребальный саван полностью истлел. Лишь несколько заплесневелых лоскутов прилипло к днищу гроба. Среди этих лоскутов я разглядел небольшую, размером примерно с мужскую ладонь, оловянную банку. В крышке ее была щель, однако, бережно подняв банку, я убедился, что она почти полна.

«Предположения мои оправдались! – мысленно возликовал я. – Наконец я нашел то, что искал!»

– Что там такое? – спросил Сэмюель.

В голосе его звучало откровенное разочарование. Как видно, несмотря на все мои заверения, парень ожидал увидеть в могиле россыпи золота.

– Эй, принесите-ка факел! – крикнул он, обернувшись к своим товарищам. – А то тут ни черта не видно!

Какой-то человек с факелом в руке приблизился к краю могилы.

– Нет! – что есть мочи закричал я. – Немедленно уберите огонь!

– Почему это? – нахмурившись, осведомился Сэмюель.

– Все это здорово смахивает на колдовство, – проскрежетал чей-то голос. – Не зря здесь похоронен поганый еврей, соплеменники которого распяли Господа нашего Иисуса Христа.

Сэмюель перекрестился, среди собравшихся раздался враждебный ропот. Прижимая драгоценную находку к груди, я выбрался из могилы. Никто и не подумал мне помочь, так что пришлось вскарабкаться на край гроба и опереться о край могилы свободной рукой. С трудом переводя дыхание, я огляделся по сторонам, в поисках Хоскина. Однако тот как сквозь землю провалился: его не было ни за столом, ни во дворе. Человек десять работников обступили меня плотным кольцом. Выражение их лиц, злобных и испуганных одновременно, не предвещало ничего хорошего. Двое из них держали факелы. – Проклятый горбун, – донеслось до моего слуха. – Наверняка он замышляет какую-нибудь пакость.

Тут раздались чьи-то громкие уверенные шаги. Увидев идущего, работники расступились и согнулись в низком поклоне, точно колосья во время урагана. Передо мной появился сэр Ричард Рич в шляпе с пером и шелковой ярко-желтой мантии. За ним, подобострастно потупившись, семенил Хоскин.

– Прочь отсюда, бездельники, – отрывисто бросил Рич.

Работники исчезли мгновенно, точно по волшебству. Лишь Сэмюель, которому пришлось выбираться из могилы, немного замешкался. Однако и он без промедления последовал примеру товарищей. Оставшись наедине с Ричем и Хоскином, я спрятал за спину руку, в которой сжимал драгоценную банку. Рич посмотрел в могилу. Ледяной взгляд скользнул по бранным останкам Сент-Джона, а потом вперился в меня.

– Господи, ну и вонь, – процедил он. – Я вижу, мастер Шардлейк, вы дня не можете прожить, чтобы не наведаться в мои владения. Сначала залезли в мой сад, бродили среди мокрого белья, теперь разрываете могилы, ищите какие-то сокровища.

– Я здесь по поручению лорда Кромвеля... – начал я, набрав в легкие побольше воздуха.

Рич взмахом руки приказал мне молчать.

– Хоскин уже рассказал мне о том, что граф стал любителем всякой исторической чепухи. Должен признать, не слишком удачная выдумка. В этой стране любому известно, что граф предпочитает сжигать монастырские реликвии, а не коллекционировать их.

– Сэр, я искал вовсе не монастырскую реликвию. Я... я полагал, лорд Кромвель уже сообщил вам обо всем и попросил вашего содействия...

– Я ничего не слыхал о ваших поисках. К вашему сведению, я весь день занимался проверкой документов в Палате, – нахмурившись, отрезал Рич. – Вы на редкость докучливый мальчик, Шардлейк. Отделаться от вас трудно, но, можете не сомневаться, я сумею найти на вас управу. – Он кивнул в сторону могилы. – Если выяснится, что графу ничего не известно о вашем сегодняшнем подвиге, я закопаю вас вместе с этим бедолагой. Он здорово воняет, но, думаю, вместе вы будете смердеть еще сильнее.

– Сэр Ричард, – подбежал к нему запыхавшийся слуга. – Вам пришло срочное послание от лорда Кромвеля. Его гонец весь день не мог отыскать вас. Лорд Кромвель незамедлительно требует вас в Уайтхолл.

В холодном взгляде Рича на мгновение мелькнул испуг. Он поджал губы, затем бросил слуге:

– Седлай лошадь, – и вновь обратился ко мне: – Вы изрядно мне надоели, Шардлейк. – Его тихий голос дрожал от ярости. – Чертовски

надоели. А я никогда не отличался терпением. Имейте это в виду.

С этими словами он повернулся и важно удалился. За ним торопливо следовал Хоскин. Некоторое время я неподвижно стоял, сжимая в потной руке заветную банку. Затем, с трудом переставляя ослабевшие от страха ноги, двинулся прочь с кладбища.

ГЛАВА 35

Я сидел в своей комнате, не сводя глаз с оловянной банки, стоявшей на столе. Из кухни я принес тарелку и вылил в нее немного содержимого банки; темно-коричневая жидкость поблескивала в свете свечи подобно лягушачьей коже. Стол пришлось придвинуть к открытому окну, ибо жидкость распространяла едкий пронзительный запах. Из соображений безопасности я поставил свечу как можно дальше от стола, хотя в столь слабом свете трудно было рассмотреть жидкость как следует. Откровенно говоря, я боялся своей находки. Завтра я намеревался обязательно доставить ее Гаю.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Морщась от боли в спине, я прикрыл банку и тарелку подвернувшейся под руку салфеткой и крикнул:

– Подождите минуту!

– Это я, – раздался голос Барака. – Можно войти?

– Я... я как раз переодеваюсь. Подождите в своей комнате, я сам к вам зайду.

К великому моему облегчению, в коридоре раздались удаляющиеся шаги. Я обеспокоенно принюхался. На мою удачу, запах почти выветрился и наверняка не проникал в коридор. Оставив окно открытым, я выскользнул из комнаты и запер дверь.

Полчаса назад, когда я вернулся из монастыря Святого Варфоломея, Барак крепко спал, и я не стал его будить. Между сторонниками реформы, как известно, нередко вспыхивают споры по поводу толкования различных отрывков из Библии, которыми надлежит руководствоваться христианину. Что до меня, то завет «подчиняйся Господу, а не человеку» более близок мне, чем «всякий должен покоряться власти предержащим». Да, приходилось лгать Бараку, и это отнюдь не доставляло мне удовольствия. Но в глубине души я сознавал, что поступаю правильно, решив отнести греческий огонь Гаю. При мысли о том, что, не появившись в самый критический момент слуга с сообщением от Кромвеля, греческий огонь достался бы Ричу, у меня мурашки пробежали по коже. Впрочем, очень может быть, в его распоряжении уже находится достаточное количество этого вещества.

Барак, сидя на постели в одной рубашке, с опечаленным видом рассматривал свои пыльные потрепанные штаны.

– Я протер их об лошадиные бока, – заметил он, просовывая палец в

дыру.

– Если наше дело завершится успешно, лорд Кромвель наверняка щедро наградит вас. Тогда и справите себе новые штаны, – усмехнулся я.

В комнате царил жуткий беспорядок: и на полу, и на столе валялась грязная одежда и громоздились тарелки с остатками еды. Я с сожалением вспомнил своего бывшего помощника Марка, который содержал комнату в безупречной чистоте.

Барак скомкал злополучные штаны и швырнул их в дальний угол комнаты.

– Ну а вам удалось что-нибудь найти? – Увы, ничего. Мы вырыли гроб из могилы, однако там обнаружился лишь скелет старины Сент-Джона. Тут, на мою беду, на кладбище явился Рич собственной персоной. И разумеется, пожелал узнать, какая надобность привела меня в его владения.

– Черт. И что же вы сказали этому надутому олуху?

– Так, бормотал что-то невразумительное. И уже думал, что на этот раз не обойдется без серьезных неприятностей. Но тут слуга сообщил, что Рича ожидает лорд Кромвель. Тот, разумеется, сразу позабыл о моей скромной особе.

– Итак, еще один след привел в никуда, – вздохнул Барак. – Скоро мы узнаем, удалось ли графу вытянуть что-нибудь из Рича. Он сказал, что сразу после встречи с этим пройдохой пошлет нам письмо.

– Завтра возвращается Марчмаунт. Мне придется отправиться в Линкольнс-Инн, чтобы поговорить с ним.

Барак кивнул и устремил на меня пристальный взгляд.

– А как вы относитесь к тому, чтобы сегодня ночью прогуляться к некоему хорошо знакомому нам колодцу? Вести от графа, скорее всего, придут лишь через несколько часов, может быть утром. Пока вас не было, я отлично выспался. Плечо мое сейчас болит куда меньше. И вообще, я бодр и полон сил.

Увы, о себе я никак не мог этого сказать. Все мое тело ныло от усталости, а обожженная рука к вечеру разболелась сильнее. Но я обещал Бараку не откладывать поход к колодцу, и, кроме того, надо было думать о спасении Элизабет.

– Думаю, сегодня ночью – самое подходящее время, – утомленно кивнул я. – Сейчас я немного перекушу, и отправимся.

– Да, перекусить было бы неплохо. Я тоже чертовски проголодался, – заявил Барак, которому отдых явно пошел на пользу.

Он проворно соскочил с кровати и сбежал вниз по лестнице. Я поплелся за ним вслед, думая о своем вынужденном обмане и терзаясь угрызениями

совести.

Джоан приготовила для нас овощную похлебку, которую подала в гостиную.

Барак сокрушенно поскреб свою коротко стриженную макушку.

– Черт, до чего голова чешется. Придется теперь носить шапку, а то люди таращатся на меня, как на чучело. Еще бы, голова у меня теперь похожа на птичью задницу, перья так и торчат...

Громкий стук в дверь прервал поток его сетований.

– Это наверняка послание от графа! – вскочив, воскликнул Барак. – Надо же, как быстро.

Но это был Джозеф Уэнтворт, который несколько мгновений спустя вошел в гостиную в сопровождении Джоан. Вид у него был изможденный, волосы слиплись от пота, а одежду покрывал слой пыли. Потухший взгляд Джозефа был полон страдания.

– Джозеф, что случилось? – обеспокоенно спросил я.

– Я только что из Ньюгейта, – пробормотал он. – Она умирает, сэр. Элизабет умирает.

И этот здоровенный мужчина уронил голову в ладони и разрыдался.

Я заставил его сесть и попытался успокоить. Он вытер лицо грязной тряпкой, в которую превратился его носовой платок, тот самый, что некогда вышила для него Элизабет. Затем устремил на меня беспомощный, отчаянный взгляд. Сейчас, когда Джозеф совершенно обезумел от горя, вся его досада на мою нерасторопность улетучилась.

– Так что с Элизабет? – спросил я как можно мягче.

– Два дня назад в Яму посадили еще одну узницу. Девчонку лет десяти, сумасшедшую нищенку, которая слонялась по городу и обвиняла всех и каждого в том, что они похитили ее маленького братика. Она подняла шум в Чипсайде, в лавке мясника...

– Да, мы ее как-то видели.

– Лавочник пожаловался, и девочку арестовали. Ее поместили в Яму, но Элизабет и словом с ней не обмолвилась. Точно так же, как и с той старухой, которую потом повесили...

Джозеф осекся.

– Я помню, что, когда старуху увели на казнь, Элизабет пришла в неистовство. На этот раз произошло то же самое?

Джозеф устало покачал головой.

– Нет. Сегодня утром, когда я пришел навестить Лиззи, надзиратель сказал мне, что ее соседку по камере осмотрел доктор. Он признал девочку сумасшедшей, и ее отправили в Бедлам. Но минувшим вечером, когда

надзиратель относил узникам пищу, он слышал, как Элизабет и девочка разговаривали. Он не мог разобрать слов, однако очень удивился, ведь Элизабет впервые согласилась с кем-то поговорить. А маленькая нищенка, с тех пор как ее поместили в тюрьму, тоже притихла и редко подавала голос.

– Кстати, как ее зовут?

– По-моему, Сара. Они с братом сироты и жили в приюте при монастыре Святой Елены. А когда монастырь закрыли, их вышвырнули на улицу. – Джозеф тяжело вздохнул. – Так вот, сегодня утром, когда я пришел, Элизабет сидела неподвижно. Она смотрела куда-то в пустоту, а на меня даже не взглянула. И на еду, которую я принес, тоже. Да и миска с ее завтраком стояла нетронутая. А вечером...

Голос Джозефа задрожал, и он вновь закрыл лицо ладонями.

– Джозеф, я надеюсь, что не позднее чем завтра смогу сообщить вам утешительные новости, – произнес я уверенным тоном. – Не думайте, что я забыл о Элизабет и...

– Мастер Шардлейк, я уповаю только на вас, – простонал он, устремив на меня умоляющий взгляд. – Вы – моя последняя надежда. Но я боюсь, Лиззи уже ничем не поможешь. Когда я пришел сегодня вечером, она лежала без сознания и лицо ее пылало от жара. Мне сказали, у нее тюремная лихорадка.

Мы с Бараком переглянулись. Вспышки лихорадки были в тюрьмах весьма частым явлением. Считалось, что причина их – в тяжелых испарениях, распространяемых гниющей соломой. Иногда бывало, что от лихорадки вымирали целые тюрьмы. Болезнь проникала и в Олд-Бейли, косила свидетелей и даже судей. Если у Элизабет действительно тюремная лихорадка, скорее всего, она обречена.

– Надзиратели боятся приближаться к ней, – продолжал Джозеф. – Я обещал, что заплачу, если они поместят ее в лучшие условия и позволят пригласить к ней доктора. Хотя одному Богу ведомо, как я буду платить. Из деревни мне пишут, что весь урожай сгорел на корню.

В дрожащем голосе Джозефа послышались истерические нотки.

– Думаю, пришла пора вмешаться мне, – заявил я, вставая. – В качестве адвоката я несу ответственность за свою подзащитную и обязан сделать все, чтобы облегчить ее положение. Я немедленно отправляюсь в тюрьму. Мне известно, что для тех, кто может заплатить, у них имеются вполне приличные помещения. И у меня есть знакомый аптекарь, который вылечит Элизабет, если только это возможно.

– Но ей необходим доктор.

– Человек, о котором я говорю, весьма сведущ в искусстве врачевания. Но, будучи чужестранцем, он не имеет права заниматься врачебной практикой.

– Но деньги... – За все заплачу я. Не волнуйтесь, Джозеф, вы вернете мне деньги потом. Господи боже, – пробормотал я себе под нос, – наконец-то у меня нет никаких сомнений в том, как следует поступать.

– Если хотите, я пойду вместе с вами, – подал голос Барак.

– Вы пойдете с нами в тюрьму? – удивился Джозеф, который, кажется, впервые заметил Барака и с недоумением посмотрел на его стриженую голову.

– Спасибо, Барак. Нам может понадобится ваша помощь. А Саймона я пошлю с запиской к Гаю, попрошу его безотлагательно явиться в Ньюгейт.

Я решительно двинулся к дверям. Час назад я валился с ног от усталости, но теперь ощутил неожиданный прилив сил. Несомненно, моя готовность мчаться на помощь Элизабет поразила даже Джозефа. Но я чувствовал: если несчастная девушка, ради которой я ввязался в столь опасное дело, умрет прежде, чем истечет отпущенное нам время, я не вынесу подобной насмешки судьбы.

В призрачном свете луны очертания тюрьмы казались особенно мрачными и зловещими. Контуры высоких башен четко вырисовывались на фоне звездного неба. Главный смотритель, которого мы подняли с постели, не скрывал своего раздражения до тех пор, пока я не сунул ему в руку шиллинг. Тут он сразу сменил гнев на милость и позвал надзирателя. У надзирателя, толстого неповоротливого детины, глаза полезли на лоб от испуга, когда начальник приказал ему отвести нас в Яму. Поспешно отперев дверь, он отошел как можно дальше и остановился у стены.

Едва войдя в жаркую и душную камеру, мы зажали носы, спасаясь от невыносимого запаха мочи и гниющей пищи. Вонь была так сильна, что от нее щипало глаза и к горлу подступала тошнота. Элизабет неподвижно лежала на соломе, раскинув руки и ноги. Даже теперь, когда она была без сознания, лицо ее искажала гримаса отчаяния, глаза тревожно поблескивали под полуприкрытыми веками. Как видно, в лихорадочном забытии бедняжку мучили кошмары. Щеки ее пылали, и даже бритый затылок порозовел. Джозеф прав: у Элизабет был сильнейший жар. Я сделал своим спутникам знак выйти в коридор и подошел к ожидавшему нас надзирателю.

– Послушайте, приятель, – сказал я, – я знаю, наверху у вас есть приличные камеры.

– Да, только стоят они недешево.

– Мы заплатим, – заверил я. – Проводите меня к главному смотрителю.

Тюремщик вновь запер дверь. Вслед за ним я прошел в спальню смотрителя, прекрасно обставленную комнату с пуховой постелью и драпировками на стенах. Смотритель, сидевший за столом, встретил нас обеспокоенным взглядом.

– Она уже умерла, Уильям? – осведомился он.

– Пока нет, сэр.

– Ее необходимо забрать из этой вонючей Ямы и перенести в хорошую комнату, – заявил я. – Я заплачу, сколько потребуется.

– Это невозможно, – покачал головой смотритель. – Если мы вынесем ее из камеры, это приведет к распространению заразы по всей тюрьме. К тому же преступница должна оставаться в Яме согласно приказу судьи.

– Ответ перед судьей буду держать я. Что касается заразы, то я знаю чрезвычайно сведущего аптекаря, который поможет больной. Этот человек примет все меры предосторожности и не допустит распространения лихорадки.

Тюремщик по-прежнему колебался.

– А кто перенесет ее наверх? Никто из моих людей не станет к ней приближаться. – Мы сами это сделаем, – ответил я после минутного раздумья. – Наверняка у вас в тюрьме есть черная лестница, которой мы можем воспользоваться.

– Хорошая камера будет стоить вам два шиллинга в сутки, – поджав губы, сообщил смотритель. – Я сам покажу вам, куда ее перенести.

Судя по огонькам, вспыхнувшим в его маленьких хитрых глазках, жадность пересилила страх перед опасной болезнью.

– Хорошо, – проронил я, хотя цена была грабительски высокой. Однако в создавшемся положении торговаться не приходилось. Я достал кошелек и протянул тюремщику золотую монету.

– Это плата за пять суток, – сказал я. – Ровно столько осталось до того дня, когда девушка должна вновь предстать перед судом.

Деньги оказались наиболее веским аргументом: смотритель довольно кивнул и спрятал монету в карман.

Подъем по узкой тюремной лестнице обернулся настоящим кошмаром. Нам пришлось преодолеть четыре этажа, дабы из Ямы перебраться в комнату, расположенную высоко в башне. Впереди со свечой в руке шествовал смотритель, следом Барак и Джозеф несли бесчувственную Элизабет, причем тело несчастной девушки едва не касалось каменных ступеней. Я шел за ними, наблюдая за причудливыми тенями, которые бросали на стены две бритые головы – Барака и Элизабет. От горячего,

давно не мытого тела больной исходил тяжелый запах. Карабкаясь по крутым ступенькам, я чувствовал, что силы вновь оставляют меня. О том, чтобы идти этой ночью к колодцу, не могло быть и речи.

Наконец мы оказались в просторной комнате с большим окном, забранным решетками, но тем не менее распахнутым. В комнате стояла хорошая кровать с одеялом, на столе был приготовлен кувшин с водой. Одним словом, то было вполне подходящее помещение для состоятельного узника. Барак и Джозеф уложили Элизабет в постель. Она, казалось, не замечала ничего, что с ней происходит. Глаза ее по-прежнему были закрыты, с губ постоянно срывался едва слышный стон. Потом она тихонько пробормотала: «Сара, о Сара».

– Это та сумасшедшая бродяжка, которую увезли в Бедлам, – прошептал Джозеф.

– Возможно, если Элизабет поправится, она наконец нарушит свой обет молчания и расскажет нам, почему встреча с этой девочкой так ее расстроила, – предположил я. – А также поведаст тайну, которую до сих пор предпочитала держать при себе. Надо признать, ее скрытность повлекла за собой уйму неприятных последствий, – добавил я с внезапной горечью.

Джозеф внимательно посмотрел на меня и тихо произнес:

– Иногда я тоже сердился на нее.

– Скоро здесь будет аптекарь, о котором я вам говорил, – сказал я, никак не отреагировав на его слова.

– Вы так щедры, сэр, – вздохнул Джозеф. – Сколько я вам должен?

– Не надо об этом, Джозеф, – оборвал я его, вскинув руку, – мы поговорим об этом после. Барак, вы наверняка валитесь с ног от усталости. Думаю, вам лучше пойти домой.

– Нет, я останусь, с вашего позволения, – возразил Джек. – Хочу узнать, сумеет ли ваш старый мавр ей помочь.

Странно и даже трогательно было видеть, что Барак так близко к сердцу принимает судьбу несчастной Элизабет. И все же мне не хотелось, чтобы он присутствовал при моей встрече с Гаем: банка с греческим огнем была спрятана в кармане моей мантии. – Нет, идите домой, – решил я настоять на своем. – Я вовсе не хочу, чтобы вы заболели тюремной лихорадкой. Нам предстоит еще много дел.

Барак кивнул и неохотно вышел из комнаты. В ожидании Гая мы с Джозефом хранили молчание, прислушиваясь к прерывистому дыханию больной.

Гай прибыл час спустя. Надзиратель лично проводил его наверх.

Смуглое лицо нового посетителя так поразило его, что он еще долго таращился бы на старого аптекаря, не попроси я его оставить нас. Джозеф, которому я представил своего друга, был изумлен не меньше, чем надзиратель. Впрочем, Гай, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания.

– Так значит, вот она, бедная девушка, чья горькая участь так тревожила вас, – произнес он, обращаясь ко мне.

– Да, – кивнул я и рассказал ему все, что мне было известно о болезни Элизабет.

Он задумчиво поглядел на лежавшую в забытьи девушку.

– Не думаю, что это тюремная лихорадка, – сказал он наконец. – При тюремной лихорадке жар обычно бывает еще сильнее. Пока я не могу определить, что это за недуг. Неплохо бы взглянуть на ее мочу. Где ее ночной горшок?

– В Яме, где она находилась до недавнего времени, узники мочатся прямо на солому.

Гай покачал головой.

– Попробую дать ей снадобье, которое ослабляет жар. Но прежде всего необходимо снять с больной это грязное платье и обтереть ее тело водой.

– Сэр, но я не могу смотреть на обнаженное тело молодой девушки. Это против всех приличий и... – вспыхнув, пробормотал Джозеф.

– Я вымою ее сам, если желаете, – с невозмутимым видом перебил его Гай. – По роду моей деятельности мне часто доводилось видеть обнаженные тела. Не могли бы вы завтра купить ей смену белья и принести сюда?

– Да, да, конечно, я куплю все необходимое. Тут Элизабет пошевелилась и тихонько застонала, а потом вновь затихла.

Гай опять покачал головой.

– Бедная девушка одержима отчаянием и гневом, – произнес он. – Они терзают ее даже теперь, когда сознание ее помрачилось.

– Скажите, есть надежда? – дрожащим голосом спросил Джозеф.

– Не знаю, – откровенно признался Гай. – Но чутье подсказывает мне, это один из тех случаев, когда исход зависит от желания больного выжить.

– Тогда она наверняка умрет, – проронил Джозеф.

– Это известно одному лишь Богу, – с мягкой улыбкой возразил Гай. – А теперь оставьте меня, я должен ее вымыть.

Мы с Джозефом ждали в коридоре, пока Гай занимался больной.

– Иногда я сердился на нее, – повторил Джозеф фразу, которую я уже слышал недавно. – Но я люблю ее всем сердцем. Несмотря на все беды,

которые она на меня навлекла, я все равно люблю ее.

– Я знаю, что у вас чистая и любящая душа, Джозеф, – сказал я, коснувшись его плеча.

Наконец Гай позволил нам вернуться в комнату. Элизабет лежала под одеялом, лицо ее, впервые с тех пор, как я ее увидел, было чистым. В тазике с водой плавал потемневший от грязи кусок ткани. В лампу Гай добавил какого-то масла, распространившего приятный аромат.

– Какая она хорошенькая, – заметил я, вглядываясь в горящее лихорадочным румянцем лицо Элизабет. – Как жаль, что бедняжку довели до подобного состояния. – Будь несчастная девушка страшна как смертный грех, ее все равно было бы жаль, – усмехнулся Гай.

– А что это за аромат? – спросил Джозеф.

– Выжимка лимона, – пояснил Гай. – Когда человеческая душа томится и страдает, смрад, грязь и духота способствуют тому, что она еще глубже погружается во тьму. И напротив, мягкий свет, свежий воздух и приятные запахи вселяют в душу бодрость даже тогда, когда больной лежит без сознания. По крайней мере, я придерживаюсь подобного убеждения, – пожав плечами, добавил Гай.

Он перевел испытующий взгляд с меня на Джозефа.

– Вид у вас обоих измученный. Думаю, вам необходимо поспать. А я, с вашего позволения, останусь с ней до утра.

– Я не осмеливался просить вас об этом, – начал Джозеф. – Поверьте, я очень вам благодарен и...

– Такова моя работа, – с улыбкой перебил его Гай. – И я буду рад позаботиться о несчастной девушке.

– Вы идите, Джозеф, а я немного задержусь, – сказал я. – Мне надо кое-что обсудить с Гаем.

Джозеф, еще раз поблагодарив нас обоих, вышел. Шаги его гулко раздались по каменным ступеням.

– Я вам очень признателен, Гай, – сказал я, оставшись наедине со своим другом.

– Не стоит благодарностей. Скажу вам откровенно, болезнь девушки весьма меня заинтересовала. Я впервые сталкиваюсь с подобным недугом.

– У меня есть для вас кое-что не менее интересное, – сказал я, сунул руку в карман и извлек оловянную банку. – Я полагаю, здесь содержится тот самый греческий огонь, о котором мы столько говорили. Ни одна живая душа не знает, что мне удалось его найти.

Я открыл банку и поставил ее на стол, предварительно опустив на пол масляную лампу.

– Не подносите близко свечу, Гай. Я боюсь, жидкость вспыхнет.

Гай рассмотрел жидкость, насколько это позволяло слабое освещение, растер каплю между пальцами и понюхал их с выражением величайшего отвращения.

– Так вот он, греческий огонь, – произнес он. Никогда прежде я не видел, чтобы лицо моего друга было столь суровым и непроницаемым.

– Да, – кивнул я. – Раньше я не мог понять, почему в некоторых книгах этот огонь называли темным. Теперь я вижу, что древние авторы имели в виду не пламя, а жидкость, которая его порождает.

– Полагаю, те, кто называл этот огонь темным, хотели сказать, что он приносит в этот мир тьму.

– Возможно, вы правы. Не случайно в старинных книгах он называется также слезой дьявола.

Я рассказал Гаю о том, как отыскал сосуд с жидкостью в могиле наемного солдата, и о том, как моя находка едва не попала в руки Рича.

– Я хотел, чтобы вы взяли это с собой, – завершил я свой рассказ. – Вы по-прежнему согласны исследовать жидкость?

– Да, но лишь на тех условиях, о которых мы с вами уже говорили. Я намерен способствовать тому, чтобы у Кромвеля оказалось новое грозное оружие.

– Я помню об этом. Пусть будет по-вашему.

– Мэтью, боюсь, вы навлечете на себя серьезные неприятности. Не дай бог, Кромвель узнает, что вы нашли греческий огонь и вместо того, чтобы немедленно доставить ему, отдали мне, – заметил Гай. – Вы сами понимаете, что ждет вас в таком случае.

– Значит, нам надо сделать так, чтобы Кромвель об этом не узнал, – пожал я плечами. – Знаете, Гай, у меня из ума не идет наш с вами последний разговор, – добавил я после недолгого колебания. – Бесспорно, Кромвель сотворил много зла. Но, по крайней мере, он стремится создать истинно христианское государство. В то время как Норфолк и его приспешники, дай им только волю, вернут Англию во тьму самых диких предрассудков.

– Истинно христианское государство? Вы полагаете, подобное возможно в нашем погрязшем во грехах мире? История последних десятилетий доказывает, Мэтью, что вы обольщаетесь несбыточными мечтами. Именно поэтому многие люди подобно мне пытались укрыться от мирской пагубы за стенами монастыря. Увы, сейчас мы лишились этого прибежища.

– Да, я знаю, старая Церковь учит, что наш греховный мир неотвратимо

катится к своему концу и людские деяния, пусть самые благие, не способны ничего изменить. Подобное утверждение служило отличным оправданием для многих жестокостей.

– Для того чтобы построить истинно христианское государство, где благоденствие станет уделом каждого, вам тоже придется пойти на суровые меры. Есть один лишь путь покончить с нищетой – заставить богатых поделиться с бедными.

– Иногда мне кажется, что это самый справедливый путь.

– Сейчас вы говорите, как анабаптист.

– Нет, всего лишь как старый крючоктвор, у которого голова идет кругом, – усмехнулся я.

– Но вы знаете не хуже меня, что главная цель Кромвеля – отнюдь не уничтожение несправедливости, которой пронизана вся жизнь человеческого общества, – произнес Гай, вперив в меня пристальный взгляд. – Укрепление протестантской веры – вот что действительно важно для этого человека. Во имя этого он готов на любые жертвы. И, получив греческий огонь, он не замедлит обрушить его на головы тех, кого считает своими противниками.

– Вынужден согласиться с вами, Гай, – печально кивнул я. – Скорее всего, греческий огонь в руках Кромвеля станет источником новых жертв. Как, впрочем, и в руках любого другого государственного деятеля.

В суровом взгляде Гая неожиданно мелькнула радость.

– Слава богу, вы это понимаете.

Он осторожно опустил маленький оловянный сосуд в карман.

– Я сообщу вам, как только получу какие-нибудь результаты.

– Благодарю вас, Гай. Буду рад, если вы сможете сообщить мне о результатах исследования уже завтра. Осталось всего пять дней до того, как греческий огонь необходимо продемонстрировать перед королем. В тот же день Элизабет должна будет вновь предстать перед судом, – добавил я со вздохом.

Стоило произнести ее имя, как Элизабет застонала и пошевелилась под одеялом. Мы одновременно повернулись к ней.

– Сара, – пробормотала она, – это все тот злобный мальчишка. Он, все он...

Внезапно глаза ее широко раскрылись, и она устремила на нас непонимающий взгляд. Гай поспешно наклонился к больной.

– Мистрис Уэнтворт, у вас лихорадка. Вы по-прежнему в тюрьме, но ваш дядюшка и мастер Шардлейк перенесли вас в чистую и удобную комнату. А я – Гай Малтон, аптекарь.

Я подошел к постели. Глаза Элизабет блестели от жара, но, судя по всему, сознание девушки прояснилось. Понимая, что нельзя упускать такую возможность, я медленно произнес:

– Мы по-прежнему пытаемся докопаться до истины, Элизабет. Мы хотим вас спасти. Я знаю, в колодце, что расположен в саду вашего дяди Эдвина, спрятано нечто... Элизабет в ужасе заметалась в постели.

– Смерть Господа, – прошептала она, – смерть Господа...

– О чем вы? – настаивал я, но глаза больной вновь закрылись. Я хотел потрясти ее за плечо, но Гай остановил мою руку.

– Не надо ее беспокоить.

– Да, но что она имела в виду? Смертью Господа часто клянутся, и она...

Гай печально посмотрел на меня.

– Смерть Господа – это то, что повергает человека в пучину отчаяния. В бытность мою монахом случалось, что кое-кто из братьев начинал колебаться в вере и попадал во власть отчаяния. Как правило, усомнившиеся обретали веру вновь, но до той поры... – Гай грустно покачал головой, – до той поры им казалось, что Спаситель наш мертв и у человека не осталось никакой надежды.

– Колодец, – не открывая глаз, прошептала Элизабет, – проклятый колодец...

Потом она вновь откинулась на подушки и погрузилась в забытие.

ГЛАВА 36

Вскоре я простился с Гаем и покинул тюрьму. Усталость была так велика, что путь до дома показался бесконечным. Не раз мне приходилось щипать себя за руку, чтобы не задремать и не свалиться с седла. Однако мысль о том, сумеет ли Гай определить состав греческого огня, беспрестанно ворочалась в моем сонном мозгу. Пытаясь сохранить эту тайну, кто-то уже принес в жертву несколько человеческих жизней.

Домой я прибыл в два часа ночи. Барак уже спал. Я с трудом поднялся по лестнице и, не имея сил раздеться, повалился на кровать. Заснул я в тот же миг, как голова коснулась подушки, однако навязчивый кошмар не давал мне покоя. Мне снилось, что я в суде и судья спокойным и бесстрастным голосом зачитывает приговор, осуждающий подсудимых на смерть. На скамье подсудимых сидят те, кто уже лишился жизни, – Сепултус и Майкл Гривуды, Бэтшеба Грин и ее брат, сторож и какой-то незнакомый человек в кожаном фартуке – я догадываюсь, что это убитый литейщик. Лица их исполнены печали, однако все они пока живы. Вглядываясь в этих людей, я не вижу ни ран, ни следов крови. Повинуясь внезапному порыву, я вытаскиваю из-под мантии сосуд с греческим огнем, высоко поднимаю его и с размаху швыряю об пол. Из сосуда мгновенно вырывается сноп пламени, которое поглощает всех: осужденных, зрителей, судей. Я вижу, как судья Форбайзер с исступленным воплем вздымает руки, вижу, как пламя охватывает его бороду. А я сижу посреди пожарища, неуязвимый для прожорливых огненных языков. Потом пламя, словно спохватившись, набрасывается на меня, я ощущаю на своем лице его обжигающее прикосновение и отчаянно кричу.

Проснувшись от собственного крика, я увидел, что за окном сияет утро. Горячие лучи утреннего солнца уже добрались до моей подушки. Вдали раздавался перезвон церковных колоколов, призывающих горожан к молитве. Наступило воскресенье, шестое июня.

Затекшее мое тело невыносимо ныло. Одеваясь, я мысленно дал себе клятву уехать из Лондона, как только покончу с этим расследованием. Судя по всему, клиенты более не нуждаются в моих услугах, а я скопил достаточно денег, чтобы позволить себе спокойную жизнь в деревне. Все еще находясь во власти ночного кошмара, я спустился вниз, где обнаружил Барака. Помощник мой сидел за столом и угрюмо вертел в руках какое-то письмо.

– От Кромвеля? – осведомился я.

– Да. Из Хэмптона. Граф поехал туда по делам короля. Прочтите это сами, – сказал он, протягивая мне листок, на котором Кромвель собственноручно набросал несколько строк.

«Я говорил с Ричем, – сообщалось в письме. – Вы опять пошли по ложному следу. Все махинации, которыми Рич занимается вместе с этой канальей Билкнэпом, не имеют ни малейшего отношения к греческому огню. Продолжайте ваши изыскания, ибо результат, к которому они должны привести, стоит любых усилий. Завтра я намереваюсь вернуться в Лондон и встретиться с вами в Уайтхолле».

– Он не слишком нами доволен, – изрек я, опуская письмо на стол.

– Точнее говоря, чертовски на нас зол. Хотел бы я знать, что замышляют Билкнэп и Рич.

– Это известно одному Богу. Впрочем, этой парочкой мы займемся завтра. Сегодня нам надо разобраться с Марчмаунтом.

– Да, и следует приниматься за дело без промедления. Сегодня я не стал вас будить спозаранку, потому что решил: если вы не выспитесь, то мало на что будете пригодны. Но, так или иначе, почти все утро прошло впустую. И у нас осталось всего четыре дня.

– Вы считаете, мне надо об этом напоминать? – раздраженно спросил я и тут же примирительно вскинул руку. – Впрочем, если мы будем осыпать друг друга упреками, то вряд ли добьемся толку. Я уже говорил вам об этом.

– Я ни в чем вас не упрекал, – возразил Барак, почесывая свою коротко стриженную голову. – Сердитый тон этого письма меня встревожил, только и всего.

Я торопливо позавтракал, и по залитой солнцем пыльной улице мы отправились в Линкольнс-Инн. Глядя в знойное безоблачное небо, я думал о Джозефе и его погибшем урожае. Засуха сожгла хлеба на корню, и осенью страну ожидает голод.

– Прошлой ночью Элизабет на несколько мгновений пришла в себя, – сообщил я Бараку. – Я спросил у нее, что скрывается в колодце, и в ответ она пробормотала: «Смерть Господа». По мнению Гая, это означает, что душа Элизабет погружена в безысходное отчаяние. А еще она прошептала что-то насчет той безумной девочки, Сары, и некоего злобного мальчишки. – А вы не поняли, кого она имела в виду – своего покойного кузена или пропавшего братца маленькой бродяжки?

– Понять это было невозможно, – пожал плечами я. – Но сегодня ночью мы должны во что бы то ни стало наведаться к колодцу. Откладывать этот

неприятный поход больше нет никакой возможности.

– Мне и самому хочется поскорее докопаться до правды, – кивнул Барак. – Эта бедная девушка напомнила мне о тех временах, когда я скитался по улицам. Из дома я сбежал назло матери, которая вышла замуж за лживого и бессовестного крючкотвора. Тогда мне частенько приходилось ночевать в сточных канавах. И если граф лишит меня своих милостей, там я и закончу свои дни, – добавил он с невеселым смехом.

– У нас еще осталось время, – проронил я.

Я надеялся, что Марчмаунт у себя. А еще я отчаянно надеялся, что тайны, которые столь трепетно оберегает леди Онор, не имеют ничего общего с противозаконными деяниями. Когда мы вошли во внутренний двор Линкольнс-Инна, воскресная служба в часовне только что закончилась и адвокаты толпой высыпали наружу. Среди них я увидел Марчмаунта в черной мантии, развевавшейся вокруг его дородного тела. Как видно, он направлялся в свою контору.

– Вы не против, если я пойду с вами? – осведомился Барак.

Я заколебался. Что, если Марчмаунт сообщит мне какие-либо сведения, которыми благоразумнее до поры не делиться с Баракком? Но, с другой стороны, у меня не было ни малейшего повода отсылать своего помощника прочь. Я кивнул в знак согласия, думая о Гае и о том, приступил ли он к исследованиям.

Марчмаунта мы нагнали у самых дверей конторы. Завидев нас, он не скрыл удивления.

– Брат Шардлейк, какая неожиданная встреча. – Марчмаунт улыбнулся, обнажив безупречные белые зубы. – А куда вы исчезли в пятницу? Насколько я понимаю, медвежья травля пришлась вам не по вкусу?

– Леди Онор пожелала совершить прогулку и попросила меня сопровождать ее, – холодно ответил я.

Марчмаунт перевел взгляд на Барака.

– Позвольте узнать, кто сей молодой человек?

– Служащий лорда Кромвеля. Он помогает мне проводить дознание, связанное с греческим огнем.

Барак поднял шляпу и слегка поклонился. У Марчмаунта глаза на лоб полезли при виде почти лысой головы моего помощника. В следующее мгновение недоуменное выражение сменилось гримасой досады.

– Я уже рассказал вам все, что знал. Доколе же вы собираетесь...

– Доколе найду нужным, барристер, – отрезал я. Опыт убедил меня в том, что бесцеремонность – наиболее плодотворный способ общения с некоторыми представителями рода человеческого.

– Вы позволите нам войти?

Марчмаунт недовольно поджал губы, однако распахнул дверь, пропуская нас в контору. Войдя в комнату, он уселся в роскошное кресло, напомилавшее трон, и вперил в нас надменный взгляд.

– Если помните, барристер, мы с вами имели непродолжительный разговор в лодке, по пути в Саутуорк, – напомнил я, ответив не менее надменным взглядом. – Речь шла о том, что его сиятельство герцог Норфолкский желает при вашем посредничестве добиться кое-чего от леди Онор. Вы подтвердили, что предмет его вожделений – часть родовых поместий Вогенов. В обмен на эти земли его сиятельство обещает оказывать всяческую поддержку юному Генри Вогену и способствовать его продвижению при дворе.

Марчмаунт не проронил ни слова, и я понял, что двигаюсь в верном направлении. – Однако же, не скрою, заверения ваши показались мне не слишком убедительными, – продолжал я. – Совершая прогулку в обществе леди Онор, я вновь вернулся к этому вопросу и...

– Сэр, вы не имели никакого права допрашивать столь знатную даму. Джентльмен никогда не позволит себе...

– Леди Онор сообщила мне, что первоначально герцог действительно желал получить лишь родовые земли, но потом притязания его переросли в нечто большее, – продолжал я, пропустив его слова мимо ушей. – Она отказалась говорить о том, в чем именно состояли притязания герцога. Но мне необходимо это узнать.

– И вы решили вытянуть это из меня, а если не получится, отправить леди Онор на допрос к Кромвелю? – злобно прошипел Марчмаунт.

– Соображения, которыми я руководствуюсь, вас не касаются, – отрезал я. – В ваших интересах открыть мне правду, Марчмаунт. И более не пытайтесь ввести меня в заблуждение.

– Притязания герцога не имеют никакого отношения к греческому огню, – изрек Марчмаунт, выпрямившись в кресле.

– Тогда почему вы так упорствуете?

– Потому что это слишком деликатная сфера, – пробормотал он, залившись краской. – Вам прекрасно известно, что я питал к леди Онор... скажем так, нежные чувства.

Марчмаунт глубоко вздохнул.

– Известно вам также и то, что чувства мои остались безответными. Разумеется, я никогда не позволю себе домогаться расположения леди, которая мне отказала.

Он повертел на пальце кольцо с изумрудом и взглянул мне прямо в

глаза.

– Однако герцог придерживается иных правил.

– Герцог?

– Да, именно герцог, – нахмурившись, бросил Марчмаунт. – За содействие, которое он может оказать мальчишке, герцог намерен получить достойную награду. Одних родовых земель ему мало. Он желает, чтобы леди Онор стала его любовницей.

– Но, господи боже, ему же за шестьдесят.

– У некоторых мужчин кровь играет до глубокой старости, – пожал плечами Марчмаунт. – Герцог из их числа, хотя, взглянув на него, никто бы этого не подумал. Впрочем, он не пытался откровенно домогаться леди Онор, – сообщил он с горькой усмешкой, – для этого он слишком горд. Он сделал меня своим посредником в этом щекотливом деле.

– Бедная леди Онор. Марчмаунт смущенно развел руками.

– Это поручение было мне не по душе, брат Шардлейк, – пробормотал он. – Но, сами понимаете, я не мог противиться желанию герцога Норфолкского. Он заявил, что Генри Воген – жалкий глупый мальчишка. Откровенно говоря, это вполне соответствует истине. Герцог сказал, что потребуется приложить немало усилий, дабы этот щенок занял достойное место при дворе. И плата за эти усилия должна быть щедрой. Герцог известен своей грубостью с женщинами, и леди Онор ответила на его притязания отказом. Но отказ лишь сильнее разжег его вождление.

Марчмаунт вновь неловко заерзал на кресле.

– Герцог приказал мне внушить леди Онор, что ей следует быть уступчивее. А как я уже сказал вам, противиться желаниям герцога невозможно.

– А какую награду Норфолк обещал вам, барристер? Может быть, оказать содействие в получении рыцарского звания?

– А что постыдного в том, что я хочу возвысить свой род? – поджав губы, спросил Марчмаунт. – По-моему, к этому должен стремиться каждый. – Тридцать сребреников – вот достойная награда за то, что вы сделали, – презрительно изрек я.

Барак хрипло расхохотался, и Марчмаунт метнул в него злобный взгляд. Потом он, побагровев от негодования, прожег глазами меня.

– Как вы смеете говорить со мной подобным образом! – возопил он. – Не вам меня осуждать, Шардлейк! Думаете, я не заметил, как вы обхаживали леди Онор?

– Осторожнее, барристер, вы заходите слишком далеко, – предупредил я. – Надеюсь, вы наконец рассказали все без утайки, и эта история

действительно не имеет отношения к греческому огню. Вот и все, что мне хотелось узнать, Марчмаунт.

– Я уже говорил вам, что про этот чертов огонь я ничего не знаю и знать не желаю, – прошипел Марчмаунт.

Однако в темных его глазах метался страх. Несомненно, он что-то скрывал и боялся, что мне известна его тайна.

– Вы совершенно уверены, что больше вам нечего рассказать?

– Совершенно, – ответил Марчмаунт после минутного колебания.

Он провел рукой по своим рыжим волосам и вновь начал бурно возмущаться.

– Вы до смерти надоели мне со своими расспросами, Шардлейк. Ни один истинный джентльмен...

– Идемте, Барак, – сказал я, не дослушав. – Я думаю, мне стоит извиниться перед леди Онор.

Барак последовал за мной, на прощание отвесив Марчмаунту преувеличенно почтительный поклон. Во взгляде барристера вспыхнула ярость.

– Вы унизили меня, Шардлейк, в присутствии этого невежи, – процедил он. – За это вам придется ответить.

Выйдя во внутренний двор, я повернулся к Бараку.

– Бьюсь об заклад, Марчмаунт что-то от нас утаил. Но что именно? Мне надо срочно поговорить с леди Онор.

– Не думаю, что прекрасная леди обрадуется, узнав, что вы вытянули из Марчмаунта эту неприглядную историю. Да и ваши расспросы ей наверняка осточертели.

– Она знает, что по роду своей деятельности я вынужден быть назойливым и докучливым. И относится к этому с пониманием. Я отправлюсь к ней прямо сейчас.

– А я думаю, сегодня нам лучше заняться кое-чем другим. Но вам виднее...

– О чем вы?

– Раз вы решили, что этот пройдоха что-то скрывает, нам надо выяснить, что именно. А вы из тех, кто вечно гонится за двумя зайцами, – заявил Барак с внезапной досадой.

– Не вам меня учить. – Я смерил его сердитым взглядом. – Если я понимаю, что по доброй воле человек больше ничего не расскажет, я не трачу времени на бесплодные препирательства. Я пытаюсь добыть факты и свидетельства, посредством которых можно припереть его к стенке и заставить говорить. Именно за такими фактами я отправляюсь сейчас к

леди Онор.

Барак что-то недовольно пробурчал себе под нос.

– Сделайте милость, поделитесь со мной своими глубокомысленными соображениями, – раздраженно возвысил я голос. – Я вытянул из Марчмаунта все, что мог. Как, по-вашему, мне заставить его выложить то, что он твердо намерен утаить? Каким образом?

– Вы могли пригрозить ему, что сообщите графу. Именно так вы поступили с Билкнэпом.

– Да, и вы помните, к чему привели мои угрозы. Нет уж, пусть лучше думает, что обвел нас вокруг пальца. А я поговорю с леди Онор, а потом снова возьмусь за него. Если, конечно, у вас нет какой-нибудь другой идеи.

– Где уж мне, – пожал плечами Барак.

– Заглянем в мою контору. Вижу, там горит свет.

Поднявшись к себе, я обнаружил, что Скелли скрипит пером при свете свечи, совершенно ненужной в разгар дня.

– Опять работаете в воскресенье, Джон? – спросил я, пытаюсь скрыть досаду.

– Я кое-что не успел, сэр, – пробормотал он, смущенно потупившись.

Я счел за благо не глядеть на его каракули, понимая, что это рассердит меня еще больше.

– Мастер Уилрайт у себя? – спросил я, указывая на дверь Годфри.

– Да, сэр.

Годфри сидел за столом, погружившись в чтение документов.

– Грех работать в день, предназначенный Господом для отдохновения, – заметил я.

Годфри поднял на меня серьезный взгляд.

– Надеюсь, Господь простит мне этот грех. Я должен привести все дела в порядок. Ведь если я не принесу герцогу публичных извинений, меня лишат права заниматься адвокатской практикой.

По губам его скользнула грустная улыбка.

– Что ж, по крайней мере, подобный скандал не пройдет незамеченным, – вздохнул он. – Возможно, он заставит наших собратьев по сословию задуматься, кому они служат – Богу и справедливости или прихотям герцога Норфолкского.

– Боюсь, многие из них сочтут, что вы пострадали из-за собственного упрямства, Годфри. Они скажут, что Бог и справедливость здесь совершенно ни при чем.

– Что ж, в таком случае они окажутся во власти самообмана.

– А что вы намерены делать, если вас лишат адвокатской практики?

– Стану бродячим проповедником, – пожал плечами Годфри. – Думаю, именно к этому благу поприщу предназначил меня Господь.

– Возможно, очень скоро для всех нас настанут тяжелые времена, – заметил я.

«Если Кромвель утратит свое высокое положение, – добавил я про себя. – Если я не выполню возложенного на меня поручения и Кромвель не получит греческий огонь».

При мысли об обязательствах, опутавших меня со всех сторон подобно паутине, я ощутил головокружение и судорожно вцепился в спинку стула.

– Вы хорошо себя чувствуете, Мэтью? – спросил Годфри, заметив, как я побледнел.

– Не хуже, чем всегда. Просто в последнее время мне приходится слишком много работать.

– По крайней мере, документы относительно всех дел, которые вы мне передали, в полном порядке, – сообщил Годфри.

– Рад это слышать, – кивнул я, решив в последний раз обратиться к Годфри голосом благоразумия. – Годфри, разве вам не жаль расставаться с работой, которой вы занимались много лет? Разве вы вправе пренебрегать своими знаниями и способностями?

«А разве не об этом сам я мечтал не далее как сегодня утром?» – пронеслось у меня в голове, пока я произносил эти слова.

– Иногда Господь требует, чтобы мы оставили все и начали жизнь заново, – возразил Годфри.

– И зачастую это оборачивается тяжкими испытаниями, – сказал я, поняв, что переубедить Годфри невозможно.

– Скорее всего, в ближайшие несколько дней я не смогу заглянуть в Линкольнс-Инн, – добавил я и вышел из комнаты.

В конторе Барак и Скелли что-то увлеченно обсуждали приглушенными голосами.

«Наверняка перебивают мне кости», – недовольно подумал я.

– Я отправляюсь к леди Онор.

– Я с вами, – вставая, заявил Барак. – А потом загляну на Олд-Бардж.

В молчании мы шли по Канцлер-лейн. Мысленно я клял Барака на чем свет стоит, ибо визит к леди Онор предпочел бы совершить в одиночестве. Более того, после я рассчитывал заглянуть к Гаю. Но Барак, похоже, прилип ко мне намертво.

ГЛАВА 37

Заглянув домой, мы оседлали лошадей и отправились в Сити. Барак по-прежнему пребывал в мрачном настроении и лишь изредка достаивал меня словом. Проезжая через Лудгейт, я заметил на стене светлую полосу – древние камни здесь заменили на новые.

– Здесь были обнаружены камни от стен древней синагоги, – сказал я, чтобы прервать молчание, которое начинало меня тяготить.

– Уверен, сторож, услышав про синагогу, отпустил несколько крепких словечек по поводу гнусных евреев, распявших Христа, – угрюмо пробормотал Барак.

– Этого я не помню, – возразил я, хотя догадка Барака была совершенно справедлива.

Мы миновали собор Святого Павла, высокий шпиль которого отбрасывал на землю широкую полосу благодатной тени. Когда мы вновь оказались на палящем солнце, Барак подъехал ко мне вплотную.

– Оглядитесь по сторонам, – прошептал он. – Только не останавливайте лошадь. Посмотрите на книжные прилавки около Сент-Пол-кросс.

Обернувшись, я увидел Токи. Его бледное, изрытое оспой лицо я узнал бы из тысячи. Облокотившись на перила, он внимательно рассматривал спешивших мимо прохожих.

– А я-то думал, он исчез навсегда, – сказал я со вздохом. – Может, стоит попытаться схватить мерзавца? Или позвать констебля?

– Если Токи здесь, значит, Райт где-то поблизости, – шепотом ответил Барак. – И наверняка оба они вооружены. Честно говоря, мне вовсе не хочется вступить с ними в схватку. И не думаю, что от старины констебля будет много проку.

– Эти двое слишком много знают. Если бы нам удалось их схватить, мы вытрясли бы из них ответы на многие вопросы.

– Именно поэтому люди лорда Кромвеля рыскают по всему городу в поисках этой славной парочки. Токи занял хорошее место для наблюдения: отсюда видно, кто входит и кто выходит из Сити. Любопытно, кого он высматривает?

– Скорее всего, нас.

– Что ж, тогда ему не повезло. Я знаю, кто из людей графа ищет Токи и его приятеля. И я немедленно пошлю им весточку.

Барак покачал головой и добавил не без уважения:

– Редко случается встретить парочку таких ловких шельмецов. В городе они чувствуют себя, как рыбы в воде.

– Да, эти твари плавают в гниющих водах, скрываются во тьме, где таится порок...

– Вы говорите в точности как ваш приятель-евангелист Годфри, – перебил меня Барак и устремился прямо в толпу, заполнившую Чипсайд. Я последовал за ним, настороженно оглядываясь по сторонам даже тогда, когда Токи остался далеко позади.

Мы расстались у Уолбрука. Бараку надо было срочно послать письмо Кромвелю. Впрочем, к великой моей досаде, он обещал через час заехать за мной в особняк леди Онор. «Если Токи в городе, нам не следует разлучаться», – заявил он. Возразить мне было нечего, хотя в обществе Барака я никак не мог заехать к Гаю. Вскоре Джек скрылся из виду, а я поскакал по Бишоп-стрит.

Приблизившись к Стеклянному дому, я увидел двух слуг, протиравших уксусом окна. Узнав от них, что леди Онор дома, я передал Предка конюшему и вошел во внутренний двор. Здесь другой слуга поливал растения, зеленевшие в горшках, расставленных вдоль стен. Леди Онор, сидя на скамье, наблюдала за ним. На ней было голубое платье, а белокурые локоны, сегодня не скрытые головным убором, перевивала голубая лента. Увидев меня, она приветливо улыбнулась.

– Добрый день, Мэтью. Не ожидала увидеть вас сегодня.

– Вынужден извиниться за то, что явился незванным, – с поклоном ответил я. – Но...

– У вас возникла необходимость вновь задать мне какие-то вопросы?

– Признаюсь, вы угадали.

– Ну что же, садитесь рядом, – со вздохом предложила леди Онор.

– Эдвард, пока достаточно, – обратилась она к слуге. – Еще раз польете вечером.

Слуга поклонился и оставил нас. Леди Онор окинула двор задумчивым взглядом.

– Боюсь, мои зеленые питомцы не вынесут этой кошмарной жары, – произнесла она. – Видите ли, я пытаюсь выращивать гранаты, но слуги мои совершенно не умеют ухаживать за столь нежными деревцами. Они поливают их не тогда, когда нужно, льют слишком много воды или, наоборот, слишком мало.

– Подобное пекло губительно для всех растений, – заметил я. – Можно не сомневаться, урожай в этом году будет весьма скудным. – Скорее всего, – равнодушно проронила леди Онор. – Но, полагаю, вы явились сюда

не для того, чтобы говорить об урожае.

– Вы правы. Леди Омор, я должен кое в чем вам признаться, – пробормотал я, проклиная внезапно напавшую на меня застенчивость. В конце концов, мне не за что было извиняться, я докучал ей расспросами по обязанности, а не ради собственного удовольствия.

– Мне известно о том, что герцог Норфолкский преследовал вас своими домогательствами, – выпалил я одним духом. – Во время нашего разговора у реки вы о многом умолчали. Вы понимаете, что я должен был докопаться до истины. Мне пришлось поговорить с Марчмаунтом.

Я ожидал вспышки гнева, но леди Омор всего лишь отвернулась и на мгновение устремила взгляд в пустоту. Когда она вновь посмотрела на меня, на губах ее играла усталая улыбка.

– Когда мы с вами беседовали, гуляя вдоль реки, я более всего опасалась, что вы не удовлетворитесь моими признаниями и сообщите Кромвелю о том, что я продолжаю упорствовать в своей скрытности. Скажите, вы обратились к Марчмаунту, пытаясь оградить меня от неприятностей, связанных с допросом у графа?

– Не стану отрицать, это так.

– Вы очень добры ко мне, Мэтью. Я не заслуживаю подобного отношения. Знаете, мне казалось, если открою правду об оскорбительных домогательствах герцога не в дружеской беседе, а на допросе, под грубым принуждением Кромвеля, честь моя пострадает меньше. Разумеется, все это глупости.

– Мне очень жаль, леди Омор, что служебные обязанности вынудили меня проникнуть в чужую тайну.

– Что ж, по крайней мере, вы не станете распускать обо мне сплетен, – сказала она, глядя мне прямо в лицо. – Хотя на вашем месте мало кто счел бы нужным держать язык за зубами. Сплетни – лакомое блюдо, не так ли?

– Вы знаете, как я отношусь к вам, леди Омор. И знаете, что я никогда не позволю себе порочить ваше имя.

На мгновение она накрыла мою руку своей, а когда убрала ее, у меня возникло странное ощущение. Мне казалось, нежная ее ладонь по-прежнему касается моей кожи.

– Вы истинный джентльмен, Мэтью, – изрекла леди Омор с улыбкой. – Кстати, я отправила Генри назад в деревню. Этому юноше никогда не добиться успеха при дворе. И теперь я могу со спокойной совестью отвергнуть все оскорбительные предложения старого развратника.

– Я не думал, что вы питаете к герцогу столь глубокую неприязнь.

– Я полагаю, он не имеет права на то высокое положение, которое

занимает, – изрекла леди Онор. – Норфолк – один из первых людей в королевстве, меж тем род его отнюдь не отличается древней и славной историей. В отличие от рода Вогенов, – добавила она с гордостью.

– Леди Онор, я должен вновь задать вам вопрос, – выпалил я, набрав в грудь побольше воздуха. – Клянусь, это в последний раз. Скажите, возможно, существуют еще какие-нибудь обстоятельства, о которых вы умолчали? Обстоятельства, которые могут иметь любое, пусть даже самое отдаленное отношение к убийству братьев Гривстудов.

Во взгляде леди Онор мелькнуло откровенное недоумение.

– Мэтью, я уже дала клятву на Библии. Если вы помните, я поклялась, что притязания герцога не имели отношения к греческому огню. И это чистая правда. В моем присутствии герцог никогда не упоминал о нем. А Марчмаунт сделал это один только раз, когда предупредил меня, чтобы я была с вами осторожна. Как я уже сказала, я горько сожалею о том, что уступила искушению и заглянула в документы, которые не были предназначены для моих глаз.

– Сегодня утром Марчмаунт тоже заверил меня, что герцог добивался от вас вовсе не рассказа о греческом огне. И все же мне показалось, барристер по-прежнему что-то скрывает, – сказал я, неотрывно глядя в глаза леди Онор.

– Возможно, ваша догадка справедлива, – улыбнулась она, – но я отнюдь не являюсь поверенной всех тайн Уильяма Марчмаунта. Вы хотите, чтобы я вновь поклялась на Библии?

– Нет, – покачал я головой, – в этом нет необходимости. Простите мою назойливость.

Леди Онор снисходительно кивнула.

– Клянусь Пресвятой Девой, Мэтью, вы самый любезный инквизитор на свете, – усмехнулась она.

– Марчмаунт вряд ли согласился бы с вами.

– А, этот раздутый от важности индюк... – Она вновь окинула взглядом свои поникшие растения. – Несмотря на внешний лоск, в душе он остается самым заурядным мошенником, готовым на все ради достижения своей цели.

Леди Онор слегка вздрогнула.

– Я уже говорила вам, что нередко мечтаю вернуться в деревню, в свои линкольнширские поместья. Я сыта по горло Лондоном, барристером Марчмаунтом, герцогом Норфолкским и всеми другими жителями этого славного города. Почти всеми, – добавила она с лукавой улыбкой.

– Если вы осуществите свое намерение, мне будет вас очень не

хватать, – заверил я. – Хотя я и сам подумываю о том, чтобы купить домик в деревне.

– Мне казалось, вы из тех, на кого деревенская жизнь нагоняет скуку, – удивилась леди Омор.

– Напротив. Я родился в Личфилде, у моего отца там ферма на собственной земле. Сейчас он уже стар, да и его управляющий тоже. Справляться с делами на ферме им становится все труднее. Впрочем, тут я вряд ли могу помочь, – добавил я с грустной улыбкой. – Я никогда не чувствовал призвания к поприщу фермера.

– Но, разумеется, сейчас, когда ваш отец вступил в преклонную пору жизни, он будет рад видеть рядом с собой сына?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Мне всегда казалось, что отец меня стыдится. Впрочем, когда я приезжаю в деревню, он встречает меня с распростертыми объятиями. К стыду своему, я навещаю его не часто.

– Если я не ошибаюсь, на этой неделе племянница Уэнтворта должна предстать перед судом? – неожиданно сменила тему разговора леди Омор.

– Да, десятого июня, в четверг. Несчастливая девушка опасно больна и, возможно, не доживет до этого дня.

– Бедный Мэтью. Вы принимаете чужие горести слишком близко к сердцу.

Рука леди Омор вновь коснулась моей и на этот раз задержалась дольше. Головы наши тоже едва не соприкасались. Неожиданно звук шагов, гулко отдающийся в мощенном булыжником дворе, заставил леди Омор вздрогнуть. Повернувшись, я увидел Барака, стоявшего рядом с дворецким. Лицо дворецкого сохраняло непроницаемое выражение, однако Барак, державший в руке шляпу, расплылся в нахальной ухмылке.

– Кажется, я явился в неподходящее время? – осведомился он.

Леди Омор поднялась, лицо ее искажилось от негодования.

– Мэтью, вы знакомы с этим господином?

– Да, – закивал я, торопливо вскакивая. – Это Джек Барак, мой помощник. Он работает на лорда Кромвеля. – Графу следовало бы научить его хорошим манерам, – презрительно бросила леди Омор, поворачиваясь к Бараку. – Как вы осмелились ворваться в мой дом подобным образом? Вы что, не знаете, как надо вести себя в доме леди?

Барак залился краской, в глазах его блеснули злобные искорки.

– У меня срочное сообщение для мастера Шардлейка от лорда Кромвеля, – отчеканил он.

– Это не избавляет вас от необходимости поклониться, когда вы видите перед собой даму, – парировала леди Омор. – И почему у вас столь дикая

прическа? У вас что, вши? Я вовсе не желаю, чтобы вы заразили ими мой дом.

Я и думать не думал, что леди Онор способна на подобную резкость. Впрочем, Барак проявил столь вопиющую неучтивость, что не заслуживал иного обращения.

– Приношу свои извинения, леди Онор, – виновато пробормотал я. – Думаю, нам с Баракком лучше удалиться.

Я сделал несколько шагов, но тут голова моя внезапно закружилась, ноги словно налились свинцом, и я, тяжело дыша, упал на скамью. Выражение лица леди Онор мгновенно изменилось: теперь взгляд ее был полон неподдельной тревоги и участия.

– Мэтью, что с вами?

Я попытался встать, однако перед глазами у меня все поплыло.

– Прошу прощения... это все жара... – пролепетал я.

– Пойдемте в дом, – предложила леди Онор. – Помогите своему патрону, – распорядилась она, повернувшись к Бараку. – Это из-за вас ему стало дурно.

Барак метнул в нее злобный взгляд, однако послушно обнял меня за плечи, помог добраться до гостиной и усадил на гору подушек. Леди Онор сделала ему знак уйти. Барак вновь прожег ее взглядом, но беспрекословно вышел из комнаты.

– Мне очень неловко, леди Онор, – пролепетал я, ерзая на подушках. – Это всего лишь минутная слабость. Сейчас мне уже лучше.

Я вновь попытался встать, но безуспешно. Должно быть, вид у меня был на редкость нелепый. Чертов Барак, если бы только он не явился в самый неподходящий момент!

Хозяйка подошла к небольшому резному шкафу. Я слышал, как она наливает в стакан какую-то жидкость. Потом леди Онор приблизилась ко мне и с нежной улыбкой протянула стакан.

– К счастью, у меня есть так называемая живая вода. Мой аптекарь прописал мне ее от головокружений.

– Живая вода? – переспросил я, глядя на изящный стаканчик в руке леди Онор.

– Вы слышали об этом снадобье?

– О да.

Я сделал маленький глоток. Бесцветная жидкость обожгла рот, но вовсе не так сильно, как польское огненное пойло. Через несколько мгновений я и в самом деле почувствовал себя лучше.

– Благодарю вас, леди Онор, – сказал я. – Вы очень добры ко мне.

Она не сводила с меня прекрасных задумчивых глаз.

– Мне кажется, Мэтью, вы взвалили на себя слишком много обязанностей. Так вас надолго не хватит, – произнесла она. – Почему вы решили взять в помощники этого неотесанного мужлана?

– Лорд Кромвель очень доверяет Бараку. Это он поручил ему вместе со мной расследовать все обстоятельства, связанные с греческим огнем. Спору нет, этот малый не блещет хорошими манерами. Но он не лишен некоторых достоинств.

Мне наконец удалось подняться на ноги.

– Леди Онор, я должен идти. Необходимо немедленно узнать, что граф передает мне через Барака.

– Надеюсь, мы увидимся в самом скором времени, – сказала она. – Приходите обедать. Наконец мы будем вдвоем. Без Марчмаунта, герцога и этого вашего Барака, – добавила она с улыбкой.

– Я буду ждать нашей новой встречи с нетерпением, леди Онор.

– И я тоже.

Несколько мгновений мы стояли, глядя в глаза друг другу. Мне отчаянно хотелось поцеловать ее, однако я всего лишь отвесил поклон и вышел из комнаты. Оказавшись во дворе, я мысленно выругал себя за нерешительность.

Барак прохаживался по двору, бросая по сторонам сердитые взгляды. Мы вместе направились к конюшне и остановились, ожидая, пока выведут наших лошадей.

– Ну, что ж вы медлите с вашим срочным сообщением? – проворчал я.

– Граф переносит встречу с нами на одиннадцать часов.

– И все? Это вполне могло бы подождать.

– Я так не думаю. Любая весть от графа обладает для нас первостепенной важностью, – назидательно изрек Барак. – Кстати, ваша обожаемая леди Онор сообщила что-нибудь достойное внимания?

– Она подтвердила, что герцог Норфолкский действительно желал сделать ее своей любовницей. Вполне понятно, что она не хотела обсуждать со мной этот вопрос, считая домогательства герцога постыдными для себя. Ей даже казалось, что честь ее пострадает менее, если признание вырвет у нее сам Кромвель.

– Благодаря излишней щепетильности этой дамочки мы потеряли пропасть времени, – пробурчал Барак.

– Леди Онор очень предана своей семье и на многое готова ради ее блага. Но не на все.

– Вы уверены, что она ничего не скрывает?

– Теперь совершенно уверен. Леди Онор без утайки сообщила мне все, что ей было известно.

– Эта дамочка слишком много о себе воображает, – изрек Барак.

– Господи боже, Барак, есть ли предел вашей грубости! – взорвался я. – Вам нравится поражать людей своей неотесанностью, правда? Деликатность, любезность, учтивость – все это в ваших глазах лишь жалкое лицемерие.

– У вашей прекрасной леди надменный взгляд и злой язык, – заявил Барак. – Впрочем, в этом все господа благородных кровей похожи друг на друга. Еще бы, они выросли в довольстве и неге, пока бедняки трудились для них в поте лица своего. Заставьте вашу леди самостоятельно зарабатывать себе на хлеб – она не протянет и недели.

Он язвительно усмехнулся.

– Конечно, когда знатным господам это выгодно, уста их источают мед. И лишь оказавшись среди тех, кто ниже их по положению, они проявляют свою истинную природу.

– Ох, если кто и наделен злым языком, так это вы, Джек Барак, – отрезал я. – Вы до сих пор не можете простить миру того, что вам пришлось несколько лет провести в сточных канавах. Уверяю вас, леди Онор заботится о своих ближних куда больше, чем вы.

– А вы заботитесь о своих ближних? – неожиданно спросил он. – О своих служащих, например.

– Вы что, имеете в виду себя? – рассмеялся я. – Но вы не мой служащий, Барак. Будь это так, я давно бы вас рассчитал. – Речь вовсе не обо мне. Я имею в виду Джека Скелли. Вы никогда не задавались вопросом, почему он среди дня работает со свечой? И почему у бедняги такой скверный почерк?

– Что вы хотите сказать всем этим?

– Только то, что бедный малый наполовину слеп.

– Не может быть!

– Он очень скверно видит. Кстати, я понял это, едва взглянув на него. Но вам он боится признаться, потому что вы без промедления выбросите его на улицу. А вы ведь ничего не замечали, верно? И ваш друг-святоша, брат Уилрайт, тоже ничего не замечал.

Пораженный словами Барака, я уставился в пространство. Теперь мне была понятна причина досадной медлительности Скелли.

– Да, я никогда... Я не думал...

– Конечно, где уж вам снизойти до того, чтобы обратить внимание на простого клерка, – насмешливо процедил Барак.

Тут появился мальчик, ведущий наших лошадей, и Джек нахлобучил на голову шляпу.

– Ну, куда двинем сейчас? – осведомился он. – Насколько я понял, прекрасная леди не сообщила вам ничего нового?

– Нет. Полагаю, самый верный способ узнать секрет Марчмаунта – напустить на него графа.

– Наконец-то я слышу голос разума, – буркнул Барак.

ГЛАВА 38

Добравшись до дома, я вновь ощутил приступ головокружения. Спешившись, я едва не упал и был вынужден прислониться к спине лошади, тяжело переводя дух. Барак обеспокоенно взглянул на меня.

– Вы что, и правда больны?

– Нет, – отрезал я. – Но, похоже, мне надо немного полежать.

– А как вы решили поступить с Марчмаунтом? Может, мне стоит прямо сейчас написать графу и попросить его вызвать пройдоху на допрос?

– Напишите. Только попросите графа обойтись без крайних мер. Думаю, отправлять Марчмаунта в Тауэр не имеет смысла. Достаточно будет приватной беседы в доме Кромвеля. Наверняка он выложит все, что ему известно, и при этом наше дело не получит огласки.

– Сейчас же отправлюсь в Уайтхолл, – кивнул Барак. – Постараюсь вернуться поскорее. Без меня не выходите, это может быть опасно.

Он вновь вскочил в седло и выехал со двора, а я вошел в дом и попросил Джоан подать мне холодного пива, хлеба и сыру. Захватив с собой поднос, я поднялся в свою спальню. Присев на кровать, я пощупал собственный лоб и с облегчением убедился, что жара у меня нет. По всей видимости, охватившая меня слабость явилась следствием переутомления, а также изматывающего зноя. Однако я был полон решимости не дать телесной немощи одержать надо мной верх. Тем более что через четыре дня оба дела, требующие от меня столь напряженных усилий, так или иначе разрешатся. А потом – потом я увижу леди Онор и на этот раз отброшу робость и нерешительность. На все вопросы, связанные с этой женщиной, были найдены убедительные ответы. Однако она по-прежнему хотела меня видеть. И желание ее было искренним, теперь я был убежден в этом даже сильнее, чем когда сидел на скамье рядом с ней. Симпатия, которую я питал к ней, не осталась безответной. Черт бы побрал этого невежу Барака...

Обожженная моя рука горела и ныла. Я осторожно снял повязку и приложил к ожогу кусочек ткани, пропитанный маслом, которое дал Гай. При взгляде на красную, покрытую волдырями кожу я вспомнил, как руку мою лизало пламя, и содрогнулся. Поцелуй огня так легок и мучителен. Я вновь перевязал руку и растянулся на кровати.

Сон овладел мною, стоило мне коснуться подушки. Проспал я несколько часов, на этот раз без всяких сновидений. Проснувшись, я обнаружил, что воздух стал немного прохладнее, а деревья в саду

отбрасывают длинные тени. Сон освежил мою усталую голову, и некоторое время я лежал, размышляя о слабом зрении Джона Скелли. Я часто злился на него, считая ленивым, безответственным и неблагодарным, в то время как он... Я вспомнил о его усталых покрасневших глазах, виновато смотревших на меня, и сокрушенно вздохнул. Несомненно, слова Барака были чистой правдой.

Потом мне пришло в голову, что проблему со зрением можно решить при помощи очков. Все больше и больше людей прибегают к этому изобретению; говорят, очки иногда носит сам король. Непременно куплю очки Скелли. Я представил, как сообщу об этом Бараку, и довольно улыбнулся.

«Но почему я должен давать ему отчет в своих намерениях и поступках? – спросил я у себя в следующую секунду. – Неужели его мнение так для меня важно?»

К счастью, нашему сотрудничеству скоро придет конец и я избавлюсь от общества Барака. Он не будет больше досаждать мне своей неотесанностью, невыносимыми манерами и стремительными перепадами настроения. Воспоминание о том, как резко его отчитала леди Онор, вновь заставило меня улыбнуться. Не многим удавалось поставить Барака на место, но леди Онор отлично справилась с этой задачей.

Впрочем, где оно, место Барака? Не далее как несколько часов назад я заявил, что, будь он моим служащим, я немедленно уволил бы его.

«Пожалуй, говорить так не следовало», – подумал я, ощутив легкий укор совести.

Спору нет, Барак на редкость дерзок и нахален. Однако разве эти качества не искупаются, хотя бы отчасти, его отвагой и сообразительностью? В конце концов, именно он спас мне жизнь. И именно он был со мной в саду Уэнтвортов и намерен отправиться туда вновь, невзирая на связанные с подобной авантюрой опасности.

Я поднялся с постели и спустился вниз. Барака я нашел в кухне. Он бережно протирает уксусом цепочку, на которой висел его талисман. Маленькая золотая пластинка лежала на кухонном столе. Барак бросил на меня взгляд исподлобья, не оставлявший сомнений в том, что он по-прежнему сердится. – Где Джоан? – осведомился я. – Отдыхает перед тем, как вам готовить ужин. Даже слугам время от времени нужно отдохнуть, – пробурчал Барак.

– У меня из головы не идет Скелли, – примирительно заметил я, опускаясь на стул. – Думаю, мне стоит отвести его к Гаю. Тот пропишет ему очки.

– Очки – это дорогое удовольствие, – заявил Барак, вперившись в меня пронзительным взглядом. – Скелли они не по карману.

– Я заплачу.

– А если очки ему не помогут? – не унимался Барак. – Тогда вы выбросите бедного малого на улицу?

– Мне придется его уволить, Барак. Господи боже, неужели вы не понимаете, что я не могу себе позволить держать слепого клерка? Но я постараюсь как-нибудь облегчить его участь. Собирайтесь, у нас нет времени на пустые раздоры.

– Вы хотите, чтобы сегодня ночью я опять залез в этот чертов колодец?

– Да, если вы по-прежнему согласны рискнуть.

– Я не привык отказываться от своих обещаний, – буркнул Барак, надевая на шею цепочку с талисманом.

– Вы передали Кромвелю записку? – спросил я.

– Я оставил ее у Грея. Тот был не слишком доволен. Начал ворчать, что мы вечно досаждаем графу всякого рода просьбами, вместо того чтобы обойтись собственными силами.

– Вообще-то старина Грей не склонен к пустым упрекам, – улыбнулся я. – Возможно, вы не нашли к нему должного подхода.

– Да, как и к вашей драгоценной леди Онор, – огрызнулся Барак. – Кстати, вы уверены, что она не водит вас за нос? Вообще-то у женщин принято поступать так с излишне доверчивыми представителями мужской породы.

– Я надеюсь, что в нашем случае это не так, – пожал я плечами. – И сейчас я могу с уверенностью сказать, что не сомневаюсь в искренности леди Онор.

Думаю, наши подозрения по поводу леди и герцога оказались безосновательными. То был еще один ложный след. Скажите, Барак, почему вы прониклись к леди Онор такой неприязнью? – спросил я, внимательно глядя на своего помощника.

– Потому что от людей, одержимых столь необузданной гордыней, вечно бывает множество неприятностей, – пожал плечами Барак. – При дворе я вдоволь нагляделся на отпрысков благородных семей, которые готовы сожрать друг друга живьем. Впрочем, все это ерунда. Главное, мы убедились в том, что прекрасная леди не имеет отношения к нашему делу. И Ричард Рич с его прихвостнем Билкнэпом, похоже, тоже ни при чем.

– В этом я пока не уверен. Посмотрим, что нам сообщит о них Кромвель. Надеюсь, ему удастся разговорить Марчмаунта.

– Нет такого человека, у которого в присутствии графа не развязался бы

язык. Если Марчмаунт вздумает запирается, ему покажут дыбу. Думаю, одного взгляда на это приспособление будет для него довольно.

– С виду Марчмаунт, конечно, надутый индюк. Но мне кажется, он далеко не трус. И далеко не дурак.

– Так или иначе, если он что-то знает, ему придется это выложить, – пожал плечами Барак.

Мы смолкли, услышав шаги на лестнице. Джоан спустилась в кухню, чтобы готовить ужин. Мы вышли в гостиную. За окнами сгущались сумерки.

– Сами-то вы в состоянии отправиться ночью к колодцу? – спросил Барак. – Сегодня днем вы буквально валились с ног.

– Мне уже лучше, – ответил я. – Не знаю, что со мной было. Наверное, последствия жары и усталость. Но расслабляться сейчас никак нельзя. Очень может быть, сегодня ночью мы сумеем разрешить хотя бы одну загадку.

Мы вновь миновали Бадж-роу и прошли по узкой темной аллее. На калитке фруктового сада висел новый замок, но Барак открыл его с той же легкостью, что и прежний. Петля меж деревьев, мы приблизились к стене, за которой начинались владения Уэнтвортов. Барак вновь сделал из своих рук ступеньку и помог мне взобраться. Я подтянулся и оперся руками на стену, причем спину мою пронзила такая резкая боль, что мне пришлось сжать зубы.

Бросив взгляд в сад, я понял, что там кто-то есть. По дорожке двигались два темных силуэта, в руках у одного была лампа. До меня донеслись приглушенные голоса. Вглядевшись получше, я различил, что это Нидлер и матушка Джозефа.

«Странно, что старуха, которая едва передвигается, опираясь на палку, не боится разгуливать в темноте», – пронеслось у меня в голове.

Потом я вспомнил, что для ее слепых глаз не существует различия между тьмой и светом. Я сделал Бараку знак не двигаться и застыл в весьма неудобном положении, ногами опираясь на его переплетенные руки, а руками вцепившись в край стены. Опасаясь, что мое бледное лицо слишком заметно в темноте, я низко пригнул голову и замер в ожидании. Темные волосы никак не могли меня выдать.

– Она орала на меня как безумная, – расслышал я слова Нидлера. – Мне с ней больше не справиться. Девчонка постоянно дерзит, но я чувствую, она до смерти испугана. И Эйвис тоже.

– Мне надо крепче держать девочек в узде, – со вздохом изрекла старуха.

Они были теперь совсем близко от стены, и, несмотря на риск быть замеченным, я немного приподнял голову и взгляделся в их лица, освещенные мигающим светом лампы. Грубые черты Нидлера выражали величайшую озабоченность. В лице старухи, бледном и нахмуренном, было что-то дьявольское.

– Мы должны помочь им, Дэвид, – прошамкала старуха и вдруг резко остановилась и, как мне показалось, прислушалась. На память мне пришли рассказы о чрезвычайно остром слухе, которым наделены слепые.

– Что такое? – насторожился Нидлер.

– Ничего, – покачала головой старуха. – Какой-то шорох. Наверное, в сад забралась лиса.

К моему великому облегчению, они повернули назад и двинулись в сторону дома. Дальнейшего их разговора я не слышал. До меня донесся лишь звук захлопнутой двери. Вскоре после этого во всем доме погас огонь. Я неловко соскочил на землю. Барак со стоном потер затекшие руки.

– Господи боже, какой вы тяжелый, – прошептал он. – Я уж думал, мои бедные запястья не выдержат и переломятся.

– Понимаю, что вам пришлось нелегко, Барак. Но я никак не мог пошевелиться. Старая карга сразу бы это услышала.

– А какого черта ее понесло ночью в сад?

– С ней был этот каналья дворецкий. Насколько я понял, они хотели поговорить без посторонних ушей. Разговор их я слышал лишь урывками. Но, несомненно, речь шла о юных леди, внучках старухи. О том, что они обе чего-то боятся.

Мы притаились за стеной, выжидая. Все было тихо. Лишь сова, похожая в темноте на белый призрак, устремилась вниз с одной из ветвей, и какой-то маленький зверек жалобно взвизгнул, извиваясь в ее острых когтях. Наконец я вновь вскарабкался на стену. Дом был погружен в темноту и безмолвие, силуэт колодца отчетливо вырисовывался в лунном свете.

– Собак не видно и не слышно, – шепотом сообщил я.

Барак подтянулся на руках и уселся на стену рядом со мной. – Странно, – пробормотал он. – Казалось бы, после того, как в сад кто-то пытался проникнуть, они должны были выпускать собак на ночь.

– Казалось бы, так. Однако они этого не сделали.

Барак извлек из сумки два жирных куска мяса, завернутых в бумагу, развернул и бросил на лужайку. Затем он вытащил из кармана камень и метнул его в ствол дерева. Камень отскочил с громким стуком.

– Это мясо сдобрено особой приправой. Ваш друг мавр сказал мне, что

после такого угощения собаки мгновенно заснут, – прошептал он.

– Мясо дал вам Гай?

– Кто же еще. Вчера, пока вы спали, я рассказал ему кое-что о наших делах. Решил, что ему можно доверять. Знаете, когда с этим вашим мавром познакомишься поближе, с ним вполне можно ладить.

– Собак по-прежнему не видать, – заметил я, окинув взглядом лужайку.

– Ну что, рискнем? – предложил Барак, потеряв подбородок.

Я посмотрел в сторону погруженного в темноту дома.

– Рискнем. Только не забывайте об осторожности.

– Вы в состоянии спуститься? – спросил Барак, бросив на меня испытующий взгляд.

– Разумеется.

– Ну, тогда вперед.

Барак с легкостью прыгнул на лужайку. Я последовал его примеру. Стоило мне приземлиться, резкая боль пронзила мною многострадальную спину. Барак принялся собирать с земли куски мяса и складывать их в сумку, а я тем временем наблюдал за домом.

– Лучше ничего здесь не оставлять, а не то они сразу поймут, что в саду кто-то побывал, – бормотал Барак, ползая по траве.

Отыскав наконец все куски, он проворно сбил замок с колодца. Вдвоем мы сняли крышку. Омерзительный запах, исходивший из глубины, стал несколько слабее, но при виде зияющего черного отверстия внутренности мои болезненно сжались. Барак, не теряя времени, укрепил на краю колодца веревочную лестницу и принялся спускаться вниз. Я по-прежнему не сводил глаз с дома. В какой-то момент мне показалось, что в одном из окон второго этажа мелькнул темный силуэт. Однако же, сколь я ни вглядывался в это окно, мне более ничего заметить не удалось.

На этот раз Барак сразу же сумел зажечь свечу. Как только тусклый свет залил колодец, я отвернулся от дома и перегнулся через край. Колодец оказался мельче, чем я ожидал. Глубина его составляла не более двадцати футов. Странно было видеть, как на дне стоит Барак. Наклонившись, он рассматривал какую-то бесформенную грудку и даже ощупывал ее руками. На этот раз он не издавал ни звука, а выражения его лица я не мог различить.

– Что там такое? – не выдержал я.

Барак поднял голову. Дрожащие отсветы свечи бросали на его лицо причудливые тени.

– Это трупы животных, – откликнулся он. – Судя по всему, это кошка и две собаки.

Барак вновь наклонился над грудой.

– Черт побери, над бедными тварями кто-то вдоволь поиздевался. У кошки выколоты глаза. А этого ретривера, похоже, повесили.

Барак повернулся, внимательно разглядывая еще один, самый большой труп, темнеющий в полумраке. С губ его сорвался короткий вскрик, гулким эхом отдавшийся в кирпичных стенах колодца.

– Что? Что такое? – повторял я, дрожа от нетерпения.

– Я поднимаюсь, – проронил Барак. – Ради всего святого, следите за домом.

Он задул свечу и принялся карабкаться наверх. Я вновь уставился на темные окна. Сердце мое колотилось так бешено, что перед глазами все расплывалось. На наше счастье, в доме по-прежнему стояла тишина. Наконец над краем колодца показалась стриженная голова Барака. Глаза его едва не вылезали из орбит.

– Помогите мне поставить крышку на место, – выдохнул он. – Нам надо быстрее уносить отсюда ноги.

Вдвоем мы закрыли колодец крышкой, и Барак вновь укрепил замок. Бросив последний взгляд на спящий дом, мы подбежали к стене и проворно вскарабкались на нее. Вновь оказавшись во фруктовом саду, Барак в изнеможении прислонился к дереву.

– Кто-то из обитателей этого дома любит мучить животных, – произнес он, судорожно вздохнув. – И не только животных. Там, внизу, я видел труп ребенка, маленького мальчика лет семи. Его... – Барак осекся. – Вам ни к чему знать, что с ним сделали. Достаточно сказать, что он мертв, и умирал он мучительно и долго.

– Наверняка это исчезнувший брат той сумасшедшей бродяжки, – прошептал я. – Помните девочку из камеры Элизабет?

– Скорее всего, так оно и есть. Тот, кто убил ребенка, рассчитывал, что нищего никто не хватится.

Барак перевел дыхание.

– Скажу откровенно, я здорово испугался. У меня душа ушла в пятки, когда я представил, что тот, кто сотворил такое с ребенком, может подойти к колодцу и застать меня там. Поэтому я так быстро выбрался, – добавил он дрогнувшим голосом.

– На вашем месте всякий испугался бы. Барак посмотрел на меня, словно пораженный внезапной мыслью.

– А что, если мальчика убила Элизабет Уэнтворт? – медленно проговорил он. – Помните, ведь после того, как к ней в Яму посадили эту маленькую нищенку, она окончательно свихнулась. Ей, похоже,

совершенно расхотелось жить. И если тут, внизу, труп брата той девочки, значит...

– Нет, Элизабет не способна на подобное, – возразил я после недолгого колебания. – Кстати, у нее был кот, которого она обожала. Нидлер сказал, что кот куда-то убежал. Но я думаю, бедняга нашел свой конец здесь, в колодце. Нет, это не Элизабет, – уверенно повторил я. – Думаю, все это дело рук юного Ральфа. Сначала он издевался над животными, потом расправился с ребенком.

– Но тогда... Тогда понятно, почему Элизабет бросила этого малого в колодец! Скорее всего, она узнала о его злодеяниях и захотела его покарать...

– Тогда почему Нидлер, который вытащил Ральфа из колодца, ничего не рассказал о трупах животных и ребенка? – перебил я. – Он не мог их не заметить. Все это чрезвычайно подозрительно. Мне надо срочно увидеться с Элизабет. На этот раз я заставлю ее говорить.

– Если только она еще жива.

– Утром я первым делом отправлюсь в Ньюгейт, – заявил я. – Вы мне очень помогли, Барак, – добавил я с неожиданным смущением.

– Знаю, что вы считаете меня грубияном и невежей, – буркнул Барак, бросив на меня взгляд исподлобья. – Но я не из тех, кто может причинить вред беззащитным созданиям.

– В этом я никогда не сомневался, – веско произнес я. – Идемте скорее домой, Барак.

– Идемте, – кивнул он. – Богом клянусь, сегодня ночью мне будут сниться кошмары.

ГЛАВА 39

той ночью мы оба спали скверно. На Канцлер-лейн нас ожидала записка от Гая, в которой говорилось, что Элизабет чувствует себя лучше и жар немного спал. Гай также просил меня заглянуть к нему, дабы обсудить «один важный вопрос». С утра пораньше Барак отправился в меблированные комнаты, где остановился Джозеф, с просьбой встретиться с нами у ворот тюрьмы в девять часов.

Одеваясь, я размышлял о том, как много предстоит мне сделать в этот день, седьмого июня. Необходимо вытянуть правду из Элизабет, встретиться с Гаем, а потом предстать перед грозными очами Кромвеля. При мысли о предстоящей беседе с патроном сердце мое сжалось. В нашем распоряжении осталось всего три дня. Я надеялся, что Кромвель уже допросил Марчмаунта. Если леди Онор ничего не знает, а Рич и Билкнэп не имеют отношения к греческому огню, у нас остался лишь один подозреваемый. Вполне вероятно, его показания помогут отыскать того, кто приказал убить братьев Гривудов. Не исключено также, что лорду Кромвелю удастся вырвать у него формулу греческого огня. Что ж, в таком случае с делом будет покончено без моего участия.

Барак пожелал отправиться в Ньюгейт вместе со мной. Он никак не мог отыскать свои сапоги для верховой езды и попросил меня подождать его. В полной готовности я стоял во дворе. Утро вновь выдалось жарким, однако ветер, довольно сильный, хотя и теплый, затянул небо легкими белыми облаками. Саймон вывел из конюшни лошадей.

– Снова спозаранку отправляетесь по делам, сэр? – спросил он.

– Да. Нам нужно побывать в Ньюгейтской тюрьме.

Мальчуган с любопытством посмотрел на меня из-под своих белокурых вихров.

– Скажите, сэр, а что, мастер Барак дрался с разбойниками? И они выдрали у него все волосы?

– Нет, Саймон, – ответил я со смехом. – Не надо быть таким любопытным.

Я перевел взгляд на его деревянные башмаки.

– Ты уже привык к ним?

– Да, сэр, благодарю вас. В башмаках я даже бегаю быстрее. А это очень кстати, ведь в последнее время мне частенько приходилось бегать по вашим поручениям, – многозначительно добавил он, и в глазах его

мелькнули хитрые огоньки.

– И должен признать, со всеми этими поручениями ты справлялся превосходно, – кивнул я. – Вот тебе шесть пенсов. Отложи их на новые башмаки, ведь эти когда-нибудь износятся.

Мальчуган, просияв, зажал в кулаке монету и побежал в дом. Я с улыбкой смотрел ему вслед.

«А ведь я ровным счетом ничего не знаю о прошлом Саймона, – пришло мне в голову. – За исключением того, что однажды он постучался в дверь моего дома, и Джоан, плененная его миловидной наружностью, попросила меня взять мальчика в услужение». Несомненно, юный мой конюх – один из великого множества лондонских сирот.

Тут наконец появился Барак. Мы взобрались на лошадей и выехали со двора. Когда свернули на Флит-стрит, я сообщил Бараку, что ожог все еще сильно беспокоит меня и после беседы с Кромвелем я хочу показать больную руку Гаю. Я опасался, что Барак выразит желание сопровождать меня, но он лишь безучастно кивнул головой. Судя по мрачному выражению лица, он еще не оправился от ужаса, пережитого на дне колодца; про себя я подивился его неожиданной чувствительности. Впрочем, понятно, почему ужасная участь маленького нищего так глубоко задела его. Ведь когда-то Барак и сам просил милостыню на лондонских улицах.

Джозеф уже ждал нас. Вид у него был усталый, давно не бритые щеки ввалились.

«Пожалуй, этот человек на излете последних сил», – пронеслось у меня в голове.

Я сразу сообщил ему, что, по словам аптекаря, Элизабет идет на поправку, и Джозеф немного приободрился.

Мы постучали в дверь, и на пороге возник сам главный смотритель.

– Уильям! – позвал он, увидав нас.

На зов незамедлительно явился надзиратель.

– Мы хотим увидеть мистрис Уэнтворт, – сказал я.

Как она? – не дав мне договорить, выпалил Джозеф.

– Не знаю, – пожал плечами надзиратель. – Никто из нас к ней не поднимался. Сами понимаете, никому не хочется заразиться тюремной лихорадкой. Правда, черный аптекарь заходил к ней вчера. Наверное, для таких, как он, лихорадка не опасна.

– Вы проводите нас к ней?

Надзиратель что-то недовольно проворчал себе под нос, однако двинулся вверх по лестнице. Мысль о том, что сегодня нам не понадобится

дышать смрадным воздухом Ямы, доставила мне невыразимое облегчение.

– У меня есть для вас новости, – сообщил я, обернувшись к Джозефу, который карабкался по винтовой лестнице вслед за мной. – Нам удалось узнать нечто весьма важное. Я рассчитываю, что сегодня Элизабет наконец заговорит.

Изможденное лицо Джозефа на мгновение осветила надежда.

– Разговор предстоит тягостный, – сказал я, пристально глядя на него. – Элизабет должна сообщить мне то, о чем ей не хочется вспоминать. Это касается семьи сэра Эдвина.

– Спрашивайте ее, о чем хотите, – с глубоким вздохом изрек Джозеф.

Надзиратель распахнул дверь в комнату Элизабет. Ветер, врываясь через зарешеченное окно, играл краями скатерти на столе. Элизабет пластом лежала в постели. Лицо ее покрывала смертельная бледность, но, по крайней мере, она больше не металась и не бредила. Я подвинул стул к кровати и уселся у изголовья больной. Джозеф и Барак стояли у меня за спиной, не сводя глаз с Элизабет. Я заметил, что порез у нее на губе до сих пор не зажил, лишь затянулся страшной черной коркой.

Должно быть, наше вторжение разбудило больную: когда я наклонился над ней, она медленно открыла мутные глаза. Взгляд ее был тяжелым и неподвижным.

– Элизабет, – произнес я, – вчера Джек Барак спустился в колодец, который находится в саду вашего дядюшки Эдвина.

Глаза Элизабет расширились, но с губ не сорвалось ни звука.

– Да, минувшей ночью мы тайком проникли в сад и сняли с колодца крышку. Барак спустился вниз по веревочной лестнице и увидел то, что там скрывается. – Вы тайком проникли в сад моего брата! – с укором пробормотал Джозеф.

– Другого выхода у нас не было, Джозеф.

Я вновь повернулся к хранившей молчание девушке.

– Мы подвергали себя опасности ради того, чтобы узнать правду, Элизабет. И ради того, чтобы спасти вас.

Я немного помолчал и заговорил вновь:

– Мы видели все, Элизабет. Трупы замученных животных. Останки вашего кота. И несчастного мальчика.

– Ради всего святого, какого мальчика? Дрожащий от ужаса голос Джозефа прозвучал пронзительно и резко.

– Там, в колодце, лежит труп маленького мальчика.

– Господи боже.

Джозеф тяжело опустился на кровать. Я заметил, что на глазах Элизабет

выступили слезы.

– Не сомневаюсь, что во всех этих злодеяниях виновны не вы, Элизабет...

– Нет, конечно нет, – с пылом перебил меня Джозеф. – Она не могла...

– Это сделал Ральф?

Элизабет закашлялась и наконец произнесла низким охрипшим голосом:

– Да. Да, это он.

Джозеф, с перекошенным от ужаса лицом, зажал рот руками. Я догадался, что он, подобно Бараку, сразу подумал о том, что у Элизабет был веский повод убить кузена.

– Во время своего визита в дом вашего дяди Эдвина я заметил, что из колодца исходит скверный запах, – поспешно проговорил я, – и вспомнил, что, по рассказам Джозефа, тело Ральфа, когда оно лежало на столе у коронера, тоже испускало зловоние. Элизабет, когда Нидлер, дворецкий вашего дяди, спускался за Ральфом в колодец, он непременно должен был увидеть трупы. Однако он ни словом об этом не обмолвился. А ваш дядя распорядился установить на колодце крышку с замком.

Я смолк, не сводя глаз с лица Элизабет. По щекам ее текли слезы, однако взгляд по-прежнему оставался тусклым и безжизненным.

– У меня имеются некоторые соображения на этот счет, – вновь заговорил я. – Если бы Нидлер сообщил о том, что в колодце лежит труп мальчика с признаками насильственной смерти, это неминуемо повлекло бы за собой судебное дознание. Но он предпочел молчать. Полагаю, он сделал это, стремясь выгородить кого-то из обитателей дома. Кого именно, Элизабет?

– Ради всего святого, девушка, прекрати томить нас молчанием, – с внезапной яростью выпалили Барак. – Ты что, не видишь, что твой дядя, того и гляди, лишится рассудка?

Элизабет устремила на меня мутный взгляд.

– Пусть свершится то, что предназначено свыше, – проронила она. – Вы не в силах помочь мне, сэр. И никто мне не поможет. Даже пытаться не стоит. На мне лежит проклятие, – произнесла она со спокойствием, от которого у меня мурашки пробежали по коже. – Раньше я всей душой верила в Бога. Верила, что Он неустанно печется обо всех своих созданиях и указывает человеку, как тому следует жить, дабы достичь спасения. Верила, что чтение Библии может наставить всякого на путь истинный. Ведь не зря король даровал всем нам возможность читать Библию. Да, я верила, что Господь всегда пребудет со своими чадами, даже если этот мир

неотвратимо стремится к концу.

– Мы все в это верим, Элизабет, – ломая руки, воскликнул Джозеф. – Истинные христиане должны в это верить.

Элизабет устремила на него взгляд, исполненный жалости. Слезы попали в ранку у нее на губе, и она слегка поморщилась.

– А ты не думала, девушка, что в этом мире следует восстановить справедливость? – вновь подал голос Барак. – И что убийцы должны нести заслуженное наказание?

Элизабет лишь скользнула по нему равнодушным взглядом; на этот раз его слова не задела ее за живое.

– Я предупреждала: то, что вы увидите там, в колодце, может пошатнуть вашу веру в Господа, – проронила она, обращаясь ко мне. Немного помолчав, она заговорила вновь, и голос ее был исполнен муки и отчаяния: – Сперва в страшных страданиях умерла моя матушка. Опухоль в груди иссушила ее. Вскоре за ней последовал отец...

Элизабет закашлялась. Джозеф протянул ей чашку с водой, но она отмахнулась, по-прежнему не сводя с меня измученных глаз.

– Я искала утешения в книгах и в молитве, сэр. Я молила Господа просветить мою душу. Надеялась, Он поможет мне понять, зачем все эти страдания. Но ответом мне было безмолвие, бесконечное тягостное безмолвие. А потом мне сказали, что дом, в котором я выросла и была так счастлива, более не принадлежит мне. Я хотела найти приют в деревне, у дяди Джозефа, но он сказал, что я должна жить у дяди Эдвина.

– Я отправил тебя в Лондон во имя твоего же блага, Элизабет, – в отчаянии возопил Джозеф. – Я думал, так будет лучше для твоего будущего.

– Бабушка и дядя Эдвин не хотели, чтобы я жила у них, я это сразу поняла. Они думали, что деревенская девчонка с ее простыми неприязнительными манерами – не слишком подходящая компания для их изысканных и благовоспитанных отпрысков. А то, что души этих детей полны жестокости и злобы, их ничуть не волновало. Им не было дела до того, что излюбленная забава Ральфа – мучить животных. Он был на редкость изобретателен по части разных способов, которыми можно причинить страдания беззащитным тварям. Сабина и Эйвис поймали моего бедного Гриззи и отдали ему.

– Сабина и Эйвис?! – В голосе Джозефа послышалось недоверие.

– Да, сестры постоянно приносили ему животных. Прodelки Ральфа представлялись им очень забавными, хотя сами они не принимали в них участия. Но лишь потому, что им не хотелось пачкать свои роскошные

платья кровью. А больше всего сестрам нравилось дразнить и изводить меня. Это помогало им разогнать скуку. Они часто повторяли, что жизнь у них невыносимо скучная.

– Но вы могли рассказать об этом вашему дяде Эдвину, – заметил я. – Или бабушке.

– Бабушка, хотя она слепая, все прекрасно видела. Она знала, как развлекаются ее внуки. И ничего не имела против. Только делала все возможное, чтобы сэр Эдвин пребывал в неведении относительно жестоких наклонностей своих детей. Ее саму волновало лишь одно: чтобы на людях девочки соблюдали правила хорошего тона и ничем не уступали отпрыскам знатных семей.

Я провел рукой по лбу.

– Похоже, эти трое заразились друг от друга опасным безумием. И когда вы вошли в их дом...

– Поначалу я не поняла, каков на самом деле Ральф. Мне казалось, он не похож на своих сестер. Он был не из тех, кто на людях вежлив и любезен, а наедине насмешлив и груб. Когда я приехала, он держался со мной просто и дружелюбно – на свой, мальчишеский манер. И я привязалась к нему, к одному из всей семьи. Может быть, Господь предназначил мне страдать за все их грехи? Как вы думаете, это так? – Нет, предназначение свыше здесь ни при чем, – покачал я головой. – Вы сами избрали путь страдания, Элизабет.

– Как-то раз Ральф взял меня с собой на прогулку, – вновь заговорила Элизабет. – Он показал мне лисицу, которую поймал в капкан и оставил там, пока она не ослабеет. Ральф принес с собой иглу, чтобы выколоть ей глаза. Я освободила несчастное животное и сказала, что измываться над божьим созданием – большой грех. С этого дня он меня возненавидел. От его дружелюбия не осталось и следа. Теперь он вместе со своими сестрами дразнил и мучил меня.

– Тебе следовало рассказать об этом Эдвину, – произнес Джозеф.

На губах Элизабет мелькнула улыбка, безнадежная улыбка, заставившая меня содрогнуться.

– Он никогда не поверил бы, что его обожаемый Ральф и дочери способны на подобное. А бабушка мечтала лишь удачно выдать внучек замуж. Сабина влюбилась в дворецкого Нидлера, и бабушка пользовалась этим. Нидлер помогал ей держать обеих девушек в полном подчинении. Я же говорю вам, от Сабины и Эйвис она требовала одного: чтобы в свете они держались как подобает истинным леди и занимались поисками богатых женихов.

Элизабет устремила взгляд в пространство.

– Мне очень жаль тех молодых людей, которые попадутся в сети моих кузин. Когда они поймут, каких чудовищ взяли в жены, будет слишком поздно.

– А все остальные слуги? Они что, ни о чем не догадывались? Ведь животные, над которыми измывался Ральф, наверняка визжали и кричали.

Произнеся это, я почувствовал легкую тошноту. Черная желчь забурлила в моем желудке.

– Ральф предавался своим омерзительным забавам в высохшем колодце. У него была веревочная лестница. Там, в колодце, он устроил настоящую камеру пыток. Думаю, слуги кое-что замечали, но предпочитали молчать. Никому из них не хотелось лишиться места. Дядя Эдвин хорошо платил слугам, хотя и заставлял их каждое воскресенье дважды ходить в церковь.

Из глаз Элизабет уже не струились слезы, взгляд ее стал более ясным и осмысленным.

– Ральф постоянно говорил сестрам, что неплохо бы отыскать какого-нибудь маленького нищего и хорошенько с ним позабавиться. А Сабина и Эйвис твердили, что это слишком опасно, и просили Ральфа не рисковать. Наконец он выследил двух беззащитных сирот, брата и сестру, которые просили милостыню на улицах.

– Той девочкой была Сара?

– Да. Когда несчастную Сару бросили в Яму, я сразу поняла, что это о ней говорил Ральф. Он заманил ее братика в сад, и... вы сами знаете, что произошло.

– Господи боже, – простонал Джозеф. – Об этом необходимо срочно сообщить коронеру.

– Пожалуй, – кивнул я. – Но можете не сомневаться, семья попытается обернуть все факты против Элизабет. Возможно, Нидлер покажет под присягой, что он не видел в колодце никакого трупа.

– Неужели ему поверят?

– Скорее всего, да. Все, кому известно об этом случае, настроены против Элизабет. Помните памфлет? Судья Форбайзер ни за что не допустит ее освобождения. К тому же мы до сих пор не знаем, кто убил Ральфа. Возможно, это был несчастный случай, Элизабет? Скажите, Ральф упал в колодец сам?

Элизабет молчала, отвернувшись к стене. На какое-то ужасное мгновение подозрение в том, что она сама расправилась со своим порочным кузенком, шевельнулось в моей душе. Но почему тогда Нидлер умолчал о страшной тайне колодца?

– Наверняка Ральф был одержим дьяволом, – предположил Джозеф.

– Да, – кивнула Элизабет и впервые посмотрела на своего дядюшку. – Дьяволом или Богом, что, скорее всего, то же самое.

– Элизабет! Но это богохульство! – пробормотал ошеломленный Джозеф.

Элизабет приподнялась на локтях и зашлась приступом мучительного кашля.

– Неужели вы ничего не понимаете? – проронила она, наконец откашлявшись. – Теперь я вижу это так ясно. Мне открылось, что Бог – это зло и жестокость. Стоит присмотреться к тому, что происходит в мире, который Он создал, становится понятно: Бог любит злых. Когда я прочла Книгу Иова, прочла о страданиях, которые Бог ниспослал своему верному слуге, душу мою охватило смятение. Я спрашивала Бога, как мог Он совершить подобное зло. Но, увы, я не дождалась ответа. Разве Лютер не говорит о том, что еще до рождения человека Бог определяет, будет ли его душа спасена или проклята? На мне лежит проклятие, и потому вся моя жизнь – это цепь горестей и несчастий.

– Какая чушь! – раздался резкий голос Барака. Я в удивлении повернулся к нему.

– Ты слишком себя жалеешь, девушка, и отсюда все твои беды.

Во взоре Элизабет мелькнул гнев.

– А кто-нибудь еще пожалел меня? – выпалила она. – Я лишилась веры, своей последней надежды и опоры. И теперь я с нетерпением жду смерти. Оставив этот гнусный мир, я предстану перед жестоким и безжалостным Богом и плюну ему в лицо.

Полоснув по Бараку взглядом, она в изнеможении откинулась на подушки.

Страшные слова Элизабет, казалось, повисли в воздухе. Джозеф отчаянно махал руками, словно хотел прогнать их прочь.

– Лиззи, прошу тебя, не богохульствуй! – взмолился он. – Неужели ты хочешь, чтобы тебя сожгли на костре, как ведьму?

Он сложил руки и принялся вслух молиться.

– О милосердный Иисус, помоги своей заблудшей дочери, верни ее на путь истинный, научи ее покорности и смирению...

– Покорность и смирение тут не помогут! – рявкнул Барак.

Он бесцеремонно отодвинул Джозефа и наклонился над Элизабет.

– Послушай меня, девушка. Я видел труп того мальчугана. Видел, что с ним сделали. Виновные должны понести наказание. Да, этот подонок Ральф умер. Но есть те, кто покрывал убийство ребенка. Для них этот

маленький нищий – вошь, жизнь которой не стоит медного фартинга. Подумай о его сестре, Саре. Может, когда выяснится, что брат ее действительно был похищен и убит, ее выпустят из Бедлама?

– А если даже бедную девочку выпустят, что она будет делать? – В голосе Элизабет по-прежнему слышалась безнадежность. – Снова просить милостыню на улицах? Или, может быть, станет шлюхой?

Я уронил голову на руки. Мысль о печальной участи Элизабет доставляла мне невыносимую боль. На долю этой девушки, некогда доверчивой и жизнерадостной, выпало слишком много горестей. Ужасающая, бессмысленная жестокость, с которой она столкнулась в благопристойной семье сэра Эдвина, заставила ее усомниться в милосердии Создателя. И всю ярость, накопившуюся в ее исстрадавшейся душе, она обрушила на Господа, который, как ей казалось, покинул ее. Без сомнения, Элизабет была очень набожна, но вера ее не выдержала бесконечных испытаний. И, говоря откровенно, у нее были основания полагать, что Господь лишил ее своих милостей. Неужели она права? Я подумал о тысячах сирот, не имеющих пристанища, о маленьких беззащитных созданиях, которые просят милостыню на улицах.

Джозеф по-прежнему отчаянно махал руками.

– Ее обвинят в богохульстве, – простонал он, – обвинят в безбожии и ереси.

Я бросил взгляд на дверь, дабы удостовериться, что надзиратель не подслушивает. Если бы слова Элизабет достигли его ушей, бедной девушке было бы не миновать новых страшных обвинений. Но, к счастью, тюремщик предпочитал держаться подальше от комнаты, где лежала больная лихорадкой.

– Джозеф, прошу вас, успокойтесь, – произнес я как можно более хладнокровным тоном.

Элизабет, измученная и ослабевшая, тихонько всхлипывала, уткнувшись в подушку.

– По-моему, нет ничего удивительного в том, что Элизабет посещают подобные сомнения.

– Неужели вы оправдываете столь кощунственные слова? – изумленно прошептал Джозеф.

– Элизабет, – окликнул я.

Девушка подняла голову от подушки. После недавней вспышки бледные ее щеки все еще пламенели румянцем.

– Элизабет, что бы вы ни думали о промысле Господнем, Барак совершенно прав. Зло совершили члены семьи сэра Эдвина, и именно они

должны понести плату за содеянное. Если вы знаете, кто из них убил Ральфа, скажите нам. Убийца предстанет перед судом.

– Бог не хочет, чтобы убийцы понесли кару. На мне лежит проклятие, и я отвечу за чужие грехи. – Голос Элизабет вновь задрожал от отчаяния. – Пусть свершится то, что предназначено свыше. Бог хочет, чтобы я умерла. Он жесток, но я не стану противиться Его воле.

И она бессильно откинулась на подушки.

– Значит, вы продолжаете упорствовать, – кивнул я головой. – В таком случае мне придется самому поговорить с семейством сэра Эдвина.

Элизабет не ответила. Глаза ее были закрыты. Судя по всему, несчастная девушка вновь погрузилась в пучину безысходности, в которой последнее время пребывала постоянно. Подождав несколько минут, я поднялся со стула.

– Идемте, – тихонько окликнул я Барака и Джозефа.

Выйдя в коридор, я позвал надзирателя, который поджидал нас у подножия лестницы. Джозеф, потрясенный всем услышанным, едва держался на ногах.

– Я не думал, что дело обстоит так скверно, – выдохнул он, когда мы вышли из ворот тюрьмы. Несмотря на жару, его била дрожь.

– Да, Джозеф, то, что нам довелось услышать, холодит кровь, – кивнул я. – Но прошу вас, вспомните, какие муки пришлось вынести Элизабет. Неудивительно, что душа ее пребывает в смятении.

Джозеф вперил в меня взгляд, исполненный бесконечного ужаса.

– Значит, вы поверили ей, – прошептал он едва слышно. – И мой брат действительно породил целый выводок демонов.

– Я непременно выясню, кто виновен в убийстве, – пообещал я.

Джозеф горестно затряс головой. Несомненно, рассудок бедняги отказывался примириться со страшной правдой. Мы с Бараксом отвели его в ближайшую таверну и просидели там около получаса, пока Джозеф не пришел в себя. Приближалось время встречи с лордом Кромвелем. – Идемте, Джозеф, нам пора, – сказал я. – Мы с Бараксом проводим вас до вашего пансиона. А потом возьмем лодку. У нас срочное дело в Уайтхолле. Надеюсь, мы сможем оставить лошадей в конюшне вашего пансиона?

В тусклом взоре Джозефа мелькнули искорки интереса.

– А, это касается того, другого расследования, которым вы занимаетесь? Это ведь дело государственной важности?

– Да, – кивнул я. – Но, так или иначе, я выберу время, чтобы нанести визит вашему брату и задать его домочадцам несколько неприятных вопросов.

- Теперь мы припрём их к стенке, – с жаром подхватил Барак.
- Джозеф пристально поглядел на меня.
- Вы хотите, чтоб я сопровождал вас к Эдвину?
- Нет. С вашего позволения, я пойду один или с Бараком.
- Ради всего святого, будьте осторожны, – сокрушенно пробормотал он.
- И добейтесь от них правды.

ГЛАВА 40

Желающих переправиться через Темзу было множество, и нам пришлось долго ждать лодку. Барак, опасавшийся, что мы опоздаем, беспрестанно сыпал проклятиями. Наконец мы уселись в лодку и двинулись вверх по реке; сильный южный ветер подгонял наше утлое суденышко и раздувал мою мантию. Мысли мои были устремлены к Элизабет. Я с состраданием думал о том, в каком мраке блуждает ее смятенная душа, испепеляемая ненавистью к жестокому Создателю, о том, как тягостна участь мученицы, к которой она себя предназначила. Причины ее беспредельного отчаяния были мне понятны, и потому я сочувствовал ей особенно остро. Я бросил взгляд на Барака, который с самым что ни на есть угрюмым выражением восседал на корме. Скорее всего, он размышлял о том же, что и я. Но в присутствии лодочника мы не решались обсуждать страшные признания Элизабет.

Наконец лодка ткнулась носом в ступени Вестминстерского спуска. Мы с Баракком выпрыгнули на землю, торопливо поднялись наверх и едва ли не бегом понеслись по галерее Уединения. У фрески Гольбейна мы остановились, чтобы перевести дыхание под суровым взглядом короля, и направились в кабинет лорда Кромвеля.

Грей сидел за своим столом и, водя линейкой по длинному свитку пергамента, внимательно читал новый билль, который вскоре следовало представить на рассмотрение парламента.

– Мастер Шардлейк, я уже начал опасаться, что вы опоздаете, – произнес он, бросив на нас пронзительный взгляд. – А граф сегодня отнюдь не расположен к терпеливому ожиданию.

– Мне очень жаль, но нам пришлось долго ждать лодку.

– Я провожу вас к графу. – С глубоким вздохом Грей поднялся со стула. – Граф направляет в парламент такое множество биллей, что ясность слога начала ему изменять. Слишком много дел навалилось на него в последнее время, – добавил он, покачав головой.

Кромвель, стоя у окна, смотрел на Уайтхолл. Услышав, что мы вошли, он повернул к нам мрачное нахмуренное лицо. Сегодня он был облачен в роскошную мантию пунцового шелка, отороченную мехом горноста; согласно придворному этикету, лишь бароны имели право на подобное одеяние. На шее лорда Кромвеля красовалась звезда ордена Подвязки.

– Итак, джентльмены, вы наконец соизволили явиться, – угрюмо

процедил он, подходя к своему столу, заваленному кипами бумаг.

По всей видимости, недавно он в припадке гнева растерзал очередное павлинье перо, ибо остатки его валялись в маленькой лужице чернил. Тяжело опустившись в кресло, Кромвель впери́л в нас взгляд; выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

– Да, Мэтью, похоже, вы направили меня по ложному следу, – наконец проронил он.

– Милорд?

– Я говорю о Ричарде Риче, – возвысил голос Кромвель. – В субботу вечером я послал за ним.

Кромвель сцепил руки и ударил ими по столу.

– Так вот, причины, по которым Рич угрожал вам, равно как и причины, по которым Билкнэп держался с вами вызывающе дерзко, не имеют даже отдаленного отношения к греческому огню.

– Милорд, позволено ли мне будет узнать, каковы эти причины?

– Вы ведь вели дело для Городского совета, не так ли? Какой-то процесс, касающийся монастырской собственности, перешедшей в частное владение.

– Да, иск против Билкнэпа. Сейчас это дело передано в суд лорд-канцлера. Надеюсь, оно вскоре будет рассмотрено, и тогда...

– Оно не будет рассмотрено, – отрезал лорд Кромвель. – С этим делом покончено.

Он испустил тяжкий вздох.

– Да будет вам известно, Мэтью, множество состоятельных людей приобрели бывшие монастырские владения в Лондоне. Этот город кишмя кишел монастырями, притонами разврата и ереси. К несчастью, в последнее время цена земель значительно понизилась. Земельный рынок слишком насыщен. Ко мне постоянно поступают жалобы от предпринимателей, которые не слишком удачно вложили свои капиталы. Когда дело об этой проклятой выгребной яме в новых владениях Билкнэпа было передано в суд, Рич обратился ко мне. Он просил меня содействовать тому, чтобы Билкнэп выиграл процесс. В противном случае Городской совет мог использовать это дело в качестве прецедента, и у новых хозяев монастырских владений возникла бы уйма сложностей. Меж тем для многих из них превратить монастырские здания в дешевое жилье для городской бедноты – это единственный способ извлечь из них выгоду. Надеюсь, теперь вы все поняли?

Кромвель многозначительно вскинул бровь.

– Среди этих новых владельцев есть влиятельные люди, в поддержке

которых я нуждаюсь. Особенно теперь, когда все бывшие друзья готовы превратиться в моих заклятых врагов.

– Я все понял, – пробормотал я.

– Рич не сказал мне, что именно вы будете защищать в суде интересы Городского совета. Иначе мы сумели бы избежать многих недоразумений. Я дал согласие на то, чтобы Рич подкупил судью Хеслопа. В результате в суде было вынесено решение, которое новые владельцы монастырского имущества смогут использовать в качестве прецедента во всех будущих процессах. Рич признался мне, что оказал давление на некоторых ваших клиентов и вынудил их отказаться от ваших услуг. Таким образом он хотел отбить у вас охоту слишком ретиво заниматься иском против Билкнэпа. Передача этого дела в суд лорд-канцлера могла разрушить всю его сложную игру. Вы сами понимаете, что Рич никогда этого не допустит.

Кромвель говорил неспешно и отчетливо, словно пытаясь втолковать очевидные вещи непроходимому тупице.

– Именно поэтому Рич и угрожал вам. А Билкнэп полагал, что ваш визит связан именно с делом о монастырских зданиях. Вы все неверно истолковали, Мэтью, и ввели меня в заблуждение.

Я молча закрыл глаза.

– Странно, что вы, столь опытный законник, позволили обвести себя вокруг пальца, – с глухим смехом изрек лорд Кромвель. – Неужели вы не насторожились, лишившись почти всех клиентов? Неужели вы не попытались узнать, что стоит за их внезапным решением обратиться к другим адвокатам? Уверен, вам не составило бы труда выяснить, что все они – люди Ричарда Рича.

– Я был слишком занят, милорд. Все мои помыслы были поглощены греческим огнем и делом Уэнтвортов. Что касается всех прочих дел, мне пришлось передать их коллеге по корпорации.

– Да, мне доводилось слышать о мастере Уилрайте, – сверкнув глазами, изрек Кромвель. – Полагаю, недалек тот день, когда излишний религиозный пыл этого молодого человека приведет его на костер.

У губ лорда Кромвеля залегла суровая складка. Я понял, что времена, когда он поддерживал самых решительных реформаторов, миновали безвозвратно. Кромвель резко поднялся, подошел к окну и некоторое время стоял, глядя на придворных и клерков, сновавших по двору. Потом он вновь повернулся ко мне.

– Поговорив с Ричем, я убедился, что они с Билкнэпом не имеют касательства к греческому огню. Рич вообще ничего об этом не слышал. Мне пришлось всячески изворачиваться, чтобы мои расспросы не

пробудили у него ненужных подозрений и догадок. Надеюсь, мне это удалось.

– Я очень сожалею о своей ошибке, милорд, – промямлил я, чувствуя себя полным идиотом.

– Итак, у нас осталось двое подозреваемых: леди Онор и Марчмаунт, – произнес Кромвель и, склонив голову, принялся мерить комнату шагами. – Что вы можете сказать о леди Онор, Мэтью? По моим сведениям, вы частенько проводите время в ее приятном обществе.

Я с укором поглядел на Барака; тот слегка пожал плечами.

– Я предполагал, что леди Онор что-то скрывает, – произнес я. – Между ней, Марчмаунтом и герцогом Норфолкским существует какая-то тайна. Я приложил все усилия, чтобы выяснить, в чем она состоит. И удостоверился, что тайна леди Онор не имеет отношения к греческому огню. – Тайна? Может, вы сообразовите открыть эту пресловутую тайну мне? – не поднимая головы, бросил Кромвель.

Я медлил с ответом. Данное леди Онор обещание сковало мне язык. Но тут Кромвель вскинул голову и прожег меня таким огненным взглядом, что я счел за благо рассказать ему обо всем.

– Что ж, пусть старый плут Норфолк гоняется за этой дамой, если ему того хочется, – пробурчал Кромвель, выслушав мой рассказ. – Это лучше, чем строить заговоры. Итак, Мэтью, вы твердо уверены в том, что леди Онор тоже не имеет отношения к греческому огню?

– Да, милорд. Я в этом неколебимо уверен. Кромвель повернулся и опять принялся вышагивать по комнате.

– А Марчмаунт?

– Милорд, мне кажется, этот человек умалчивает о чем-то важном. Барак сообщил мне, что вы вызвали его к себе.

– Вызвал, – кивнул Кромвель, остановился и вновь вскинул голову. Всмотревшись в его лицо, я, к немалому своему удивлению, не заметил никаких признаков гнева; взгляд Кромвеля был исполнен лишь бесконечной усталости.

– Точнее, я намеревался его вызвать. Но мне сообщили, что барристер Марчмаунт исчез.

– Да, его не так просто отыскать. Всю прошлую неделю я не мог поговорить с ним: он уезжал из Лондона по каким-то делам.

– Я послал двух гонцов в его контору, – покачал головой Кромвель. – Они говорили с его клерком. Тот очень обеспокоен, потому что патрон его не ночевал дома и не явился на судебное заседание.

Кромвель вперил в меня пронзительный взгляд.

– Вы пытались его запугать, Мэтью? Говорили о том, как страшен мой гнев?

– Нет, от прямых угроз я воздержался. Хотя, не скрою, позволил себе некоторые намеки.

– Полагаю, ваши намеки были достаточно прозрачными. Иначе он не решил бы скрыться в неизвестном направлении. Или, может быть, его постигла участь братьев Гривудов?

По спине моей пробежал холодок.

– Если это так, значит, Билкнэп и леди Онор тоже в опасности, – сказал я. – Ведь так или иначе они тоже были посредниками в этом деле.

Кромвель опустил на стул и покачал головой.

– Неизвестный противник все время опережает вас, Мэтью, не так ли? – произнес он ровным и бесстрастным тоном. – На своем веку я повидал немало злоумышленников, но никогда прежде мне не доводилось сталкиваться с таким хитрым и предусмотрительным врагом.

По непроницаемому его лицу пробежало подобие улыбки.

– Если бы мы встретились при иных обстоятельствах, он, возможно, вызвал бы мое искреннее восхищение. Или она.

Кромвель пожал своими массивными плечами.

– Впрочем, вы сделали все, что от вас зависело, – произнес он, к моему великому облегчению. – Но игра почти проиграна. Осталось всего три дня до того, как мы должны представить королю греческий огонь в действии. А мы ничуть не продвинулись в поисках формулы и аппарата. Надо отдать должное преступникам, они умеют прятать.

Кромвель повернулся к Бараку.

– Джек, попытайтесь напасть на след Токи и Райта. И если кто-то из ваших осведомителей встретит эту парочку, пусть передаст им: я щедро заплачу, если они сами ко мне явятся.

– Я все сделаю, милорд. Но, думаю, даже если я сумею их найти, вряд ли они решат переметнуться на другую сторону в столь рискованной игре. – Тем не менее попытайтесь их убедить. Думаю, завтра, самое позднее в среду, я должен рассказать обо всем королю. Мэтью, Барак сообщил мне, что шлюха, с которой разделались эти негодяи, перед смертью говорила о некоем заговоре. Насколько я понял, она утверждала, что вся история с греческим огнем – часть направленной против меня интриги.

– Именно так, милорд.

– Что ж, судя по всему, шлюха была права. Но не будем сдаваться прежде времени. Я надеюсь на ваш острый ум, Мэтью. – В голосе

Кромвеля звучало откровенное отчаяние. – Да, и загляните в Линкольнс-Инн. Общайте комнаты Марчмаунта. Возможно, клерки расскажут вам то, что они утаили от моих людей.

– Милорд, прошу вас, не торопитесь сообщать королю о том, что наши поиски не увенчались успехом. Дайте мне время до среды. Я попытаюсь сдвинуть дело с мертвой точки.

– Значит, в руках у вас есть какие-то нити? – спросил Кромвель, не сводя с меня глаз.

– Пока нет, – судорожно сглотнув, покачал я головой. – Но я надеюсь, они вот-вот появятся.

Несколько мгновений Кромвель продолжал сверлить меня глазами, потом обратил свой взор к бумагам.

– Ступайте, – проронил он. – Господи боже, Грей, как видно, вознамерился заживо похоронить меня под кипами бумаг.

Вся массивная его фигура дышала такой безнадежностью, что на мгновение я остановился, охваченный внезапным желанием рассказать Кромвелю обо всем. Я уже был готов признать, что отыскал греческий огонь и передал его Гаю для исследования. В эти минуты я осознал, что преданность, которую я так долго питал к этому человеку, еще жива в моей душе. Но Барак двинулся к дверям, и я, так и не проронив ни слова, последовал за ним. Приблизившись к двери, я, к немалому своему удивлению, услышал, как с другой стороны кто-то поспешно отскочил прочь. Выйдя из кабинета, мы увидели Грея, который с пылающим лицом сидел за своим столом.

– Э, господин секретарь, да вы, похоже, подслушивали? – ухмыльнулся Барак. – Не слишком похвальная привычка.

Грей не ответил, лишь щеки его запылали еще сильнее.

– Оставьте его, Барак, – сказал я. «Несомненно, Грей полон тревожных предчувствий и имеет на это самые веские основания», – отметил я про себя.

Сейчас никто из приближенных Кромвеля не заслуживает доверия. И я сам в первую очередь. Ведь я отыскал греческий огонь и скрыл это от патрона. Собственный поступок показался мне столь вероломным, что на мгновение голова пошла кругом.

Мы с Бараксом, погруженные в мрачные размышления, сидели на ступенях Вестминстер-холла.

– Я опасался, что лорд Кромвель будет в ярости, – прервал я молчание. – Но он... Судя по всему, он почти смирился с поражением.

– Он прекрасно понимает, какими печальными последствиями

обернется для него это поражение, – тихо проронил Барак.

– Хотел бы я знать, куда пропал Марчмаунт? И кто он – злоумышленник или жертва?

– Это одному Богу известно, – пожал плечами Барак. – Я, конечно, попытаюсь узнать, где скрываются Токи и Райт. Да только, скорее всего, все мои попытки ни к чему не приведут. Похоже, некоторым моим осведомителям хорошо заплатили за то, чтобы они держали рты на замке. – Всякий раз, когда в руках у нас оказывается нить, нужного нам свидетеля убивают, – заметил я. – Согласитесь, это очень странно. Словно кто-то докладывает противнику обо всех наших действиях. Кто забрал книги из библиотеки Линкольнс-Инн? Кто запугал библиотекаря? – спросил я, сверля Барака взглядом.

– Откуда мне знать, – нахмурившись, буркнул он. – Впрочем, в том, что случилось, я не вижу ничего особенно странного. Бэтшебу и ее брата выдала мадам Неллер. Литейщик исчез задолго до того, как мы узнали о его существовании. А Марчмаунт, скорее всего, живехонек. Просто он решил, что в такое тревожное время лучше отсидеться подальше от Лондона.

– Если Марчмаунт сбежал, значит, он замешан в этом деле по самые уши. Интуиция подсказывает мне, что так оно и есть.

– Возможно, вы правы. Но нам нужны веские доказательства.

– Надо обыскать его контору и жилые помещения в Линкольнс-Инн.

– Да, конечно. Но сейчас я должен отправиться на поиски Токи. Через некоторое время я найду за вами на Канцлер-лейн.

– Хорошо, — кивнул я, поднимаясь со ступенек. – Не забывайте об осторожности, Барак. Токи и его напарник ни перед чем не остановятся.

– Я сумею за себя постоять.

Барак тоже поднялся и отряхнул одежду.

– Мне обидно, что мы подвели лорда Кромвеля, – с горечью сказал он.

– Погодите терзаться. У нас еще осталось время. Я буду ждать вас дома. Рука горит, как в огне, – добавил я с тяжким вздохом.

– А мое плечо сегодня не особенно меня беспокоит. Ваш старый мавр знает толк в снадобьях.

Барак посмотрел на гладкую поверхность реки. Проследив за его взглядом, я заметил на воде какое-то необычное сияние, заставившее меня вздрогнуть. Однако в следующее мгновение я понял, что это всего лишь игра солнечного луча, проникшего сквозь легкое облако и отразившегося в воде множеством золотистых отблесков.

Заглянув в окно аптеки Гая, я никого не заметил и начал уж опасаться,

что не застал своего друга дома. Однако стоило мне постучать, в глубине дома раздались шаги, и вскоре Гай распахнул дверь. Вид у него был утомленный.

– Вы получили мою записку, Мэтью?

– Да.

Я вошел, и Гай запер дверь.

– Как себя чувствует Элизабет? Я собираюсь навестить ее сегодня вечером.

– Ей намного лучше. По крайней мере, телесный ее недуг отступил.

Я коротко рассказал Гаю о страшной находке, сделанной нами в колодце, и о разговоре с Элизабет. Он устремил на меня задумчивый взгляд.

– И вы намерены добиться правды у членов семьи?

– Твердо намерен. Причем это надо сделать, не откладывая. В четверг Элизабет вновь предстанет перед судьей Форбайзером.

– Будьте осмотрительны, – предостерег Гай. – Вам придется столкнуться со злом, беспощадным злом.

– Я знаю.

Внезапно я вновь почувствовал головокружение и поспешно опустился на стул.

– Вам плохо, Мэтью?

– Немного закружилась голова. Это все жара виновата.

Гай подошел ко мне и внимательно взгляделся в мое лицо.

– У вас уже случались подобные головокружения?

– Случались. Не далее как вчера.

– Вы взвалили на себя слишком тяжелую ношу. Ношу, которая превышает человеческие силы.

– Однако Барак, похоже, справляется со столь же тяжким грузом дел.

– Я говорил с мастером Бараком, когда он привез вас сюда после пожара, – с улыбкой заметил Гай. – При близком знакомстве сей молодой человек значительно выигрывает.

– Да, он рассказал мне, что вы дали ему какое-то снотворное снадобье для собак.

– Дал. Но не равняйте себя с ним, Мэтью. Барак вырос на улицах, а это превосходная закалка. К тому же он намного моложе вас. И насколько я успел понять, он из тех, кто любит риск и опасность.

– Вы забыли упомянуть о том, что у Барака прямая спина.

– Спина беспокоила бы вас намного меньше, выполняй вы каждый день упражнения, которые я вам показал. Наверняка вы сейчас скажете, что у вас нет на это времени.

– Богом клянусь, это чистая правда, – со вздохом изрек я. – Я действительно страшно устал, Гай. Поиски наши зашли в тупик, все нити оборвались. К тому же главный подозреваемый, барристер Марчмаунт, бесследно исчез. И мы даже не знаем, кто он – злоумышленник, сбежавший от преследования, или свидетель, которого постигла печальная участь всех прочих свидетелей. Единственное, чем я сейчас располагаю, – это греческий огонь.

– Идемте в мой кабинет, – кивнул Гай. Вслед за ним я прошел в заднюю часть дома. Кабинет Гая, заставленный склянками и бутылками самой причудливой формы, а также какими-то непонятными приспособлениями, напомнил мне лабораторию братьев Гривудов.

– Я и не знал, что у вас здесь целая алхимическая лаборатория, Гай.

– Да, меня интересуют опыты с различными веществами, – с улыбкой заметил аптекарь. – Но я держу их в тайне. А то соседи, чего доброго, решат, что я колдун.

На подоконнике я увидел оловянную банку с греческим огнем. Гай указал на одну из стен комнаты, и я заметил, что она почернела, как стена во дворе Гривудов.

– Вчера, когда я пытался исследовать это вещество, у меня здесь вспыхнул небольшой пожар, – пояснил Гай. – За несколько мгновений вся комната наполнилась удушливым черным дымом. Хорошо еще, что я взял для опыта лишь малую толику жидкости.

Я посмотрел на заветную банку, потом перевел взгляд на Гая.

– Но что представляет собой эта жидкость? Каков ее состав?

– Этого я не сумел выяснить, Мэтью, – покачал головой мой ученый друг. – И, признаюсь вам, до некоторой степени меня это даже радует, ибо я не желаю, чтобы когда-нибудь это вещество превратилось в грозное оружие.

Он беспомощно развел руками.

– Я перегонял его, соединял с другими веществами, но все мои усилия ни к чему не привели. Это вещество оказалось хитрее меня.

При этих словах сердце мое сжалось, хотя в глубине души я, подобно Гаю, почувствовал облегчение.

– Я знаком со сведущими алхимиками, – сказал Гай. – Возможно, они сумеют вам помочь. Но для этого требуется время. – Вот времени у меня как раз и нет, – покачал я головой. – К тому же я не решился бы доверить эту тайну никому, кроме вас.

Гай пожал плечами.

– Я очень сожалею, что ничего не смог для вас сделать.

– Вы сделали все, что могли.

Я подошел к подоконнику, открыл кувшин и поглядел на густую коричневую жидкость.

– Но хоть что-то вы можете мне сказать о природе этого вещества, Гай?

– Почти ничего. Могу лишь утверждать с уверенностью, что это вещество не похоже ни на одно из тех, с которыми я имел дело прежде. И, несомненно, его состав не имеет ничего общего с польской огненной водой.

– Но если это вещество поставило в тупик вас, как мог с ним работать Сепултус? – спросил я после недолгого раздумья. – Судя по всему, этот человек не обладал обширными научными познаниями.

– Не забывайте, что он проводил опыты в течение нескольких месяцев. Вы же сами сказали, братья Гривстуды обратились к Кромвелю полгода спустя после того, как они обнаружили в монастыре бочонок с этой жидкостью.

– Да.

– К тому же в распоряжении Сепултуса была формула, в которой указывались все составляющие. Поэтому начинать опыты ему было намного легче, чем мне. Впрочем, в конечном итоге любое вещество можно разложить на четыре основных элемента: землю, воздух, огонь и воду. – Друг мой вновь развел руками. – Однако эти элементы образуют бесчисленное множество различных соединений.

Я понимающе кивнул.

– Благодарю за то, что попытались мне помочь, Гай. Признаюсь, вы – единственный человек, которому я всецело доверяю. Вы так часто давали исчерпывающие ответы на мои вопросы и помогали мне справиться с затруднениями. И в результате я решил, для вас нет ничего невозможного.

– Вы ошибались, мой друг, – улыбнулся Гай. – Я всего лишь человек, а значит, плоть моя слаба, а ум ограничен. Впрочем, я знаю, благодаря моей необычной наружности многие люди полагают, что я наделен необычайными способностями.

– Наверное, мне не следовало просить вас заниматься веществом, которое, возможно, послал людям дьявол.

– Что вы намерены делать теперь, Мэтью? – спросил Гай, пристально посмотрев на меня.

– Говоря откровенно, я в полной растерянности. Боюсь, Кромвель напрасно возлагает на меня надежды.

– А как мне поступить с этим? – Гай кивнул в сторону оловянной банки. – Уничтожить или сохранить?

Вопрос этот привел меня в замешательство, которое, однако, длилось недолго.

– Уничтожить, – твердо ответил я. – Вылейте это в реку.

– Вы уверены? – вскинув бровь, спросил Гай. – Вы отдаете себе отчет в том, что нас обоих могут обвинить в государственной измене?

– Разумеется, отдаю. И тем не менее я уверен: это вещество следует уничтожить.

На мгновение смуглое лицо Гая просияло. Он с пылом пожал мою руку.

– Вы приняли правильное решение, Мэтью. Я очень рад.

Я спустился к реке и долго стоял на берегу, наблюдая, как разгружают корабли, прибывшие из дальних стран. «Каждую неделю они привозят в Англию новые диковины, – размышлял я, – и, может, недалек тот день, когда какой-нибудь корабль доставит новое вещество, еще более опасное и губительное, чем греческий огонь».

Я представил себе, как сто лет назад на берег сошел наемный солдат Сент-Джон, с исполненными тайной силы документами и крепко запаянным бочонком. Теперь он обрел покой в могиле. Но я твердо знал, что навсегда утратил бы покой, если бы дал кому-нибудь из сильных мира сего столь страшное оружие. Это неминуемо привело бы к непредсказуемым последствиям.

Я окинул взглядом противоположный берег, по которому несколько дней назад гулял в обществе леди Онор. Амфитеатр, в котором устраивались медвежьи травли, возвышался над крышами домов. До меня даже донесся возбужденный рев толпы – как видно, на арене травили очередного медведя.

«Вряд ли Марчмаунт сейчас наслаждается своей излюбленной забавой, – подумал я. – Жив ли он? И куда пропал?»

В глубине души я, подобно Бараку, был убежден, что игра проиграна. Но бесчисленные загадки этого запутанного дела по-прежнему не давали мне покоя.

Неподалеку от пристани я заметил таверну «Дикий турок», ту самую, в которой мы с Баракком беседовали с моряками. После недолгого колебания я решил зайти. В этот час в таверне было пусто, и шаги мои гулко отдались под низкими сводами просторного сумрачного помещения. Гигантская кость по-прежнему покачивалась на своих цепях. Я подошел к стойке и заказал кружку пива. Хозяин, здоровенный мальй, судя по виду бывший моряк, с любопытством посмотрел на мой расшитый камзол.

– Джентльмены заглядывают к нам не часто, – заметил он. – Вы ведь были здесь несколько дней назад, правда, сэръ? Беседовали с Хэлом

Миллером и его приятелями?

– Да. Эти парни рассказали мне об одном занятном случае. Вы помните, как они подожгли здесь стол?

– Такое не скоро забудешь, – усмехнулся хозяин. – Тогда они наделали переполоху. Я хотел, чтобы они продали мне немного огненной воды – я люблю всякие диковины.

– Вроде этой? – Я кивнул в сторону исполинской кости.

– Представьте себе, сэр, эту штуковину выбросило на берег у причала лет двадцать тому назад. Тогда еще мой отец был жив. Во время прилива ее нашли в прибрежной тине. Люди тогда переворостили всю тину вдоль берега, думали найти еще какие-нибудь кости гиганта. Но ничего больше им не попало. А эту кость взял мой отец. С тех пор она здесь и висит. Можете вообразить, какого роста был этот парень? В Библии говорится о великанах, которые населяли землю в древние времена. Должно быть, это был один из них. Конечно, здорово было бы заполучить весь скелет. Но и одна кость служит мне добрую службу. Люди частенько сюда заглядывают, чтобы полюбоваться на подобное диво, а торговле это на пользу.

Словоохотливый хозяин болтал бы еще долго, но мне хотелось побыть в одиночестве. Взяв свою кружку, я удалился в тот самый угол, где сидел с Баракком.

Однако последняя фраза хозяина упорно вертелась у меня в голове. «Люди частенько сюда заглядывают, чтобы полюбоваться на подобное диво, а торговле это на пользу». Да, человеческое стремление к наживе многое определяет в этом мире. Я размышлял об этом жизненном законе, о Токи и Райте, об их неведомом нанимателе. В течение полугода, прежде чем обратиться к Кромвелю, братья Гривуды и их сообщники упорно работали, пытались получить собственный греческий огонь, гонялись за польской огненной водой. Несомненно, они рассчитывали на большие прибыли. Именно стремление к наживе заставило их затеять заговор против Кромвеля.

Внезапно меня пронзила догадка. словно пелена упала с моих глаз, и механика этого запутанного дела стала мне ясна. Я по-прежнему не знал лишь одного: кто приводил ее в движение. Сердце бешено колотилось в моей груди. Я припоминал все известные мне факты, поверяя ими свою теорию. Ни одно из обстоятельств дела не противоречило моим умозаключениям. Все разрозненные части головоломки сложились воедино. Я резко встал и двинулся к дверям таверны. Поглощенный своим открытием, я не замечал ничего вокруг и натолкнулся на гигантскую кость, которая принялась раскачиваться на своих цепях.

Я поспешно направился в меблированные комнаты Джозефа, где оставил в конюшне Предка. Мерин, как всегда смиренный и спокойный, ожидал меня в стойле. Выезжая со двора, я окинул здание взглядом: пансион явно относился к числу дешевых, однако пребывание здесь стоило Джозефу дороже, чем он мог себе позволить. Бесспорно, Джозеф был очень славным и добрым малым, хотя подчас он раздражал меня своим чрезмерно пылким благочестием и излишней суетливостью. Но, надо признать, неколебимая его преданность Элизабет заслуживала всяческого уважения.

«Сегодня непременно отправлюсь к Уэнтвортам», – пообещал я себе и тут же подумал, что неплохо бы взять с собой Барака.

Гай прав – в этом доме нашло пристанище беспощадное зло. А если моя догадка верна, мы сумеем оправдать доверие лорда Кромвеля и поправить его пошатнувшееся положение при дворе. Мне более ни к чему таить что-нибудь от Барака.

Барака не оказалось дома. За два часа, прошедших до его возвращения, солнце успело опуститься. Все это время я провел в крайнем беспокойстве, надеясь, что Барак внял моим предостережениям и сумел избежать опасности. Наконец, к великому своему облегчению, я услышал в холле его шаги. Выглянув из гостиной, я попросил его зайти.

– Что, опять дурные новости? – с тревогой спросил Барак, вглядываясь в мое разгоревшееся от волнения лицо.

– Как раз наоборот, – выпалил я, торопливо закрывая дверь. – Барак, кажется, мне удалось решить эту головоломку. Сегодня я заглянул в ту портовую таверну, в которой мы встречались с моряками. Там с потолка свисает гигантская кость, помните?

– Погодите, не трещите так быстро, – вскинул руку Барак. – Я ничего не понимаю. Какое отношение эта чертова кость имеет к нашему делу?

– Ровным счетом никакого. Просто хозяин сказал, что эта кость помогает привлечь в таверну людей и это идет на пользу торговле. И эти слова натолкнули меня на определенную мысль. Откровенно говоря, от всех этих загадок у меня голова шла кругом, поэтому я и не сообразил, что между делом Билкнэпа и Ричардом Ричем существует прямая связь. Послушайте, мы с вами все время удивлялись, почему братья Гриввуды выжидали шесть месяцев, прежде чем обратиться к Кромвелю. Это очень странно, особенно если принять на веру слова Бэтшебы, которая утверждала, что с самого начала они замыслили против графа заговор.

– Да, и что же?

– Как только Гриввуды обнаружили греческий огонь в монастыре Святого Варфоломея, они сразу смекнули, что эта находка сулит им

немалую выгоду. Майкл Гривстуд работал в Палате перераспределения. И он наверняка знал, что придворная партия, поставившая своей целью свергнуть Кромвеля, набирает силу.

– Это известно всем, – кивнул Барак.

– Тогда братья решили предложить греческий огонь кому-нибудь из влиятельных противников Кромвеля и Реформации. Интерес, который король питает к кораблям и оружию, также известен всем. И, несомненно, тот, кто представил бы королю новое мощное оружие, способное уничтожить целый флот, заслужил бы благоволение монарха. Как видно, Гривстуды считали, что будущее принадлежит врагам Реформации, и потому сделали ставку именно на них.

– Да, но к кому они обратились? – Волнение мое передалось Бараку, и теперь щеки его тоже полыхали. – К Марчмаунту? Он ведь человек Норфолка, закоренелого врага графа.

– Возможно. Хотя Майкл, в качестве служащего Палаты перераспределения, мог выйти и на Ричарда Рича. Кромвель, как вы помните, уверен, что Рич замышляет против него заговор. Таким образом, и Рич, и Билкнэп снова оказываются в списке подозреваемых.

– Значит, надо включить туда и леди Онор. Ее тоже никак нельзя считать сторонницей Реформации.

– Хорошо, не буду с вами спорить. Итак, братья Гривстуды обратились к какому-то влиятельному лицу – назовем его пока врагом Кромвеля. Они представили ему сосуд с веществом и формулу и заверили, что в скором времени смогут производить греческий огонь в любых количествах. В помощь им дали Токи и Райта, которым, вероятно, вменялось также в обязанность следить за братьями.

– Все это похоже на правду. Продолжайте.

– В течение полугода Гривстуды пытались самостоятельно получить греческий огонь. Однако усилия их не увенчались успехом. Вещество, находившееся в сосуде, было им совершенно не известно, а формула включала в себя элементы, которыми они не располагали. Я все никак не мог понять, почему древние римляне, которые тоже были знакомы с греческим огнем, не использовали его в качестве оружия. Судя по историческим трудам, византийцы умели производить эту горючую жидкость, а римляне нет. И жители древнего Иерусалима тоже не умели. Думаю, состав греческого огня таков, что нам никогда не получить его.

– Вы хотите сказать, что для производства греческого огня нам не хватает некой важной составляющей? – спросил Барак, глаза которого светились от возбуждения.

– Именно так. Майкл и Сепултус провели множество опытов. Недостающую составляющую они пытались заменить другими веществами, вроде польской огненной воды. Но все их попытки оказались безрезультатными.

– Значит, несмотря на то, что в распоряжении братьев была формула, они остались ни с чем.

– Да. Сами понимаете, Гривуды были в отчаянии, и их могущественные сообщники тоже. Тяжело упускать из рук возможность, дарующую власть и богатство. Вы помните, Гривуды с помощью литейщика Лейтона построили аппарат для метания греческого огня. Они опробовали его во дворе литейщика, используя тот небольшой запас, который находился в сосуде. Таким образом, они видели, какой мощью обладает греческий огонь. И конечно, проведя всю зиму в бесплодных усилиях, они были вне себя от досады. К тому же над головой Кромвеля, который способствовал неудачному браку короля, и без их помощи стали сгущаться тучи.

– Значит, вы полагаете, что греческий огонь, который спалил старый корабль в Дептфорде, был тем самым, из монастырского подвала... – Вы снова правы. И после того как Гривуды пустили его в дело, запас их был почти исчерпан.

– Скорее всего. Наверняка в тот раз они истратили не меньше половины бочонка.

– К началу весны их влиятельный сообщник, тот, кого мы называем врагом Кромвеля, начал терять терпение. Возможно, если бы Гривуды обратились за помощью к сведущему алхимику, они смогли бы добиться какого-нибудь результата. Но заговорщики боялись выдать свою тайну новым людям. Тогда у них созрел иной план: они решили повернуть к своей выгоде то обстоятельство, что у них осталось лишь небольшое количество греческого огня. О, враги графа на редкость умны и коварны.

– Значит, – нахмурившись, предположил Барак, – Гривуды отправились к графу и сообщили ему, что сумели получить греческий огонь. А он рассказал об этом королю.

– В точности так все и происходило. Для того чтобы получить аудиенцию у графа, они использовали длинную цепочку: Билкнэп, Марчмаунт, леди Омор. Все это делалось лишь с одной целью – усыпить подозрения графа.

– Насколько я понимаю, никто из посредников не принимал участия в заговоре.

– Возможно, не принимал. Но я в этом далеко не уверен. Не удивлюсь,

если соучастниками заговора окажутся все трое.

Барак удивленно присвистнул.

– Итак, Гривуды показали графу, на что способен греческий огонь, используя то, что осталось в бочонке, да? – уточнил он. – Граф поверил, что этой горючей жидкости у них более чем достаточно и они готовы предоставить греческий огонь в его полное распоряжение. В результате он дал королю обещание, которое невозможно выполнить.

– Сегодня вы на редкость догадливы, Барак. Полагаю, влиятельный сообщник Гривудов пообещал им хорошо заплатить и дать возможность бежать из Англии. Братья рассчитывали скрыться прежде, чем Кромвель выяснит, что запас греческого огня исчерпан. О завершающей части плана им, разумеется, не сообщали. Между тем план заговорщиков состоял в том, чтобы убить братьев Гривудов и представить дело так, будто формула похищена. Они понимали, тут сразу возникнут подозрения, что неизвестный злоумышленник намеревается передать формулу за границу, недругам Англии. Замысел свой они выполнили в точности. И все это произошло уже после того, как рассказ Кромвеля донелся разжег интерес короля и тот с нетерпением ожидал, когда ему предоставят новое мощное оружие.

– Король и до сих пор рассчитывает, что в четверг ему покажут греческий огонь в действии, – вставил Барак.

– Да. Злополучный литейщик, помогавший братьям Гривудам, знал слишком много и поплатился за это жизнью. К тому же аппарат для метания огня, скорее всего, хранился во дворе дома Лейтона. Заговорщики должны были забрать этот аппарат.

– Все концы сходятся, – кивнул Барак. – Похоже, вам и правда удалось распутать этот клубок. Но вдруг вы все-таки ошибаетесь?

– Вы же сами видите, благодаря моей теории удалось объяснить все противоречия, которые ставили нас в тупик.

Барак несколько мгновений помолчал, в задумчивости грызя ногти. Я в тревожном ожидании глядел на него, опасаясь, что он отыщет в моих построениях изъян, которого сам я не заметил. Но он кивнул в знак согласия.

– А несчастную Бэтшебу прикончили, потому что опасались, что Майкл Гривуд был с ней слишком откровенен, – сказал он. – Кстати, он и правда немало выболтал.

– Да, а дом Гривудов Токи и Райт спалили, используя последние остатки греческого огня. Их хозяева приказали им сделать это, дабы убедить Кромвеля—у них достаточно этого грозного вещества. К тому же

пожар послужил убедительным предупреждением. Всякий, кто видел, как дом в мгновение ока вспыхнул от фундамента до крыши, был потрясен этим зрелищем. Если бы по делу о пожаре провели дознание, непременно бы выяснилось, что это был далеко не обычный поджог. Можете себе представить, как принял бы подобное известие король.

Во взгляде Барака, устремленном на меня, мелькнул ужас.

– Но если вы правы, враги графа на этом не остановятся, – выпалил он. – Они непременно устроят при помощи греческого огня еще один пожар. Граф должен немедленно рассказать о заговоре королю.

– Да, конечно. Но король должен убедиться в том, что его тоже пытались обмануть, сделать участником чужой игры. Тогда он обрушит на заговорщиков свой гнев, а Кромвель сумеет обернуть ситуацию к собственной пользе. Но для этого надо выяснить, кто стоит за всей этой авантюрой. Король отнесется к рассказу Кромвеля с большим доверием, если тот назовет имена.

Барак почесал свой стриженный затылок.

– Пока граф может назвать лишь имя Марчмаунта, – заметил он. – Но, возможно, Марчмаунт – всего лишь очередная жертва. У нас нет никаких доказательств того, что он играл в этом деле важную роль.

– Никаких доказательств, – пробормотал я. – И я не представляю, как искать эти доказательства.

Охватившее меня волнение пошло на убыль, и я вновь ощутил свинцовую усталость.

Во взоре Барака, напротив, вспыхнули искры.

– У врагов графа, кем бы они ни были, наверняка сохранилось хотя бы немного греческого огня! – с пылом заявил он. – Я уверен, они не истратили жидкость до последней капли. И если мы найдем их, король отдаст вещество на исследование лучшим алхимикам. А те быстро выяснят, из чего оно состоит.

Подобная мысль не приходила мне в голову, и теперь я должен был признать, что Барак совершенно прав. Скорее всего, заговорщики не истратили весь греческий огонь без остатка. Мне оставалось лишь беззвучно выругаться.

– Удивляюсь, почему никто не думает о том, что греческий огонь несет людям лишь смерть и разрушение? – произнес я с горестным вздохом. – Уж вам-то это и вовсе непростительно, Барак! Вы видели, как страшно это вещество, вы едва не погибли при пожаре! Удивительный вы все-таки человек. Труп убитого ребенка, найденный в колодце, потряс вас до глубины души. А о смертоносном оружии, способном уничтожить тысячи

людей, вы говорите едва ли не с восторгом.

Однако слова мои не произвели на Барака ни малейшего впечатления.

– Греческий огонь будут использовать против солдат, а не против детей, – пожал он плечами. – Таков уж их удел – сражаться и отдавать свои жизни за родину.

Барак вперил в меня пристальный взгляд и добавил:

– Если этот огонь нужен милорду, он получит его во что бы то ни стало.

Я счел за благо промолчать. К счастью, Барак был слишком взволнован, чтобы заметить мое недовольство.

– Вы должны как можно скорее написать графу письмо и рассказать обо всех своих догадках, – заявил он. – А я отвезу письмо Грею. – Хорошо, – согласился я после недолгого колебания. – Сегодня уже поздно идти в Линкольнс-Инн. Но завтра с утра мы первым делом отправимся туда и как следует осмотрим контору и жилые комнаты Марчмаунта.

– Если за всей авантюрой и правда стоит Марчмаунт и мы сумеем найти тому доказательства, граф спасен, – сказал Барак и расплылся в счастливой улыбке.

Я молча кивнул.

«Если мы найдем греческий огонь, Кромвель никогда его не получит», – твердо сказал я про себя.

Необходимо сделать все возможное, дабы помешать Бараку передать это грозное вещество своему патрону.

ГЛАВА 41

Несмотря на все пережитые волнения, ночью я спал глубоко и спокойно. Около шести утра я проснулся свежим и бодрым. Впрочем, стоило мне встать с постели, спина сразу напомнила о себе ноющей болью. Меняя повязку на руке, я с удовольствием убедился, что ожог почти зажил. Впервые за много дней я проделал упражнения, которые показал мне Гай, стараясь, однако, не переусердствовать. Наступило восьмое июня; в нашем распоряжении оставалось всего два дня.

Сразу после завтрака мы с Баракком отправились в Линкольнс-Инн, где законники еще только приступали к своим ежедневным занятиям. На скамье, где я когда-то встретил леди Онор, спал студент, сраженный винными парами. Яркий солнечный свет разбудил его, он потянулся и, моргая, уселся на своем жестком ложе. Адвокаты, спешившие мимо с бумагами, награждали бедолагу осуждающими взглядами. Не заходя в мою контору, мы отправились прямо к Марчмаунту.

Оба клерка Марчмаунта пребывали в величайшей тревоге. Один из них с жаром рассказывал зашедшему в контору барристеру подробности дела, на слушание которого Марчмаунт не явился. Другой сосредоточенно копался в бумагах, грудой лежавших на столе. Вдруг, издав приглушенный стон, он бросился в кабинет Марчмаунта, дверь в который была распахнута. Мы с Баракком последовали за ним. Клерк, успевший погрузиться в новую кипу бумаг, на мгновение оторвался от своего занятия и бросил на нас недоуменный взгляд.

– В кабинет барристера доступ посторонним закрыт, – заявил он. – Если вы пришли по одному из дел, находящихся в ведении барристера Марчмаунта, соблаговолите подождать в конторе. Мы должны срочно отыскать важные бумаги.

– Мы здесь по приказу лорда Кромвеля, – отрезал я. – Нам поручено расследовать обстоятельства, связанные с исчезновением барристера Марчмаунта.

Баракк предъявил ошарашенному клерку печать. Тот внимательно поглядел на нее и сокрушенно покачал головой:

– Барристер очень рассердится, если узнает, что кто-то заходил в его кабинет. Он хранит здесь свои личные вещи.

Тут клерк наконец нашел нужную бумагу, схватил ее и поспешил прочь. Баракк закрыл за ним дверь.

– Что именно мы рассчитываем здесь найти? – осведомился он.

– Сам не знаю. Нам пригодится любая улика. Сначала обыщем кабинет, потом жилые помещения.

– Если Марчмаунт скрылся по своей собственной воле, уж конечно, он не оставил никаких улик, бросающих на него подозрение.

– Пока не будем строить предположений. Поройтесь в этих ящиках, Барак, а я займусь столом.

Я испытывал странное чувство, осматривая владения Марчмаунта. Запертый ящик стола возбудил наши надежды. Но, увы, когда Бараку удалось его открыть, там оказалось всего лишь генеалогическое древо, искусно изображенное на пергаменте. Марчмаунт проследил свою родословную на протяжении двухсот лет. Под именами его предков были выведены их скромные занятия – торговец рыбой, литейщик колоколов и даже крепостной крестьянин. Этого последнего надменный потомок, несомненно, особенно стыдился. Под именем некоего джентльмена, жившего около ста лет назад, красовалась гордая надпись: «Сей доблестный муж происходил из норманнов!»

– Нашел чем гордиться, надутый олух! – расхохотался Барак.

– Да уж. Марчмаунт всегда отличался пустым тщеславием. Увы, здесь нет ничего интересного. Пойдем, посмотрим, может, удастся что-нибудь обнаружить в жилых помещениях.

Но и дальнейшие наши поиски ни к чему не привели. В шкафах и бюро мы обнаружили лишь одежду, деловые бумаги и деньги, которые оставили в неприкосновенности. Мы напустились с расспросами на клерков, но они твердили одно: вчера, явившись в контору, они не застали своего патрона. Бросив все дела, он исчез в неизвестном направлении, не оставив им даже записки. Унылые и раздосадованные, мы спустились во внутренний двор и направились в мою контору.

– Я, честно говоря, рассчитывал, что мы найдем хотя бы какую-нибудь зацепку, – пробормотал Барак.

– Люди, связанные с этим делом, чрезвычайно осмотрительны, – покачал я головой. – И уж конечно, они не будут хранить дома ничего, что может выдать их причастность к греческому огню. Даже Гривуды держали аппарат для метания огня в Лотбири, во дворе литейщика.

– Однако формула хранилась у них дома. – Да, и вы сами знаете, к чему это привело. Не сомневаюсь, улики следует искать где угодно, только не дома у Марчмаунта.

– Легко сказать – где угодно. Я, например, не представляю, где Марчмаунт мог что-нибудь спрятать.

Я остановился, пораженный внезапной догадкой.

– А что, если он использовал для этой цели какой-нибудь склад?

– Очень может быть, – пожал плечами Барак. – Но складов в Лондоне пропасть. Только на набережной их несколько десятков.

– Одно из дел, которое у меня забрали, касалось продажи склада. Если мне не изменяет память, находился этот склад поблизости от Соляной пристани. Помню, меня очень удивило, что во всех документах явно фигурировали подставные лица. Я еще подумал: «Кому понадобилось держать в тайне настоящее имя владельца склада?»

– Но ведь вы утратили большинство своих дел благодаря проискам Рича. Марчмаунт здесь ни при чем.

Я ничего не ответил и распахнул дверь в свою контору.

Скелли очинивал ножичком перо. Он искоса взглянул на меня.

– Джон, мастер Годфри у себя? – спросил я, не тратя времени на приветствия.

– Нет, сэр. – Скелли грустно покачал головой. – Сегодня он должен вновь предстать перед правлением корпорации.

– Вы не могли бы оказать мне одну важную услугу? Несомненно, вы помните все дела, которых я лишился в последнее время. Будьте добры, составьте для меня список. Имена клиентов и краткое содержание дел.

– Хорошо, сэр.

– Погодите минутку, Джон.

Я внимательно поглядел в покрасневшие глаза Скелли.

– Боюсь, Джон, в последнее время вас подводит зрение.

Я немедленно пожалел о своих словах, потому что в глазах Скелли вспыхнула тревога.

– Нет, что вы, сэр, – пробормотал он, переминаясь с ноги на ногу. – Уверяю вас, я неплохо вижу.

– В скором времени вы сможете видеть еще лучше, – заявил я самым что ни на есть жизнерадостным голосом. – У меня есть друг, аптекарь, который занимается изготовлением очков. Ему необходимы люди, на которых он мог бы испытывать свои стекла. Если вы ему доверитесь, он непременно подберет вам подходящие очки. А так как это нужно для его работы, вы получите их бесплатно.

Лицо Скелли просияло.

– Это было бы замечательно, сэр.

– Значит, договорились. Я поговорю со своим другом. А теперь идите и займитесь списком.

Скелли поспешно вышел прочь.

– А почему вы уверены, что именно на этом складе заговорщики хранят аппарат и остатки греческого огня? – спросил Барак.

– Я ни в чем не уверен. Но мы не должны упускать ни одной возможности. Или, может, у вас есть другие, более разумные предположения? – добавил я, встретившись глазами с его недоверчивым взглядом.

– Откуда ж им взяться, – покачал головой Барак. – Давайте сначала проверим ваше.

– За всю свою практику я впервые сталкиваюсь с тем, что склад покупается через подставных лиц. Несомненно, дело тут нечисто.

Барак подошел к распахнутому окну и выглянул во двор.

– Любопытно, что это там подняли такой гвалт? – пробормотал он. Я присоединился к нему. Во дворе небольшая толпа, состоявшая из законников, клерков и служителей, окружила какого-то студента, довольно тучного белокурого малого с перекошенным от ужаса лицом. Тот что-то рассказывал, усиленно жестикулируя.

– Это наверняка убийство! – донеслись до меня его слова.

Мы с Бараксом молча обменялись взглядами и поспешили вниз. Протолкавшись сквозь толпу, я бесцеремонно схватил рассказчика за руку.

– Что случилось? – выпалил я. – Кто убит?

– Не знаю, сэр, – пробормотал студент. – Я отправился в Кони-Гарт, хотел поохотиться на кроликов. И там, во фруктовом саду, я нашел ее... человеческую ногу. Да, отрезанную ногу, в сапоге. А земля вокруг была залита кровью.

– Отведите нас туда, – распорядился я. Студент немного поколебался, затем решительно повернулся, вышел со двора и направился в сторону фруктового сада, расположенного к северу от Гейт-хаус-корта. Толпа, похожая на стаю шумливых сорок, следовала за нами.

– Как тебя зовут, парень? – осведомился я.

– Франциск Грегори, к вашим услугам, сэр. Я хотел поймать парочку кроликов на жаркое. Спозаранку явился в сад, а там... такое. Пришлось мне уносить ноги.

Я взгляделся в его лицо. Судя по всему, этот любитель жареных кроликов не отличался ни умом, ни отвагой.

– Успокойся, Франциск, тебе нечего бояться. Но мы обязательно должны взглянуть на твою находку. Дело в том, что пропал человек, и мы разыскиваем его по приказу лорда Кромвеля.

Юный Франциск весьма неохотно повел нас в глубь сада. Там, среди деревьев, на земле, осыпанной белоснежными цветочными лепестками,

виднелось нечто ужасное. Я сразу заметил огромное пятно крови, липкой и почерневшей. Толстая ветка на одном из деревьев была отрублена, на стволе виднелась глубокая зарубка.

«След топора, – догадался я, – излюбленного оружия Райта».

Под этим самым деревом и лежал сапог, из которого примерно на дюйм торчала мертвенно-белая нога.

Я сделал несколько шагов по пропитанной кровью земле и наклонился над страшной находкой. Внутренности мои тут же судорожно сжались. Похоже, Райт разделал свою очередную жертву топором, как свинью. Вокруг с жужжанием носился целый рой мух.

– Такой сапог может принадлежать только джентльмену, – заметил Барак.

– Да, – кивнул я.

Заметив на земле что-то еще, я осторожно разгреб почерневшие от крови лепестки кинжалом и тут же в ужасе подался назад. То были пальцы с человеческой руки, отрубленные так же ловко, как и нога. Черные волоски стояли дыбом на восковой коже. На одном из пальцев я увидел кольцо с изумрудом.

– Что вы там нашли? – окликнул меня Барак и подошел поближе.

Я как раз собирался с силами, чтобы поднять палец. Барак опередил меня и сделал это, даже глазом не моргнув.

– Это кольцо Марчмаунта, – вполголоса, так, чтобы не слышал студент, сообщил я.

Франциск, не решившийся вступить на окровавленную землю, переминался с ноги на ногу в стороне.

– Черт, – выдохнул Барак.

– Должно быть, он явился в сад на заранее условленную встречу, и убийцы разделались с ним при помощи топора, – предположил я. – Наверняка это работа Токи и Райта.

– Несомненно. Скорее всего, Марчмаунт попытался спастись бегством. Тогда они метнули топор ему в ногу. А после, истекая кровью, он сражался с ними голыми руками. Бедный Марчмаунт.

– А почему эти ублюдки унесли с собой тело, но оставили здесь... все это?

– Я полагаю, дело было ночью. В темноте они не сумели найти ногу и пальцы.

– А я думал, этот сад охраняется. Думал, законники неустанно пекутся о сохранности своих драгоценных жизней и своих сундуков с золотом.

– Охраняются только здания корпорации и внутренний двор. В сады

сторожа даже не заглядывают. Сюда можно легко попасть, перебравшись через стену.

Наклонившись так, чтобы студент не видел, что он делает, Барак стащил с отрубленного пальца кольцо и сунул его в карман, а палец бросил на землю. Мы подошли к Франциску.

– Трудно определить, какого беднягу здесь разделали, парень, – вздохнул я. – Надо поскорее сообщить об этом властям. Идем отсюда.

Студент, не заставив себя упрашивать, припустил прочь. Мы с Баракком неторопливо следовали за ним. Я с удовлетворением вспомнил, что еще вчера послал леди Онор записку, в которой предупредил ее об опасности и советовал выходить из дома только в сопровождении вооруженных слуг.

– Итак, Марчмаунт был одним из соучастников, который стал мешать главарям заговора. И они приказали Токи и Райту его прикончить, – изрек Барак.

– Судя по всему, так оно и было. Возможно, Марчмаунт боялся, что я посоветую лорду Кромвелю допросить его с пристрастием. Этими опасениями он поделился со своим неведомым патроном, который держит в руках все нити заговора. А тот решил навсегда заткнуть ему рот. Господи боже, но Марчмаунт должен был сознавать, что ходит по острию ножа, – пробормотал я, останавливаясь. – Он же знал, как его патрон расправляется с теми, кто слишком много знает. С братьями Гривудами, литейщиком, Бэтшейбой и ее братом. Марчмаунт был достаточно умен, чтобы сообразить: настала его очередь.

– Возможно, никакого патрона не было, – возразил Барак. – То есть Марчмаунт сам был главарем заговора.

– Что вы хотите сказать?

– Очень может быть, он сам задумал всю авантюру, убрав лишних свидетелей при помощи Токи и Райта. А затем эти двое поняли, что дело становится слишком опасным. Тогда они решили убить Марчмаунта и удрать, захватив с собой остатки греческого огня.

– Не исключено, что вы правы, – кивнул я. – В таком случае нам осталось всего лишь найти Токи и Райта.

– Этот ублюдок Токи далеко не глуп. Он способен смекнуть, какую ценность представляет греческий огонь. Не зря он служил в солдатах. Да и в монастырской школе его кое-чему научили. Он вполне может продать греческий огонь с большой выгодой для себя. Скорее всего, он попытается предложить его какому-нибудь чужестранцу.

– Но где могут скрываться эти негодяи? Куда они спрятали тело Марчмаунта? Где аппарат и формула? Идемте скорее в контору, может,

Скелли уже составил список.

Войдя во внутренний двор, мы вновь обнаружили юного Франциска в окружении толпы. Он с жаром рассказывал о нашем героическом походе.

– Думаю, среди ваших собратьев найдется немало смысленных голов, которые свяжут отрубленную ногу с исчезновением Марчмаунта, – заметил Барак. – Никто не сможет доказать, что в саду разделались именно с ним, – возразил я. – Кольцо-то вы забрали.

В толпе мелькнуло побледневшее от ужаса лицо Билкнэпа.

«Похоже, он догадался, чью ногу только что нашли в саду», – подумал я.

Скелли поджидал нас с бумагой в руке.

– Я составил список, сэр.

– Спасибо.

Я положил список на стол, и мы с Баракком принялись разбирать неровные каракули Скелли. Четыре земельные тяжбы, одно ходатайство о пересмотре завещания и дело о покупке склада. Склада под названием «Пеликан», расположенного поблизости от Соляной пристани.

– А что такое «пеликан»? – полюбопытствовал Барак.

– Здоровенная птица, которая водится в Индии. У нее под клювом большой мешок, чтобы прятать рыбу, а также все, что надо скрыть от чужих взглядов, – пояснил я и подошел к окну. – Может, нам стоит попросить Билкнэпа подняться сюда? Барак, сходите, сообщите ему потихоньку, что останки, обнаруженные в саду, несомненно принадлежат Марчмаунту.

Тут в голову мне пришло новое соображение.

– Джон, будьте любезны, добавьте в этот список еще два дела. Любые из тех, что по-прежнему находятся в моем ведении. А потом принесите бумагу мне.

Скелли, который наблюдал за мной, недоуменно открыв рот, кивнул и направился в контору.

Минуту спустя вернулся Барак в сопровождении Билкнэпа, у которого глаза от страха буквально вылезали из орбит.

– Это правда? – выдохнул он. – Барристер Марчмаунт убит? Как только я услышал об этой отрубленной ноге, я сразу подумал...

– Да, Билкнэп, это нога несчастного Марчмаунта. Но пока никто не должен знать о его гибели. От имени лорда Кромвеля я приказываю вам держать эту печальную новость в секрете. Думаю, вы сами понимаете, что угроза нависла над всяким, кто хотя как-то связан с греческим огнем.

– Но я здесь совершенно ни при чем! – взревел Билкнэп, в досаде

размахивая руками. – Шардлейк, я тысячу раз вам повторял, что знать не знаю про этот ваш огонь! Да, сэр Ричард пытался оказать на вас давление. Но его интересовало исключительно дело о монастырских владениях, а не этот проклятый огонь! Да, я передал записку, но никакого другого отношения к этой пакости я не имею.

От страха и злости Билкнэп едва не подпрыгивал на месте. Наконец-то я имел случай увидеть, как он утратил все свое хладнокровие.

– Надеюсь, вы ничего не рассказали Ричу о греческом огне?

– Зачем? Чтобы настроить против себя графа? Я не так глуп!

Я протянул ему лист бумаги.

– Вот список дел, которых я лишился в последнее время. Вы можете подтвердить, что именно эти клиенты отказались от моих услуг по настоятельной просьбе Рича?

Билкнэп пробежал список глазами и покачал головой:

– Не знаю. Сэр Ричард сказал мне лишь, что вас надо слегка проучить. Он намеревался лишить вас нескольких клиентов. Но о каких именно делах шла речь, я понятия не имею.

Билкнэп помолчал, запустив руку в свою спутанную белокурую шевелюру.

– Послушайте, я в опасности, и мне необходима защита! – выпалил он. – Я вовсе не хочу, чтобы меня разрубили на части, как Марчмаунта! – Неужели не хотите? – саркастически усмехнулся Барак. – Кто бы мог подумать!

– Билкнэп, – спокойно произнес я. – Мне необходимо увидеться с сэром Ричардом Ричем. Я должен показать ему этот список и узнать, каких дел лишился благодаря его проискам. Это для меня чрезвычайно важно. Вы знаете, где сейчас Рич?

– В полдень он намеревался быть в соборе Святого Павла. Насколько мне известно, он хотел послушать проповедь архиепископа Кранмера. На этой неделе архиепископ читает проповеди каждый день, ведь епископ Сэмпсон попал в Тауэр. Думаю, в соборе будет добрая половина королевского совета.

– Превосходно. Барак, мы отправляемся в собор. Рич непременно должен дать мне ответ по поводу этого списка.

Я повернулся к Билкнэпу:

– Благодарю за сообщение. Что касается нависшей над вами угрозы... Думаю, ваши опасения небезосновательны. Так что ближайшие несколько дней вам лучше провести, запершись на замок в своем кабинете. Вместе с сундуком, где вы храните золото.

– Но... я... у меня много срочных дел.

Я равнодушно пожал плечами. Билкнэп прикусил губу, резко повернулся и вышел, хлопнув за собой дверь. Подойдя к окну, я увидел, как он пересекает внутренний двор, беспокойно озираясь по сторонам.

– Я не думаю, что его тоже попытаются убить, – заметил я, обернувшись к Бараку. – По-моему, он ничего не знает. Как и леди Онор.

– Значит, вы считаете, на сей раз этот шельмец говорил правду? И он действительно не имеет отношения к греческому огню?

– Судя по всему, он не лгал. Однако он здорово перепугался за свою шкуру, если решил просить у нас защиты. Но, повторяю, я уверен, что участь Марчмаунта ему не угрожает. Идемте, Барак. Мы должны увидеться с Ричем и узнать, каким образом он связан со складом «Пеликан».

– А если он заявит, что впервые слышит об этом складе?

– Тогда мы отправимся туда и посмотрим, что там хранится. Может, найдем что-нибудь любопытное.

– А может, застанем там Токи и Райта, – ухмыльнулся Барак. – Сделаем нашим старым друзьям приятный сюрприз.

ГЛАВА 42

Когда мы миновали Флит-стрит и въехали в Сити, я посмотрел на небо и заметил, что весь восточный его край затянут тучами.

– Верно, небеса вновь хотят нас подразнить коротким дождичком, таким, как несколько дней назад, – сказал Барак.

«Да, дождь прошел как раз в тот вечер, когда леди Омор устраивала званый обед», – вспомнил я.

Вернувшись домой за лошадьми, я обнаружил коротенькую записку от леди Омор.

«Благодарю вас за то, что вы так тревожитесь обо мне, – говорилось в записке. – Я последую вашему совету и буду особенно бдительна».

Прочтя эти строки, я улыбнулся и спрятал записку в карман.

Мы ехали по Уорвик-стрит, направляясь к величественному норманнскому собору, который виднелся впереди. На плоской крыше, увенчанной гигантским остроконечным шпилем, двигались крохотные человеческие фигурки. Я знал, что жители Лондона частенько поднимаются на крышу собора, дабы насладиться прекрасным видом. В жаркие летние дни желающих совершить подобное восхождение особенно много. Как и на берегу реки, на крыше ощутимо легкое дуновение ветерка, к тому же душливые миазмы города не достигают подобной высоты.

– Надеюсь, нам удастся вытянуть из Рича какие-нибудь важные сведения, – произнес Барак. – Осталось всего два дня, а враги графа не теряют времени даром.

– Дело о приобретении склада забрали у меня где-то в конце мая, – припомнил я. – Сразу после того, как Кромвель поручил провести расследование, связанное с греческим огнем. Все документы были почти готовы.

– Но кто мог знать, что вы занимаетесь этим делом?

– Токи и Райт наблюдали за нами с самого первого дня, с того самого момента, как мы отправились к Гриввудам. Наверняка они сообщили своему нанимателю, что я занялся расследованием. К тому же...

– Что?

– Я уже говорил вам, Барак, наш неизвестный противник все время нас опережает. Словно кто-то сообщает ему о каждом нашем шаге. Но кто этот таинственный осведомитель?

– Ваша экономка Джоан Вуд? – с невеселой усмешкой предположил

Барак.

– Вряд ли.

– Но кто еще с самого начал знал обо всех наших действиях? – нахмурился Барак. – Только Джозеф.

– Его, как и Джоан, трудно представить в роли пособника злоумышленников. К тому же Джозеф – убежденный сторонник Кромвеля.

– А граф наверняка никому не рассказывал о ходе нашего расследования. Разве что Грею. Но эта старая крыса служит графу дольше, чем Джоан служит вам. И, сами знаете, такого убежденного реформатора, как он, днем с огнем не отыскать. – Возможно, все это – лишь мои домыслы, – покачал я головой и вытер пот со лба: влажный воздух, казалось, лип к коже. – Сегодня я обязательно должен нанести визит Уэнтвортам. Надо сообщить этому благородному семейству о наших жутких находках. Вы пойдете со мной, Барак? Уж конечно, беседа будет не слишком приятной. А может, и опасной.

– Разумеется, пойду, – без промедления откликнулся Барак. – Если только время позволит.

– Я очень признателен вам за вашу помощь, – сказал я, подавив вздох облегчения.

Барак неловко кивнул: моя похвала или благодарность всякий раз приводила его в смущение.

– Если мы найдем Рича, постарайтесь, чтобы он не догадался, что вас интересует именно склад, — перевел он разговор на другую тему.

– Постараюсь. Я ведь не случайно попросил Скелли добавить в список два других дела. Это нужно, чтобы сбить Рича с толку. Спрошу у него, каких именно дел я лишился по его милости, и посмотрю, как он на это отреагирует.

– Рич хитер, как лис. Вряд ли он себя выдаст.

– Я знаю. По части хитрости и изворотливости он даст сто очков вперед любому законнику. Но при этом Рич слишком груб и всякого, кто встанет у него на пути, готов прихлопнуть, как муху.

Я прикусил губу. Для того чтобы вступить в столкновение с Ричардом Ричем, тайным советником короля и, возможно, беспощадным убийцей, требовалось немало смелости.

– А если он убедит вас в том, что не имеет к складу никакого отношения и дело у вас забрали вовсе не по его просьбе?

– Значит, мы будем искать того, кто имеет к этому складу отношение. Так или иначе, сегодня мы тщательно осмотрим это укромное местечко.

«А как мне поступить, если мы обнаружим там греческий огонь и Барак

пожелает без промедления доставить его Кромвелю?» – мысленно спросил я себя.

Мы оказались в тени собора. Огромный его шпиль прорезал небо.

– Давайте оставим лошадей в ближайшей харчевне, – предложил я.

Спешившись, мы вошли за ограду собора. Я ожидал увидеть толпу около креста Святого Павла, там, где обычно стояли проповедники. Однако мощный бульжником двор был пуст. Лишь несколько человек ожидали своей очереди у лестницы, ведущей на крышу, да у дверей собора стояла пара торговцев цветами. Жидкие их букетики, на которые не находилось покупателей, поникли от жары.

– Похоже, мы пришли слишком рано, – обернулся я к Бараку.

– Нет, уже почти двенадцать.

– Скажите, разве архиепископ Кранмер не будет сегодня читать здесь проповедь? – обратился я к проходившему мимо человеку.

– Он проповедует внутри собора, – сообщил прохожий. – Это из-за сегодняшней казни.

И он кивнул на стену за моей спиной. Обернувшись, я увидел на ней временную виселицу. Иногда преступников, запятнавших себя особенно богопротивными пороками, предавали казни в церковных дворах.

– Здесь вздернули грязного содомита, – сказал мой собеседник. – И конечно, архиепископ не должен осквернять свой взор столь пакостным зрелищем.

С этими словами он отошел и присоединился к очереди желающих подняться на крышу. Я бросил взгляд на фигуру, болтавшуюся в петле, и торопливо отвел глаза. То был бедно одетый юноша; никто не снизошел до того, чтобы потянуть его за ноги, и он умирал медленно и мучительно. Побагровевшее лицо его искажала жуткая гримаса. В какой-то момент я ощутил ле-дяное прикосновение смерти, потом, глубоко вздохнув, последовал за Баракком, который уже вошел в двери собора.

Огромный центральный неф с высокими сводчатыми потолками по праву считался одним из величайших чудес Лондона. Обычно здесь было полно деревенских жителей, с изумлением взирающих на подобное великолепие. Карманные воришки и проститутки, притаившись за колоннами, выжидали случая облапошить какого-нибудь простака. Но сегодня неф был почти пуст, лишь в глубине собора, вокруг кафедры, собралась довольно большая толпа. Там, под красочной фреской, изображавшей Страшный суд, которую Кромвель еще не успел уничтожить, стоял человек в белоснежном епископском облачении и черной епитрахили. Барак, взгромоздившись на стул, принялся

бесцеремонно рассматривать собравшихся, которые метали в него неодобрительные взгляды.

– Видите Рича? – вполголоса спросил я.

– Пока нет. Попробуй найди кого-нибудь в такой толчее. Скорее всего, он поблизости от кафедры. Идем.

И Барак, не обращая внимания на осуждающий ропот, начал работать локтями, прокладывая себе путь сквозь толпу. Я следовал за ним. Несколько сотен человек явились послушать великого архиепископа, который вместе со своим другом Кромвелем способствовал разрыву Англии с Римом и решительным переменам в церковной жизни королевства.

Наконец мы оказались в первых рядах, среди пышно разодетых купцов и вельмож, которые, вскинув головы, благоговейно внимали проповеднику. Расталкивать столь почтенных людей не решился даже Барак. Поднявшись на цыпочки, он принялся высматривать Рича. Я тем временем с интересом разглядывал архиепископа Кранмера, которого никогда прежде не видел. К немалому своему удивлению, я обнаружил, что архиепископ отнюдь не обладает внушительной наружностью. То был невысокий приземистый человек с удлинненным овальным лицом. Большие карие глаза его, как мне показалось, светились печалью, а вовсе не силой и уверенностью. Перед ним на аналое лежала Библия на английском языке, которую он то и дело любовно поглаживал.

– Божье Слово даровано всем нам, – провозгласил он высоким звенящим голосом. – Каждый из истинных христиан должен иметь доступ к Божьему Слову. Каждый имеет право внимать Ему, читать Его и проникать в Его великую суть. Прибегая к Слову Божьему, добрый христианин не нуждается в посредниках, и латинское бормотание нечестивых священников лишь отдаляет каждого из нас от живительного источника. Как сказано в главе тридцатой Книги Притчей Соломоновых: «Слово Божье исполнено чистоты, и всякого, кто в него верит, оно защитит, подобно щиту...»

Такое мог заявить лишь убежденный сторонник Реформации. Если бы проповедь, как намечалось ранее, читал консервативный епископ Сэмпсон, он, несомненно, особо подчеркнул бы важность смирения как первой добродетели христианина. Возможно, упомянул бы он и о необходимости блюсти традиции. Сэмпсон, подобно Кранмеру, слыл непревзойденным знатоком Библии и мог подкрепить любое свое утверждение подходящей цитатой. Я слышал, что некоторые издатели печатают особые указатели цитат, незаменимые для богословских словопрений. На ум мне вновь

пришла Элизабет, корпевшая над Библией столь вдумчиво и терпеливо. Но в конце концов вера этой девушки превратилась в ярость, направленную на Создателя этого жестокого мира.

«Где моя собственная вера, – сокрушенно спрашивал я себя. – Почему я уже не столь крепок в ней, как прежде?» – Вот он, – прошептал мне на ухо Барак.

Он вновь начал протискиваться сквозь толпу, на этот раз без устали рассыпая извинения.

«Надо же, этот невежа может быть любезным, если захочет», – думал я, пробираясь вслед за ним.

У самой кафедры, в окружении слуг, возвышались две фигуры в пышных мантиях. То были Ричард Рич и сэр Томас Одли, лорд-канцлер. Красивое лицо Рича хранило совершенно непроницаемое выражение – невозможно было понять, одобряет ли он проповедь. Проницательный Рич, разумеется, понимал, что в случае падения Кромвеля ближайший сподвижник графа Кранмер, скорее всего, отправится в Тауэр, а то и на костер. Я заметил, как Одли, нагнувшись к уху Рича, отпустил какое-то замечание, сопровождаемое саркастической улыбкой. Однако Рич ответил лишь безучастным кивком.

Барак извлек из кармана печать графа и вручил ее мне.

– Вот, возьмите. Это поможет вам пробраться к Ричу, а то слуги не пустят.

Я молча кивнул. Сердце мое бешено колотилось, и, прежде чем приблизиться к двум королевским советникам, я призвал на помощь все свое самообладание. Стоило мне сделать несколько шагов по направлению к вельможам, как один из слуг обернулся и сжал рукоять меча. Я показал ему печать и произнес непререкаемым тоном:

– Мне необходимо срочно поговорить с сэром Ричардом. Я выполняю поручение лорда Кромвеля.

Рич уже заметил меня. По непроницаемому лицу его на мгновение пробежала тень, затем он растянул губы в сардонической усмешке и подошел ко мне.

– Неужели это снова вы, брат Шардлейк? Господи боже, вы, видно, задались целью не давать мне покоя. Я полагал, что, поговорив с графом, отделаюсь наконец от ваших преследований.

– Сожалею, сэр Ричард, но я вынужден обсудить с вами еще один вопрос. Он также затрагивает интересы графа.

– И какой же это вопрос? – осведомился он, с любопытством взглянув на меня.

– Не могли бы мы отойти в более уединенное место?

Рич подобрал полы своей мантии и, сделав слугам знак оставаться на месте, двинулся сквозь толпу к дальней стене собора, до которой не долетал голос проповедника. Я шел за ним по пятам, а на почтительном расстоянии за мной следовал Барак.

– Так какой же вопрос вы хотите со мной обсудить? – повторил Рич, остановившись.

Я вытащил из кармана мантии список.

– Мне хотелось бы узнать, сэр Ричард, каких именно дел я лишился вследствие того, что вы убедили моих клиентов избрать другого адвоката.

Рич вперил в меня взгляд ледяных серых глаз, лишенных даже малейшего проблеска чувства.

– Вы сказали, что вас привели ко мне интересы графа. Не вижу, какое граф имеет к этому отношение.

– Могу лишь сказать, что интересы графа связаны с одним из этих дел.

– С каким именно? – настаивал Рич.

– Этого я не имею права вам сообщить. Тонкие губы Рича угрожающе сжались.

– Вы еще поплатитесь за свою дерзость, Шардлейк, – едва слышно прошипел он и взял у меня бумагу.

– Я избавил вас от хлопот по первому, второму, четвертому и пятому делу, – заявил он, пробежав список глазами. – Третьего, шестого и седьмого вы лишились по неизвестным мне причинам.

Дело о продаже склада значилось в списке под третьим номером. Я не сводил глаз с Рича, но в лице его не дрогнула ни единая черточка. Несомненно, если бы со складом «Пеликан» были связаны его тайные замыслы, он хоть как-то обнаружил бы свое волнение. Рич протянул мне список.

– Надеюсь, это все.

– Да. Благодарю вас, сэр Ричард.

– Богом клянусь, вы готовы прожечь меня взглядом насквозь, брат Шардлейк, – насмешливо протянул Рич. – А теперь, с вашего позволения, я хотел бы дослушать проповедь епископа.

Даже не удостоив меня кивком на прощание, он повернулся и скрылся в толпе. Ко мне торопливо приблизился Барак.

– Что сказал Рич?

– Сказал, что не имеет отношения к делу о продаже склада.

– И вы ему поверили?

– Он даже глазом не моргнул, когда читал список. Но, конечно, нельзя

забывать, что этот человек на редкость изворотлив и умеет прятать свои истинные чувства. Не знаю, можно ли ему верить. Не знаю, – повторил я в полной растерянности.

Барак, казалось, меня не слышал. Взгляд его был устремлен в глубь собора. Потом он повернулся ко мне и прошептал одними губами:

– Здесь Райт. Прячется за колоннами, наблюдает за нами. По-моему, он не догадался, что я его заметил.

Я невольно прижался к стене.

– Зачем его сюда принесло?

– Кто его знает, – пожал плечами Барак. – Наверное, хозяин приказал ему наконец от нас избавиться.

– А может, он пришел сюда вместе с Ричем. Кстати, Токи вы нигде не видите?

– Нет.

Лицо Барака приняло сосредоточенное выражение.

– Надо попытаться схватить негодяя. Мы не должны упускать такую возможность. Кинжал у вас с собой?

– Как всегда, – ответил я, положив руку на рукоять.

– Вы мне поможете?

Я кивнул, хотя сердце мое болезненно сжалось при мысли о предстоящем столкновении с этим безжалостным извергом. Всего несколько часов назад он разрубил на части Марчмаунта. Я делал над собой отчаянные усилия, чтобы не глядеть в ту сторону, где притаился Райт.

– Он вооружен?

– Да, на поясе у него меч. Думаю, метать топор в соборе Святого Павла даже этот ублюдок не решится.

Барак говорил быстро, но спокойно, на лице у него играла довольная улыбка.

– Пройдем в дальний конец нефа, словно не замечаем его. Когда приблизимся к колонне, я быстро повернусь и наброшусь на него. А вы тем временем зайдете со спины и нанесете ему удар кинжалом. Способны вы на это? – спросил Барак, испытующе посмотрев на меня.

Я вновь кивнул. С самым невозмутимым видом мы двинулись по нефу. Из глубины собора доносился голос Кранмера, который то возвышался, то падал едва ли не до шепота.

Когда мы поравнялись с колонной, за которой прятался Райт, Барак стремительно, как дикая кошка, отскочил в сторону и выхватил меч. До меня донеслось лязганье металла. Застать Райта врасплох не удалось: он тоже держал свой меч наготове. Наверняка он выжидал здесь удобного

момента, чтобы прикончить нас обоих.

Обежав вокруг колонны, я увидел, как Барак и Райт, скрестив мечи, теснят друг друга. Несмотря на свое дородное сложение, Райт отличался проворством и ловкостью. Люди в испуге прижались к стенам, какая-то женщина пронзительно визжала.

Я вытащил из ножен кинжал. Райт не смотрел в мою сторону. Мне надо было пронзить злодею руку или ногу, лишив его возможности двигаться. Никогда прежде мне не доводилось вонзать кинжал в человеческую плоть, но сейчас страх мой исчез. Я ощущал, что каждая жилка натянулась от напряжения, но сознание оставалось холодным и ясным. Стоило мне сделать шаг вперед, Райт услышал это и, отбив удар Барака, повернулся ко мне. На лице его застыло то самое выражение животной свирепости, которое я уже видел в бывшем монастыре; но тогда Райт предвкушал очередное убийство, а теперь думал лишь о том, как спасти свою шкуру.

Он сделал резкий скачок в сторону и стремглав побежал по нефу. Разноцветные отблески солнца, льющегося сквозь витражные стекла, играли на лезвии его меча.

– Черт! – возопил Барак. – Бежим за ним!

Он бросился в погоню, а я прилагал отчаянные усилия, чтобы не отставать. Выскочив из собора, Райт на несколько мгновений замешкался: на пути у него оказалось какое-то многочисленное семейство, которое направлялось к дверям, ведущим на крышу собора.

Сообразив, что, пока он будет проталкиваться в толпе, Барак нагонит его и нанесет удар, Райт повернулся и бросился к дверям на лестницу. Оттолкнув пожилую пару, собиравшуюся начать восхождение, он бросился вверх по ступеням. Барак буквально наступал ему на пятки. Я, путаясь в полах мантии, бежал за ними. Я так запыхался, что едва не терял сознание. Во рту у меня пересохло, как на пожаре; мне даже казалось, что я чувствую запах дыма. Наконец перед глазами у меня мелькнул голубой прямоугольник неба – то была распахнутая дверь на крышу.

Собрав все свои силы, я преодолел оставшиеся ступеньки. Ветер, который здесь, на высоте, оказался довольно сильным и прохладным, ударил в мое разгоряченное лицо. Передо мной расстилалась широкая плоская крыша. Высоченный деревянный шпиль на пять сотен футов вздымался в небо. Бросив взгляд через парапет, я увидел весь город, как на ладони; река извивалась, подобно змее. Серые тучи теперь проносились прямо над моей головой. Испуганные зеваки, столпившись у парапета, бросали на Барака полные ужаса взгляды. Тот, держа наготове меч, наступал на Райта, который ожидал встречи с противником, прижавшись

спиной к шпилью. Бесспорно, Райт был намного сильнее, однако Барак – моложе и проворнее. Вытащив кинжал, я встал у двери на лестницу, преградив Райту путь к отступлению. Несколько зевак, оказавшись за моей спиной, опрометью бросились вниз.

На губах Барака играла презрительная ухмылка. Он насмешливо поманил Райта рукой.

– Лучше не дергайся, жирный кабан. Твоя песенка спета. Зря ты на этот раз оставил дома своего рябого дружка Токи. Давай, бросай свой меч. Мы вовсе не собираемся тебя убивать. Проводим к лорду Кромвелю, и он расспросит тебя кой о чем. Если ты поведешь себя разумно и не будешь запираяться, граф отпустит тебя восвояси. Да еще и денег даст.

– Даст он денег, как же! – прорычал Райт. – Ваш Кромвель наверняка прикажет меня прикончить.

Испуганный взгляд его перебегал с меня на Барака; я догадался, что он прикидывает, удастся ли ему отбросить меня прочь от двери. Внутренности мои сжались, но я мысленно пообещал себе, что остановлю злодея любой ценой. Рука моя судорожно стиснула рукоять кинжала. Райт, как видно, понял, что живым я его не выпущу. На лице его мелькнуло затравленное выражение.

– Ну, не рыпайся, – подал голос Барак. – Будь умницей. Если ты не станешь валять дурака в гостях у лорда Кромвеля, может, избежишь знакомства с дыбой.

Неожиданно Райт отскочил от шпилья; благодаря этому внезапному маневру он оказался у самого края крыши, в нескольких футах и от меня, и от Барака. Барак метнулся за ним, я последовал его примеру. Вдвоем мы прижали Райта к парапету. Райт бросил взгляд через плечо, словно оценивая головокружительную высоту, отделявшую его от земли, облизал пересохшие губы и судорожно сглотнул. Потом мы услышали его голос – хриплый и дрожащий от страха.

– Когда-то давно я поклялся, что ни за что не позволю вздернуть себя на виселице! И сегодня, увидав парня, которого повесили у самой церкви, я вспомнил свою клятву!

– Что ты там бормочешь, приятель? – переспросил Барак, размахивая мечом в воздухе.

Я прежде Барака догадался о намерении нашего противника и вцепился ему в руку. Но он вырвался и легко вскочил на парапет. Думаю, Райт спрыгнул бы в любом случае, но подобная решимость ему не понадобилась. Оказавшись на парапете, он тут же потерял равновесие. Не успев даже крикнуть, он полетел вниз. Преодолев за несколько мгновений

расстояние в сотню футов, он ударился о землю. Перегнувшись через парапет, мы с Бараком увидели, что он распростерся на мощенном булыжником дворе. Лицо его сверху казалось белым пятном, а вокруг головы медленно расплывалась лужа крови.

ГЛАВА 43

арак потянул меня за рукав к двери на лестницу; мы сбежали по ступеням, едва не ломая ноги. У дверей собора люди, ставшие свидетелями столкновения на крыше и уже успевшие спуститься вниз, что-то возбужденно рассказывали сторожам собора. Какая-то женщина истошно вопила, что два злоумышленника столкнули человека с крыши. Сторожа просили собравшихся успокоиться и не шуметь, дабы не мешать проповеди архиепископа. Нам удалось проскользнуть мимо незамеченными.

Барак, увлекая меня за собой, двинулся по узкому пустынному переулку. Дойдя до Голдсмит-холла, он остановился и прислонился к стене свечной лавки. Я, не обращая внимания на круглолицего юнца, который стоял в дверях лавки и выкрикивал: «Сальные свечи, фартинг за дюжину!», тоже привалился к стене, хватая ртом воздух.

– Снимите мантию! – выдохнул Барак. – Скорее всего, они будут искать человека в одежде адвоката.

Я послушно снял мантию, свернул ее и сунул под мышку. Барак одернул камзол и огляделся по сторонам. Юнец в дверях лавки даже не глядел в нашу сторону; он по-прежнему призывал прохожих покупать товар своего хозяина да время от времени откидывал со лба прядь жирных волос.

– Идем, – скомандовал Барак. – Наверняка уже поднялась суматоха. Уж конечно, епископ Боннер придет в ярость. Еще бы, устроить вооруженную схватку в соборе, да еще во время проповеди архиепископа – это не шутка.

– Да, и свидетелями этой схватки стало множество зевак. Так что найти нас не составит труда. Полагаю, в этом городе не так много горбатых адвокатов. Как, впрочем, и стриженных наголо молодых джентльменов. Возьмите-ка это.

Я протянул Бараку шляпу: свою он потерял во время погони. Он нахлобучил ее на голову.

– Спасибо. Печать графа, разумеется, выручит нас из любой переделки. Да только нам ни к чему тратить время на объяснения с тупоголовыми констеблями.

Я вытер пот со лба. Над крышами домов возвышалось здание Гилдхолла. Неужели всего две недели назад я выступал там в качестве почтенного арбитра? Это было еще до того, как Джозеф подошел ко мне и попросил защищать Элизабет. До того, как лорд Кромвель втянул меня в это кошмарное, чреватое столькими опасностями дело.

– Куда теперь? – устало осведомился я. – На склад?

– Да, пора посмотреть, что за товар хранится на этом загадочном складе, – кивнул Барак. – Господи боже, ну и взмокли же вы, – добавил он, взглянув на меня.

– Я не привык к дракам и погоням, Барак, – вздохнул я. – А в такую жару подобные развлечения особенно утомительны.

Я посмотрел на небо. Тучи, которые с каждым мгновением становились все более темными и тяжелыми, затянули его почти полностью.

– Пойдем окольными путями, иначе нас сцапают, – распорядился Барак.

Мы долго кружили по узким улочкам, проталкиваясь между прохожими и всадниками, перепрыгивая через вонючие канавы и огибая мусорные кучи. Для того чтобы попасть на берег реки, нам пришлось пересечь Чипсайд. Когда мы пробирались по южной его стороне, кто-то окликнул меня по имени. Я вздрогнул, ожидая встречи с констеблем, однако то был всего лишь олдермен Джефсон, мой давний знакомый. Он направлялся напрямик к нам, а за ним шел слуга. Я торопливо поклонился.

– Добрый день, мастер Шардлейк. Мне нужно с вами поговорить.

Серьезное выражение лица олдермена не предвещало ничего хорошего. Я мысленно выругался. Если слухи о происшествии в соборе уже дошли до Джефсона, он мог позвать констебля или даже приказать прохожим задержать нас. Перспектива уличной драки отнюдь не казалась мне заманчивой. Барак, как видно, разделял мои опасения. Рука его потянулась к рукояти меча.

– Я уполномочен передать вам, сэр, что Городской совет чрезвычайно вам благодарен...

– За что?

– За то, что вы приказали сохранить те старые камни, что нашли в Лудгейте. Представьте себе, они действительно являлись частью древней синагоги. Подобные древнееврейские письма имеют огромную историческую ценность. Во всем Лондоне не найдется другого такого образца.

Я едва сдержал вздох облегчения.

– Я счастлив, что оказался полезным Городскому совету, сэр. Но сейчас у меня срочные дела и...

– Мы обязательно выставим эти камни на всеобщее обозрение в Гилдхолле, – перебил меня олдермен. – Да, теперь с евреями, слава богу, покончено навсегда. Но эти камни – часть истории Лондона, и с ними следует обращаться бережно.

– Да, разумеется. Благодарю вас, мастер Джефсон, и прошу меня

извинить.

Поклонившись на прощание, я повернулся и бросился прочь, не дав олддермену и рта раскрыть.

– Старый болван, – процедил Барак, когда мы отошли на достаточное расстояние. – Я хотел залепить ему хорошую затрещину. Чтобы знал, что с евреями еще не совсем покончено.

– Рад, что вы удержались от этого желания. Барак указал на человека, продававшего эль из бочонка.

– Я умираю от жажды.

Я тоже отчаянно хотел пить, и мы жадно осушили по пол пинты эля. Оторвавшись от деревянной кружки, я окинул взглядом улицу, ведущую к реке. В какое-то мгновение я ощутил на себе чей-то взгляд, однако в потной, озабоченно снующей толпе не мелькнуло ни одного знакомого лица.

Соляная пристань представляла собой широкий трехсторонний причал, предназначенный для разгрузки небольших судов. Целая улица складов тянулась по одной ее стороне до самого Куинхита. Мы двинулись вдоль пристани, где с двух морских судов матросы сгружали апельсины, и принялись высматривать склад под названием «Пеликан».

Склад оказался последним; то было внушительных размеров четырехэтажное здание, построенное из красного кирпича. На одной из стен красовалась поблекшая вывеска, изображавшая птицу с огромным мешком под клювом. Окна защищали от воров толстые решетки и ставни, на дверях висел надежный замок. Хотя в ближайших складах кипела жизнь, здесь, судя по всему, не было ни души.

Одна из стен выходила прямо на реку. Я остановился, глядя на мутную коричневую воду. Был час отлива, и вода отступила, обнажив покрытую зеленоватой слизью нижнюю часть стены. Вглядевшись, я заметил на уровне первого этажа открытый люк, из которого торчала лебедка. Вероятно, люк использовали для того, чтобы поднимать товары с лодок. С лебедки свисала длинная веревка, которой играл прохладный ветер, налетающий с реки.

– Никаких признаков жизни, – сообщил Барак, подходя ко мне. – Я стучал в дверь, но безрезультатно. И знаете, судя по гулкому эху, этот склад совершенно пуст. Ну что, попытаться взломать замок?

Я кивнул. Барак извлек из кармана небольшой металлический инструмент и принялся возиться с замком. Справиться с ним оказалось куда труднее, чем с тем, что висел на крышке колодца в саду Уэнтвортов. Пока Барак пытался над замком, я обеспокоенно озирался по сторонам. К

счастью, матросы, разгружавшие корабли, не обращали на нас ни малейшего внимания.

– Надеюсь, на сей раз эти ублюдки не успели нас опередить, – пробормотал Барак. – Знай они только, что мы направляемся на склад, наверняка попытались бы перепрятать аппарат и остатки греческого огня.

– Из наших врагов остался в живых только Токи, – заметил я и про себя подумал, что даже в одиночку этот мерзавец представляет собой немалую опасность.

Наконец замок звякнул и упал на землю.

– Готово! – воскликнул Барак. – Сейчас мы увидим, есть ли здесь что-нибудь интересное.

Дверь растворилась бесшумно, так как петли были щедро смазаны жиром. Закрывая дверь, Барак громко хлопнул. Как видно, он ничуть не опасался, что в темноте притаился неведомый противник. Гулкое эхо многократно усилило звук. Просторное помещение склада тонуло в полумраке: свет проникал сюда лишь через единственное окно, расположенное под самой крышей. Склад был широк, как церковный неф, и, насколько я мог судить, совершенно пуст. В воздухе стоял запах плесени, на каменном полу мне удалось разглядеть крошечные завитки стружки. Вытащив из ножен меч, Барак двинулся вглубь. Я шел за ним.

– Пусто, как в желудке у нищего, – пробурчал Барак.

Я бросил взгляд в дальний конец склада. Деревянная лестница вела на верхний этаж, который представлял собой дощатый настил, тянувшийся вдоль стен. Единственная дверь, расположенная у самой лестницы, была плотно закрыта.

– Там наверняка контора, – предположил я.

– Ну что, посмотрим, что в этой конторе?

Я кивнул. Сердце мое готово было выскочить из груди. Ступени шаткой лестницы жалобно скрипели под нашими ногами. Я не сводил глаз с двери, опасаясь, что оттуда может выскочить Токи. Рука моя сжимала рукоять кинжала, а Барак держал наготове меч. Однако наверх мы поднялись без всяких приключений. На дверях конторы тоже висел внушительных размеров замок. В помещении потемнело, и, выглянув из окна, я увидел, что небо сплошь затянуто свинцовыми грозowymi тучами. Вдалеке раздавались слабые раскаты грома.

Барак склонился над замком. Я закашлялся, и стружка на полу тут же пришла в движение. Все здесь выглядело так, словно склад не использовали много месяцев. В дальнем углу на деревянном настиле высилась кипа заплесневелой ткани. Барак довольно хмыкнул: ему удалось

справиться с замком. Отступив назад, он рывком распахнул дверь.

Комната была совершенно пуста; всю ее обстановку составляла задняя часть лебедки, прикрепленная к полу болтами. В люке виднелся кусок темного предгрозового неба. Тут я заметил дверь, как видно, ведущую в соседнее помещение. Я указал на нее Бараку, тот распахнул дверь и удивленно присвистнул.

Посреди комнаты стоял стол, на нем – кувшин с пивом, три тарелки, незажженная сальная свеча и каравай хлеба. Еще одна кипа ткани, придвинутая к столу, служила сиденьем. Мы переступили через порог.

– Кто-то был здесь совсем недавно, – прошептал я.

Тут Барак увидел нечто, стоявшее у дальней стены, и в изумлении подался назад. То было сооружение весьма замысловатого вида – длинная металлическая трубка с фитилем на конце, насос и железный треножник, припаянные к огромному баку.

– Посмотрите только, – выдохнул мой помощник. – Вот он, аппарат для метания греческого огня.

Рядом с этим уродливым приспособлением я заметил узкую фарфоровую вазу высотой примерно в два фута. Такие обычно выставляют во внутренних дворах домов, выращивая в них цветы. Совсем недавно подобные вазы я видел в Стеклянном доме. Я подошел и осторожно снял с сосуда крышку. Внутри находилась темная вязкая жидкость. В ноздри мне ударил отвратительный запах греческого огня, и волосы у меня на затылке встали дыбом.

Барак, подойдя ко мне, тоже не сводил глаз с содержимого вазы. Окунув палец в жидкость, он поднес его к носу.

– Наконец-то мы его нашли! – пробормотал он. – Господи боже, наконец-то мы его нашли!

Лицо его сияло, он в волнении размахивал руками.

– Возможно, это все, что у них осталось, – заметил я. – Такого количества жидкости едва хватит, чтобы покрыть дно бака.

– Я знаю.

Барак понюхал свой палец, помахал им в воздухе и с наслаждением понюхал вновь, словно отвратительный запах казался ему изысканным ароматом.

– И все же здесь достаточно вещества, чтобы показать королю, как действует греческий огонь, – заявил он. – И алхимикам будет что исследовать. Господи, мы спасли графа...

Тут за нашими спинами раздался смех, громкий и торжествующий. На мгновение мы оба замерли, потом медленно повернулись. В дверях стоял

Токи. На изборожденном оспинами лице играла издевательская ухмылка. С ним было двое товарищей – приземистый коротышка с клочковатой бородой и молодой парень, не такого злодейского вида, как остальные. Его я, несомненно, видел где-то раньше. Все трое сжимали в руках мечи.

– Ну-ка, лысый, бросай меч, – рявкнул Токи. – Видишь сам, с нами тебе не справиться.

Барак минуту поколебался и выпустил рукоять меча, который с лязгом упал на пол.

– Ох, голубчики, долго мы вас ждали, – по-прежнему ухмыляясь, приговаривал Токи. – Видит Бог, прикончить вас оказалось не так просто. Ну да теперь вы попались в ловушку, пташки вы мои дорогие.

Он кивнул в сторону своего молодого сообщника.

– Мастер Джексон видел, как вы пили пиво на Поттер-лейн. Он живо примчался сюда и предупредил нас. Мы заперли дверь на замок, чтобы вы подумали, что на складе никого нет. А когда вы сорвали замок, мы вошли вслед за вами, красавцы вы мои.

Кошачьи глаза мерзавца светились от удовольствия.

– Мы знали, зачем вы сюда явились. Вам так хотелось найти темный огонь, что вы позабыли об осторожности. Даже не слышали, как мы за вами крадемся.

– Темный огонь, – повторил я. – Значит, вам известно древнее название.

– Да, и это название нравится нам куда больше, чем греческий огонь. Потому что сейчас этот огонь стал английским. И от него будет жарко всем врагам нашего королевства. А нам он принесет немало золота.

Улыбка Токи стала еще шире и радостнее. Я подумал о том, знает ли он о смерти своего закадычного приятеля Райта. Барак говорил, что они были неразлучны в течение многих лет. Впрочем, скорее всего, печальная участь Райта ничуть не расстроила его сообщника. Токи расхохотался хриплым самодовольным смехом и кивнул своим товарищам.

– *Cadit quaesto*^[8]. Слыхал, законник, я тоже знаю латынь.

– Слыхал. В этом нет ничего удивительного, раз ты был послушником.

– О, ты и это знаешь? Да, я был послушником. И ушел из монастыря, когда два похотливых монаха решили со мной побаловаться. Веришь ли, в юности я был очень недурен собой. Пришлось прикончить обоих, – добавил он с безмятежной улыбкой.

Барак молча покусывал губу. Я отступил назад и указал на фарфоровую вазу.

– Это все, что у вас осталось, так ведь? – торопливо спросил я, понимая, что от моих слов зависит сейчас моя собственная жизнь и жизнь моего

помощника. – И вы не знаете, как получить темный огонь. Пробовали, но все ваши попытки закончились неудачей. Содержимое бочонка, который нашли в монастыре Святого Варфоломея, вы почти израсходовали. Нам известно, что главная ваша цель – опорочить лорда Кромвеля перед королем. И графу это известно тоже.

Кошачьи глаза Токи недоверчиво прищурились.

– Тогда почему вас здесь только двое? Почему ваш Кромвель не послал сюда вооруженных стражников?

– Мы не знали, где вы прячете греческий огонь. И вовсе не были уверены, что найдем его здесь. Пришли сюда, чтобы проверить свою догадку. Но вскоре . здесь будут люди графа. Так что вам лучше не усугублять своей вины. Единственный разумный выход, который у вас остался, – вверить себя милосердию лорда Кромвеля.

– О черт, – пробормотал бородатый коротышка. Токи метнул в него исполненный ярости взгляд.

Впрочем, на него самого мои слова явно произвели впечатление. Он более не ухмылялся, а, сдвинув брови, смотрел то на меня, то на Барака.

– Ты знаешь людей, которые нас наняли? – спросил он, проведя рукой по своему рябому лицу.

– Конечно. Тот, кто вас нанял, скоро окажется в Тауэре, – уверенно заявил я.

«Значит, за этой авантюрой стоит не Марчмаунт, – отметил я про себя. – И, судя по всему, у заговора несколько главарей».

– Назови их имена, – приказал Токи. Медлить с ответом было нельзя.

– Ричард Рич, – произнес я.

Лицо Токи вновь расплылось в ухмылке.

– Ха. Скажи еще, Папа Римский. Задницей клянусь, все это блеф.

– Убей их, – раздался дрожащий голос молодого Джексона. – Прикончи их, пока есть время.

– Обойдусь без твоих советов, молокосос! – рявкнул Токи. – Наши хозяева хотят с ними поговорить. Узнать, много ли эти голубчики сумели вынюхать. А потом они сами решат, как с ними поступить.

– Что, мы пока оставим в живых обоих? – спросил Джексон.

Речь его выдавала деревенское происхождение. Впрочем, чувствовалось, что он старается говорить как можно правильнее. Так обычно говорят слуги богатых господ. Я не сомневался, что где-то видел этого парня, но никак не мог вспомнить, где именно.

– А как же иначе. Хозяевам будет любопытно побеседовать с обоими. Свяжите-ка их хорошенько, – распорядился Токи, указав на валявшийся в

углу моток веревки. – Так, как мы связывали литейщика.

Негодяи заломили нам руки за спины. Я ощутил, как запястья мои стягивает влажная шершавая веревка. Потом нас оттащили в дальний угол комнаты и грубо бросили на дощатый пол.

– А теперь иди, Джексон, – бросил Токи. – Да поживее.

Бросив на нас тревожный взгляд, парень вышел из комнаты. До меня донеслись его шаги, гулко отдававшиеся в пустом помещении. Токи уселся на кипу ткани и устремил на нас задумчивый взгляд. Бородатый коротышка, устроившись прямо на столе, принялся пожирать хлеб, запивая его пивом. Желтые зубы, похожие на зубы крысы, поблескивали в полумраке.

– Вот уж не подумал бы, что парочка таких придурков доставит нам столько хлопот, – изрек он, взглянув в нашу сторону. – Пришлось попотеть, гоняясь за ними, да, Токи?

В ответ тот пробурчал что-то нечленораздельное. Настроение его явно ухудшилось.

– Кстати, любезный, вы не представились, – усмехнулся Барак. – С мастером Токи мы хорошо знакомы, а вас видим в первый раз.

– Джед Флетчер, из Эссекса, к вашим услугам. Старый друг мастера Токи. – Коротышка отвесил нам насмешливый поклон и вновь повернулся к Токи. – Может, зажжем свечи? А то тут темно, хоть глаз коли.

Раскаты грома становились все более оглушительными. Гроза должна была разразиться с минуты на минуту.

– Нет, – покачал головой Токи и указал на вазу с греческим огнем. – Ты сам знаешь, поблизости от этой штуковины огня лучше не зажигать.

– Может, вы удовлетворите наше любопытство и скажете, кто они, ваши таинственные хозяева? – спросил я. – Ты их хорошо знаешь, горбун, – усмехнулся Токи. – Тебе ведь доводилось обедать с аристократами.

Я почувствовал, как по спине у меня пробежал холодок. Единственной представительницей аристократического сословия, которую я знал, была леди Онор. Внезапно я вспомнил, где видел молодого парня, пытавшегося избавиться от деревенского произношения. Он прислуживал на званом вечере леди Онор.

– Стекланный дом, – прошептал я.

В темноте я не мог различить выражения лица Токи.

– Вскоре ты будешь иметь честь побеседовать с нашими хозяевами, горбун, – процедил он. – Имей терпение.

Он взял со стола ломоть хлеба и принялся жевать. На несколько минут в комнате воцарилась тишина. Потом откуда-то донесся тихий шорох.

Поначалу я не мог понять, что это такое. Но вскоре с потолка закапало, и я догадался, что пошел дождь. Оглушительные раскаты грома теперь раздавались прямо над нашими головами.

– Гляди-ка, гроза, – заметил Флетчер.

– Да, – кинул Токи, – чертовски темно. Видно, все-таки придется зажечь свечу. Только поставь ее на дальний конец стола.

Флетчер укрепил на тарелке свечу, и комнату залил неровный желтый свет. Оба негодяя вновь погрузились в молчание.

– Послушайте, – подал голос Барак. – Вы знаете, мы работаем на лорда Кромвеля. Если вы нас убьете, вам это с рук не сойдет. Вас непременно поймают и вздернут.

– Плевать я хотел на этого сына трактирщика, – издевательски ухмыльнулся Токи. – Его песенка спета.

– Вот тут ты ошибаешься, приятель. Лорд Кромвель сумеет дать отпор всем своим врагам. И если вы нас отпустите, он вас щедро наградит. А иначе пинайте на себя.

– Дело зашло слишком далеко, лысый. – Токи пристально взглянул на Барака, в глазах его плясали отблески свечи. – И не пытайся меня запугать. Я не из пугливых.

– Твой товарищ Райт тоже был не из пугливых, – заметил Барак. – Однако сегодня утром он так перетрусил, что с испугу расстался с жизнью. Решил соскочить с крыши собора Святого Павла, да неудачно приземлился.

– Что? – Токи подался вперед.

– Что слышал. Тебе лучше внять разумному совету. Иначе составишь своему приятелю компанию на том свете.

– Вы убили Сэма!

В хриплом голосе Токи послышалась неподдельная боль.

– Вы убили Сэма, мерзавцы!

Флетчер с сочувствием смотрел на своего товарища. Я понял, что Барак совершил роковую ошибку. Токи привстал, потом вновь рухнул на кипу ткани.

– Богом клянусь, гады, вы об этом пожалеете, – проскрежетал он. – Вы оба будете умирать медленно, очень медленно. Узнаете, какие штуки я умею вытворять вот этим ножом...

Полыхающий ненавистью взгляд его заставил меня содрогнуться.

Барак подался назад, прижавшись ко мне. Он не сводил глаз с Токи, однако я ощутил, как связанные его руки прикасаются к моему поясу, и понял, что он пытается вытащить мой кинжал. Злодеи и думать не думали, что убогий горбун тоже имеет при себе оружие. Не глядя на Барака, я

незаметно повернулся, стараясь облегчить ему задачу. Через несколько мгновений Барак извлек кинжал из ножен. Токи замер, уронив голову на руки. Я ошибался, полагая, что ему плевать на Райта. Утрата старого товарища оказалась для него тяжким ударом. Взгляд Флетчера, устремленный на сообщника, был полон откровенного беспокойства.

Барак принялся украдкой перерезать веревку, стягивающую мои руки. Но тут Флетчер поднялся и открыл дверь. Мы оба замерли. Взглянув в люк, я увидел, как с неба низвергаются потоки дождя, тысячи крошечных водоворотов взбудоражили поверхность реки. Флетчер закрыл дверь и вернулся на свое место. Токи поднял голову. Лицо его покрывала страшная бледность, а оспины казались еще более глубокими и уродливыми в неровном свете свечи.

– Что, до сих пор не приехали?

Голос его звучал спокойно и ровно, но чувствовалось, что он едва сдерживает боль и ярость.

– Нет. Видно, решили переждать грозу.

Токи кивнул и вновь замер, пристально разглядывая свои руки. Теперь он явно избегал смотреть в нашу сторону. Я тоже разглядывал руки убийцы, большие, белые и сильные. Барак тем временем перерезал веревки, медленно и осторожно. Я прикусил губу, когда острое кинжала поцарапало мне кожу, и в следующее мгновение ощутил, что запястья мои свободны. С трудом удержавшись от желания потереть затекшие руки, я незаметно размял пальцы, взял у Барака кинжал и принялся за его путы, не сводя глаз со злоумышленников. Токи по-прежнему пребывал в оцепенении, а Флетчер прохаживался по комнате, время от времени поглядывая на нас. Ему, как видно, было не по себе.

А потом с лестницы донеслись уверенные шаги. Флетчер тут же вскочил. Я замер, почти перерезав веревки на руках Барака. Украдкой взглянув на него, я пытался понять, может ли он освободить руки. Однако лицо Барака хранило непроницаемое выражение. Флетчер распахнул дверь.

В комнату, стряхивая с плаща дождевые капли, вошел барристер Марчмаунт, живой и невредимый. Во взгляде, который он бросил на нас, светилась холодная жестокость. Маску любезного и благовоспитанного джентльмена он отбросил за ненадобностью.

– Вижу, вы попали в неприятную историю, господа, – насмешливо бросил он.

Мы смотрели на ожившего покойника, открыв рты от изумления. Барак первым обрел дар речи.

– Мы думали, вас убили, – прошептал он.

– Вы слишком близко подобрались к разгадке, и я решил, что мне лучше на время исчезнуть, – с улыбкой сообщил Марчмаунт. – Литейщик, которого мы держали здесь, до сих пор был жив, и я решил этим воспользоваться. Токи и Райт отвезли этого дурня в сад Линкольнс-Инна и прикончили. Потом они разделали его тушу топором, напялили на палец мое кольцо, а тело привезли сюда. Через этот люк чрезвычайно удобно выбрасывать в Темзу всякий ненужный хлам. Вскоре вы сами в этом убедитесь.

– Райт мертв, – произнес Токи, метнув в меня угрюмый взгляд. – Эти каналы сбросили его с крыши собора Святого Павла. Они дорого за это заплатят.

– А, так это о смерти твоего приятеля болтают в Сити, – равнодушно бросил Марчмаунт.

Он снял плащ, под которым оказался роскошный камзол, расшитый мелкими бриллиантами.

– Многие думают, это был заговор с целью убить архиепископа Кранмера.

Он пристально посмотрел на Токи.

– После нашей беседы можешь делать с ними все, что душе угодно, – невозмутимо произнес он. – Кстати, я поручил Джексону сообщить о наших гостях еще одной важной персоне.

– Кому? – выдохнул я. – Придет время, узнаете, брат Шардлейк, – сказал Марчмаунт. – Нам придется подождать – из-за ливня улицы превратились в реки, и добраться сюда не так просто.

Он уселся на край стола, скрестив на груди пухлые руки. Лицо его приняло задумчивое выражение.

– Итак, вы утверждаете, Кромвель знает, что мы не сумели получить темный огонь. Но наши имена ему неизвестны, не так ли?

– Неизвестны, – ответил я, сознавая, что утверждать обратное бессмысленно.

– Что, ума не хватило разобраться во всей этой алхимии? – насмешливо осведомился Барак.

Вместо ответа Марчмаунт подошел к нему и с размаха ударил по лицу.

– Перед тобой барристер высшего ранга, невежа. Так что будь любезен разговаривать почтительно.

Барак смело взглянул ему прямо в глаза.

– Я не питаю ни малейшего почтения к мошенникам и убийцам, – заявил он. – И думаю, на этом нам стоит закончить беседу.

– Нет, наша беседа еще только начинается, – раздался в дверях звучный

ВЛАСТНЫЙ ГОЛОС.

ГЛАВА 44

Марчмаунт и оба злодея склонились в глубоком поклоне, когда в комнату вошел герцог Норфолкский собственной персоной. С отороченного мехом плаща вельможи струями стекала вода. За герцогом следовал молодой Джексон. Я понял, что на званом вечере он присутствовал в качестве слуги герцога, а не леди Онор. Несмотря на весь ужас моего положения, с души моей точно камень свалился. Впрочем, в следующее мгновение я осознал, в каких высоких сферах зародился заговор против Кромвеля, и невольно содрогнулся.

Норфолк бросил плащ Флетчеру и вперил в меня ледяной надменный взгляд.

«На милосердие этого человека рассчитывать не приходится», – пронеслось у меня в голове.

Герцог прошествовал к столу. Флетчер торопливо вскочил с тюка, уступая это сиденье Норфолку.

– Да, мастер Шардлейк, по вашей милости мне пришлось переправиться через реку под проливным дождем. Сами понимаете, путешествие было не слишком приятным, – губы герцога тронула холодная улыбка, – но я отдаю вам должное. Вы весьма преуспели, учитывая, сколь сильное противодействие вам оказывалось. К тому же мы получали помощь, о которой вы даже не догадывались.

Герцог рассмеялся отрывистым лающим смехом.

– Признаюсь, я бы не возражал, если бы вы играли на моей стороне. Но у вас другие покровители, не так ли? Надеюсь, сейчас вы без утайки сообщите мне, что известно об этом деле Кромвелю, которому вы столь верно служите.

– Лорду Кромвелю доподлинно известно, что братья Гривуды не сумели получить греческий огонь, – солгал я.

– А как вам удалось это узнать? – Голос герцога звучал приветливо, почти добродушно.

– Я припомнил все известные мне обстоятельства дела и сопоставил все факты, только и всего.

– Да, вам ведь кое-что рассказал бывший монах Кайтчин. Полагаю, сейчас Кромвель взял его под свою защиту и спрятал в укромном месте?

– Да, Кайтчин в безопасности. Я обратился к старым книгам, в которых упоминался греческий огонь, и понял, что для его изготовления необходим

некий редкий элемент, который невозможно найти в Англии. Впрочем, полагаю, вы шли тем же самым путем. Ведь это вы забрали книги из библиотеки Линкольнс-Инна, Марчмаунт?

– Я, – кивнул Марчмаунт, – а библиотекаря, чтобы держал язык за зубами, хорошенько припугнул. Сказал, что герцог с него три шкуры спустит. Вы правы, Шардлейк, мы с вами шли одним и тем же путем. Я долго корпел над историческими книгами и понял, что в Англии мы никогда не сможем производить греческий огонь.

– Но вы не догадывались, что за всем этим стою я и Марчмаунт действует в моих интересах? – спросил герцог Норфолкский.

– Нет, об этом они не знали, – ответил Токи прежде, чем я успел открыть рот.

– Пусть горбун скажет сам.

– Нет, – покачал я головой. Норфолк удовлетворенно кивнул.

– А каковы были наши первоначальные замыслы, вы поняли, Шардлейк?

– Я полагал, первоначально вы собирались предложить греческий огонь королю и заслужить тем самым его расположение. Но потом, когда все опыты Сепултуса Гривстуда окончились неудачей, ваши планы изменились. Вы решили ввести в заблуждение лорда Кромвеля и испортить его отношения с королем.

Норфолк разразился одобрителем смехом.

– Да, горбун, сообразительности вам не занимать. И почему только вы до сих пор не барристер? Клянусь, Уильям, в суде он дал бы вам сто очков вперед.

При этих словах Марчмаунт недовольно нахмурился.

– Богом клянусь, Сепултус Гривстуд и его братец очень меня подвели, – продолжал герцог. – В один прекрасный день они явились к Уильяму и заверили, что им ничего не стоит получить греческий огонь. Уильям бросился ко мне и заявил, что у нас наконец появился последний гвоздь, которым мы очень ловко заколотим гроб Кромвеля. А потом, неделю за неделей, эти недоумки Гривстуды испытывали мое терпение. Они просили подождать еще, твердили, что им не хватает какого-то элемента, который они вот-вот найдут. Лишь через несколько месяцев они признались, что не в состоянии самостоятельно изготовить греческий огонь. Тогда в голову Уильяму пришла превосходная идея. Он придумал, как использовать их провал против Кромвеля. Уильям, надо отдать ему должное, тоже неплохо соображает. А для того чтобы вся история выглядела правдоподобнее, мы действовали через посредников. Теперь смекалка Уильяма будет щедро

вознаграждена. После падения Кромвеля он получит наконец дворянство. Он это заслужил, да, Уильям?

И Норфолк снисходительно похлопал барристера по плечу. Марчмаунт вспыхнул от смущения.

– Итак, Кромвель пообещал королю греческий огонь, а выполнить обещание не сумеет при всем желании. Король, ожидания которого будут столь бессовестно обмануты, придет в ярость. А в ярости он страшен, можете мне поверить, горбун. О, гнев короля – это впечатляющее зрелище. Но тому, кому довелось увидеть это зрелище собственными глазами, не позавидуешь!

Норфолк вновь расхохотался. Марчмаунт и Флетчер угодливо вторили ему. Лишь Токи по-прежнему пожирал нас глазами, сжимая рукоять кинжала.

– В этой игре Кромвель проиграл, – отсмеявшись, изрек герцог. – Король не простит ему подобной ошибки. Я займу место Кромвеля, а через несколько месяцев греческий огонь чудесным образом будет найден вновь. Король отдаст содержимое этой вазы на исследование алхимикам. И уж конечно, в благодарность за столь замечательную находку осыплет меня милостями.

– Никто и никогда не сумеет самостоятельно получить греческий огонь, – проронил я.

– Ошибаетесь, горбун. Формула у вас с собой, Марчмаунт?

Барристер похлопал себя по карману камзола.

– Да, ваша светлость. Я никогда с ней не расстаюсь.

Герцог кивнул и вновь повернулся ко мне.

– Да будет вам известно, мастер Шардлейк, для того чтобы получить греческий огонь, необходимо найти один-единственный элемент. В формуле он называется лигроин. Мы совершим путешествие в страны, где добывают этот элемент, и сделаем необходимый запас.

– Все эти страны находятся под владычеством турок.

– Хотя бы и так, – пожал плечами Норфолк. – У меня достаточно золота, чтобы раздобыть такую малость.

Глаза его насмешливо сузились.

– День, когда я представлю королю греческий огонь, будет днем моего величайшего торжества. Король устал от реформ, он видит, что они ведут лишь к волнениям и беспорядку. В конце концов он услышит голос разума и вернется под владычество Рима. И очень может быть, юная Кэтрин подарит ему еще одного наследника. И на случай, если что-нибудь произойдет с сыном Джейн Сеймур, у нас будет наследник из рода

Говардов.

Норфолк растянул губы в улыбке и при этом угрожающе сдвинул брови.

– И для того, чтобы осуществить свой замысел, вы лишили жизни множество невинных людей.

Взгляд герцога стал серьезным.

– Не буду отрицать, это так. Что, мастер адвокат, вам, как поборнику закона, это претит? Впрочем, те, кого мне пришлось убрать, были самыми заурядными невежественными простолюдинами. Пара мошенников, шлюха и ее братец, сторож, рабочий-литейщик. Да, я пожертвовал всем этим сбродом во имя будущего Англии. Убив нескольких никчемных людишек, я спасу три миллиона душ, которые ныне пребывают в пучине реформаторской ереси.

Герцог поднялся, подошел ко мне и ударил ногой в лодыжку. Удар, казалось бы непреднамеренный, был чрезвычайно болезненным.

– Я предоставляю их в твое полное распоряжение, – сказал он, обернувшись к Токи. – Можешь развлекаться с ними, как твоей душе угодно. Но прежде чем Шардлейк умрет, он должен подробно рассказать все, что он вычитал в старых книгах. Когда дело будет покончено, выбросишь тела через люк. Марчмаунт, вы поможете ему как следует расспросить горбуна. И хорошенько запоминайте все, что он скажет.

Барристер недовольно сморщил нос.

– Мое присутствие так уж необходимо? Признаюсь, я не охотник до подобных забав.

– Ваше присутствие совершенно необходимо, – отрезал герцог. – Вы ведь книжный червь, так же как и горбун. А наш добрый приятель Токи вряд ли смыслит в римских авторах больше моего.

– Хорошо, ваша светлость, – кивнул Марчмаунт.

– Приступайте к делу. А я вернусь в дом епископа Гардинера, дабы продолжить обед в приятном обществе моей прелестной племянницы Кэтрин Говард. Сообщите мне, когда все будет кончено.

Герцог наклонился ко мне и зловеще процедил:

– Насколько я знаю мастера Токи, он покажет вам такие штуки, по сравнению с которыми сожжение на костре – приятное развлечение.

Герцог прищелкнул пальцами, юный Джексон набросил ему на плечи плащ и распахнул перед ним дверь. Бросив взгляд в люк, я увидел, что дождь по-прежнему льет как из ведра, а по реке, где начался прилив, ходят волны. Флетчер и Токи склонились в почтительном поклоне, и герцог, сопровождаемый Джексоном, вышел прочь.

В комнате повисла тягостная тишина, нарушаемая лишь шорохом

дождевых струй да топотом шагов на лестнице. Токи извлек из ножен длинный, острый кинжал.

– Сейчас мы устроим поминальную службу по Сэму Райту, – протянул он с леденящей улыбкой и подошел ко мне. – Начнем с тебя, горбун. Я так думаю, уши тебе больше не понадобятся.

– Боюсь, вы не привыкли к столь грубому обхождению, Шардлейк, – ухмыльнулся Марчмаунт. – Вам придется извинить этого невежу.

Я ощутил, как Барак напрягся у меня за спиной. Руки его, свободные от пут, уперлись в пол. Неожиданно выбросив вверх обе ноги, он двинул Флетчера в живот. Удар оказался сокрушительным. Негодяй отлетел к стене, с размаху ударился головой об стену так, что вся комната содрогнулась, и, потеряв сознание, сполз на пол.

Барак вскочил на ноги и метнулся в угол, туда, где лежал его меч. Я с трудом встал, едва сдерживаясь, чтобы не застонать от боли в спине и в затекших запястьях. Токи отбросил кинжал и схватился за меч. Барак успел завладеть своим оружием, но споткнулся и едва не потерял равновесие. Токи непременно ударил бы его мечом, но я успел вытащить кинжал и вонзил его в бедро неприятелю. Токи испустил вопль боли и ярости, и тут Барак ударил его мечом по руке, едва не отрубив ее. Меч Токи с лязгом полетел на пол.

Марчмаунт наконец опомнился и потянулся за кинжалом, висевшим у него на поясе. Тяжело дыша, он бросился ко мне, но Барак, стремительно повернувшись, лягнул его в колено. Дородный Марчмаунт упал с тяжелым стуком. Барак подскочил к Токи и пронзил ему грудь мечом. Токи с недоумением, словно глазам своим не веря, взглянул на лезвие, вошедшее в его тело. Потом свирепый огонь, полыхавший в его взоре, погас, и он рухнул как подкошенный. Мы с Бараксом переглянулись, не в силах поверить, что разделались с врагом, который преследовал нас в течение многих дней.

– В ад сегодня пожалует новый гость, – усмехнулся Барак.

В углу раздался стон – Флетчер все еще не пришел в себя. Марчмаунт, красный как рак, с трудом поднялся, опираясь на стол. Барак приставил острие меча к его горлу.

– Ну, жирная жаба, ты пойдешь с нами. Думаю, графу будет любопытно послушать твое кваканье.

– Прошу вас, послушайте меня, – взмолился Марчмаунт. – Норфолк щедро заплатит, если... – Может, кому и заплатит, да только не нам, – расхохотался Барак. – Зря ты ввязался в эту игру, жирная жаба. Уж где тебе лезть в дворяне, отпрыск крестьян и торговцев рыбой, – добавил он с

наслаждением.

Марчмаунт понурил голову. Мне было почти жаль его. Флетчер тем временем поднялся на ноги и замер, пошатываясь и растерянно глядя на мертвого Токи и припертого к стене Марчмаунта. В следующее мгновение он метнулся к двери, распахнул ее и выскочил на лестницу. Я рванулся за ним, но Барак удержал меня.

– Пусть этот олух бежит. Он нам не нужен. У нас и без него хорошая добыча.

– Умоляю, разрешите мне сесть, – простонал Марчмаунт. – У меня кружится голова.

Барак указал на тюк.

– Присаживайся, мешок с дерьмом.

Под презрительным взглядом Барака Марчмаунт тяжело рухнул на тюк.

– Берите вазу, – распорядился Барак, повернувшись ко мне.

– Что?

– Мы должны доставить греческий огонь графу. Я взял вазу. Наконец-то опасная находка попала мне в руки. Ваза оказалась тяжелой. Как видно, она была почти полна.

– Может, нам не стоит отдавать греческий огонь графу, Барак, – пробормотал я. – Мы захватили Марчмаунта, мы знаем все о заговоре герцога. Этого вполне достаточно, чтобы Кромвель оправдался перед королем и отделался от Говардов.

Барак пристально взглянул на меня.

– Дайте вазу мне, – тихо произнес он.

– Но, Джек, подумайте, сколько несчастий может принести людям греческий огонь...

– Дайте вазу мне. Я...

Барак не успел договорить. Марчмаунт, проявив неожиданное проворство, нагнулся, схватил меч Токи, подскочил и нанес удар, метя прямо в шею Бараку. Тот отпрянул в сторону, однако лезвие скользнуло по его правой руке, сжимавшей оружие. Барак схватился за предплечье, меж его пальцами ручьями текла кровь. Меч он не выпустил, однако рука безжизненно повисла. Марчмаунт бросил на меня торжествующий взгляд и поднял меч, намереваясь нанести Бараку смертельный удар.

Тут я метнул в него содержимое вазы. Из широкого горла вырвалась струя густой черной жидкости, резкий удушливый запах мгновенно наполнил комнату. Мне удалось попасть прямо в лицо Марчмаунту. Он пронзительно завыл, сделал несколько неверных шагов, поскользнулся в луже, расплывшейся на полу, и рухнул. Падая, он задел стол. Свеча,

стоявшая в тарелке, упала. Пламя пробежало по рукаву Марчмаунта. В следующее мгновение тело Марчмаунта превратилось в живой факел. С губ его сорвался душераздирающий вопль. Я в ужасе отскочил. Марчмаунт судорожно дергался, пытаясь загасить огонь руками, но беспощадное пламя разгоралось все сильнее. В ноздри мне ударил отвратительный запах паленого мяса. Я увидел, что стол тоже загорелся и языки пламени ползут по полу.

Марчмаунт, охваченный пламенем, бросился в соседнюю комнату. Я побежал за ним. До конца дней своих не забуду, как он кричал, стонал и извивался. Огонь сожрал волосы Марчмаунта, лицо его обуглилось, и зубы, оскаленные в смертельной агонии, казались неестественно белыми. С животным криком он устремился к люку. Обгоревшие куски одежды отделялись от него со страшным потрескиванием. Ему удалось протиснуться в люк, и в следующее мгновение кошмарный живой факел с нечеловеческим воем полетел в реку. Он громко ударился об воду и тут же пошел ко дну. Душераздирающий вопль внезапно смолк, по воде пошли круги. От злополучного барристера остались лишь обрывки обгоревшей мантии, все еще тлевшие на полу.

Услышав крик Барака, я поспешил в соседнюю комнату. Там царил полный хаос, на полу валялись осколки вазы, языки пламени подбирались к аппарату. Барак, истекавший кровью, метался по комнате, бросая по сторонам растерянные взгляды. Я коснулся его плеча.

– Идем, Джек. Уже ничего не спасешь. Бежим скорее, иначе сгорим вместе со складом.

Барак бросил на меня взгляд, исполненный злобы и досады, однако внял голосу разума и вслед за мной сбежал по ступенькам. Мы бросились к выходу; огонь меж тем охватил уже весь верхний этаж склада. У самых дверей Барак остановился, чтобы отдышаться и прийти в себя.

– Мы должны немедленно сообщить графу обо всем, что сейчас узнали, – произнес он. – А склад пусть горит к чертям.

Я кивнул. Выбежав на улицу, мы оказались под проливным дождем. Я с наслаждением подставил разгоряченное лицо прохладным струям. Разгрузка кораблей все еще продолжалась. Матросы сновали туда-сюда, не поднимая голов, и никто из них не заметил дыма, который уже вырывался из люка и расстилался над рекой. Я взглянул на темную воду. В какое-то мгновение мне показалось, что в волнах мелькнуло нечто черное. Возможно, то было полусгнившее бревно, возможно, жалкие останки барристера Марчмаунта, последней жертвы греческого огня.

ГЛАВА 45

Мы медленно пересекли Чипсайд, потом узкими улочками, которые дождь успел превратить в канавы, полные жидкой хлюпающей грязи, спустились к реке. Дождь, бесконечный и беспощадный, лил без устали; казалось, чья-то злая рука извергает его с неба на наши усталые головы. То был затяжной ливень, а не короткая летняя гроза, разразившаяся несколько дней назад. Изредка нам попадались прохожие, чья легкая летняя одежда насквозь промокла и липла к телу; все они, понуриив головы, спешили укрыться от непогоды.

Барак остановился и прислонился к стене, схватившись за раненую руку. Он был очень бледен, а меж пальцев у него стекали струйки крови.

– Вашу рану необходимо перевязать, – заявил я. – Может, зайдем к Гаю, он живет совсем близко.

– Нет, – покачал головой Барак. – Мы должны как можно скорее попасть в Уайтхолл. Это все ерунда.

Он взглянул на порез на моем запястье.

– Сами-то вы не слишком пострадали? – Не слишком, – пожал я плечами. – Порез неглубокий. Давайте я попробую перевязать вашу руку, – предложил я, достав из кармана носовой платок.

Я как можно туже затянул платок на предплечье Барака; кровь брызнула из раны струей, но через несколько мгновений, к великому моему облегчению, кровотечение прекратилось.

– Спасибо за помощь, – сказал Барак, глубоко вздохнул и, сделав над собой усилие, оторвался от стены. – Идем, нам надо переправиться через реку.

– Как бы то ни было, победа осталась за нами, – бросил он, когда мы спускались по ступенькам к воде. – Теперь гнев короля падет на Норфолка, а не на лорда Кромвеля. Эта продувная бестия Норфолк пытался обмануть короля, а такое не прощается.

– Да, но необходимо, чтобы король поверил графу. А теперь, когда Марчмаунт мертв и все улики погибли в пламени, у нас нет никаких доказательств заговора.

– Король допросит Норфолка, и тот все выложит как миленький, – возразил Барак. – А мы непременно схватим Флетчера. К тому же мы и сами можем выступить как свидетели, – присвистнув, заявил он. – Пусть граф попросит короля нас выслушать. Мы уж выложим ему эту историю во

всех подробностях.

– Надеюсь, нам не придется держать ответ перед королем, – возразил я. – Даже если король поверит графу, узнав, что греческий огонь безвозвратно утрачен, он придет в ярость.

Барак устремил на меня пытливый взгляд.

– Вы спасли мне жизнь, метнув вазу с греческим огнем в каналью Марчмаунта, – сказал он.

– Я запустил в него первым, что попало под руку. О последствиях я тогда не думал. И мне вовсе не хотелось, чтобы Марчмаунт погиб такой страшной смертью.

– А если бы Марчмаунт не напал на нас? Вы не стали бы чинить мне препятствий? Позволили бы доставить вазу с греческим огнем графу?

– К чему все эти вопросы, – ответил я, взглянув ему прямо в глаза. – Случилось то, что случилось. И греческого огня у нас больше нет.

Барак погрузился в молчание. Мы наняли лодку, и вскоре волны прилива понесли нас вверх по течению, к Уайтхоллу. Дождь по-прежнему лил как из ведра, вспенивая речную воду. Где-то вдалеке раздавались глухие раскаты грома.

«Стихия огня превратилась в стихию воды», – пришло мне на ум.

Вода неодолимо притягивала мой взор; я с замиранием сердца ожидал, что в волнах вот-вот мелькнет обгорелый труп Марчмаунта. Впрочем, рассудок подсказывал мне, что жалкие останки барристера уже на речном дне и лишь через несколько дней прилив может выбросить их на берег. Я надеялся, что матросы, работавшие на Соляной пристани, сумели потушить пожар и огонь не перебросился на соседние здания. К счастью, склад «Пеликан» был не деревянным, а кирпичным.

Съездившись в промокшей насквозь одежде, я наблюдал, как вода струями стекала с голов Барака и лодочника. Взглянув на церковные часы, я с удивлением обнаружил, что уже три. Я вспомнил, что сегодня должен во что бы то ни стало нанести визит Уэнтвортам. До суда над Элизабет остался всего один день. Бедный Джозеф наверняка изнывает от тревоги и нетерпения.

– Любопытно, что имел в виду Норфолк, когда сказал, что они получали помощь, о которой мы даже не догадывались? – внезапно спросил Барак.

– Судя по всему, прежние мои подозрения справедливы, – нахмурившись, сказал я. – Некий осведомитель сообщал заговорщикам обо всех наших делах и планах.

– Но кто он, это осведомитель? Для передачи писем и сообщений я всегда обращался к проверенному человеку. – Барак прикусил губу. – А вот

ваш старый мавр немало знал о наших делах.

– Гай тут совершенно ни при чем, – сердито покачал я головой. – Он никогда не станет пособником убийц.

– Даже в том случае, если эти убийцы действуют во имя возвращения власти Папы? – проворчал Барак.

– Можете мне поверить, Гай не станет им помогать в любом случае. Мне известны его убеждения.

– А Джозеф?

– Барак, вы можете себе представить, чтобы такой простодушный мальчик, как Джозеф Уэнтворт, действовал как тайный соглядатай? К тому же он убежденный сторонник Реформации.

– Но кто тогда? Грей?

– Грей служит Кромвелю уже пятнадцать лет.

– А кого вы подозреваете?

– Никого. Откровенно говоря, я в полной растерянности.

Лодка причалила у ступеней Уайтхолла. Пока я расплачивался с лодочником, Барак показал одному из стражников печать графа, и нас пропустили на лестницу, ведущую во дворец. Поднимаясь по ступеням, я сильно запыхался; перед глазами у меня плясали светящиеся белые точки, и, добравшись наконец до вершины, я остановился в полном изнеможении. Барак тоже с трудом переводил дух. Взглянув на величественные здания, смутно вырисовывавшиеся за сплошной пеленой дождя, я вздрогнул; теперь, когда я промок насквозь, меня била дрожь. Барак побрел в сторону дворца, и я, едва передвигая ноги, последовал за ним.

Мы в очередной раз прошли через галерею Уединения и оказались в апартаментах Кромвеля. Стражник пропустил нас в приемную, где за столом восседал Грей, по обыкновению, просматривавший бумаги. Ему помогал какой-то клерк. Оба с недоумением воззрились на нашу мокрую грязную одежду.

– Мастер Грей, мы должны немедленно поговорить с лордом Кромвелем, – заявил я. – Дело не терпит отлагательств.

После минутного колебания Грей сделал клерку знак уйти. Потом, в волнении всплескивая пухлыми руками, встал из-за стола и подошел к нам.

– Ради бога, что случилось, мастер Шардлейк? Барак, вы ранены...

– Мы распутали дело, связанное с греческим огнем, – заявил я. – Все это был заговор, задуманный герцогом Норфолкским с целью опорочить лорда Кромвеля в глазах короля.

Я торопливо, перебивая сам себя, поведал Грею о событиях, произошедших на складе. Тот слушал, открыв рот от изумления.

– Прошу вас, сообщите графу, что нам нужно срочно с ним поговорить, – завершил я свой рассказ.

Грей взглянул на закрытую дверь кабинета.

– Увы, графа сейчас нет в Уайтхолле, – сообщил он. – Королева Анна пожелала его увидеть, и он отправился к ней, в Хэмптон-Корт. Отбыл примерно час назад. Сегодня вечером он непременно будет в Вестминстере, на заседании парламента.

– А где сейчас король?

– В Гринвиче.

– Мы поедem в Хэмптон-Корт, – бросил Барак и сделал шаг к дверям.

Внезапно он застонал, пошатнулся и, не поддержи я его, рухнул бы на пол. Грей с удивлением наблюдал, как я усадил Барака в кресло. – Что с ним? Поглядите-ка, у него кровь.

И в самом деле, наложенный мною жгут ослабел, и по рукаву Барака вновь струей текла кровь. Он был бледен как полотно, на лбу выступила испарина.

– Господи боже, как холодно, – пробормотал он, содрогаясь в своем насквозь промокшем камзоле.

– Вы не в состоянии ехать в Хэмптон-Корт, – сказал я и повернулся к Грею. – Мастер Грей, нельзя ли позвать королевского доктора?

– Вчера король прогнал доктора Баттса и всех его помощников, – покачал головой Грей, обеспокоенно вглядываясь в бледное лицо Барака. – Они хотели снова вскрыть язву у него на ноге. Тогда король разразился проклятиями и приказал им убираться прочь. Он даже швырнул в доктора подушкой.

– Тогда вам поможет Гай, Барак, – заявил я непререкаемым тоном. – Я отвезу вас к нему.

– Сейчас не до этого, – прошептал Барак. – Отправляйтесь в Хэмптон-Корт. А меня оставьте здесь.

– Я сам валюсь с ног, – возразил я и обратился к Грею. – Мастер Грей, вы можете отправить письмо в Хэмптон-Корт? С самым что ни на есть надежным и проверенным гонцом, всецело преданным графу?

– Если вы полагаете, что так будет лучше, мы так и сделаем, – кивнул Грей. – Я пошлю в Хэмптон-Корт молодого Хэнфолда.

– А, я его помню, – через силу улыбнулся я. – Как-то раз этот молодой человек привез мне из Тауэра письмо, которое решило судьбу одного монастыря. Думаю, ему можно доверять.

Я взял перо и нацарапал несколько строк. Грей запечатал письмо печатью графа и вышел из комнаты, призывая Хэнфолда. Я подошел к окну

и бросил взгляд на промокший сад.

– Любопытно, что делает сейчас Норфолк? – задумчиво проговорил я.

– Наверняка шельмец еще не догадывается, что над его головой сгустились тучи, – откликнулся Барак. – Только через несколько часов, так и не дождавшись вестей от своих сообщников, он начнет волноваться.

Я внимательно посмотрел на Барака. Лицо его по-прежнему покрывала смертельная бледность.

– Может, вам все же стоит съездить к Гаю? – предложил я. – После того как он должным образом перевяжет вашу руку, мы вернемся сюда. Или Кромвель пришлет за нами в аптеку.

– Будь по-вашему. – Барак неуверенно поднялся на ноги. – Лучше отправиться к старому мавру, чем ждать, пока из меня вытечет вся кровь. К тому же я могу испортить роскошное кресло любезного Грея.

Тут секретарь вернулся и сообщил, что письмо отправлено и нас ждет лодка. Я дал ему адрес аптеки, где нас можно будет отыскать в случае необходимости. Мы с Бараксом направились к реке и, проведя под дождем еще полчаса, причалили у противоположного берега. Барак с трудом держался на ногах, и мне приходилось его поддерживать. Полагаю, плетясь по грязным улочкам к аптеке Гая, мы представляли собой довольно жалкое зрелище.

Распахнув дверь и увидав нас, друг мой лишь слегка вскинул брови; он привык к подобным явлениям. Усадив Барака на стул, он помог ему снять рубашку. Рана на руке оказалась довольно глубокой. Барак судорожно сжимал свой талисман, пока Гай осматривал рану, осторожно прикасаясь к ней пальцами.

– Думаю, следует наложить шов, мастер Барак, – изрек Гай, закончив осмотр. – Вы способны терпеть боль?

– А что мне еще остается? – страдальчески сморщившись, ответил Барак. – Разве у меня есть выбор?

– Насколько я могу судить, нет. Если мы не зашьем рану, вы истечете кровью до смерти.

Гай смазал порез на моем запястье какой-то едкой жидкостью, а потом повел Барака в свой кабинет, предложив мне подождать в аптеке. Он принес мне сухую одежду, и я переоделся, радуясь тому, что никто меня не видит. Мысль о том, сколь тягостное впечатление мое согбенное тело произвело бы на леди Онор, доведись ей только его увидеть, вновь пронеслась у меня в голове. Впрочем, она наверняка догадывается, что обнаженный горбун представляет собой не слишком приятное зрелище. Но, судя по всему, это ее не отпугивает. Вздрагивая при каждом приглушенном

вскрике Барака, доносившемся из кабинета, я приладил пояс и кошелек. Как и всегда, размышления о собственном уродстве привели меня в уныние.

«Лучше об этом не думать, – оборвал я себя. – Ни к чему впустую растревлять себе душу. Пусть я горбат, но леди Омор удостоила меня своим расположением. И я, конечно, не упущу возможности сблизиться с ней».

Недавно, на складе, сердце едва не выскочило у меня из груди при одном лишь подозрении, что леди Омор может быть замешана в заговоре. Собственный страх помог мне осознать, сколь глубоким чувством я проникся к этой женщине.

Подойдя к окну, я увидел, что дождь стихает. Окно запотело, и я, прижавшись лбом к холодному стеклу, на мгновение закрыл глаза. Дверь открылась, и в комнату вошел Гай в запятнанном кровью фартуке.

– Дело сделано, – с улыбкой сообщил он. – Теперь Бараку нужно часок отдохнуть. Должен сказать, он на редкость крепкий молодой человек. И очень выносливый.

– Да, он крепок, как гвоздь, – улыбнулся я. – Мы победили, Гай. Греческого огня больше не осталось. Он выгорел до последней капли.

– Слава богу, – произнес Гай, опускаясь на табуретку.

– Вы уничтожили то, что было в сосуде? – спросил я.

– Вылил в Темзу.

Я рассказал ему о событиях, произошедших на складе.

– Теперь нам осталось лишь поставить в известность Кромвеля, – завершил я свой рассказ.

– Да, Мэтью, вы и в самом деле вышли победителем из этой сложной игры, – заметил Гай. – Вам удалось совместить невозможное: с честью выполнить возложенное на вас поручение и уничтожить греческий огонь.

– Да, хотя последнее вышло совершенно случайно. Если бы Марчмаунт не набросился на Барака...

– Возможно, то была рука Господа, услышавшего ваши и мои молитвы, – с улыбкой заметил Гай.

– Да, и эта рука сурово покарала Марчмаунта. Я пристально взглянул на старого аптекаря.

– Признаюсь вам, Гай, все эти дни я не прибегал к молитве. Душа моя пребывает в смятении. Эти люди, Норфолк и Марчмаунт, совершили множество злодеяний. На их совести несколько жизней. И все это они делали во имя возвращения Англии под власть Папы. Вы сознаете это?

– А разве Кромвель не запятнал себя бесчисленными злодеяниями?

Вместо ответа я сокрушенно покачал головой.

– Когда-то я тешил себя надеждой, что этот несовершенный мир возможно преобразовать. Потом я разочаровался в своих наивных мечтаниях. Увы, я более не считаю, что служу добру. Но я по-прежнему верю, что те, кто противостоит Кромвелю и реформам, несут с собой еще большее зло. И все же... – Я осекся.

– Продолжайте, – подал голос Гай.

– Я часто задаюсь вопросом: почему вера в Господа приносит на землю так много зла. Почему она делает непримиримыми врагами братьев во Христе, реформаторов и папистов? – Все дело тут в человеческой природе, Мэтью, – негромко произнес Гай. – Люди слишком злы и жестоки к себе подобным. И зачастую разногласия в религиозных вопросах становятся для них удобным предлогом для бойни. К истинной любви к Господу подобная вера не имеет отношения. Убивая во имя Господне, люди отказываются от Господа.

– И при этом они неколебимо уверены в собственной правоте. Ищут в Библии оправдания своим жестоким деяниям и истово молятся об их успехе.

– К сожалению, так оно и есть.

Из дальней комнаты раздался голос Барака. Он просил пить. Гай поднялся.

– Пойду к вашему другу. Боюсь, он вряд ли сможет пролежать спокойно хотя бы час. – Гай улыбнулся. – Этот молодой человек отравлен безверием. Но он честен в своих земных делах, а это не так мало.

Через час мы покинули аптеку Гая, так и не получив вестей от Кромвеля. Вернувшись домой, мы не обнаружили там ни письма, ни посыльного. Я послал Саймона за лошадьми, которых мы оставили во дворе харчевни неподалеку от собора Святого Павла. Мы с Баракком пообедали и, устроившись в гостиной, принялись наблюдать за тем, как пасмурный день медленно клонится к вечеру.

– Я бы лег, – через некоторое время заметил Барак.

– Я тоже не прочь отдохнуть, – сказал я. – Хотел бы я знать, почему Кромвель до сих пор не связался с нами?

– Возможно, граф выжидает, когда подвернется случай побеседовать с королем, – предположил Барак. – Ясно, что прежде всего он хочет узнать, как отнесется к этой истории король. А потом, если мы понадобится, граф за нами пошлет. Так или иначе, завтра мы обо всем узнаем.

Я с усилием поднялся с кресла.

– Барак, как вы себя чувствуете? Сможете вы завтра пойти со мной к Уэнтвортам? У нас остался всего один день.

– Конечно смогу, – заверил Барак. – Не такой я слабак, чтобы валяться в постели, получив всего один удар мечом. К тому же вряд ли в доме, где живут старый жирный купец, несколько женщин и надутый индюк дворецкий, нас ожидает горячая потасовка. Так что завтра обязательно их навестим. Ведь именно из-за дела Элизабет вы втянулись во всю эту неразбериху, связанную с греческим огнем, не правда ли?

– Так, – кивнул я головой, – и надеюсь, завтра мы положим конец обеим историям. Прежде чем Элизабет предстанет перед судьей Форбайзером.

Обычно Джоан будила нас к завтраку. Но, увидав, в каком плачевном состоянии мы с Баракком вернулись вчера, добрая женщина решила нас не тревожить. В результате мы проспали почти до полудня. Сон подкрепил меня, но запястье по-прежнему побаливало. Барак тоже, судя по всему, чувствовал себя неплохо, и лишь бледные его щеки напоминали о перенесенных вчера страданиях. Дождь прекратился, хотя небо по-прежнему покрывали свинцовые тучи. К великому моему недоумению, вестей от Кромвеля по-прежнему не было. Нас ожидала лишь умоляющая записка от Джозефа, в которой тот спрашивал, нет ли каких-нибудь новостей о деле Элизабет.

– Кромвель наверняка успел повидаться с королем, – заметил я. – Странно, что он не дал нам знать об этом.

– Кто мы такие, чтобы граф ставил нас в известность? – пожал плечами Барак. – Всего лишь мелкие сошки.

– Может, нам стоит послать ему еще одно письмо? – И потребовать отчета? Боюсь, граф сочтет это дерзостью.

– Требовать отчета мы не будем. А вот сообщить, что в случае необходимости нас можно найти в доме Уэнтвортов, по-моему, просто необходимо.

Я пристально взглянул на Барака.

– Вы в состоянии отправиться в Уолбрук?

– Я полечу туда стрелой. Вы, кстати, сегодня тоже выглядите молодцом. На самом деле вы вовсе не такой хилый, каким кажетесь с виду.

– Последнее ваше замечание никак не назовешь лестным. Впрочем, люди вашего возраста частенько грешат подобной неучтивостью по отношению к старшим. Сейчас я напишу графу несколько строк, и мы поедем к Уэнтвортам. Письмо я пошлю с Саймоном, пусть передаст его в собственные руки мастера Грея. Для мальчугана посещение Уайтхолла будет великим событием. Одолжите мне печать, Барак, я запечатаю записку. Конечно, мне следовало бы отправиться в Уайтхолл самому, – добавил я после недолгого размышления. – Но у нас нет времени. Мы с вами

слишком долго спали, Барак. Осталось меньше суток до того часа, когда Элизабет вновь предстанет перед судом.

Наняв лодку, мы добрались до Сити и, высадившись на берег, пешком отправились в Уолбрук. Я нарядился в лучшую мантию и расшитый камзол. Одну из своих мантий я одолжил Бараку, чтобы тот спрятал под ней раненую руку.

Дверь открыла горничная.

– Сэр Эдвин дома? – осведомился я. – Передайте ему, что мастер Шардлейк желает его видеть по весьма важному делу.

Судя по удивленному взгляду девушки, мое имя было ей известно.

«Интересно, догадываются ли слуги о тайнах, скрывааемых в этом доме», – подумал я.

– Сэра Эдвина сейчас нет. Он в гильдии торговцев шелком, сэр.

– А мистрис Уэнтворт дома?

Девушка явно пребывала в замешательстве.

– Сообщите ей о нашем визите, – непререкаемым тоном заявил я. – И прошу вас, поторопитесь. У нас мало времени. Сегодня нам еще предстоит отправиться в Уайтхолл, для беседы с лордом Кромвелем.

У девушки едва глаза на лоб не полезли, когда она услышала грозное имя Кромвеля.

– Я скажу ей, сэр, – пролепетала она. – Прошу вас, подождите здесь.

И, оставив нас у дверей, она убежала в глубь дома. Минуты ожидания тянулись томительно медленно.

– Куда запропастилась эта девчонка? – недовольно проворчал Барак. – Идемте, сами найдем старуху. – Погодите, – удержал я его. – Я слышу шаги.

Тут появилась зардевшаяся от волнения горничная. Она провела нас наверх, и мы вновь оказались в гостиной, увешанной гобеленами и заставленной мягкими креслами. Из окон открывался вид на сад и на пресловутый колодец. Сегодня в комнате было холодно. Единственным членом семьи, который в ней находился, оказалась старуха. На ней, как всегда, было черное платье, черный чепец подчеркивал мертвенную бледность изборожденного морщинами лица. За креслом старухи возвышался дворецкий Нидлер. Широкое лицо его хранило непроницаемое выражение, однако в глазах светились опасливые огоньки. По всей видимости, старая леди только что завершила свой обед, потому что на столике у ее кресла стоял поднос с остатками овощей и холодной говядины. Я заметил, что столовые приборы, солонка, судок для горчицы и тарелки были сделаны из превосходного серебра. – Прошу извинить, но мой

дворецкий будет присутствовать при нашей беседе, мастер Шардлейк, – изрекла старуха, не удостоив нас даже кивком. – Моего сына и внучек сейчас нет дома. Дэвид будет моими глазами, – добавила она с улыбкой. – Скажите, Дэвид, кто тот, второй? Судя по походке, он молод.

– Какой-то наголо бритый молодчик, – с усмешкой заявил Нидлер. – Впрочем, одет он вполне прилично.

Барак метнул в наглеца взгляд, исполненный холодной ярости.

– Мастер Барак – мой помощник, – счел необходимым сообщить я.

– Значит, у нас обоих будет по помощнику, – кивнула старуха и вновь улыбнулась, обнажив свои отвратительные фальшивые зубы и деревянные челюсти.

– Чем могу служить, мастер Шардлейк? Насколько я поняла, у вас какое-то срочное дело. Завтра Элизабет предстанет перед судом, не так ли?

– Да, сударыня. Но возможно, суду будут представлены новые свидетельства. Например, я намереваюсь рассказать судье о том, что сокрыто на дне колодца в вашем саду.

– Сокрыто на дне колодца? – с самым невозмутимым видом переспросила мистрис Уэнтворт. – Что вы имеете в виду, сэр?

Я не мог не позавидовать ее самообладанию.

– Я имею в виду трупы животных, которых ради забавы мучил и убивал ваш обожаемый внучек Ральф. Именно такая участь постигла кота Элизабет, которого поймали для брата Сабина и Эйвис. А еще я имею в виду труп ребенка, маленького нищего мальчика. Он тоже погиб от руки Ральфа. Вне всякого сомнения, Нидлер видел мертвое тело, однако на дознании по каким-то неведомым причинам счел нужным умолчать об этом.

Говоря все это, я переводил взгляд с госпожи на дворецкого. Оба хранили молчание, лица их оставались непроницаемыми.

– Пытки, которым ваш внук подверг беззащитного ребенка, заставили бы содрогнуться даже бывалого палача, – подал голос Барак.

Старуха разразилась пронзительным каркающим смехом.

– Похоже, эти джентльмены лишились разума, да, Дэвид? Наверное, изортов у них течет пена, а в волосах торчит солома.

– Полагаю, в последнее время ваши внучки пребывали в угнетенном состоянии духа. Нелегко хранить подобную тайну, – спокойным и ровным голосом произнес я.

– Элизабет тоже моя внучка, – заявила вдова Уэнтворт.

– И однако же вы всегда заботились лишь о детях сэра Эдвина. И более всего вас занимали их успехи в обществе.

Старуха поджала бескровные губы и на несколько мгновений погрузилась в молчание.

– Вы многое успели выведать, мастер законник, – наконец проронила она. – Что ж, может, будет лучше, если я все расскажу вам. Дэвид, я бы выпила стакан вина. Надеюсь, мастер Шардлейк, вы с вашим помощником тоже не откажетесь выпить?

Я не ответил, пораженный тем, что старуха сдалась так быстро. Бросив взгляд на дворецкого, я заметил, что глаза его беспокойно мечутся.

– Ступай же за вином, Дэвид, – настойчиво повторила старуха.

Нидлер сделал несколько неуверенных шагов к буфету, потом повернулся к своей хозяйке.

– Здесь больше не осталось вина, сударыня. Вчера за обедом допили последнюю бутылку. Вы хотите, чтобы я сходил в погреб? – Да, разумеется. Думаю, в обществе этих джентльменов мне ничего не угрожает.

– Ровным счетом ничего, – подтвердил я. Нидлер вышел из комнаты. Старуха сложила руки на коленях, сцепив узловатые искривленные пальцы.

– Значит, Элизабет наконец заговорила? – спросила она.

– Заговорила, хотя и с большой неохотой. Она все рассказала нам и вашему сыну Джозефу.

Старуха вновь поджала губы.

– Мой старший сын многого достиг, – изрекла она. – Если бы Эдвин характером походил на Джозефа, мы до сих пор оставались бы неотесанной деревенщиной и копались бы в навозе на ферме. Но Эдвин сумел добиться богатства и положения в обществе. Он дал своим детям возможность возвращаться в самых высших кругах. Для меня, слепой и немощной старухи, это служило величайшим утешением. Теперь, когда мы потеряли Ральфа, все наши надежды связаны с Сабиной и Эйвис. Девочки должны удачно выйти замуж.

– Их будущим мужьям не позавидуешь. Мне удалось узнать, что в вашем доме юные леди прирастились к довольно неприятным развлечениям.

– Все это ерунда, – пожалала плечами старуха. – Молодые мужья, здоровые и сильные, быстро приучат их к удовольствиям иного рода. И обе девочки будут как шелковые.

Вернулся Нидлер с подносом, на котором стояла бутылка красного вина и три серебряных бокала. Он опустил поднос на стол и подал всем бокалы. Потом, по-прежнему невозмутимый и безучастный, вновь встал за креслом своей хозяйки.

«Почему они оба так спокойны? – с недоумением спрашивал я себя. –

Они что, не сознают, какая угроза нависла над благополучием их дома?»

Вино, которое я чуть пригубил, оказалось чрезмерно сладким и неприятным на вкус. Барак сделал большой глоток.

– Вы хотите услышать правду, – задумчиво произнесла мистрис Уэнтворт.

– Да, сударыня, правду. Так или иначе, правда об этом деле вскоре выйдет наружу – если не здесь и сейчас, то завтра утром на суде.

– Значит, Элизабет намерена обо всем рассказать?

– Вне зависимости от того, будет ли моя подзащитная говорить или молчать, я сообщу суду о страшных находках, которые мы сделали на дне колодца. Так что вам лучше быть со мной откровенной, сударыня. Возможно, мы еще сумеем, – я сделал глоток из бокала, – избежать огласки этого чудовищного дела.

– А где Джозеф? – спросила старуха.

– У себя, в меблированных комнатах. Старуха кивнула и вновь замолчала, словно собираясь с мыслями.

– Дэвид все видел собственными глазами, – наконец произнесла она. – Из окна. Он чистил гобелены. Я доверяю эту работу только ему.

Она помолчала, будто к чему-то прислушиваясь, и заговорила вновь:

– В тот день Элизабет сидела в саду, по своему обыкновению угрюмая и надутая. Умей она постоять за себя, дети относились бы к ней лучше. Но она только проливала слезы и пряталась по углам, словно нашкодившая собачонка. Поэтому дети изводили ее все сильнее. Дети любят жестокие шалости, верно? Вы, горбун, наверняка знаете это на собственном опыте.

– Да, дети бывают очень жестокими. Именно поэтому взрослые должны следить за ними и пресекать их дикие выходки. В одиночку Элизабет вряд ли могла дать отпор троим. – Она почти взрослая. Подумать только, девица, которой уже исполнилось восемнадцать, боялась двенадцатилетнего мальчика! – Старуха презрительно усмехнулась. – В день своей смерти Ральф спустился в сад, к Элизабет. Он уселся на край колодца и заговорил с ней. Дэвид, ты не слышал, о чем они говорили?

– Нет, сударыня. Скорее всего, мастер Ральф решил немного ее подразнить. Может, он заговорил об этом злополучном коте. Она сидела под деревом, как всегда, потупив голову.

– Если бы Элизабет не была такой размазней, она бы встала и надрала Ральфу уши, – заявила старуха.

– Вряд ли сэру Эдвину понравилось бы подобное обращение с его любимым сыном, – заметил я.

– Да, это ей с рук не сошло бы, – кивнула головой старуха.

– Сударыня, а вы знали, что ваш внук замучил и убил маленького мальчика?

Дворецкий предупреждающе коснулся плеча своей хозяйки, но она стряхнула его руку.

– Мы слышали о том, что исчез какой-то малолетний попрошайка. Мне было известно о шалостях Ральфа, и я ждала подходящего случая, чтобы поговорить с мальчиком. Я боялась, что он может навлечь на себя подозрение. Что до моего сына Эдвина, то он ни о чем не догадывался, – добавила старуха. – Он никогда бы не поверил, что Ральф способен на столь рискованные проказы, и я поддерживала его в этом убеждении. У Эдвина хватает других поводов для беспокойства.

– А вы не боялись, что из Ральфа вырастет настоящий изверг?

Горло у меня внезапно пересохло, и я закашлялся.

– Если бы Ральф, став взрослым человеком, сохранил пристрастие к подобным шалостям, он научился бы их хорошо скрывать, – пожалала плечами старуха. – Люди часто скрывают свои неблагоприятные дела.

Она испустила тяжкий вздох.

– Продолжай ты, Дэвид, я устала. Расскажи им, что случилось потом.

Дворецкий пристально взглянул на нас.

– Через некоторое время из дома вышли Сабина и Эйвис. Они уселись на край колодца рядом с Ральфом и, думаю, тоже принялись дразнить Элизабет. А потом Ральф что-то сказал Сабине. И это, как видно, ее сильно задело.

Произнеся последние слова, дворецкий залился румянцем.

– Возможно, замечание Ральфа касалось чувств, которые юная леди питает к вашей особе? – предположил я.

Дэвид протестующе вскинул руку, но вмешалась старуха:

– Тут нечего скрывать, Дэвид. Да, Сабина равнодушна к Дэвиду. Она еще наивный ребенок и вообразила, что влюблена в него. Он, разумеется, не поощряет ее чувств. Дэвид предан нашей семье всей душой, он служит нам вот уже десять лет. Ради нас он готов на все. Говори же, Дэвид.

– Сабина набросилась на Ральфа. Он попытался увернуться, но потерял равновесие и свалился в колодец. Вот и все.

Мистрис Уэнтворт горестно вздохнула.

– Сабина уверяла, что не хотела толкать брата в колодец. Просто в какое-то мгновение девочка не совладала с обидой и дала волю рукам. Я полагаю, подобный несчастный случай не считается убийством? Так ведь, законник?

– Убийство это или нет, определит суд, приняв во внимание все

обстоятельства дела, – отрезал я.

– Так или иначе, Сабине угрожала виселица. Конечно, мы могли обратиться к королю и попросить у него помилования, но все эти ходатайства разорили бы моего сына. Конечно, можно было бы представить дело так, будто Ральф сам свалился в колодец по неосторожности. Но Элизабет все видела. И она отнюдь не питала привязанности к своим кузинам.

Старуха развела руками и улыбнулась своей гнусной улыбкой.

– Вы видите сами, у нас оставался один только выход.

– И вы решили, что самый надежный способ заткнуть рот Элизабет – это свалить вину на нее.

Голос мой сел, и каждое слово будто царапало глотку.

«Неужели я простудился в такую жару?» – пронеслось у меня в голове.

– Когда я увидел, что Ральф упал в колодец, я бегом спустился в сад, – продолжал Нидлер. – Сабина и Эйвис с воплями бегали вокруг колодца. Я заглянул в него и увидел на дне тело Ральфа.

– Бедный мальчик, – прошептала старуха.

– Элизабет сидела в стороне, под деревом, в каком-то оцепенении. Вдруг Сабина, которая не знала, что я все видел из окна, указала на нее и закричала: «Она убила Ральфа! Столкнула его в колодец! Прямо у нас на глазах!» Элизабет сидела молча, точно каменная. Она ни слова не сказала в свое оправдание. Эйвис, услышав слова сестры, подбежала к Элизабет и тоже стала обвинять ее.

– Я слышала в саду крики и спустилась вниз, – вступила в беседу мистрис Уэнтворт. – Сабина и Эйвис, рыдая, повторяли, что Элизабет убила Ральфа. А Элизабет молчала, словно воды в рот набрала. Поначалу я поверила девочкам и приказала послать за Эдвином. Он вызвал констебля, и Элизабет увели в тюрьму. Лишь потом, вечером, Дэвид рассказал мне, как все было на самом деле. Я расспросила девочек, и они не стали отпираться. Они знали о том, что Ральф недавно разделался с каким-то маленьким нищим. Бедняжки были очень напуганы. Но, как и положено благовоспитанным юным леди, они умеют держать себя в руках. Уверена, со временем они станут настоящим украшением общества, мастер Шардлейк.

– Они уже стали бессердечными чудовищами. И со временем произведут на свет чудовищ, подобных своему брату, – выпалил Барак.

Старуха пропустила его замечание мимо ушей.

– Несколько дней мы провели в величайшей тревоге. Ведь Элизабет могла заговорить и рассказать правду. Но она молчала. Приехал Джозеф и

сообщил нам, что она никак не пытается оправдаться. И мы решили, раз Элизабет готова умереть, значит, так тому и быть.

Старуха говорила спокойно и равнодушно, словно речь шла о торговой сделке.

– Что ж, сударыня, теперь мы знаем правду, – откашлявшись, произнес я. – Как, по вашему разумению, мы должны поступить?

Старуха ничего не ответила. На бледных губах ее играла улыбка. Я чувствовал, что сердце мое вот-вот выскочит из груди, и не понимал, что со мной происходит. Из холла донеслись голоса и звук захлопнувшейся двери.

– Черт, – пробормотал Барак. – У меня двоится в глазах.

Я взглянул на него. Зрачки его расширились до невероятных размеров. Я вспомнил, что во время первого моего визита в этот дом у Сабины тоже были расширенные зрачки. Она капала в глаза настой белладонны, который в больших дозах чрезвычайно ядовит. Несколько лет назад, расследуя убийство, произошедшее в монастыре в Скарнси, я имел случай увидеть, как действует на человека белладонна.

– Вы нас отравили, – пробормотал я.

– О, яд начинает действовать, – с удовлетворением изрекла старуха.

Нидлер поспешно подошел к двери и запер ее. Прислонившись к двери спиной, он уставился на нас. На жирном его лице застыла угрюмая ухмылка.

– Ты отпустил всех слуг? – спросила мистрис Уэнтворт.

– Да. Сказал, что сегодня утром никакой работы для них нет, так что они могут пойти погулять, подышать свежим воздухом после грозы.

Нидлер повернулся ко мне.

– Зря вы думали, что той ночью, когда вы лазили в колодец, вас никто не видел. Моя госпожа услышала какой-то шорох в соседнем фруктовом саду. И она приказала мне затаиться у окна и посмотреть, что происходит. Я так и сделал. И видел, как вы спрыгнули со стены. Видел, как ваш напарник спускался в колодец. Смелый поступок, ничего не скажешь.

Старуха разразилась резким каркающим смехом.

– Да будет вам известно, мастер Шардлейк, слепые обладают чрезвычайно острым слухом. После вашего ночного посещения мы боялись, что к нам нагрянет констебль. Но ничего не случилось. И мы поняли, что Элизабет по-прежнему отказывается от всех попыток оправдаться.

Я пытался что-то сказать, но язык не повиновался мне. На память мне пришло, как когда-то в Скарнси, стоя перед кустом белладонны, Гай рассказывал о свойствах этого яда. «Единственный способ спасти

отравленного, – сказал он тогда, – это немедленно вызвать у него рвоту».

Нидлер вернулся на свое место за креслом старой карги.

– Мы знали, что вы обязательно явитесь, – с отвратительной ухмылкой проскрежетала она. – Иного выхода у вас не было.

Я пытался дышать как можно глубже, чтобы успокоить свое колотившееся сердце.

– Кстати, колодец сейчас совершенно пуст. Все трупы теперь лежат на дне реки. Так что мы хорошо подготовились к вашему визиту. Осталось разобраться с Джозефом.

Старуха говорила очень тихо. Должно быть, она напрягала слух, дабы не пропустить того момента, когда мы рухнем на пол.

– Как и все, кто прожил много лет в деревне, я неплохо разбираюсь в травах, целебных и ядовитых. А в нашем саду нетрудно подобрать что-нибудь подходящее. По-моему, они уже не могут пошевелиться, Дэвид, – обернулась она к дворецкому. – Прикончи их.

Дворецкий судорожно сглотнул, извлек из-за пояса кинжал и решительно направился к нам.

И тут я вспомнил, как во время нашего первого разговора о деле Уэнтвортов Гай рассказывал мне о рвотных свойствах горчицы. Сообразив, что это мой последний шанс спастись, я сделал над собой усилие и поднялся с кресла. Крупная дрожь сотрясала меня с головы до ног. Барак тоже поднялся и, шатаясь, пытался вытащить из ножен меч. Я видел, что руки не слушаются его. Он выпил больше, чем я. Нидлер переводил взгляд с меня на Барака, не зная, с кого начать. Я протянул руку за судком с горчицей и, под удивленным взглядом Нидлера, сунул себе в рот полную ложку. В то же мгновение глотку мою охватил огонь.

– Что происходит, Дэвид? – окликнула своего сообщника старуха. В голосе ее слышались тревожные нотки. – Что они делают?

Бараку наконец удалось вытащить меч. Неуверенно взмахнув им, он лишь рассек воздух. Однако испуганный Нидлер поспешил вернуться за кресло хозяйки.

Тут желудок мой вывернулся наизнанку, и, согнувшись, я со стоном изверг его содержимое на пол.

– Джек, сделайте то же самое! – крикнул я, протягивая Бараку судок с горчицей.

Он запихал себе в рот оставшуюся горчицу, проглотил и в изнеможении откинулся на спинку кресла, по-прежнему наставив меч на Нидлера. Голова у меня кружилась, и, чтобы не упасть, я схватился за стену.

– Держитесь, сэр! – донесся до меня слабый голос Барака. – Мы

должны держаться на ногах.

Я понимал, что, стоит нам потерять сознание, Нидлер тут же нас прикончит. Воздух с трудом поникал в мою грудь, перед глазами стояла пелена. Однако через несколько мгновений сердце мое немного успокоилось. Я вытащил из ножен кинжал. Старуха встала с кресла и в растерянности простирала перед собой дрожащие руки.

– Дэвид! – взывала она. – Где ты? Что происходит?

Трусливая натура Нидлера одержала верх над преданностью хозяйке. Не глядя на старуху, он бросился к дверям. Барак попытался догнать его, но пошатнулся и едва не упал. Заслышав шаги Нидлера, старуха беспомощно замахала руками.

– Дэвид, Дэвид! Где ты? Почему ты молчишь?

Нидлер отпер дверь, выскочил из комнаты и бросился вниз по лестнице. Барак согнулся, сотрясаясь от рвотных позывов. Извергнув содержимое своего желудка, он опустился на колени, судорожно хватая ртом воздух.

Старуха меж тем впала в панику.

– Дэвид, ответь! – дрожащим от страха голосом кричала она. – Не молчи, Дэвид! Где ты?

Сделав неловкое движение, она пошатнулась и с пронзительным криком рухнула на пол. Голова ее ударилась о стену, и она потеряла сознание.

С трудом переставляя непослушные ноги, я вышел из гостиной, спустился по лестнице и подошел к входной двери, которую Нидлер оставил открытой.

Вцепившись в дверную ручку, чтобы не упасть, я что есть мочи закричал: «Помогите!» На улице было многолюдно. Некоторые прохожие обернулись, услышав мой хриплый голос.

– Произошло убийство! Позовите констебля! Помогите! – взывал я.

Потом мне показалось, что ноги мои растворились в воздухе, и я стремглав полетел в темноту.

ГЛАВА 46

Я очнулся внезапно, вздрогнув от резкого запаха. Глубоко вздохнув, я в растерянности огляделся вокруг.

Я вновь находился в гостиной Уэнтвортов, но теперь сидел в кресле. Какой-то дородный малый в мундире констебля с любопытством смотрел на меня. Рядом стоял Гай, в руках у него была бутылочка, которую он только что поднес к моему носу. Оба они, и констебль, и Гай в фартуке аптекаря, странно смотрелись в этой роскошно убранной комнате. Повернув голову, я увидел, что в соседнем кресле распростерся Барак, бледный, но живой. Глаза его были открыты, зрачки приняли нормальный размер.

– А где старуха? – пробормотал я.

– Она жива, – сообщил Гай. – Ее уже увели в тюрьму. И ее внучек тоже. Вы спасли и себя, и Барака, Мэтью. Если бы вам не пришло в голову использовать горчицу как рвотное, вы оба были бы мертвы. Сознание не возвращалось к вам больше часа. Я уже начал тревожиться.

Я снова вздохнул, чувствуя, что голова моя раскалывается от боли.

– Это вы рассказали мне о том, что рвота – единственный способ спастись от отравления белладонной.

– Да, припоминаю. Ваша превосходная память всегда удивляла меня, Мэтью.

– Господи боже, за последний месяц мне так часто случалось прибегать к вашей помощи, Гай, – сказал я с хриплым смехом. – Я содрогаюсь при мысли о счете, который вы мне представите.

– Не беспокойтесь, счет будет не так уж велик. Вы можете шевелить руками и ногами?

– Да. Но они точно налиты свинцом.

– Ничего, это скоро пройдет.

Гай подошел к столу, на котором стояла чаша, накрытая салфеткой. Он снял салфетку, и комнату наполнил резкий запах.

– Выпейте это, – распорядился Гай. – Это снадобье очистит вашу кровь и выведет прочь ядовитые соки.

Я с некоторым сомнением поглядел на чашу, однако позволил Гаю вылить напиток мне в рот. Вкус у снадобья оказался отвратительный.

– Теперь посидите спокойно, – приказал Гай. Я, тяжело дыша, откинулся на спинку кресла. Дверь открылась, и в комнату вошел бледный

как полотно Джозеф. Увидав, что я пришел в себя, он расплылся в счастливой улыбке.

– О сэр, слава богу, вы очнулись. Я сжал руку Гая.

– А что Нидлер, скрылся?

– Скрылся. Но его непременно схватят.

– Как вы сюда попали?

– Вы же сами звали на помощь и просили позвать констебля.

– Да, да. Но больше я ничего не помню.

– Констебль вбежал в дом и нашел в гостиной вас, Барака и старуху. Все вы были без сознания. Новы на мгновение открыли глаза и попросили послать за мной, – сообщил Гай.

– Я совершенно этого не помню. Господи боже, наверное, теперь я буду страдать провалами в памяти!

Гай опустил руку на мое плечо.

– Это вам не угрожает, Мэтью. Но, конечно, силы вернутся к вам с Баракком не сразу. Вам обоим нужно как следует отдохнуть.

В дверях появился еще один констебль.

– Я пришел, чтобы сообщить: Дэвид Нидлер пойман, – провозгласил он. – Он пытался проехать верхом через Крипплгейт, но привратник задержал его. Злоумышленник не оказал сопротивления. Сейчас он уже в Ньюгейте.

– Сабина и Эйвис тоже там, – подал голос Барак. – И старуха составила внучкам компанию, хотя она сильно ушибла голову. Как только я пришел в себя, сразу рассказал все констеблю. Девчонки ужасно вопили и визжали, когда поняли, что их обман вышел наружу. Но все же им пришлось отправиться в тюрьму. Папаша их едва с ума не сошел. Жаль, что их не бросили в Яму. Столь благородным молодым леди полагаются более чистые камеры, – добавил он с горькой усмешкой.

Я бросил взгляд в окно. В сумерках смутно вырисовывались очертания колодца.

– Господи, – пробормотал я. – Если бы Нидлер и старая ведьма осуществили свой замысел, мы с Баракком наверняка оказались бы на дне этого проклятого колодца.

– Простите, – спохватился я, повернувшись к Джозефу. – Мне не следовало так говорить о вашей матери...

– Она всегда любила одного только Эдвина, – перебил он, грустно покачав головой. – А ко всем остальным своим детям питала откровенное презрение.

– Барак, – обратился я к своему помощнику. – Вы должны дать

показания под присягой. Завтра на суде констебль сообщит Форбайзеру о том, что произошло в этом доме...

Я попытался встать, но безуспешно. Неожиданная мысль пронеслась в моем сознании.

– Где сейчас сэр Эдвин?

– В своей комнате, – вздохнул Джозеф. – Бедный Эдвин, на него обрушилось столько ударов. Сын его мертв, мать и дочери в тюрьме.

– А Элизабет уже знает о том, что случилось? – выдохнул я.

– Да. Когда я рассказал ей обо всем, бедная девочка разразилась рыданиями.

Тень грустной улыбки пробежала по лицу Джозефа.

– Но когда я уходил, она крепко сжала мою руку. Я позабочусь об Элизабет, сэр. Но на некоторое время мне пришлось ее оставить, – добавил он. – Сейчас я нужен брату.

Я пристально поглядел на Джозефа. Признаюсь, этот простодушный малый частенько раздражал меня своей суетливостью и бесконечными сетованиями. И лишь теперь я понял, что заставило меня взяться за это кошмарное дело. Всем своим существом Джозеф излучал доброту, бесконечную доброту, на которую способны лишь немногие люди.

– Я должен идти к Эдвину, – сказал он. Констебль предупреждающе вскинул руку.

– Сейчас с ним беседует судья из магистратуры, сэр.

В голове у меня проплывали события последних дней.

– Кромвель! – воскликнул я. – Прошло уже несколько часов, как мы отправили ему письмо! Барак, неужели от Грея так и не поступило никаких вестей?

– Недавно мне передали записку от него, – ответил Барак. Он вытащил из кармана листок с печатью графа и протянул мне. Я пробежал глазами строки, выведенные аккуратным почерком Грея.

«Лорд Кромвель получил ваше письмо. Сегодня он намерен увидеться с королем и в случае необходимости непременно пошлет за вами. Он передает вам свою глубокую признательность».

– Значит, дело сделано, – вздохнул я, с облегчением откинувшись на спинку кресла. – Наконец мы с вами заслужили признательность графа, Барак.

Гай подошел ко мне, заглянул в глаза и попросил показать язык. Потом то же самое он проделал с Бараком.

– Ни вашему здоровью, Мэтью, ни здоровью Барака ничто не угрожает, – сказал он, закончив осмотр. – Но вам обоим надо отправиться

домой и хорошенько выспаться. В течение нескольких дней вы будете ощущать слабость, и, возможно, у вас будут трястись руки.

– Я с удовольствием последую вашему совету, сэр, – заявил Барак. – Чертовски хочу спать.

– А теперь я должен вернуться в свою аптеку. Меня ждут больные.

Гай поклонился нам и двинулся к дверям. Как и всегда, наружность его – смуглое лицо, черные как вороново крыло волосы, тронутые сединой, длинное одеяние – производила необычное впечатление.

– Спасибо, верный друг, – с жаром произнес я. Гай махнул рукой, улыбнулся и вышел из комнаты.

– Выглядит этот старикан диковато, – изрек констебль. – Когда я пришел сюда и увидел его, у меня сразу возникло желание его арестовать.

Я оставил это замечание без ответа.

Дверь отворилась, и в комнату вошел высокий худощавый человек, в котором я узнал судью Пэрслоя. Обыкновенно этот джентльмен сиял от сознания собственной важности, но сегодня у него был мрачный и сосредоточенный вид. Он поклонился и повернулся к Джозефу.

– Мастер Уэнтворт, я думаю, вам лучше пойти к брату.

– Я как раз собирался это сделать, сэр! – сказал Джозеф, вскакивая со своего места. – Эдвин спрашивал обо мне?

– Нет, – ответил Пэрслоя после некоторого колебания. – Но сейчас его не следует оставлять одного.

Он перевел взгляд на меня.

– Рад видеть, что вы пришли в себя, мастер Шардлейк. Явившись в этот дом по зову констебля, я застал здесь ужасающее зрелище.

– Могу себе представить. Вы допросили сэра Эдвина?

– Да. Он утверждает, что ничего не знал о злодеяниях своих близких. Полагаю, он говорит правду. Человек, убитый горем, вряд ли станет кривить душой.

Пэрслоя задумчиво покачал головой.

– Все-таки странно, что мать его вступила в сговор со слугой.

– Нидлер был не просто дворецким, он был ее глазами. Так она сама говорила. Без него она не могла обойтись.

– Посмотрите, что мы нашли в винном погребе. Пэрслоя протянул мне небольшой стеклянный пузырек.

– Ваш друг аптекарь сказал мне, что это чрезвычайно крепкий настой белладонны.

Я невольно вздрогнул и, повертев бутылочку в руках, вернул ее судье.

– Вы в состоянии завтра явиться в суд, сэр? – спросил он. – Элизабет

Уэнтворт предстанет перед судьей Форбайзером. Ваше свидетельство, несомненно, будет способствовать ее оправданию. – Я приду во что бы то ни стало. Как вы думаете, на этот раз Элизабет расскажет обо всем?

– Уверен, она больше не будет запереться.

– Я тоже так думаю, – заметил я, искоса взглянув на Барака. – Теперь, когда все обстоятельства дела известны, она наверняка сама поймет, что принимать венец мученицы совершенно ни к чему.

Я повернулся к Джозефу.

– Вы придете завтра в суд? Элизабет непременно оправдают и вверят вашему попечению.

– Да, да, конечно, я буду там, – с готовностью закивал Джозеф. – Сэр, я бесконечно благодарен вам. Вы так много для нас сделали.

Выйдя вслед за ним в холл, я увидел, что дверь в расположенную напротив комнату, изысканно обставленную спальню, распахнута настежь. На кровати неподвижно, точно каменное изваяние, сидел сэр Эдвин. Одутловатое лицо его покрывала мертвенная бледность. Джозеф приблизился к брату, и тот скользнул по нему невидящим взглядом. Опустившись на постель, Джозеф попытался взять брата за руку, но сэр Эдвин отдернул ее.

– Эдвин, это же я, твой брат, – мягко произнес Джозеф. – Я не оставлю тебя в беде. Я хочу тебе помочь.

Он вновь взял брата за руку, и на этот раз сэр Эдвин не стал сопротивляться.

– Идем, – сказал я, повернувшись к Бараку, и двинулся вниз по лестнице.

Мы вернулись домой. Хотя голова у меня слегка кружилась и мне постоянно приходилось откладывать перо, я приготовил письменные показания для Форбайзера и заставил Барака сделать то же самое. Перечитывая его свидетельство, я поразился тому, как красиво и грамотно он пишет. Несомненно, годы, проведенные в монастырской школе, не прошли для него даром. К тому же, составляя отчеты для Кромвеля, Барак имел возможность совершенствовать свой почерк. Закончив с делами, мы поужинали и разошлись по своим комнатам. Едва добравшись до кровати, я, как и минувшей ночью, заснул мертвым сном.

На следующее утро вестей от Кромвеля вновь не последовало. Меж тем это было десятое июня, решающий день, которого мы все ожидали с замиранием сердца. Позавтракав, я выглянул из окна. Небо застилало тучи, в воздухе стояла легкая туманная дымка. Сегодня мы должны были показать королю, как действует греческий огонь. В такое серое ненастное

утро зрелище было бы особенно впечатляющим.

– Нам пора, – заметил Барак. – Как вы себя чувствуете?

– Учитывая все, что мне пришлось перенести в последнее время, неплохо. Некоторая слабость и сухость во рту – вот и все, что меня беспокоит.

Я поднялся на ноги.

– Идем. Сегодня мы никак не должны опаздывать.

В Олд-Бейли все уже было готово к заседанию. Пэрслой, констебль и трое испуганных слуг семейства Уэнтворт ожидали во внутреннем зале. Пэрслой держал в руках несколько листов с письменными показаниями, которые протянул мне. Рядом с ним стоял Джозеф, по-прежнему бледный, однако пытавшийся сохранять хладнокровие. Для него случившееся воистину стало пирровой победой.

– Вы готовы дать показания, Джозеф? – спросил я, положив руку ему на плечо.

– Готов. Эдвин не смог прийти, он в ужасающем состоянии.

– Понимаю. В его присутствии нет необходимости, ведь он не является прямым свидетелем.

– Я провел около него всю ночь. Надеюсь, Эдвин меня простит. Кроме меня, на всем белом свете у него не осталось ни единого близкого человека.

– Уверен, вы сумеете поддержать брата, Джозеф.

– Может быть, я смогу уговорить его перебраться на ферму. Сразу после суда я вернусь туда вместе с Элизабет. Для них обоих это место связано с приятными воспоминаниями.

– Да. И, думаю, им обоим сейчас лучше покинуть Лондон. Сочинители памфлетов, чума их заберет, наверняка обо всем пронюхают. И уж конечно, разнесут новости по всему городу.

Я повернулся к Пэрслою.

– Дело будет слушаться в открытом заседании, наряду с прочими?

– Нет, – покачал он головой. – Я уже говорил с судьей. Так как исход дела очевиден, оно будет слушаться в его кабинете.

– Оно и к лучшему, – заметил я. – Кстати, за нами уже идет клерк Форбайзера.

К нам торопливо приближался маленький пухлый помощник судьи. Мне припомнился день, когда он сообщил мне, что судья изменил свое решение и Элизабет дарована отсрочка. Это случилось за несколько минут перед тем, как в жизнь мою ворвался Барак.

Все мы: Пэрслой, Джозеф и Барак – последовали за клерком в кабинет Форбайзера. Судья, облаченный в пурпурную мантию, восседал за столом,

на котором были аккуратно разложены бумаги. Он скользнул по нам холодным неприязненным взглядом, на мгновение задержавшись на лице Барака, потом подался вперед и сцепил пальцы.

– Показания, – бросил он.

Я протянул ему стопку исписанных листов. Форбайзер принялся читать их. Лицо его сохраняло непроницаемое выражение, лишь брови хмурились. Порой он возвращался к прочитанному, словно сопоставляя факты. Я прекрасно понимал, что все это – не более чем представление. Пэрслой уже ввел Форбайзера в курс дела, и тот сознавал, что Элизабет придется отпустить. Наконец он закончил чтение, тщательно сложил листки и пробурчал:

– Итак, девица Уэнтворт не виновна в убийстве.

– Да, – ответил я.

– Тем не менее она заслуживает кары, – ледяным тоном изрек судья. – Во время первого слушания дела она отказалась дать показания, не пожелав способствовать торжеству справедливости.

Судья погладил свою седую окладистую бороду.

– За столь вопиющее неуважение к суду мне следовало бы присудить ее к пребыванию в Яме в течение нескольких месяцев.

Бросив взгляд на Джозефа, я увидел, что тот побледнел еще сильнее. Несомненно, судья проявил неоправданную жестокость, стремясь отомстить всем нам за грубость Барака.

– Но я решил проявить снисходительность и отпустить девицу Уэнтворт. По крайней мере до того дня, когда члены ее семьи предстанут перед судом. Тогда ей придется дать показания.

– Благодарю вас, ваша честь, – с чувством произнес я.

Форбайзер извлек из кипы какую-то бумагу. То был заранее подготовленный приказ об освобождении Элизабет. Искривив губы в пренебрежительной гримасе, судья поставил на нем свою подпись и через стол протянул мне.

– Возьмите, брат Шардлейк.

Я попытался взять приказ, однако судья прижал его к столу двумя пальцами. Встретившись с ним взглядом, я увидел, что в глазах его полыхает холодная ненависть. – Больше не попадайтесь на моем пути, брат, – вполголоса процедил Форбайзер. – Иначе, клянусь, я превращу вашу жизнь в ад. И никакие могущественные покровители вам не помогут.

С этими словами Форбайзер отпустил приказ, я схватил бумагу, молча поклонился и вышел.

Оказавшись за дверями кабинета, Пэрслой осуждающе покачал

головой.

– Все-таки старик Форбайзер вел себя странно, – заметил он. – Можно подумать, он расстроен тем, что справедливость восторжествовала и невинная девушка избежала виселицы.

– Старому олуху не слишком по нраву, когда его вынуждают изменять свои решения, – усмехнулся Барак, опускаясь на скамью.

Выглядел он неважно и, как видно, чувствовал себя не лучшим образом. Я тоже ощутил приступ слабости и уселся рядом с ним.

– Что значит – вынуждают? – нахмурился Пэрслой, пристально глядя на нас. – И что имел в виду Форбайзер, когда говорил о ваших могущественных покровителях, мастер Шардлейк?

– Кто его знает, – поспешно ответил я. – Мастер Пэрслой, я чрезвычайно признателен вам за помощь. Не смею больше вас задерживать.

Пэрслой поклонился и направился к выходу. Я бросил недовольный взгляд на Барака.

– Ваш длинный язык едва не навлек на нас новые неприятности. Пэрслой болтлив, как старая баба. Если он только узнает, что казнь Элизабет была отсрочена по приказу Кромвеля, завтра эта история попадет в сотню памфлетов. Тогда, можете не сомневаться, Форбайзер выполнит свое обещание и превратит мою жизнь в ад. Впрочем, думаю, он выполнит его в любом случае, – угрюмо добавил я.

– Не моя вина в том, что все законники – завзятые сплетники и болтуны, – пробурчал Барак. – Кстати, я буквально с ног валюсь. Жаль, что у меня нет возможности хотя бы денек поваляться в постели.

– Сэр, прошу вас, объясните, о каких влиятельных покровителях говорил судья? – подал голос Джозеф.

Несколько мгновений помедлив с ответом, я решил, что Джозеф имеет право знать обо всем.

– Видите ли, Джозеф, мы с Бараксом расследовали одно важное дело – по поручению лорда Кромвеля. Чрезвычайно важное и срочное дело. Именно поэтому у меня оставалось так мало времени для Элизабет. Благодаря влиянию лорда Кромвеля вынесение приговора по ее делу было отсрочено. Но прошу вас, никому об этом не рассказывайте.

– Да, разумеется, – кивнул Джозеф. – Значит, Элизабет спас граф. Да хранит его Господь. Да благословит Господь все его реформы.

Я вручил ему приказ.

– Отправляйтесь с этой бумагой в Ньюгейт, и вам отдадут Элизабет. Хотите, чтобы мы вас сопровождали?

– С вашего позволения, сэръ, я бы лучше сообщил ей счастливую новость наедине, – расплылся в торжествующей улыбке Джозеф.

– Понимаю.

Джозеф двинулся по коридору, сжимая в руке драгоценный документ. Мы с Бараксом проводили его глазами.

– Ну, с одним делом кончено, – заявил я. – Что вы намерены делать сейчас? Что до меня, я должен отправиться в Линкольнс-Инн, заняться прочими своими делами.

«Вскоре нам с Бараксом предстоит расстаться», – подумал я, с неожиданной грустью глядя на своего товарища.

Спору нет, Баракс частенько досаждал мне, но теперь я чувствовал, что мне будет его не хватать. – А можно мне пойти с вами на Канцлер-лейн? – неуверенно спросил он. – Пока мы не получим известий от графа, мне все равно не будет ни отдыха, ни сна.

– Разумеется, идемте. Кстати, я тоже не нахожу себе места.

– Хотел бы я, чтобы на Канцлер-лейн нас ожидало письмо, – вздохнул Баракс.

– Вполне вероятно, оно ждет нас в Линкольнс-Инне. Так что надо обязательно наведаться туда.

Баракс впери́л в меня испытующий взгляд.

– Вы ведь действительно желаете графу победы, правда? Почему-то вы всегда называете его просто – Кромвель. И, прямо скажем, в голосе вашем не слышится особого почтения.

– Тем не менее я искренне желаю ему победы, – усмехнулся я. – Да, не буду скрывать, я не хотел, чтобы греческий огонь оказался у него в руках. Но еще менее я хотел бы, чтобы он утратил свое высокое положение. Уверен, если Норфолк займет его место, это обернется новыми бедствиями для всей страны. Нет, я отнюдь не разделяю безразличия леди Онор, которую не волнует, кто стоит у кормила власти. Вы ведь знаете, Баракс, я подозревал леди Онор, – добавил я, поколебавшись. – Там, на складе, эти ублюдки упомянули, что главой заговора является представитель аристократии. Я сразу подумал о леди Онор, и у меня сердце упало. А когда появился Норфолк, я, поверите ли, вздохнул с облегчением. Жаль, что мы бились над этой загадкой так долго, – добавил я. – Разгадай мы ее быстрее, это спасло бы несколько жизней.

– Это было выше человеческих сил. Мы и так вдвоем противостояли целой своре прихвостней Норфолка. Чудо, что мы до сих пор живы, – заявил Баракс. – И не только живы, но успешно завершили расследование. А вы ведь еще успели распутать дело Элизабет. Уж конечно, все это пойдет на

пользу вашей репутации законника.

– Надеюсь.

Пронзительный звон цепей заставил вздрогнуть нас обоих. Через холл тащилась вереница закованных в кандалы арестантов, грязных и изможденных. Хмурые констебли сердито покрикивали на них. Отвратительный тюремный смрад веял над этой мрачной процессией. Когда дверь зала суда захлопнулась за арестантами, мы несколько минут стояли в молчании. Мысли о виселице, ожидающей большинство этих людей, о справедливости, которая далеко не всегда торжествует в этих стенах, вихрем пронеслись у меня в голове. Наконец мы повернулись и вышли на улицу. Оба были рады покинуть угрюмое здание суда.

На Канцлер-лейн никаких сообщений от Кромвеля не оказалось. Отправившись в Линкольнс-Инн, мы застали там Скелли, который, по своему обыкновению, скрипел пером. Взгляд его покрасневших глаз оставался усталым и напряженным, однако огонек беспокойства, полыхавший в них прежде, погас. Годфри мы не застали. Заглянув в его контору, я обнаружил стопку бумаг, аккуратно сложенную на столе. Наверху лежала адресованная мне записка.

«Прошу вас, возьмите на себя ведение всех моих дел. Уверен, мои клиенты только выиграют от этого. Я и несколько моих друзей отправляемся в путешествие по городам Англии, дабы проповедовать людям Слово Божье. Надеюсь, городские власти не будут чинить нам препятствий в этом благом начинании. Это все, что я пока могу сообщить вам.

Ваш брат по сословию и во Христе Годфри Уилрайт». — Значит, вот как все повернулось, – со вздохом пробормотал я.

Просмотрев дела Годфри, я убедился, что он оставил их в безупречном порядке. Каждое дело предваряла запись, в которой сообщалось, какие действия необходимо предпринять для его завершения. Вернувшись в свою контору, я увидел, что Барак с угрюмым лицом сидит у окна. Чувствуя, что ноги мои дрожат от слабости, я опустил на стул.

«И зачем только Кромвель так долго томит нас в неведении?» – с раздражением подумал я.

Впрочем, Барак прав, мы всего лишь мелкие сошки.

– Вот и наш старый приятель, – сказал Барак, кивнув на Стивена Билкнэпа, который торопливо пересекал внутренний двор. Вид у того был подавленный, широкие плечи сторбились. Он боязливо озирался по сторонам, в любую минуту ожидая нападения.

– Надо его успокоить, – рассмеялся я. – А то бедняга совсем изведется

со страху.

Мы с Бараком спустились во внутренний двор. Билкнэп поспешил к нам навстречу.

– Брат Шардлейк, есть какие-нибудь новости? Взгляд его бесцветных глаз был полон мольбы.

– Вам больше нечего бояться, Билкнэп, – с презрительной усмешкой сообщил я. – Дело о греческом огне закончено. Вашей жизни ничто не угрожает.

Билкнэп испустил вздох облегчения, плечи его моментально расправились.

– И что вам удалось выяснить? – спросил он, и умоляющее выражение в его глазах сменилось откровенным любопытством. – Кто стоит за всей этой авантюрой? И где теперь греческий огонь, у лорда Кромвеля?

– Я не имею права с кем-либо обсуждать все эти вопросы, брат Билкнэп, – изрек я, предупреждая вскинув руку. – Вы можете ничего не опасаться и вернуться к своим обязанностям. Вот и все, что я могу сказать.

– А как насчет иска по поводу моей недвижимости? – хитро прищурил глаза, осведомился Билкнэп. – Теперь, когда вы знаете, что тут замешаны интересы сэра Ричарда, вы откажетесь от этого дела?

«Надо же, каков пройдоха!» – подумал я.

Потребовалось всего несколько минут, чтобы его стяжательская природа, на время подавленная страхом, вновь дала о себе знать.

– Я не собираюсь отказываться от ведения этого дела, – пожал я плечами. – Городской совет уполномочил меня обратиться с ходатайством в суд лорд-канцлера. И я намерен выполнить возложенное на меня поручение.

«Думаю, Кромвель теперь не будет становиться у меня на пути, – добавил я про себя, – он слишком многим мне обязан».

Билкнэп заносчиво вскинул голову и нахмурился.

– Неужели вы снова затеете процесс против своего собрата по ремеслу! Это пятнает вашу честь законника, и, будьте уверены, я сделаю все возможное, чтобы ваш поступок стал широко известен. Брат Шардлейк, будьте благоразумны, откажитесь от этого дела, – добавил он дрожащим от досады голосом. – Сейчас в нашей стране такие порядки, что умный человек может нажать состояние, не прилагая к тому особых усилий. Зачем же убивать курицу, несущую золотые яйца?!

Я подумал о бедняках, вынужденных пользоваться вонючими выгребными ямами, об обитателях соседних домов, день за днем вдыхающих невыносимый смрад. Убогие жилища, возникающие в зданиях

бывших монастырей, подобно ядовитым грибам, заполнили Лондон.

– Вы распространяете вокруг себя несчастья и горести, Билкнэп, – отчеканил я. – И доколе это возможно, я буду бороться против вас и подобных вам.

Тут я увидел, что от ворот к нам бежит какой-то человек. При ближайшем рассмотрении я узнал в нем Джозефа. Лицо его побагровело от волнения. Остановившись, он несколько мгновений переводил дух, не в силах произнести ни слова. Тревожное предчувствие сжало мне сердце.

– Элизабет... – начал я.

– Нет, нет, ее освободили, – затряс головой Джозеф. – Сейчас она в меблированных комнатах. Но, проходя через Сити, я слышал...

– Что?

Джозеф глубоко вздохнул.

– Лорд Кромвель свергнут!

– Не может быть!

– Об этом только что объявили. Сегодня утром он был арестован по обвинению в государственной измене. Прямо в зале королевского совета! Сейчас он в Тауэре. Говорят, арест наложен на все его владения. Вы, как законник, понимаете, что это значит.

– Лишение всех имущественных и гражданских прав, – пробормотал я, чувствуя, что губы плохо мне повинуются. – Полная конфискация.

– А еще я слышал, что герцог Норфолкский сам сорвал с шеи лорда Кромвеля печать верховного секретаря. Подумать только, в зале королевского совета! Сейчас хватают всех его сторонников. Вайат тоже брошен в Тауэр.

Я взял Джозефа за плечо и повел прочь. Билкнэп, который внимал его словам, выпучив глаза, сбросил с себя оцепенение и рысью устремился через двор. Наверняка он спешил сообщить потрясающее известие братьям по сословию.

– Но как же наше письмо?! – воскликнул я, обернувшись к Бараку. – Грей сказал, что Кромвель своевременно получил его. Почему же тогда арестован он, а не Норфолк?

– Мастер Грей? – переспросил Джозеф. – Секретарь графа?

– Да. Что с ним произошло?

– Говорят, этот человек переметнулся на сторону врагов графа и дал показания против него. Так поступили многие сподвижники лорда Кромвеля. А в королевском совете никто не встал на его защиту, даже архиепископ Кранмер. Низкие душонки! – прошептал Джозеф, сжав кулаки.

– Грей?! – изумленно выдохнул Барак. – Вот каналья! Он и не подумал отправлять наше письмо с Хэнфолдом. Наверняка это он вредил нам, сообщая людям Норфолка обо всех наших действиях.

– Я знаю Грея много лет, – пробормотал я с горькой усмешкой. – И мне в голову не приходило, что он способен на подобную низость. Но, Барак, когда мы с вами пытались вычислить неведомого осведомителя, прежде всего следовало подумать о тех, кто обретается при дворе. Там, в этой огромной выгребной яме, людям неведомы честь и совесть.

Я в изнеможении прислонился к стене.

– Что ж, в конце концов мы проиграли. Норфолк победил.

– А мы по уши в дерьме, – процедил Барак.

ГЛАВА 47

может, свержение Кромвеля – не более чем слухи? – охваченный внезапной надеждой, обратился я к Джозефу.

Сердце мое колотилось почти так же, как вчера, когда меня пытались отравить.

– Вряд ли, – покачал он головой. – По пути из Ньюгейта я слышал о произошедшем с графом несчастье много раз.

Джозеф прикусил губу.

– Ужасное событие.

– А как относятся к этому люди?

– В большинстве своем радуются. Многие говорят, что граф получил по заслугам. И это после всех его благих деяний во имя истинной веры! Но есть и такие, кто сочувствует лорду Кромвелю и с тревогой смотрит в будущее.

А что говорят о герцоге Норфолкском?

– Да почти ничего.

– Значит, он еще не успел занять место Кромвеля, – сказал я, поглядев на Барака. – И возможно, не займет никогда.

– Государственная измена, – сокрушенно пробормотал Джозеф. – Как можно было обвинить графа в подобном преступлении! Никто не служил королю более верно и преданно, чем он...

– Это всего лишь предлог, – с горечью бросил я. – Предлог, позволяющий избавиться от Кромвеля и заточить его в Тауэр. Если его лишили должности и звания перед лицом всего королевского совета, нет даже необходимости затевать судебный процесс.

– Граф давно ходил по острию ножа, – произнес Барак.

Никогда прежде голос его не звучал так серьезно и печально.

– И вот он наконец сорвался. Он всегда боялся этого. Но он не ведал, что конец так близок. Этот хитрый мерзавец Грей оказался более прозорливым, чем мой господин. Он быстро смекнул, в какую сторону дует ветер.

Барак посмотрел на меня. Лицо его было бледным и измученным, но сосредоточенный взгляд выдавал напряженную работу мысли.

– Нам надо срочно уехать из города, – заявил он. – Если сейчас хватают сторонников графа, Норфолк не упустит возможности разделаться с нами. Ему будет спокойнее, если мы унесем в могилу темную историю, которая

ему слишком хорошо известна.

– Темную историю? – недоуменно переспросил Джозеф. – О чем вы, мастер Барак?

– Вам лучше этого не знать, – ответил я.

Перед моим внутренним взором встала жуткая картина: в ворота Линкольнс-Инна врываются вооруженные всадники, хватают нас и волокут в Тауэр. Хотя, вероятнее всего, с нами расправятся иначе. Удар ножом в спину, нанесенный каким-нибудь негодяем вроде Токи, – вот что неминуемо ожидает нас обоих в ближайшем будущем. Я повернулся к Бараку.

– Вы правы, Джек, нам опасно оставаться в Лондоне. Ну и подонок же этот Грей. Кто бы мог подумать! Господи боже, он начинал как законник. – И на этом славном поприще научился притворяться и лицемерить, – с косой ухмылкой подхватил Барак. – Любопытно, почему он не приказал убить Кайтчина и вдове Гривуд? – нахмурившись, добавил он. – Он ведь прекрасно знал, где они скрываются.

– В том-то и дело, что об этом знал только один Грей. Если бы их убили, на него сразу пало бы подозрение. Кроме того, эти люди уже рассказали нам все, что им было известно. Кстати, знали они не так много. Надеюсь, их оставят в живых.

– Я тоже надеюсь. Но мы с вами знаем слишком много, и нам нечего рассчитывать на снисходительность. Надо уносить отсюда ноги немедленно.

– И куда вы думаете направиться? – спросил Джозеф.

– У меня есть добрые знакомые в Путни, которые наверняка не откажутся меня принять.

Барак повернулся ко мне.

– А вам лучше всего поехать к отцу. Он ведь, кажется, живет в Личфилде?

– Да, – кивнул я. – Я так и поступлю, Джек. Скажу отцу, что утомился от дел и решил немного отдохнуть в деревне. Джозеф, вам лучше с нами расстаться прямо сейчас. Ни к чему, чтобы вас видели в нашем обществе.

Джозеф бросил взгляд за ворота. Там как раз соскочил с седла всадник в королевской ливрее. Он бегом пустился через внутренний двор.

– Приехал, чтобы сообщить новость членам корпорации, – заметил я.

– Нам пора разбежаться в разные стороны, – сказал Барак.

– Барак, у вас хватит сил для того, чтобы совершить дальний путь?

– Хватит.

Он устремил на меня свои пронзительные зеленовато-карие глаза. К

великому моему удивлению, глаза эти увлажнились слезами.

– Мы проиграли, но не по своей вине, правда? – пробормотал он, сжав мою руку. – Мы сделали все, что могли.

Я ответил ему крепким рукопожатием.

– Да. Нам не в чем себя упрекнуть. Спасибо вам, Барак. Спасибо за все.

Барак кивнул, резко повернулся и, низко надвинув шапку, зашагал к воротам. Посланник короля скрылся в дверях часовни. Чувствуя себя одиноким и беззащитным, я в изнеможении опустился на скамью.

– Мастер Шардлейк, над вами действительно нависла угроза? – тихо спросил Джозеф.

– Боюсь, что да. Сейчас я пойду домой, захвачу кое-какие вещи и верхом отправлюсь в Личфилд. Правда, до отъезда мне необходимо нанести один визит. Идите, Джозеф, идите, – сказал я, сжимая на прощание его руку. – Не откладывая, увезите Элизабет и вашего брата в Эссекс.

– Благодарю вас, сэр, благодарю вас за все, – с чувством произнес Джозеф. – Я никогда не забуду того, что вы сделали для меня и Элизабет.

Я молча кивнул, не зная, как ответить на эту пылкую благодарность.

– Если меня спросят о вас, я скажу, что не имею понятия, куда вы уехали.

– Да, так будет лучше всего. Прощайте, Джозеф.

Звон колокола созывал всех членов корпорации в часовню, дабы они могли услышать важную весть. Возбужденная и встревоженная толпа законников высыпала во двор. Я заметил, как меж ними снует Билкнэп с сияющим от удовольствия лицом. Пройдохе повезло узнать новость прежде других, и теперь он сообщал ее всем и каждому. Несколько мгновений я не двигался с места, собирая все оставшиеся у меня силы, а потом побрел в свою контору.

Я сообщил Скелли, что уезжаю на неопределенное время, оставил ему немного денег и указания, каким адвокатам следует передать находившиеся в моем ведении дела. Потом, пользуясь тем, что все обитатели Линкольнс-Инн собрались в часовне, я незамеченным выскользнул из конторы и направился домой. Джоан, как видно, ушла на рынок, захватив с собой Саймона. В это пасмурное туманное утро в доме царила тишина. Я был рад, что мне не придется давать никаких объяснений своей обеспокоенной экономке.

Из потайного ящика стола я взял деньги и оставил некоторую сумму Джоан, снабдив ее запиской. Затем спустился в конюшню. Барак уже забрал свою кобылу Сьюки, но Предок стоял в стойле, по обыкновению спокойный и миролюбивый. Я похлопал мерина по холке.

– Что ж, дружище, нам предстоит дальний путь. Думаю, в конюшни лорда Кромвеля ты уже никогда не вернешься.

Внезапно на меня нахлынули воспоминания. Я вспомнил о своей первой встрече с Кромвелем, на обеде, где собрались сторонники Реформации. С тех пор прошло пятнадцать лет. О, тогда я был всецело покорен исходившей от лорда Кромвеля силой, его острым умом, его уверенностью в необходимости и благотворности перемен! Он стремительно поднялся к вершинам власти, и я служил ему верой и правдой; но с течением времени я убедился, что мой покровитель жесток и безжалостен. Три года назад меж нами произошел разрыв, а сейчас, несмотря на все свои старания, я не сумел его спасти. Впрочем, тут не было моей вины. Неудачный брак короля, устроенный Кромвелем, оказался роковой ошибкой, предрешившей его участь. И все же, припав головой к шелковистому лошадиному боку, я дал волю слезам. Я оплакивал незаурядного человека, достигшего, казалось бы, беспредельного могущества, а ныне низвергнутого в Тауэр, мрачный застенок, куда он отправил столько своих врагов.

– О, как жаль, – вслух шептал я. – Как жаль, что все так случилось.

Потом я вспомнил о нависшей надо мной опасности.

«Надо взять себя в руки», – сказал я себе, вытер глаза рукавом, вскочил в седло и направился в Сити.

У меня оставалось еще одно неотложное дело.

Джозеф был прав: люди на улицах во всеуслышанье обсуждали падение лорда Кромвеля. Вглядываясь в лица прохожих, я убедился, что преобладающим их выражением является страх. Несмотря на всю свою жестокость, Кромвель сумел обеспечить порядок в стране, охваченной смутой и неурядицами. К тому же Лондон был городом сторонников Реформации; меры, направленные на возвращение старой религии, вряд ли вызвали бы здесь воодушевление. Я услышал, как кто-то громко заявил: «Теперь король женится на Кэтрин Говард!» – и резко обернулся к говорившему. Но то был всего лишь юный подмастерье, который наверняка сам не знал, что болтает; заметив мой взгляд, он счел за благо прикусить язык. Около одной из церквей толпа в молчании наблюдала, как королевские стражники уводят прочь священника, вне всякого сомнения, сподвижника Кромвеля. Я поспешно отвернулся. Будучи ревностным реформатором, я всегда полагал, что в Лондоне мне ничего не угрожает; ощущение собственной безопасности сохранилось и после того, как реформаторский мой энтузиазм пошел на убыль. Теперь я ощущал, что город враждебен мне. «Как, должно быть, тяжело и трудно живется здесь

Гаю», – подумал я.

Перед Стеклянным домом царила суета. У дверей стояла карета, запряженная четверкой лошадей, и слуги грузили в нее сундуки и ящики. Я спешился и спросил, дома ли леди Онор.

– Как о вас доложить, сэръ... эй, куда вы!

Но, не слушая слугу, я привязал Предка к ограде и ворвался в дом, едва не сбив с ног камеристку, которая попала мне навстречу с целой охапкой роскошных шелковых платьев. Я побежал наверх, в гостиную.

Леди Онор стояла у камина, проверяя по списку вещи, уложенные в сундук; другой сундук, уже закрытый, слуги тащили к дверям. На леди Онор было легкое закрытое платье, вполне подходящее для дальнего путешествия в жаркий летний день.

– Леди Онор, – тихо окликнул я.

От неожиданности она вздрогнула, и щеки ее слегка порозовели.

– О Мэтью. Я не ждала вас...

– Я вижу, вы уезжаете...

– Да, в свое имение, прямо сегодня. Разве вы не слышали о...

– О падении лорда Кромвеля? Конечно слышал.

– Один мой друг, занимающий видное положение при дворе, сообщил, что герцог Норфолкский недоволен той ролью, которую я сыграла во всей этой истории с греческим огнем. По его мнению, я действовала на стороне Кромвеля. И слишком охотно помогала вам, – добавила она с неожиданной резкостью.

– Но вы вообще не имеете отношения к греческому огню и...

– Да, Мэтью, мы с вами это прекрасно знаем, – с горьким смехом заявила леди Онор. – Но для того, чтобы навлечь на себя гнев сильных мира сего, вовсе не надо совершать каких-либо проступков. Нам с вами это тоже прекрасно известно. Несколько близких моих знакомых, из тех, что частенько обедали в этом доме, уже брошены в Тауэр. И мне настоятельно посоветовали на время исчезнуть из города и оставаться в своем поместье до тех пор, пока волнение не уляжется.

– Значит, Норфолк добился своего.

– Скорее всего, в ближайшие дни будет объявлено о разводе короля с Анной Клевской и о предстоящем браке с Кэтрин Говард.

– Господи боже.

– И зачем только вы втянули меня в это дело! – выпалила она с нескрываемой досадой. – По вашей милости мне придется похоронить себя в Линкольншире. И одному Богу известно, как долго продлится мое изгнание.

Наверное, боль, которую причинили мне эти слова, отразилась на моем лице, потому что леди Онор смягчилась:

– Простите за резкость, Мэтью. Я ненавижу собираться в дорогу. От этих хлопот голова идет кругом.

Взгляд ее скользнул по моему перевязанному запястью.

– О, я вижу, вы ранены?

– Пустяки. Я тоже уезжаю. В Центральные графства.

Она внимательно взгляделась в мое лицо и кивнула.

– Понимаю. Да, вам необходимо уехать. А как разрешилось дело той девушки из семейства Уэнтворт?

– Ее признали невиновной и освободили, – сказал я и добавил со вздохом: – Мне удалось найти ответы на все вопросы, связанные с греческим огнем. Но было слишком поздно.

Леди Онор предупреждающе вскинула руку.

– Мэтью, об этом я не желаю слышать. – Да, конечно. Простите. Онор, я хотел сказать...

– Разве я более не леди? – перебила она со своей обворожительной улыбкой.

– Вы истинная леди и всегда ею останетесь. Но я хотел лишь сказать, что мы оба собираемся в Центральные графства, – выпалил я неожиданно для себя самого. – Почему бы нам вместе не проделать путь до Нортгемптона? Да и жить мы будем почти по соседству. Летом дороги не так плохи, и мы могли бы иногда встречаться...

Лицо леди Онор вспыхнуло. Она отступила на несколько шагов, и я устремился вслед за ней. Безумная решимость овладела мною. Но леди Онор вскинула руку.

– Нет, Мэтью, – произнесла она, и в мягком ее голосе послышались железные нотки. – Мне очень жаль, но нам более не следует встречаться.

– Будь он проклят, мой горб, – прошептал я, испустив горестный вздох.

Леди Онор шагнула ко мне и сжала мою руку. Глаза наши встретились.

– Поверьте, Мэтью, ваша наружность кажется мне чрезвычайно привлекательной, – едва слышно произнесла леди Онор. – Черты ваши благородны, как у лорда. Помните, я говорила вам об этом в тот день, когда мы гуляли вдоль реки. Но... – Она замешкалась, словно подбирая слова. – Тогда я еще сказала, что некоторые представители низших сословий, наделенные выдающимися способностями, могут вырваться из своего круга и достичь высокого положения...

– При чем тут высокое положение, – нетерпеливо перебил я. – Если вы имеете в виду меня...

– Положение в обществе – это все для меня, Мэтью, – покачив головой, произнесла леди Омор. – Не забывайте, я принадлежу к роду Вогенов. Когда я имела счастье познакомиться с вами, вы относились к числу людей, перед которыми открыто большое будущее. Подобно моему покойному мужу, вы могли многого добиться. Но теперь, учитывая последние события, ваши перспективы далеко не столь радужны. Увы, вам не суждено преодолеть разделяющее нас расстояние, Мэтью. И я не могу к вам спуститься. – Она вновь покачала головой.

– Значит, вы меня не любите.

– Любовь – это всего лишь детская фантазия, – с грустной улыбкой изрекла леди Омор.

– Вы полагаете?

– Я в этом не сомневаюсь, – пожала плечами леди Омор. – Вы нравитесь мне, Мэтью. Я высоко ценю ваши достоинства. Но положение моей семьи для меня важнее всего. Если бы вы происходили из знатного рода, вы поняли бы меня.

Она устремила на меня долгий, исполненный нежности взгляд.

– Но вы меня никогда не поймете. Прощайте, Мэтью, и берегите себя.

И, шурша шелковыми юбками, она вышла из комнаты.

Час спустя я выехал из Криплгейт. Перед воротами тянулась длинная вереница людей, желающих покинуть Лондон. На лицах многих застыл страх. Я опасался, что королевские стражники остановят меня, однако никто не стал чинить мне препятствий. Оказавшись за городской стеной, я пустил коня во весь опор, мимо Шоредича и бесконечной цепочки ветряных мельниц; лишь в Хэмпстед-Хит я остановился. Съехав с дороги в высокую траву, я бросил прощальный взгляд на город. В тусклом свете пасмурного дня смутно вырисовывались очертания Тауэра, где сейчас томился Томас Кромвель. Река несла свои темные воды мимо этой мрачной и величественной крепости. Издалека Лондон выглядел спокойным и безмятежным; трудно было поверить, что город этот охвачен паникой и очередное политическое противостояние ныне достигло наибольшей остроты. Меня охватила усталость. Поборов отчаянное желание упасть на траву и забыться сном, я вновь взобрался в седло.

– У нас впереди дальний путь, дружище, – сказал я, похлопав Предка по холке, натянул поводья и поскакал на север.

ЭПИЛОГ

30 июля 1540 года

Я медленно брел от Канцлер-лейн к Темплу, оглядываясь по сторонам. Мне любопытно было узнать, какие перемены произошли в Лондоне за время моего почти двухмесячного отсутствия. Люди, как и всегда, спешили по своим делам, хотя прохожих было несколько меньше, чем обычно. Ходили упорные слухи о том, что на восточных окраинах вспыхнула чума, и многие жители решили покинуть город. Оставшиеся могли развлекаться при помощи впечатляющих зрелищ, которых сегодня намечалось два: в Тайборне и Смитфилде.

Несколько дней назад я получил письмо от Барака. Оно было коротким и деловым.

«Мастер Щардлейк, — говорилось в письме, — я вернулся в Лондон. На королевской службе у меня остались надежные друзья, которые заверили меня в том, что я могу вернуться в город без всяких опасений. То же самое они утверждают в отношении вас. Лорд Кромвель обречен, но ни один из его людей не пострадает — в том случае, разумеется, если они будут вести себя достаточно благоразумно. Вайат и многие сподвижники лорда Кромвеля вышли на свободу. Лишь наиболее упорные реформаторы остаются в заточении. Если вы пожелаете вернуться в Лондон и встретиться со мной, я расскажу вам больше. Надеюсь, вы полностью оправились от телесных и душевных потрясений, связанных с нашим совместным расследованием.

Дж. Б.»

Письмо это полностью подтверждало слухи, к тому времени уже достигшие Центральных графств. Преследования, которым подверглись сторонники Реформации, в противоположность ожиданиям, оказались не столь уж суровыми. Правда, на учение Лютера был наложен строжайший запрет, и сегодня трем протестантским проповедникам, среди которых был и Роберт Барнс, ближайший друг Кромвеля, предстояло взойти на костер в Смитфилде. Однако в тот же час в Тайборне должна была состояться казнь трех папистов, которых ожидала виселица. Король заявил, что ни одна из сторон не одержала победы и тем, кто уповает на возвращение власти Рима, придется отказаться от своих надежд. К всеобщему удивлению, архиепископ Кранмер сохранил свое высокое положение. Поспешный развод короля с Анной Клевской был одобрен церковью, и со дня на день

ожидали известия о помолвке монарха с юной Кэтрин Говард. Однако же ни герцог Норфолкский, ни кто-либо другой пока не занял места Кромвеля. Высокие должности, некогда дарованные ему, были распределены между несколькими вельможами. Поговаривали, что впервые за тридцать лет Генрих намерен управлять страной самостоятельно, отказавшись от помощи первого министра. Подобное намерение короля, несомненно, служило для герцога Норфолкского источником горького разочарования.

Прибыв в город ранним утром, я, к великому своему облегчению, убедился, что дома все в порядке. Джоан совсем извелась за время моего длительного отсутствия, которому предшествовало несколько тревожных недель. Оказавшись в одиночестве, бедная женщина воображала себе всякие ужасы. Я заверил ее, что отныне жизнь моя войдет в мирное и спокойное русло.

Минувшим вечером, остановившись на ночлег в Беркхемстеде, я услышал за ужином в харчевне, что Кромвель казнен. Человек, который привез эту весть из Лондона, сообщил, что палач скверно справился со своей работой и вынужден был нанести несколько ударов, прежде чем голова осужденного отделилась от тела. «Нет такой шеи, которая в конце концов не поддастся бы топору!» – громко воскликнул один из посетителей харчевни, и собравшиеся встретили его слова громким хохотом. Я тихо встал из-за стола и поднялся в свою комнату.

Передо мной блеснули темные воды Темзы. Ощувив легкий ветерок с реки, я снял шляпу и вытер пот со лба. Изнуряющая жара, вернувшаяся вскоре после падения Кромвеля, с тех пор не давала городу ни малейшей передышки. Я окинул глазами площадку спуска. Барак уже ждал меня, в том самом месте, которое я назначил в своем ответном письме. Волосы его успели отрасти, и в своем лучшем зеленом камзоле он имел вполне respectable вид. На поясе у него, как обычно, висел меч. Он стоял чуть в стороне от людей, желающих нанять лодку. Облокотившись на парапет, Барак задумчиво глядел на воду. Я коснулся его плеча. Стоило Барак увидеть меня, угрюмое выражение, застывшее на его лице, сменилось широкой улыбкой. Он протянул мне руку.

– Ну, как вы провели эти два месяца?

– Неплохо, Барак. Отдыхал и набирался сил. А вы? – О, я уже давно возвратился в Олд-Бардж и весьма этому рад. Эссекс – слишком тихое место для меня. От всех этих деревенских просторов у меня начинает кружиться голова.

– Пожалуй, я разделяю ваши чувства, – кивнул я. И в самом деле, длительное пребывание на ферме излечило меня от тоски по сельской

жизни. Прогулки по выжженным солнцем полям, бесконечные жалобы на засуху, которыми с утра до вечера донимали меня отец и управляющий, – все это успело изрядно мне надоесть. И я был согласен с Баракком в том, что деревенские просторы не радуют, а тревожат взор горожанина.

– Бывший наш патрон умер два дня назад. Вы знаете об этом? – спросил Баракк, и лицо его вновь приняло угрюмое выражение.

– Знаю. По слухам, смерть его не была легкой, – добавил я, понизив голос.

– Да. Я видел это собственными глазами. Во взоре Баракка вспыхнули мрачные огоньки.

– Теперь его голова выставлена на Лондонском мосту. Повернута лицом в сторону, противоположную Сити, ибо даже после смерти он не должен смотреть на короля. Стоит ли говорить, что милорд принял смерть мужественно и отказался признать истинность возводимых на него обвинений.

– Иначе и быть не могло, – заметил я, покачав головой. – Все эти обвинения просто смехотворны. Кто поверит, что Томас Кромвель состоял в заговоре против короля? Всю свою жизнь он верой и правдой служил Генриху Тюдору.

– Что ж, обвинение в государственной измене – лучший способ избавиться от того, кто стал неугоден королю, – пожал плечами Баракк. – Когда его арестовали прямо во время торжественного обеда, он во всеуслышание воскликнул: «Я не изменник!» и бросил шляпу на пол. А этот негодяй Норфолк сорвал с него орден Подвязки.

– А что слышно о Норфолке? – спросил я. – Вы уверены, что он не собирается нас преследовать?

– Уверен. У меня есть друзья, которые хорошо осведомлены обо всех придворных делах. И они утверждают, что Норфолк оставит нас в покое. Не в его интересах, чтобы вся эта история с греческим огнем вышла наружу. А я упомянул, где надо, что об этой аванюре осведомлены не только мы двое. И если с кем-нибудь из нас случится несчастье, остальные не будут молчать.

– Рискованное заявление, – заметил я, искоса взглянув на Баракка. – Как бы оно не наделало нам вреда.

– Напротив, оно обеспечит нашу безопасность. Можете мне поверить, я знаю, что делаю.

– А о Кайтчине вам что-нибудь известно? И о вдове Гривстуд с сыном?

– Они в безопасности. Как только стало известно о падении лорда Кромвеля, они бежали из города вместе с человеком, который охранял их

дом. А где они сейчас, не знаю.

– Значит, вы полагаете, нет никаких препятствий, мешающих мне вернуться к адвокатской практике? – осведомился я.

– Ровным счетом никаких, – кивнул Барак. – Вы сможете сделать это хоть завтра. Если хотите, конечно.

Я облокотился на парапет, так как спина моя отчаянно ныла после длительного переезда верхом. Барак последовал моему примеру. Некоторое время мы молча глядели на воду. Я старался не смотреть в сторону Лондонского моста.

– Я боялся, что расправа над сторонниками Реформации будет куда более жестокой, – заметил я. – Правда, сегодня взойдет на костер Роберт Барнс. Я не получал никаких известий от Годфри и опасаясь за него. И в то же время в Тайборне казнят трех католиков, – добавил я, искоса глядя на Барака. – Король никогда не вернет английскую церковь под власть Папы, так что Норфолк просчитался, – проворчал Барак. — Королю слишком нравится самому быть главой церкви. Старый надутый болван, – добавил он с самым невозмутимым видом. – Как вы думаете, могли мы спасти лорда Кромвеля? – спросил он, вперив в меня пронзительный взгляд. – Догадайся мы вовремя, что Грей предатель, все, возможно, сложилось бы иначе?

– Этот вопрос мучил меня много дней и ночей подряд, – признал я с глубоким вздохом. – И в конце концов я решил, что мы ничего не могли изменить, Барак. Устроив брак короля с Анной Клевской, Кромвель совершил роковой шаг. Для того чтобы спастись, ему нужно было предать королеву Анну и, самое главное, отказаться от Реформации. А он никогда не запятнал бы себя подобным отступничеством. Возможно, это не так, – добавил я с грустной улыбкой. – Но мне спокойнее думать, что в падении Кромвеля нет нашей вины.

– Думаю, вы правы, – сказал Барак. – Лорд Кромвель никогда не поступался своими принципами. И в конце концов это его погубило.

– Да, и сам он во имя этих принципов погубил множество жизней.

Барак покачал головой, но ничего не ответил. Мы вновь погрузились в молчание. Я заметил, что у спуска к воде причалила лодка. Пассажиры, сидевшие в ней, были мне хорошо знакомы. Я слегка толкнул Барака локтем.

– Сейчас вам предстоит еще одна встреча. Кое-кто из ваших давних знакомых очень хотел вас увидеть...

– Кто?

Проследив за моим взглядом, Барак увидал, как из лодки высадился

Джозеф Уэнтворт. Он протянул руку молодой женщине в темном платье, помогая ей сойти на ступеньки.

– Неужели это...

– Да, это Элизабет, – кивнул я.

Элизабет, опираясь на руку Джозефа, уже поднималась по ступенькам. Я поспешил к ним навстречу, а Барак последовал за мной.

Джозеф горячо пожал мою руку и обернулся к Бараку.

– Рад вас видеть, мастер Барак. Моя племянница хочет поблагодарить вас обоих.

– Меня-то за что благодарить? – смущенно пробормотал Барак. – Я ничего не сделал.

Элизабет вскинула голову. Волосы ее отросли, несколько непокорных темных завитков выбивалось из-под чепца. Впервые я смог как следует рассмотреть ее лицо, теперь не обезображенное ни царапинами, ни грязными разводами. Вне всякого сомнения, Элизабет была очень милостива, однако выражение ее лица свидетельствовало о твердом и решительном характере. Взгляд ее, прежде источавший ярость и отчаяние, ныне был ясен и полон беспредельной грусти.

– Нет, сэр, вы сделали очень много. – Голос Элизабет слегка дрогнул, и она крепче сжала руку своего дядюшки. – Я знаю, что вы спускались в тот ужасный колодезь. Бабушка моя хотела вас убить, и это ей едва не удалось.

Элизабет взглянула прямо в глаза Бараку.

— Я помню, как в тюрьме вы заговорили со мной, сэр. Ваши слова помогли мне осознать, что, решившись молча выносить страдания, я никому не принесу добра. Напротив, причиню зло не только себе, но и моему доброму дяде. Вы заставили меня на многое взглянуть по-новому.

– Если я действительно помог спасти вас, сударыня, это для меня великая честь, – с низким поклоном произнес Барак.

Теперь я считаю себя вечной должницей вас обоих. Я вела себя ужасно, и все же вы не отказали мне в своей помощи и поддержке. Вы оба и дядя Джозеф. Губы Элизабет задрожали, и она вновь склонила голову.

– Тот, кто считает, что страдание облагораживает человека, заблуждается, – мягко сказал я. – Как правило, страдание ведет к озлоблению. Не вините себя слишком сурово, Элизабет. Самоуничтожение – одна из разновидностей добровольного мученичества. Оно никому не идет на пользу.

– Вы правы, сэр, – проронила Элизабет, взглянув на меня с грустной улыбкой.

Джозеф погладил ее руку.

– Элизабет еще не успела оправиться от перенесенных потрясений, – произнес он. – Жизнь в деревне действует на нее благотворно, а пребывание в Лондоне, напротив, навеивает слишком тягостные воспоминания. Однако она настояла на том, чтобы приехать сюда. Ей давно хотелось лично выразить вам свою признательность.

– Мы счастливы, что смогли оказать услугу Элизабет, – улыбнулся я и после недолгого колебания спросил: – Джозеф, а как поживает ваш брат?

– Для него стало тяжким ударом, когда Сабину признали виновной в непредумышленном убийстве. Теперь он намерен продать дом, чтобы обратиться к королю с просьбой о помиловании. Я навещаю его каждую неделю. Сейчас ему нужна поддержка.

Джозеф немного помедлил и сообщил:

– Мать моя скончалась.

– Я об этом не знал.

– В Ньюгейте, неделю спустя после ареста.

– Из-за последствий падения?

– Нет, она ударилась не так уж сильно, – покачал головой Джозеф. – Думаю, после того, как семья запятнала себя позором, у нее пропало всякое желание жить.

Я молча кивнул.

– Нам пора идти, – заметил Джозеф, взглянув на Элизабет. – Мы были очень рады вас увидеть. Нам обоим давно хотелось поблагодарить вас.

Джозеф и Элизабет пожали нам руки. Ручка Элизабет оказалась тонкой и хрупкой, как птичья лапка. Попрощавшись с нами, Джозеф повел племянницу наверх, на набережную. Проводив их взглядом, я отметил про себя болезненную худобу Элизабет.

– Как вы думаете, она поправится? – спросил Барак.

– Не знаю. Но, по крайней мере, теперь мы можем на это надеяться.

– Скажите, а с леди Онор вы встречались? – В глазах Барака мелькнуло знакомое мне насмешливое выражение. – Я слышал, она тоже уехала из Лондона.

– Вашей осведомленности можно позавидовать, Барак, – со смехом ответил я. – Нет, я более не встречался с леди Онор.

– Очень жаль, что у вас ничего не вышло.

– Нас разделяет слишком большое расстояние, – с горечью произнес я. – Положение в обществе чересчур много значит для леди Онор. Как и для старухи Уэнтворт, – нахмурившись, добавил я. – Впрочем, к чему об этом говорить. Думаю, мне бы быстро наскучили все эти званые вечера и торжественные приемы. Я предпочитаю оставаться простым адвокатом и

заниматься своим делом. Кстати о делах, – со вздохом произнес я, – мне надо, не откладывая, отправиться в Линкольнс-Инн и просмотреть свои бумаги. Процесс Билкнэпа еще не закончен. Я должен обратиться в суд лорд-канцлера.

– Не забывайте, что этим вызовете гнев Ричарда Рича. А он – опасный враг.

– Ничего, я сумею за себя постоять. – Я вдохнул воздух полной грудью. – На то и существует закон, чтобы соблюдать его. На то и существуют законники, чтобы добиваться справедливости. Разумеется, в том случае, когда это возможно.

– А мастера Скелли вы уже видели?

– Да, сегодня утром. Теперь, когда у него есть очки, он стал писать куда более четко. Хотя по-прежнему ужасно медленно.

Я помолчал, глядя на воду, потом негромко произнес:

– Мы, люди, чрезвычайно склонны к тому, чтобы унижать и мучить других людей. Невозможно без содрогания вспомнить, как поступили с Элизабет члены ее почтенного семейства. Но ведь и я мучил Скелли, хотя и невольно. Сторонники Реформации хотели разделаться с папистами, теперь паписты, в свою очередь, хотят уничтожить реформаторов. Неужели этой взаимной ненависти не будет конца?

Я устремил взгляд на север, в сторону Смитфилда, где уже разложили смертельный костер. Я знал, что клубы дыма будут видны на Канцлер-лейн. Для того чтобы сжечь человека заживо, требуется много дров. Трудно превратить живую плоть в пепел.

– Люди слишком охотно смиряются со страданиями, – заметил Барак. – Порой они словно испытывают удовлетворение, ощущая себя жертвами.

– Иногда они просто не в силах противостоять чужой злой воле. И со временем унижение становится для них привычным.

– Возможно, вы правы.

Я внимательно посмотрел на Барака. В голове у меня уже несколько дней вертелась одна идея, но я был отнюдь не уверен в том, что она относится к числу удачных.

– Годфри передал мне все свои дела, да и в моем ведении оставалось несколько исков, – наконец произнес я. – Работы предстоит много и, думаю, вскоре будет еще больше. Склонность, которую жители Лондона питают к сутяжничеству, растет день ото дня.

Одного Скелли мне недостаточно. Мне нужен смысленный помощник, с которым я мог бы обмениваться мыслями и соображениями. Человек, способный производить дознание и выявлять скрытые обстоятельства. Я

так полагаю, сейчас вы нигде не служите?

Барак бросил на меня удивленный взгляд. Однако я прекрасно понимал, что удивление это было не вполне искренним. С самых первых мгновений нашей встречи я догадался, что Барака привело сюда отнюдь не только желание поболтать со мной. Скорее всего, в глубине души он ждал подобного предложения.

– Я не собираюсь больше служить сильным мира сего, – пожал плечами Барак. – К тому же в Лондоне каждая собака знает, что я работал на лорда Кромвеля.

– А на меня вы могли бы работать? Вы ведь представляете, в чем заключаются обязанности помощника адвоката?

– Представляю. И думаю, что справлюсь с ними.

– А вы не боитесь оставаться в Лондоне? Ходят слухи, что в Айлингтоне вновь вспыхнула чума.

– В этом городе постоянно чума, – пренебрежительно пожал плечами Барак.

– Должен предупредить, что работа может показаться вам утомительной и скучной. Вам придется привыкнуть к особому слогу, которым составляются деловые бумаги. Отныне вы будете использовать его, а не высмеивать. А еще вы должны научиться не давать воли своим чувствам и неизменно быть вежливым и любезным. Помните, судьи и законники привыкли к уважительному обращению. И прежде всего вам надо отказаться от своей привычки сыпать бранными словами. В качестве помощника адвоката вы уже не сможете величать олухами, болванами и канальями всех, кто вам не по нраву.

– Даже Билкнэпа? – Для такой продувной бестии, так и быть, сделаем исключение. Да, и вам придется обращаться ко мне «сэр».

Барак прикусил губу и сморщил нос, словно последнее мое требование поколебало его решимость. Я не сомневался, что все это чистой воды притворство. За время нашего знакомства я слишком хорошо изучил привычки Барака и теперь едва сдерживал смех.

– Буду счастлив служить вам, сэр, – изрек он наконец.

А потом совершил то, чего не делал никогда прежде, – отвесил мне низкий поклон.

– Превосходно, – кивнул я. – Что ж, идем на Канцлер-лейн. Вернемся к нашим обязанностям и посмотрим, что можно сделать, дабы навести порядок в этом мире. Хотя бы в малой степени.

Мы прошли через Темпл-гарденс. Пред нами тянулась Канцлер-лейн. Вдалеке, в Смитфилде, уже запылал смертельный костер. Река несла свои

воды к Лондонскому мосту, где на всеобщее обозрение была выставлена отрубленная голова Кромвеля. А меж Смитфилдом и рекой шумел и волновался город, который, как и всегда, нуждался в правосудии и справедливости.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

К началу лета 1540 года, самого жаркого в XVI веке, над головой Томаса Кромвеля, первого министра при дворе Генриха VIII, сгустились тучи. Прошло восемь лет с тех пор, как король избавился от владычества Рима и провозгласил себя главой церкви. Поначалу он всецело одобрял меры, направленные на проведение церковной реформы. Уничтожение монастырей, осуществленное Кромвелем, принесло королю огромные богатства. Генрих одобрил намерение Кромвеля и его сподвижника, архиепископа Кранмера, запретить во всех церквях проведение богослужений на латыни и приступить к печатанию Библии на английском языке.

Однако к концу 1530-х годов положение изменилось. Присущий Генриху религиозный консерватизм дал о себе знать. Король опасался, что отказ от привычной церковной иерархии может перерасти в попытку изменить классовую структуру общества, как это случилось в некоторых княжествах Германии. Королевские указы 1539 года знаменовали собой определенный поворот вспять в религиозной сфере.

Ситуацию обостряло изолированное положение Англии, оказавшейся в окружении католических государств. Папа настаивал на том, чтобы наиболее крупные из этих держав, Франция и Испания, сплотились и восстановили римский католицизм на охваченном ересью британском острове. Над Англией нависла угроза военного вторжения; огромные суммы тратились на перевооружение армии, строительство кораблей и укрепление южного побережья.

Кромвель настоятельно советовал королю (вдовствующему после смерти своей третьей жены, Джейн Сеймур, скончавшейся от родов в 1537 году) вступить в брак с принцессой какого-нибудь государства, входящего в Германскую протестантскую лигу. Он полагал, что подобный шаг будет способствовать дальнейшему проведению церковных реформ и улучшит международное положение Англии. Однако, выбрав в супруги своему монарху Анну Клевскую, Кромвель совершил роковую для себя ошибку. При первой же встрече с Анной король нашел ее до крайности непривлекательной и заявил, что не желает вступать с ней в плотские отношения. Генрих VIII неизменно стремился возложить ответственность за собственные промахи на чужие плечи. Хотя первоначально он одобрил проект брака с принцессой Клевской, теперь он обвинял Кромвеля в

неудачном выборе. Положение первого министра осложнилось из-за краха зарождавшейся франко-испанской коалиции. В отношениях между двумя крупнейшими католическими державами возродилась традиционная враждебность, и опасность военного вторжения в Англию стала менее значительной. Соответственно альянс с протестантскими княжествами, за который так ратовал Кромвель, был не столь уж необходим.

К тому же король, которому в то время было почти пятьдесят, увлекся юной племянницей герцога Норфолкского, Кэтрин Говард. Норфолк, глава религиозных консерваторов, по праву считался наиболее опасным врагом Кромвеля. Когда король принял решение развестись с Анной Клевской и сделать Кэтрин своей пятой женой, Кромвель оказался в ловушке. Прежде именно он помогал королю избавиться от ставших ему неуютными жен – Катерины Арагонской и Анны Болейн. Но появление рядом с монархом супруги из дома Говардов неминуемо ставило под угрозу и власть Кромвеля, и проводимый им процесс реформации. Возможно, предположения моего героя Шардлейка справедливы, и, способствуя новому разводу короля, Кромвель сумел бы в очередной раз выйти сухим из воды и сохранить свое высокое положение. Однако он, напротив, приложил все усилия, чтобы сохранить брак Генриха с Анной Клевской, и тем самым переполнил чашу терпения короля.

Тем не менее внезапное свержение Кромвеля поразило современников и до сих пор служит для историков источником множества загадок. Всесильный первый министр был арестован по наспех сострепанному обвинению в государственной измене, 10 июня 1540 года, во время обеда с участием членов королевского совета. История с греческим огнем, якобы сыгравшая роковую роль в падении Кромвеля, разумеется, всецело является плодом моего воображения. Это всего лишь попытка художественными средствами заполнить одно из белых пятен истории. Я не погрешил против фактов, утверждая, что все сподвижники Кромвеля, включая сэра Ричарда Рича, незамедлительно предали его. Секретарь Грей является вымышленной фигурой, но, полагаю, в исторической реальности можно найти множество его прототипов.

Томас Кромвель был казнен 28 июля 1540 года. Генрих развелся с Анной Клевской, которая была счастлива расстаться со столь суровым супругом, и на следующий день после казни Кромвеля тайно обвенчался с Кэтрин Говард. Брак продлился всего лишь год и завершился новой трагедией.

Тем не менее возвращения Англии в лоно Римско-католической церкви, на которое уповали противники Кромвеля, не произошло. Остаток своего

правления Генрих обходился без первого министра, срамливая друг с другом различные политические группировки. Год спустя после казни Кромвеля король горько сетовал на то, что его обманом вынудили принести в жертву «своего самого верного и преданного советника». Герцог Норфолкский в скором времени впал в немилость.

Считается, что греческий огонь представляет собой соединение нефти и некоторых древесных смол. В книге упоминается о том, что примитивный огнемет был изобретен в Константинополе в VII веке. Византийцы использовали его в морских сражениях с арабской флотилией. Секрет конструкции огнемета передавался от одного византийского императора к другому и в конце концов был утерян. Впрочем, воспоминания о грозном оружии сохранялись еще долго и нашли отражение во многих исторических трудах.

Разумеется, даже если бы принципы конструкции огнемета стали известны в Европе эпохи Ренессанса, европейцы не могли бы использовать это оружие, так как в это время они не имели представления о нефти. К тому же все месторождения нефти находились на территориях от Черного моря до Среднего Востока и Северной Африки, то есть принадлежали постоянно расширяющейся Османской империи. Европа, ослабленная политическими и религиозными разногласиями, на протяжении всего XVI века пребывала в состоянии постоянной войны с этой державой. Однако настали времена, когда Западная Европа смогла преодолеть упадок и достичь расцвета во многих сферах, в том числе и в сфере производства оружия. Там, как и в Америке, было изобретено оружие, в сравнении с которым греческий огонь представляется детской забавой.

БЛАГОДАРНОСТИ

Поиск сведений, необходимых для романа «Темный огонь», заставил меня обратиться к самым разнообразным источникам. В период, когда я только приступал к работе над книгой, четвертый канал телевидения оказал мне неоценимую услугу, показав документальный фильм «Забывтые машины. Огнемёт» (2003). В этом фильме Джон Хэлдон, профессор Бирмингемского университета, с успехом воспроизводит как состав греческого огня, так и модель аппарата для его метания. Я воспользовался результатами его изысканий и теперь приношу глубокую благодарность ему лично и другим создателям программы.

Многие факты, нашедшие отражение в романе, я почерпнул из книг, посвященных Лондону эпохи Тюдоров, в частности из труда Лайзы Пикард «Лондон времен Елизаветы» (Вейденфелд и Николсон, 2003), Гамини Салгадо «Изнанка Елизаветинской эпохи» (Соверен, 1977), Джона Скофилда «Дома средневекового Лондона» (Издательство Йейльского университета, 1995), Джона Стоу «Лондонское обозрение» (впервые опубликовано в 1598 году, переиздано в 1999-м, «Гэнзи-пресс компани»). Все эти книги помогли мне представить, как выглядели дома и улицы города в описываемое мною время. Книга «Азбукаелизаветинского Лондона» (Гарри Марджери, 1979) помогла мне путешествовать по городу вместе с моими героями.

Фундаментальное исследование сэра Джона Х. Бейкера «Введение в историю английского закона» оказало мне существенную помощь во всем, что касается профессиональной деятельности моего героя. Книга Эдриенн Мэйер «Греческий огонь, отравленные стрелы, бомбы, начиненные скорпионами, – биологическое и химическое оружие Древнего мира» («Оверлук-пресс», 2002) послужила важнейшим источником сведений относительно истории греческого огня. Книга Аллана Дж. Дебуса «Человек и природа эпохи Ренессанса» (Издательство Кембриджского университета, 1978) открыла для меня мир средневековой алхимии. Богато иллюстрированная книга Рены Гардинер «История Святого Варфоломея» («Уоркшоп-пресс», 1990) помогла мне представить, как в те годы выглядел монастырь Святого Варфоломея, один из немногих, уцелевших в период повсеместного уничтожения монастырей. Я очень благодарен Джеймсу Дьюэру, казначею Линкольнс-Инна, показавшему мне Большой зал, и еще миссис Бернстейн, сотруднице Лондонского музея иудаизма, за сведения

относительно истории английского еврейства и еврейских имен, используемых в Англии. Также я очень признателен Виктору Танкелю из седленского Общества изучения истории закона за его ценные советы и консультации. Если в книге встречаются неточности, то, вне всякого сомнения, я допустил их по собственной вине.

В самом начале работы над романом я попал в серьезную автомобильную катастрофу. Выражаю свою сердечную признательность многим людям, без помощи и поддержки которых эта книга вряд ли была бы написана. Прежде всего я хочу поблагодарить Майка Холмса и Тони Маколея, которые поделились со мной своими предположениями о возможной механике заговора против Кромвеля. Без их советов я, в научном отношении полный невежда, неминуемо заблудился бы в дремучем лесу исторических концепций. Отдельное спасибо Майку за то, что он указал мне на отсутствие в описываемую эпоху веществ, способных заменить нефть, и Тони за идею, связанную с водкой.

Майка и Тони, а также Роз Броди, Яна Кинга и Уильяма Шоу я должен поблагодарить и за то, что они внимательно прочли книгу в рукописи и дали мне множество ценных указаний. Я очень признателен своему агенту, Энтони Топпину, а также своим редакторам Марии Рейт, Кэтрин Курт и Лиз Коуэн за помощь и советы. Особую свою благодарность выражаю Фрэнки Лоренс, моей замечательной помощнице, которая не только перепечатала мою рукопись, но и ездила в Лондон за необходимыми книгами в тот период, когда я не мог выйти из дома.

Примечания

1

Наказание за непослушание властям (фр.)

[FbAutId_1](#)

Барристер (англ. barrister, от bar – барьер, отделяющий судей от подсудимых), высшее звание адвоката в Великобритании. (Здесь и далее примечания редактора.)

[FbAutId_2](#)

3

Джентри (англ. gentry), среднее и мелкое дворянство в Англии XVI-XVII вв., сумевшее приспособиться к развитию капитализма (основная часть т. н. нового дворянства).

[FbAutId_3](#)

Английская золотая монета. (Прим. перев.)

[FbAutId_4](#)

«Избранные места из корпуса герметических наук» (лат.)

[FbAutId_5](#)

Стил-Ярд – «Стальной двор», колония ганзейских купцов.
[FbAutId_6](#)

7

Имя происходит от англ. *rodger* – спать, жить с кем-то. (Прим. перев.)
[FbAutId_7](#)

Выгода превыше всего (лат.)

[FbAutId_8](#)

FB2 document info

Document ID: d6a1e381-5b73-102a-990a-1c76fd93e5c4

Document version: 1

Document creation date: 2007-05-24

Created using: FB Tools software

Document authors :

- Roland

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon